

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

Алтейя

Книжная серия
«ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
основана в 2001 году
при поддержке
Фонда Дж. Д. и К. Т. Макартуров

Редакционный совет серии

Рози Брайдотти
Ольга Воронина
Елена Гапова
Элизабет Гросс
Татьяна Жданова
Ирина Жеребкина —
председатель
Елена Здравомыслова
Татьяна Клименкова
Игорь Кон
Тереза де Лауретис
Джулиет Митчелл
Миглена Николчина
Наталья Пушкарева
Джоан Скотт
Анна Темкина

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Институт истории

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории

Научно-образовательный центр по истории

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

Под редакцией Л. П. Репиной,
А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

УДК 316.346.2(091)
ББК 60.54
Г34

*Издание подготовлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук РАН
«Власть и общество в истории»
по проекту «Гендер и власть в истории»*

Гендер и общество в истории / под ред. Л. П. Репиной, А. В. Сто-
говой, А. Г. Суприянович. — СПб. : Алетейя, 2007. — 696 с. — (Серия
«Гендерные исследования»).

ISBN 978-5-903354-62-7

В сборнике представлены научные статьи, освещающие гендерную историю общества. На большом конкретно-историческом материале — от античности до современности — рассматриваются модели распределения власти между полами, формы их фиксации и передачи, способы, условия и причины их трансформации, степень влияния в этом процессе личностных факторов.

УДК 316.346.2(091)
ББК 60.54

ISBN 978-5-903354-62-7

9 785903 354627

- © Л. П. Репина, общая редакция, составление, 2007
- © А. В. Стогова, общая редакция, составление, 2007
- © А. Г. Суприянович, общая редакция, составление, 2007
- © Институт всеобщей истории РАН, 2007
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007
- © «Алетейя. Историческая книга», 2007

От редакторов

В сборнике представлены научные статьи, освещающие гендерную историю общества. На большом конкретно-историческом материале – от античности до современности – рассматриваются модели распределения власти между полами, формы их фиксации и передачи, способы, условия и причины их трансформации, степень влияния в этом процессе личностных аспектов.

Важное место в этих исследованиях занимает проблема властных отношений, в том числе изучение в этом контексте одного из древнейших иерархических институтов человеческого общества – семьи. Даже в патриархатных сообществах распределение и осуществление властных полномочий отнюдь не является очевидным и осуществляется не только через традиционные способы властвования, но и с помощью пока мало исследованных неявных механизмов. В основном речь идет о так называемых «женских» способах влияния, – что не означает их использования исключительно женщинами, – очевидно не вписанных в публичные структуры власти и слабо в этом смысле институализированных (что опять же не отвергает существование сложившихся форм и традиций их применения, которых неукоснительно придерживались), но, тем не менее, как показывают конкретно-исторические исследования, в силу обычая имеющих весьма серьезное политическое значение и влияние. Эта проблематика напрямую затрагивает проблему так называемых публичной и приватной сфер, их взаимоотношения и соотношения с различными политическими системами.

Работы, освещающие историю конкретных семей и семейных отношений отдельных исторических лиц, позволяют понять, как функционировали гендерные структуры, насколько реальная практика расходилась с доминирующими в обществе гендерными представлениями и как влияла на них, в какой степени гендерное поведение личности находилось под социальным принуждением, и в какой степени было независимым,

---

какова в этой связи была степень социального влияния на формирование гендерной идентичности.

Другой важной темой, рассматриваемой в этой связи, являются способы воспроизводства существующих политических отношений в их гендерном измерении через различные практики социализации, в первую очередь детей, и в этой связи анализ соотношения индивидуального и коллективного, свободы личности и социального принуждения, индивидуализма и социального программирования.

Важной составляющей, определяющей взаимодействие гендера и власти, являются гендерные представления и стереотипы. В сборнике рассматриваются их возникновение, передача, репрезентация в том числе в сфере образования, вплоть до сохранения и проявления в современной культуре. Представления о «феминном» и «макулинном», характерные для различных эпох и культур, напрямую отражают доступ и принадлежность к власти. Особенно показательны социально значимые и востребованные качества в мужчинах и женщинах, и особенно интересны разные требования, предъявляемые к одним и тем же качествам у разных полов. Не менее интересны случаи «приписывания» по признаку пола качеств и свойств, не имевших места в действительности.

А.А.Павлов

Брак: любовь или добродетель (античные этюды)

*Всякая женщина – зло. Но дважды бывает хорошей:
Или на ложе любви, или на смертном одре.
Паллад*

Институт брака в античности, хотя и, возможно, не полно, изучался в отечественной литературе¹, поэтому мы не намерены рассматривать его здесь сколь-нибудь подробно. Для нас важнее весьма показательный для понимания античной любви вопрос о ее соотношении с брачными узами.

Сравним привычные для нашего слуха русские слова «брак» и «супружество» («супруг», «супруга») со словом «любовь». Очевидно, что, по крайней мере, с точки зрения языка, между ними нет никакой связи. Слово «брак» произошло от слова «братъ» (братъ в жены)², а «супруг» – есть ни что иное, как «соединенный», «сопряженный», «запряженный» (в одной упряжке)³. Со словом же любовь в русском языке связаны совсем другие слова – любовница и любовник. Однако такая «несправедливость» присуща не только русскому языку. Эта традиция уходит корнями в глубокую древность и связана с различной

---

¹ См.: *Смирин В.М.* Римская «familia» и представления римлян о собственности //Быт и история в античности. М., 1988. С. 18-40; *Он же.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян //Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985; *Майорова Н.Г.* Семья в Риме VII-VI в. до н.э. //Античность Европы. Пермь, 1992. С. 3-8; *Женщина в античном мире.* М., 1995; *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи древней Греции и Рима. М., 1988; *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. М., 1994; *Он же.* Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995; *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. М., 1990 и др.

² *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989. С. 40.

³ Там же. С. 413.

природой двух феноменов – брака и любви⁴. В античной традиции брак и любовь противопоставляются уже в греческой мифологии. Брачные отношения являются здесь производными. Они появляются по мере эволюции космоса из Хаоса, в то время как Эрос, согласно Гесиоду, был богом непр производным. Эрос – природная данность, брак – социальный институт. На этом противоречии любви-брака строится вся дихотомия античного космоса. Обратимся к античной традиции и посмотрим, как трактуется она в «Одиссее» Гомера и «Домострое» Ксенофонта, затем рассмотрим обычаи Спарты и, наконец, взглянем на любовную лирику римского поэта «золотого века» Овидия.

Нередко в подтверждение присутствия беззаветной любви в раннюю эпоху приводят пример Пенелопы⁵ – ведь она двадцать лет дожидалась Одиссея, ушедшего под Троию и не вернувшегося с остальными. При этом принимается во внимание только сам факт ожидания, что вряд ли само по себе может служить доказательством любви. Более же важен как раз контекст и цели автора. «Одиссея» – эпическое произведение с дидактическим оттенком. За непосредственным ее фасадом – повествованием о скитаниях Одиссея после похода против Трои – в поэме раскрывается многообразный мир семейно-брачных отношений, более того, сам мир (космос) проявляется в этих отношениях. Дидактичность поэмы очевидна и связана с нормативностью эпического бытия. Автор различными путями, то косвенно, через контекст, то непосредственно, через характеристику образов, указывает на должное и непотребное, на норму и отход от нее, на добро и зло. Через указанную нормативность и попытаемся взглянуть на этот мир.

---

⁴ В английском «брак» – marriage, «супруг» – husband, «супруга» – wife, а «любовь» – love. И любовник, как и в русском, как раз от него (lover). Не поможет нам и немецкий: «брак» – Ehe, «супруга» – Gattin, Gemahlin, Ehefrau, «супруг» – Gatte, Gemahl, Ehemann, «любовь» – Liebe. Как, впрочем, и французский: «брак» – mariage, «супруг(а)» – epoux (epouse), «любовь» – amour, «любовнику» – amant. А также итальянский: «брак» – matrimonio, «супруг(а)» – conjuge, «любовь» – amore. Можно вспомнить и латинский: «брак» – matrimonium, «супруг(а)» – conjunx, «любовь» – amor, «любовнику» – amator, «любовница» – amatrix.

⁵ См.: Чанышев А.Н. Любовь в античной Греции //Философия любви. Ч.1. М., 1990. С. 64-65.

Чтобы подтвердить значимость мира семьи в «Одиссее», взглянем на частотный словарь ее первой песни. Слова, связанные с семейно-брачными отношениями, являются здесь доминирующими. Перечислим их по мере уменьшения частотности: отец (πατήρ) – 16, дом (οἶκος) – 8, дом (δῶμα) – 7, мать (μητήρ) – 7, сын (υἱός) – 5, дочь (θυγατήρ) – 5, супруг (πόσις) – 2, муж (φῶς) – 2, супруга (ἀλοχος) – 2, супруга (ἀκοιτίς) – 1. Уже этот словарь говорит очень о многом⁶, но мы отметим пока лишь то, что супружеские отношения в рамках семьи оказались здесь на последнем месте. Весьма примечательно и употребление прилагательного любимый (φίλος) и глагола любить (φίλω). Прилагательное любимый употребляется Гомером очень часто (в первой книге оно уступает по частотности только прилагательному прекрасный – 8 и 9 раз соответственно). Однако, как правило, оно является определением не к слову супруга, а к таким как отец (I 94), дочь (I 278), отчизна (I 203), или гость (I 158; 307). Так же и глагол любить (φίλω), использованный Гомером в первой книге три раза, ни разу не относится к жене⁷.

Все это указывает на то, что любовь между супругами не рассматривается им как нечто важное для создания семьи. Реальные традиции в брачной сфере, описанные Гомером, с очевидностью подтверждают это. Здесь можно упомянуть, в частности, то, что решение о выдаче замуж и женитьбе принималось отцом. Оно обычно согласовывалось с желанием дочери (сына), но могло происходить и без него (IV 6). Очень часто Гомер сообщает о практике агона при выдаче замуж, когда невеста становилась даром лучшему из женихов за победу в состязаниях. Именно доблесть является общественно значимым условием (для мужчины) вступления в брак.

Определяет Гомер и нормативные критерии для жены, прекрасно выписанные в изображении идеальной пары Ареты и Алкиноя:

---

⁶ В частности о патриархальном характере семьи, о восприятии семьи как дома, как ойкоса, т.е. экономической единицы, о преобладании слов, связанных с родителями (отец, мать) над детьми (сын, дочь), а также о преобладании отношений родители-дети над супруг-супруга.

⁷ Он фигурирует либо для выражения любви отца к другу (I 264), либо рабыни к хозяину (I 435), либо гостю (I 123).

...Рексенор..., оставив Дочь сиротою Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись, Так почитает ее, как еще никогда не бывала В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем, Нежную сердца любовь ей всечастно являют в семействе Дети и царь Алкиной, в ней свое божество феакийцы видят, и в городе с радостношумным всегда к ней теснятся Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит. Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум, Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.

Как видим, в качестве таковых критериев называются ее любовь к долгу, любовь к ней со стороны детей и мужа, а также народа (ведь Арета – царица), кроткое сердце, возвышенный разум. Любовь мужа (о которой, кстати, Гомер говорит после любви детей) здесь связана не с личными чувствами (а о них, к слову сказать, поэт вообще не говорит в поэме), а общественно значимыми поведенческими критериями, поэтому любовь мужа ничем не отличается от любви детей. Интересно, что в качестве идеальной пары Гомер представляет супругов, которые, согласно его рассказу, являются родственниками (Арета племянница – дочь брата – Алкиной). Характерно и само имя царицы. Ведь Арета (Αρετη) значит Добродетель. Таким образом, все характеристики, относящиеся к ней, и есть сама добродетель.

Кроме женской, добродетель имеет и мужскую ипостась, которая сублимируется в образе бога войны Ареса (Αρης). Она означает мужество, храбрость и вообще совершенство, под которым Гомер понимает не только воинскую доблесть, но «и пленительный образ, и ум, и могущество слова» (VIII 168). Таким образом, муж и жена – две ипостаси добродетели, и именно она, а не любовь, лежит в основе супружеских отношений. Добродетель – категория общественная, так как знать, что есть зло и что добро, можно только сообразуясь с традицией. Знать ее и следовать ей могут только взрослые и разумные члены общества. Одиссей и Пенелопа имеют поэтому эпитет разумный(ая). Это качество позволяет Пенелопе занимать равное положение с мужем, а их союз делает идеальным, так как, несмотря на все трудности, они ведут себя достойно (и именно так всем и следует поступать!).

Какие же ценности, по мнению автора, приоритетны для мира семьи? Вот как он определяет семейное счастье:

Так постоянно и Нестору он золотые свивает годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых (IV 208-211).

В другом месте картина счастья дополняется им:

О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людьми на зависть и горе, себе на великую славу

(VI 181-185).

Долголетие отца, доблестные сыновья, необходимые для продолжения рода, изобилие, мир и порядок в семье – вот критерии счастья. Но они опять же важны не сами по себе – они ведут к великой славе. Этот мотив общественного признания является определяющим для действий героев Гомера – коллективное сознание полностью довлеет у него над личным. Повествуя о скорби Пенелопы по невозвратившемуся мужу, Гомер вовсе не передает ее внутренних переживаний и чувств по сколь славной голове тоскую, вспоминая постоянно мужа, чья слава широка по Элладе и срединному Аргосу.

Более того, всякая пробивающаяся индивидуальность нарочито обобществляется, превращается в общее место, переводя проблему индивидуальную в общественную

Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье муж

(XIV 128 сл.).

Не встретим мы у Гомера и выражения чувственности со стороны Одиссея. Поэт, неоднократно сообщая о стремлении Одиссея вернуться домой, из раза в раз делает это примерно одной и той же фразой

Но, напрасно желая Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий, Смерти единой он молит (I 56-58);
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит (V 41-42);
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел

(V 114-115);

лишь только б Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства
увидеть (VII 224-225);

чтоб мог ты увидеть Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних (X 474-475).

Мало того, что мы не слышим здесь хоть намек на особые чувства к жене, как мотив возвращения домой, жена вообще не фигурирует в этих заклинаниях. Она не выделяется из более общей группы родственников. Более того, родная земля, семья, дом, рабы и богатство для автора вещи однопорядковые, точнее это нечто единое, что нельзя разять – выбрось одно, и образ станет ущербным⁸. Это мир упорядоченного космоса, мир добра, это мир добродетели.

Пенелопа, ждущая мужа двадцать лет, пример не любви, а именно добродетели. Ее образ – наставление в добродетели. Причины для такого ожидания могло быть несколько. Все они кроются в сфере обычая. Во-первых, для того, чтобы женщина могла вновь выйти замуж, требовалось ее освобождение от прежних обязательств, установленных брачным договором. Но так как о судьбе Одиссея ничего не было известно, то необходимо было признание его смерти, которое могло быть принято посредством ритуального захоронения, о чем Афина и наставляла Телемаха (l 290 сл.). Во-вторых, представляется важным, что все действие поэмы происходит в канун совершеннолетия (двадцатилетия) Телемаха, которое можно рассматривать как завязку всего сюжета поэмы. Признание смерти отца делало бы его полноправным хозяином отцовского дома, в том числе давало ему право принимать решения относительно судьбы матери. И благоразумная Пенелопа, конечно же, не могла переступить через обычай, ведь «уважение молвы» называет Гомер одним из факторов сохранения чести Одиссеева ложа (XIX 527).

Воспевая верность Пенелопы, Гомер, в то же время, поweistует о реалиях повторного брака:

...ты довольно Знаешь, как женщина сердцем изменчива, в новый вступая Брак, лишь для нового мужа она помышляет устро-

---

⁸ Здесь можно добавить и то, что нигде в поэме женихи не обвиняются в оскорблении его (или ее) чувств. Единственный мотив, проходящий через всю поэму, это несправедливое истребление семейных припасов, уменьшение наследственной доли Телемаха, пирующими в доме Одиссея женихами.

ить дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем муже не думает, даже и словом его не помянет (XV 19-23).

Эта фраза, брошенная Афиной Телемаху, не нашла реального разрешения у Гомера. Поэма заканчивается воспеванием добродетели Пенелопы. В финальной песне Гомер просит бессмертную память верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе (XXIV 193 сл.). Но традиция сохранила память и о других версиях. Так, Павсаний (VIII 6) передает версию, по которой Одиссей, признав виновной Пенелопу в том, что она навела себе в дом ухаживателей, отослал ее из дома. Ряд версий сообщает и Аполлодор. В частности о том, что после того как Одиссей разобрался с женихами, он отправился в страну теспротов, где, женившись на их царице Каллидике, стал царем, а после ее смерти вернулся на Итаку (Эпит. VI 34-35). Там он был убит (случайно) внебрачным сыном Телегоном, который затем женился на Пенелопе (там же 37). Аполлодор знает и о других версиях:

Некоторые сообщают, что Пенелопу, соблазненную Антиноем, Одиссей отослал к ее отцу Икарию... Другие же говорят, что Пенелопа была убита Одиссеем, и причиной ее гибели было то, что Амфином ее соблазнил... Говорят также, что Одиссей, прибыв в Этолию к Тоанту, сыну Андремона, женился на дочери Тоанта (там же 38-40).

Если принять во внимание эти версии, то говорить о любви Пенелопы и Одиссея еще более сложно.

Но было бы не правильно считать, что Гомер вовсе не знает «чувственной любви». Однако назвать ее чувственной достаточно сложно, поскольку под ней он понимает физиологический процесс, причем вне брака («Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно» – Одиссей и нимфа Калипсо). Такая любовь для него – деструктивное начало, разрушающее основу мироздания (семью), и ее оценка у поэта всегда отрицательна. Порицает он любовь Елены, ставшую причиной Троянской войны (IV 26; XI 436 сл.). О том же говорит и пример любовной связи Афродиты с Аресом, закончившейся разоблачением мужа (Гефеста) и разводом (VIII 266 сл.). Осуждается любовь и в рассказе Евмея о рабыне его отца:

...рабыня... редкой красоты... Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным: Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней Тайно в любви сочелся – любовь же всегда в заблужденье Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.

В целом, в «Одиссее» такого рода любви уделено очень мало внимания, ибо она не нормативна. Она всегда спонтанна, тайна, кратка, неразумна. Она не определяется общественными добродетелями и не служит общественному благу.

Такое понимание любви и добродетели было высказано Гомером еще в VIII в. до н.э., на рубеже «темных веков» и архаики. В IV в. до н.э. историк и писатель Ксенофонт пишет специальную работу, посвященную домохозяйству⁹, в которой практически полностью разделяет представления Гомера относительно любви и добродетели. Конечно, трактат Ксенофонта вовсе не наставление в любви, а в правильном рациональном ведении хозяйства, но наряду с главами, повествующими о земледелии, садоводстве, почве или посеве, Ксенофонт три главы уделяет жене и браку, и его трактовка брака позволяет

---

⁹ Работа эта (Οικονομικός) фигурирует в русских переводах как «Домострой» или «Экономик». Посвящена она разумному управлению домом. Следует учитывать, что греческое слово οίκος (дом) многозначно и может означать и дом, и семью, и имущество, и даже отечество (для Гомера все эти понятия срastaются в этом слове).

нам представить, как в классическую эпоху рассматривался данный институт.

В основу канвы повествования Ксенофонт положил рассказ Исхомаха, который в беседе с Сократом сообщает о воспитании своей супруги. Ксенофонт ни разу не упоминает о любви, решение о женитьбе было основано на разуме¹⁰. Исхомах взял жену 14-ти лет и той потребовалось некоторое время для того, чтобы привыкнуть к нему и стать послушной. Затем Исхомах приступил к ее воспитанию, так как она ничего (в силу своего возраста и затворнического образа жизни) не знала, кроме как «сделать плащ из шерсти». Правда, самый важный предмет воспитания – умеренность в еде – был уже ею пройден еще в родительском доме.

Процесс воспитания у Ксенофонта представлен в виде бесед с женой, из которых читатель и узнает о цели брака и роли жены. К вопросу о целях и задачах брака он возвращается неоднократно. По его мнению,

боги соединили эту пару, которая называется женское и мужское – главным образом с той целью, чтобы она была возможно более полезной самой себе в совместной жизни.

Подобная характеристика семьи очень схожа с классической трактовкой полиса, как организации граждан, наилучшим образом выражающей потребности ее членов. Эта аналогия видна и в прямом сравнении полисных устоев с семейными:

Я советовал жене, чтоб... осматривала бы, в хорошем ли состоянии каждая вещь, подобно тому как Совет осматривает лошадей и всадников, и, как царица, хвалила бы и награждала, чем может, достойных, бранила бы и наказывала, кто этого заслуживает.

Недаром Аристотель рассматривал семью как основу всего полисного строя, последний же, в его представлении, основывался на добродетели, справедливости и законе. Мир семьи у Ксенофонта – некий квазиполис, где хозяйкой выступает женщина, в то время как мужчина реализуется на общественном (вне дома) поприще, как гражданин. Что стоит за этим понятием «возможно более полезный»? Прежде всего

---

¹⁰ Как и весь идеальный ойкос, в основе которого лежит разумный порядок.

эта пара соединена для рождения детей, чтобы не прекратился род живых существ (!), [к тому же – А.П.] этим люди приобретают себе кормильцев на старость.

Но задача воспроизводства не единственная.

Разумные муж и жена должны поступать так, чтобы и сохранять свое имущество возможно в лучшем состоянии, и прибавлять как можно больше нового хорошими, честными средствами.

Именно хозяйство и дети – цель семьи, ее благоденствие. Поэтому и супруг и супруга, каждый со своей стороны, должны заботиться о процветании дома и воспитании детей. Сфера деятельности каждого из них строго разграничена, с одной стороны, в силу божественного предначертания, с другой, – в силу обычая. Бог назначил мужчине труды вне дома, а женщине домашние заботы и, согласно обычаю, женщине приличнее сидеть дома, а мужчине заботиться о внешних делах. И не может скрыться от бога нарушение этого порядка. Ксенофонт поет оду порядку, посвятив этому специально всю восьмую главу («На свете нет ничего столь полезного, столь прекрасного как порядок»). Порядок у Ксенофонта и абстракция, и совершенно конкретная вещественность («А как красиво, когда башмаки стоят в ряд»; «Какой красивый вид представляют плащи, приведенные в порядок»). Мир семьи – это мир порядка. Красота порядка – это красота обычая. В то же время, воспевая красоту порядка, он нигде не говорит о красоте жены, ведь это не важно для порядка в ойкосе, куда важнее красота помыслов, красота того же разумения. Поэтому, чтоб процветал дом, жена должна быть подобна пчелиной матке, которая не дает пчелам (слугам) быть в праздности, высылает на работу, принимает и хранит, делит между всеми, заботится обо всех, чем приобретает привязанность к себе.

Все, что делает жена дома, лишь часть общего порядка, часть забот об общем хозяйстве, ведь хозяйство мужа и жены общее, и они должны быть товарищами в его реализации. Только экономическая самостоятельность и наследники делают семью полноценным элементом гражданского устройства полиса. И эта сфера полностью регулируется обычаем, то есть общественной добродетелью. Но эта сфера все же не единственная в жизни супругов. Ксенофонт говорит и о другой, более личной («мы сошлись с тобою, жена, также и для телесно-

го общения»), и именно в связи с ней – о любви. Но каково будет наше разочарование, когда мы, столь долго бредущие в ее поисках, увидим, как он определяет ее.

Скажи мне, жена, – спросил я, – когда ты считала бы меня как владельца общего с тобою состояния более заслуживающим любви – если бы я показал тебе, что есть в действительности: не хвастался бы, что у меня больше, чем есть, и не скрывал бы ничего, что есть, или же если бы вздумал обмануть тебя: рассказывал бы, что у меня больше, чем есть, показывал бы серебро поддельное, цепочки с деревом внутри, быстро линяющие пурпурные одежды и выдавал бы их за настоящие?

Любовь здесь определяется вновь через имущественную состоятельность, а супруги как владельцы общего состояния. Основание такой любви вовсе не чувственность, а собственность. Правда эту фразу Ксенофонт вводит для обоснования пагубности обмана со стороны жены, которая как-то была

сильно набелена (хотела казаться блее, чем она есть) и сильно нарумянена (хотела казаться румянее, чем в действительности)

и речь в этом отрывке идет, в первую очередь, о состоятельности тела.

Так когда, по-твоему, я заслуживал бы больше любви, находясь в телесном общении с тобою, – если бы, отдавая тебе свое тело, я заботился, чтоб оно было здорово и сильно и чтобы благодаря этому у кожи был действительно хороший цвет, или же если бы я показывался тебе, намазавшись суриком и наложивши краску под глазами, обманывая тебя и заставляя смотреть на сурик и касаться его вместо моей собственной кожи?

Под любовью здесь понимается только «телесное общение», причем любовь эта зависит от состояния тела, красота которого должна быть естественной («Уверяю тебя, жена, меньше люблю цвет белил и румян, чем твой собственный»), как красота самого порядка. Как же быть красивой (чтоб достичь этой любви), а не казаться? Ответ Ксенофонта на этот вопрос симптоматичен

я советовал ей не сидеть все на одном месте, как рабыни, а с божьей помощью попробовать как следует хозяйке, подойти к ткацкому станку, да поучить служанку... присмотреть и за поварихой, постоять и возле управительницы, когда она отмеривает что-нибудь, обойти дом и проверить, все ли на том месте, где положено быть...

Так, он вновь возвращается на круги своя – нет для супруги никакого другого мира вне общественной добродетели.

Мир спартанской семьи, как и весь образ жизни спартиатов, коренным образом отличался от афинского. Посмотрим, как выглядит мир добродетели и любви по-спартански.

Спарта – один из самых могущественных полисов классической Греции, история которого (как и Афин) известна более других. Но спартанцы, известные как доблестные и мужественные воины, не были искушены в искусствах. Поэтому мы знаем о них благодаря трудам других греков, которые то безудержно восхваляли их, как и их традиции и добродетели, то столь же неумно бранили, часто руководствуясь политическими соображениями. Эта двойственность нашла отражение, не в последнюю очередь, и в передаче мира семейно-брачных отношений спартанцев, о котором мы можем судить на основании сведений, сохраненных драматургом Еврипидом, философами Платоном и Аристотелем, историком Ксенофонтом и биографом Плутархом. Каких бы оценок ни придерживались авторы, сама информация их во многом идентична. Все они сообщают о значительной роли, которую играют спартанки в общественной жизни Спарты и их довольно свободном положении¹¹. Подобная свобода и их общественное значение вызывали негативное отношение со стороны афинян, считавших такое положение ненормальным¹².

---

¹¹ В сопоставлении биографий Ликурга и Нумы (25) Плутарх пишет об этом следующее: «...Ликург предоставил им полную, поистине неженскую свободу, что вызвало насмешки поэтов. Спартианок зовут "оголяющими бедра" (таково слово Ивика), говорят, будто они одержимы похотью; так судит о них Эврипид, утверждающий, что делят *Они палестру с юношей, и теплос Им бедра обнажает на бегах*. И в самом деле, полы девичьего хитона не были сшиты снизу, а потому при ходьбе распахивались и обнажали все бедро. Об этом совершенно ясно сказал Софокл в следующих стихах: *Она без толы; лишь хитоном Едва прикрыто юное бедро У Гермियोны*. Говорят еще, что по той же причине спартанки были дерзки и самонадеянны и мужской свой нрав давали чувствовать прежде всего собственным мужьям, ибо безраздельно властвовали в доме, да и в делах общественных высказывали свое мнение с величайшей свободой».

¹² О положении женщины в Спарте см. подробнее Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия //Женщина в античном мире. С. 44-62.

Эта свобода была следствием, в определенной мере, установлений Ликурга, которые в значительной степени способствовали замораживанию общественных отношений родового периода. Переход к патриархальному хозяйству и, вместе с тем, к патриархальной семье был остановлен в Спарте в силу обобществления собственности и создания так называемой «общины равных» в условиях необходимости подавления завоеванного илотского населения Мессении¹³.

Спартавец, являвшийся чисто номинально собственником выделенного клера, ничуть не заботился о хозяйстве, занимаясь только военным ремеслом, единственно приличным спартиату, и был начисто лишен собственнических инстинктов. Он проводил время в палестре, совершенствуя себя физически, и в совместных трапезах (сисситиях), участие в которых и давало возможность называться гражданином.

С рождения жизнь спартиата находилась под контролем полиса, а общественное воспитание, которое служило социализации гражданина, вело к практически полному слиянию индивидуального Я с общинным Мы. С 7 лет дети, собранные в илах и агелах, утрачивали фактически свою связь с семьей. Поэтому вовсе не риторическим кажется вопрос Аристотеля, который, полемизируя в своей «Политике» с Платоном, возведшим в «Государстве» в абсолют ряд элементов общественной жизни Спарты, как-то: общность имущества, жен и детей, спрашивает «в каком объеме можно допустить для граждан приобщение к государственной жизни» (II 1, 2). Сам он придерживается меры во всем и не склонен идти за Платоном. По его мнению, семья (ойкос) должна быть основой полиса и опосредующим звеном между индивидом и государством, в то время как в Спарте роль семьи была сведена фактически, как увидим, к функции деторождения. Недаром голосом спартанских матерей, что посылают сыновей на войну, напутствуя, «или со щитом или на щите», говорит спартанский полис¹⁴:

---

¹³ См.: *Андреев Ю.В.* Спарта как тип полиса // *Античная Греция*. М., 1983. Т. 1.

¹⁴ Массу примеров такого рода собрал Плутарх в так называемых «Изречениях спартанских женщин». См.: *Плутарх*. Застольные беседы. Л., 1990. С. 336-339.

индивид, семья и государство здесь – суть одно¹⁵. Функция матери, как хранительницы домашнего очага, оказалась трансформированной, ибо община стала ее семьей.

Спартанские женщины получали воспитание сходное с мужчинами. Они также с детства воспитывались в илах и агелах, тренируя тело в палестрах. Плутарх видел в этом мудрость законодателя, заботившегося о здоровье женщин и их способности к деторождению (Ликург 14). Это, с одной стороны, повышало статус женщин, которые рассматривали себя такими же членами общины, как и мужчины, но, в то же время, вело к развитию корпоративной этики¹⁶ и вряд ли могло способствовать укреплению семейных связей. Сфера интересов как мужского сообщества, так и женского, весьма мало была связана собственно с семьей. К тому же ее не укрепляли

---

¹⁵ О подавляющей роли государства в концепции Ликурга с очевидностью говорит Плутарх в ряде высказываний в биографии Ликурга: «Никому не разрешалось жить так как он хочет: точно в военном лагере, все в городе подчинялись строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, которое им было назначено» (Ликург 24); «Одним словом, он приучал сограждан к тому, чтобы они и не хотели и не умели жить врозь, но, подобно пчелам, находились в нерасторжимой связи с обществом, все были тесно сплочены вокруг своего руководителя и целиком принадлежали отечеству, почти что вовсе забывая о себе в порыве воодушевления и любви к славе» (там же 25). Умаление индивидуальности доходило до того, что было запрещено на могильном камне писать имя умершего (там же 27).

¹⁶ Сведений о женской корпорации в Спарте не много, но очевидно, что она противопоставлялась мужской, в то же время, во многом заимствуя традиции мужской корпоративности. Последнее, в частности, касалось и вопроса любви между членами корпорации (*Плутарх*. Ликург 18), которая, подобно мужской, должна была носить этический характер. Подобные отношения, с одной стороны, в мужском сообществе, с другой, – в женском, несомненно, также не способствовали крепости отношений внутри семьи.

ни общая семейная собственность¹⁷, ни забота о воспитании собственных детей¹⁸.

Наиболее полно спартанские обычаи, в том числе семейно-брачные, представлены, по-видимому, у Плутарха, хотя и его сведения, конечно, крайне скудны. Приведем его довольно противоречивый отрывок о браке.

Невест брали уводом, но не слишком юных, недостигших брачного возраста, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка, коротко стригла волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну в темной комнате на подстилке из листьев. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и как всегда пообедавший за общим столом, входил, распуская ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с нею недолгое время, он скромно удалялся, чтобы по обыкновению лечь спать вместе с прочими юношами. И впредь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене наведываясь тайно, с опаскою, как бы кто-нибудь в доме его не увидел... Так тянулось довольно долго: у иных уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете. Такая связь была не только упражнением в воздержанности и здравомыслии – тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами; молодые люди всякий раз оставляли друг в друге какую-то искру вождения.

Плутарх возводит этот порядок к Ликургу и видит в нем проявление стыдливости и сдержанности (Ликург 15). Однако объяснение Плутарха явно надуманное. Из его рассказа просвечивает не столько «упражнение в воздержанности» или сохранение «искры вождения», сколько подобное общение говорит об отсутствии привычной формы патриархальной семьи. Муж, как видим, появляется в доме только на краткий промежуток ночи. Жену он практически не видит в дневное время. Его мысли занимает мужское общество, куда он стремится не только днем, но и ночью, после встречи с женой,

---

¹⁷ Ликург упразднил необходимость приданого со стороны жены, к тому же мужчины и женщины, видимо, имели свою, отличную друг от друга, фиксированную норму натурального продукта, получаемого с клера.

¹⁸ «Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству» (Ликург 15).

«чтоб лечь спать с прочими юношами». В семье его ничто не интересует и не удерживает, его настоящий «дом» – мужское сообщество. Именно здесь мужчина проявляет себя, зарабатывает авторитет. Именно здесь мужчина становится мужчиной, доблестным и славным воином. Никого не интересует, какой он семьянин, важно, чтобы были дети, которые бы стали столь же доблестными, как отец, защитниками родины. И для этого, как пишет Плутарх, нужно исхитриться (хитрость и ловкость столь приветствуемые в Спарте!), чтобы не «замарать» себя связью с женой, чтобы не «потерять лица» в глазах товарищей, в числе которых имеется, возможно, твой возлюбленный¹⁹. Лишенный внутренней связи, такой брак естественно не мог быть сколь-нибудь крепким, более того, Плутарх сообщает о законодательной практике, способствовавшей его слабости. По его мнению, Ликург

изгнал пустое, бабье чувство ревности: он счел разумным и правильным, чтобы очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства, и научил сограждан смеяться над теми, кто мстит за подобные действия убийством и войною, видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия

(Ликург 15).

Таким образом, Ликург не только обобществил собственность, но и сделал «открытыми» брачные отношения. Жена, традиционно считавшаяся в патриархальной семье (в Афинах, а особенно в Риме) собственностью мужа (вспомним хотя бы Елену, ставшую поводом Троянской войны), в Спарте не была и не могла быть таковой, поскольку фактическим собственником в условиях всеобщего обобществления являлась община (полис). Как видит эту открытость Плутарх?

Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его

---

¹⁹ В отличие от тайных отношений с женой, такие отношения открыты, публичны, добродетельны. Возникали они (Ликург 17) в двенадцатилетнем возрасте и возлюбленный нес всю ответственность за поведение юноши, за добрую славу и бесчестье; их взаимные чувства и объединенные усилия должны были привести любимого к совершенству (Ликург 18).

семени ребенка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодovitая и целомудренная, он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан (там же).

Плутарх замечает, что непосредственной целью такой открытости служит рождение на свет лучшего потомства. И поскольку оно принадлежит не своим родителям, а всему государству, то и должно рождаться от лучших отцов и матерей, ведь если даже сук и кобылиц случают с лучшими припускными самцами, то зачем держать под замком своих жен, требуя, чтобы те рожали только от них самих, хотя бы они были безмозглы, ветхи годами, недужны (там же).

Сведения Плутарха дополняет Полибий:

у лакедемонян был искони весьма распространен обычай, в силу которого, трое-четверо мужчин, а то и больше, если они братья, имели одну жену, и дети их были общие; потом, делом похвальным у них и обычным почиталось и то, если какой-либо гражданин, произведши с женой достаточное количество детей, представлял ее кому-либо из друзей (XII ба, 8).

Хотя спартанский брак рассматривается обычно как моногамный, вряд ли следует отвергать сведения Полибия. Структура его фразы говорит с очевидностью о том, что обычай полиандрии был древним и, в эпоху Ликурга, мог претерпеть изменения. Напротив, всеобщее обобществление, приписываемое Ликургу, должно было иметь предпосылки в характере общинной жизни спартанцев раннего периода.

Те немногие сведения, которые мы имеем о сфере семейно-брачных отношений в Спарте, с неизбежностью подтверждают наш вывод о том, что брак и любовь в классическую эпоху не связаны друг с другом. Но и добродетель здесь не может рассматриваться в качестве основания семьи. Государство (община), лишив семью всех ее связей, ликвидировав семью как опору государства, как посредника между индивидом и государством, лишило ее, тем самым, и всех добродетелей. Более того, государство заместило семью, став, вместе с этим, единственной сферой приложения добродетели, как этической нормы. Семье же, лишившейся этического основания, осталась сфера природного бытия.

Наконец, обратимся к римской классике и проанализируем восприятие семьи и любви в лирике Публия Овидия Назона (43 г. до н.э. – 18 г. н. э.). У Овидия, как и у греков, семья и любовь резко противопоставлены, но, в отличие от греческих авторов, он сводит эти два мира воедино, изображая их во всей их противоречивости. Однако если в греческой традиции приоритет отдавался правильному миру брака («Одиссея» Гомера, «Домострой» Ксенофонта и др.), то приоритеты Овидия иные. Космос Овидия делится на две составляющие: мир любви и мир брака. Два этих мира противопоставлены друг другу. Мир брака – своего рода антимир, основным определением которого является «строгость». Оно относится и к жене («Уходите строгие жены, – Нет не для ваших ушей нежные эти стихи...» (Любовные эл. II 1, 3-4)) и к мужу («Сторожа, строгий супруг, к молодой ты приставил подруге... » (там же III 4, 1)) и к самой супружеской жизни («Я пожелал бы врагу в строгости жить, без любви...» (там же II 10, 16)). Даже язык этих двух миров отличен. Одному присущи красноречие, обходительность, ласка, другому – брань, грубость, ссора:

Жен мужья и жены мужей пусть ссорами гонят, Словно меж ними в суде длится неконченный спор. Это – супружества часть, в законном приданое браке, А меж любовников речь ласкова будь и мила. Вам не закон приказал сойтись к единому ложу – Силу закона иметь будет над вами Любовь (Наука II 153-158).

Мир брака патриархален, не свободен, обществен, находится под уздой закона. Мир любви – его перевернутое отражение. Он личностен, свободен. Он не обременен ни домашними заботами, ни чувством долга:

Я ненавижу, когда отдается мне женщина с виду, А на уме у нее недопряденная шерсть; Сласть не в сласть для меня, из чувства даримая долга, Ни от какой из девиц долга не надобно мне!

(Там же II 685-688).

Мир брака не агонален, поэтому пресен и неинтересен для поэта («Вот потому-то мужьям законные жены постылы Слишком легко обладать теми, кто рядом всегда» (там же III 585-586)). Мир любви Овидия – своего рода антимир к миру брака. Ему присущи агональность, сценичность и многоликость. Маски-образы различны – это и агон и война (служба, служение) и игра. Без борьбы не возможно ни добиться люб-

ви, ни сохранить ее. Он направлен и на завоевание сердца возлюбленной и соперничество с мужем или соперником. В борьбе за овладение сердцем возлюбленной для мужчины не может быть пределов («Вслед до пределов земли смелый любовник пойдет» (Любовные эл. I 9)), как и непреодолимых препятствий («Всех сторожей миновать, бедных любовников труд» (там же)). Женщина для мужчины – добыча, а любовник – охотник, место охоты которого не галльские леса, а римские кварталы, римский театр или цирк, где особенно удобно начать любовную игру:

Если девице на грудь нечаянно сядет пылинка Эту пылинку с нее бережным пальцем стряхни. Если пылинки и нет – все равно ты стряхни ее нежно, ведь для заботы такой всяческой повод хорош (Наука I 149-150)).

Любовь невозможна без соперника. Ведь любовь – это постоянное напряжение сил, постоянная борьба:

Если жену сторожить ты дурень считаешь излишним, Хоть для меня сторожи, чтобы я жарче пылал (Любовные эл. II 19).

Сохраняя традиционную структуру двуединого космоса, Овидий, вместе с тем, является публичным ниспровергателем римских устоев, подменяя критерии общественной добродетели, идеал служения государству, идеалом служения личной чувственности. Военная служба и почести с ней связанные занимали всегда приоритетную роль в римском общественном сознании. Однако Овидий предпочитает служить «в воинском стане любви» и геройствовать на этом фронте, более того, обрести здесь свое бессмертие.

В основе мира любви поэта – Эрос, в его стихийности, необузданности, страстности:

Мне бы такую любовь, чтоб, ревнуя, меня не жалела,
Чтобы ногтями рвалась и к волосам, и к щекам,
Чтобы взглянула – и в плачь, чтоб яростным взором сверкала,
Чтоб ни со мной не могла, ни без меня не могла

(Наука II 451-454).

Хотя теперь это уже не только некая космическая сила, наваждение, но и движущее начало творчества личности, и возможность ее реализации. Перевернутость и оборотничество мира брака и любви у Овидия превращается в перевернутость мира как такового, ибо отвержение мира брака и возве-

личение мира любви оказывается отвержением традиционного римского мира «*orbis Romanus*» и своего рода сублимацией противостояния римского космоса и хаоса Гражданских войн. Основы космоса перевернуты у Овидия с ног на голову, и мир упорядоченного космоса семьи оказывается погребенным под хаотичным миром любви. Несмотря на эту новизну восприятия, порожденную процессами, связанными с кризисом римской *civitas* и республики, мы видим, что общее античное представление о том, что брак и эрос являют собой две противоположные ипостаси единого в своей двойственности космоса, остается основополагающим и для Овидия.

Подводя итоги, следует констатировать, что античный эрос не был связан со сферой семьи. Возможность семейного союза, основанного на любви, лишь косвенно допускается в эпоху поздней античности²⁰. Как верно замечает Энгельс, любовь находится вне сферы гражданского общества (вне семьи)²¹. Поэты поют любовь гетерам и прекрасным мальчикам. Жену же, если и славят, то за добродетель, но чаще не прославляют, а наставляют в ней, ибо муж – душа, а женщина – тело. Жена не должна иметь своего Я и всегда должна оставаться тенью мужа²². Любая ее сексуальная активность всегда порицается древними, как похотливость, неподобающая для порядочной жены²³. Семья и эрос – это два разных мира. И только ли дело в том, что жена не образованна, а гетера может удовлетворить не только телесные, но и духовные запросы мужчины? В этой двойственности отражается двойственность самого космоса, его природность и его разумность. Гражданин полиса делит мир на свой и чужой, на жителей полиса и жителей округи (существ неразумных, не осознаю-

²⁰ Так, Плутарх (около 50 – после 120 гт. н. э.) в «Наставлении супругам» (34) выделяет три типа супружеских союзов: основанных на взаимной любви, ради приданого или продолжения рода и, чтобы спать вместе.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 23-178.

²² Так, Аристотель пишет: «И например, слова поэта о женщине: «Убором женщине молчание служит» – в одинаковой степени должны быть приложимы ко всем женщинам вообще, но к мужчине они уже не подходят» (Политика I IV 8).

²³ См. Кривошита Н.А. Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии VII-V вв. до н. э. // Женщина в античном мире. С. 67.

щих благ полисного устройства), при этом воспринимая полис как упорядоченный, организованный (правильный) космос, а все находящееся за его стенами, как мир неподвластный пониманию, мир зла, мир стихии, мир не подчиняющийся его воле. Точно так же, брак и Эрос являют собой две противоположные ипостаси этого единого в своей двойственности космоса. Эрос, как стихия, не подчиняющаяся разуму, не может быть введен в упорядоченный мир семьи, поскольку это привело бы к разрушению самого космоса, к превращению его в хаос.

А.А. Павлов

Физиология любви Лукреция

*Ибо, хоть та далеко, кого любишь, – всегда пред тобою
Призрак ее, и в ушах звучит ее сладкое имя.
Но убежать надо нам этих призраков, искореняя
Все, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,
Тем обрекая себя на заботу и верную муку.*

Лукреций

Любовь – одно из центральных понятий античной космогонии и философии. Уже греческая мифология¹, а вслед за ней и философия² рассматривали ее как одно из первоначал космоса. С распространением греческой философии в Риме многие ее идеи стали рецепироваться римским сознанием. Первым римским философом, который оставил нам свою философию любви, был Тит Лукреций Кар (98-55 гг. до н.э.), написавший гениальную поэму «О природе вещей», небольшая часть которой (IV 1030-1287) посвящена рассматриваемому вопросу.

Российские исследователи, прежде всего, филологи и философы, неоднократно обращались к анализу поэмы³, од-

---

¹ Впервые это ярко выражено уже у Гесиода (Theog. 120-122).

² Этим понятием оперировали как ранние натурфилософы, так и поздние авторы, относившиеся к самым различным философским школам. Здесь можно вспомнить Парменида и Эмпедокла, Платона и Ксенофонта, Аристотеля, Плутарха, Плотина и многих других. Целый ряд философов (Филодем, Клеанф, Хрисипп) оставили работы с одним и тем же названием *Περὶ ἕρως*. Аристотелю, Теофрасту, Деметрию Фалерскому, Клеарху, Гераклиту Понтийскому, Диогену из Синопы, Плутарху приписывается работа *Ἐρωτικὸς*. См. подробнее: Braun R.D. Lucretius on love and sex. A commentary on De Rerum Natura IV 1030-1287. Leiden, N.-Y., 1987. P. 101-102.

³ Лукреций О природе вещей. Т. 1-2. М.-Л., 1947; Боровский Я.М. О термине *natura* у Лукреция // Ученые записки ЛГУ. Вып. 18. Л., 1952. С. 223-238 (Сер. Филологические науки); Боровский Я.М. Обозначения вещества и пространства в лексике Лукреция // Классическая филология. Л., 1959; Боровский Я.М. Вопросы

нако этот аспект практически полностью игнорировался ими⁴. Зарубежная историография более представительна⁵.

Современному читателю лучше знакомы произведения Катулла, Вергилия, Овидия, Горация Плавта и Теренция, чем философская дидактическая поэма Лукреция – гениального материалиста, атеиста, эпикурейца, поэта скорби, как его зачастую величают исследователи⁶. Но картина римского восприятия любви, выстроенная только из поэтических образов римских лириков, была бы, несомненно, неполной, оставь мы в стороне Лукреция, хронологически стоящего, по сути, на рубеже двух эпох и объединяющего и философ-

---

общественного развития в поэме Лукреция // Академику В.В. Струве. Древний мир. М., 1962; Васильева Т.В. Концепция природы у Лукреция // Вопросы философии. 1969. № 7. С. 130-141; Васильева Т.В. Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения // Филологические науки. 1969. № 4. С. 23-30; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 268-301; Марковников В. Идея культурно-исторического развития в поэме Лукреция // Научное слово. 1903. № 10; Покровская З.А. Первоначала, пустота и вселенная в философском слове Лукреция // ВДИ. 1960. № 4. С. 87-101.

⁴ Нам известна только одна работа, в которой этот вопрос затрагивался. См. Покровская З.А. Эстетические взгляды Лукреция (Идеал женской красоты) // *Acta antiqua academiae scientiarum Hungaricae*. Т. XVII. Fasc. 1-2. Budapest, 1969. С. 183-198.

⁵ Особенно следует выделить фундаментальную работу Р. Брауна, специально посвященную анализу взглядов Лукреция (IV 1030-1287), на проблемы любви и брака. См. Braun R.D. *Op. cit.* 1987.

Библиографию современной западной литературы о Лукреции см.: Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000. С. 214-216. См. также Roselaar M. *Lukrez: Versuch einer Deutung*. Amsterdam, 1943; Logre J.B. *L'anxiété de Lucrèce*. P., 1946; Boyancé P. *Lucrèce et l'épicurisme*. P., 1963; Singer I. *Love in Ovid and Lucretius* // *Hudson Review*. 18/1965-66. P. 537-559; Perelli L. *Lucrezio: poeta dell'angoscia*. Florence, 1969; Taladoire B.-A. *Lucrèce devant l'amour* // *Annales de la Faculté des Lettres et Sciences humaines de Nice*. 21/1974. P. 231-35; Betensky A. *Lucretius and Love* // *CW*. 73/1980. P. 291-99; Fitzgerald W. *Lucretius' Cure for Love in the De Rerum Natura* // *CW*. 78/1984. P. 73-86; etc.

⁶ Это не мешает многим ставить почти все эти определения под сомнение, особенно его приверженность эпикурейству; хотя сегодня никто уже не сомневается в том, что он не был поэтическим имитатором и эпитоматором Эпикура, а во многом высказал собственный взгляд на «природу вещей», исходя из римских реалий I века.

скую, и поэтическую традицию. Лукреций, прежде всего философ-эпикурец и его концепция любви – это только часть его философии, причем неразрывно связанная с остальными. Объем пассажа четвертой книги, посвященный любви, невелик⁷, но, игнорируя его, исследователи, несомненно, нарушают гармонию поэмы и сужают мировоззренческие постулаты, лежащие в основании всей теории.

Поэма Лукреция «О природе вещей»⁸ состоит из шести примерно равных по объему книг (от 1094 до 1457 строк)⁹.

---

⁷ Всего порядка 250 строк (притом, что поэма содержит 7416), которые являются финалом четвертой книги и вытекают, как следствие, из разговора о *simulacra*.

⁸ Название поэмы не оригинально. Многие греческие философы называли свои работы «О природе». Можно здесь вспомнить и Гераклита, и Парменида, и Эмпедокла. Да и Эпикуру принадлежала работа с таким же названием. См. Тронский И.М. История античной литературы. М., 19 . С. 346) предлагает таким же образом переводить и поэму Лукреция. Но вариант Лукреция «*De rerum natura*» все же примечателен, поскольку понятие ‘вещь’ (*res*) имело категориальное значение. *Res* имела множество видов, которые находились в сложной взаимосвязи друг с другом. *De rerum natura* как раз и выражает эту сложную взаимосвязь, конкретную вещественность абстрактного мироздания.

⁹ В первой книге автор, в соответствии с эпикурейским постулатом, доказывает, что мир состоит из атомов и пустоты, что пространство и материя бесконечны, вечны и неуничтожимы, поскольку ничто не возникает из ничего и не превращается в ничто. Во второй, что мир есть постоянное движение атомов, соединение и распад которых ведут к многообразию материи, бесконечности миров, к их постоянному и вечному возникновению и распаду. Третья посвящена душе и духу. Лукреций доказывает материальность души, объясняет нелепость страха перед смертью, ибо душа не живет после смерти, а умирает вместе с телом; и смерть, и жизнь лишь естественные и неизбежные природные циклы. Четвертая книга посвящена «призракам» (*simulacra*), чувственным и ментальным аберрациям, вызывающим неверное восприятие объективной реальности, следствием чего является любовь. В пятой книге автор доказывает один из основных тезисов о независимости космоса от божественного промысла, земное мироздание и формирование здесь цивилизации. В шестой автор продолжает разговор о земном мироздании, здесь объясняются атмосферные явления, геологическая деятельность земли, появление и функционирование источников. Завершается книга рассмотрением причин болезней и яркой картиной чумы в Афинах.

Исследователи по-разному систематизировали их содержание, как правило, объединяя их парами¹⁰. С подобным делением нельзя не согласиться, особенно, учитывая симметричность всей структуры. Однако нам представляется, что структура поэмы гораздо сложнее. Ее символика является дополнительным аргументом концепции автора. Недостаточно разделить книги поэмы попарно, соответственно их основному содержанию. Недостаточно, идя за Диогеном Лазерцием (X 29-30), пытаться вычленив канонику, физику и этику в поэме Лукреция (в соответствии с таковым членением им учения Эпикура). Всякое аналогичное структурирование сохраняет внутреннюю противоречивость. Природа – вот что объединяет всю поэму. Произведение проникнуто идеей единства бытия космоса, выражением чего является Природа – безличный космический закон. В ее восприятии Лукреций приближается к мифологическому осознанию бытия космоса (*Natura*), близкому ранним натурфилософам, как нерасчлененного единства Любви-Смерти¹¹. Именно в соответствии с этой концепцией выстраивается и структура поэмы. Главы, посвященные смерти и любви (3 и 4) – центральные, будучи структурно связанными, они разделяют поэму на две части: смертью заканчивается первая, любовью начинается вторая. При этом важно помнить, что первая книга (и вся поэма) начинается с гимна Венере (символа порождающей Природы и Любви), а завершается шестая книга чумой в Афинах, яркой картиной смерти. Таким образом, поэма состоит из двух циклов, символически выражающих идею самой Природы – бесконечного пути Любви-Смерти. Идея этой дихотомии символически заложена уже во вступлении к поэме, где во второй его части, наряду с Венерой,

---

¹⁰ В.С. Дуров выделяет, например, три части: учение об атомах (книги 1-2), учение о душе (3-4), учение о Вселенной (5-6). См. Дуров В.С. Указ. соч. С. 110-112.

¹¹ О любви-смерти см. напр.: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 379-386; Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 75, 119, 257 и др.; отчасти мы затрагивали этот вопрос в статье «Греческая παιδεία и античный полис: миф, реальность, философия» (Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. № 1. С. 165-190).

появляется и Марс, олицетворяющий войну и смерть. Говоря о цикличности поэмы, следует отметить важный факт двойственности самой Венеры. Как заметил Р. Браун¹², она предстает в двух ипостасях. В первой – как символ природы, безличного порождения¹³, во второй – выражает субъективное начало, где благостные мотивы сменяются тревожными, напоминающими описание финала 4-й книги. Эта двойственность проходит через всю поэму. Резкое противопоставление двух ипостасей Венеры проявляется, как нам кажется, во фразе, брошенной Лукрецием в 4-й книге: «Это Венера для нас; это мы называем Любовью...» (1058). Если первая (собственно объективная природа) – естественная и благостная, то вторая (связанная с субъективным миром людей) – трагичная¹⁴. Исследователи зачастую высказывают совершенно различные оценки мироощущения Лукреция, говоря о его оптимизме или трагизме¹⁵, но они столь же неразрывны,

---

¹² Braun R.D. Op. cit P. 91-99.

¹³ «...Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы, [quae quoniam rerum naturam sola gubernas]

И ничего без тебя на божий свет не родится, [nec sine te quisquam dias in luminis oras]

Радости нет без тебя никакой и прелести в мире...» [exoritur neque fit laetum neque amabile quisquam...]

(I 21-23; здесь и далее перевод Ф. Петровского).

¹⁴ Эта двойственность имеет временной характер и соответствует двум выделенным циклам. Фактически, подобная цикличность, связанная с ухудшением бытийности космоса, присуща всему античному сознанию и впервые представлена уже у Гесиода, выделившего пять периодов-веков: золотой, медный, бронзовый, век героев, железный (Erga 107-201). У Лукреция подобное ухудшение второго цикла связано с временем написания труда, с эпохой гражданских войн, кризисом Римского полиса и Республики, кризисом нравов, с определенной пессимистической оценкой деятельности человека (позднее и несколько иными средствами о кризисе заговорит вся римская историография и, особенно, Цицерон и Саллюстий). Недаром автор взывает к возврату к Природе, умоляет Венеру (I 40) вернуть мир и покой римлянам.

¹⁵ Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976. С. 450; Лосев А.Ф. Указ. соч., С. 278-301.

как само дихотомическое единство природы и структуры поэмы¹⁶.

Оставляя в стороне разговор об объективной Природе, Любви-Смерти, которая присутствует в поэме в большей мере символически, перейдем к анализу собственно финала четвертой книги, в которой Лукреций и выразил свое понимание «субъективной» любви¹⁷. Финал четвертой книги раз-

¹⁶ Порой исследователи говорят о незаконченности поэмы. Однако рассмотрение структуры с точки зрения предложенных нами циклов говорит об обратном. Автор полностью реализовал свою идею. Поэма не могла иметь большего числа книг (следует напомнить, что у римлян чётные числа были связаны с женским началом, и шесть здесь также выражает идею Venus, идею Natura. Но женское начало (Венера-Природа, Любовь-Смерть) – начало хтоническое, а хтоническим божествам приносили в жертву четное число животных. Подспудно, при всем «атеизме» Лукреция, его поэма – это не только призыв к римлянам познать Природу и вернуться в ее лоно, но и жертва-обращение к самой Венере-Природе принять их). Единственным возможным заключением мог быть переход к новому циклу Любви, однако, автор предпочел остановиться на Смерти. Этот финал совпадает и с личным финалом Лукреция – его самоубийством. Но финал поэмы – это скорее предупреждение римлянам, если они не воспользуются уроками его философии и не вернуться к миру. Финал Лукреция – способ доказать верность собственной философии и, прежде всего, доказательство бессмысленности страха перед смертью в силу материальности души и ее смертью вместе со смертью тела. Впрочем, как известно, существуют и другие объяснения, идущие от Иеронима (Chron.ad Ol. 171 1-3: Titus Lucretius poeta nascitur, qui postea amatorio poculo in furorem versus, cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset, quos postea Cicero emendavit, propria se manu interfecit anno aetatis XLIII).

¹⁷ Это видно не только содержательно, но и лексически. Именно здесь мы сталкиваемся с лексикой, выражающей «субъективное» чувство, в то время как частотность употребления термина ‘natura’ здесь самая низкая. См. табл.

терми- ны/книги	I	II	III	IV	V	VI	итого
Venus	2	2	1	23	6	Нет	34
amor	5	нет	2	15	3	Нет	25
voluptas	2	4	4	10	2	1	23
cupido	2	2	3	7	3	1	19
natura	62	29	51	21	38	25	226

нообразен по содержанию, но композиционно выстроен и логичен¹⁸. В западной историографии его часто определяют как «атаку на любовь», акцентируя негативное отношение Лукреция к любви. Его истоки искали в неудачном личном опыте философа-поэта, но внимательное сопоставление концепции любви Лукреция с философией Эпикура говорит об их значительном совпадении и в канонике, и в физике, и в этике. В рамках данной работы, однако, мы не ставим целью подробный сравнительный анализ¹⁹, к тому же ее достижение было бы весьма затруднительным, поскольку сохранность наследия Эпикура оставляет желать лучшего²⁰. Однако некоторые важные для последующего разговора общие этические принципы Эпикура все же необходимо привести²¹. Определяющим здесь является удовольствие²² – ко-

¹⁸ Приведем здесь композицию финала, предложенную Р.Д. Брауном (Op. cit. P. 99-100). Переход к финалу: 1030-36 – «влажные сны». Финал: 1037-57 – «мужское желание». Далее идет «атака на любовь»: 1058-72 – «предотвращение любви», 1073-1120 – «общение любовников не приводящее к удовлетворению», 1121-40 – «социальные и психологические последствия», 1141-91 – «безумие идеализации». 1192-1208 – «женское удовольствие» (переход от любви к сексу), 1209-32 – «наследственность», 1233-77 – «бесплодие», 1278-1287 – «не страстная любовь» (постскриптум).

¹⁹ Попытку такого анализа см. Braun R.D. Op. cit. P. 101-122.

²⁰ Сохранились лишь три письма Эпикура (к Геродоту, Пифоклу и Менекею), собрание тезисов «Главные мысли», а также отдельные цитаты и фрагменты в сочинениях античных и христианских авторов (при том, что Эпикур оставил около 300 работ, в том числе «О природе», «Об атомах и пустоте», «О любви» и т.д.). Примечательно, что Диоген Лаэртский (10, 27), перечисляя главные сочинения Эпикура, называет трактат «О любви» на третьем месте, что, казалось бы, указывает на его значимость, но ни сам Диоген, ни другие античные авторы никогда его не цитируют. Сохранившиеся же работы, в том числе «этическое» письмо к Менекею, ничего прямо не говорят о любви, хотя эти три письма (которые представляют собой краткие изложения Эпикуром своей философии) довольно четко переключаются с содержанием поэмы Лукреция. Впрочем, говорить об их происхождении весьма затруднительно, как и о принадлежности Эпикуру (см. напр.: Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский об Эпикуре // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 497, 501).

²¹ Подробный анализ этики Эпикура см.: Гюйо М. Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями // Собр. соч., Т. 2. СПб.,

нечная цель блаженной жизни. Удовольствие Эпикуром понимается весьма своеобразно²³. Природа удовольствия определена Природой, понимание ее и составляет мудрость, которая неотделима от счастья. Главное удовольствие – катастематическое, полная свобода от телесной боли и страданий души²⁴, что выражается в таких понятиях как 'ἀποιία' и

1989. С. 81-372; Лосев А.Ф. Эпикуреизм // История... С. 179-317; Diano C. Epicuri Ethica et Epistulae. Florence, 1974; об этике Эпикура в связи с концепцией любви см.: Stearns J.B. Epicurus and Lucretius on Love // CJ. 31/1935. P. 343-51; Flacelière R. Les épicuriens et l'amour // REG. 67/1954. P. 69-81; Kleve K. Lucrèce, l'épicurisme, et l'amour // Actes du VIIIe Congrès de l'Association Guillaume Budé. 1968. P., 1969. P. 376-83; Landolfi L. Lucrezio e l'etologia erotica epicurea // GIF. 34/1982. P. 113-19; Arkins B. Epicurus and Lucretius on Sex, Love, and Marriage // Apeiron. 18/1984. P. 141-43.

²² «Потому мы и говорим, что наслаждение [удовольствие] есть начало и конец блаженной жизни...» (D.L. X 129). Как известно, над дверями дома великого «садовника» в Афинах была надпись, афористично выражавшая суть его учения: «Странник, тебе будет здесь хорошо: здесь удовольствие – высшее благо» (Богомолов А.С. Античная философия. М., 1985. С. 244).

²³ «Поэтому когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то мы разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности, как полагают те, кто не знают, не разделяют или плохо понимают наше учение, – нет, мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения, поселяющие великую тревогу в душе» (D.L. 131-132; перевод М. Гаспарова).

²⁴ Цицерон в трактате «О пределах блага и зла» неоднократно возвращается к этому. Е.г.: «Это благо Эпикур видит в наслаждении, считая его высшим благом, а страдания – наивысшим злом.» [hoc Epicurus in voluptate ponit, quod summum bonum esse vult, summumque malum dolorem...] (I 29; перевод Н.А. Федорова); «Мы имеем в виду не только наслаждение, которое приводит в движение самую нашу природу и вызывает в наших чувствах некое приятное ощущение, но высшим наслаждением мы полагаем то, которое воспринимается при освобождении от всякого страдания. Ведь поскольку, освобождаясь от страдания, мы радуемся самому этому освобождению и отсутствию любого тягостного ощущения, а все то, чему мы радуемся, есть наслаждение, равно как и все, что причиняет нам неприятности, есть страдание, то всякое снятие страда-

‘ἀταραξία’ (D.L. X 131). Наряду с этим признается и удовольствие кинетическое, которое не углубляет предел наслаждения, а разнообразит его (Cic. De fin. II 9-10). Сумма принципа сведена им следующим образом:

«Желания бывают: одни – естественные и необходимые; другие – естественные, но не необходимые; третьи – не естественные и не необходимые, а порождаемые праздными мнениями» (D.L. X 149; см. также X 127-28; Cic. De fin. I 45; Cic. Tusc. V 93).

Хотя Эпикур и говорит, что «никакое удовольствие само по себе не плохо» (D.L. X 129), он выстраивает их иерархически, ибо мудрый заботится не об удовольствии момента, а «приготавливает вещи к блаженству целой жизни» (D.L. X 135). Сохранившаяся схолия дает разъяснения к этой систематизации (frg. 456 Us.):

«Естественными и необходимыми желаниями Эпикур считает те, которые избавляют от страданий, например, питье при жажде; естественными, но не необходимыми – те, которые только разнообразят наслаждение, но не снимают страдания, например, роскошный стол; не естественными и не необходимыми – например, венки и почетные статуи».

ния справедливо называется наслаждением. Когда пища и питье прогоняют голод и жажду, уже само это освобождение от неприятного состояния порождает, как следствие, наслаждение. Так и в любом деле, снятие страдания приводит ему на смену наслаждение.» [Non enim hanc solam sequimur, quae suavitate aliqua naturam ipsam movet et cum iucunditate quadam percipitur sensibus, sed maximam voluptatem illam habemus, quae percipitur omni dolore detracto, nam quoniam, cum privamur dolore, ipsa liberatione et vacuitate omnis molestiae gaudemus, omne autem id, quo gaudemus, voluptas est, ut omne, quo offendimur, dolor, doloris omnis privatio recte nominata est voluptas. ut enim, cum cibo et potione fames sitisque depulsa est, ipsa detractio molestiae consecutionem affert voluptatis, sic in omni re doloris amotio successionem efficit voluptatis.] (I 37); «Поэтому Эпикур полагает, что не существует какой-либо середины между страданиями и удовольствием, а то, что кому-то представляется этой серединой, а именно: свобода от всякого страдания, является не просто наслаждением, но – высшим наслаждением.» [omnis autem privatione doloris putat Epicurus terminari summam voluptatem, ut postea variari voluptas distinguique possit, augeri amplificarique non possit.] (I 38); etc.

«Главные мысли» Эпикура также содержат пояснения:

«Все желания, неудовлетворение которых не ведет к боли, не являются необходимыми: побуждение к ним легко рассеять, представив предмет желания трудно достижимым или вредоносным» (DK XXVI); «Естественные желания, неудовлетворение которых не ведет к боли, но в которых есть напряженное стремление, происходят от праздных мнений; и если они рассеиваются с трудом, то это не из-за естественности их, а из-за человеческого праздномыслия» (DK XXX).

В основе *summa* – избегание боли. Достижение апонии и атараксии есть предел удовольствия и стремление к тому, что не ведет к уничтожению боли, противоречит катастрофической логике, а соответственно ложно. Избежать ложного стремления можно, как видим, представив его трудно достижимым (т.е. ведущим к боли), а значит вредоносным. Все эти уроки с успехом были использованы позже Лукрецием, как и другие конкретные положения Эпикура относительно любви (которых в распоряжении Лукреция было гораздо больше, чем мы имеем сегодня).

Вернемся к четвертой книге Лукреция и рассмотрим его концепцию любви, памятуя об этике удовольствия Эпикура. Говоря о любви, Лукреций всегда пользуется термином *amor* (как иногда и в других книгах поэмы) или подменяет его *Venus*. Если присмотреться к сути определяемых этим термином вещей, то становится очевидным, что *amor* имеет многозначный характер. С одной стороны, им определяются сексуальные отношения, с другой – то, что можно было бы назвать любовью-страстью, с третьей – любовью-привычкой. Но отношение к этим видам любви у Лукреция совершенно различно, что связано как с этическими постулатами, рассмотренными выше, так и природой самих явлений. Поэтому нам представляется необходимым разделить и наш анализ *amor*.

Физика и этика любви-секса²⁵

*Воспе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает:
Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий.
Лукреций*

Тема любви-секса делит финал четвертой книги практически пополам (первая часть финала вводится пассажем о мужской сексуальности (1030/37-1057), вторая часть – о женской (1192-1208)) и является переходной к темам любви-страсти (1058-1191) и воспроизводства (1209-1277). Лукреций, как мы видели выше, очень осмысленно относится к композиции, и такое разделение не случайно. Эти переходы являются фоном, на котором раскрываются «основные» темы. Органично вписанные, они позволяют выявить резкую грань, что лежит между любовью-сексом и любовью-страстью, с одной стороны, и любовью-страстью и воспроизводством, с другой. Примечательно при этом то, что атака на любовь-страсть вытекает из пассажа о мужской сексуальности, а тема воспроизводства – женской²⁶. Своеобразный постскрипtum финала сводит два начала вместе (1278-1287).

Для Лукреция сексуальная любовь полностью лишена божественного влияния (как, впрочем, и любовь-страсть). Истоки ее природны и процессы, вызывающие ее, следуют тем же законам атомистической физики, что и жизнедеятельность всего микро- и макрокосма. Научный, хотя несколько ироничный, стиль Лукреция подчеркивает это.

---

²⁵ Лукреций, естественно, не знает понятий ‘сексуальность’, ‘секс’, однако для современного читателя смысловые различия понятий ‘любовь’ и ‘секс’ совершенно очевидны и этически окрашены. Хотя сегодня многие могли бы назвать этот тип любви Лукреция сексом, для него это конечно любовь (*amor*), что позволяет нам использовать понятие ‘любви-секса’.

²⁶ Это не означает, что воспроизводство – чисто женская сфера, а любовь-страсть – чисто мужская (хотя анализ взаимоотношений полов у Лукреция приводит в последнем случае именно к такому выводу). Противопоставление здесь символическое. Воспроизводство рассматривается как естественный природный процесс порождения, как сама Природа (*Venus=femina=vita*), в то время как любовь-страсть как ее антагонист, в конечном итоге, как смерть (что найдет в тексте и буквальную аналогию в сравнении ее с контрацепцией).

Главным «действующим лицом» пассажа о мужском желании фактически оказывается *semen*²⁷. Процесс зарождения желания представлен следующим образом: 1. Достижение физической зрелости, с чем связывается созревание семени (1030-31²⁸; ср. 1038); 2. Возбуждающее действие прекрасных образов (1032-34²⁹; ср. 1039-40, 1052-563). Увеличение гениталей, побуждающее к эякуляции (1044-46)³⁰; предчувствие удовольствия (1057)³¹. Процесс представлен Лукрецием физиологически, объективно и безлично. Субъект не исчезает из него, но растворяется в нем, единственная его задача понять мудрость Природы и следовать ей. Физическая и природная суть процесса проглядывает в сравнении желания с раной³², а семени – с кровью (1049-50)³³. Это сравнение вплетается в ассоциативный ряд предшествующего пассажа

---

²⁷ Лукреций неоднократно (I книга – 12, II – 25, III – 16, IV – 28, V – 7, VI – 26) использует данный термин во всех книгах поэмы при рассмотрении физики макро и микрокосма (в том числе животного мира), что также подчеркивает общую физику любви-секса и природы как таковой.

²⁸ «К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность [tum quibus aetatis freta primitus insinuatur]

Начало семя, в тот день, лишь во членах оно созревает...» [semen, ubi ipsa dies membris matura creavit]

²⁹ «Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя [conveniunt simulacra foris e corpore quoque,]

Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих...» [punctia praecleari voltus pulchrique coloris...]

³⁰ «...Тут возбуждает само у людей детородные части. [...continuo partis genitalis corporis ipsas.]

Их раздражает оно и вздувает, рождая желанье [inritata tument loca semine fitque voluntas]

Выбросить семя туда, куда манит их дикая похоть...» [eicere id quo se contendit dira libido...]

³¹ «Ибо безмолвная страсть предвещает ему наслажденье» [namque voluptatem praesagit muta cupido]

³² Мотив любви-раны был излюбленным в греческой лирике, а позже и в римской (e.g. Ovid. *Metam.* X 197), но Лукреций лишает его полностью того трагизма, которым он обладал у поэтов.

³³ «Обыкновенно ведь все упадают на рану, и брызжет [namque omnes plerumque cadunt in vulnus et illam]

Кровь в направлении том, откуда удар был получен...» [emicat in partem sanguis, unde icimur ictu...]

о сновидениях (1024-29)³⁴, где Лукреций также говорит о различных типах *umores* в связи со снами: эротические сны ведут к ночным поллюциям (1030-36)³⁵, жаждущий напиток пьет во сне мнимый водный поток, страдающий выпустить избыток влаги мальчик делает это прямо в постель. Однако Лукреций приводит этот ряд не только с целью подчеркнуть естественность и сходную физиологию процессов. Он идет гораздо дальше: общая физика процессов может иметь различную природу. Если для удовлетворения жажды и голода необходимо потребление, то для удовлетворения сексуального желания и желания облегчения – выделение. Но если добиться желаемого удовлетворения в двух последних случаях можно даже во сне, то напиток во сне невозможно. Этот образ спящего, мучающегося от жажды, будет проходить через весь финал, ассоциируясь с образом любовника, не способного удовлетворить свое желание. Любовник, исходя из этой ассоциации, тот, кто пребывает в вечном сне, ибо не способен достичь истинного удовольствия (см. раздел «*Amor* и *simulacra*»). Подлинного же, «здорового», удовольствия можно легко достигнуть даже во сне и не менее просто наяву.

Все описание процесса любви-секса напоминает взаимную цепную реакцию, которая подчеркнута игрой слов *amor* и *umor* (влага, жидкость): женщина выделяет любовь из своего тела (1054: *iactans e corpore amorem*), мужчина вводит в него жидкость (1056: *et iacere umorem in corpus amorem*). По

---

³⁴ «Также и жаждущий пить у ручья себя видит и, жадно [*flumen item sitiens aut fontem propter amoenum*] Ртом приныкая к воде, точно всю ее выпить стремиться. [*adsidet et totum prope faucibus occupat amnem.*]

Мальчики часто во сне, представляя себя иль у ямы, [*puri saepe lacum propter si ac dolia curta*]

Иль у ночного горшка с приподнятой кверху рубашкой, [*somno devincti credunt se extollere vestem,*]

Весь выпускают запас накопившейся влаги из тела [*totius umorem saccatum corporis fundunt,*]

И покрывала насквозь вавилонские пышные мочат.» [*cum Babylonica magnifico splendore rigantur.*]

³⁵ См. прим. 72.

сути, играя этими созвучиями³⁶, Лукреций показывает не только их взаимность, но и их подобие: если *umor* – мужская ипостась сексуальной любви, *amor* – женская³⁷. Примечательно, что Лукреций не говорит здесь о женских *semina* (хотя в реальности он знает об их наличии, поскольку впоследствии упоминает *semina* двойного рода). Ведь для возникновения мужского желания они, в отличие от *amor*, не играют никакой роли. *Amor* женщины оказывается ее *simulacrum*, образом Красоты, вызывающей мужское желание³⁸.

Лукреций высоко ценит сексуальную любовь именно за ее соответствие Природе, тем самым за ее истинность, за ее здоровый (*magis sanis*) характер. Она приносит ничуть не меньшее удовольствие, чем любовь-страсть, но не имеет нездоровых последствий (1073-1076)³⁹. Лукреций противопоставляет ее любви-страсти, как любви ложной, и рассматривает в качестве лекарства от нее (1063-1067)⁴⁰. Природность

---

³⁶ *Amore*, 1048; *umor*, 1051; *amorem*, 1054; *umorem*, 1056; *Amoris*, 1058; *amoris*, 1063; *umorem*, 1065; *amore*, 1066 etc.

³⁷ О чем говорит и род этих слов: *umor* – мужского рода, *amor* – женского. Некоторые склонны полагать, что тем Лукреций подчеркивает их этимологическую связь (см. Friedländer P. *Pattern of Sound and Atomistic Theory in Lucretius* // *AJP*. 62/1941. P. 17-18). В то же время, если *umor* есть *semina*, *semina rerum*, первоэлемент *res*, то *amor* и есть *res*, ведь *amor* не раскладывается Лукрецием и является сублимацией *corpus feminae*; если *umor* – *semen* (элемент), то *amor* – сама *Natura* (единое).

³⁸ Лукреций знает и иной образ красоты (*puer membris muliebribus*, 1053), что служит данью греческой философской и литературной традиции, однако никакого концептуального значения он здесь не имеет.

³⁹ «Вовсе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает: [*Nec Veneris fructu caret is qui vitat amorem*,]

Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий. [*set potius quae sunt sine poena commoda sumit*];

Чище услада для тех, кто здоров и владеет собою, [*nam certe purat sanis magis inde voluptas*]

Чем для сходящих с ума...» [*quam miseris...*]

⁴⁰ «Но убежать надо нам этих призраков, искореняя [*sed fugitare decet simulacra et pabula amoris*]

Все, что питает любовь, и свой ум направлять на другое, [*absterere sibi atque alio convertere mentem*]

любви-секса еще больше проявляется в пассаже о женском желании, где автор напрямую связывает его с желанием животных (1197-1200)⁴¹. Женская любовь (1192) подобна мужской (1048). Она носит тот же характер *libido* и противостоит любви патологической⁴². Ее изображение более естественно,

---

Влаги запас извергать накопившийся в тело любое, [et iacere utrorem coniectum in corpora quaeque]

А не хранить для любви единственной, нас охватившей [nec retinere semel conversum unius amore]

Тем обрекая себя на заботу и верную муку.» [et servare sibi curam certumque dolorem...]

⁴¹ «И не могли бы никак ни скотина, ни звери, ни птицы, [nec ratione alia volucres armenta feraeque]

Ни кобылицы самцам отдаваться в том случае, если [et pecudes et equae maribus subsidere possent,]

Не полыхала бы в них неуёмно природная похоть [si non, ipsa quod illarum subat, ardet abundans]

И не влекла бы она вождельно к Венере стремиться». [natura et Venerem salientum laeta retractat.]

⁴² Но при всем этом его теория тесно переплетена с социальными реалиями. Его взгляд – это взгляд не просто философа, но мужчины-философа. Подробно рассматривая процесс зарождения мужского желания, о женском он говорит вскользь, замечая лишь, что женщины тоже одержимы природной похотью. Как зарождается их желание, от чего зависит, не ясно. Оно гораздо более инстинктивно и природно, чем мужское. Оно не связано с Красотой, как желание мужчин.

Женщина остается за кадром, поскольку вся теория удовольствия, по сути, обходит ее стороной. Все ассоциативные ряды Лукреция, связанные с достижением сексуального удовольствия, – мужские. Достижение перманентного удовольствия – это удел мудрецов, то есть философов, коими женщины быть не могут. Говоря о различных сексуальных позициях, в связи с бесплодием, Лукреций упоминает, что любовницы (развратницы) используют нестандартные телодвижения, однако, не для достижения собственного удовольствия, а чтоб «утонченней мужчинам дарить любовные ласки» (1276), хотя очевидно, что они всегда стремились и к собственному удовольствию (см. Ovid. Amores III 7).

Вся теория познания в конечном итоге тоже относится только к мужчинам. Из рассмотрения его теории *simulacra*, лежащей в основе теории познания (см. раздел «Amor и simulacra»), становится очевидным, что правильный или неправильный ответ разума на воздействие *simulacra* – удел мужчины. Он может ошибаться или не ошибаться, поскольку обладает *ratio*, и именно от этого будет

чем любви-страсти. Детали женской любви кажутся более чувственными, чем одержимых любовью-страстью (большей частью это касается влюбленных мужчин), причем автор использует при их показе различные глаголы. Если женщина дышит любовью (*suspirat amore*, 1192), то любовники вдыхают, сжав губы зубами (*inspirant pressantes dentibus ora*, 1109); если женщина, обняв тело мужчины, сплетает его со своим (*complexa viri corpus cum corpore iungit*, 1193), то влюбленные мужчины сильно сжимают возлюбленных, причиняя боль телу (*quod petiere, premunt arte faciuntque dolorem corporis*, 1079-1080); если женщина изливает влажные поцелуи (*tenet adscuctis umectans oscula labris*, 1194), то мужчины часто кусают и пригвождают губки и ротик любимой зубами (*dentes inlidunt saepe labellis osculaque adfigunt*, 1080-81); если женщина, ища общей радости, побуждает мужчину достичь удовольствия любви (*communia quaerens gaudia sollicitat spatium decurrere amoris*, 1195-1196), то усилия возлюбленных тщетны: «...ничего они выжать не могут, Как и пробиться вовнутрь и в тело всем телом проникнуть, Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться» (*ne quiquam, quoniam nihil inde abradere possunt nec penetrare et abire in corpus corpore toto; nam facere inter dum velle et certare videntur*, 1110-1112). Женщина, как видим, действующая в соответствии с инстинктом, оказывается гораздо успешней в де-

---

достигнуто здоровое (любовь-секс) или не здоровое удовольствие (любовь-страсть).

При этом женщина у Лукреция символически ассоциируется с Природой, что возвышает ее роль, по сравнению с мужчиной (мужчина выступает антагонистом природы, выражая субъективный мир человека). Недаром за пассажем о женской сексуальности следует тема воспроизводства (естественная функция Природы), в то время как за пассажем о мужской сексуальности следует атака на любовь-страсть, ответственной за которую оказывается мужчина. Для Лукреция любовь-страсть – обман, не способность понять природу, aberrация сознания (см. ниже). В этом проглядывает определенный социальный скептицизм Лукреция и его стремление переложить ответственность за неустроенность социального порядка на мужчину (что логично, учитывая роль мужчины-гражданина в полисе), как неспособного воспринимать вещи в истинном свете. Все это приводит к двойственности позиции Лукреция.

ле любви, чем влюбленные (мужчины), все действия которых, направленные на достижение удовольствия, оказываются напрасными⁴³.

Завершается пассаж о женской любви фразой-рефреном: «Так что опять повторю я: утехи любви обоюдны» (1207)⁴⁴. Фраза очень важная. Она звучит как антитеза всей предыдущей философской и античной социальной традиции, в которой мужчина занимал ведущее положение. Следует помнить, что речь идет, прежде всего, о физической взаимности и не имеет отношения к другим сферам⁴⁵. Эта вполне искренняя любовь (пес...ficto, 1192) идет из души (ex animo, 1195⁴⁶), и все же она, по выражению Р. Брауна, – лишь «физический магнетизм, влекущий тело к телу для обмена удовольствием»⁴⁷ (что видно из неоднократного повторения слова corpus⁴⁸).

---

⁴³ В отличие от мужчины, чье желание возбуждается образом красоты и связано со взглядом, женское желание полностью природно, не зависит от взгляда, а значит, не может быть обмануто simulacra.

⁴⁴ «Quare etiam atque etiam, ut dico, est communis voluptas».

⁴⁵ При этом пассивная, зависимая позиция женщины в любви проглядывает в словах Лукреция: «...не всегда притворною дышит любовью Женщина...» (Nec mulier semper ficto suspirat amore..., 1192-93).

⁴⁶ В строфе 1054 любовь женщины вытекала «e corpore». Учитывая учение Лукреция о материальности души, развитое в III книге, очевидно, что corpus и anima суть близкие вещи.

⁴⁷ Op. cit., P. 66.

⁴⁸ В финале четвертой книги слово corpus употреблено Лукрецием 25 раз. Приведем некоторые примеры такого рода: corpore toto (1042), partis genitalis corporis (1044), idque petit corpus (1048), e corpore amorem (1054), umorem in corpus de corpore (1056), iacere umorem coniectum in corpora (1065), corpus cum corpore iungit (1193). Телесное изображение любви относится и к любви-страсти: adfigunt avidae corpus (1108), in corpus corpore toto (1111). Примечательно, что Лукреций использует одно и то же слово как для объектов «физического мира», так и для человека (можно привести частотность употребления corpus и его производных в поэме: книга I – 103, II – 95, III – 149, IV – 72, V – 63, VI – 61). Человек – это такой же corpus Природы, как и все другие физические объекты, составляющие микро и макрокосм. А вот использование слова дух, душа и их производных в финале (6 раз из 48 в 4-й книге) несопос-

Некоторая сентиментальность, которая присутствовала при описании женской любви, полностью исчезает при переходе к теме воспроизводства, включающей рассмотрение вопросов наследственности (1209-1234) и бесплодия (1235-1277). Идея *communia*, заявленная выше, и здесь с успехом используется автором. Рассуждения автора вполне прагматичны, но и они полностью соответствуют его физической концепции. Наследственность есть лишь результат того или иного смешения мужского и женского семени (1208-1214)⁴⁹. Бесплодие также подчиняется рациональному объяснению. Оно вовсе не зависит от богов и не является следствием их гнева (1235-1239). Способность к зачатию связана с качеством семени (1240-41)⁵⁰ и с гармонией (1248)⁵¹ (семени мужского и женского), что выражено посредством антитезы *crassa – liquida*. Поэтому совершенно естественен совет искать в любви того партнера, с которым такая гармония будет достигнута (1249-1250)⁵². Качество семени зависит от пищи

тавимо с *corpus*; любовь – это не чувство и не душа, это тело, притом абстрактное, не наделенное индивидуальными чертами.

⁴⁹ «Если в смешении семян случится, что женская сила [Et *commiscendo quom semine forte virilem*]

Верх над мужскою возьмет и ее одолеет внезапно, [*femina vim vicit subita vi corripuitque*,]

С матерью схожих детей породит материнское семя, [*tum similes matrum materno semine fiunt*,]

Семя отцово – с отцом. А те, что походят, как видно, [*ut patribus patrio. sed quos utriusque figurae*]

И на отца и на мать и черты проявляют обоих, [*esse vides, iuxtim miscentes vulta parentum*,]

Эти от плоти отца и от матери крови родятся...» [*corpore de patrio et materno sanguine crescunt...*]

⁵⁰ «Ибо бесплодны они оттого, что иль слишком густое [*nam steriles nimium crasso sunt semine partim*,]

Семя у них, иль оно чрезмерно текуче и жидко». [*et liquido praeter iustum tenuique vicissim*.]

⁵¹ «Ибо зависит в любви от гармонии, видимо, много». [*nam multum harmoniae Veneris differre videntur*.]

⁵² «Этот скорее одну отягчает, а та от другого [*atque alias alii complent magis ex aliisque*]

Может скорей понести и беременной сделаться легче». [*succipiunt aliae pondus magis inque gravescunt*.]

(1260-62)⁵³, гармония же связана еще и со способом, «каким предаются любовным утехам» (1263-1267)⁵⁴. Лукреций, который следует, возможно, распространенному мнению («plerumque putantur»), советует учиться этому у животных, которые гораздо ближе к природе. Связь с природой он подчеркивает и с помощью используемых образов и терминов, связанных с возделыванием пашни (*sulcus, vomer*, 1272-73). Попытка обмануть природу, следование неестественным способам (из стремления к большему, но неестественному удовольствию), ведет к контрацепции 1269-70⁵⁵. Заниматься такого рода любовью могут только распутницы (любовницы), женам же она несколько не нужна (1268; 1277)⁵⁶. Противопоставление здесь любви жен и любовниц напоминает противопоставление любви-секса (естественной, природной) и любви-страсти (априродной). При этом позиция Лукреция вполне традиционна. Жена рассматривается как средство воспроизводства и пример гражданской добродетели: ей не пристало вести себя подобно греческим гетерам или римским *meretrices*. Лукреций противопоставляет *ixor* и *scorta*. *Scorta* имеет двойкий смысл: развратница, любовница. Оба

---

⁵³ «Также существенно то, какой мы питаемся пищей, [atque in eo refert quo victu vita colatur;]

Ибо от пищи одной семена в нашем теле густеют, [namque aliis rebus concrescunt semina membris]

Наоборот, от другой становятся жиже и чахнут». [atque aliis extentantur tabentque vicissim].

⁵⁴ «...считается часто, что жены [...nam more ferarum]

Могут удобней зачать по способу четвероногих, [quadrupedumque magis ritu plerumque putantur]

Или зверей, потому что тогда достигают до нужных [concipere uxores, quia sic loca sumere possunt]

Мест семена, коль опущена грудь и приподняты чресла». [pectoribus positus sublatis semina lumbis].

⁵⁵ «Женщины сами себе зачинать не дают и мешают, [nam mulier prohibet se concipere atque repugnat,]

Если на похоть мужчин отвечают движением бедер...» [clunibus ipsa viri Venerem si laeta retractat...]

⁵⁶ «И в сладострастных отнюдь не нуждаются жены движеньях». [pec molles opus sunt motus uxorigibus hilum.]

«То, что для наших супругов, очевидно, несколько не нужно». [coniugibus quod nil nostris opus esse videtur.]

эти смысла сливаются в одном слове и противопоставляются жене, как добродетельной и не связанной со сферой любви (любви-страсти, столь воспеваемой в I в. лирическими поэтами)⁵⁷. Таким образом, Лукреций связывает брак с сексуальной любовью, считая и то, и другое присущим Природе. Здесь, казалось бы, он входит в определенный диссонанс, поскольку рассматривает любовь-секс как способ получения удовольствия и избегания боли как вне брака, так и в браке; как кратковременную и как продолжительную связь; как связанную с воспроизводством, и как не связанную с ним. Однако для Лукреция здесь нет противоречия, ведь любовь-секс – единственно естественная и истинная, и, как таковая, единая. Но все же в заключительной части финала Лукреций отходит от дихотомии, или, точнее, несколько уточняет ее (1278-1283)⁵⁸. Социальная практика смешивается им с теорией, порождая гибрид любви-секса-привычки. Той самой привычки, которая была основанием отношений супругов в римской комедии и социальной практике. Для такой любви нужны уже не только теоретическое удовольствие и гармония, но и практические: смиренный нрав женщины и чистоплотность, способствующие длительности отношений. При этом вовсе не обязательно для женщины быть красавицей. Лукреций не идеализирует такого рода отношения, так как

---

⁵⁷ Античная семья, как известно, вообще не строилась на началах любви между мужем и женой. Любовь, как начало тревожное, хаотическое, не подчиняющееся упорядочиванию, находилась вне семьи (см. об этом нашу работу «Брак: любовь или добродетель (античные этюды)» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2001. № 2. С. 9-28.

⁵⁸ «Да и не воля богов, не Венерины стрелы причиной [Nec divinitus inter dum Venerisque sagittis]

Служат того, что порой и дурнушка бывает любима. [deteriore fit ut forma muliercula ametur;]

Ибо порою ее поведенье, приветливость нрава [nam facit ipsa suis inter dum femina factis]

И чистоплотность ведут к тому, что легко приучает [morigerisque modis et munde corpore culto,]

Женщина эта тебя проводить твою жизнь с нею вместе, [ut facile insuescat secum [te] degere vitam.]

И, в завершение всего, привычка любовь вызывает...» [quod super est, consuetudo concinnat amorem...]

они не связаны со страстью. Видимо намеренно он не связывает их с браком, что оставляет возможность такой *consuetudo* и вне брака⁵⁹. Мы не знаем, как именно относится Лукреций к браку, поскольку он нигде не выражает предпочтений, следуя принципу научной объективности. Последний пассаж, который призван расставить все точки над *i*, тем не менее, оставляет читателя в недоумении. Казалось бы, автор выражает здесь свои симпатии, но тон, которым он это делает (*forma muliercula*, 1279), позволяет в этом усомниться. За объективностью и иронией, все же слышится положительная оценка, опирающаяся на традиционный римский консерватизм, что проявляется в противопоставлении жены и любовницы, воспроизводства и контрацепции, заботе о благосостоянии семьи. Это стремление к нейтральности возможно связано с нежеланием входить в конфликт с позицией Эпикура в отношении семьи. Исходя из своей концепции удовольствия, он рассматривал брак, семью и детей как факторы, препятствующие его достижению, как потенциальные источники проблем, которые мудрый человек может избежать (*Us.* 19, 525-29)⁶⁰. Позиция прагматичного римлянина, стремящегося сделать философию достоянием непосвященных, не столь радикальна, она вполне согласуется с римским традиционным мировоззрением. Более того, отказ от следования Эпикуру в этом вопросе, мог стать следствием именно складывающейся ситуации в Риме: «падения нравов», свободы разводов. Впрочем, позиция самого Эпикура не однозначна. Наряду с осуждением брака, он все же допускает его возможность, более того, он выступает за интимные отно-

---

⁵⁹ Следует напомнить также, что римский правильный брак «*matrimonium*», был институтом чисто гражданским. Его не могли заключать различные группы не гражданского населения Рима, как и рабы. Концепция Лукреция, конечно, имеет в виду человека (*homo*) вообще.

⁶⁰ «Ни жениться, ни заводить детей мудрец тоже не будет (так пишет сам Эпикур в «Сомнениях» и в книгах о «Природе»); правда, при некоторых житейских обстоятельствах он может и вступить в брак, но других будет отговаривать» (*D.L.* X 118). Сенека, в одном из фрагментов, говорит, что Эпикур выступал против брака, поскольку никто не может знать, будет жена хорошей или плохой (*Us.* 19).

шения только с теми, с «кем это допускает закон» (D.L. X 118)⁶¹, поскольку нарушение этого правила вело бы к гораздо большим негативным последствиям, чем возможное полученное удовольствие⁶².

Отношение Эпикура к любви-сексу также неоднозначно. Он ставит ее в разряд естественных, но не необходимых желаний. Их неудовлетворение не ведет к боли, они могут быть легко рассеяны (DK XXX). Он относит их к кинетическим, связанным с движением, ведущим к разнообразию удовольствий, но не к пределу. Эпикур отнюдь не считает их презренными (Cic. Tusc. V 193). Согласно Плутарху, Эпикур в «Пире» обсуждал вопрос о времени интимных отношений и рекомендовал заниматься этим, исходя из его физики, в утренние часы до принятия пищи⁶³. В то же время, Диоген Лаэртский говорит (X 118), что «плотское общение, по их [эпикурейцев – А.П.] словам, никогда не приносило пользы; но хорошо и то, что оно не приносило и вреда». Эти противоречивые суждения «диалектично» пытается объединить и объяснить Цицерон⁶⁴. Из его объяснения видно, что предписа-

---

⁶¹ Как говорит Диоген Лаэртский, в школе Эпикура практиковались отношения с куртизанками (D.L. X 7). Закон, как известно, запрещал отношения с замужними женщинами, что рассматривалось как прелюбодеяние, в то же время, отношения с негражданским населением и рабынями законом не преследовались.

⁶² D.L. X 129: «...мы отдаем предпочтение не всякому наслаждению, но подчас многие из них обходим, если за ними следуют более значительные неприятности...»; ср. Cic. Tusc. V 95.

⁶³ Plut. Moral. 3, 6, 2: «...Поэтому Эпикур советует вступать в общение, когда тело обретет покой и освободятся пути распростаивания пищи по телу, до возникновения потребности в новом общении...»

⁶⁴ Цицерон дает довольно пространное толкование этого (Tusc. V 94): «...Здесь у эпикурейцев большие разногласия – они подробно разбирают порознь все те наслаждения, которые для них презренны, и таких оказывается много. Таковы, например, постыдные наслаждения, о которых они много писали: они легки, общеобычны, важны, и если сама природа их требует, то соразмерять их нужно не с временем и местом, а только с возрастом, лицом и видом того, кого любишь; однако воздержаться от них не составляет труда, если этого требует здоровье, обязательство или молва. Стало быть, такие наслаждения в благоприятных условиях желательны, но ни в каких условиях не полезны.» (пер. М. Гаспарова) [Нос

ния эпикурейцев имели рационалистический, а не моральный принцип (впрочем Цицерон указывает на большие разногласия в этом вопросе). По Цицерону, основными критериями они считали не происхождение, место и сословие, но возраст и вид (*non genere aut loco aut ordine, sed forma aetate figura metiendas putant*).

Если попытаться сопоставить концепцию любви-секса Лукреция и Эпикура, что можно сделать весьма условно, видно, что Лукреций придерживался общей систематизации удовольствий Эпикура. Однако, как нам представляется, Лукреций склонен считать любовь-секс – естественным и необходимым удовольствием, ставя ее выше, чем Эпикур. Мы не знаем, что было положено у Эпикура в основу систематизации в трактате *Περὶ ἕρως*, однако, очевидно, что она была отлична от Лукрециевой, который тесно увязывает ее с концепцией Природы. Эстетизация и этизация Природы определила всю концепцию любви-секса Лукреция. При всей кажущейся для современного человека ее (любви) механистичности и ачувственности, она все же столь же прекрасна для него, и столь же этична, как сама Природа, и определяемый ею Порядок⁶⁵. Она столь же чувствена (объективно), как сама объективная Природа. Чего в ней нет, так это субъекта, который в объективности Природы, может быть только объектом.

---

loco multa ab Epicureis disputantur, eaeque voluptates singillatim extenuantur; quarum genera [non] contemnunt, quaerunt tamen copiam. Nam et obscenas voluptates, de quibus multa ab illis habetur oratio, facilis communis in medio sitas esse dicunt, easque si natura requirat, non genere aut loco aut ordine, sed forma aetate figura metiendas putant, ab isque abstinere minime esse difficile, si aut validudo aut officium aut fama postulet, omninoque genus hoc voluptatum optabile esse, si non obsit, prodesse numquam].

⁶⁵ Идея естественного природного закона (права), будет впоследствии воплощена в трудах Цицерона, который найдет в ней опору для консервативной теории Римского государства.

Amor и simulacra

*Так и Венера в любви только призраком дразнит влюбленных
Лукреций*

По своей реализации концепция Лукреция сопоставима с Платоновской, которой, по сути, и противостоит. Как образ Эроса⁶⁶, опирающийся на греческую мифологию, традицию и ментальность, должен был показать истинность самой философии Платона, так и образ amor (любви-страсти) Лукреция, покоящийся не только на эпикуровской, но и на всей эллинистически-римской традиции и римском *ratio*, был призван показать истинность философии автора. Любовь – категория, которая кажется очевидной каждому непосвященному (а именно для них написана работа: IV 18-20), что позволяет объяснять непонятные вещи понятным языком: именно эту задачу приблизить философию к людям, сделать ее понятной и полезной, ставил перед собой Эпикур, а вслед за ним и Лукреций. Любовь становится тем оселком, посредством которого раскрывается истинность теории познания, основной темы четвертой книги, в то же время, сама теория становится лишь средством познания природы любви (Природы вообще), осознания истинности и ложности жизненных представлений, и негласного призыва следовать истинному пути Природы.

Автор намеренно помещает разговор о любви в финал, что позволяет ему связать теорию и практику. Атака на любовь следует за рассуждением о *simulacra* и *imago* (невидимых призраках и образах вещей, 30-906), и *somnus* (сне и сновидениях, 907-1037)⁶⁷. Именно эта семантика призрачно-

---

⁶⁶ Философия Эроса развита Платоном в его диалогах «Пир» и, отчасти, «Федр».

⁶⁷ Согласно Лукрецию, все вещи имеют материальные призраки (*simulacra*), которые, отделяясь от поверхности вещей свободно парят в воздухе. Эти *simulacra* и вызывают наши чувства, посредством влияния на зрение, слух, обоняние. Чувства объективны («чувств опровергнуть ничем не возможно», 479), но не они познают природу, а разум. Поэтому истинность или ложность картины мира связана не с чувствами, а с разумом («ведь тут большей частью ведут к заблуждению Нас измышления ума, привносимые нами самими, Видимым то заставляя считать, что чувствам не

сти, иллюзорности мира любви-страсти и становится определяющей в развенчании amor⁶⁸. Переход к теме любви ав-

видно», 464-66; ср.: D.L. X 50-52). Призраки могут быть различны по форме и структуре. Одни видимы глазу, другие нет. Эти тонкие призраки способны проникать через поры, тревожа душу, возбуждая ум и вызывая те же образы, что другие вызывают через зрение. Поэтому и во сне призраки также владеют нашим сознанием, как и наяву.

⁶⁸ Цицерон, рассуждая о любви-страсти в «Тускуланских беседах» (IV 68) также называет ее amor (appellatur amor - nec hercule invenio, quo nomine alio possit appellari), возможно идя вслед за Лукрецием. Римские поэты заменяли Эрос (с которым ассоциировали любовь-страсть) римским эквивалентом – Cupido (Catul. LXVIII; Tibul. II 1; 5; Ovid. Amor. I 1; 2: etc). Лукреций видимо намеренно не использует это понятие. Не Эрос (Купидон) повинен в любви-страсти, поскольку боги не играют в этом никакой роли (IV 1052, 1278), а неадекватное восприятие mens. В то же время Лукреций использует термин Venus, но как символ природы и истинной любви.

Греки различали 4 типа любви (см. Аверинцев С.С. Любовь // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 327). Любовь-страсть они связывали с Эросом, с богом непроемким, согласно Гесиоду (Theog. 120-122), с которым связывалась идея первоначального безличного порождения. Вся архаическая поэтическая традиция греков (вплоть до эпохи эллинизма) проникнута трепетным страхом перед Эросом, несущим муки страсти. Классическими примерами такого рода являются «Антигона» Софокла (781-801) и «Ипполит» Еврипида (525-64). С Эросом, греческое архаическое синкретичное сознание связывало Любовь-Смерть. Именно он был ответствен за введение человека в это пограничное состояние. Приведем здесь лишь некоторые строки греческих лириков. «От страсти обезжизневший, Жалкий лежу я, и волей богов несказанные муки Насковзь пронзают кости мне» (Архилох 63(193); «Эта-то страстная жажда любовная, переполнив сердце, В глазах великий мрак распространила, Нежные чувства в груди уничтоживши» (он же, 64(191). «Эрос это бешенный дурачится» (Алкман Парфении 20(58). «Эрос вновь меня мучит истомчивый – Горько-сладостный, необоримый змей» (Сапфо 55(130). «Мне же никогда не дает вздохнуть Эрос. Летит от Киприды он – Темный, вселяющий ужас всем – Словно сверкающий молнией северный ветер фракийский, и душу Мощно до самого дна колышет Жгучим безумием...» (Ивик Энкомий Поликрату 6). «Эрос меня увлекает, я чувствую, в бездну Аида» (Феокрит Идиллия I 130), «Эрос жестокий! Зачем, присосавшись болотной пиявкой, Высосал черную кровь из груди моей ты без остатка?» (он же, Идиллия II 55-56),

тор делает незаметным, благодаря переходному пассажию о сексуальных сновидениях (1030-36)⁶⁹, которые вызываются сходящимися призраками. Юноши, чье семя созрело, автоматически во сне концентрируются на прекрасных образах, как мучимые жаждой на мечтах о воде (1024-25; ср. 1026-29)⁷⁰. Simulacra, которые ведут к ночным поллюциям, так же вызывают желание и наяву. Это естественное желание должно быть удовлетворено столь же естественно (*iacere umorem in corpus de corpore*, 1056) как удовлетворяются жажда питьем, а голод пищей. Это и есть любовь-секс – правильная реакция *mens* на вызов *simulacra*. Однако разум не всегда верно

«Глянув, лишилась ума, да и прыгнула к Эросу в бездну» (он же, Идиллия III 42), «Но слеп не только ведь Плутос, Также и Эрос безумец» (он же, Идиллия X 19). Цит. по: «Эллинские поэты VIII-III вв. до н.э.», М., 1999. Философская же традиция греков не единая: для Платона, а вслед за ним для стоиков, Эрос – высшее Благо; для Эпикура, пифагорейцев (*Plut. Moral.* 3, 6, 3), и др. – зло. Самой известной концепцией Любви-Эроса была, конечно, концепция Платона. Платон расчленяет Эрос на «небесный» и «пошлый», понимая под последним любовь-необходимость к женщине, а под первым отношения между мужчиной и юношей, между философом и его учеником. В то же время, Эрос у Платона – это гений, связующее звено мира земного и мира небесного, ведущий души к совершенству, к познанию Блага и Божественной Красоты. Достижение этого ведет душу к бессмертию. Теория Платона была очень популярной в античности, в той или иной интерпретации, мы можем встретить ее реминисценции у стоиков, Плутарха, Плотина и др.

⁶⁹ «К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность [*tum quibus aetatis freta primitus insinuat*]

Начало семя, в тот день, лишь во членах оно созревает, [*semen, ubi ipsa dies membris matura creavit,*]

Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя [*conveniunt simulacra foris e corpore quoque,*]

Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих. [*nuntia praeclari voltus pulchrique coloris,*]

Тут раздражаются в них надутые семенем части, [*qui ciet irritans loca turgida semine multo,*]

Так что нередко они, совершив как будто, что надо, [*ut quasi transactis saepe omnibus rebus profundant*]

Вон выпуская струю изобильную, пачкают платье.» [*fluminis ingentis fluctus vestemque cruentent.*]

⁷⁰ См. прим. 37.

реагирует на чувственные образы, что ведет к ложному пониманию мира, и естественная любовь трансформируется в свою противоположность – любовь-страсть. Влюбленного, концентрирующегося на предмете любви, постоянно преследуют ее *simulacra* и звук ее имени, вызывающие постоянное желание. Отсутствие возлюбленной причиняет постоянную боль юноше, который, в силу видения единственного недосыгаемого тела, ошибочно сохраняет накопленное семя, навлекая на себя физические и психологические страдания. Однако эти страдания не ограничены временем, они продолжают даже тогда, когда возлюбленная лежит в его объятиях («...Ведь и в самый миг обладания Страсть продолжает кипеть и безвыходно мучит влюбленных...», 1076-77). *Miser*, как именует его Лукреций⁷¹, испытывает одновременно удовольствие и страдание, в отличие от тех «кто здоров», чья «чище услада» (1075). Поведение любовников не адекватно («Сами не знают они, что насытить: глаза или руки? Цель вожелений своих сжимают в объятиях и, телу Боль причиняя порой...»). Они пытаются насытить свою страсть, но все их усилия тщетны, даже «когда страсть, накопившаяся в жилах, прорвется» (1115), лишь «небольшой перерыв наступает в неистовом пыле» (1116), поскольку «возвращаются вновь и безумье и ярость все та же, Лишь начинают опять устрем-

⁷¹ Описание «несчастливого» влюбленного очень напоминает поэтический штамп, идущий от Сапфо, и ярко выписанный Катуллом (L1).

«...Сладостный твой смех, у меня, бедняги, [*dulce ridentem, misero quod omnis*]

Лесбия, он все отнимает чувства, [*eripit sensus mihi: nam simul te,*]

Вижу лишь тебя – пропадает сразу [*Lesbia, aspexi, nihil est super mi*]

Голос мой звонкий * * * * *

Тотчас мой язык цепенеет, пламя [*lingua sed torpet, tenuis sub artus*]

Пробегаёт вдруг в ослабевших членах, [*flamma demanat, sonitu suopte*]

Звон стоит в ушах, покрывает очи [*tintinant aures, gemina et teguntur*]

Мрак непроглядный...» [*lumina nocte...*]

ляться к предмету желаний» (1117-18). Ложность идеи в том, что пища и питье, проникая в тело, способны занимать известное место и тем легко удовлетворяют желание (1091-93), в то время как тело возлюбленной излучает только тонкие *simulacra* («Но человека лицо и вся его яркая прелесть Тела насытить ничем, кроме призраков тонких не могут...», 1094-95). В отличие от жажды и голода, сексуальный аппетит пробужден не истощением, но накоплением, и удовлетворяется извержением, а не потреблением. Пища любви (*rabula amoris*, 1063) – *simulacra* – питает только страсть любовника, а не его бытие. Лукреций подчеркивает противоестественность ситуации, сравнивая любовника со спящим, жаждущим напиться, но неспособным это сделать, поскольку тот пьет призрак ручья (1097-99). В своем ложном стремлении любовник теряет из виду реальный, легко достижимый способ достичь *voluptas* – избавиться себя от чрезмерного *umor*.

Атака на любовь не заканчивается объяснением ложного восприятия, связанного с *simulacra*. Лукреций акцентирует внимание на социальных пороках и психологических издержках любви. Автор рисует картину роскоши и разложения. Он перечисляет ряд вычурных заморских вещей (*Babilonica unguenta, pulchra Sicyonia, zmaragdi, thalassina vestis, anademnata, mitrae, pallam, Alidensia Ciaque*, 1123-30), которые ассоциируются с любовницей, подчеркивая их «ненашесть», неестественность и никчемность. Все эти вещи Венеры выжимают из любовников последнее и «Все состояние отцов, нажитое честно, на ленты Или на митры идет и заморские ценные ткани». Автор подчеркивает бессмысленность всех издержек, на которые влюбленный идет для получения удовольствия. И утрата свободы влюбленного (1122), и раскошь, и постоянные пирушки не ведут к достижению желаемого («Тщетно! Из самых глубин наслаждений исходит при этом Горькое что-то, что грызет сознание того, что проводят Праздно они свою жизнь и погрязли в нечистом болоте», 1133-36). Число несчастий, что приходят с любовью неисчислимо и Лукреций советует быть настороже («Ибо избегнуть тенет любовных и в сеть не попасться Легче гораздо, чем, там очутившись, обратно на волю Выйти...»), 1146-48). В этом пассаже нет речи о *simulacra*, но намек, что

беды любви видны даже с закрытыми глазами (1142-43), предполагает ассоциацию с предыдущим пассажем. Подчеркнутая чувственность некоторых деталей (мерцание обуви (1125), блеск изумрудов (1126), платье цвета моря (1127), неприбранное и пропитанное потом Венеры (1128)) намекает на усиление влияния *imagines* на влюбленного и усиление, вместе с тем, неадекватного неисполнимого желания. Удовольствие же разрушается то чувством вины из-за бессмысленного прожигания жизни (1135-36), то ревностью и осознанием самоунижения. Любовь превращается в игру для женщины и муку для влюбленного (1139-40).

Продолжая перечисление любовных невзгод, автор переходит от показа нерационального поведения к изображению нерациональности мышления влюбленного. Он настолько захвачен страстью, что не только не видит недостатков любимой, но и превращает их в достоинства (1160-1169)⁷².

*Черная кажется им «медуницей», грязнуха – «простушкой»,
Коль сероглаза она, то – «Паллада сама», а худая – «Козочка». Карлица то – «грациозная крошечка», «искра»;
Дылду они назовут «величавой», «достоинства полной»;
«Мило щебечет» заика для них, а немая – «стыдлива»;
Та, что несносно трещит беспрестанно, – «огонь настоящий»;
«Неги изящной полна» тщедушная им и больная;
Самая «сладость» для них, что кашляет в смертной чахотке;
Туша грудастая им – «Церера, кормящая Вакха»;
Если курноса – «Силена», губаста – «лобзания сладость».*

Пассаж Лукреция покоится на распространенном топосе. Для сравнения можно привести отрывки из Платона

---

⁷² «*nigra melichrus est, immunda et fetida acosmos, caesia Palladium, nervosa et lignea dorcas, parvula, pumilio, chariton mia, tota merum sal, magna atque inmanis cataplexis plenaque honoris. balba loqui non quit, traulizi, muta pudens est; at flagrans, odiosa, loquacula Lampadium fit. ischnon eromenion tum fit, cum vivere non quit prae macie; rhadine verost iam mortua tussi. at nimia et mammosa Ceres est ipsa ab Iaccho, simula Silena ac Saturast, labeosa philema.*»

(Resp. 474d-e)⁷³ и Феокрита (X)⁷⁴, где влюбленные также превозносят любимых⁷⁵. Однако если любовник Платона действует разумно, с целью добиться желаемого, любовник Феокрита – невинный романтик, готовый игнорировать общее мнение, то любовник Лукреция совершенно близорук. Глубина его заблуждения передается игрой греческих «причудливых» и римских «реальных» понятий (*nigra melichrus, fetida acosmos, lignea dorcas, pumilio chariton mia, balba traulizi, inmanis cataplexis...*). Абсурдность ситуации доводится до предела тем, что влюбленный сравнивает объект своей любви с инобытийными персонажами, возводя ее на уровень богини (*Palladium, 1161; Chariton mia, 1162; Ceres...ipsa ab Iaccho, 1168; Silena ac Saturast, 1169*). Нелепость возвеличения дурнушки кажется очевидной для Лукреция, но даже та, чье «тело обаянием дышит Венеры» (1172), не должна ввергать в любовь-страсть, ведь есть же другие, «без неё-то ведь жили мы раньше» (1173). К тому же внешняя красота такая же иллюзия: за красивым фасадом оказывается та же несовершенная реальность (1174-1176)⁷⁶.

⁷³ «Знатоку любовных дел не годится забывать, что человека, равнодушного к юношам и влюбчивого, в какой-то мере поражают и возбуждают все, кто находится в цветущем возрасте и кажутся ему достойными внимания и любви...»

⁷⁴ «Ах, моя прелесть, Бомбика! Тебя сириянкой прозвали.

Солнцем сожженной, сухой, и я лишь один – медоцветной...»

⁷⁵ Впоследствии свой гениальный вариант даст Катулл (LXXXVI), где имеются некоторые словесные подобию с Лукрецием.

«Квинтию славят красивой. А я назову ее стройной, [*Qvintia formosa est multis. mihi candida, longa,*]

Белой и станом прямой. Все похвалю по частям. [*recta est: haec ego sic singula confiteor.*]

Не назову лишь красавицей. В Квинтии нет обаянья, [*totum illud formosa nego: nam nulla uenustas,*]

В теле роскошном таком искорки нету огня. [*nulla in tam magno est corpore mica salis.*]

Лесбия - вот кто красива! Она обездолила женщин, [*Lesbia formosa est, quae cum pulcerrima tota est,*]

Женские все волшебства соединила в себе.» [*tum omnibus una omnis surripuit Veneres.*]

⁷⁶ «*nempe eadem facit et scimus facere omnia turpi*

et miseram taetris se suffit odoribus ipsa,

quam famulae longe fugitant furtimque cachinnant.»

*Все, что дурные собой, она делает так же, мы знаем,
И отравляет себя, несчастная, запахом скверным,
Так что служанки бегут от нее и украдкой смеются.*

Этому отрывку противопоставлен пассаж, изображающий любовника (1177-79)⁷⁷.

*Но недопущенный всё ж в слезах постоянно любовник
Ей на порог и цветы и гирлянды кладет, майораном
Мажет он гордый косяк и двери, несчастный, целует.*

Полный контраст, реализуемый в антитезах (внутри-снаружи, скверный запах-аромат, смех-слезы, отказ-помощь), указывает на уход любовника от реальности: он готов поклоняться не только возлюбленной, но и ее «гордому косяку». И это притом, что граница между реальностью и ирреальностью очень тонка. Чтоб развеять ее, достаточно одного легкого дуновения. Но желание заблуждаться и уловки «наших Венер» превращают мужчину в обожающего раба, а женщину в циничного манипулятора («с тем большим стараньем Сторону жизни они закулисную прячут от взоров Тех, кого удержать им хочется в сети любовной», 1185-87). Последняя строфа как бы подчеркивает пропасть, лежащую между реалиями любви и навязчивой иллюзией. Цель, которой добивался автор, показать нелепость и иллюзорность любви-страсти, выполнена. Самая глубокая иллюзия⁷⁸, разбита. Вооруженный этим знанием мужчина сможет легко понять женские уловки, а поэтому может порой смотреть на эти слабости сквозь пальцы, особенно, если женщина не вздорна и кротка (1188-1192), что намекает на возможность не вообразаемых, основанных на внешней красоте, отношений, а реальных, покоящихся на красоте внутренней, в основе чего добродетельный характер женщины (*si bello animos et non odiosa*, 1190). Эта мысль,

---

⁷⁷ «at lacrimans exclusus amator limina saepe
floribus et sertis operit postisque superbos
unguit amaracino et foribus miser oscula figit...»

⁷⁸ Лукреций знает и о других, с которыми ассоциативно связывает любовь – оптические обманы и сновидения. Но если те и другие временны и безобидны, то иллюзия-любви наносит вред и психологическому состоянию любовников, и их социальной респектабельности.

закрывающая пассаж о любви-страсти, направляет читателя к теме женского желания, возвращая вновь к любви-сексу, к истинной *via amoris*.

Попробуем теперь взглянуть на позицию Эпикура в отношении Эроса. Как сообщает Диоген Лаэртский, ссылаясь на работу Диогена «Обзор Эпикуровых нравственных учений», «по их [эпикурейцев – *А.П.*] суждению, мудрец не должен быть влюблен», «любовь дана людям отнюдь не от богов» (D.L. X 118). Согласно Филодему (110-40 гг.), грека-эпикурейца из Геркуланума, спорящего со стоиками, любовь вредна, разрушительна и близка к безумию (De Dis., 3, fr. 76. 4-8 Diels; ср. Mus. 4, 13-16). Мы помним также, что Эпикур, при анализе удовольствий (DK XXX), указывал, что «напряженное стремление происходит от праздных мнений»⁷⁹. В отрицательном отношении к любви-страсти Лукреций идет за Эпикуром, рассматривая ее природу как неверный мыслительный ответ на чувственное раздражение; принимает он и общее направление борьбы с любовью, исходя из признания ее вредоносной (DK XXVI), как и отрицание божественного влияния на ее возникновение (D.L. X 118). Однако, учитывая поэтический и систематический характер труда Лукреция, он, конечно, использовал ряд отличных изобразительных и объяснительных средств в репрезентации *amor*, опираясь не только на эпикурейскую традицию, но и на эллинистическую литературу, в том числе римскую (комедии Цецилия, Плавта, Теренция), используя ее штампы для борьбы с *amor*⁸⁰.

Лукреций в атаке на любовь-страсть несомненно опирается на большую (прежде всего греческую) философскую традицию, но исторический и социальный фон его поэмы собственно римский. Противопоставляя любовь-страсть любви-сексу, Лукреций, по сути, противопоставляет порядок

---

⁷⁹ Бэйли видит в этом намек на любовь (см.: Bailey C. Epicurus: The Extant Remains. Oxford, 1926. P. 368).

⁸⁰ Такие как разорение любовником-сыном отцовского дома, обхаживание косяка возлюбленной, любовь-болезнь-сети-огонь-переменчивость-безумие. Некоторые из его находок мы встретим затем и у Цицерона, хотя и без ссылки на Лукреция, но с защитой позиции Эпикура (Tusc. V 68-76).

и естественный закон Природы хаосу гражданских войн, объективность Природы субъективизму человека. Только осознание и следование закону Природы, по Лукрецию, способно вывести человека из заблуждения, только этим путем может быть достигнуто подлинное удовольствие, в том числе и удовольствие любви.

Супружество в мире исландской саги

В мире исландско-норвежской саги, особенно саги родовой, жанровые характеристики которой включают генеалогии в качестве осевого компонента, значительное место уделено супружеству, связанным с ним обычаям, обрядам, отношениям между мужчиной и женщиной до, во время и вне брака¹. Как известно, саги скупы на описания чувств, они выражают их главным образом через непосредственные действия персонажей, иногда сопровождая их краткими, но всегда весьма выразительными репликами тех же персонажей, либо причастных к делу лиц. При всем том внимательный читатель саги ощущает мощное биение страстей, выплескивающихся за лапидарный текст, в том числе в сфере отношения полов. Это – одна из тем, наименее изученных саговедами.

Любовь, как *центральное* содержание саги, соперничество и борьба из-за женщины, в результате которой соперники погибают, характерны лишь для одного произведения – «Саги о

---

¹ Научная литература о сагах, в том числе принадлежащая отечественной школе саговедов, необъятна, обзор ее не оставляет места для изложения собственного исследования и заслуживает отдельного, объемного разбора. Длительное знакомство с этой литературой побуждает сделать, однако, примечание, необходимое для понимания подхода автора данной статьи к материалу. По неоспоримым свидетельствам исследователей, «эпоха саг», она же «эпоха викингов», – это IX – XI столетия. Именно в это время действует большинство героев саг. Их сюжеты передавались в фольклорной форме до XIII – начала XIV вв., когда были записаны, либо обработаны литературно, либо заново созданы на основе преданий и документов грамотными и знающими людьми, зачастую талантливыми литераторами. В результате в своем абсолютном большинстве саги – в том виде, – в котором они нам ныне известны, т.е. после проведенной их обработки, являются в известной мере как бы взглядом людей XIII в. на героическое прошлое. Поэтому реальная «эпоха саг» обнимает время до начала XIV в. – особенно учитывая значительную традиционность социального уклада и обычаев народов европейского Севера.

Гуннлауге Змеином Языке»², которая была сформирована не ранее последней четверти XIII в., но повествует о событиях конца X – начала XI вв. Сюжет саги следующий:

Сын знаменитого скальда Эгиля – Торстейн, богатый, знатный, «притом умный, спокойный и умеренный», «превосходный человек и все его любил», имел дочь Хельгу – самую красивую девушку и самую завидную невесту в Исландии. «У нее были такие длинные и густые волосы, что они могли закрыть ее всю, и они были красивы, как золотые нити». Однажды к Торстейну приехал сын состоятельных и знатных родителей Гуннлауг, которому было тогда 12 лет. Он «рано возмужал, был высок ростом и силен, имел густые русые волосы и черные глаза и был хорош собой, несмотря на несколько некрасивый нос, тонок в поясе, широк в плечах, строен, очень заносчив, смолоду честолюбив и во всем неуступчив и суров». Поссорившись с семьей, он принял предложение Торстейна пожить у него. Прошел год. Гуннлауг учился у Торстейна законам и «заслужил всеобщее уважение». С Хельгой, почти ровесницей, он подружился. Молодые люди играли в шашки, разговаривали и постепенно «очень привязались друг к другу». Прошло еще какое-то время, и «Гуннлауг однажды сказал Торстейну:

– Одному ты еще не научил меня: обручаться с девушкой.

Торстейн сказал:

– Ну, это нетрудно.

И он объяснил ему как это делается».

Тогда Гуннлауг, якобы в качестве шутки и для практики, созвал свидетелей и обручился с Хельгой по всем правилам, хотя идея обручения «понарошку» позабавила присутствующих.

Молодые люди, однако, сочли эту помолвку законной и назначили срок свадьбы, к моменту которой Гуннлауг должен был приехать в дом Хельги. Жених уехал в Норвегию, стал там дружинником конунга и пропустил срок возвращения к невесте. В этом случае, согласно обычаю, Хельга имела право выйти замуж за другого человека, что она и сделала, согласившись на предложение богатого и влюбленного в нее Хравна. Вернувшись, наконец, домой, Гуннлауг, еще более возмужавший и похорошевший и, к тому же, одетый в богатое парадное платье королевского дружинника, также женился. Они с Хельгой не раз встречались в обществе, разговаривали и, «как говорится в пословице: глаза не могут скрыть любовь женщины к мужчине». Гуннлауг слагал в честь своей любви висы, подарил Хельге плащ «большой драгоценности» и в конце концов вступил в поединок с ее мужем,

---

² Исландские саги / Ред., вступит. ст. и прим. М.И. Стеблина-Каменского. М., 1956. С. 21-60. (Далее ИС 1.)

в котором они оба погибли. Хельга вышла замуж за нового претендента – Торкеля, который «тоже был человек достойный и богатый и хороший скальд». У них было несколько детей. Но Хельга «была к нему мало расположена, потому что никогда не могла забыть Гуннлауга, хотя его уже не было в живых», и часто подолгу смотрела на подаренный ей любимым плащ³.

В этой романтической истории о великой и трагически завершившейся любви видны следы рыцарского романа, проникновение которого в Северную Европу относится как раз к XIII столетию⁴.

К тому же времени относится создание свода героических сказаний о Сигурде, убийце Фафнира, которого исландцы называли «величайшим героем древности» – «Саги о Волсунгах», которая, по мнению публикаторов⁵, является одной из древнейших «саг о древних временах», причем ее проза восходит к героическим песням «Старшей Эдды». Таким образом, это произведение совсем иного рода, оно родилось в глубинах самобытной местной культуры. И здесь мы обнаруживаем сложнейшее сплетение любовных и супружеских отношений: любовь Брюннхильды и Сигурда, их помолвка и рождение общего ребенка – и, одновременно, сватовство и свадьба между Сигурдом и Гудрун, также сильно в него влюбленной, и женитьба брата Гудрун – Гуннара на Брюннхильде. Тяжкие столкновения между женщинами, сцены обмана, трагическая гибель Сигурда, подстроенная Брюннхильдой, бесслезное и безысходное горе Гудрун, молча сидевшей над телом Сигурда⁶ – все это поражает величием страстей не менее, чем лучшие античные трагедии. Но и в более прозаических формах, за которыми нередко скрываются весьма сложные переживания, саги говорят об отношениях мужчин и женщин достаточно для того, чтобы составить представление об их месте в так называемую героическую эпоху викингов. Речь идет, разумеется, прежде всего о супружестве.

---

³ ИС 1. С. 22, 29, 49, 50, 52, 49 и др. Гуннлауг родился в 983 г. и погиб в 1009 г. (Там же. С. 10).

⁴ См. вступительную статью М.И. Стеблина-Каменского к ИС 1. С. 16.

⁵ Приложения // Корни Иггдрасиля. Эдда. Скальды. Саги / Сост. и отв. ред. О. Смирницкая; Пер. «Саги о Волсунгах» Б. Ярхо; Комм. О. Смирницкой и Е. Гуревич. С. 77 и сл., 600 и сл. (Далее – КИ).

⁶ Первая Песнь о Гудрун // КИ / Пер. В. Тихомирова. С. 151 сл.

Созданию брачного союза предшествуют сватовство и помолвка. В жизни Исландии и Норвегии, о которых в основном повествуют саги, в те далекие времена люди жили обычно в своих гордах (gård, подворье, хутор), отделенных друг от друга горами, болотами, лесами. Их владельцами и полными распорядителями были бонды (bonde) – самостоятельные, независимые хозяева разного имущественного состояния. И из саг очевидно, что сообщение между этими гордами нередко было делом не простым. Поэтому коллективные молодежные забавы и игрища, столь обычные в деревенских поселениях, здесь не были приняты. Люди встречались на общественных сборищах – на тингах (судебных собраниях), пирах, которые устраивались по разным случаям во время традиционных языческих праздников – приношений богам и т.д. Бонды посещали родичей и соседей, гостевание было в обычае того времени. Так или иначе, но в этих слабо населенных регионах все знали не только родословные, но состояние хозяйства, репутацию, семейные дела и личные качества людей своего круга. Встречаясь в публичных местах, молодые люди, нарядно одетые и оживленные многолюдным обществом, имели возможность увидеть друг друга и познакомиться. Нередко результатом таких встреч было сватовство, а иногда и тайный роман.

При сватовстве инициатива принадлежала стороне жениха, который желал создать свою семью, либо его побуждали к этому родители или родственники. Если жених еще сам не приглядел себе невесту, близкие люди сообщали ему о наличии в том или ином горде подходящей пары, указывали на достоинства девицы и ее семьи.

Официальному сватовству обычно предшествовало знакомство молодых людей друг с другом, которое в сагах обычно выражается в формуле типа: «сели рядом и долго беседовали», или «долго сидели вдвоем и беседовали», или «не раз подолгу беседовали». Такие «беседы» происходили и во время публичных сборищ, и при частных встречах. Это была форма не только более близкого знакомства молодых людей, но и известного испытания друг друга «на совместимость».

Сватался либо сам жених, либо его отец, родич или друг, желательно уважаемый в обществе человек. Хотя переговоры

велись с главой семейства, перед окончательным ответом полагалось узнать мнение девушки. Интересные сведения по этому поводу сообщает известная «Сага о людях из Лаксдаля», в которой речь идет о второй трети X в. (хотя записана она была также в XIII в.)⁷.

Некий Хаскульд сын Колля, унаследовавший после рано скончавшегося отца «добро и хозяйство», еще юношей «обладал зрелым разумом», «был человеком красивым и деятельным». И вскоре «Хаскульд, владелец большого хозяйства, стал пользоваться немалым почетом, потому что у него была хорошая опора – родичи и друзья, которых приобрел его отец Колль» (гл. VII). Послужив дружинником у норвежского конунга Хокона⁸, Хаскульд стал человеком, «имя которого было знаменито как в Норвегии, так и в Исландии». Решив жениться, он поехал к богатому и видному хозяину Бьярну, дочь которого, Йорунн, была красивой, надменной и «отличалась необыкновенным умом». Она считалась лучшей невестой во всей западной части страны. Бьярн хорошо принял Хаскульда, но решение предоставил дочери. Йорунн ответила: «О тебе, Хаскульд, идет такая слава, что твое предложение нам следует принять, ибо мы надеемся, что женщина, которая выйдет за тебя замуж, ни в чем не будет нуждаться. Однако мой отец должен решить это, я же подчиняюсь его желанию». После свадьбы «Йорунн вместе с Хаскульдом принялась за хозяйство. По тому, как вела она дело, можно было заключить, что она умна, не боится работы и опытна во многих делах, однако несколько надменна. Их совместная жизнь с Хаскульдом была хорошей, хотя они мало беседовали друг с другом» (гл. IX).

Этот сюжет примечателен, на мой взгляд, тем, что он высвечивает основные мотивы заключения брачного союза, роль сторон и основу миролюбия в семье. Очевидно, что хорошо принималось сватовство «человека богатого, с видной родней», именитого, «высокого рода» или «известного рода» («Сага о людях из Лаксдаля», гл. I, III, VII, IX). Многочисленная, да еще состоятельная родня была несомненным плюсом при заключении брака, поскольку она весьма пригодидалась в повседневной жизни, при спорах на тинге и при частых вооруженных столкновениях того времени (хотя внутри каждого рода были свои

---

⁷ ИС I.

⁸ Видимо, Хокона Доброго, который воспитывался в Англии. Он умер около 960 г.

трения, нередко кончавшиеся гибелью родичей). Брачные связи играли свою роль и при необходимости замирить враждующие кланы, столкновениями между которыми пронизаны саги.

При равных условиях принимались во внимание и личные качества молодых людей, их репутация: домовитость, хозяйственные навыки, ум, уживчивость девушки; те же свойства, да еще мужественность и рассудительность требовались от парня.

Из ранее приведенных текстов видно, что и внешность будущих супругов принималась во внимание.

«Дроплауг была девушка красивая и работа у нее спорилась». «...Хельги был высок ростом, красив, силен, заносчив и весел, хозяйство было ему не по нутру. Он был искуснейший воин. Его погодок Грим был высок ростом, очень силен и молчалив. Он был весьма домовит. Братья упражняли себя в различных искусствах и превосходили других юношей во всем, так что никого нельзя было поставить с ними вровень»⁹.

Такого рода характеристики в сагах частенько представляют молодых людей – персонажей первого, особенно героического плана.

Девушки вступали в брак в 15-22 года, юноши – с 17 лет и старше, нередко после боевых или торговых путешествий, дружинной службы и вообще возмужания и приращения своего имущества. В связи с этим иногда после помолвки свадьба откладывалась на годы. Судя по текстам саг, запрещались только близкородственные браки: кузенов, дядей с племянницами и т.п. После введения в Скандинавских странах христианства естественно вступил в силу запрет на браки между духовными родственниками – крестными и крестницами, но в сагах этот сюжет не просматривается.

Если предложение о браке принималось, происходила помолвка. Все, особенно необходимые в этом деле свидетели, поздравляли помолвленных. При свидетелях же составлялся и брачный договор. Стороны доваривались о размере приданого и той доле, которую выделял жене будущий муж (вероятно, речь идет о том, что впоследствии, в законах, преобразуется

---

⁹ Сага о сыновьях Дроплауг // Исландские саги / Пер. с древнеисландского, общая ред. и комм. А.В. Циммерлинга. Т. 1-2. М., 2000-2004. Т. 1. С. 218. (Далее – ИС II:1.)

в «утренний дар» – вдовью долю женщины). При помолвке также договаривались о полномочиях будущей жены в доме мужа, о разделе совместно нажитого имущества в случае смерти одного из супругов и т.д. По обычаям того времени, брак считался состоявшимся после того, как обрученных укладывали в общую постель.

Все это прекрасно обрисовано в «Саге о Ньяле»¹⁰.

У бонда Освивра, который «был очень умен», имелась дочь по имени Гудрун. «Среди женщин, выросших в Исландии, она была первой по красоте и уму», благовоспитанной, «искусной и красноречивой», щедрой, но невероятно пристрастной к украшениям и роскошной одежде (гл. XXXII). Вот к этой-то девушке посватался сын одного из местных судей (годи) Торвальд, человек «богатый, но не особенно храбрый». Он присмотрел ее на альтинге (всеисландском тинге), когда ей минуло 15 лет. Торвальд был богаче Освивра, но это не остановило его, поскольку, как он сказал, «он сватается к женщине, а не к деньгам». Торвальд помолвился с Гудрун и предложил Освивру назначить условия брака. И «было решено, что Гудрун будет сама управлять их имуществом, когда их подведут к одной постели, и половина имущества станет ее собственностью, будет ли их совместная жизнь долгой или короткой. Он (Торвальд) должен будет также покупать для нее украшения, так что ни у одной из женщин, равных ей по богатству, не должно быть лучших украшений. Однако он не должен был из-за этого разорять свой двор» (гл. XXXIV).

Мы еще вернемся к Гудрун – и к ее супружеской жизни, и к ее великой и трагической любви, пока же отметим, что при сватовстве мнение девушки спрашивали не всегда, и подчас это приводило к неприятным последствиям. Соответствующая история имеется и в той же «Саге о Ньяле».

У Освивра, уже нам знакомого, был сын Торвальд, богатый, сильный, учтивый, но «горячего нрава». Однажды они с отцом заговорили о том, «где бы сыскать жену Торвальду». Отец предположил, не посвататься ли к дочери состоятельного и именитого Хаскульда (известного по «Саге о людях из Лаксдаля»). Девушку звали Халльгерд Длинноногая. Это была очень красивая девушка, высокого роста, «с волосами, настолько длинными, что они могли закрыть ее всю. Но нрава она была вспыльчивого и тяжелого».

---

¹⁰ ИС 1. С. 441-758. Эта сага создана практически в XIII в., хотя речь в ней идет о IX-XI столетиях. Поэтому в ней присутствует стилизация, что делает ее интересной в своем роде.

Ее воспитателем был вздорный и наглый Тьодольв, сильный и искусный боец, убивший многих людей, но «ни за кого не заплативший виры». Народ говорил, что «не ему бы исправлять нрав Халльгерд» – напротив, он усугубил ее дурной характер (и впоследствии, как будет видно, сыграл в ее жизни роковую роль) (гл. IX-XII, XVII).

Но вернемся к сватовству Торвальда.

Отец предупредил его о плохом характере девушки, но молодой человек загорелся идеей брака с Халльгерд Длинноногой («все равно меня не отговоришь») и отец покорился («тебе с ней жить»). Хаскульд хорошо принял Освивра и Торвальда, но был с ними честен: «Мне все о вас известно, но я не хочу обманывать вас: нрав у моей дочки тяжелый». Торвальд ответил, что это не удержит его от сговора, и попросил Хаскульда поставить свои условия. Тот поспешно согласился, помолвка состоялась и сваты отбыли. Когда Халльгерд узнала о сговоре, она расценила его так, что ее выдают поспешно, «за первого встречного». И сказала отцу, что он вовсе не любит ее так крепко, как всегда говорит, так как не счел нужным даже пригласить ее на сговор.

Обе стороны созвали гостей, всего их собралось до 120 человек. Невеста выглядела веселой¹¹ и была приветливой с Торвальдом, но Освивру ее смех не понравился.

Жизнь молодых не сложилась. Жена больше общалась со своим воспитателем и почти не разговаривала с мужем, оказалась очень жадной и бесхозяйственной, так что в доме даже не стало хватать припасов. В конце концов по ее вине произошла ссора с мужем, и в ответ на ее очередную грубость он ударил ее по лицу так, что пошла кровь. И тогда в первый же удобный момент воспитатель Тьодольв убил Торвальда секирой. Освивр после ряда переговоров получил за сына хорошую виру в две сотни серебра, поделил с родичами Халльгерд имущество бывших супругов, и Халльгерд, став еще богаче, возвратилась к отцу вместе со своим воспитателем. Следующего мужа этой дамы, также богатого и достойного человека, по имени Глум, который сватался уже в ее присутствии, и женился с ее согласия, Тьодольв также убил, но на сей раз и сам поплатился жизнью.

Эта история, если внимательно вчитаться в текст саги, несомненно, имеет подтекст: прямые намеки на крепкую связь

---

¹¹ Веселость невесты не случайно подчеркивается в саге (ИС 1. С. 461): это как бы свидетельствует об ее удовлетворении состоявшейся свадьбой, даже радости. В сагах упоминается и «печальная невеста».

между девушкой и ее воспитателем могут подразумевать скорее интимные отношения¹².

Выразительно описан роман одного из героев «Саги о Битве на Пустоши» – Хрута, который в бытность дружинником норвежского конунга состоял в связи с его матерью Гуннхильд. На прощанье, при его отъезде в Исландию, Гуннхильд подарила ему золотое запястье и много муки (которой всегда нехватало в Исландии). И одновременно предупредила его о том, что предстоящее ему супружество с оставшейся на родине обрученной невестой не будет счастливым. В саге явно намекается на то, что Гуннхильд сглазила будущий брак Хрута. Во время свадьбы невеста была печальной. Но, получив сполна все приданое, супруги уехали на запад, где было имение Хрута, и где он поручил жене все хозяйство. Окончание этой истории еще впереди.

Итак, по обычаю девица могла решать вопрос о своем замужестве лишь при благожелательном отношении к ее воле главы семьи, в противном случае ее выдавали замуж без ее согласия. Известен случай (вряд ли он был единственным), когда девушку «ради денег» выдали за глубокого, «но еще бодрого» старика («Сага о сыновьях Дроплауг», гл. VI). Эта история плохо кончилась, поскольку молодая жена завела роман с женатым человеком, который «находил время не только для жены». Но у старого мужа был на воспитании мальчик, родня которого отомстила за бесчестье, убив любовника жены. А поскольку по обычному праву прелюбодеяние считалось большим преступлением, за убитого не полагалась и вира.

В принципе, имея в виду важность брачных союзов для общественного престижа каждой семьи, люди старались родниться в пределах своей социальной страты. Однако и в этом случае подчас возникали щекотливые ситуации. Так, дочь прославленного скальда Эгиля – гордая Торгерд поначалу решительно отказала красивому, богатому и овеванному славой Олаву, незаконному сыну знатного человека Хаскульда и купленной им полонянки. Она сказала отцу:

---

¹² Еще более тонкий и как бы мимолетный намек имеется в саге на любовь между Эгилем и Астерд, которую он вез к ней домой по поручению ее отца.

«Ты хочешь выдать меня замуж за сына служанки, пусть он и красив и превосходит всех» («Сага об Эгиле», гл. XXIII¹³). И стояла на своем, хотя отец объяснил ей, что Олав – очень высокого рода: отец его матери – ирландский конунг, который с радостью признал и одарил своего внука. Но Олав был умен и дипломатичен. Прежде всего он красиво и дорого оделся: «...на нем было пурпурное одеяние, которое конунг Харальд подарил ему. На голове у него был золотой шлем, а в руке он держал меч, который ему подарил Мюркьяртан», его ирландский дед. Дело было во время тинга, и Хаскульд, а за ним Олав вошли в палатку Эгиля, где на поперечной (женской) скамье сидела красивая, нарядная и величавая девушка. Сообразив, что это Торгерд, Олав подошел к скамье и, сев возле девушки, назвал свое имя и имя своего отца, добавив:

– «Тебе, верно, кажется, что сын служанки стал наглым, раз он решается сидеть здесь и беседовать с тобой.

Торгерд ответила:

– Тебе, верно, памятно, что ты совершал подвиги более смелые, чем говорить с женщинами.

Затем они начали говорить друг с другом и проговорили весь день».

Так сладилась эта свадьба. На ней было великое множество гостей, празднество оказалось великолепным. Гости на прощанье получили подарки. А молодые крепко полюбили друг друга и жили очень хорошо (гл. XXIII-XXIV).

Случалось, что при несогласии на брак ее или его родителей, любившуюся девушку увозили, как бы крали, вероятно, по взаимному сговору. Так, некий Бьярн, внук могущественного и знатного Бьерна, после пира, где было много молодежи, посватался к приглянувшейся ему девушке – сестре столь же богатого и знатного Торира, которую звали Тора Кружевная Рука. Ему было отказано. Тогда Бьярн, дождавшись удобного случая, увез девушку к себе, желая справить с ней свадьбу. После долгих препирательств и неприятностей между обеими семьями брак все же состоялся. Но из-за незаконного, по понятиям того общества поступка жениха им пришлось уехать, они переехали на Шетландские острова. Дочь этих супругов Асгерд впоследствии воспитывалась у Скаллагрима, отца Эгиля, который и отвозил ее домой (см. выше об их чувствах).

---

¹³ ИС I. С. 301-302.

В отличие от девиц, вдовы могли сами распоряжаться своей жизнью. Красивая Дроплауг, о которой речь шла выше, рано овдовела и больше не вышла замуж, а жила с двумя сыновьями-погодками – Хельги и Гримом. Мать уже знакомого нам Хаскульда после смерти своего мужа Колля «была еще молодой и очень красивой женщиной». Взяв с собой свою долю наследства, она села на корабль (половину которого ей купил сын) и отбыла в Норвегию. Прекрасно встреченная родичами, богатая и свободная, она вышла замуж за чиновного, состоятельного и достойного человека, умелого воина и недурного собой. «Жизнь их протекала в добром согласии» («Сага о людях из Лаксадаля», гл. VII). За Грима, сына Ньяля, вышла замуж очень богатая вдова – о чувствах речь не шла. Иной вариант – Унн, дочь Марда Скрипицы. Оставшись вдовой и получив большое наследство после отца, она «любила жить на широкую ногу и не заботилась о своем хозяйстве. Вскоре она растратила все свое добро, так что у нее ничего не осталось, кроме земли и драгоценностей» («Сага о Ньяле», гл. XVIII).

Хотя о свадьбе в сагах говорится не раз, процедура ее полностью «не прописана». Ясно, что число гостей определялось достатком брачующихся, их семей. Причем, количество гостей невесты никак не ограничивалось, они были «званные» (fyrirbodsmenn), в отличие от гостей жениха (bodsmenn)¹⁴. Обычно свадьба отмечалась в доме невесты. Жениха сопровождали дружки. Иногда свадебные торжества продолжались целую неделю. Знатные и богатые люди тратили на свадьбу большие средства, созывали не только всю родню, но именитых людей с сопровождающими их лицами со всех частей страны (Ср.: «Сага о людях из Лаксадаля», гл. VII, IX; «Сага об Эгиле», гл. XLII и др.).

Свадебные обряды мне выяснить пока не удалось, но примечателен следующий случай:

Всеми глубоко уважаемая Унн Мудрая, одна из числа первых поселенцев в Исландии, умерла, как и жила: «сохранила свое достоинство до дня смерти», как говорили с восхищением люди. Ее наследник Олав Фейлан в это время должен был жениться.

---

¹⁴ ИС II:1. Пр. 281. С. 313.

«Так заодно справили оба празднества (!) – свадьбу Олава и тризну по Унн» («Сага о людях из Лаксдаля», гл. VII).

В обычае того времени и тех мест был еще и так называемый «неполный брак» или неполная свадьба, которая происходила вообще без соблюдения обрядов, но за выкуп. В «Саге об Эгиле» (гл. VII, XII, XVII и др.) рассказывается о таком «неполном браке».

На одном осеннем празднике (вероятно, ритуального характера), на многолюдном пире присутствовал бонд Хагни, владелец хутора на о-ве Лека. «Он был очень богат, красив и умен, но из низкого рода, и возвысился сам». Его дочь Хильдирид «была очень хороша собой». На пиру ей выпал жребий сидеть рядом с Бьяргольвом¹⁵, родовитым, могущественным и богатым человеком, управителем округа, уже немолодым вдовцом, имевшим взрослых детей. «В тот вечер они переговорили о многом. Девушка понравилась ему». Той же осенью Бьяргольв на своем паруснике приехал на о-в Лека, взяв с собой 30 человек. Гостей пригласили в дом, Хильдирид обнесла их брагой. Бьяргольв «подозвал к себе хозяина и сказал ему:

– Дело у меня к тебе такое: я хочу, чтобы твоя дочь поехала ко мне домой, и я справлю с ней неполную свадьбу.

Хагни не видел другого выбора, как сделать все по желанию Бьяргольва. Бьяргольв заплатил за Хильдирид большую сумму золотом, и они легли в одну постель», а затем уехали в имение Бьяргольв, где она родила хозяину двух сыновей. Старшие дети были очень недовольны. Но как только отец их умер, старшие, законные дети, чьи собственные дети были почти ровесниками бастардов отца, выгнали его «неполную жену» без всякого имущества, так что она вернулась в отчий дом и там растила своих сыновей. Наследники же Бьяргольва всячески демонстрировали им свое пренебрежение.

Очевидно, что на «неполный брак» дочери, на отказ от полноценного ее супружества и на известное для нее (да и для всей семьи) бесчестье соглашались либо под давлением значительно более могущественного, опасного жениха, либо из-за денег, либо по обоим этим соображениям. В данном случае вопрос решился скорее демонстрацией силы. Отец Хильдирид происходил, вероятно, из вольноотпущенников. Жених же был

---

¹⁵ Речь идет об обычае средневековых скандинавских пиров, где присутствующие мужчины и женщины разбивались на пары, которые должны были делить застолье.

настолько влиятельным человеком, что сидя в доме Хагни, «подозвал» его к себе для разговора. Хагни согласился, скрепя сердце: он «не видел другого выбора»¹⁶. По обычаю отец мог бы признать сыновей от неполного брака сонаследниками, либо выделить им некую долю наследства, но это следовало сделать при жизни и при свидетелях, о чем Бьяргольв не позаботился. Впрочем, сыновья Хильдирид оказались столь успешными, что конунг Норвегии, разъезжая в Исландии по пирам, принял их приглашение пировать у них на острове вместе со всей дружиной трое суток подряд, а позднее они стали заправлять на севере, в Халаголанде и собирали дань в Финнмарке для конунга.

Встречается и еще одна форма заключения брака. В той же «Саге об Эгиле» конунг приказывает своему дружиннику Эйвинду, брат которого сразил могучего викинга Торольва, жениться на его вдове Сигрид и взять все добро и детей покойного. Эйвинд попросил руки Сигрид, продемонстрировав знаки, которые ему дал конунг в подтверждение своей воли, и Сигрид «не видела другого выхода после того, что было, как подчиниться...». Этот странный брак по идее должен был разрубить узел вражды между двумя кланами (гл. XXII).

Итак, супружеская жизнь складывалась у людей по-разному. Часто встречается формула «Они жили дружно и славно». Но есть и такая реплика:

«Торд мало любил жену, она не была ни красивой, ни ловкой.

Главным для него было богатство, а богатств он собрал много, и хозяйство процветало»¹⁷.

В принципе хозяином дома был муж. Но в «Саге о битве на Пустоши» (Гл. XXVI), где описаны события рубежа X-XI вв. (сама битва произошла в 1014 г.) повествуется о женщине, которая ни во что не ставила своего мужа.

Во время трапезы она брякнула на стол чан невесть с чем. Муж стал ее колотить, она же принялась громко поносить его на чем свет стоит и в результате кинула ему недозрелый сыр. Муж стал

---

¹⁶ ИС I. С. 71-72.

¹⁷ Сага о людях из Лаксдаля // ИС I. С. 320.

плакать и расстроился до такой степени, что ему стало казаться, будто дом развалился, и все они оказались под землей¹⁸.

Но муж далеко не всегда спускал жене грубость и даже шалость, в которой как бы проявлялось неуважение к нему. В «Пряди о Снэбьёрне Борове» описан случай, возможно, в той среде и не единственный.

Двое знатных людей поженились и жили, не любя друг друга. Когда однажды муж собрался в торговое плавание, жена, вместо того, чтобы приготовить все необходимое для совместной поездки с ним, молча уселась на постель и стала расчесывать волосы. На неоднократные призывы мужа она не отзывалась. Рассвирепев, он намотал на руку ее волосы, отрубил ей голову, вышел из дома и уехал.

Эта жуткая история дала начало длительным и сложным распрям многих исландцев. Вира за такое преступление не бралась: платили только жизнью за жизнь¹⁹.

Очевидно также, что женщины в сагах хотя и не играли такую же социальную роль, как мужчины – их жизнь в основном ограничивалась домохозяйством и детьми, – но обладали нравом далеко не кротким. Крутой нрав, властность, ум, расчетливость, склонность к интригам, острый язык²⁰ позволяли женщине многое решать в своей судьбе и подчас играть роль и за пределами своего дома. Так, дочь Олава Павлина и жена местного хёвдинга Торбьёрг Толстая, умная и властная, в отсутствие мужа решала за него дела в округе, и все считали это нормальным. Ее авторитет был столь велик, что ей удалось спасти от виселицы человека, объявленного «вне закона» (он даже сложил в честь нее стих²¹). Женщина могла отомстить обидчику сама или послать слугу, чтобы, например, убить неверного зятя²². Женщины сплошь и рядом участвовали в совершении кровной мести, не только упорно подталкивая к ней

---

¹⁸ Дом с земляными стенами и даже крышей был нередкостью у бондов Исландии того времени.

¹⁹ ИС II:1. С. 41 и сл.

²⁰ Ср.: «...Торхильд по прозвищу Женщина-Скальд (skaldrona)». Она получила свое прозвище не столько за стихи, что в принципе было вполне возможно в те века скальдов, сколько потому, что была очень остра на язык, резка в речах, имела желчный характер и любила насмешки.

²¹ Сага о названных братьях // ИС II:1. С. 118.

²² Там ж. С. 144.

своих мужей, сыновей, братьев и других родичей, но и лично участвуя в подобных «предприятиях»²³. Женщина играла большую роль как советчица мужа и подчас была много решительнее его. Одна из таких женщин в конце концов ушла от нерешительного и не уважаемого ею мужа²⁴. Жёсткие, умные, деловитые и хозяйственные, смелые и коварные, женщины саг высоко ценились мужчинами, которые редко рисковали обижать их. В любви женщины саг были упорными и верными и не прощали неверность мужчин.

У Кьяртана, дружинника норвежского конунга, был серьезный роман с сестрой конунга, красавицей Ингебьярг. Между тем в Исландии Кьяртана ждала известная нам дочь Освивра Гудрун, которая обладала железным характером. Так, когда к ней, овдовевшей, посватался Торкель сын Эгиля, она не только отказалась выгнать из своего дома его кровника, но и помогла этому человеку спокойно покинуть страну, да еще на прощанье одарила, заявив Торкелю, что ежели ему это не по нраву, она его не задерживает, и он может уезжать восвояси. Торкель смирился и все же женился на ней. Между тем, названный брат Кьяртана, им любимый Болли, приехав в Исландию, наслетничал вновь овдовевшей Гудрун о романе Кьяртана, чем чрезвычайно ее расстроил, а сам, между тем, стал к ней свататься. Как вдова Гудрун имела право сама решать свою судьбу, но отец настоял на ее браке с Болли, что не принесло счастья обоим, поскольку Гудрун продолжала любить Кьяртана. Когда тот решил вернуться в Исландию, его расставание с Ингебьярн было тяжелым. Она подарила ему белый головной платок, вышитый золотом и уложенный в бархатный мешочек, для Гудрун – как свадебный подарок. Конунг Олов подарил ему великолепно украшенный меч – «большую драгоценность», но предупредил, что предчувствует ожидающие Кьяртана на родине большие неприятности.

Узнав о браке Гудрун, Кьяртан женился на спокойной Хревне, дочери Асгейра Отчаянная Голова, которой и достался бархатный мешочек. Между семьями начались сильные трения, разжигаемые неистовой Гудрун и в конце концов подхваченные ревнивой Хревной. Так как семьям приходилось встречаться, Гудрун ухитрилась украсть у Хревны платок, подаренный в Норвегии ее мужу для его невесты, считая его своим. Кьяртан, уважительно относившийся к Хревне, но любивший Гудрун, все ей прощал. В какой-то момент Гудрун, буквально раздираемая страстями,

---

²³ Особенно см. Сагу о битве на Пустоши // ИС II:1 Гл. LV, LX.

²⁴ См. Сагу о людях из Лаксдаля // ИС I. С. 251, 258-295.

пригрозила Болли, что разведется с ним, если он не убьет Кьяртана, и тот против воли сделал это. Несмотря на все вируы, вражда не была погашена. Под старость, схоронив последнего мужа, Гудрун однажды призналась сыну, спросившего ее, кого из четырех мужей (Торвальд, Торкель, Болли, Торд) или мужчин вообще она более всех любила. «Тут Гудрун сказала:

– Тому принесла я величайшее горе, кого любила больше всех.

На это сын ответил ей:

– Теперь я думаю, что ты сказала истинную правду»²⁵.

Значительное место в сагах занимает тема наложниц. Чаще всего о них говорится мельком, иногда с ними связаны целые сюжеты. Особым женолобием и наиболее широкими возможностями для его удовлетворения обладали конунги. В «Саге о Магнусе Голоногом» Снорри Стурлусон пишет, что до того, как этот норвежский король женился на дочери короля Швеции Инги, по имени Маргрета, он имел детей от других женщин и наложниц, как низкого, так и знатного рода (гл. XVI)²⁶.

Наложниц заводили и другие мужчины, особенно состоятельные и знатные. К числу таких людей относился и Хаскульд, отец Олава, «сына служанки», о котором речь уже шла выше. Теперь наступило время рассказать его историю – так, как она пересказана в «Саге о Людях из Лаксдаля»:

Знатный Хаскульд, сын Колля из Долин, однажды купил и снарядил корабль, оставив дома жену Йорунн заботиться о хозяйстве и детях, и отправился в Норвегию. Однажды он пошел на торг, где «были разные забавы, попойки, игры и всевозможное веселье». В числе прочих он встретил там человека по имени Гилли, «с русской шапкой на голове», которого прозвали Гилли Русский. Он был самым богатым из тамошних торговцев, в том числе продавал женщин. Хаскульд присмотрел и купил у него одну из них за большую сумму (2 марки серебра). Женщина слыла глухонемой. Он хорошо ее нарядил и увез с собой. Имени ее он так и не узнал. Дома он рассказал все жене «и попросил ее обойтись с женщиной хорошо, а также разрешить ей остаться в доме». Йорунн не стала возражать. Хозяин возобновил супружеские отношения с женой, а наложница вела себя скромно, хотя «каждому

---

²⁵ Ср.: Сага о людях из Лаксдаля // ИС I. С. 336, 356-358, 372, 438-439; Сага о Гуннаре Убийце Тидранди // ИС II:1. Гл. 6 и 7.

²⁶ Снорри Стурлусон. Круг земной / Изд. подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский; Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 476. (далее – КЗ).

было заметно ее знатное происхождение, а также и то, что она была неглупа). У наложницы родился мальчик очень красивого и благородного вида. Отец любил его больше других детей и даже дал ему знатное имя Олав. Уже в два года Олав все говорил «и бегал, как четырехлетние дети». А его мать, между тем, по требованию хозяйки горда, стала служанкой. Вскоре случайно выяснилось, что наложница вовсе беседует с сыном, когда они наедине. И тогда хозяин узнал, что она – дочь ирландского конунга Мьюркартана²⁷, и ее зовут Мелькорка. Она вывезена из Ирландии как пленная в возрасте 15 лет.

Вскоре из-за раздоров между женщинами Хаскульд отослал наложницу на отдельный хутор. Она завела свое хозяйство, сын был хорошо одет и имел отменное оружие, и отец стал вроде бы меньше заботиться о нем. Однако при составлении завещания просил своих старших сыновей выделить бастарду 1/3 из общего наследства, т.е. обеспечить его на равных с законными сыновьями. Он дал Олаву запястье, в свое время подаренное конунгом Хаконом, весом в марку (т.е. примерно в 216 гр. золота) и еще меч того же происхождения, с украшениями в полмарки золота, а также «завещал ему свою удачу и удачу родичей». Хотя братья считали, что Олав и при жизни отца получал столько, что был богаче их, все же они выполнили волю отца, оставившего Олаву дополнительно еще 12 эйриров²⁸. Когда Олаву исполнилось 18 лет, мать велела ему навестить деда в Ирландии. Дала ему перстень для опознания и пояс, подаренный ей мачехой, чтобы и та признала Олава. Ирландскому языку она, как оказалось, его научила. Олав поехал сначала в Норвегию, где послужил дружинником, а потом с подарками и благожелательными напутствиями конунга прибыл в Ирландию. Дед настолько обрадовался известию о приезде сына пропавшей дочери, что срочно прискакал с пира, где в это время находился. Признанный дедом и родней, одаренный и обласканный Олав вернулся в Исландию блестящим, славным мужем и женился, как мы уже знаем, на родовитой и прекрасной девице. Такова была судьба этого «сына служанки», которому в течение последующей жизни не раз пригождалась завещанная отцом удача²⁹.

Знатные женщины, плененные викингами и оказавшиеся в положении рабынь, видимо, не были редкостью в обществе того

---

²⁷ Комментаторы ИС 1 отмечают по этому поводу, что в Ирландии X в. было несколько (малых) королей по имени Muircertach, и кого из них имеет в виду сага – неясно (Пр. 273. С. 772).

²⁸ Эйрир – единица веса – 27 гр., 1/8 марки; одновременно – денежная единица // ИС 1. Пр. 38. С. 763.

²⁹ ИС 1. С. 268-274, 309 и др.

времени. Причем, в числе таких рабынь могли в условиях всеобщего разбоя оказаться и знатные исландки или норвежки. Выразительный пример тому имеется в «Саге о сыновьях Дроплауг».

Два брата совместно владели хутором и были богаты. Один из них, Кетиль Гром, поехал по торговым делам и остановился у друга в Емтланде (исторической области на западе Швеции, которая тогда была под норвежским протекторатом). У этого друга – хёвдинга³⁰ Вэторма, ему приглянулась одна из служанок-рабынь, некая Арнейд. Она оказалась дочерью исландского ярла³¹. Вэторм с братьями сожгли его горд вместе с домом и мужчинами, а женщин пленили. Кетиль купил Арнейд у Вэторма за полсотни серебра («ради дружбы», хотя это была очень высокая цена: вира за жизнь свободного человека в Исландии составляла сотню серебра). Кроме того, он приплатил хозяину за то, чтобы Арнейд не работала. Благодарная женщина помогла ему найти сундук с серебром (возможно, припрятанный хозяином) и уехала с Кетилем в Исландию. Тот по приезде купил себе отдельный от брата хутор, получивший название «Хутор Арнейд». Затем Кетиль купил себе за серебро судебный округ – годорд³² и женился на Арнейд, но вскоре умер³³.

Множество попутных сведений о сожительстве хозяев со служанками и детях от них разбросано по сагам. Например, в «Саге о битве на Пустоши» (конец X – начало XI в.) говорится об 11 сыновьях Снорри, из которых три имели одинаковые имена: Торд Киса (так бывало в стране³⁴). Из трех Тордов Кис лишь первый был от жены, остальные – от наложниц, причем один из незаконных сыновей был взят отцом в викинг. У главного персонажа саги «Жизнь Снорри Годи» от трех жен было 19 свободнорожденных детей и трое – от служанок³⁵. И этот перечень можно продолжить.

---

³⁰ хёвдинг – вождь, глава и самый могущественный человек округа, который собирает там налоги.

³¹ ярл – правитель. Речь, видимо, идет о каком-то правителе местного значения

³² Вероятно, практика покупки годордов была распространена в Исландии, но не ранее XI в. События же в саге относятся к первой трети X в. Известен ее автор или рассказчик – Торвальд Ингъяльесен («он рассказал эту сагу»), живший ок. 1135 г. и был потомком одного из детей Дроплауг. Он, вероятно, и привнес в сагу историю с покупкой годорда. См. примечания А.В. Циммерлинга к ИС II:1. С. 368 сл.

³³ ИС II:1. С. 214, 217, 218 и др.

³⁴ ИС II:1. С. 325.

³⁵ ИС II: 2. С. 130-131.

В сфере супружеской жизни наших героев было еще одно сложное обстоятельство: развод. Для развода были необходимы основания, которые были бы признаны на тинге. Как это можно было устроить, видно по истории все той же неумной Гудрун, дочери Овивра.

Как уже было упомянуто, выходя в первый раз замуж за славного Торвальда, но без любви и не будучи спрошенной, Гудрун получила некоторое возмещение в брачном договоре, где жених обязывался покупать ей украшения такого качества и в таком количестве, как ни у одной женщины ее состояния. И вот Гудрун начала терзать мужа, непрерывно требуя все больше и больше дорогих украшений, постоянно настаивая на своем и упрекая его. На очередную просьбу жены, сопровождаемую упреками, Торвальд ответил пощечиной. Гудрун огрызнулась и стала советовать со своим дружкой Тордом, которого она к тому времени обрела. «Торд, улыбаясь, дал ей следующий совет:

– Сделай ему рубашку с таким разрезом, которого достаточно для развода, и объяви, что вы разведены по этой причине.

Гудрун так и сделала», т.е. она сшила мужу рубаху с большим (женским) вырезом, и он ее надел. Теперь надо было соблюсти процедуру. Гудрун объявила о разводе с мужем у супружеской постели, на пороге дома и на общем тинге, у Скалы Закона, и все три раза – при свидетелях. Ее развели, имущество разделили³⁶. Теперь дело было за Тордом. Гудрун обратила его внимание на то, что его жена Ауд «ходит в штанах, застегнутых сзади, и с обмотками, спускающимися до сапожек», т.е. носит мужскую одежду. А это – такое же основание для развода, чем Тор и воспользовался. После этого они с Гудрун пышно отметили свою свадьбу и зажили счастливо (гл. XXXIV-XXXV).

Или такой случай из «Саги о Битве на Пустоши» (издатель относит его примерно к 1025 г.³⁷).

Дочь Снорри Годи гордая Ауд и Барди женились по любви, уехали в Норвегию и хорошо там жили. Утром, оставшись в горнице вдвоем, супруги стали в шутку перебрасываться подушкой, и в какой-то момент муж попридержал подушку у лица Ауд. Она в ярости подхватила камень и швырнула в мужа. В тот же день Барди привел свидетелей и объявил о разводе с ней, поскольку он не желает терпеть унижений ни от нее, ни от кого-либо другого. Развелись, разделили имущество. Ауд вышла снова замуж – за знатного Сигурда, сына Торира Собаки, Барди же уехал на Русь

---

³⁶ ИС 1. С. 326.

³⁷ Там же. Пр. 117. С. 332.

(«в Гардарики»), где вступил в дружину и совершил много подвигов (гл. XLIII).

Развелась с мужем и Унн, жена Хрута, которого, как мы помним, «приворожила» мать норвежского конунга Гуннхильд. В результате этого в постели дела у супругов не ладились, как они ни старались («Сага о Ньяле», гл VI, VII). И тогда по совету отца она, дождавшись отъезда мужа на тинг, призвала свидетелей, проделала все необходимые процедуры развода с ним и уехала к отцу³⁸. Известен случай, когда жена, затевая развод, выбросила всю одежду мужа в выгребную яму, так что ему было нечего надеть³⁹.

Таким образом, инициаторами развода могли в равной мере выступать и муж, и жена, но женская инициатива прослеживается чаще.

---

³⁸ ИС 1. С. 455-457.

³⁹ Там же. С. 228.

Ю.П. Крылова

**Жоффруа де Ла Тур Ландри:
«и задумал я написать книгу...»**

... в твоих писаниях не может быть
ни единой черты, которой бы не было
в тебе самом. Если ты вульгарен и зол,
это не укроется от них... Если ты брюзга
или завистник, или не веришь в загробную
жизнь, или низменно смотришь на женщин,
это скажется даже в твоих *умолчаниях*, даже
в том, чего ты не напишешь...

Уолт Уитмен

Апрельским днем 1371 года, в местечке, ныне носящем имя Ла Турландри в Анжу, Жоффруа IV из рода Ла Тур Ландри задумал написать книгу. Обеспокоенный опасностями своего времени и переживая за судьбу юных дочерей, рыцарь обратился к ним с *Поучением*. В *Прологе* автор сам объясняет, почему он это сделал:

...из-за великой любви, которую я чувствую к своим детям, коих я люблю так, как отец должен любить своих детей, и сердце мое испытает огромную радость, если направят они свои дела к добру и чести, возлюбив Господа и служа ему, обретя любовь и уважение своих ближних и общества¹.

На первый взгляд, в этом эпизоде из средневековой истории нет ничего необычного. Стоит ли останавливаться на нем? Некий анжуйский рыцарь задумывает написать назидательный трактат для своих дочерей. Однако даже простая констатация этого факта уже вызывает вопросы. Дворянин из средневекового Анжу говорит о любви к своим детям, переполняющей его сердце. Многие ли отцы в средние века общались с детьми, особенно с дочерьми?

«Историю отцовства» обычно начинают с XV века. Историки полагают, что примерно с этого времени отцы не только испытывают чувство любви к детям (что было, ко-

---

¹ Le Livre du chevalier de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles / Ed. A. de Montaiglon. P., 1854. P. 4. (Далее – Le Livre.)

нечно, и раньше), но начинают проявлять его². Примечательно то, что наш автор адресует поучение дочерям³, с которыми отцы обычно имели мало контактов и занимались ими, лишь когда подходило время подыскивать партию для замужества⁴. Они редко заботились об их воспитании; во всяком случае, известно лишь два примера подобного «дидактического вмешательства», свидетельством чего являются сочинения нашего автора и короля Людовика Святого (XIII в.), написавшего наставление дочери Изабелле⁵.

Не менее любопытным представляется и занятие господина де Ла Тур Ландри – составление книги поучений. Жоффруа – благородный рыцарь, а основные занятия рыцарства, как мы знаем, – война, походы, поединки, а иногда и участие в отрядах мародеров. Наш автор тоже сражался в битвах Столетней войны. Но что-то заставило его, возможно, в дни временного затишья, сесть за написание дидактического сочинения. Почему, собственно, он пишет *Поучение*, и, к тому же, обращенное к дочерям? Если на второй вопрос ответ достаточно очевиден: книга для сыновей уже была, по-видимому, написана, то над первой проблемой стоит поразмышлять.

Автор сочинения представляется личностью довольно любопытной. Его поведение, судя по самому лишь факту написания подобной книги, явно выбивается из привычного представления о средневековом рыцаре. Жанр поучения традиционен для средневековья: писали всевозможные наставления принцам (Дюран де Шампань, Жиль де Ром, Кристина

---

² Histoire des pères et de la paternité / Sous la dir. J. Delumeau et D. Roche. P., 1990. P. 11. «Историю отцовства» авторы этого коллективного труда начинают с Ж. Жерсона. Проблема «что значит быть отцом?» станет одним из сюжетов для дебатов первых гуманистов.

³ Хотя столетием раньше Этьен де Бурбон в проповедях говорил, что «любовь родителей – естественна, но чревата большой опасностью; она может заслонить любовь к Богу и отвратить от главной цели жизни – заботы о спасении души» (Цит. по: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М., 1989. С. 268.)

⁴ Shahar S. Childhood in the Middle Age. L-N.-Y., 1990. P. 223.

⁵ Матери же, судя по отсутствию подобных источников, не писали поучения дочерям вовсе. Известен единственный, и то уже поздний, пример такого рода – *Наставления* Сюзанне Анны Французской, дочери Людовика XI (1503-1505).

Пизанская); женщинам (Робер де Блуа, Дюран де Шампань, Кристина Пизанская); женам (*Menagier de Paris* – т.н. *Парижский Домострой*); детям (Винсент Бовезийский, Раймон Луллий). Однако рыцарей среди авторов найдется не так много. Поучения собственным детям написали единицы – все тот же Людовик Святой, Анна Французская, Дуода (IX в.), Номпар де Комон (н. XV в.). Список можно дополнить сочинением Петра Альфонса и анонимным переводом его *Disciplina clericalis*, известным как *Наставление отца сыну* (XII в.).

Таким образом, известны лишь четыре текста, вышедшие из благородного круга, притом двое составителей – дамы. Из них отдельно к дочерям обратились лишь два первых автора. Их сочинения разительно отличаются от трактата Жоффруа с его разговорным языком, занимательными историями и чудесами. Его книга была очень популярна. Век за веком ее переиздавали⁶, переводили на другие языки, использовали как источник уже для других сочинений⁷. И историк просто не может пройти мимо столь любопытного сюжета, не попробовав понять, что за текст перед ним, и что хотел сказать им автор⁸.

---

⁶ Единственным столетием, не оставившим по себе опубликованного текста Жоффруа, был век двадцатый. Хотя отдельные его главы можно увидеть, например, в русском переводе. См.: Из Книги рыцаря Делатур Ландри, написанной в назидание его дочерям // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV – XV вв. / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1991.

⁷ Об этом позволяет судить наличие 21 списка, что немало для XIV века (11 из них хранятся в Париже, остальные рассредоточены по всей Европе: Лондон, Брюссель, Гаага, Вена, Турин, Вроцлав и др.). См. подробнее: *Offord M.Y. Introduction // William Caxton. The Book of the Knight of the Tower. London, 1971. P. XVIII-XXIII*. Как полагают исследователи, Жоффруа принадлежит также другое произведение – *Роман о Понтусе и Сидуане*, все герои которого, так или иначе, связаны с семьей де Ла Туров. Роман имеет двойную функцию: наставить, но вместе с тем и, несомненно, способствовать славе рода Ла Тур Ландри. Роман был не менее популярен в XV – XVI веках, чем *Поучение Жоффруа*.

⁸ Стоит отметить, что этот источник изучался сравнительно мало. Относительно активно он стал исследоваться с 80-х гг. XX в. Большинство работ о нем принадлежат двум историкам: А.М. де Гендт (Нидерланды) и Д. Ренье-Болер (Франция). Особо следует отметить исследование П. Буазара, собравшего все существующие источники

Что же за человек был Жоффруа де Ла Тур Ландри? И что подтолкнуло его к написанию назидательного трактата?

Первые достоверные сведения о семье де Ла Тур восходят к XI веку⁹. Из ближайших предков Жоффруа наиболее известен его дед Жоффруа III. Он много сражался, в частности, вместе с братом короля Людовика IX Карлом Анжуйским участвовал в завоевании Сицилийского королевства (1268 г.). Жоффруа III был женат на Оливии де Белльвилль, дочери знатного соседа. Оливия происходила из семьи, известной своими художественными вкусами и родственными связями в придворных кругах¹⁰. О бабушке нашего автора мы узнаем из его собственного рассказа¹¹. Воспоминаниям о ней он отводит специальную главу – *О даме, достойной уважения*.

«Эта добродетельная дама», – пишет Жоффруа, – «вела поистине святую жизнь, и была очень уважаема»¹², «мне кажется, она была наиболее куртуазной и вместе с тем наиболее скромной из тех, кого я когда-либо видел... она прожила жизнь достойную, ... настолько прекрасную, что было бы воистину полезно рассказать об этом»¹³.

Автор нередко гостил у нее: он описывает как проходили праздники в доме, ее обычный распорядок дня.

Мадам де Белльвилль была не только добродетельной и весьма почитаемой дамой, но и любительницей литературы и музыки. Как сообщает автор, при ее дворе всегда находилось множество поэтов и музыкантов, которых она щедро одаривала, за это они продолжали ее воспевать и после ее смерти¹⁴. Когда она умерла, будущему автору *Книги поуче-*

по истории рода де Ла Тур. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Пьера Буазара за возможность ознакомиться с его диссертацией.

⁹ *Boisard P. La famille de La Tour Landry et Roman de Ponthus et Sidoine. P., 1958. P. 23.*

¹⁰ *Idem. La vie intellectuelle de la noblesse angevine a la fin du XIV-e siècle d'après le Chevalier de la Tour Landry // La littérature angevine médiévale. Actes du colloque, 21 Mars, Angers. Herault, 1981. P. 138 et Idem. La famille de La Tour Landry... P. 53-58.*

¹¹ *Le Livre... P. 274-277.*

¹² *Ibid. P. 274* Лишь в конце своего повествования он назовет её имя – Оливия де Белльвилль (*Ibid. P. 276*)

¹³ *Ibid. P. 276-277.*

¹⁴ *Ibid. P. 274.*

ний было всего девять лет, но он сохранил о ней самые почтительные и добрые воспоминания.

По-видимому, Оливия де Белльвилль оказала значительное влияние на будущего писателя.

...не следует забывать, что люди... в значительной мере формировались тогда теми знаниями и привычками, которые они приобретали в детстве и юности, т.е. тогда, когда на них оказывали влияние люди старшего возраста, родители, учителя, старики. Ведь мы говорим о мире, где старшее поколение обладало огромным престижем...¹⁵.

И просто невозможно не заметить искренность повествования Жоффруа о своей бабушке, навеянную, возможно, приятными детскими воспоминаниями.

Отца Жоффруа звали Ландри IV. Нам известно о нем немного¹⁶. Так, по рассказу Жоффруа, его отец мог позволить себе явиться на большое празднество в одеянии певца и музыканта и в таком виде приветствовать гостей¹⁷. Известно также, что он с большим мужеством сражался против англичан в войске графа Анжуйского (Жана де Валуа, будущего короля Франции Иоанна Доброго)¹⁸.

Никаких сведений о матери Жоффруа, даже ее имени, не сохранилось. Рыцарь де Ла Тур ни разу не упоминает ее в своем произведении. Может быть, она рано скончалась, а потому не смогла оказать влияния на будущего писателя.

Жоффруа IV де Ла Тур Ландри родился около 1330 года¹⁹. У него, как полагает П. Буазар, было «счастливое детство, ему явно не приходилось скучать во владениях де Ла

---

¹⁵ *Ле Гофф Ж.* О биографии исторического персонажа (Людовик Святой) // Казус. М., 1999. С. 113.

¹⁶ В тексте автор упоминает о нем несколько раз: «Однажды заговорили о моей женитьбе... и мой сеньор отец повел на нее посмотреть... И когда мы вышли, мой сеньор отец мне сказал: "Как тебе показалась та, которую ты увидел. Скажи мне свое мнение"» (*Le Livre...* P. 28-29); «Я расскажу вам, как слышал от моего отца и других достойных рыцарей и добропорядочных людей... (*Ibid.* P.226); «одевший как менестрель» (*Ibid.* P. 227); «достойная дама умерла во владениях, которые потом принадлежали моему отцу...» (*Ibid.* P. 276).

¹⁷ *Le Livre...* P. 227.

¹⁸ *Boisard P.* La famille de La Tour Landry... P. 64.

¹⁹ *Idem.* La vie intellectuelle de la noblesse angevine ... P. 140.

Туров, постоянно посещаемых менестрелями»²⁰. Автору приятно вспоминать юные годы. Именно с воспоминаний о молодости и о несчастной любви (или фантазий на эту тему²¹) и начнет Жоффруа свое сочинение.

Однако автор – не только «трувер», но еще и рыцарь. В источниках сохранились сведения о его участии в разных военных кампаниях того времени²². И хотя хронисты не упоминали о ратных подвигах Жоффруа, как это было с его отцом, но, тем не менее, он участвовал со своим отрядом²³ в битве против англичан у Орэй (1364), осаде Шербура (1378), и Агийона (1346)²⁴. В 1380 г. его имя появляется в списке тех, кто «служил Королю... в войнах в Бретани»²⁵. Жоффруа воевал рядом с королем и Карлом де Блуа²⁶, не один раз сражался бок о бок с коннетаблем Бертраном Дюгекленом²⁷.

Еще не открыв *Книгу поучений*, можно предположить, что Жоффруа де Ла Тур был достаточно благочестив. Благодаря сохранившимся источникам известно, что он по примеру своих предков много жертвовал церкви. Члены семьи де Ла Тур Ландри были основателями ряда монастырей в округе. Еще в 1100 г. его далекий предшественник и тезка Жоффруа, сын Ландри подарил землю в Шемийе монахам для учреждения монастыря. Наш автор следовал традициям: он тоже основывал и финансировал монастыри. Одной из авгу-

---

²⁰ *Idem*. La famille de La Tour Landry... P. 75.

²¹ Скорее всего, это т.н. топос «весеннего начала». Ср. канцоны трубадуров.

²² *Boisard P.* La famille de La Tour Landry... P. 99-104.

²³ Жоффруа де Ла Тур был баннеретом. Баннереты были достаточно могущественными сеньорами в XIII-XIV вв. и могли содержать, по меньшей мере, 25 вооруженных людей с лучниками. Они имели право на квадратный стяг, каковой развешивали, собирая вассалов. Простые же рыцари могли нести на конце своего копья лишь треугольное знамя. См. также: *Контамин Ф.* Война в средние века. М., 2001. С. 81.

²⁴ О последнем событии Жоффруа упоминает в своей *Книге*. См. Ch. 73.

²⁵ См.: *Boisard P.* La famille de La Tour Landry... P. 101 («les personnes...ont servi le Roy nostre dit seigneur en ses guerres ou pay de Bretagne»).

²⁶ Двоюродный брат короля Франции Иоанна Доброго.

²⁷ *Boisard P.* La famille de La Tour Landry... P. 100.

стинских обитателей, располагавшейся на его землях в Корнуай, он передал в 1391 г. в дар часть своих владений и прав в Кандэ: луга, сады, виноградники, «за что монахи должны были каждый день славить имена и молиться за души его и его умершей супруги»²⁸. И это не редкий случай.

На протяжении многих страниц *Книги* он учит дочерей благочестию. Пост, молитвы, ежедневное многократное посещение церкви – неотъемлемые атрибуты достойной жизни. Собственно, все произведение Жоффруа направлено на то, чтобы наставить дочерей на праведный путь, путь благочестия, чтобы они научились следовать примерам поведения добропорядочных жен и остерегались бы поступать как неразумные женщины.

Первый раз Жоффруа женился в 50-е гг. XIV века²⁹. Судя по его повествованию, к этому вопросу он подошел очень серьезно. В главе 13 поучительного сочинения автор рассказывает о сватовстве к некоей знатной особе:

Я посмотрел на ту, о которой мне говорили, и завел с ней разговор обо всем на свете, чтобы ее узнать³⁰.

На его взгляд, она разговаривала излишне непринужденно, что удивило предполагаемого жениха.

Я не женился на ней из-за ее легкомыслия и чрезмерной откровенности, которые, как мне показалось, я увидел в ней³¹.

Можно предположить, что мнение самого Жоффруа было определяющим в выборе для него невесты. А родители – или, скорее, отец, что было обычно в то время – не навязывали ему свои кандидатуры.

В конце концов, его избранницей становится молодая вдова из богатой и влиятельной бретонской семьи – Жанна де Руже. Она была дочерью Бонаба IV де Руже, одного из советников дофина, а позднее – короля Карла V. Этот брак

---

²⁸ Fondation du couvent des Augustins de Candé par Geoffroy de la Tour. Cuillé, 1391 (n.st), 2 février. Copie sur papier datée du 18 juillet 1635. Archives des Augustins de Candé. Archives de Maine-et-Loire 79H1.

²⁹ Между 1352 и 1360 гг. (по П.Буазару).

³⁰ Le Livre... P. 28.

³¹ Ibid. P. 29.

вполне можно было назвать выгодным. Жанна принесла в приданое Жоффруа обширные земельные владения (Бурмон, Корнуай, Плесси де Косме), в том числе и унаследованные от покойного мужа. Мадам де Ла Тур оказалась весьма деятельной женщиной: она помогала мужу в делах, вела кое-какую переписку³². Да и в благочестии, судя по всему, она не отставала от Жоффруа. Известно, что она построила часовню в честь своего святого покровителя евангелиста Иоанна.

Жанна де Руже де Ла Тур умерла между 1383 и 1391 г., и Жоффруа женился во второй раз. Его новая избранница – Маргерит де Рош, богатая вдова Жана де Клерамбо. В первый раз она вышла замуж в 1370 г.³³ и ко времени второго брака уже имела взрослых детей. В 1391 г. Жоффруа было от 56 до 69(!) лет, он уже далеко не молод. Маргерит, предположительно, – около 40³⁴. У обоих – взрослые дети³⁵. Что могло побудить двух самостоятельных людей к заключению брака? Исследователи объясняют этот факт желанием сторон объединить владения³⁶. По мнению П. Буазара, Жоффруа был человеком знающим, требовательным в делах, самостоятельно ведущим деловую переписку³⁷. Вполне можно предположить, что он хотел расширить границы своих вотчинных земель.

Жоффруа и Жанна имели, по меньшей мере, двух сыновей и трех дочерей. Ничего не известно о том, были ли среди них дети мадам де Руже от первого брака. О сыновьях автора сведений в источниках почти не сохранилось. О старшем – Шарле – известно, что он погиб в 1415 г. в битве при Азен-

---

³² В Нанте (Франция) в Archives de Loire-Atlantique (E 233) сохранилось несколько ее писем.

³³ *Montaignon A.* Préface // *Le Livre...* P. XVI.

³⁴ Так как в первый раз она вышла замуж в 1370 г., предположим, что ей было тогда около двадцати лет. Брачный возраст в это время для девушек составлял от 15 до 21 года. См. *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1993. С. 158.

³⁵ Если учесть, что в первый раз Жоффруа женился между 1352 и 1360 г., то старшему из его детей – от 31 до 39 лет. Детям Маргерит, соответственно, не более 20 лет.

³⁶ *Montaignon A.* Op. cit. P. XVII et *Boisard P.* La famille de La Tour Landry... P. 115.

³⁷ *Boisard P.* La vie intellectuelle de la noblesse angevine... P. 144.

куре. Другой, вероятно, Аркад де Ла Тур, – участвовал в снятии осады с Орлеана и сопровождал в 1429 г. Жанну д'Арк и дофина в Реймс³⁸. О двух других предполагаемых сыновьях Жоффруа – некоем Эрве и еще одном Жоффруа – сказать что-либо крайне сложно³⁹. Нет источников, которые позволили бы нам отделить сыновей автора от его прочих родственников.

Жоффруа имел трех дочерей: Жанну, Анну и Марию. Им-то автор и адресовал свое поучительное сочинение. Рыцарь ни разу ни обмолвился об их «числе», однако, подобно-го вопроса у исследователей и не возникало, поскольку в иллюминированных рукописях произведения присутствуют миниатюры, на которых изображается автор и три его дочери⁴⁰. По мнению М. Оффорд, в момент написания книги (1371-1372 гг.) Мария де Ла Тур Ландри еще не родилась или была совсем маленькой⁴¹, так как в первый раз она выйдет замуж в 1391 г.⁴²

Год смерти Жоффруа также неизвестен. Последний раз его имя встречается в источниках в 1402 г. А уже в 1406 г. его старший сын Шарль назван рыцарем де Ла Тур де Бурмон. Соответственно, автор скончался где-то между этими двумя датами в уже достаточно преклонном возрасте.

---

³⁸ *Offord M.Y.* Op. cit. P. XXXVI.

³⁹ *Montaignon A.* Op. cit. P. XVII-XX. В доступном нам издании сохранилось три упоминания сыновей автора: «я составил две книги: одну для моих сыновей, другую – для моих дочерей» (*Le Livre...* P. 4); «книга ваших братьев» (*Ibid.* P. 175); «книга, которую я составил вашим братьям» (*Ibid.* P. 199).

⁴⁰ Хотя дочери могли родиться и позже, после написания книги (собственно так же, как и сыновья).

⁴¹ *Offord M.Y.* Op. cit. P. XXXVII.

⁴² Дети Жоффруа составили, надо полагать, удачные партии. Шарль де Ла Тур женился в 1390 г. (это был его второй брак, первая жена – Жанна де Будэ) на Жанне де Клерамбо, дочери мадам де Рош, второй жены своего отца. В 1391 г. дочь Жоффруа Мария выходит замуж за Жилия де Клерамбо. Теперь две семьи объединяли три брачных союза. Две другие дочери Жоффруа – Жанна и Анна – были замужем за сыновьями виконта Луи де Рошешуар, советника и камергера Карла V (*Offord M.Y.* Op. cit. P. XXXVII). Насколько известно, Мария умерла до 1400 года, ибо 15 октября этого года Жиль де Клерамбо снова женится.

***

Но вернемся к началу нашей истории. Апрель 1371 года. Жоффруа де Ла Тур, если мы поверим его поэтическому вступлению к *Книге*, слушает пение птиц в саду и размышляет... Такому благодушному спокойствию, вероятно, способствует перерыв в военных действиях. Начиная с 1341 года, когда Столетняя война ворвалась в Анжу, герцогство серьезно страдало от англо-французского конфликта. Однако после победы коннетабля Бертраана Дюгеклена над англичанами у Понвайен в декабре 1370 года наступает временное затишье до 1412 года. Возможно, вернувшись из очередного похода, наш автор в перерывах между делами находит время основательно обдумать будущее сочинение и, в конечном итоге, осуществить литературные планы. В трактате лишь несколько косвенных упоминаний говорят нам о том, что книга появилась на свет во время Столетней войны. Почему автор не касается военных событий тех лет? Только ли из-за того, что книга обращена к девочкам? Попробуем представить, что видел Жоффруа в военных походах.

Как полагают исследователи, риск быть убитым в сражении в позднее средневековье существенно снизился. Причины тому были самые разные: начиная от постоянного усовершенствования доспехов⁴³ и до нежелания военачальников вступать в крупномасштабные сражения⁴⁴. Однако так было не всегда: достаточно вспомнить хотя бы битвы при Куртрэ (1302) и при Пуатье (1356), когда потери были особенно велики. Часто воинов преследовала и другая, не меньшая опасность – болезни (особенно дизентерия).

---

⁴³ С конца XIV века стали использоваться доспехи из цельных пластин. Они закрывали рыцаря почти целиком, обеспечивали большую подвижность, а их вес распределялся по всему телу, в отличие от кольчуги, которая давила только на плечи. Новый шлем с забралом был также значительно легче и удобнее. (См. подробнее: *Кин М. Рыцарство*. М., 2000. С. 391-392). Однако доспехи не всегда спасали. К концу боя, обессилив от их веса, рыцарь мог снять какую-то их часть и быть убитым или раненым, как это случилось, например, с Карлом Смелым в 1465 г. (Там же. С. 493.)

⁴⁴ Там же. С. 391.

Нередко потери от заболеваний были еще больше, нежели в сражениях.

Особая статья – мародерство и грабежи «доблестных рыцарей», в том числе и в собственной стране. Война в конце XIV века – это не война XII столетия с ее канонами⁴⁵. А на вопрос «Хотят ли рыцари войны?» приходится ответить скорее да, чем нет. Для многих – хотя и не для всех – война была способом разбогатеть. А для вторых, третьих сыновей в семействе – также возможностью получить земли и титул тех, кого они ограбили и убили⁴⁶. Морис Кин объясняет невозможность контролировать действия мародеров двумя основными причинами. Прежде всего, среди рыцарей считалось само собой разумеющимся, что за свои затраты на вооружение и за риск во время сражений, они имеют полное право на военные трофеи. А отсюда было недалеко и до мародерства. Кроме того, в войсках обычно служили и наемники, часто иностранцы; для них не имело значения, какую страну грабить⁴⁷. Вместе с тем, английский исследователь отмечает, что «военные трофеи были ничуть не менее привлекательной целью для «истинных» рыцарей, чем для наемников»⁴⁸. Современники Жоффруа нередко размышляли об упадке нравов «нынешних» рыцарей, а иногда и яростно критиковали их поведение на поле битвы и после нее⁴⁹. Как мог относиться Жоффруа де Ла Тур к тому, что видел? Судя по имеющимся данным, он уже с ранней молодости имел

---

⁴⁵ *Бессмертный Ю.Л.* Казус Бертрана де Борна или «Хотят ли рыцари войны?» // Казус. М., 1999. С. 141.

⁴⁶ Известный писатель XIV века Филипп де Мезьер, зная об этом не понаслышке (младший сын в семье), также пишет: «...и во время войн совершали они столь много злодеяний, что было бы просто страшно рассказывать о бесконечных грабежах и прочих преступлениях, которые держали в страхе несчастное население...». Цит. по: *Кин М.* Указ. соч. С. 406.

⁴⁷ Там же. С. 403, 405-407.

⁴⁸ Там же. С. 409.

⁴⁹ См. Там же. С. 413-421.

представление о последствиях войны⁵⁰, но в своем сочинении ничего о них не говорит.

Наш автор, судя по всему, человек рефлексирующий по поводу окружающего мира и его событий. То, что он видел в походах и сражениях – смерть, грабежи, искалеченные и морально опустившиеся люди – возможно, его не удивляло, но заставляло размышлять, делало мудрее. Может быть, среди прочих причин именно непрекращающаяся Столетняя война и неизвестная судьба, которая его ждет, заставили Жоффруа написать *Книгу поучений* дочкам? Побеседовать с ними об «этом» мире и о «том», о Боге и людских делах, успеть предостеречь и наставить. А об ужасах войны им знать незачем, ведь их и так поджидает немало опасностей в их собственном кругу, в «светском» обществе⁵¹.

Возможно, что Жоффруа также думал о том, что останется после него. Война лишь временно затихла в Анжу, но не во всей Франции. Она может опять прийти в его земли; и король снова призовет его под свои знамена. И тогда он, Жоффруа де Ла Тур Ландри, *такой же* рыцарь, как все, может *так же*, как они, погибнуть. Чем он отличается от прочих? Как может сообщить другим о своем существовании: о том, что его волновало в жизни, каких взглядов придерживался? Не говорит ли о его возможном желании каким-то образом выделиться или возвыситься над своим настоящим положением тот факт, что, будучи рыцарем-баннеретом, он в одном из писем (1362) именуется бароном, и это задолго до того, как земли Ла Тур Ландри стали баронией⁵²? Как мог заявить о себе Жоффруа? К военным подвигам он мог быть не очень склонен; во всяком случае, о них ничего не известно. Другое дело – литература.

---

⁵⁰ Он сам упоминает осаду Агийона 1346 года (в которой участвовал) и битву при Креси (тот же год; правда, о его собственном участии в ней неизвестно).

⁵¹ См. подробнее: *Крылова Ю.П.* «Остерегайтесь светских волокит!» Рыцарь Жоффруа де Ла Тур Ландри о благородном обществе // Французский ежегодник. М., 2001.

⁵² 17 janvier 1362. Comptes de Colin de Tout receveur de Chantou-seaux – Archives de Loire-Atlantique E 233.

Мы уже знаем о бабушке нашего автора – Оливии де Белльвилль, почитательнице музыки и поэзии. Несомненно, Жоффруа знал и, возможно, видел ее «соперницу» Летисию де Партаней. Вторая жена брата Оливии Мориса IV де Белльвилля создала в Палуо настоящий *cour d'amour*. У нее даже имелся «свой» трубадур – Пьер Мило, воспевавший ее⁵³. И нет ничего удивительного в том, что Жоффруа сам стал сочинять стихотворные произведения («песни, лэ и рондо, баллады и вирлэ»).

Семья и окружение де Ла Туrows – не уникальный случай в Анжу. Возможно, эти земли не породили выдающихся поэтов эпохи, но, тем не менее, «литературу там любили и способствовали ее развитию»⁵⁴. В начале XIII века в этих краях родился трувер Тибо де Блэзон. Во второй половине столетия песни и пасторели здесь слагал Карл, граф Анжу и Мэна, сын Людовика VIII, «король-трувер»⁵⁵. А воинственный Ардуэн де Фонтэн-Герэн, уже современник и сосед Жоффруа де Ла Тура, переложил в стихах *Охоту* графа Фуа Гастона III Фебюса. *Книгу о псовой охоте (Livre du Trésor de vénerie)* он посвятил своему сюзерену Людовику II герцогу Анжуйскому. XV век в литературе Анжу будет освещен сыном Людовика XI знаменитым «королем Рене», известным благодаря его *Книге турниров*⁵⁶. Таким образом, у Жоффруа де Ла Тура были все основания начать писать, не считая литературные занятия чем-то несвойственным рыцарю. Очевидно, что литературное творчество не считалось уникальным в аристократической среде.

Между тем, остается вопрос о жанре и адресатах автора. Итак, почему им было написано именно поучительное сочинение, обращенное к дочерям? Мы не спрашиваем «почему Жоффруа адресовал книгу только дочерям», поскольку име-

---

⁵³ Стихи этого провансальского поэта, посвященные даме де Палуо, хранятся в Национальной библиотеке Франции. *Boisard P. La famille de La Tour Landry... P. 56-57.*

⁵⁴ *Ibid...* P. 78.

⁵⁵ Тот самый, с которым дед нашего автора участвовал в завоевании Сицилийского королевства.

⁵⁶ Я назвала выше лишь несколько «собратьев по перу» Жоффруа – выходцев из его родных мест.

ется свидетельство самого автора, что он «составил две книги: одну для моих сыновей, другую для моих дочерей»⁵⁷. Судя по всему, он сначала составил трактат для молодых людей из рода де Ла Тур и лишь после этого взялся за *Поучение*. В *Прологе* он сначала упоминает о книге для сыновей, и лишь потом о *Поучении дочерям*⁵⁸. В главе 89 он говорит: «об этом вы найдете больше в книге ваших братьев»⁵⁹, а в главе 103 изъясняется более определенно: «...в книге, которую я составил /j`ay fait/ вашим братьям»⁶⁰.

Жоффруа задумал книгу в виде сборника примеров, посредством которых передает накопленный им самим и другими жизненный опыт. Предусмотрительный автор и отец не забывает ни одной из сторон жизни: как часто ходить в церковь и сколько поститься; как вести себя в свете, как одеваться и что говорить; как оказывать милосердие, быть терпеливой и неревнивой; а также как не поддаваться на «мужские провокации», слушаться мужа; и о том, что происходит между мужчиной и женщиной в постели. Однако в первую очередь его целью было рассказать «о добрых нравах и деяниях добродетельных дам, а также о презренных проступках нечестивых женщин», чтобы можно было поучиться у первых и остеречься поступать как вторые⁶¹.

В этой связи Жоффруа вполне определенно называет цель своей книги – «*apprendre à romancier*». Эта формула – автор употребляет ее три раза, и все на одной странице⁶² – заслуживает специального рассмотрения. П. Буазар интерпретирует термин «*romancier*» как «учить куртуазному по-

---

⁵⁷ Le Livre... P. 4. Написание *Книги для сыновей* Жоффруа несомненно, но почему она не сохранилась? Надо сказать, что с ней идентифицируют некоторые анонимные труды того времени, но доказать это пока не представляется возможным. Возможно, что его сочинение было исполнено в привычном духе *поучений принцам*, а потому не было редкостью, как наставление дочкам и не завоевало такой популярности у читателей.

⁵⁸ Le Livre... P. 4.

⁵⁹ Ibid. P. 175.

⁶⁰ Ibid. P. 199.

⁶¹ Ibid. P. 3. Употребленное время глагола *passé composé* в последнем случае дает очевидную картину очередности сочинений.

⁶² Le Livre... P. 4.

ведению». Й. Хейзинга переводит это выражение – «учить соблюдению приличий и культуре в том, что касается любви»⁶³. Иное понимание мы находим у лингвистов. А.Ж. Греймас переводит слово «*romancier*» как «говорить, писать на разговорном (*vulgaire*) языке» или «рассказывать»⁶⁴. Ф. Годфруа, кроме этих значений, дает еще одно: «читать произведение, написанное на романском языке»⁶⁵. А. Тоблер и Е. Ломач приводят те же самые значения, добавляя к ним также «сочинять» и «переводить на романский язык»⁶⁶. И, наконец, словарь Р. Грандсэна д'Отерива (Ларусс) повторяет Греймаса в интерпретации слова «*romancier*», называя разговорный язык романским⁶⁷. Немаловажно упомянуть суждение известного переводчика XV века Уильяма Кэкстона, составившего английский перевод *Книги поучений Жоффруа де Ла Тура*. В его представлении «*apprendre à romancier*» – это «*to lerne to rede*»⁶⁸, то есть «учить читать». Из современных нам исследователей, анализирующих книгу Жоффруа, придерживается того же мнения («читать произведение на романском языке») Анн-Мари де Гендт⁶⁹. По ее мнению, Жоффруа хочет научить дочерей читать полезное сочинение (не вообще *читать*), чтобы чему-то научиться, внять наставлениям, изложенным в книге.

Но разве не существовало, спросим мы, других поучительных сочинений, которые можно было бы использовать для обучения и воспитания? Все три раза, когда автор употребляет интересующее нас выражение, он поясняет его. Он пишет книгу, «чтобы научить дочерей чтению, дабы они

---

⁶³ *Huizinga J. L'automne du Moyen Age. P., 1980. P. 129. Ср.: Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С. 136.*

⁶⁴ *Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français. P., 1999. P. 532.*

⁶⁵ *Godefroy F. Lexique de l'ancien français. Paris-Leipzig. 1901. P. 446*

⁶⁶ *Tobler A., Lommatzsch E. Altfranzösisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1971, Bd. 8. Lg. 77. S. 1437*

⁶⁷ *Grandsaignes d'Hauterive R. Dictionnaire d'ancien français (Le Moyen Age et Renaissance). P., 1947. P. 520.*

⁶⁸ *William Caxton. The Book of the Knight of the Tower / Ed. by M.Y. Offord. London, 1971. P. 12-13.*

⁶⁹ *Gendt A.M. de Sens et fonction du Prologue dans «Le Livre...» // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 95(2), 1994. P. 199-200.*

могли обучиться на примерах прошлого, отличать добро от зла, следуя первому, избегая второго»⁷⁰. Именно на этих историях из прошлого, рассказанных отцом, то есть человеком, которому можно *полностью доверять*, дочери должны учиться правильному поведению; ехемпра помогут в будущем «смоделировать это поведение»⁷¹. Ведь «мир слишком опасен!» Лживые признания в любви, витиеватые искусные речи, сбивающие с толку, необдуманные легкомысленные ответы, ведущие к греху, сплетни в обществе – от всего этого Жоффрау хочет оградить дочерей, научить их правильно вести себя в свете и *понимать язык* общества. Посредством поучений, изложенных в книге, автор хочет показать дочерям, как надо общаться с людьми своего круга, как правильно понимать их речь и как уметь ответить должным образом, чтобы достичь «душевного спасения на том свете и мирского уважения на этом»⁷².

Так, размышляя о жанре, избранном анжуйским рыцарем, мы разобрались, почему автор не забывает дочерей и пишет им *Поучение*. Для юной девушки очень важно умение *правильно* вести себя в обществе, сохранение достойной репутации⁷³. Ведь достаточно одному обольстительно-красноречивому кавалеру заговорить с ней на какую-нибудь легкомысленную тему, и об этом вскоре будут знать в обществе. Молодым людям подобные опасности в свете вряд ли грозят. В любом случае, у них больше возможности отстоять честь и защитить свое доброе имя.

Между тем, можно ли поверить Жоффрау на слово, что он взялся за сочинение трактата для дочерей только из родительской любви и переживаний за их судьбу? Мы уже упоминали о возможном желании автора как-то выделиться из массы *таких же*, оставить какую-нибудь память о себе. Не рассчитывал ли Жоффрау при составлении книги на более широкую аудиторию, нежели только его дети? Тому есть, как представляется, многочисленные подтверждения. В *Про-*

---

⁷⁰ Le Livre... P. 4.

⁷¹ *Gendt A.M. de. Sens et fonction...* . P. 200.

⁷² Le Livre... P. 4.

⁷³ См.: *Крылова Ю.П.* Указ. соч.

логе к трактату автор никак не обращается к дочерям и говорит о них в третьем лице («они»), тогда как в основном тексте мы постоянно встречаем обращение «мои дорогие дочери». Как объяснить фразу Жоффруа о том, что многие из его примеров полезны как женщине благородного сословия (dame), так и простолюдинке (femme)? Был ли смысл в объяснении правил хорошего тона для аристократки на примере поведения жены купца? Остается совершенно непонятным присутствие в сочинении *Поучения Катона своему сыну Катоннету*, рассчитанного определенно на молодого человека, а не на барышню. Ну и уж совсем сбивает с толку фраза Жоффруа о том, что в этой книге он может говорить о чем хочет и что ему нравится, но только по отношению к его собственным дочерям и служанкам, дабы ничем не задеть дам (по всей видимости, придворных), которые могут делать все в свое удовольствие!⁷⁴ Что же мы видим? Несомненно, автор стремится к расширению читательской аудитории. Ему есть, что сказать, и он хочет поделиться своим опытом и мыслями, но так, чтобы «вышестоящие» (les grands) при этом не восприняли его трактат как поучительно-критическое сочинение в свой адрес, особенно учитывая специфику многих его «историй». Автору просто хотелось рассказать, что он знает, что видел в жизни и что думает по этому поводу.

***

Портрет Жоффруа де Ла Тур Ландри постепенно обретает четкость в нашем представлении. Мы увидели героя нашего повествования в семейном кругу, на поле брани, размышляющим о своей будущей книге. Но мы еще не знаем, каков Жоффруа как писатель? Как он работал над *Книгой поучений*? Можно ли говорить о его особенном стиле? Вероятно, сведения о его творческом процессе добавят новые штрихи к портрету автора.

По-видимому, Жоффруа обладал некоторыми познаниями в области литературы. Во всяком случае, он начинает произведение с поэтического топоса (апрель, сад, пение

---

⁷⁴ Le Livre... P. 49.

птиц), хотя это единственный случай подобного употребления в дидактическом сочинении⁷⁵. Его книга написана прозой, но ее исследователи показывают, что Жоффруа начал писать в стихах. Часть *Пролога* – это ряд рифмованных строк⁷⁶. Жоффруа поясняет предпочтение прозы: «я не хочу сочинять в стихах, а пишу в прозе, с целью облегчить чтение, чтобы вы лучше поняли...»⁷⁷.

Необходимо отметить, что XIV век – время существенных изменений в культуре и языке Франции. Одна из ведущих тенденций этого периода – становление французской прозы. Поэзия уже с XIII века постепенно отходит на второй план⁷⁸. Проза подразумевает более свободный стиль изложения, не скованный устойчивым набором правил, и, что особенно важно, она более понятна читателю. Не связанная стихотворными размерами, она может передавать реальную, живую, разговорную речь, доступную каждому. Ею было гораздо легче выразить те истины, которые Жоффруа хотел донести до дочерей.

Другая важная тенденция в культуре этого периода – появление нового отношения к книгам. Именно тогда начинают говорить о «любви» к ним. Книга, не ограничиваясь церковной средой, становится доступной более широким кругам общества, читающим преимущественно на народном языке – французском. Увеличивается количество книг, их теперь используют не только в образовательных целях, но и

---

⁷⁵ Топос весеннего начала. (Ср. *Роман о Розе*, канцоны трубадуров.) Gendt A.M. de. Op. cit. P. 193-194.

⁷⁶ См. об этом: *Монтеглон А. де*. Указ. соч. С. XXIX; *Гендт А.М. де*. Указ. соч. С.194; *Ferrier J.M. French Prose Writers of the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Oxford, 1966. P. 11. Дж. Ферье нашла еще один рифмованный пассаж на странице 24. (См. *Ferrier J.M. Op. cit.* P. 11). Этим вопросом никто специально не занимался. Вероятно, можно было бы обнаружить и другие поэтические отрывки.

⁷⁷ *Le Livre...* P. 4.

⁷⁸ *Spiegel G.M. De l'oral à l'écrit: la sémantique sociale de la prose française au XIII-e siècle // Histoire et société. Mélanges offerts à George Duby*. Aix-en-Provence, 1992. P. 22.

для удовольствия, собирают из «жадности и тщеславия»⁷⁹, растет книготорговля. В XIV в. начинают складываться крупные библиотеки. Книги становятся более доступны, их теперь не обязательно вдумчиво читать, а можно просто полистать. «Книги становятся тем пространством, где приятно прогуливаться»⁸⁰. Вероятно, Жоффруа предполагал, что его сочинение также будет иметь функцию друга, наставника, к ней станут обращаться за советом, помощью. И, возможно, не только его дочери.

Жоффруа сам мог владеть хорошей библиотекой или ему было доступно чье-то собрание (скажем, одного из ближайших монастырей). На это предположение наталкивает текст трактата. Автор рассказывает, что, составляя свое *Поучение*, он имел четырех помощников:

Я их заставил взять и выбрать <истории> из книг, которые у меня были, такие, как Библия, Деяния королей, французские хроники, а также хроники Греции, Англии и многих других земель. Каждую книгу, я заставлял читать, и если находил полезный пример, то велел его брать для составления этой книги⁸¹.

Жоффруа помогали два священника и два причетника (*deux prestres et deux clers*). О них-то автор и говорит: «*que je avoue*» («которые были при мне»)⁸². Возможно, это были духовные лица, каким-либо образом связанные с его домом: жившие у него или принадлежавшие к одному из монастырей на его землях.

Впрочем, степень участия священников в работе над *Поучением* представляется достаточно спорной. Жоффруа, как мы видели, рассказывает, что его помощники читали ему книги вслух, и он сам отбирал необходимые для его сочинения «примеры». Таким образом, общая редакция принадлежала самому Жоффруа. Различия стиля и тона рассказов в разных частях книги дали основание некоторым исследователям предполагать существенную роль священников,

---

⁷⁹ *Cerquiglini-Toulet J. L'amour des livres au XIV siècle // Melanges de philologie et de littérature médiévales offerts a Michel Burger. Geneve, 1994. P. 334.*

⁸⁰ *Ibid.* P. 335.

⁸¹ *Le Livre...* P. 4.

⁸² *Ibid.*

принимавших участие и в редактировании сочинения⁸³. По мнению М. Оффорд, в книгу Жоффруа вошли даже целые главы, написанные его помощниками, о чем говорит «неуклюжесть и многословность наиболее нравоучительных историй»⁸⁴. Однако ее довод не представляется мне достаточно обоснованным. Большая часть тех самых «нравоучительных историй» взяты Жоффруа из неназванного им источника – *Зерцала праведных жен*, написанного монахом-францисканцем в конце XIII века⁸⁵. К процессу «переписывания» этого текста наш автор подошел достаточно творчески. Хотя иногда он, действительно, почти дословно копировал его, но часто он дополнял текст своими размышлениями, менял характеристики героев, иногда использовал лишь основную мысль.

По мнению А.М. де Гендт, именно Жоффруа принадлежала решающая роль в создании текста: «Формулируя свой будущий проект, автор использует фактитивные конструкции⁸⁶». Однако везде, где он говорит о своих намерениях, он выражается не только «активно», но даже вполне «решительно», используя *présent de l'indicatif* (вместо *futur du passé*)⁸⁷. Скорее всего, сам Жоффруа, отбирал необходимые примеры, а его помощники лишь переписывали выбранное им и составляли первые наброски трактата («*je écrire feroye*» – «я велел записать»).

О том, что общая редакция *Поучения* явно принадлежала Жоффруа, свидетельствуют, на наш взгляд, и определенные стилистические особенности, которые невозможно приписать коллективу авторов или даже какому-то одному человеку, не связанному родственными узами с семьей де Ла

⁸³ *Montaignon. A. Op. cit. P. XXX-XXXI.*

⁸⁴ *Offord. M.Y Op. cit. P. XXXIX.* П. Буазар и Д. Ренье-Болер, в свою очередь, считают, что автор находился под сильным влиянием этих духовных лиц, сделав из текста «подлинную библейскую антологию». (*Geoffroi de La Tour Landry // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P., 1992. P. 498.*)

⁸⁵ Это убедительно доказал Дж. Григсби: *Grigsby J.L. Miroir des bonnes dames // Romania. 82 (1961) № 327-328; 83 (1962) № 329-330.*

⁸⁶ Такие как «*je écrire feroye*», «*feray-je écrire*», «*je fis lire*», «*je le fis prendre*» (*Le Livre... P. 3-4*).

⁸⁷ *Gendt A.M. de Op. cit. P. 202.*

Туров. Постараться разглядеть эти индивидуальные черты, собственно, и является нашей целью.

В это переломное для развития французского языка время (XIV-XV вв.)⁸⁸ Жоффруа балансирует на грани стилевого стереотипа и индивидуальной манеры письма. С одной стороны, он достаточно традиционен: его тема, структура изложения – не новы, его проза, по выражению Дж. Ферье, «довольно типична»⁸⁹, он следует в этом своим предшественникам. Однако для средневекового писателя это не считалось недостатком. С другой стороны, можно говорить и о характерных чертах его речи, индивидуальности слога. Дж. Ферье, несмотря на свое убеждение в посредственности стиля Жоффруа⁹⁰, все же не могла не отметить его владение «даром тонкого наблюдателя за поведением людей и отсутствующим у изысканных стилистов умением выбрать нужные детали, чтобы оживить историю для читателя»⁹¹. Так, одна из его особенностей, на наш взгляд, – сознательный выбор разговорного тона в повествовании, что отчасти и обеспечило успех его книги.

Несомненно, автор использует традиционные приемы, свойственные средневековым авторам. Но интереснее, конечно же, выделить те черты стиля, которые находятся на грани нормы и уникальности, нередко становясь индивидуальными особенностями языка средневекового сочинителя. В его тексте ярко выражено характерное для средневекового писателя желание непременно сослаться на авторитетное лицо. Чаще всего он просто пишет: «мудрец говорит...» («le saige dit que...»). Подобная фраза встречается во многих главах *Книги*. Другой столь же типичный для литературного

---

⁸⁸ Общая характеристика этого времени в языке – изменчивость и вариативность, усложнение форм. Повышается эмоциональность и индивидуальность фраз («je parle», «je crois»). См.: *Чельшева И.И.* Языковая ситуация во Франции XV века // *Функциональная стратификация языка*. М., 1985. С. 201.

⁸⁹ *Ferrier J.M.* Op. cit. P. 13.

⁹⁰ «У него нет изощренных уловок в стиле или утонченного мастерства в технике повествования», считает Ферье. *Ferrier J.M.* Op. cit. P. 10.

⁹¹ *Ibid.*

языка того времени прием – употребление парных синонимов для украшения речи и усиления производимого эффекта. Наиболее простой тому пример: «parle et dit» (у Жоффруа также «gacompter» и «sonner mot»). Но обычно автору свойственна большая витиеватость слога. Его героиня может испытывать стыд и срам («vergeingne et honte»), предаваться раскаянию и сокрушению («contriccion et repentance»), грехи можно одновременно искуплять и очищаться от них («espurgier et netoyer») ⁹². Здесь мы – свидетели, по выражению литературоведа, «борьбы с языком в поисках адекватных средств, обеспечивающих нужный эффект» ⁹³.

В большинстве глав мы встречаем обращение Жоффруа-отца: «мои дорогие дочери» («mes belles filles», «chières filles» или «noble pucelles»). Выше я уже упоминала, что Жоффруа не называет дочерей по именам, а в *Прологе* и вообще говорит о них в третьем лице. Во втором известном нам *Поучении* отца – Людовика Святого, написанном для дочери, также встречается постоянное повторение «chère fille» и имя дочери – Изабелла – тоже не называется. Но между обоими текстами есть явное различие. Король употребляет только это выражение и начинает с него почти каждый абзац. Наш же автор всячески стремится разнообразить текст, повторяя «дорогие дочери», или «красавицы-дочери», иногда с притяжательным местоимением, иногда без него и употребляя свое обращение в разных частях текста.

Жоффруа, как правило, стремится прямо или косвенно выразить отношение к происходящему. Если его тревожит состояние современных ему нравов, он говорит: «увы...», «ах!» («Hélas...», «Ha!») Или, например, если надоело описывать подробности жизни «излишне» добродетельной дамы, он говорит: «заканчиваю, потому что это очень долго рассказывать...». Даже к собственным «историям» он относится по-разному, выстраивая некоторую их иерархию. Большую часть

---

⁹² Другие интересные примеры: «je scais et cognois» (ведать и знать), «souspirer gemin» (вздыхать и охать) и даже «ensevelis-soient-enterroient» (хоронить и погребать).

⁹³ *Гальперин И.Р.* Об особенностях языка и стиля писателя // *Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения.* Кишинев. 1977. С. 17.

«примеров» он именует просто «bon», далее следуют «très bon», «grant» и завершают пирамиду наиболее поучительные, «величайшие», на взгляд автора, примеры – «moult grant».

Каждая из «историй» нашего автора начинается и заканчивается определенными, характерными для его стиля фразами. Начинает Жоффруа обычно с мысли «Я расскажу вам одну историю...», выраженной разными лексическими оборотами: «Я хотел бы, чтобы вы знали...», «Коснусь события, когда...» или «О другом примере хочу поговорить» и др. Заключительный его пассаж – «Это хороший пример...», «Полезно и необходимо...», «Каждая женщина (не)должна...», «Я прошу вас принять этот пример...» и т.д. Безусловно, употребление подобных фраз не уникальный прием автора, но их разнообразие многое говорит о Жоффруа. Ему не интересно повторяться, он хочет обогатить текст и для этого избегает повторений. По мнению Дж. Ферье, такие сочетания показывают неспособность автора создать глубинную связь между двумя разными абзацами повествования. Жоффруа, по ее выражению, «спотыкается» в изложении материала и, не зная как связать две мысли, переходит к фразам типа «мне кажется», «я думаю»⁹⁴. Исследовательница предъявляет чрезмерно завышенные требования к средневековому автору. Жоффруа как раз наоборот, работает в духе времени с его языковой вариативностью и повышением индивидуальности слога. Фразы, обозначающие «присутствие автора» говорят, скорее, об особенностях его стиля, желании сказать о себе, высказать свое мнение, нежели о его слабых писательских способностях. Разнообразие же этих фраз свидетельствует скорее о том, что автор хотел «раскрасить» текст, чтобы его было не скучно читать.

О литературных способностях Жоффруа де Ла Тура говорит как последующая популярность его *Поучения*, так и сам текст. Автор пишет интересно, часто ярко. Он любит пословицы, присказки. Его столь же увлекает сам процесс творчества, как и тема повествования. Присутствие Жоффруа всегда ощущается за строками поучительного трактата.

---

⁹⁴ Ferrier J.M. Op. cit. P. 12-13.

Текст неизбежно несет на себе отпечаток личности автора. Так, когда сюжет перестает его интересовать, стиль становится однообразным, скучным. Слог автора заметно меняется, когда он переходит, например, к рассказам на библейские темы. В этих случаях речь Жоффруа звучит суше и догматичнее (не забудем о влиянии его помощников), приобретает назойливую поучительность:

Помните, как во времена Ноя все утонули и погибли из-за гордыни и страсти безумных женщин к переодеванию и раскрашиванию лиц, откуда и пошло сластолюбие и мерзкий разврат; отчего все и погибли...⁹⁵

Складывается впечатление, что Жоффруа вынужден говорить об этом в силу определенных обстоятельств, в том числе канона жанра, но раскрывать подобные сюжеты ему, очевидно, не столь интересно. В отличие от этого, текст, написанный разговорным языком, в котором чувствуется присутствие личности автора, легкий для чтения, не мог быть неинтересен читателю⁹⁶.

Неудивительно, что сочинение Жоффруа де Ла Тур Ландри стало весьма популярным. У автора была способность говорить так, чтобы читатель прислушался к его предписаниям. Книга содержит ненастойчивые и мягкие поучения, даже где-то увещевания, которым было не так трудно следовать. Лишь изредка упоминает автор ужас Господней кары, ожидающей ослушавшихся.

***

Предшествующие размышления позволили нам воссоздать, насколько это возможно, портрет анжуйского рыцаря-писателя XIV века Жоффруа де Ла Тур Ландри. Вернемся

---

⁹⁵ Le Livre... P. 113.

⁹⁶ П.Буазар пишет, что Жоффруа «обладал искусством оживлять своих современников, хотя и не отличался особым умом и проницательностью. Надо читать его книгу, чтобы узнать, как жили люди в то время...». (*Boisard P. La vie intellectuelle...* P. 149). Об этом же писал Поль Руссело (См.: *Rousselot P. Histoire de l'education des femmes en France. P., 1883. T. 1. Ch. II (II).*)

к поставленному в начале вопросу: действительно ли наш персонаж и его текст необычны?

Занимаясь исследованием «уникального и стереотипного» и встречая необычного (на наш современный взгляд) героя, каждый раз задаешься вопросом, а был ли он столь же интересен современникам, действительно ли чем-то отличался, как это нам теперь представляется? Или все было совсем наоборот, и таких «Жоффруа» было множество...

Жоффруа де Ла Тур Ландри, рыцарь XIV века кажется более семейным человеком, нежели воином. В *Прологе* автор прямо заявляет о своей любви к детям и что «так и положено быть». Однако известно, что в его время это еще не было принято, да и вряд ли он стал бы акцентировать внимание читателя на том, что «всякий отец должен любить своих детей», если бы это было само собой разумеющимся. Жоффруа имеет явную склонность к литературным занятиям. Правда, сам по себе этот факт не уникален: многие аристократы – его современники – занимали досуг сочинительством. Однако текст, составленный Жоффруа, несет на себе ярко выраженные черты индивидуальности автора. Возможно, он был интересным человеком, поэтому и книга у него получилась увлекательной. Представляется очевидным, что в «казусе Жоффруа» норма граничит с особенностью. Раскрыв поучительной книгой уголок своего внутреннего мира, рыцарь де Ла Тур Ландри рассказал нам, его исследователям и читателям, о возможности выбора в культурной практике средневековых людей и осуществления определенного отклонения от принятых норм поведения. Наш автор не ломает, но по-своему переосмысляет и интерпретирует существующий в сознании историков и в представлении его современников поведенческий стереотип.

Н.В. Дюндик

Семья и брак в жизненном пространстве французского аристократа первой половины XVIII века

Литература XVIII века свидетельствует, что многие современники склонны были воспринимать семью, как «личное», эмоциональное пространство в жизни человека.

«В течение XVIII века, – пишет французский историк, – происходит переход от брака по семейному соглашению (например, между представителями известных фамилий) к браку по любви. Однако, делать вывод о том, что выбор партнера внезапно стал добровольным и эмоциональным, было бы опрометчиво. Нормы, относящиеся к брачной практике, менялись постепенно»¹.

Эти изменения во Франции раньше всего коснулись буржуазной среды. Дворянство же дольше всех сохраняло традиции брака по семейному соглашению². В настоящей статье предпринята попытка показать специфику жизненного пространства французского аристократа первой половины XVIII века, характер и особенности семейных связей в придворной среде.

Во Франции Старого порядка дворянство было весьма неоднородным сословием. «Большой исторической словарь»

---

¹ *Burgiere A.* «Chère cousine»: les usages matrimoniaux de la parenté proches dans la France du 18 siècle // *Annales HSS.* Nov.-dec. 1997. № 6. P.1349.

² О французской семье см. подробнее *Burgiere A.* Le rituel de mariage en France: pratique ecclésiastique et pratique populaire XVI-XVIII // *Annales ESC.* 1978. №.33; *Flandrin J.-L.* Les amours paysans. P., 1975; *Idem.* Familles : Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976; *Goody J.* L'évolution de la famille et du mariage en Europe. P., 1985; *Gouesse J.-M.* Mariages de la proches parents (XVI – XX siècles) // *Modele familial européen; normes, deviances, controle du pouvoir.* Rome, 1986; *Pillorget R.* La fige et rameau: Familles anglaise et française XVI-XVIII siècle. P., 1988; *Аръес Ф.* Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург. 1999; *Duraquier J.* La population française aux XVII et XVIII siècles. P., 1979; *Лосев С.А.* Брак и семья во французском городе во второй половине XVIII – начала XIX веков. Автореферат. Самара. 1997; *Лобарт М.К.* Брак и семья у французов XVIII – начала XX веков. Автореферат. М., 1995.

1740 года выделяет 3 группы внутри дворянства: 1) принцы крови, 2) высшее дворянство, к которому отнесены герцоги и пэры, приближённые короля, высшие офицеры, военные губернаторы, бальи и сенешали, 3) обычное дворянство, которое, в свою очередь, делится на «дворянство расы» – родовитые семьи, где принадлежность к сословию превысила сто лет или четыре поколения, и урождённое дворянство, – те, чьи близкие предки были аноблированы³. Ш.-М.Талейран выделял большее количество групп: «Вместо единого дворянства их существовало 7 или 8: военное, судейское, придворное, провинциальное, древнее и новое, высокое и мелкое»⁴. В современной исторической литературе чаще говорят о двух больших группах внутри дворянского сословия. Это «дворянство шпаги» – урождённые дворяне, получившие титул по наследству, и «дворянство мантии» – аноблированные дворяне⁵.

Аристократия (примерно 1% всего населения страны) имела преимущественное право на особую привилегию дворянского сословия – быть представленным ко двору. Его удостоивались лишь «дворяне шпаги». Каждый имел при дворе должность, которая предполагала особое положение, но не

---

³ Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой Французской Революции. М., 1986. С. 30.

⁴ Талейран Ш.-М. Мемуары. М., 1997. С. 111.

⁵ Подробно о французском дворянстве см. Пименова Л.А. Социально – политическая позиция дворянства накануне Великой Французской Революции // Новая и новейшая история. 1989. № 1; Иванова З.Н. Дискуссия о французском дворянстве в общественной мысли эпохи Просвещения // Вопросы Новой и Новейшей истории. Киев, 1923; Коносов Н.Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка // От Старого порядка к Революции. Л., 1988; Behrens S. Nobles, privileges and taxes in France at the end of the Ancien Régime // Economic History Review. 1963. № 3; Chaussinant-Nogaret G. Aux origines de la Revolution française. Noblesse et bourgeoisie // AESC. 1975. № 2; Chaussinant-Nogaret G. La Noblesse au XVIII siècle. De la Feodalité aux Lumières. P., 1976; Chaussinant-Nogaret G. Une histoire des élites: 1700-1848, P., 1975; Labatut J.P. Les noblesses europeennes, de la noblesse de France au XVII et XVIII siècles. P., 1965; Meyer J. La noblesse française au XVIII siècle: aperçu des Problèmes // Acta Polonial Historica. 1977; Michel A. Le Conseil du Roi sous règne de Louis XV. P., 1970.

доход. Реальные доходы придворного были связаны не с должностями, а с наследственным титулом, открывавшим путь к королевским подаркам, пенсиям и субсидиям. В этом кругу к семье ещё не начали относиться, как к чему-то личному, скрытому от посторонних глаз. Семья не была для аристократа понятием первостепенным. Не случайно в придворном искусстве галантного века не было жанра семейного портрета. Групповые портреты изображали человека «в обществе»: в парке, опере, салоне, но не с детьми или родственниками.

Большую часть времени придворный проводил в «Свете». Это было особое социокультурное образование, в рамках которого проходила «служба» придворного, предполагавшая активное общение и разного рода развлечения (опера, салон, бал, охота, ужины и пр.). В этот «мир» входили лишь «избранные», «приближенные» ко Двору, который по мнению И.Тэна представлял собой своего рода «постоянный Салон, где свободен и легок доступ подданных к повелителю, где они живут вместе с ним, в коротком и частом общении, несмотря на почти бесконечное различие ранга и власти, где монарх изображает из себя в совершенстве хозяина дома»⁶. В то же время, речь идет лишь о представителях ряда аристократических фамилий, традиционно входивших в круг общения королевской семьи. Согласно придворному регламенту, королю могли быть представлены лишь те дворяне, чьи семьи никогда не были аноблированы. Для доказательства подлинности происхождения нужно было иметь документы, где была бы отражена родословная до 1400 года. «В основание всего должно знать, что четырех родов персоны постоянно себе место при дворе ищут: вельможи, да знатнейшие особы, с природы ко двору приобязаны, за монархом везде быть и следовать должны»⁷, – говорит современник. Кроме того, каждый придворный подчинялся определённому кодексу правил: в стиле поведения, мышления, речи. Важнейшей добродетелью считалось умение жить в обществе – быть всегда на виду, стремиться к постоянным контактам и нравиться всем. Правила хорошего тона обязывали каждого «быть лю-

---

⁶ Тэн И. История современной Франции. Старый порядок. М., 1907. С. 17.

⁷ Ленобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. М., 1798, Т. 2. С. 360.

безным» – т.е. всегда в хорошем настроении, искусно скрывая от окружающих свои эмоции. Человек, который не соответствовал этим требованиям, становился объектом насмешек и всеобщего неодобрения.

Второй компонент жизненного пространства аристократа может быть назван «Домом». Этот «мир» включал в себя всех, кто проживал рядом с хозяевами или часто посещал их жилище. Многочисленные слуги, друзья, посетители салона хозяйки, – все они были его обитателями. Причем, родственники чаще всего в этот мир не входили. Семьи включали в себя «кроме супругов и их детей, не других родственников (такой патриархальный тип семей встречался редко), а целую армию слуг, друзей и протеже»,⁸ – пишет Ф. Арьес.

«Большой Дом» был одним из главных мест, где клиенты, родственники, друзья и протеже могли встречаться и общаться. Комнаты не имели особого функционального назначения:

«Особняки, которые строились тогда в огромном количестве, состояли из маленьких уголков, где салоны выстраивались один за другим, на случай большого приема. Все было устроено так, чтобы принимать посетителей без столпотворения»⁹.

«Большой дом» был открыт для многих, но... для многих избранных. Так же как в Свете в «Большом доме» «своими» признавался лишь строго определенный круг лиц, учтиво,¹⁰ но настороженно относились к приезжим, иностранцам и др.

Женщина занимала важное место в аристократической культуре того времени: она была главным источником обще-

---

⁸ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург. 1999. С. 393.

⁹ Duby G., Mandrou R. Histoire de la civilisation française. XVII-XVIII siècle. T II. P. 145.

¹⁰ «Проникнуть в старинные дворянские дома очень трудно. Прием друзей и знакомых отнимает столько времени, что поддерживать еще знакомство с человеком, которого будешь видеть в течение нескольких месяцев, уже нет возможности. Парижанин сходитя с незнакомым трудно; он вежлив, но необщителен. Прочих же удостаивают нескольких приглашений на обед, но не допускают на частные собрания, где присутствующие парижанам любезность и остроумие, проявляются во всем блеске» (Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995. С. 190.)

ственного мнения, его судьей и проводником¹¹. Она должна была обладать не только красноречием, но и умением «вести салон» – направлять беседу в нужном направлении и создавать определённый настрой между людьми. Оценки и суждения хозяйки салона во многом определяли успех или провал в обществе многих выдающихся деятелей эпохи.

Внутрисемейные отношения в придворной среде также имели свои специфические черты. Основным мотивом женитьбы, который официально заявляли дворяне, были «интересы семьи». Как полагает А. Бюржиер, «в этой лаконичной формулировке за Двором признавалась особая привилегия, не прося особого разрешения на брак, создавать союзы на основе родственных связей»¹². Брак в придворном обществе в то время был средством увеличения фамильного влияния и финансового благосостояния¹³. Заключая брачный союз, будущие супруги думали прежде всего об общественном положении, которое сулил обоим этот брак. По мнению Л.А. Пименовой, «В обществе, где брак рассматривался как союз не столько индивидов, сколько семей, брак по расчёту представлял собой явление совершенно нормальное и не-предосудительное»¹⁴. Сен-Симон, например, объясняет своё желание жениться на своей избраннице положением, которое занимает его будущий тесть, маршал де Лорж:

«Почёт и любовь, которые он уже снискал, уважение при дворе, великолепие, с каким жил, где бы ни оказывался, высокое проис-

---

¹¹ Об общественном мнении см. *Пименова Л.А.* Как судейский крючок женился на герцогине, или три версии одной истории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999; *Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. СПб., 1999; *Carre H.* La noblesse de la France et l'opinion publique au XVIII siècle. P., 1924; *Farge A.* Des lieux pour histoire. P., 1997; *Idem.* Dire et mal dire: l'opinion publique au XVIII siècle P., 1991; *Baker K.M.* Politique et opinion publique sous l'Ancien régime // AESC. 1987. № 1.

¹² *Burgiere A.* Op. cit. P. 1347.

¹³ Распространен был обычай посылать невесте богатые подарки. Сен-Симон рассказывает, как его мать «прислала мадемуазель де Лорж на 40 тысяч ливров драгоценностей», а он «корзинку с шестьюстами луидоров и всякими подарками, какие подносят в подобных случаях» (*Сен-Симон Л.* Мемуары. М. 1997. Т. 1. С. 110).

¹⁴ *Пименова Л.А.* Как судейский крючок женился ... С. 249.

хождение, обширные родственные связи, уравнивающие брачный союз, в который он счёл необходимым вступить первым, старший брат, также пользовавшийся уважением, причём оба брата имели одинаковые титулы, должности, состояния, кроме того, согласие, царившее между братьями и во всём этом многочисленном семействе, побуждали меня весьма желать этого брака, в котором я надеялся обрести всё то, чего мне не доставало для поддержки и продвижения на жизненном поприще, и который позволил бы мне войти в это любезное семейство, чтобы вести приятную жизнь среди стольких прославленных родственников»¹⁵.

Если брак был заключён, а обещанной выгоды не было получено, это могло закончиться скандалом. Такая ссора произошла между королём и Месье, когда его сын, после женитьбы на дочери короля от мадам де Монтеспан, не получил обещанного¹⁶.

Брак чаще всего не предполагал никаких моральных обязательств супругов по отношению друг к другу. Нередко они даже жили порознь, встречаясь лишь на различных приемах. «Месье вел себя с ней (женой – *Н.Д.*) учтиво, но совершенно ею не интересовался и почти не входил с нею ни в какие отношения»¹⁷, – так описывает отношения родителей Регента Сен-Симон. Иногда «любовь», «а точнее “привязанность” (если говорить в терминах эпохи), которую испытывали друг к другу, указывали как единственный мотив брака»¹⁸, – отмечает А. Бюржиер. Но, за редким исключением, мужа и жену связывал лишь брачный договор, и иногда дети. Однако ребенок ещё не был тем эмоциональным центром семейных отношений, которым он стал в XIX–XX веках.

«Наши мужчины считают, что их способность зачать ребёнка – самое веское доказательство чувств, которое они могут нам предоставить. Меж тем, как вера, уважение, доброта намного важнее,

---

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 105–106.

¹⁶ Месье упрекал короля в том, что «принуждая жениться сына, сулили ему золотые горы, а между тем до сих пор не расщедрились даже на губернаторство, и что правы были те, кто говорил, что этот брак не принесет никакой выгоды, только бесчестье и стыд» (Там же. Т.1. С. 131).

¹⁷ Там же. Т.1. С. 142.

¹⁸ *Burgiere A. Op.cit. P. 1348.*

чтобы создать доброжелательность и искреннюю привязанность в семье»¹⁹, – писала о современниках Принцесса Палатинская.

Бездетность в то время для многих была даром свыше, а беременность считали смешной и часто старались скрыть. Для придворной дамы беременность не была основанием для особого к ней отношения.

«Никакие недомогания не могли избавить их от поездок и ношения придворных туалетов, – писал о своих современниках Сен-Симон, – брюхатые, больные, уже через 1,5 месяца после родов они обязаны были наряжаться, затягиваться, отправляться во Фландрию, а то и дальше, танцевать, не спать по ночам, участвовать в празднествах, объедаться, быть весёлыми, учтивыми, ни в коем случае не подавать вида, что они боятся или что им несносно зной, стужа, сквозняки, пыль и при этом строго придерживаться назначенных часов, ни на минуту не нарушая распорядка. Король и к своим дочерям относился так же. У обеих из-за этого были выкидыши, о чём он говорил с облегчением, несмотря на то, что ни та, ни другая ещё не имели детей»²⁰.

Даже в личной переписке старались прямо не обсуждать вопросы, связанные с детьми. Мадемуазель Аиссе в письмах госпоже Каландрины говорит о своей дочери Селини де Блон, рожденной от шевалье Д'Эди не иначе, как «сами знаете, кто», «сами знаете, для кого»²¹. Ребенок чаще всего воспринимался, как некое «неудобство», способное осложнить высокое общественное положение, или, хуже того, разрушить четкий жизненный сценарий, смысл которого – жить в Свете.

Развитие медицинских знаний в определённой степени способствовало снижению уровня рождаемости. «Франция XVIII столетия быстро перенимала опыт контрацепции, которая стала в это время очень важным фактором, позволившим приостановить процесс деторождения и сделать сексуальные отношения супругов более лёгкими и спокойными»²². Воспитание девушки предполагало непременно посвящение её в секреты предотвращения беременности. Среди самых известных: использование контрацептивов, аборт

---

¹⁹ Meyer J. Le Regent. P., 1985, P. 36.

²⁰ Сен-Симон Л. Указ. соч. Т. 1. С. 262.

²¹ Аиссе. Письма госпоже Каландрины. Л., 1985. С. 67.

²² Meyer J. Op. cit. P. 36.

ты, использование всевозможных химических составов²³. Частые аборт, отравление организма различными веществами, несомненно, вели к физической неспособности иметь детей. Этому же способствовала и женская мода того времени. Тесный корсет с шести лет, туго стягивавший грудь и нижнюю часть живота, мог привести к деформации внутренних детородных органов, к различным их заболеваниям и бесплодию. Поэтому часто дети рождались либо мёртвыми, либо нежизнеспособными.

«Здесь ни один ребенок не может быть в безопасности. Доктора уже потеряли пятерых детей королевы. Та же участь постигла троих детей Месье. Вероятно, подобное придется пережить и мне», – писала Мадам, Принцесса Палатинская, мать Регента²⁴.

Современные педагогика и психология убедительно обосновали мысль о том, что постоянный физический контакт с родителями, особенно с матерью, необходим человеку в первые месяцы его жизни, являясь основой развития его эмоциональной сферы. Во Франции Старого порядка придворные сразу же после рождения отдавали ребенка кормилице, а затем воспитателю. Нередко воспитателем становился почтенный пожилой военный или дипломат. Скорая смерть наставника заставляла искать нового «почтенного и уважаемого». Когда он умирал, – всё начиналось сначала. Постоянная смена авторитетов и дистанция между родителями и ребенком не способствовали развитию в маленьком человеке глубоких чувств²⁵. Не научившись любви в семье, человек вырастал равнодушным, скованным, одиноким, и часто озлобленным.

---

²³ О контрацепции во Франции см.: *Chamoux A., Dauphin C.* La contraception avant la Revolution française: l'exemple de châtielon-sur Seine // AESC. 1964. № 3; *Dupaquier J., Lachiver M.* La contraception en France au les deux malthusianismes // AESC. 1969. № 6.

²⁴ *Meyer J.* Ibid. P. 24.

²⁵ «Между нарумяненными и надушенными лицами возникают неустойчивые шелковистые барьеры, фигуры непостоянства, делающие призрачными все попытки галантного обращения, превращающие всякие отношения во что-то столь же невесомое, как взмах крыла бабочки», – так изящно характеризует этот тип отношений Жислен Пилливьюит в альбоме «Флаконы обольщения» (*Пилливьюит Ж.* Флаконы обольщения // Пинакотекa. № 6-7. С. 168).

«Одиночество» – самое частое слово на страницах мемуаров Ш.-М. Талейрана: «Малый интерес, проявленный к моей жизни, отсутствие свиданий с моими родителями, печальные воспоминания оскорбили мое сердце. Я чувствовал себя одиноким, без поддержки, предоставленным самому себе... Сколько раз я чувствовал с горечью, какую ценность для человека имеет искренняя любовь к нему в его собственной семье»²⁶.

Жизнь, как постоянное одиночество и «холод» воспринимала и маркиза де Ментенон:

«Мне было холодно всю жизнь. Иных детей отдают в день их рождения под покровительство богородицы или какого-нибудь святого. Меня же отдали студеным ноябрьским днем Холоду, и этот покровитель цепко держит меня в своих объятиях. Я зябла в тоненьких кисейных платящих, зябла в нарядных робах, под золотым, расшитым камнями панцирем... Я еще как-то могу согреть оболочку, но душа оледенела на веки, и мне с великим трудом удается сохранить в ней хоть один единственный уголок»²⁷.

Материнство, как одна из важных составляющих жизни женщины, в галантной культуре XVIII века всячески игнорировалось. Ни в литературе, ни в живописи того периода мы не встретим сюжетов, связанных с матерью и ребенком. Художники писали картины, изображающие женщин во время купания, за утренним туалетом, перед зеркалом, с обнаженной грудью. Однако в то время женская грудь была символом сексуального желания, а не материнства и начала жизни, как это было в прежние времена, например, в эпоху Ренессанса.

В семье придворного не существовало отношений типа: мать – отец – ребенок. Каждый из них, прежде всего, был членом «общества» и должен был добиваться гармонии с ним. «Потомство – это всего навсего новая публика в театре, приходящая на смену старой»²⁸, – констатировал Шамфор. Семья являлась миниатюрной копией светского общества, а ребёнок «это маленький взрослый, ...но совершенно

---

²⁶ Талейран Ш.-М. Указ. соч. С. 91.

²⁷ Шандернагор Ф. Королевская аллея: воспоминания Франсуазы Д'Обинье, маркизы де Ментенон, супруги короля Франции. М., 1999. С. 557.

²⁸ Шамфор С. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты. М., 1966. С. 164.

слабый и зависимый»²⁹, – считает Ж. Мейер. Члены семьи обращались друг к другу на «Вы», дети говорили родителям «мадам», «месье» и соблюдали в их присутствии все правила этикета. Основной задачей в общении родителей и ребенка являлось поддержание в нем честолюбия, юному наследнику внушали, что он обязан добиться признания общества, соответствовать своему титулу. Естественно, были и исключения из правил. Некоторые родители с большой нежностью и вниманием относились к своим детям, имели между собой очень близкие отношения. Как, например, Месье, брат Людовика XIV, его супруга, Мадам и их дети, в том числе Герцог Орлеанский, будущий Регент.

По мнению Ж. Мейера, «плохие супруги, они были всё же хорошими родителями. Материнская, и – что более неожиданно – отцовская любовь никогда не угасала. Лёгкость в обращении между отцом и детьми была очень привлекательна для них, тем более на фоне сурового (порой слишком) материнского воспитания»³⁰. О таких отношениях говорит и их современник, Сен-Симон: «Отец и сын нежно любили друг друга. Месье был добрейшим человеком, ничего не запрещал сыну и ни в чём ему не препятствовал»³¹.

Но чаще всего отношения родителей и детей выглядели более прохладными, поскольку «предметом постоянных забот были средства к существованию и ранг»³².

Многие материалы этого периода говорят о желании придворного человека «уйти» от «прекрасной и блестящей жизни» шумного общества, скрыться от нее либо в другом времени, либо в другом пространстве. Кто-то уходил в мир грёз и фантазий, рассказывая и анализируя свои сны, кто-то становился светским путешественником, с восхищением описывая жизнь экзотических народов, другие занимались садоводством или театром. Основная масса этих свидетельств появилась после 1715 года, в период правления Регента, Филиппа Орлеанского и после его смерти. По мнению некоторых историков, Регент был тем человеком, который задал тон

---

²⁹ Meyer J. Op.cit. P. 36.

³⁰ Ibid. P.25.

³¹ Сен-Симон Л. Указ. соч. Т.1. С. 139.

³² Там же. Т.1. С. 233.

всему XVIII столетию³³. В период Регентства удобство и комфорт частной жизни ставятся на первое место: «Регентство открывает век расцвета повседневной жизни, возводит её в ранг высшего искусства, прививает вкус к спальням и альковам, скрыться в которых очень сложно»³⁴, – считает Ж. Мейер. Филипп Орлеанский предпочитал бывать в узком кругу приближённых, что было весьма необычным для придворного человека и вызывало недоумение современников³⁵.

Основой светской культуры этого периода являлся гедонизм. Для придворных «единственным занятием в жизни было наслаждение, и прежде всего, их собственное»³⁶, – полагает английский искусствовед Н. Эптон. Любимая аллегория того времени – «Отплытие на остров Киферу», (так называлась картина придворного художника Антуана Ватто). Кифера – мифический остров, где жизнь легка и приятна. Там нет общественных обязательств и должностей. Это край безделья, рай для влюблённых, связанных меж собой лишь некрепкими узами флирта. Женщины там вечно молоды и прекрасны, а мужчины учтивы и галантны. Воплощения этой аллегории в реальность жаждало светское общество того времени.

Рождается и другая интерпретация: перед нами общество, отправляющееся в рай, иными словами, в загробный мир, противоположный его реальной «прекрасной жизни». «Отплытие» – не единственный сюжет в творчестве Ватто, да и в изобразительном искусстве галантного века в целом, связанный с темой «ухода». Многочисленные «гуляния в парке», «общество в саду» были излюбленными темами придворных заказчиков. Во всех работах на эти сюжеты люди

---

³³ «Регентство Филиппа Орлеанского, со всеми его смутами и атмосферой свободы и раскрепощения положило начало и определило основное содержание всего века. Атмосфера 1715-1724 гг., ее салоны и Академии, где происходили главные придворные баталии, – всё это задавало тон вплоть до начала правления Людовика XVI. Людовик XV не смог даже на миг отменить те правила игры, которые были установлены сразу же после смерти Людовика XIV», – характеризует эпоху Ж. Дюби. (*Duby G., Mandrou R. Op. cit. Т. II. P. 138.*)

³⁴ Meyer J. Op.cit. P. 9.

³⁵ См. например, *La Regence. Portefoille d'un Roue. Publié par Roger de Parnes avec préface par Georges d'Hejlli. P. 1881. P. 5.*

³⁶ Эптон Н. Любовь и французы. Челябинск. 2001. С. 241.

изображены либо в пол-оборота, либо спиной, уходящими от посторонних глаз в глубь тенистого сада или парка. Часто на лицах людей мы видим черные маски, что тоже может быть интерпретировано как своеобразный «уход» от мира.

Важным представляется и то, что галантное искусство практически не обращается к такому жанру, как портрет. Естественно, живописцы писали своих современников, но чаще всего это были сами заказчики «в образе» какого-либо персонажа античной литературы, либо театральной пьесы. О таком своем портрете говорит мадемуазель Аиссе:

«Как только получу копию или оригинал, тотчас же пошлю вам свой портрет. И когда вы будете смотреть на него, помните, что на нем я молю небо о вашем счастье, ибо изображена на нем с глазами, устремленными ввысь, и в голубом покрывале, наподобие весталки или послушницы»³⁷.

Людей изображали намного моложе, чем они были в жизни. Все стремились спрятаться за маску, уйти в мир своих фантазий. Таким образом, искусство, реалистичное по форме оказывалось далёким от действительности по содержанию.

Отношение аристократии к возрасту – еще одно свидетельство желания уйти от реальности. Старость в этом обществе игнорировалась, все стремились остановить время. Обычно накануне Нового Года дамы спрашивали друг друга «Сколько лет нам в этом году?». Женщины предпочитали считать себя вечно двадцатилетними, а мужчины тридцатилетними. Некоторые дамы просили называть их «малютками». Пудра и румяна были надежным средством сотворить «маску молодости», под которой можно было скрыть не только морщины, но и естественные эмоции и чувства, непозволительные для светского человека³⁸.

Одним из способов «ухода» был театр, который тогда становится не только публичным развлечением, но и любимой «домашней игрой». Спектакли ставились не только в больших театрах, но также на частных домашних сценах,

---

³⁷ Аиссе. Указ. соч. С. 78.

³⁸ «Лицо галантного века не предназначено для того, чтобы передавать интимное чувство; оно обманка, ловушка, экран, на котором мимика подчиняется тщательному кодексу двора» (*Пилливиюм* Ж. Указ. соч. С. 168).

владельцы которых были и актерами. В это время в моду входят театральные ложи, которые в полной мере могли создать ощущение «ухода» от общества:

«Парижанка должна непременно иметь у себя в ложе свою собачку, свою подушку, а главное, – маленького фата с лорнетом, который докладывает ей обо всех входящих и выходящих из залы и называет ей имена актеров. В веер, который держит в руках дама, вделано маленькое стеклышко, сквозь которое она может видеть всех, не будучи видимой никем»³⁹.

Можно сказать, что вся жизнь аристократа этого периода была своеобразным «театром». От рождения до смерти он находился в «обществе», которое требовало ежеминутных доказательств права принадлежать к нему: существовали обязательные чувства, мысли, был признанный способ жить и умирать. Главной обязанностью каждого аристократа было соответствовать роли, предписанной ему «обществом». Необходимость пожизненно носить неестественную маску и превращала жизнь в настоящий «театр».

Литература галантного века также свидетельствует о желании людей спрятаться от реальной жизни. В этот период появилось множество литературных произведений различных жанров, которые были написаны в форме сновидений. Кребийон-сын в своих новеллах, Лесаж в «Хромом бесе», Дидро в «Нескромных сокровищах» анализируют сновидения – скрытую речь подсознания. Главный герой «Хромого беса», Асмодей, убеждает своего спутника: «Не надо считать все сны игрой воображения... Во время сна природа сбрасывает с себя узду рассудка и добродетели»⁴⁰. Л.-С. Мерсье написал роман – «философский сон» «Год 2440-й. Сон, которого возможно не было», где неоднократно признавался читателю, что мир его сна, где жизнь устроена наилучшим образом, для него предпочтительней и что человеку более необходимо общество самого себя. В нём он говорил о своем желании «уйти», умереть, чтобы жить в другом мире:

«Сновидение, – чей пленительный образ мне милее несносного света истины. Как сладостен, сей обман чувств, и отчего не

---

³⁹ Мерсье Л.-С. Картины... С. 185.

⁴⁰ Лесаж А.-Р. Хромой бес // Французский фривольный роман. М., 1993. С. 170-171.

властен я предаваться ему до конца своих дней. Но нет, вновь я вижу вокруг себя тот страшный хаос, с которым мнил расстаться». «В свете... незаметно для себя мы впитываем великое множество странных и чуждых нам идей, которые источают какой-то яд и он помрачает изначальные идеи, обычно более здоровые... Надобно вернуться в собственное одиночество, чтобы вновь вспылать ненавистью к пороку»⁴¹.

Часто романы и театральные пьесы повествовали о многочисленных любовных приключениях, тайных жеманствах, порочных связях, то есть о чём-то «совсем другом, главным образом запретном, и в то же время желанном, сходства с чем можно было искать в реальности»⁴². Но к повседневной жизни они имели весьма отдалённое отношение:

«Эти театральные истории и романы не отражают ни реальный облик своего времени, ни даже его прообраз. Они создавались лишь для того, чтобы предоставит возможность отвлечься или что-то компенсировать. Публика могла поразмышлять над собой. Чтобы познать себя и продвинуться вперёд в осознании самого себя и своего места в обществе, ей требовались постоянные эмоции и возможность представлять себя в различных ситуациях, на месте литературных и театральных персонажей. Это помогало ей уйти от себя самой и связей с миром»⁴³.

Одной из причин большого интереса, который тогда испытывали к путешествиям, путешественникам, мало знакомым странам Америки и Востока, также могло быть стремление уйти от реальности. В XVIII веке в моду входят восточные безделушки: ширмы, шелка, благовония, ювелирные украшения. Все это позволяло соприкоснуться с иным миром, иной цивилизацией. Кроме того, появляются многочисленные сочинения о восточных людях, о жизни пиратов и дикарей. Светских путешественников восхищали бескорыстие, искренность и естественность эмоционального мира этих людей, и в то же время загадочность, непохожесть нравов, обычаев тех стран, где эти люди жили. Таковы произведения аббата Прево, Ш. Дюкло, Д. Дидро, Ш. Монтескье⁴⁴.

---

⁴¹ Мерсье Л.-С. Сон...С. 8, 166.

⁴² *Burgiere A.* Op.cit. P. 1353.

⁴³ Ibid. P. 1353.

⁴⁴ В романе «История одной гречанки» аббат Прево отмечает открытость и гостеприимство Турции, куда отправляется его ге-

Путешествия, реальные или вымышленные, были ничем иным, как еще одним способом «ухода» в другой мир.

Нередко стремление создать личную, свободную от общества и его правил территорию, было вполне осознанным и реальным. Многие знатные особы увлекались садоводством⁴⁵. Перестроить свои отношения с обществом можно было просто физически отстранясь от него.

«Мадам нередко воротила нос от общества... Большую часть дня она проводила в избранном ею кабинете, окна которого находились на высоте десяти футов от земли, а стены были увешаны портретами пфальцских князей и иных немецких князей, и созерцала их...»⁴⁶, — делится наблюдениями Сен-Симон.

Так же относился к вмешательству в своё частное пространство и Филипп Орлеанский. По вечерам «его апартаменты наглухо закрывались и нечего было и пытаться прорваться к Регенту, какое бы ни возникло дело»⁴⁷. Зато в своём избранном кругу так называемых «греховодников» он и его приближённые могли позволить себе всё, что угодно и что осуждалось общественным мнением. Причем происхождение и ранг человека, который оказывался на неофициальном приёме у Регента, зачастую не имели для него значения.

Это были, по выражению его друга, «всякие люди без роду и племени, замечательные своим умом, либо распутством... На этих приёмах все министры, приближенные, как, впрочем, и остальные гости вели себя с полной свободой, смахивающей на разнуздан-

---

рой: «Я всегда сочувственно относился к их обычаям и нравам, что еще больше привязало их ко мне. Они даже вообразили, что раз у меня так много общего с турками, значит, я сочувствую их вере, а потому они стали еще более уважать меня. Все это привело к тому, что я почувствовал себя в стране, где не прожил еще и двух месяцев столь же свободно и непринужденно, словно в родном краю» (*Превю А.-Ф. История одной гречанки. М., 1975. С. 4.*)

⁴⁵ О популярности этого занятия повествует Мерсье: «Я видел четыре тысячи горшков с ананасами у герцога Буйонского в Наварре, близ Эврё... Одним из прекрасных плодовых садов является сад герцога Пентьевра в Ане, а в самом Париже сады герцога Шартра, герцога Бирона и г-на Бутена являются наиболее замечательными». (*Мерсье Л. С. Картины... С. 144.*)

⁴⁶ *Сен-Симон Л. Указ. соч. Т. 1. С. 142.*

⁴⁷ Там-же. Т. 2. С. 342.

ность... При этом пили, и, распалившись от вина, орали непристойности и богохульства, стараясь превзойти друг друга»⁴⁸.

В 40-50-е гг. появляется особый тип людей, своим поведением демонстрировавших негативное отношение к общественным нормам. Это так называемые «независимые», «которые делают вид, что осуждают все общепринятые правила. Они одеваются кое-как, ездят в деревню зимой, не посещают ни оперы, ни других театров»⁴⁹.

Самым радикальным средством был уход из жизни или желание смерти. Смерть не была неожиданностью, некоторые её даже ждали, как, например, маркиза де Ментенон.

В 1717 г., перед смертью она писала: «Я уже так давно желаю смерти, что ничуть не страшусь болезни... Мне не страшно умирать. На пороге вечности я склонна чувствовать скорее любопытство, нежели боязнь, согласитесь, это не так уж плохо, надеяться, через неделю, день или минуту узнать на сей счет все до конца»⁵⁰.

Мадемуазель Аиссе считала смерть единственным способом остаться наедине с самой собой:

«Жизнь, которой я жила была такой жалкой, – знала ли я хотя бы мгновение подлинной радости? Я не могла оставаться наедине с собой: я боялась собственных мыслей. Отчего стану я страшиться разлучения с душой своей, если уверена, что Господь ко мне милосерден и что с той минуты, как я покину сию жалкую плоть, мне откроется счастье?»⁵¹.

Складывается впечатление, что в придворной культуре Франции первой половины XVIII века частная и публичная сферы жизни были неразрывно связаны. Двор монарха и придворное общество доминировали в жизненном пространстве и системе ценностей человека придворного круга. Вся жизнь аристократа, от рождения до смерти, проходила на публике, в узком светском кругу. И внешняя и внутренняя ее составляющие были строго регламентированы, с рождения определены малые и большие поступки человека. В поведении все, что уклонялось от известного образца, осуждалось и

---

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Мерсье Л.-С. Картины...* С. 144.

⁵⁰ *Шандернагор Ф.* Указ. соч. С. 557, 564.

⁵¹ *Аиссе.* Указ. соч. С. 160.

наказывалось. Все это делало невозможным проявления естественных эмоций, чувств, личной инициативы. Постоянное внутреннее напряжение порождало социальную тревогу, возникающую в «связи с угрозой исключения из группы из-за неприемлемых установок или действий»⁵².

Брачный союз французского придворного еще не был тем эмоциональным пространством, где можно было снять «маску» и проявить индивидуальность, дать выход эмоциям.

«Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи, благодаря очень плотной и очень активной среде, состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков, где привязанности складывались вне строгих рамок. Супружеская семья растворялась в этой среде... У такой семьи прошлого были свои задачи: сохранение имущества, совместное осуществление той или иной деятельности, повседневная помощь в мире, где муж и жена не могли выжить, и в исключительных случаях – защита чести и жизни. У семьи не было эмоциональной функции»⁵³.

Семья передавала человеку имя, финансовое положение и готовый жизненный план, который не подлежал изменениям.

Наряду с этим, в первой половине XVIII века человек постоянно ищет способы создания для себя такого жизненного пространства, которое, хотя бы иллюзорно предоставляло его самому себе, и позволяло уйти от постоянного общественного контроля.

«С XVIII века люди начинают защищаться от повсеместного присутствия общества, бывшего раньше источником образования, репутации и богатства. Глубинные сдвиги разрушают прежние отношения хозяина и слуги, могущественного и маленького человека, друзей и клиентов»⁵⁴.

Различные способы «ухода» из реальности это свидетельство неосознанного желания оградить естественные психические проявления, своеобразная психологическая защита. Эти тенденции говорят о подсознательном желании перелома, перехода к новой морали, где будет место как общественному, так и частному, и важность каждой из этих сфер для человека будет определяться не обществом, а только им самим.

---

⁵² Хьелл Л., Зидлер Д. Теории личности. Спб. 1997. С. 129.

⁵³ Арьес Ф. Указ. соч. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 406.

Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги

Живя в семье в течение длительного времени, гувернантка вовлекалась в сложную систему отношений. Работодателем гувернантки был обычно глава семейства, но вопросы воспитания детей постепенно стали считаться сферой компетенции матери, поэтому гувернантка должна была выбрать правильную линию поведения во взаимоотношениях с родителями воспитанников, нередко не ладивших между собой. В 1844 г. Бутурлины наняли для дочери Анны швейцарскую гувернантку, вдову англичанина мадам Ломле, но она «как-то не поладила» с хозяйкой и пробыла в их доме менее года¹. У княгини Марии Петровны Волконской в 1845 г. в Петербурге английская гувернантка была под двойным контролем – самой княгини и ее бывшей воспитательницы:

она «взяла Англичанку, когда молодые княжны, София и Екатерина Дмитриевны стали подрастать, но сама следила, чтобы эта наставница не отступала ни на волос от начертанной ею программы, а задача эта была под час для нея тяжела, по разстраивающемуся ея здоровью. Правда, в деле воспитания детей была у ней надежная подмога в лице старой Швейцарки, мамзель Люсиньоль, бывшей собственною ея гувернанткою и только что не молившеюся на прежнюю свою воспитанницу»².

Английская гувернантка графа С.Д. Шереметева Шарлотта Ивановна Рутланд «любила поставить на своем», не позволяла вмешиваться в процесс воспитания даже матери, вступала с ней в пререкания, и это прощалось «ради ея несомненных достоинств»³. А.О. Смирнова также соглашалась с мнениями гувернантки ее детей М. Овербек, в том числе и о том, с чьими детьми во время заграничного вояжа можно общаться, а чье

---

¹ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский Архив. 1897. Кн. 3. № 11. С. 361.

² Там же. № 12. С. 520.

³ Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб., 1896. С. 6.

влияние будет неблагоприятно для юных Смирновых. В письме Н.В. Гоголю Смирнова замечала:

«Графиню Растопчину (поэтессу – О.С.) вижу часто, – почти ежедневно. <...> Я стараюсь только переменить образ воспитания ее детей. Их лучше уже держать в детской с доброй няней. Их Бог, впрочем, сохранил еще прекрасными, но Овербек не желает частого сношения с ними для моих. Я их лучше буду сводить с Дашковыми, от которых пахнет ангельскою чистотою»⁴.

Гувернантка Тучковых мадам Moreau de la Meltière, «хитрая и большая говорунья», с детьми «скучала и предпочитала разговаривать со старшими, в особенности с моим отцом, в совершенстве владевшим французским языком»⁵. «При отце называла нас “ses pauvres petits anges”, а в его отсутствие вовсе не обращала на нас внимания»⁶. Гувернантка Кайсаровых Клермонт прошла в своих отношениях с Варварой Яковлевной Кайсаровой все стадии охлаждения. В 1828 г. Клер писала:

«Я встретила ее в счастливый час, и она дала мне дом, обеспечила мне уважение и доброту, и сверх того – симпатию к моим мыслям и чувствам», она «встретила меня, когда я была робкой одинокой странницей, веточкой, вырванной из сада, где она выросла, и покинутой среди чужеземцев»⁷.

В 1830 г., всего через два года, Клер записывала:

«Г-жа Кайсарова приехала сюда и находится не в очень добродушном настроении. Единственно, что я от нее слышу, это, во-первых, бесконечное восхваление самой себя, своего мужа и дочки; это бы еще ничего, но при повторении очень утомляет»; во-вторых, она стремилась доказать «бесконечное превосходство России над всеми прочими странами, исходя из той, беспорной для нее, истины, что свобода и цивилизация ужасней всех зол», Клер приходилось соглашаться, чтобы избежать споров, но при

---

⁴ Письмо А.О. Смирновой к Н.В. Гоголю от 26 сент. 1844 г. // Русская Старина. 1888. Т. 59. № 7. С. 58.

⁵ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания / Вступ.статья, редакция и примеч. С.А. Переселенкова. Л., 1929. С. 35.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Алексеев М.П. Московские дневники и письма Клер Клермонт // Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 548-549.

этом о ней самой можно было подумать, что она «раболепное существо или совершенная дура»⁸.

Хорошая гувернантка в конце XVIII в. была редкостью, и если хозяйке удавалось найти такую, об этом знали родственники. «Рада я очень, матушка сестрица, что вы мадамой довольны», – писала своей сестре А.С. Шереметевой М.С. Бахметева⁹. В семье подолгу гостили (или просто жили) родственники – дяди и тети воспитанников, бабушки и дедушки, кузены и кузины. Гувернантка общалась с ними (здесь был целый спектр отношений – от флирта до попыток изолировать воспитанников от «разлагающего» влияния родственников). В семье графа Ф.П. Толстого французская гувернантка мадам Левель «благоговела» перед главой семьи и «глубоко сочувствовала» тете воспитанницы, Екатерине Ивановне Ивановой, «жалела ее, даже сердилась на ея многотерпение»¹⁰. Княгиня Дарья Александровна Трубецкая в письмах дочери не забывала передать теплые слова гувернантке своих внуков: «Своей мамзели скажи от меня поклон, желаю ей здоровой и довольной быть»¹¹. Попечитель А.М. Бороздиной феодосийский градоначальник А. Казначеев был в дружеских отношениях с ее гувернанткой, не забывал в письмах свидетельствовать ей «мое искреннее уважение», «целовать ручки», передать «сердечное почтение» от своей жены¹². Впоследствии бывший опекун и бывшая гувернантка сроднились: они были крестниками родившихся у Анны Михайловны сыновей – Николая и Михаила Раевских¹³. В письмах А. Казначеева теперь появлялись фразы:

---

⁸ Claire Clairmont to Mary Shelly. Dec. 11th 1830 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / Ed. by Marion Kingston Stocking. P. 281.

⁹ Письмо М.С. Бахметевой сестре А.С. Шереметевой от 21 июня (4 июля) 1795 г. // Архив села Михайловского. Т. 1. СПб., 1898. С. 155.

¹⁰ *Юнге Ек.* Из моих воспоминаний // Вестник Европы. 1905. Т. 1 (231). Кн. 2. С. 777.

¹¹ Письмо кн. Д.А.Трубецкой ее дочери П.Ю. Кологривовой 8 окт. 1805 г. // Из семейной старины. По бумагам Остафьевского архива князей Вяземских. СПб., 1903. С. 6.

¹² Письма А.Казначеева А.М. Раевской, 1838-1855 г. // Шукинский сборник. Вып. 5. М., 1906. С. 216, 217, 219.

¹³ Там же. С. 219.

«крестника целую в макушки и пяточки, а милой кумушке Софье Андреевне родственно кланяюсь до сырой земли»¹⁴.

П. Муханов, близкий друг княжеской семьи Урусовых, в письмах Михаилу Урусову сообщал все домашние новости, не забывая описывать гувернанток сестер. В письме от 3 июля 1822 г. он писал:

«Мадам Friel все такая же, говорит мало и общества не любит, – другие *мучители* не хуже и не лучше»¹⁵.

Вскоре Муханов сообщил новость:

«У Nathalie (младшая сестра кн. М. Урусова – О.С.) новая Mde Paris, францужанка очень строгая, и кажется живет с пользой для сестры твоей, которая теперь ложится спать ранее и более занимается прежняго»¹⁶.

Братья и сестры воспитанников составляли еще одну проблемную группу для гувернанток. Поскольку в семье могло быть много детей (только большая их часть не доживала до взрослого возраста), и разница между самым старшим и самым младшим доходила до 20 и более лет, старшие братья и сестры оказывали колоссальное влияние на младших, иногда, по сути, заменяя им родителей. Д.В. Веневитинов в письмах сестре из Воронежского имения не забывал передавать приветы своему бывшему гувернеру и ее гувернантке, супругам Дорер¹⁷. Н.М. Языков, учившийся в Дерпте, ревниво осведомлялся об учении младшей сестры Екатерины:

«Что подельывает ваша мадам? и чему учит Катушу? и какво идет ученье? Когда переселюсь вообще к вам, то я и сам могу кой в чем быть учителем Катуши и, верно, сделаю свое дело не хуже всякой наемницы»¹⁸.

Брату Александру по этому поводу Языков писал:

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Письмо П. Муханова кн. М.А. Урусову 3 июля 1822 г. // Шукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 296.

¹⁶ Там же. С. 298.

¹⁷ Веневитинов Д.В. Письмо сестре С.В. Веневитиновой, август 1824 // Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. Б.В. Смиренского. М.-Л., 1934. С. 284.

¹⁸ Языков Н.М. – матери. Письмо от 5 апреля 1827 г. // Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822-1829) / Под ред. Е.В. Петухова. СПб., 1913. С. 317.

«Помнится, мне писала маминька, что мамзель, у нас пребывающая, не занимается с Пируней, а с Катенькой плохо: чтож она, шельма? Или это фантазмагория, обман оптический?»¹⁹.

Как только возникли осложнения с гувернанткой, Николай сразу же написал матери:

«Слышно, что у вас гувернан[т]ка взбунтовалась, подняла тревогу; в чем же дело? Разве нельзя приискать, и скоро даже, лучшую – тем более, что она была нехороша, как говорит молва? Поручите брату (Александру – О.С.): он не положит на свою руку охулки – найдет, пожалуй, хоть конститутку!»²⁰.

Как видим, старшие братья оказывали серьезное влияние на выбор гувернантки; для старшей сестры или сестер гувернантка часто становилась образцом для подражания или конкуренткой во влиянии на младшую девочку. Могли быть и совсем неожиданные реакции. Так, братья Софьи Капнист никак не могли привыкнуть к ее гувернантке, горбатенькой старушке *m-me du Faue*, «рисую ее с горбом в разных смешных видах»²¹.

Кроме того, для старших братьев воспитанницы симпатичная гувернантка могла стать объектом сексуальных домогательств или платонических воздыханий, помогая взрослеющему юноше формировать свою гендерную идентичность.

Б.Н. Чичерин вспоминал, как для него, почти юноши, было важно, что подумает о нем молоденькая и симпатичная гувернантка кузин, и занятия в танцклассе превращались в муку:

«Я кое-как мирился со своею судьбою, пока все происходило келейным образом; но учиться танцевать в дамском обществе, особенно в присутствии сопровождавшей двоюродных сестер молоденькой и хорошенькой гувернантки из Дерпта мамзель Дорис, перед которою я хотел казаться настоящим мужчиною, и при этом мне, взрослому четырнадцатилетнему юноше, наряжаться в белые чулки с противными подвязками и вместо мужских сапог надевать

---

¹⁹ Языков Н.М. – брату Александру. Письмо от 13 апреля 1827 г. // Там же. С. 318.

²⁰ Вероятно, институтку. Языков Н.М. – матери. Письмо от 2 мая 1827 г. // Там же. С. 322.

²¹ *Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 295.

маленькие козловые башмачки, украшенные ленточками – это было горе и обида! <...> Что подумает обо мне мамзель Дорис?»²².

Однако вскоре домашняя обстановка танцкласса заставила Бориса забыть об унижительном внешнем виде, а возможность тесного (в прямом смысле слова) общения с кузинами и их гувернанткой придали занятиям танцами неизъяснимую прелесть:

«Через несколько уроков я уже спокойно подтягивал свои белые чулки, стараясь, чтобы не было на них ни морщинки, согласно наставлениям мадам Манзони, что хорошо подтянутые чулки служат признаком благовоспитанности. А к концу зимы я уже с некоторым увлечением отплясывал вошедший тогда в моду галоп с хорошенькою гувернанткой и не без тайного удовольствия, смешанного со стыдом, надевал башмачки, готовясь к этому упражнению. Одушевлявшее нас беззаботное, дружеское веселье охватило и танцы, и костюм придавал им что-то необычайное, что меня волновало и мне нравилось»²³.

Так гувернантка становилась предметом платонических юношеских увлечений.

В доме овдовевшего Антона Антоновича Скалона было «царство гувернанток». Четыре сестры и два брата, оставшиеся без матери, находились в полном ведении гувернанток.

«Сестры любили хорошенькую француженку Тун, не сжились с англичанкой мисс Доссон и ненавидели маленькую, желчную и властолюбивую немку фрейлен Цвейдлер»²⁴.

Когда у шестилетнего Дмитрия Скалона старушку-няню заменили красивой гувернанткой-немкой, мальчик отнесся к появлению этой особы весьма трепетно:

«я с ней дружил, но дичился и по утрам, просыпаясь в ее отсутствие, запирал двери и одевался один»²⁵.

Случались и совершенно откровенные истории. Князь И.М. Долгоруков описал гувернантку дочерей madame Guerber: «француженка, лет сорока, жившая долгое время в разных дворянских домах в звании надзирательницы над детьми ее пола,

---

²² Чичерин Б.Н. Воспоминания // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. IX. М., 1999. С. 159, 160.

²³ Там же. С. 162.

²⁴ Воспоминания Д.А. Скалон // Русская Старина. 1907. Т. 131. № 9. С. 517.

²⁵ Там же. С. 519.

между прочим, она была и в доме Лопухина в то время, как Павел I ездил тайком амуриться с его старшей дочерью, Анной Петровной; следовательно, Madame Guerber, насмотревшись таких романов, не могла быть полезна там, где их убегали (избегали – О.С.), однако приятная ее наружность, ловкая поступь, хорошие навыки большого света приобрели ей выгодную рекомендацию от людей мне хорошо известных, и я, не зная походов, приняв ее к себе в дом, в Володимере, в первых годах моего супружества с второй женою. Меньшие мои две дочери попали на ее руки. По счастью, она не долго жила у нас и скоро обнаружила свои свойства, пасынки мои и сыновья приходили уже в возраст. Мадам расположилась их пленить по очереди: сперва влюбила в себя старшего моего пасынка, потом сына, Александра. Молодые люди начали ссориться, ревновать друг к другу; мы заметили их расстройку, и я стал приглядывать поближе и, перехватив записки мадамы, увидел из них ясно, что она слюбилась с моим сыном. Не было еще году, как она жила у нас в доме. Я тотчас ее отпустил и нигде после того с ней не встречался. Скоро открылись ее затеи, и она не успела быть вредна моим дочерям, которых охраняли от зла Бог сирот, отец и юность их возраста. Но сколько раздоров и несогласий мы могли возродить в нашем семействе от интриг и коварств нечестивой женщины!»²⁶.

Сам приезд гувернантки в новый дом был очень волнительным. Обычно гувернантки отчетливо осознавали зависимость своего положения, понимали, как много зависит от уровня воспитанности и привычек семьи и беспокоились, какую семью, какую обстановку на ближайшие недели, месяцы, годы приготовила им судьба. Если гувернантка не знала русского языка (что бывало часто и, более того, приветствовалось хозяевами), круг общения для нее ограничивался семьей воспитанников и минимумом посторонних. В семье, где дети были первым европеизированным поколением, гувернантку неизбежно «настигала волна» одиночества: одна в чужой стране, среди чужих людей, не с кем перемолвиться, перебраться обычными фразами: языковой барьер мешает; даже если его нет, существует барьер межкультурный. Особенно сильным могло быть беспокойство, если новые хозяева жили где-нибудь в глубине России, и долгий путь располагал к мыслям о буду-

---

²⁶ Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Ковров, 1997. С. 134.

щем. О многом говорила уже сама процедура встречи. В патриархальных семьях молоденькую гувернантку встречали как дочь. Когда 22-летняя Фанни Дюрбах в 1844 г. ехала в семью Чайковских в Воткинск, она по дороге из Петербурга невероятно сблизилась с Александрой Андреевной Чайковской и ее сыном Николаем. Впоследствии она так рассказывала о «приезде гувернантки» в хозяйский дом:

«Доброта и предупредительность г-жи Чайковской, миловидность, даже красота Николая расположили меня к моим спутникам, а строгая благовоспитанность последнего была ручательством того, что дело мне предстояло нетрудное. И все-таки я была очень смущена. Все было бы хорошо, если бы мне пришлось по приезде иметь дело только с г-жой Чайковской и ее сыном, но впереди было знакомство с совершенно неизвестными людьми и условиями жизни. Поэтому, по мере приближения к цели путешествия, мое беспокойство и волнение возрастали. Но когда мы, наконец, подъехали к дому, достаточно было одного момента, чтобы все мои страхи пропали бесследно. Навстречу выбежала масса людей, начались восторженные объятия, поцелуи, и трудно было в этой кучке людей отделить родных от прислуги. Неподдельная, живая радость сравнивала всех, все одинаково ласково и тепло приветствовали возвращение хозяйки дома. Г. Чайковский подошел ко мне и без всяких фраз обнял и поцеловал, как дочь. Эта простота и патриархальность отношений сразу ободрили меня и поставили в положение почти члена семьи. Я не то что приехала, а будто тоже, как г-жа Чайковская и ее сын, “вернулась домой”. На другой же день утром я приступила к занятиям без малейшего волнения и страха за будущее»²⁷.

А вот дочь Ф.П. Толстого Екатерина встретила новую гувернантку m-me Levelle «крайне недружелюбно, <...> даже укусила ее в первый день»²⁸. Не радовалась новой гувернантке Клер Клермонт и Наташа Кайсарова:

«Она не пренебрегает никакой возможностью сказать мне что-нибудь такое, что, по ее предположению, будет мне особенно неприятно», – писала сама гувернантка. – «С глубоким сожалением я замечаю чрезмерную злобность в ее характере», «Денно и ночью озабочена она, как бы мне досадить»²⁹.

---

²⁷ Чайковский М. Жизнь П.И. Чайковского (По документам, хранящимся в архиве в Клину). В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 20.

²⁸ Юнге Ек. Указ. соч. Т. 1 (231). Кн. 2. С. 777.

²⁹ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 534.

И только постепенно отношения с девочкой улучшились.

С воспитанниками гувернантке следовало «выдерживать дистанцию», что получалось далеко не всегда. Князь П.А. Вяземский писал жене, что гувернантка детей, мадемуазель Goré, сталкивается с трудностями при воспитании Машеньки:

«Кажется, Мамзель Горе не довольно строго принялась с начала, а теперь ей уже и трудно справиться с нею, тем более, что она и в самых шалостях своих и упрямствах, часто смешна и обезоруживает, разсмеша. Однакоже, она ее несколько раз наказывала, и перед отъездом моим было лучше»³⁰.

На самом деле ситуация кардинально не изменилась, и через две недели, когда гувернантка уже покинула семью, Вяземский писал жене:

«я и M-lle Goré не был совершенно доволен; дети, а особливо же Пашенька, мало ее уважали; а теперь и Héléne и M-lle Caroline (бонны младших детей – О.С.) они и в грош не ставят. Этому помочь нельзя: уважать нельзя заставить, если сам не умеешь себя заставить уважать. M-lle Caroline слишком добра, то-есть тиха, с детьми»³¹.

«Руководство для гувернеров и гувернанток» давало следующие наставления:

«Не будьте скрытны или повелительны со своими воспитанниками, если не хотите казаться смешными, не старайтесь принимать на себя вида ученого или педагога. Напротив, будьте безыскусственны, откровенны, просты, но не до тривиальности; избегайте фокусничества или паясничества, держите себя одинаково, как в присутствии родителей, так и тогда, когда остаетесь наедине со своими учениками. Старайтесь быть другом своему воспитаннику, но не товарищем его; покажите, что вы дорожите этим и тогда, поверьте, он станет глубоко уважать вас. <...> Изучите всегда характер вашего ученика, чтобы знать, каким путем более всего вы можете влиять на него»³².

---

³⁰ Вяземский П.А. – жене. Письмо от 16 июня 1824 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. Т. V. Письмо князя П.А. Вяземского к своей невесте (княжне В.Ф. Гагариной), 1811 года, и письма его к жене, 1812, 1824 и 1825 гг. СПб., 1909. С. 15.

³¹ Там же. С. 23.

³² Лесгилье А. Руководство для гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся

Мисс Жаксон, английская гувернантка А.П. Золотницкой, видимо, пыталась следовать таким рекомендациям, но, как вспоминала выросшая воспитанница, «характер мой был очень веселый, я всегда была готова пошалить и извести свою почтенную англичанку»³³. Очередной из таких «шаловливых» эпизодов привел к тесному сближению с великокняжеской семьей.

«Однажды, гуляя по парку (в Царском Селе – О.С.), я решила убежать от англичанки и хорошенько напугать ее моим исчезновением. Выждав удобную минуту, я прыгнула за куст и затем стремительной помчалась в лес, не обращая внимания на отчаянные крики встревоженной мисс Жаксон». Наткнувшись на большую собаку, девочка испугалась сама. Это был Милорд, черный сеттер наследника престола Александра Николаевича, а следом за собакой появился и сам хозяин. «Я тут же чистосердечно объяснила ему, что спасалась от своей англичанки, с которой мне скучно, так как она постоянно делает замечания и не позволяет шалить. «А ты, должно быть, большая любительница пошалить, – заметил, улыбаясь, цесаревич, – но все-таки надо тебе отыскать твою англичанку». На мое замечание, что мисс Жаксон, наверное, сердится на меня и я боюсь идти к ней, наследник взял меня за руку и сказал: «Пойдем вместе, я ее попрошу, чтобы она тебя не бранила, но и ты должна обещать, что не будешь больше от нее убежать»³⁴.

После этого случая А.П. Золотницкую каждое воскресенье стали возить во дворец, чтобы играть с детьми Александра Николаевича. Мисс Жаксон сопровождала свою воспитанницу в этих поездках, и в присутствии малолетних великих князей Николая и Александра ей приходилось гораздо снисходительнее реагировать на шалости своей ученицы, помня, с какого ранга детьми та играет.

«Несмотря на обилие, разнообразие и роскошь игрушек, одной из любимейших наших забав была игра в лошадки, а так как у меня <...> были длинные локоны, то я всегда изображала пристяжную. Великий князь Александр Александрович вплетал в мои локоны разноцветные ленточки, садился на козлы, и мы с гиком ле-

---

к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870. С. 20, 22.

³³ *Бологовская А.П.* Из воспоминаний о детстве императора Александра III // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. В.Г. Чернуха. СПб., 2001. С. 42. [Серия «Государственные деятели России глазами современников»].

³⁴ Там же. С. 42-43.

тели вдоль всей галереи, причем в пылу игры великий князь нещадно хлестал “лошадь” по ногам; доставалось, конечно, и платью, к великому негодованию моей чопорной англичанки, которой оставалось, однако, только кисло улыбаться»³⁵.

Однако и для «кислых улыбок» гувернантки был предел.

«Играли мы как-то в парке в лошадки, я и брат изображали лошадей, наследник цесаревич Николай Александрович и великий князь Александр Александрович – кучеров, и вот нас повели поить к фонтану “La cruche cassée”³⁶, но тут кто-то из великих князей заявил, что надо всегда купать лошадей для того, чтобы они были здоровы, а поэтому решено было выкупать меня всю, с ног до головы. Моя несчастная англичанка пришла в полное отчаяние от такой затеи и, забыв все свое почтение, решилась остановить нас, но великие князья ее не слушали, я же пришла в такой дикий восторг от предстоящего купанья, что со мной уже больше не было никакого ладу. Мисс Жаксон, видя, что ее увещания ни к какому результату не приводят, решила побежать к дежурному воспитателю великих князей генералу Гогелю, и они вдвоем, к ужасному нашему огорчению, успели помешать импровизированному купанью, которое сулило быть таким веселым»³⁷.

Гувернантка Чичериных мадам Манзони

сначала обращалась со своими воспитанниками «очень ласково, и так как она по своей живости умела занимать нас разными играми и сама иногда в них участвовала, то мы ее полюбили и всегда звали: “Ma bonne amie”³⁸. Но впоследствии капризный ее характер дал себе волю, и она начала нас муштровать по всякому поводу и нередко без всякого толку. Серьезных притеснений мы от нее, конечно, не могли испытать; в нашем доме это не допускалось. Но были постоянные мелочные придирки и несправедливости, которые нас оскорбляли. Сперва предметами ее фантастических выходок были мои младшие братья, но наконец очередь дошла и до меня. Поводом послужила моя неподатливость разным ее затеям»³⁹. «К счастью, эта система мелких притеснений продолжалась недолго, ровно столько, что я мог почувствовать на себе, что такое капризный произвол в отношении к подвластным. В мою детскую душу заронилось глубокое

---

³⁵ Там же. С. 43.

³⁶ «Девушка с кувшином» – известный царскосельский фонтан, воспетый в свое время А.С. Пушкиным.

³⁷ *Бологовская А.П.* Указ соч. С. 44-45.

³⁸ Наш добрый друг – пер. с фр.

³⁹ *Чичерин Б.Н.* Указ соч. С. 137.

негодование против несправедливости. <...> В душе я сохранил к ней неприязненное чувство, и когда в следующем году она заехала к нам проездом через Тамбов, меня даже не могли уговорить пойти с нею поздороваться. С тех пор я ее не видал и не знаю, что с нею случилось»⁴⁰.

Была и другая крайность во взаимоотношениях с воспитанниками: любовь и чрезмерная привязанность. Так, М.Д. Бутурлин вспоминал, как его баловала английская няня мисс Саут.

«Эта неоценимая няня до того любила и баловала меня, что однажды (как рассказывали мне), когда мать моя готовилась высесть меня за что-то, Маги схватила нож и, подавая его моей матери, молвила: “Извольте лучше зарезать меня этим ножом”. Я был самый капризный и несносный мальчишка. Рассержусь и разревусь, бывало, затопая ногами, и ринусь на пол, крича: “Не приходи ко мне, не гляди на меня”; а Маги все баловала меня, находила во мне какое-то совершенство. Добрейшая эта женщина завещала мне свои старинные золотые часы; но носить их не дозволили мне прежде 12 или даже 13 лет; за то я очень возгордился, когда надел их в первый раз»⁴¹.

Mlle de Châteaufort, гувернантка дочерей кн. И.М. Долгорукова, особенно отличала старшую из своих воспитанниц, «смотрела как мать, любила ее пристрастно и с трудом перенесла ее кончину»⁴². П.П. Семенов пользовался исключительной привязанностью к нему немецкой няни Марьи Крестьяновны:

«с особенной заботливостью наливала она мне тайком в имеющуюся у нее миниатюрную чашечку кофе со сливками, который она очень любила»⁴³.

Гувернантка графини Екатерины Толстой, m-me Levelle, «положительно жила одной жизнью» с воспитанницей, «она не снисходила ко мне, как старшая, а была со мной как с равной»⁴⁴.

Чрезмерная привязанность гувернантки и ребенка друг к другу могла иметь серьезные последствия. Шарлотта Ивановна

---

⁴⁰ Там же. С. 138.

⁴¹ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 1. № 2. С. 240.

⁴² Долгоруков И.М. Указ. соч. С. 264.

⁴³ Мемуары П.П.Семенова-Тян-Шанского. В 4 т. Т. 1. Детство и юность (1827-1855гг.). Пг., 1917. С. 50.

⁴⁴ Юнге Ек. Указ. соч. Т. 1 (231). Кн. 2. С. 778.

Рутланд, обожавшая своего воспитанника-полусироту Сергея Шереметева, заботилась о нем даже после окончания службы. В 1852 г., когда он уже был на попечении гувернера Руже, Сергей тосковал в разлуке с любимой гувернанткой, много плакал, чувствовал себя одиноким и заболел тифом.

«Шарлотта Ивановна тотчас же вернулась ко мне и не отходила от кровати»⁴⁵. «Я был очень счастлив, что пришлось, ради моей болезни за это последнее время, опять пожить с нею вместе»⁴⁶.

Не хотел расставаться со своей гувернанткой и князь И.М. Долгоруков:

«Madame Constantin, первая самая чужестранка, которая принята была к нам в дом; я очень долго был на ее руках, и она чрезвычайно меня любила. При ней я начал лепетать по-французски, и когда пришло время заменять ее попечения наставниками мужского пола, то я с крайним огорчением и трудом отвыкал от нее и, после нежных ее со мной обращений, не скоро привыкнул к строгому надзору учителя»⁴⁷.

Излишняя привязанность ребенка к воспитательнице могла быть тягостна и самой гувернантке, особенно если детей было несколько, и внимание надо было делить между ними поровну. Н.А. Тучкова вспоминала, что «из нас двух с сестрой я любила m-lle Michel более, и так страстно в первые годы ее пребывания в нашем доме, что мы обе с ней страдали от этой привязанности; я ревновала ее между прочим к баронессе А.В. Котц, которая в то время жила у нас, чтобы учиться у m-lle Michel французскому языку»⁴⁸.

В семье графа Петра Львовича Давыдова, гофмейстера двора, и его жены Натальи Владимировны, урожденной графини Орловой, в 1810-е гг. детей одного за другим воспитывала английская гувернантка Miss Hasterly из Ковентри. Дети настолько привязались к своей наставнице, что когда Владимир Давыдов пребывал в 1825-1827 гг. в Эдинбурге, в Шотландии, для получения магистерской степени, он специально посетил

---

⁴⁵ Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб., 1896. С. 55.

⁴⁶ Там же. С. 58.

⁴⁷ Долгоруков И.М. Указ. соч. С. 135.

⁴⁸ Тучкова-Огарева Н.А. Указ. соч. С. 386.

Ковентри, родной город гувернантки⁴⁹. Вторая сестра графа Владимира Давыдова, Елизавета, вышла замуж за сенатора Юрия Алексеевича Долгорукого и решила взять для своих детей английскую гувернантку, и чтобы родом она была из родного города ее собственной воспитательницы, из Ковентри. В 1845 г. из Ковентри в Россию в семью Долгоруких приехала Шарлотта Bourne⁵⁰.

Два поколения детей воспитывались англичанками и в семье Шербатовых-Свербеевых. Княжна Екатерина Александровна Шербатова (родилась в 1808 г. или 1809 г.) росла с английской няней. В 1830-е гг. ее детей воспитывали англичанки, сначала это была Mrs. Bennet, «любимая няня», когда-то вырастившая мать семейства, а теперь и ее сына Александра Свербеева. В 1834 г. в семье няней была дочь священника Ann Mitchell, в 1838 г. приехала гувернантка из Англии Miss Cromer⁵¹. У графа Е.Е. Комаровского лет двадцать воспитанием детей занималась одна и та же англичанка⁵².

Анна Федоровна Варч, немецкая няня, приняла десять детей князя И.М. Долгорукова, растила их и была им второй матерью, тем более, что первая скончалась достаточно рано. Анна Федоровна оставалась в доме князя и когда он женился повторно. С 1787 г. до кончины в 1817 г. она жила у И.М. Долгорукова, «как ни старались во многих местах ее подманить; да и из Смольного скоро по отпуске ее за нею подсылали, но все было тщетно: она никуда от нас не пошла и во все наши переезды нас сопровождала, жила с нами в Питере, в Москве, в Пензе, в Володимере»⁵³.

Амалия Ивановна Шредер, швейцарская гувернантка А.О. Смирновой-Россет, «осталась в доме даже **после кончи-**

---

⁴⁹ Cross A.G. Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions in Pre-Emancipation Russia // *Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross.* Oxford-Providence, 1993. P. 231.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. P. 239.

⁵² Записки графа Николая Егоровича Комаровского. М., 1912. С. 74.

⁵³ Долгоруков И.М. Указ. соч. С. 117.

ны матушки, точно так же любила детей второго брака матери <...>. Амалия Ивановна была все в доме: и нянька, и учительница, и ключница, и друг маменьки, и вторая мать нам, даже доктор. Ее глаз и присмотр были везде»⁵⁴.

В семье Исленьева француженка Мими воспитывала сначала детей от первого брака с Софьей Петровной Козловской, а затем от второго, с Софьей Александровной Ждановой⁵⁵.

Гувернантка обеих сестер Блудовых, мадемуазель Дютур, жила впоследствии в доме младшей воспитанницы, Лидии Дмитриевны Шевич. Прибывший туда гувернером к младшему сыну Ване П.И. Бартенева вспоминал:

«Главное лицо в этом семействе была гувернантка обеих дочерей графа Блудова, девица Каролина Антоновна Дютур, уроженка Нормандии, с детства долго прожившая в Англии, куда ее родители спасались от Французской революции. Это была женщина тонкого ума»⁵⁶.

В 1852 г. Л.Д. Шевич с детьми ездила за границу на лечение, и сопровождала ее неизменная мадемуазель Дютур⁵⁷.

Гувернантка в семье А.О. Смирновой сначала воспитывала детей, а потом ее внуков⁵⁸.

Привязанность к одной семье могла стать и наследственным делом: госпожа Рочфорт воспитала дочерей графа П.А. Строганова, в том числе Ольгу, и скончалась в этом доме. Дочь госпожи Рочфорт Генриетта (или по-русски Елизавета Осиповна) Леджерс была гувернанткой дочери графини Ольги Строгановой, в замужестве Ферзен. Девочка рано осталась без матери (О.П. Ферзен скончалась в 1837 г.), и тем значимее была роль гувернантки. Граф П.К. Ферзен выплачивал миссис

---

⁵⁴ *Смирнова А.О.* Записки, дневники, воспоминания, письма / Под ред. М.А. Цявловского. М., 1929. С. 171.

⁵⁵ *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Вступ. ст. С.А. Розановой; Подг. текста и прим. Т.Н. Волковой. М., 1986. С. 42, 44.

⁵⁶ Воспоминания П.И. Бартенева // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. I. М., 1994. С. 75.

⁵⁷ Там же. С. 80.

⁵⁸ *Смирнова А.О.* Указ. соч. С. 147.

Леджерс пенсион, который она получала и в 1868 г., когда уже и бывшей воспитанницы, Софьи, не было в живых⁵⁹.

Гувернантка могла определять личную жизнь своих воспитанников; история такого рода касается гувернантки в семье Семеновых, о которой писал известный путешественник П.П. Семенов-Тян-Шанский.

«Мадам Бруннер, родом из Эльзаса, была вдовою эльзасского дворянина, погибшего во время Французской революции; она бежала из Франции с маленьким сыном, которого ей удалось поместить в Петербурге в Морской кадетский корпус (он был впоследствии адмиралом). Мадам Бруннер, умная и очень образованная по тому времени женщина, одинаково хорошо знала французский и немецкий языки, историю и литературу Франции и Германии. Пробыла она в семействе моего деда около восьми лет и имела самое благотворное влияние на развитие своих воспитанников»⁶⁰.

С 1812 г. мадам Бруннер была гувернанткой в семье Бланков, воспитывая Александру Петровну Бланк. Возвращавшийся из французского плена в 1816 г. П.Н. Семенов познакомился с семьей Бланков и увлекся пятнадцатилетней Александрой, которая «была на заре своей нежной молодости». Как писал впоследствии их сын,

«сблизило моего отца с молодой девушкой прежде всего то, что он нашел в ея гувернантке, т-те Бруннер, ту высоко им уважаемую бывшую воспитательницу своих братьев, которая, передав и ему основательные знания во французском языке, тем самым облегчила ему тяжелое время его плена»⁶¹.

Молодым людям было проще сблизиться, когда они получили примерно одинаковый запас моральных принципов, были воспитаны в рамках однотипной нравственной системы, стремились к одним и тем же целям. Раз гувернантка вызывала уважение и восхищение, можно было доверять и восхищаться ее воспитанником / воспитанницей.

Д.Н. Свербеев женился благодаря дружескому расположению гувернантки его будущей жены, княжны Щербатовой:

---

⁵⁹ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина ... Кн. 2. № 7. С. 352.

⁶⁰ Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского... С. 8.

⁶¹ Там же. С. 34.

«при девицах (Щербатовых – *О.С.*) гувернанткой была Madame Гесс, швейцарка, которую знал я еще в 1823 г. Эта достойная женщина и в этот раз восторженно приняла меня, как своего quasi соотечественника (Свербеев перед тем несколько лет провел в Швейцарии), и ее нежное ко мне внимание сблизило меня с семьей Щербатовых более, чем мое с нею свойство»⁶².

Комичную историю о влиянии воспитателей на личную жизнь воспитанников приводил в своих записках И.М. Долгоруков:

маленьким мальчиком, в сопровождении гувернера, он пошел на Лубянку, в церковь, на венчание «Полухтова на Аргамаровой. Невеста была нашему дому знакома <...>. В церкви мы повстречались с Обуховой (девочкой Катей, пришедшей посмотреть на венчание в сопровождении гувернантки – *О.С.*). Долго ли ребятам подружиться? Мы тотчас сделались так коротки, что рассудили венчаться сами. Иноземцы наши между собой заговорились, а мы между тем стали за новобрачными и так же, как они, поменялись кольцами. Во время шествия венечного круг аналоя пошли и мы двое за ними. Тут наши мусье и мадам нас схватили и развели; дома нашли у меня на руке перстенок. На вопрос, где я его взял, я сказал откровенно, что мне подарила его моя невеста, и что я обменялся своим. За такую детскую шалость меня высекли; думаю, что и невесте не сошло с рук. Вот все наше знакомство. Страннее всего то, что я уже состарился и нигде во всю жизнь мою более сего одного раза не встречался с нею. Это чуднее самого происшествия, которое донныне так мне памятно, как будто бы оно произошло только вчера. Чего не делают дети, подстрекаемые натурой и примером!»⁶³, и оставленные без внимания наставников.

Со старшей воспитанницей гувернантка могла взять «тон подружки» и помогать в «амурных делах». Журнал «Гувернантка» компетентно сообщал:

«Старшие воспитанницы не редко бывают в самых дружественных отношениях с гувернантками»⁶⁴.

Внучатый племянник А.А. Олениной, с ее слов утверждал, что у нее были тайные встречи с Пушкиным весной 1828 г.

«Происходили они так. Она уезжала со своей гувернанткой англичанкой в Летний сад; в эти же часы туда являлся Пушкин, и вот они там под надзором этой англичанки прогуливались. Англи-

---

⁶² Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826): в 2 т. Т. 2. М., 1899. С. 374.

⁶³ Долгоруков И.М. Указ. соч. С. 136.

⁶⁴ В-усь. Грезы // Гувернантка. 1862. № 6. С. 256-257.

чанка была, так сказать, в заговоре, и моя тетушка с ней уговаривалась всегда в обществе называть Пушкина “Брянским”, чтобы скрыть с первым свои свидания»⁶⁵.

Екатерине II приписывается легендарная фраза о «мамзелях»:

«Je crois que les gouvernantes de vos filles sont de maquerelles»⁶⁶ – «Я полагаю, что гувернантки ваших дочерей – сводницы».

Камилла Ле-Дантю, бывшая гувернантка Шишковых, подружилась с их старшей дочерью и, уже оставив службу в семье, переписывалась с ней, делясь в том числе и личными переживаниями⁶⁷.

«Камилла была любимицей в своей семье. Она вообще была очень привлекательна, благодаря чему и в чужих домах быстро приобретала симпатии старших членов семьи, дружбу сверстниц и любовь детей. С ней расстаются с сожалением»⁶⁸.

Хозяева могли столь привязаться к гувернантке, что участвовали в ее судьбе и впоследствии. Камилле Ле-Дантю, бывшей гувернантке Шишковых, служившей в то время у Хвошинской, Шишков подыскал жениха – мелкого помещика, служившего в Москве, а она ему отказала⁶⁹. И гувернантка могла привязаться к семье воспитанниц. Е.А. Сабанеева рассказывала эпизод из детства матери: княжон Оболенских в детстве воспитывала m-me Stadler. Уже закончив воспитание девиц и служа гувернанткой в другой семье, она изредка навещала бывших воспитанниц. В конце ноября 1825 г. она появилась в их доме, чрезвычайно взволнованная, с саквояжем.

«Она так скоро шла, что едва могла перевести дух. Ее усадили в кресло и стали снимать с нее шубу, шляпку и вуаль. Отдохнув, она сказала: “дети мои, являюсь к вам по-дорожному. Слухи носят, что в городе готовятся беспорядки, а пожалуй и мятеж. Кто знает, может быть, мы накануне баррикад? Жизни нашей, может

---

⁶⁵ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Вступ. статья В.М. Файбисовича. Сост., подг. текста, комм. Л.Г. Агамалян, В.М. Файбисовича, Н.А. Казаковой, М.В. Арсентьевой. СПб., 1999. С. 23.

⁶⁶ Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. Репринт. М., 1990. С. 93.

⁶⁷ Буланова О.К. Роман декабриста: Декабрист В.П. Ивашев и его семья (Из семейного архива). М., 1933. С. 114.

⁶⁸ Там же. С. 141.

⁶⁹ Там же. С. 114.

быть, грозит опасность. Ну что ж, да будет воля Божья – я же подбодрилась, обняла моего старика мужа, распростилась с моими – и к вам; по-моему, если умирать – так умирать с моими Оболенскими”. Княжны крепко обнимали старушку и старались ее успокоить»⁷⁰.

Когда овдовела княгиня Елена Дмитриевна Видони, младшая сестра М.Д. Бутурлина, то сразу по получении известия о смерти князя к юной вдове поспешила ее бывшая воспитательница, англичанка мисс Кларк, сама уже замужняя дама⁷¹. В семье Е.П. Яньковой пожилая гувернантка мадам Рено «совершенно сроднилась с нами, так что и сына своего считала как бы общим и, говоря о нем, всегда называла его “notre fils” – наш сын»⁷². В семье графини П.Н. Толстой немецкая гувернантка Каролина Лунгрэн прожила более 10 лет, став «искренним другом» хозяйки дома⁷³.

Графиня А.А. Бутурлина делилась с английской гувернанткой своей младшей дочери госпожой Робин:

она «нравственно изнемогала <...> в страшной борьбе между усвоенными с детства и вновь привившимися в ней религиозными убеждениями. Однажды, в 1818 или 1819 году, она, чем-то волнуемая, сказала <...>, что боится сойти с ума»⁷⁴.

Слова эти были непонятны слышавшему их сыну Михаилу, поняла ли протестантка-гувернантка метания А.А. Бутурлиной от православия к католицизму – неизвестно.

В семье Вяземских отношения хозяев и воспитательниц были столь близкими, что когда княгиня Вера Федоровна уехала на купания в Одессу, бонны ее детей Каролина и Елена писали княгине и ждали ее ответов, а князь Петр Андреевич просил жену написать расхандрившейся гувернантке:

---

⁷⁰ *Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом. 1770-1828 гг. // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст. и примеч. В.М. Боквой. М., 1996. С. 425.

⁷¹ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 3. № 9. С. 41.

⁷² Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 203.

⁷³ Воспоминания графа М.В. Толстого // Русский Архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1-2. С. 305.

⁷⁴ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 1. № 4. С. 600.

«Напиши M-lle Goré; твое письмо будет ей, верно, приятно»⁷⁵.

Княжна Варетт Репнина в письмах матери из Петербурга передавала приветы и поцелуи от своей гувернантки м-ль Фарб, и та сама регулярно писала княгине⁷⁶.

Во многих семьях гувернантки выполняли обязанности своего рода «связующего звена» между разбросанными по городам и весям родственниками. Именно им занятые прочими делами хозяйки поручали вести регулярную переписку с родными, сообщая все детали семейного быта и подробности воспитания детей. Благодаря бережно сохраненному к началу XX века архиву (впоследствии утраченному) мы знаем, как работала эта система в большом клане Волконских (куда входили и Репнины, и Раевские). О семье Раевских М.Н. Волконской в Сибирь регулярно сообщала гувернантка ее племянницы Александры Раевской мадам Миевр (Muevre). М.Н. Волконская писала невестке А.М. Раевской:

«Мадам Миевр всегда неизменно добра и внимательна ко мне; она сообщает нам новости о всех вас»⁷⁷.

С гувернанткой могли обсуждать политические новости. Зимой 1812 г. в семье Бутурлиных нянькой была англичанка miss South; когда дети с воспитательницей возвращались домой с ежедневной прогулки в карете, «мать наша обыкновенно встречала нашу “Маги” (как мы ее звали по сокращению ее имени Маргариты), с свежими газетными известиями о Бонапарте, имени, действовавшем на нашу Британку как пугало»⁷⁸. Семейство графа Владимира Григорьевича Орлова переживало «грозу двенадцатого года» в Городце Котромской губернии.

---

⁷⁵ Вяземский П.А. – жене. Письмо от 21 [- 22] июня 1824 г. // Остафьевский архив князей Вяземских... С. 17-18.

⁷⁶ Письмо В.Н. Репниной к В.А. Репниной-Волконской. 23 декабря 1831 г. // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XIX в.). Вып. XI. М., 2001. С. 68.

⁷⁷ Письмо М.Н. Волконской А.М. Раевской. 14 апреля 1852 г. // Неизданные письма М.Н. Волконской / Предисл. и прим. О.И. Поповой // Труды Государственного Исторического музея. Вып. I. М., 1926. С. 105.

⁷⁸ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 1. № 2. С. 239.

Вместе со старым графом жили его дочери, графини Наталья Давыдова и Софья Панина с детьми и их гувернантками. От старшего зятя Никиты Петровича Панина из Москвы в Городец привезли «тюк писем» – каждому из городецких обитателей, в том числе гувернанткам, граф написал на их родном языке. Гувернантка Давыдовых, англичанка, получила письмо со словами: «The French dogs are out of Moscou», швейцарской гувернантке Паниных было адресовано письмо по-французски...⁷⁹ Гувернантка дочерей княгини Анны Александровны Голицыной, госпожа Ноазвиль (Ноазевиль), известная острым умом и интересной беседой, по поводу появления в войсках антинаполеоновской коалиции летом 1813 г. генерала Моро, француза, долго жившего в эмиграции, а затем перешедшего на сторону союзников, съязвила: это госпоже Моро надоело жить в Америке, вот покорный супруг и оказался в Европе⁸⁰.

События 14 декабря 1825 г. также обсуждались с гувернантками. А.Д. Блудова, дочь крупного чиновника, писала:

«Как всегда в таких случаях молва преувеличила важность заговора и распространенность его, и я помню тревожное состояние умов, грусть и страх, которые овладевали матушкой и мамзель Дютур при арестовании друг за другом близких знакомых наших»⁸¹.

К посредничеству гувернантки прибегали, когда не знали, как по другому выяснить мнение влиятельного лица. Н.Н. Муравьев-Карский вспоминал эпизод своего пребывания в Киеве в 1835 г.:

«Вышедши во время доклада от фельдмаршала (Ф.В. Остен-Сакена – *О.С.*), я был отозван живущею у него гувернанкою при его дочери. Мадам Метель, иностранка, женщина очень умная и имеющая влияние на образ мыслей фельдмаршала. Она сообщила мне, что попечитель здешнего университета граф Ильинский (попечителем Киевского учебного округа тогда был Е.Ф. фон-Брадке – *О.С.*), по наущению Левашова (губернатора –

---

⁷⁹ Биографический очерк графа В.Г. Орлова. Составлен внуком его графом В. Орловым-Давыдовым // Русский Архив. 1908. Кн. 3. № 11. С. 329.

⁸⁰ Фердинанд Кристин и фрейльна княжна Туркестанова. Переписка 1813-1819 гг. // Русский Архив. 1882. Кн. 1. № 2. С. 414.

⁸¹ Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский Архив. 1875. Кн. 2. С. 182.

О.С.), просил ее уведомления, примет ли князь депутацию от Польского дворянства, коего целью было бы пригласить его остаться на жительство в Киеве; <...> дворянство поручило ему разведать, как князь примет подобное предложение, о чем он убедительнейше и просил мадам Метель, а она в ответ ему сказала, что не вмешивается в подобного рода дела, и сообщила мне о сем. <...> ей я советовал сделать такой же отзыв графу Ильинскому, сказав ему, что дело сие до нея не касается. А как она спрашивала моего мнения на счет того, чтобы фельдмаршалу здесь оставаться, то я отвечал ей, что не вижу препятствия к тому, если он сего пожелает»⁸².

Гувернанткам приходилось участвовать и в разрешении деликатных ситуаций. Граф Алексей Кириллович Разумовский, о котором говорили «русский магнат de l'ancien régime comme il faut»⁸³, сын последнего украинского гетмана, в 1784 г. выгнал жену, графиню В.П. Шереметеву и удалился от света, но детей жене на воспитание не отдал. В новой семье у графа появлялись многочисленные дети Перовские, что должно было остаться втайне от родных дочерей.

«Даже детей и воспитанников своих видал он не ежедневно, а с гувернанткой дочерей, швейцаркою m-lle Calame, жившей в нескольких от него комнатах, сносился не иначе, как письменно»⁸⁴. «Положение ее в доме графа Разумовского было иногда довольно шекотливое. Несмотря на это, благодаря врожденному такту Калам сумела поставить себя так, что сам причудливый граф оказывал ей почтение и, благодаря ее находчивости, неправильности семейных отношений оставались тайною для ее воспитанниц»⁸⁵.

Рано лишившаяся матери Е.Н. Муравьева жила с гувернанткой в имении тетки, Ольги Назарьевны Набоковой вдали от Петербурга и служившего там отца. Известие о новом браке родителя с Betsy Моллер доводила до сведения детей именно гувернантка:

---

⁸² Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского. 1835-й год // Русский Архив. 1894. Кн. 3. № 9-12. С. 359.

⁸³ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 41.

⁸⁴ *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских: В 2 т. СПб., 1880. Т.2. С. 41.

⁸⁵ Там же. С. 140-141.

«Мы спросили: “Какая она, добрая ли?” На это гувернантка наша, знавшая ее, отвечала, что она добрая, молодая, красивая»⁸⁶.

К 14 декабря 1825 г. мемуаристка была уже в Петербурге, отец женился, а детям взяли новую гувернантку, француженку. Весь день восстания на Сенатской площади отец провел во дворце, а домочадцам, слышавшим пальбу и сообщения о бунте, было очень страшно в его отсутствие. Дети «хотели бежать к нашей belle-mère»⁸⁷, но гувернантка нас не пустила, говоря, что она не совсем здорова и что не надобно ее беспокоить»⁸⁸.

А. Фет писал о семье сестры Нади, страдавшей тяжелым душевным расстройством. Пятилетнего мальчика Петю пришлось выкрасть у безумной матери: гувернантка-француженка собрала заранее и выслала в дом Фетов необходимое белье, а затем повела мальчика в рощу на гулянье, где их поджидал сам поэт в коляске. Мать отвезли в Петербург в лечебницу, а племянник с француженкой остался в доме Фетов: его отец Борисов по правилам приличия должен был избежать «в доме женского элемента»⁸⁹.

Наличие «женского элемента» действительно могло быть еще одной проблемой, возникающей в случае приглашения гувернантки.

В доме князя П.И. Одоевского в Москве в 1798 г. воспитательницей двенадцатилетней дочери князя была француженка Дюбуа. Известный своим злым языком Ф.Ф. Вигель, описывая эту гувернантку, буквально преобращается:

«мамзель Дюбуа <...> была совершенная красавица и до того мила, что во мне ... стыдно сказать, родилось сожаление, что я не девочка и что не она моя наставница».

Эта красавица была второй любовницей князя Одоевского: при живой жене доминирующую роль играла девица Сабурова. Двенадцатилетний Вигель недоумевал:

---

⁸⁶ Памятные заметки Е.Н. Моллер, урожденной Муравьевой. 1820-1872 // Русская Старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 327.

⁸⁷ махехе

⁸⁸ Памятные заметки Е.Н. Моллер... С. 331.

⁸⁹ Фет А. Мои воспоминания. 1848-1889. Ч. 1. 1848-1863. М., 1890. С. 437.

«Я не могу понять, как согласилась она играть второстепенную роль, тогда как подле девицы Сабуровой казалась она как пышный цвет подле миниатюрного скелета»⁹⁰.

Обстановка дома Одоевских дала основание Вигелю для обобщения:

«Видно, в это время французские гувернантки занимали везде более одной должности»⁹¹.

Еще одна история того же плана связана с домом графини Д.П. Салтыковой:

у нее «находилась тогда одна француженка, *madame Laurent*, ловкая, хитрая, довольно пригожая и не старая, в качестве более собеседницы, чем гувернантки при взрослых ее дочерях; сверх того имела она особую, секретную должность при самом графе Салтыкове: она умела пользоваться в одно время доверенностью жены и нежностью мужа»⁹².

Примерно в то же время близкая ситуация сложилась в доме графа Н.А. Толстого, о чем рассказала в мемуарах подруга графини Анны Ивановны Толстой графиня В.Н. Головина:

«в ее доме жила француженка, бывшая бонной ее умершей дочери (умерла от оспы в 1797 г. – *О.С.*), настоящая мегера, к которой граф Толстой, однако, питал особенное уважение и расположение. Эта отвратительная женщина устраивала графине постоянные сцены, на которые та часто жаловалась мужу. Он никогда не обращал внимания на слова жены, и, наконец, выйдя из терпения, она объявила однажды за завтраком, что решила оставить дом, если из него не прогонят Терезу. Граф вспылил до того, что схватил нож, лежавший на столе, и погнался за ней. Их десятилетняя дочь, присутствовавшая при этой тяжелой сцене, бросилась на колени и схватила отца за ноги. Перепуганная графиня стала звонить в колокольчик и сделала лакея свидетелем этой драмы»⁹³.

После этого графиня оставила дом и уехала к матери, княгине Е.П. Барятинской, в Берлин. Справедливости ради, добавим, что и графиня Толстая была «не без греха»: ее связь с английским посланником Витвортом (Уитвортом) была широко известна.

---

⁹⁰ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 23.

⁹¹ Там же. С. 22-23.

⁹² Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 94.

⁹³ Головина В.Н. Мемуары // История жизни благородной женщины... С. 222.

О скандальной связи гувернантки или бонны с кем-нибудь из мужчин дома сообщают подружки обманутых жен, отцы совращенных братьев воспитанниц, сами воспитанницы, постоянные посетители дома. Такое впечатление, что так называемая «личная жизнь» в то время вовсе не была личной, а считалась явлением общественным. Ф.Ф. Вигель встретил в доме Е.Г. Герман в Екатеринбурге молоденькую французскую гувернантку мадам Легран, поведение которой произвело на него впечатление:

«К счастью молодой Герман, была она более поверенною в делах матери, чем ее наставницей. Чтобы дать понятие о непринужденности ее обхождения с мужчинами, скажу, что, во время бала, найдя меня в кабинете, куда зашел я отдохнуть, она без церемоний села мне на колени и обе руки закинула мне за голову; внезапно показалась хозяйка, и громоносный взгляд ее заставил ее вскочить»⁹⁴.

В руководстве «Жизнь в свете, дома и при дворе» безапелляционно заявлялось:

«держат гувернантку вдовцу <...> неприлично»⁹⁵.

Любовные истории могли завершаться благополучно для гувернанток, но резонанс в обществе все равно оставался негативным. К.Я. Булгаков сообщал брату в январе 1831 г.:

«Несколько уже человек мне сказывали, что Карнеев женился на гувернантке, бывшей при его воспитаннице, не хотелось бы верить, но кажется дело-то так, хотя он ни слова мне об этом не говорил. Что́ его к этому побудить могло, не понимаю, да и вообще не могу понять как другой раз можно жениться, особливо в таких летах. Да мало ли, чего я не понимаю»⁹⁶.

Г.И. Филипсон вспоминал, что сосед по имению, Иван Акимович Подбельский, в возрасте более 80 лет женился «вторым браком на гувернантке детей соседнего помещика, бойкой особе лет тридцати»⁹⁷. У них родились сын и дочь, и все соседи

---

⁹⁴ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн... Кн. 1. С. 399.

⁹⁵ Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890. С. 91.

⁹⁶ Письмо от 17 января 1831 г. – Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский Архив. 1903. Кн. 3. Вып. 12. С. 547-548.

⁹⁷ Воспоминания Г.И. Филипсона // Русский Архив. 1883. Кн. 3. № 5. С. 79.

сомневались в отцовстве престарелого помещика, который умер в возрасте 106 лет.

Незамужняя гувернантка могла выйти замуж, находясь на службе: чаще всего партией для нее оказывался воспитатель/учитель. Если гувернантка была не православного исповедания, она считалась «инославной» и брак с ней православного требовал специального разрешения. Чаще браки заключались между учителями – или другими иностранцами – одноверцами. Madame Blanquet, французская гувернантка семьи Карамзиных, по пути в Москву поработавшая и в семействе Дмитриевых, потом в Москве вышла замуж за старика Гodefруа, державшего в Москве пансион⁹⁸. Гувернантка детей князя П.М. Волконского швейцарка Цецилия Александровна Вильдермет в 1816 г. вышла замуж за Эрнеста Раупаха, который был учителем в этой семье. Раупах устроился затем профессором в Главный педагогический институт в Санкт-Петербурге. Гувернантка в семье Бутурлиных мисс Кларк вышла замуж за француза Флёлара, библиотекаря графа Д.П. Бутурлина⁹⁹. Учитель в Академии художеств m-г Lioseun в 1828 г. привез из Швейцарии молоденькую жену, прехорошенькую m-me Louise Lioseun de Vevey, которая, по признанию дочери графа Ф.П. Толстого, одного из руководителей Академии художеств, стала модной учительницей французского языка и «впоследствии была даже воспитательницей целого поколения детей в аристократическом кругу»¹⁰⁰. Романтическая история случилась с воспитателями царских детей. Весной 1835 г., во время поездки Николая I и Александры Федоровны в Москву, их сопровождали дочь Александра (в семье ее звали *Адини*) и сын Константин (*Кости*) с гувернанткой и гувернером. Воспитатель Константина известный мореплаватель Ф.П. Литке влюбился, как сообщала великая княжна Ольга Николаевна, в воспитательницу Адини «Мисс Браун, на которой он потом и же-

---

⁹⁸ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. Вступит. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М., 1998. С. 97.

⁹⁹ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 3. № 9. С. 41.

¹⁰⁰ Каменская М.Ф. Воспоминания / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и коммент В. Боковой. М., 1991. С. 157.

нился. <...>. <Адини> была совершенно предоставлена самой себе, в виду того, что влюбленные никого и ничего, кроме себя самих, не видели»¹⁰¹. Петербургский почт-директор К.Я. Булгаков сообщал об этом событии, слегка путаясь в именах высочайших воспитанников, брату Александру в Москву 5 августа 1835 г.:

«Говорят, что Литке, который при Константине Николаевиче, женится на Англичанке, которая у вел. кн. Марии Николаевны и коей имя не помню»¹⁰².

Исследователь жизни Ф.П. Литке В.П. Безобразов, его многолетний коллега по Академии наук, писал, что граф Федор Петрович «имел необыкновенную любовь, можно сказать обожаение, к этой женщине, отличавшейся, кроме красоты, высокими достоинствами ума и сердца»¹⁰³. Гувернантка в семье графа М.Д. Бутурлина Юлия Ивановна Гофман вышла замуж за старого знакомого своего хозяина, Осипа Августиновича Тридо-на¹⁰⁴. Английская гувернантка в доме генерала Муравьева Lucy Sherrard Finley¹⁰⁵, двоюродная сестра англичанок Бенсон, содержавших пансион в Петербурге на Английской набережной, приходила к своим кузинам по воскресеньям. Пансион сестер Бенсон был своего рода клубом для англичан столицы. Восемь лет, после приезда в Россию в конце 1830-х гг., Люси была гувернанткой. Художник Томас Аткинсон, англичанин, вдовец, «увлекся ею, устроился на Алтае, написал, чтоб в нужный день она приехала в Москву из Петербурга». Там они в 1848 г. встретились, обвенчались и поехали в Сибирь¹⁰⁶. Грустная история произошла с немецкой гувернанткой, о которой написал

---

¹⁰¹ Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой Княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С. 51.

¹⁰² Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский Архив. 1904. Кн. 1. № 4. С. 583.

¹⁰³ *Безобразов В.П.* Граф Федор Петрович Литке. 1797-1832. СПб., 1888. С. VII.

¹⁰⁴ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 3. № 12. С. 534.

¹⁰⁵ *Cross A.* The Testament of a Forgotten 'Wife' // *Anglo-Russica*... P. 246.

¹⁰⁶ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина ... Кн. 3. № 12. С. 567.

граф М.В. Толстой. Влюбившись в домашнего учителя Петра Ивановича Красильникова, она под его влиянием перешла в православную веру, стала именоваться вместо Каролины Александрой Ивановной Лунгрэн и собиралась выйти за него замуж. Он сначала также хотел жениться на ней, а потом обратил внимание на овдовевшую хозяйку, графиню П.Н. Толстую. Губернантка, оставшись искренним другом своей более счастливой соперницы – хозяйки дома, умерла от чахотки¹⁰⁷.

При тесном общении семьи с соседями, друзьями, губернантки вовлекались в еще более сложную паутину отношений. В самом конце XVIII в. тесно общались между собой графини Варвара Николаевна Головина и Анна Ивановна Толстая. В.Н. Головина описывала забавный эпизод, связанный с губернанткой:

«При дочери графини Толстой была англичанка, до страсти любившая речные купанья. Мы устроили плавучую купальню, и она в нее часто ходила. Мой муж велел запустить туда пескарей, наловленных в пруду, чтобы очистить их в проточной воде. Мисс Эмри, ничего не подозревая, спокойно вошла в купальню и оказалась вся облеплена рыбой. Ее чрезмерное изумление подало повод к разного рода шуткам»¹⁰⁸.

Семья князя Вяземского в 1827 г. гостила в Пензенской губернии. Княжна Мария описывала отцу новых соседей:

«все здесь такие смешные. Г. Честилина сказала, что у нея губернантка Швейцарка, которая делает портреты. Тогда мама спросила, может ли она сделать ее, – а дама эта отвечает: “Позвольте, чтобы она прежде мою кривую харю срисовала; если похоже будет, тогда и ваш портрет можно будет срисовать”. Г-же Сушкова спросила у этой дамы: “Что она сухими красками рисует?” Тогда муж г-жи Честилиной ответил: “Ей Богу, она не сухими красками рисует, она их разбавляет водой, а то бы она всю харю расцарапала”. Сын уверяет, что чепец очень похож, но лицо вовсе нет»¹⁰⁹.

Можно представить себе, как развлекался Петр Андреевич Вяземский, читая эту зарисовку дочери из пензенского быта. Семья А.О. Смирновой контактировала со многими деятелями

---

¹⁰⁷ Воспоминания графа М.В. Толстого... Кн. 1. Вып. 1-2. С. 305.

¹⁰⁸ Головина В.Н. Указ. соч. С. 214.

¹⁰⁹ Письмо кнж. М.П. Вяземской ее отцу П.А. Вяземскому // Из семейной старины... С. 13-14.

культуры, в том числе Н.В. Гоголем. В доме Смирновых «его любили давно и искренно, начиная с главы его и кончая детьми и гувернанткой m-lle Овербек». Гоголь любил наблюдать, как младшая дочь Смирновой, Надя «представляет комедии» с куклами и передает им все, что m-lle Овербек говорит в классе Ольге и Соне; на днях передала даже урок физики, закончив словами: «физика – крыса в молоке!» Гоголь спросил, что это значит? Она отвечала: «Это значит, что физика дрянь»¹¹⁰. Гувернантка Смирновых, m-lle Овербек, была «весьма любимая и уважаемая всем семейством. Она пользовалась таким уважением Гоголя, что он называл ее “восьмое чудо света”»¹¹¹.

А.М. Бороздина, выросшая под надзором Софьи Андреевны Дамберг, взяла бывшую гувернантку и в «замужнюю жизнь». С.А. Дамберг «нянчилась с ребенком с терпением и приторной добротой Немки»¹¹². Друг мужа А.М. Бороздиной Н.Н. Раевского доктор Н.В. Майер постоянно «подтрунивал» над воспитательницей, а закончилось все свадьбой. С.А. Дамберг родила близнецов, как сообщал А.А. Казначеев, «не удавалось мне видеть такого дородства в близнецах, как в ея молодцах»¹¹³.

Эта «почтенная и достойная женщина» овдовела в 1846 г. и была в совершенном отчаянии¹¹⁴.

Пытаясь воспитывать русских девочек по образцу, известному ей, гувернантка тщательно изолировала своих воспитанниц от вредного с ее точки зрения окружения русских нянюшек, чрезмерно баловавших детей.

M-me Stadler, гувернантка в семье Оболенских, сразу заметила,

«какие дикие предрассудки были им (юным княжнам – О.С.) привиты мамушками и нянюшками! – ворожба, гаданья, боязнь дур-

---

¹¹⁰ Шенрок В.И. А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь в 1829-1852 гг. // Русская Старина. 1888. Т. 58. № 4. С. 66.

¹¹¹ Там же. С. 71.

¹¹² Воспоминания Г.И. Филипсона // Русский Архив. 1883. Кн. 3. № 6. С. 345.

¹¹³ Письмо А. Казначеева А.Н. Раевскому 28 марта 1846 г. // Щукинский сборник. Вып. 5. М., 1906. С. 243.

¹¹⁴ Там же.

ного глаза – все это сильно расстроило их нервы»¹¹⁵. У Екатерины «бывали истерики, она боялась грома, пауков и лягушек. Дорогая сестра Сашенька, та никогда не могла выйти из сферы гаданий, толкований снов и разных предчувствий. Она была с детства очень слабого здоровья: ее так берегли и нежили. Она вела всегда очень праздную жизнь; я ее, право, иначе и не помню, как или в бальном платье, такой прелестной с ее классической красотой, или же в постели. Понятно, что ее страсть – гадать, мечтать и предчувствовать – была потребностью для того, чтобы сокращать время. М-me Stadler, как только вошла в наш дом, потребовала удаления от нас лишней прислуги и оставила при нас нашу старую няню Денисовну, за которой зорко следила, чтоб она оставила нас в покое от лишних попечений. Конечно, дело обошлось не без борьбы, но я ей весьма благодарна за ту пользу, которую приносят хорошие привычки: я могу всегда обойтись без горничной»¹¹⁶.

Но гувернантка могла и не выдержать конкуренции с няней. В семье М.В. Трубниковой, старшей дочери декабриста В.П. Ивашева и его жены, французской гувернантки Камиллы Ле-Дантю, жила няня Прасковья Дмитриевна Рибакова, вынужившая всех детей Ивашевых еще в ссылке в Туринске, переехавшая с ними потом в имение Хованских «Архангельское» на Волге и заботившаяся потом в Петербурге о четырех детях Трубниковой, своей старшей воспитанницы.

Она «ревниво отстаивала свои исключительные права на нас, восставая против приглашения в дом гувернанток и бонн, что сопровождалось целыми драмами, так как няня считала, что они чудовища, которые будут мучить ее ненаглядных барышень»¹¹⁷.

Т. Тольцова также писала о «вечной войне» няни с гувернантками. По вечерам, когда мать заходила проститься с детьми, начинались долгие беседы с няней.

«“Что это, мать моя,” говорила Агафья Андреевна, “от мамзели просто житья нет; уж такие капризы, что просто святых вон понеси. Сегодня поутру два раза отсылала назад чай: наливать не умею, изволишь видеть, – ей не по вкусу.” – “Ну, что за беда, няня, отвечала моя мать, наливай ей как она любит. Ведь ты знаешь, что надо кого-нибудь держать при детях, я сама всюду не успеваю, мне от папеньки отойти нельзя.” – “Кто говорит! тебе не

---

¹¹⁵ *Сабанеева Е.А.* Указ. соч. С. 386.

¹¹⁶ Там же. С. 386.

¹¹⁷ *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. М.-Л., 1928. С. 145.

разорваться-же, да зачем ты им волю такую дала? Точно невидаль какая мамзель! их и для тебя нанимали, да тогда совсем другое было. Маменька добра была, покойница, а шутить тоже не любила. Мамзель так и знала свое место, *мамзелью* ее и держали. А уж ты какие порядки завела, Бог тебя знает, и девок-то всех перебаловала. Только, воля твоя, сама с ней ладь как знаешь, а я мамзели угождать не стану.” Как мать моя ни старалась ее успокоить, старушка все больше и больше раздражалась. Оставшись одна, она принималась заправлять на ночь лампадку, горевшую перед образами, и долго ворчала, суча светильню из хлопчатой бумаги, что не глядели бы ее глаза на наши порядки»¹¹⁸.

О «непримиримой вражде» гувернантки и экономки вспоминал и Б.Н. Чичерин:

«Гораздо памятнее мне та непримиримая вражда, которая, по поводу капризного отношения гувернантки к детям, кипела между нею и живущей у нас в экономках старушкою, игравшею весьма видную роль в нашем детстве. Звали ее Надеждою Ивановной Анцифировой. Она была дворянского происхождения, рожденная Извольская, и состояла в каком-то дальнем родстве с матерью отца, которая была той же фамилии. Вследствие этого мы звали ее бабашей. <...> Ее преданность семье была безграничная; оберегание хозяйского имущества и услаждение детей составляли всю ее жизнь. <...> Другой же враг была гувернантка, которую она звала не иначе как фарзоной. Она ненавидела ее всеми силами души и ополчалась на нее всякий раз, как та осмеливалась наказать кого-нибудь из ее любимцев. Нас она обожала и голубила, как первые сокровища в мире. Мы всегда пили у нее в кладовой чай, который она сама разливала; она постоянно угощала нас всякими сладостями, сколько это было дозволено, а иногда и втайне. Но главным ее любимчиком был мой третий брат, Владимир, который с раннего детства беспрестанно витал в кладовой, заглядывал в шкафы и с особенною охотою раскладывал и разливал по порядку всякие провизии и бутылки, вследствие чего его прозвали «хозяином». Когда мадам Манзони дерзала посягнуть на этого фаворита, происходила буря. Однажды при мне Надежда Ивановна с шумом ворвалась в комнату гувернантки и жалобным голосом возопила: “Аделаида Ивановна, простите Володюшку”. Получив надменный отказ, она бросилась на колена перед ненавистной фарзоной и, простирая к ней руки, продолжала умолять: “Простите Володюшку! Я сделаю для Вас все что хотите!” Но та осталась в своем непреклонном величии.

---

¹¹⁸ Тольчева Т. (Новосильцева Е.В.) Семейные записки. М., 1865. С. 94-95.

Тогда Надежда Ивановна в сердцах вскочила, плюнула и хлопнула дверью. Вражда закипела пуще прежнего»¹¹⁹.

Если гувернантка была чужой, слуги категорически отказывались ее признавать. Когда в 1836 г. осиротевшую графиню Марию Толстую готовили к первому выезду на бал в дворянское собрание, она одевалась в доме тетки Е.В. Кротковой, чья дочь Варенька тоже собиралась выезжать.

Аннушка, опытная горничная Толстых, одела Марию быстро, «как куколку. И это не понравилось m-elle Fleurie (гувернантка Варвары Кротковой – *О.С.*); она несколько раз подбегала меня осматривать, с сердцем ощупывала тюль на лифе и со злостью ворчала: “Cette robe fait des grimaces!” – Платье морщит! Аннушка выходила из себя и тихонько шептала мне: “Скажите, графинюшка, этому французскому черту, чтоб она своими когтями по тюлю не возила... Какая свежесть после этого будет?”»¹²⁰.

Особым содержанием наполнялись отношения гувернантки и домашнего учителя:

«чем положение их в доме тягостнее, чем более они терпят от капризов и необразованности тех, у которых живут, тем усерднее стараются всячески мучить друг друга разными неприятностями и ежеминутными ссорами, которые они заводят решительно для того только, чтобы насолить друг другу»¹²¹.

Бонна могла не ужиться с новым воспитателем. Когда великий князь Николай Павлович перешел на воспитание к Ламсдорфу, возникли неожиданные сложности.

«Мисс Лайон, поступившая к Великому Князю лет 19-ти или 20-ти, была, следовательно, около 1800-1802 годов, в полном цвете лет и притом, как сохранилось предание – чрезвычайно хороша собою. Генерал Ламсдорф приближался уже к шестидесяти годам, но, тем не менее, не считал себя еще слишком старым для преследования своими нежностями молодой нянюшки; эта, однако же, как строгая англичанка, всем своим существом преданная долгу и обязанности священной для нея службы, никогда не соглашалась ласково выслушивать старого вздыхателя, что, спустя несколько времени, повело к непримиримой вражде и к преследованию другого рода с его стороны. В детской Великого Князя бывало не мало

---

¹¹⁹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 139-140.

¹²⁰ Каменская М.Ф. Указ. соч. С. 244.

¹²¹ Гувернантка. Картина шведских нравов дядя Адама (Веттерберга) // Рассвет. 1859. Т. IV. С. 322.

весьма неприятных и громких сцен, и он, с самых юных лет находился между двух воюющих сторон, совершенно противоположных: одной благородной, пламенной, прямой и светлой; другой – коварной, эгоистической, холодной и ограниченной»¹²².

Но если и учитель, и гувернантка обладали высокими душевными качествами, они могли подружиться и скрашивать жизнь друг другу. Клер Клермонт весной 1825 г. приступила к выполнению обязанностей не то бонны, не то гувернантки в семье Посниковых при шестилетней Дуне. При сыне Ване был гувернер Германн Гамбс. Англичанка и немец стали близкими друзьями. 27 октября 1825 г. Клер пишет своей английской приятельнице:

«Недавно я познакомилась с одним немецким джентльменом, который составляет для меня великое прибежище. В такой стране, как Россия, где я могу встречаться только с малообразованными людьми, развитой ум составляет для меня величайшее сокровище. Его общество напоминает мне наш прежний кружок, потому что он является хорошим знатоком древней и новых литератур и имеет широкий кругозор и благородный образ мыслей. Ты можешь представить себе, с каким восторгом он обрел меня здесь, столь отличную от всех его окружающих и способную понять то, что так долго теснилось в его уме как сокровища слишком драгоценные, чтобы их стоило расточать на необработанной русской почве. Я рассказываю тебе о нем свободно, потому что уверена, что ты не подумаешь, будто я в него влюблена или что я питаю к нему какое-либо другое чувство, кроме самой искренней и непоколебимой дружбы»¹²³.

Но весной 1826 г. Гамбс уехал к новому месту службы куда-то в Сибирь, и больше они не виделись, хотя переписывались и Клер (через Мэри Шелли) помогла издать в Париже поэму Гамбса «Моисей», ту самую, что она слушала в исполнении автора летом 1825 г. в Иславском¹²⁴. С учителем в семье Кайсаровых, Н.М. Рожалиным, Клер Клермонт также сошлась довольно близко, что привело к осложнениям с родителями воспитанницы. В интерпретации Рожалина события выглядели так

---

¹²² Корф М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796-1817гг.) // Сборник РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 31.

¹²³ Цит. по: Алексеев М.П. Указ. соч. С. 497.

¹²⁴ Там же. С. 502.

«Причиною всего была зависть, возбужденная преимуществом, которое мисс Клермонт, в силу английских прав своих, довольно явно оказывала мне, моему разговору перед ними и их беседою. Это их взорвало, и они поступили с ней не только неучтиво, но и нагло. Слава богу, что это случилось в Травемюнде, месте тихом, где не могло выйти сплетен. Я, как невинный виновник всего, хотел все и исправить, утишил справедливый гнев мисс Клермонт и дал ей благоразумный совет: презреть людей, недостойных ни одного подлинного чувства, думать больше о собственных своих выгодах и след<овательно> помириться до лучших обстоятельств. Она мне верит много и приняла мой совет»¹²⁵.

В семье мог быть еще учитель музыки, и здесь перед музыкально одаренной гувернанткой открывались широкие возможности. Клер Клермонт приятельствовала с Иосифом Геништой, автором популярных романсов и музыки к комедии гувенера Гамбса «Экспромт в Иславском». 4 июня 1825 г. Клер делает запись в дневнике:

по случаю плохой погоды все сидели дома и развлекались музыкой, «сначала все мы пели с г. Геништой, а затем он играл <...>. После чая я играла “Di tanti palpiti”¹²⁶ вместе с Геништой, а затем он один сел за фортепьяно и играл весь вечер – он импровизировал, а потом исполнял ряд собственных сочинений, среди них написанный им экосез, в котором изображается, как муж его сестры бранит ее, а она отвечает. Это – божественный музыкант и первый, кто нравится мне как мужчина. Кажется, целый мир музыки дышит и говорит, возникая из фортепьяно: душа его <музыканта> составлена из гармонии и пламени, природы и искусства. Воображение, электрическое туше, глубоко захватывающие мелодии и сладкозвучный аккомпанемент, множющийся в почти бесконечном разнообразии, – все сливается в мягкой гармонии. Мы безмолвно упивались его музыкой. Сама тишина была рада растаять в таких волшебных чудных звуках»¹²⁷.

С 20 октября 1825 г. английская гувернантка брала у И.И. Геништы уроки музыки¹²⁸.

---

¹²⁵ Письмо Н.М. Рожалина А.П. Елагиной 17 авг. 1828 г. // Русский Архив. 1909. Кн. 2. № 8. С. 576.

¹²⁶ Каватина из оперы Россини «Танкред»; вариация на эту тему для рояля написана Фердинандом Рисом (1748-1838), немецким композитором.

¹²⁷ Цит. по: *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 507-508.

¹²⁸ Там же. С. 508.

Взаимоотношения с прислугой были еще одной «болевым точкой». В принципе, гувернантка имела более высокий статус, чем русские слуги. На практике, все оказывалось сложнее и статус порой приходилось отвоевывать в мелочных, но от этого не менее жестоких баталиях с прислугой. Лесгилье советовал:

«Будьте добры, кротки со служанкою; знайте, что ни одна из них не покорится пред вами так, как покоряется своей барыне, не стерпит и десятой части того, что может вытерпеть от господ. <...> Вы же, почтенные отцы и матери, не пренебрегайте этим и сами наблюдайте, чтобы прислуга не забывалась в отношении ваших гувернера или гувернантки, не составляла бы каких-нибудь между собою партий, отдавала бы им должное уважение и была всегда им послушна»¹²⁹.

Были и такие гувернантки, которые сами умели заставить уважать себя, и тут не требовалось вмешательства родителей воспитанников. Шарлотта Иванова Ругланд, английская гувернантка С.Д. Шереметева, относилась именно к этой породе наставниц:

«людей она держала очень строго, и все ее боялись, хотя и сочувствовали»¹³⁰.

Встречалась и другая крайность.

«Бывают француженки и англичанки, которыя, при всех своих познаниях и достоинствах, часто взыскательны к прислуге почти до смешного. Не имея на родине и понятия о прислуге, они, попав в Россию, воображают себя какими-то княгинями, становятся до того вдруг повелительными, что хотят, чтобы прислуга понимала каждый их взгляд, чтобы грум или лакей непременно следовали за ними на гуляньях»¹³¹.

Напрасно Лесгилье утверждал:

«Подобная тактика всегда будет смешна»¹³².

Леди Блумфильд, жена британского посланника, приехавшая в Россию в 1845 г., воспроизводила рассказ одной дамы:

«няня Англичанка, жившая у нее несколько лет, перешла от нея к княгине Б..., которая платила ей 70 фунтов стерлингов в год, кроме множества подарков; однажды, когда эта дама зашла к княгине, няня пришла сказать, что желает кареты и четырех слуг,

---

¹²⁹ Лесгилье А. Указ. соч. С. 31.

¹³⁰ Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб., 1896. С. 40.

¹³¹ Лесгилье А. Указ. соч. С. 31.

¹³² Там же. С. 32.

чтобы выехать кататься с ребенком. Это требование было тотчас же исполнено, и няню вскоре увидели сходящую по парадной лестнице в сопровождении выездных лакеев!»¹³³.

Из опыта многих поколений гувернанток вырос еще один совет Лесгилье:

«В особенности вы, гувернантки, крепитесь насколько возможно и равнодушнее переносите тысячи мелких колкостей, в каком бы доме вы ни находились, будьте на все готовы и сумеете быть тверды и спокойны. Это лучшее и, по правде сказать, единственное средство обезоружить своего врага»¹³⁴.

Оказавшись в инокультурной среде, гувернантки искали своих соотечественников и, как результат, завязывались особые связи и взаимоотношения. Насколько частыми были такие контакты, зависело от размеров иностранной колонии в том месте, где жила гувернантка. Особенно большие возможности были в Петербурге и Москве. Оживленно обсуждались политические новости – свои и российские. 29 ноября 1825 г. в Москве Клер Клермонт навестила англичанку мисс Тривин, а к той пришла мисс Готтмен. Обсуждался слух о кончине Александра I в Таганроге: «конечно, каждого эта новость повергала в печаль и удивление»¹³⁵. Общение с соотечественниками давало отдушину в тяжелой гувернерской работе и приносило свои дивиденды: они могли отвезти на родину письмо, посылку, при возвращении передать новости и посылки от родных и знакомых из Европы; они помогали друг другу советами, деньгами, пускали в ход связи своих работодателей. Среди иностранных гувернанток были своего рода «старейшины», к чьему авторитетному мнению прислушивались как иностранная колония, так и знакомые хозяев. Госпожа Ноазевиль, гувернантка княжон Голицыных, долго жившая в доме своей бывшей воспитанницы Т.Б. Потемкиной на правах компаньонки и друга, рассказала свекрови Татьяны Борисовны, княгине Татьяне Васильевне Юсуповой о бедственном положении своего приятеля Vaudreuil. Ноазевиль никак не могла добыть не-

---

¹³³ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский Архив. 1899. № 6. С. 224.

¹³⁴ Лесгилье А. Указ. соч. С. 30-31.

¹³⁵ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 516.

скольких тысяч рублей, необходимых Водрёлю, «который пропадет, если не добудет этих денег» (они были необходимы ему для возвращения на родину – *О.С.*). Княгиня Т.В. Юсупова, племянница Г.А. Потемкина, одна из богатейших женщин, была известна всему свету своей скупостью, однако через несколько дней после слов Ноазевиль ее приятель получил неизвестно от кого требуемую сумму. Только впоследствии выяснилось, что деньги послала Т.В. Юсупова¹³⁶.

Полина Гельб, впоследствии жена декабриста Анненкова, в 1826 г., после рождения ребенка и болезни собралась из Москвы в Петербург, где под следствием находился И.А. Анненков. Ей никак не удавалось получить необходимый для поездки паспорт,

«но тут на помощь ко мне явилась одна француженка m-lle Фелис, которая жила в доме Шульгина, московского обер-полицмейстера. Она приехала ко мне, хотя я ее совсем не знала. “Я не имею удовольствия вас знать, – сказала она, входя ко мне, – но мне жаль вас, я знаю, что вам делают много неприятностей и не пускают в Петербург. Хотите иметь паспорт?” Я, конечно, с радостью приняла ее предложение. Через час у меня был паспорт, выданный Шульгиным. Много лет прошло с тех пор, но я не могу забыть услуги, оказанной мне добрейшей m-lle Фелис»¹³⁷.

35 лет спустя при посещении Парижа Полина Анненкова сходила поблагодарить Фелис, и обе француженки еще были живы!

Англичане концентрировались в 1840-е гг. в Петербурге на Английской набережной, в пансионе сестер Бенсон. По свидетельству жившего там некоторое время М.Д. Бутурлина, там встречались английские гувернантки, искавшие себе место, по выходным приходили английские гувернантки, служившие в разных семьях. Видимо, особым удовольствием для всех посетителей был ностальгический английский стол пансиона: в 12 часов завтрак из четырех блюд, «в том числе холодный розбив или ветчина, какую можно иметь только у одних Анг-

---

¹³⁶ Из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский Архив. 1875. Кн. 1. С. 302.

¹³⁷ Воспоминания Полины Анненковой с приложением воспоминаний ее дочери О.И. Ивановой и материалов из архива Анненковых. Красноярск, 1977. С. 89.

личан, а в 5 часов обед из пяти блюд»¹³⁸. Туда же приходили английские коммерсанты, туристы и артисты, так что гувернантки могли пообщаться с соотечественниками.

Финальной точкой взаимоотношений часто являлась сцена прощания гувернантки с семьей, в которой она так долго трудилась. Четырехлетний сын князя П.А. Вяземского Павлуша, узнав, что их покидает гувернантка, отреагировал бурно:

«Сегодня он ездил на дрожках с мамзель Горé и плакал, приехавши домой, говоря, что хочет ехать с нею во Францию»¹³⁹.

Одиннадцатилетняя Мария Вяземская написала матери после расставания с гувернанткой:

«мадемуазель Gogé уехала во Францию и это причинило нам много горя»¹⁴⁰.

Граф С.Д. Шереметев вспоминал, что враждебно относился к своему воспитателю Руже, так как тот явился на смену любимой гувернантки:

я «долго не прощал ему разлуки с Шарлоттой Ивановной, но мало-по-малу стал привыкать»¹⁴¹. «Я сильно плакал. Я понимал, что с Шарлоттой Ивановной прекращается последняя связь с прошлым, что должно начаться что-то новое и неведомое»¹⁴².

А.С. Шереметева писала о грядущем расставании с гувернанткой:

«Мне предстоит еще очень грустная и тяжелая минута, это разлука с гр. Паскалис»¹⁴³.

В 1848 г. Фанни Дюрбах отказалась ехать с семьей из Воткинска в Москву, поскольку впредь нужна была скорее бонна, а не гувернантка.

«Чтобы устранить тяжелые сцены расставания с детьми, решено было устроить отъезд Фанни, пока они спали, ранним утром. Алек-

---

¹³⁸ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина... Кн. 3. № 12. С. 536.

¹³⁹ Вяземский П.А. – жене. Письмо от 21 [- 22] июня 1824 г. // Остафьевский архив князей Вяземских... С. 17.

¹⁴⁰ Вяземский П.А. – жене. Письмо от 29 июня 1824 г. // Остафьевский архив князей Вяземских... С. 22.

¹⁴¹ Шереметев С.Д. Воспоминания. 1853-1861. СПб., 1898. С. 4.

¹⁴² Шереметев С.Д. Воспоминания детства... С. 54.

¹⁴³ Письмо А.С. Шереметевой от 12 августа 1833 г. // Архив села Михайловского. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1902. С. 15.

сандра Андреевна надеялась, что горе разлуки с любимой наставницей будет рассеяно в детях приготовлениями к собственному отъезду в Москву, который состоялся в тот же день, позднее»¹⁴⁴.

У Чичериных в Тамбове мадам Манзони, капризная и своевольная, по воспоминанию старшего воспитанника Б.Н. Чичерина, при расставании «нежничала, и я расплакался»¹⁴⁵. Граф С.Д. Шереметев считал, что «первое сильное горе, мною сознательно испытанное, было неожиданное известие о том, что Шарлотта Ивановна должна меня покинуть, и что на месте ее будет гувернер француз»¹⁴⁶.

Так оказавшиеся в инокультурной среде гувернантки вовлекались в плотную паутину отношений, и начинался процесс межкультурной коммуникации, последствия которого никогда не бывают однозначными.

---

¹⁴⁴ Чайковский М. Жизнь П.И. Чайковского... С.28.

¹⁴⁵ Чичерин Б.Н. Воспоминания ... С.138.

¹⁴⁶ Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб., 1896. С.53.

Детство в Германии: проблемы социализации
и воспитания в 1700 – 1850 гг.²

«О воспитании как особом искусстве у родителей не было никакого представления», отметил сын одного крестьянина из округа Ольденбург, рассматривая наметанным глазом опытного педагога свое детство, прошедшее в конце восемнадцатого века. На его нижненемецком диалекте не существовало даже соответствующего слова для этого, «потому что применяемое в этом случае слово «воспитывать, растить» относилось, собственно говоря, только к физическому уходу за маленькими детьми. «Все воспитание заключалось в моральном и этическом распорядке семейной жизни»³. Мир детей в большинстве классов и слоев общества не был в те времена отделен от мира взрослых таким образом, чтобы рассматривать его как «педагогическую область», в которой родители, воспитатели, учителя подготавливали бы детей «к жизни»⁴. Не «комнатное воспитание»⁵ и не особые образовательные заведения, а «школа жизни воспитала его», сказал о самом себе сын деревенского сапожника⁶; а один из прусских

---

¹ Юрген Шлюмбом – профессор, доктор наук, научный сотрудник Института исторических исследований общества Макса Планка в г. Геттинген, Германия.

² Пер. с нем. Д.И. Габриэляна и В.Г. Безрогова. Оригинал: *Schlumbohm J.* Erziehung und Nicht-Erziehung in der Entstehungsperiode der bürgerlichen Gesellschaft // *Idem.* Kinderstuben: Wie Kinder zu Bauern, Bürgern, Aristokraten wurden 1700-1850. München, 1983. S. 7-22.

³ *Eilers G.* Meine Wanderung durchs Leben. Bd.1. Leipzig, 1856. S. 18, cf. 2, 29.

⁴ Классический пример: «Ребенок и семья при Старом Порядке» Ф. Арьеса (1960; рус.пер. Екатеринбург, 1998); важным материалом является также *Roessler W.* Die Entstehung des modernen Erziehungswesens in Deutschland. Stuttgart, 1961.

⁵ *Nolde A.F.* Medicinisch-anthropologische Bemerkungen über Rostock und seine Bewohner. Bd.1. Erfurt, 1807. S. 96.

⁶ *Justi K.W.* Grundlage zu einer hessischen Gelehrten-, Schriftsteller- und Künstgeschichte vom Jahre 1806 bis zum Jahre 1830. Bd. 19. Marburg, 1831. S. 290-298.

аристократов зарифмовал в стихах нечто похожее из своего собственного становления:

Лишь жизнь – воспитание мужчины,
Слова же – те значат не много⁷.

Уже маленькие дети были включены в работу и общение с окружающими их людьми. Очень рано детям «трудящихся классов» приходилось вносить вклад в добычу пропитания для семьи; они не были исключены и из общения, не отделяемого четко от работы. Так, в «прядильных комнатах» дети и взрослые пели одни и те же песни и слушали одни и те же истории. В достаточно раннем возрасте детей брали с собой в церковь, на крестный ход и в паломничество. Рождение и смерть не были для них чем-то чуждым. У детей было свое место при выполнении соответствующих ритуалов: они шли вместе со взрослыми, чтобы посмотреть на покоящегося в доме усопшего и помолиться за него; хор учеников был неотъемлемой составной частью похоронной процессии⁸. В тесных жилищах простых людей от детей не оставалась скрытой и сексуальная жизнь родителей⁹, а в господских домах общение со слугами имело те же последствия – таково было, во всяком случае, мнение озабоченных необходимым улучшением нравов педагогов, врачей и священников.

Жизнь детей ни в коем случае не была идиллической, даже если так казалось некоторым авторам мемуаров в свете приобретенного ими к старости жизненного опыта. Большинство населения из года в год и изо дня в день было полностью занято тем, что добывало пропитание; поэтому само собой разумеющейся необходимостью было то, что детям приходилось нести свою

---

⁷ Friedrich August Ludwig von der Marwitz. Ein märkischer Edelmann im Zeitalter der Befreiungskriege. Hrsg. von Friedrich Meusel. Bd. 1. B., 1908. S. 143.

⁸ Zimmermann R.S. Erinnerungen eines alten Malers. München, 1922. S. 15f., 32f.; Paulsen F. Aus meinem Leben. Jena, 1909. S. 100f.

⁹ Schwager J.M. Über den Ravensberger Bauer // Westphälisches Magazin zur Geographie, Historie und Statistik / Hrsg. von P.F. Wedigen. Bd. 2, 1786. H. 5. S. 55-58.

часть этой нагрузки¹⁰. Жестоким наказаниям подвергался тот, кто уклонялся от выполнения работы. «Там, где были... дети, там были и телесные наказания, и чаще всего просто варварские» – эта сторона детских будней осталась незабываемой многими людьми вплоть до старости¹¹. Подчинение отцу и матери находит свое выражение и в языке: дети обращались к родителям на «Вы» или применяли иные обороты, выражающие уважение; редкостью были случаи, когда дети и взрослые в словесном общении были бы приравнены друг к другу употребляя с обеих сторон слово «ты»¹². Дочь и сын были подчинены главе дома – отцу или матери, как служанка и слуга¹³. Это объясняет то, что в переписях населения родные сыновья и дочери, начиная с возраста приблизительно 14-ти лет, нередко указывались как «батраки» или «служанки» и отличались от «неродной» челяди разве что по именам.

Несмотря на многообразную вовлеченность в мир жизни взрослых, статус детей в иерархии семьи и сословия все же отличался от статуса взрослых, хотя разделительная линия не была ни четкой, ни достаточно однозначной. Важным разграничительным порогом в областях с евангелическим населением была конфирмация¹⁴. Некоторые внешние приметы обозначали эту разграничительную линию; курение имело для молодежи мужского пола особое значение. В устоявшейся буржуазной среде считалось за правило: «Если молодому человеку предлагали трубку, то это было равносильно торжественному заявлению, что его считали полноценным мужчиной»¹⁵. Среди ремесленников цеховые объединения и союзы подмастерьев

---

¹⁰ *Kuczynski J.* Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus. Bd. 1-38. В., 1960-1972; по поводу детского труда см. в частности тома 8, 19, 20.

¹¹ *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 279.

¹² *Bacherler M.* Deutsche Familienerziehung in der Zeit der Aufklärung und Romantik. Phil.Diss. AERLANGEN, 1914. S. 136f., ср. S. 210f., 216f.

¹³ *Mitterauer M., Sieder R.* Vom Patriarchat zur Partnerschaft. 2. Aufl. München, 1980. S. 123ff.; *Rosenbaum H.* Formen der Familie. Frankfurt a.M., 1982. S. 89ff., 102ff.

¹⁴ *Weber-Kellermann I.* Die Kindheit. Frankfurt a.M., 1979. S. 186ff.

¹⁵ *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 401.

через «суд порядочности и нравов» следили за тем, чтобы ни один ученик не смел посещать кабаки или курить, на это имели право только мастера и подмастерья¹⁶. Правда, эта разграничительная линия не всегда была достаточно четко проведена; а там, где это имело место, для мальчишек было особенно привлекательным как раз то, чтобы ее тайно нарушать. Во всех прочих случаях полные права взрослого достигались только после женитьбы: холостые сыновья и незамужние дочери (а также батраки и служанки) оставались, даже будучи старше 30-ти лет, «детьми», подчиненными главе семьи в лице отца или матери¹⁷.

Включение в господствующую домашнюю и семейную иерархию было, однако, для детей простых людей не окончательным. Они находили щели и ниши, не заполненные домашними требованиями.

«Родители редко прикажут своим детям чего-нибудь иное, кроме старания в работе.... В остальном дети могут делать все, что они хотят, если они достаточно уверены, что им не достанутся колотушки и наказания, если отец или мать не в плохом настроении по какой-либо другой причине», – жаловался священник одного из церковных приходов, в который входили крестьяне, ткачи и прядильщики¹⁸.

Если дети выполняли поставленные перед ними задачи, то большей частью были предоставлены самим себе. Это было то пространство и время, где они вместе с другими детьми вели свою собственную жизнь, свободную от непосредственного надзора или педагогического руководства взрослых¹⁹. Да и при выполнении некоторых работ у детей

---

¹⁶ *Henss A.* Wanderungen und Lebensansichten. Jena, 1845. S. 141.

¹⁷ *Sieder R.* Persönlichkeitsbildung in Haus und Familie. Studien zur Sozialisation in ländlich-bäuerlichen Hausgemeinschaften der vorindustriellen Zeit. An Beispielen aus dem Salzburger Raum. Phil.Diss. Wien, 1975. S. 185, 189, 192.

¹⁸ *Simmler J.J.* Versuch einer Beschreibung der Grafschaft Toggenburg überhaupt und der Gemeinden Henau und Niederglatt insbesondere, 1785, sowie Kommentar eines Ungenannten dazu // Zentralbibliothek Zürich, Archiv der ascetischen Gesellschaft des Kantons Zürich, Archiv B 7. S. 279-366.

¹⁹ *Schlumbohm J.* 'Traditionale' Kollektivität und 'moderne' Individualität: einige Fragen und Thesen für eine historische Sozialisations-

была возможность образовывать группы, например, когда они пасли скотину в деревне или посылались за покупками в городе. В этих случаях дети играли друг с другом по принятым правилам, нередко подражая миру взрослых, но все-таки будучи сами ответственны за выполнение «законов» без руководства со стороны воспитателя. В этом пространстве «уличной свободы», в котором они «были предоставлены... совершенно самим себе»²⁰, дети очень быстро (как только начинали ходить) вживались в коллективную жизнь, которая тогда еще имела для крестьян и ремесленников основополагающее значение как в деревне, так и в городском профессиональном сообществе.

Значение такой жизни в относительно свободно или более четко организованной группе детей было тем больше, ее определяющая сила была тем существеннее, чем меньше семья выделялась из окружающего ее социального мира как островок интенсивных отношений, в первую очередь затрагивавших человеческие чувства. У дворян семья была в первую очередь объединением, в котором было необходимо обеспечить господствующую позицию сословия на протяжении многих поколений, а господский дом был местом управления и представительства этой позиции. У крестьян, простолюдинов и низших слоев населения назначение семьи состояло в первую очередь в том, чтобы обеспечить с помощью труда выживание ее членов; и этот труд происходил не на каком-то пространственно удаленном «рабочем месте», а в самом жилище, во дворе дома, на территории самой семьи²¹; труд заполнял большую часть семейного времени. При таких обстоятельствах не было никаких оснований для того, чтобы полагать, что семья первично является якобы тем свободным пространством, где могли бы раскрываться человеческие чувства, происходило бы моральное удовлет-

---

forshung // *Vierhaus R.* (Hrsg.) *Bürger und Bürgerlichkeit im Zeitalter der Aufklärung.* Heidelberg, 1981. S. 273ff.; *Hardach-Pinke I.* *Kinderalltag.* Frankfurt a.M., 1981. S. 216ff.; *Hauck K.* *Das Spiel in der Erziehung des 18. Jahrhunderts.* Phil.Diss. Halle a.d.S., 1935.

²⁰ *Hansjakob H.* *Aus meiner Jugendzeit* // *Idem.* *Ausgewählte Schriften.* Bd. 1. Suttgart, 1910. S. 117.

²¹ См., например: *Schlumbohm J.* (Hrsg.) *Kinderstuben...* S. 123ff.

ворение и физическая защита ее членов²². Несколько в более розовом свете предстало, вероятно, отношение к труду одному стареющему писателю, родившемуся в семье надомника; но он попал в точку своим замечанием, когда подчеркнул, что каждый член семьи был, прежде всего, частью трудового сообщества:

Те классы общества, которые живут стараниями собственных рук, смотрят совершенно по-иному на высокое предназначение труда в отличие от тех, которые покоятся на чужом труде. Он приносит им удовлетворение, возвышает их... А поэтому и мальчик самым живейшим образом проявлял себя – помогая и переживая – при выполнении поручений, которые хотя и были в общем-то мелкими, но способствовали процветанию семьи²³.

При этом между социально-экономическими целями и эмоциональными потребностями не обязательно должно было существовать противоречие²⁴. Наглядной иллюстрацией этого является история одного портного, который менее чем через год после смерти первой жены, которую он совсем не любил, пришел к выводу, что «без жены совершенно не может вести свое хозяйство»: он взывает к Богу, просит Бога «направить его сердце к какой-либо добродетельной личности», спрашивает родственников, «нет ли у них какой-либо девицы, желающей выйти замуж», а менее чем через месяц после получения положительного ответа идет к алтарю со своей избранницей. Тем не менее, этот «брак по расчету» был, по его мнению, «одним из самых благословенных»:

Мое супружество подсластило все пережитые мною прежде неприятности, и, по правде говоря, я должен сознаться, что думая о моем прежнем положении и рассматривая свое нынешнее, я был вне себя от удовольствия... короче, мы оба жили душа в душу²⁵.

---

²² Rosenbaum H. Formen der Familie... S. 47ff., 121ff.; Mitterauer M., Sieder R. Patriarchat... S. 92ff.; Brunner O. Das 'ganze Haus' und die alteuropäische 'Ökonomik' // *Idem*. Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1968. S. 103-127.

²³ Koenig H. Auch eine Jugend. Leipzig, 1852. S. 60f.

²⁴ См.: Medick H., Sabeian D. Neue Themen in der historisch-ethnologischen Familienforschung // Sozialwissenschaftliche Informationen für Unterricht und Studium, 11. 1982. S. 91-100.

²⁵ Paulsen F. Aus meinem Leben. Jugenderinnerungen. Jena, 1909. S. 2-113.

Такая взаимосвязь между «материальными» целями и личными взаимоотношениями проявлялась, вероятно, и в практике кормления грудью. Один представитель медицины констатировал в 1780 г., направляя упрек женщинам высших слоев населения, что «первая обязанность матери, а именно кормление грудью своего ребенка, превратилась в занятие для очень немногих»²⁶. А вот как раз у простых людей кормление грудью продолжалось весьма длительное время: годовой период кормления, кажется, считался почти что за правило, два года не были редким исключением. Важной причиной этого, без сомнения, являлся и тот факт, что кормление грудью было самым дешевым способом кормления ребенка, способом, который требовал наименьших затрат времени и наименьших расходов. Но одновременно это создавало, вероятно, длительную связь между матерью и младенцем – не в качестве поставленной цели, а в качестве фактического результата.

Задачей семьи, таким образом, выступало не физическое удовлетворение ее членов и воспитывающее обслуживание подрастающего поколения, как это формулируют сегодня ведущие социологи в соответствии со своими преподавательскими установками²⁷, и как это отвечает повседневным ожиданиям многих людей. Насколько семья в большинстве классов и слоев тогдашнего общества не ориентировалась на такую возвышенную функцию, настолько же она была менее изолирована от своего окружения в переплетении социальных отношений. Дворянский дом охватывал, кроме родителей и детей, целый ряд слуг, нередко также и кого-нибудь из родственников, такой дом был довольно часто местом представительного общения, открытым для знакомых из своего сословия²⁸. У «простого народа» включение в семью дедушек и бабушек, а также других родственников было реже, чем стараются внушить распространенные

---

²⁶ *Frank J.P.* System einer vollständigen medicinischen Polizey. Bd. 2. Mannheim, 1780. S. 371.

²⁷ По поводу критики: *Rosenbaum H.* Familie als Gegenstruktur zur Gesellschaft. Stuttgart, 1973.

²⁸ *Garve C.* Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Litteratur und dem gesellschaftlichen Leben. Bd. I. Breslau, 1792. S. 335-400.

представления о «доиндустриальной большой семье»; однако в семьях зажиточных крестьян и ремесленников жили, как правило, служанки, батраки, подмастерья или ученики. Пространство, в котором существовала семья, не было отгорожено от знакомых из своего сословия, соседей и всей деревни²⁹. «Жизнь в деревне – это расширенная семейная жизнь. Веселые и печальные события переживаются, обсуждаются, одобряются или осуждаются»³⁰ – эти слова сына одного крестьянина звучат менее идиллически, если удалить сентиментальные ожидания, которые мы так охотно связываем с «семейной жизнью». Жилища бедняков были особенно тесными именно в городе; как только позволяла погода, дверь оставалась открытой или хотя бы полуоткрытой; работа и отдых в весьма значительной степени происходили на улице.

Дети дворян, крестьян и простолюдинов подготавливались к будущей жизни не столько однозначным включением в нее или с помощью сознательного воспитания; наоборот, они вырастали в этот мир путем вовлечения в требования их общественного окружения и участия в приятных его аспектах. Их «школой» была не отгороженная «детская комната», а «сама жизнь». Такое отношение к детству не нужно было подвергать сомнению, пока имелось основание для предположения, что жизнь сыновей и дочерей будет идти своим сословным, предназначенным с рождения путем, так же как шла жизнь их отцов и матерей. Уже раннее вовлечение детей в коллективно поддерживаемые ценности и законы сословия и сообщества, привыкание детей на улице и в деревне к жизни, определяемой какой-либо группой, была подходящей формой социализации для тех людей, которые не должны были следовать внутренне усвоенным нормам, а, наоборот, ориентировались на правила своей сословной, деревенской или цеховой «касты».

Насколько не следует ностальгически идеализировать детскую жизнь, настолько не нужно гармонизировать и картину тогдашнего общества. Претензии и нормы различных

---

²⁹ *Flandrin J.-L.* Familien. Frankfurt a.M., 1978. S. 48ff.; *Shorter E.* Die Geburt der modernen Familie. Reinbek, 1977. S. 61ff.

³⁰ *Rank J.* Erinnerungen aus meinem Leben. Wien, 1896. S. 37f.

сословий и корпораций ни в коем случае не составляют какого-то гармонически структурированного целого; наоборот, в обществе позднего феодализма проявляются фундаментальные конфликты. В частности, между крестьянами и феодалами – были ли они дворянами, церковными объединениями или суверенами – постоянно шла «малая война» из-за барщины, натуральных и денежных поборов, но также и из-за символических форм выражения господства, к которым относились, например, дворянские охотничьи привилегии; нередко из-за противоречий между крестьянами и их господами возникали беспорядки, подавление которых было возможным только с помощью силы. То же самое можно сказать об отношениях между цеховыми объединениями (в частности союзами подмастерьев), и – властями. К таким конфликтам подготавливались и дети, в особенности мальчишки. Содержанием их уличной жизни была «мальчишечья война» между группами из разных кварталов города или разных деревень; не менее заманчиво было для них дразнить или провоцировать представителей властей, например, полицейских, которые следили за порядком и спокойствием в городе, или же полевых сторожей, охраняющих урожай.

Да и манера обращения родителей со своими детьми не способствовала, как во всяком случае полагали просвещенные современники, тому, чтобы воспитать разумное и стабильное послушание по отношению к господствующему порядку; наоборот, резкий контраст между чрезмерной жестокостью и равнодушным предоставлением самим себе вел к тому, что у молодого поколения воспроизводилась «злость и упрямство», отягчающие взаимоотношения между крестьянами и господами³¹.

Для детей не оставались скрытыми конфликты взрослых. Так, например, один летописец из города Аахен связал уличные битвы ребятишек с беспорядками, вызванными борьбой цеховых ремесленников с купцами, а также с насилием, вызванным борьбой за власть между соперничающими группировками:

---

³¹ *Garve C. Vermischte Aufsätze. Breslau, 1796.*

Не нужно удивляться сегодняшней молодежи, ее дикости и распущенности в наше время... Если дерево гнилое..., незачем ожидать от него хороших плодов...³²

Настоящая педагогическая кампания³³ велась в XVIII и XIX вв. против устоявшейся рутины, против полного пренебрежения воспитанием и «бессердечной запущенности» детей³⁴. В проповедях, журналах и указах священнослужителей, врачи и чиновники призывали родителей заботиться о физическом и духовном развитии детей. Поучения и размышления о том, как это должно происходить в родительском доме и в школе, концентрировались в особую науку – педагогику. Воспитание становилось особым искусством, особым видом работы. Оно приобретало для будущего семьи и общества такое фундаментальное значение, что ему должны были посвящать себя и родители, и профессиональные педагоги-преподаватели; оно ни в коем случае не должно было быть предоставлено только кормилицам и служанкам. Из западной части Европы, прежде всего из Англии, а потом и из Франции, т.е. из тех стран, которые были тогда уже более развиты по сравнению с другими, в Германию приходили новые образцы сознательного воспитания детей и соответствующей семейной жизни. Педагогическая кампания XVIII и XIX веков утверждала во все большем числе семей образцовые представления о воспитании, об отношении к ребенку, влияла во все большей степени и на действительное поведение людей. Советы педагогов были восприняты вначале образованной и зажиточной буржуазией. Правда, и там реальность не была незамутненным отражением пропагандируемых образцов, а давала постоянно повод к предостережениям.

---

³² *Ariovist v.Fürth H.* Beiträge und Material zur Geschichte der Aachener Patrizier-Familien. Bd.3. Aachen, 1890. S. 224.

³³ *Stephan G.* Die häusliche Erziehung in Deutschland während des 18.Jahrhunderts. Wiesbaden, 1891, особенно S. 10ff.; *Gebauer C.* Studien zur Geschichte der bürgerlichen Sittenreform des 18.Jahrhunderts. Die Reform der häuslichen Erziehung // Archiv für Kulturgeschichte, 20, 1930. S. 36-51; *Roessler W.* Die Entstehung... S. 243ff.

³⁴ *Moralische Wochenschrift* // Der Einsiedler, 1.Jg, 5.Stück. Königsberg, 3. Februar 1740. S. 33-40.

Воспитание предполагает дистанцию между воспитанником и воспитателем; лишь на основании этой дистанции происходит педагогическое обращение к ребенку. Оно должно быть отмечено последовательностью и внутренней гармонией; никакой воспитательный процесс не может происходить в атмосфере резкой смены между жестокой твердостью, недуманным предоставлением ребенка самому себе и заигрыванием с отсутствием всякой дистанции; только четко изложенные нормы могут быть усвоены и самостоятельно применены ребенком. Для этого воспитатель должен быть и сам примером. Выступать перед ребенком в качестве воспитателя означает поэтому, что необходимо контролировать собственное поведение и дисциплинировать самого себя; превратить детство в отделенное от настоящей жизни пространство, в котором молодые люди подготавливаются к ней, означает одновременно создание специфического статуса взрослого человека с более высокими требованиями, предъявляемыми к его поведению. Все вместе это было частью большого процесса становления цивилизованных нравов³⁵.

Педагогическую «дистанцию» воспитывающего взрослого от воспитуемого ребенка следует понимать также и в конкретном пространственно-телесном смысле. У трудящихся классов в связи с теснотой жилищных условий и малым количеством принадлежащей им мебели положение часто было таково, что дети спали с родителями не только в одной и той же комнате, но и в одной и той же постели. Просвещенные врачи, чиновники и педагоги самым энергичным образом боролись с этой привычкой. Одной из причин этого, которые они приводили, была опасность, что взрослые могут до смерти задавить ребенка в постели – случайно или намеренно; для грудных детей это представляло во всяком случае реальный риск. Не менее угрожающей представлялась этим просвещенным реформаторам опасность «пробуждения преждевременных влечений»³⁶. Чтобы предотвратить это, детям и

---

³⁵ К этой теме см.: *Elias N. Über den Prozess der Zivilisation*. 2 Bde. Frankfurt a.M., 1977; *Elschenbroich D. Kinder werden nicht geboren*. Frankfurt a.M., 1977. S. 110ff., 121ff.

³⁶ *Frank J.P. System...* Bd. 2. S. 205ff., 251ff., здесь S. 261.

взрослым следовало спать отдельно, а если это возможно, то и в разных комнатах. У ребенка ночная изоляция, если он спал отдельно, могла вызвать сильный приступ страха³⁷, а это вызывает предположение, что обусловленный теснотой и бедностью телесный контакт имел для детей простых людей и положительное значение.

Боязливое опасение по поводу «пробуждения преждевременных влечений» выражается, прежде всего, в упорном стремлении врачей и педагогов приучить детей дистанцированно относиться к своему собственному телу. В постели руки должны были находиться *над* одеялом; мальчикам не разрешалось держать руки в карманах штанов; девочки не должны были сидеть, скрестив ноги; одежда должна была быть настолько свободной и просторной, чтобы исключить разогревающую стимуляцию половых органов³⁸. По праву эту длительную кампанию называли «антимастурбационной» педагогикой³⁹. Она показывает, что подавление инстинктов представляло собой существенную сторону умения сдерживать самого себя, которое прививалось людям при воспитании. Со времен Зигмунда Фрейда было доказано, насколько важным было такое подавление инстинктов для мотивации личности к культурным и цивилизаторским свершениям в рамках буржуазного общества; и, бросив взгляд в далекое прошлое, можно предположить, что такая взаимосвязь имела место, когда тогдашние пропагандисты рисовали рядом с пугалом физического заболевания также и «пассивность, уныние, мрачное настроение, тупое дурачество» как следствие «распутства» и «самоослабления»⁴⁰.

Однако, соответствующее «самодисциплинирование» требовалось также со стороны воспитывающих взрослых.

---

³⁷ *Goethe J.W.* Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. 1. Buch // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe. Hrsg. v. E.Trunz. Bd. 9. Hamburg, 1955. S. 13f.

³⁸ *Faust B.C.* Gesundheits-Katechismus zum Gebrauche in den Schulen und beim häuslichen Unterrichte. Bückeburg, 1794. S. 17-28; *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 235.

³⁹ См. по этому поводу: *Elschenbroich D.* Kinder... S. 133ff.; *Rutschky K.* (Hrsg.) Schwarze Pädagogik. Frankfurt a.M., 1977. S. 299ff.

⁴⁰ *Lippisches Intelligenzblatt*, 1789. S. 5-7, 11-16, 18-19.

Строгую контроле подлежали кормилицы и няни, которые «из похоти засовывали свои руки под одежду детей». Предупреждение «не целовать и не обнимать детей с похотливыми ощущениями» и тем самым не «возбуждать чувства..., которые должны были бы еще долго дремать»⁴¹, было направлено, хотя об этом и не говорилось прямо, также и в адрес родителей. Нежное телесное прикосновение к ребенку становилось проблематичным. Здесь между детьми и родителями или же воспитателями возникала зона определенного «табу», придерживаться которой было тем более трудно, что одновременно основным тоном отношения между теми и другими должна была стать интенсивная эмоциональная связь – «любовь». Пытаясь найти выход из такой парадоксальной ситуации, большинство родителей любовь к детям не выказывали; это едва ли происходило словесно, и уж, конечно, не посредством жестов нежности⁴².

Семью стилизовали под убежище эмоциональной защищенности. Жилище, дом с двором и садом, окруженным забором или каменной стеной, становился местом частной интимности, отгороженным от остального мира. Фильтрующий контроль со стороны родителей определял, что из природного и социального окружения, в какой момент и в какой мере следует считать полезным для процесса воспитания и образования⁴³. «Уличные мальчишки», «сорванцы» стали отрицательной иллюстрацией.

Без сомнения, в таком окруженном забором убежище семьи дети сталкивались также и со строгостью, серьезностью и телесными наказаниями. Нередко отец выступал в роли «неограниченного самодержца в своем доме»⁴⁴. Но эта строгость не зависела от настроения, выступала не спорадически-непредска-

---

⁴¹ *Schlumbohm J.* (Hrsg.) *Kinderstuben...* S. 234; cp: *Stephan G.* *Die häusliche...* S. 7f.

⁴² *Melchers W.* *Die bürgerliche Familie des 19. Jahrhunderts als Erziehungs- und Bildungsfaktor.* Phil.Diss. Köln, 1928. S. 39f.; *Bacherler M.* *Deutsche Familienerziehung...* S. 215f.

⁴³ *Schlumbohm J.* 'Traditionale' Kollektivität... S. 277ff.

⁴⁴ Gotthilf Heinrich von Schubert. *Der Erwerb aus einem vergangenen und die Erwartungen von einem zukünftigen Leben. Eine Selbstbiographie.* Bd. 1. Erlangen, 1854.

зуюмо, а предполагалось, что она последовательно направлена на достижение педагогических целей. И прежде всего она становилась частью всеохватывающего эмоционального обращения к ребенку, другой стороной выражения родительской любви. Вообще обоюдная любовь должна была быть определяющей во всех отношениях внутрисемейного пространства. В связи с этим различие между детьми и слугами становилось более четким. Основой такого понимания семьи была тенденция к переносу профессионального труда и производства из семейного жилища, пространственное разделение между жильем и местом работы, как это вырисовывалось в высших слоях буржуазии. Оно способствовало тому, чтобы обосновать как разумное представление, что отношения между супругами, а также между родителями и детьми должны регулироваться не материальными интересами, а на основе обоюдной любви; такое представление все больше и больше утверждалось в качестве намерения и в качестве ожиданий, обращенных ко всем членам семьи.

Одна из сторон буржуазной реальности действительно соответствовала этому нормативному представлению: внутрисемейное пространство выделялось здесь куда более четко из социального и экономического окружения, чем это имело место у дворян, крестьян, ремесленников и у низших слоев населения в то время. Внешний мир представителя буржуазии все больше определялся «холодными» законами конкуренции, обмена и прибыли; в связи с этим возникла потребность в компенсации посредством специализировавшегося на «чувствах» внутрисемейного пространства. По правилам возникающего рыночного общества в особой экономической сфере производились товары, ценности и прибавочная стоимость, а в отделенной от нее семейной сфере должно было производиться личное счастье.

У буржуазной реальности была, однако, еще и другая сторона, а это доказывает, что представление о семейной жизни, определяемой только чувствами, было частичной идеологической правдой⁴⁵. Эта другая сторона становится

---

⁴⁵ *Horkheimer M. Autorität und Familie // Idem. Traditionelle und kritische Theorie. Frankfurt a.M., 1970. S. 162-230, особенно S. 212ff.,*

понятной благодаря тому факту, что доминирующее положение отца семейства по отношению к жене и детям основывалось в конечном итоге на его экономическом превосходстве, точнее на том факте, что он был единственным активным членом рыночного общества за пределами семейного пространства. Он зарабатывал наличные доходы, он монополизировал представительство семьи в обществе. Это проявляется также в «господствующем повсюду среди высших слоев буржуазии этикете»: для женщины было «неприлично появляться без мужского сопровождения в общественных местах, на прогулке или в театре»⁴⁶. При отделении внутрисемейного пространства от экономического и социального внешнего мира женщина в основном ограничивалась домом, организацией повседневного потребления и воспитанием детей. В то время как «трудом» все более и более считается только зарабатывание наличного дохода, неоплачиваемая домашняя работа женщины принижается до уровня «теневого труда». Так как обмен и материальные интересы не имеют более места внутри семьи, женщина обязана выполнять эту работу «из любви» к мужу и детям⁴⁷.

Если даже личные чувства и материальные интересы все более выступали в форме противоречий, и семья при этом делалась местом, где проявлялись чувства... то, тем не менее, в известной степени... однозначной оставалась связь с социально-экономическими интересами: при основании семьи посредством заключения брачного союза необходимым условием считалась – наряду с многосторонней обоюдной

218ff.; *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. 5. Aufl. Neuwied, 1971. S. 60ff.

⁴⁶ *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 342.

⁴⁷ *Bock G., Duden B.* Arbeit aus Liebe – Liebe als Arbeit: Zur Entstehung der Hausarbeit im Kapitalismus // *Frauen und Wissenschaft.* Beiträge zur Berliner Sommeruniversität für Frauen, Juli 1976. B., 1977. S. 118-199; cp.: *Illich I.* Schattenarbeit // *Idem.* Vom Recht auf Gemeinheit. Reinbek, 1982. S. 75-93; *Hausen K.* Die Polarisierung der 'Geschlechtscharaktere' – Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben // *Rosenbaum H.* (Hrsg.) Seminar Familie und Gesellschaftsstruktur. Frankfurt a.M., 1978. S. 161-191.

склонностью – согласованная материальная основа⁴⁸. Заявленной целью было кроме этого – с учетом происшедшего позднее ухода детей из родительского дома – то, что семья должна была снабдить детей способностями и свойствами, необходимыми для экономического и общественного успеха. С целью такой подготовки детей изолировали от «действительной жизни»; для них возникала «педагогическая провинция», состоявшая первично из (приватизированной) семейной жизни, а вторично из преподавания и школьных учреждений.

Конечно, существовали школы и для детей крестьян и представителей низших классов, существовало преподавание и для молодых дворян. Однако в высших слоях буржуазии преподаванию придавалось куда большее значение. В то время как обычно далеко не все дети ходили в школу, а те, что ходили, делали это лишь непродолжительно, лишь несколько лет, в деревне к тому же часто только в течение зимнего полугодия, образованные и состоятельные представители буржуазии следили за тем, чтобы их дети учились регулярно и на протяжении многих лет: вначале в родительском доме их нередко учили сами родители или домашние учителя, в более позднем возрасте это происходило большей частью в школе. Но различными были виды учебы. В те времена у «народа» школа ограничивалась большей частью внешней дрессировкой: одной из центральных целей было научить «тихо сидеть», а заучивание наизусть было господствующей формой усвоения учебных материалов большей частью церковного характера. Конечно, и учебные материалы высших слоев буржуазии были куда более всеохватывающими, чем у простого народа, дети которого чаще всего приобретали свою квалификацию не через обучение в школе, а через практическое участие в труде. Педагогическая инициатива была направлена, прежде всего, против бездумного заучивания наизусть: объяснять должен учитель, а ученики должны понимать⁴⁹. Лишь только в этом случае уче-

---

⁴⁸ Rosenbaum H. Formen der Familie... S. 263ff., 285ff.

⁴⁹ Ср.: Petrat G. Schulunterricht. Seine Sozialgeschichte in Deutschland 1750-1850. München, 1979; Roessler W. Die Entstehung..

ник – в своей позднейшей жизни предоставленный сам себе – будет в состоянии разумно применить выученное. Уже в школе все было направлено на развитие способности Действовать самостоятельно. Порядок мест учеников в классе и иерархия классов дают возможность продвинуться тем, кто к этому стремится. Правда, предстоящие свершения оставались абстрактными, так как в этой педагогической области речь шла не о решении определенных проблем, с которыми ученики сталкивались бы в определенной ситуации, а о задачах, поставленных учителем исходя из его прозорливости. «Успех» в процессе выполнения задания учителя становился, таким образом, самоцелью.

Тем самым этот вид школьного обучения приучал ориентироваться на индивидуальное продвижение вперед посредством выполнения задач, поставленных «сверху» и в процессе соревнования с ближними, выступающими как конкуренты. Такое поведение соответствовало характерному для высших слоев буржуазии стилю жизни и труда. Большая часть образованных людей становилась чиновниками и занимала место в четко выраженном иерархическом порядке. Но и кроме всего этого такая ориентировка укладывалась в контуры возникающего буржуазного общества, в котором – в отличие от феодального порядка, определяемого привилегированными по праву рождения сословиями – «каждый член [сообщества]... [должен был] иметь право... подняться на любую ступеньку своего сословия, к которой его могут привести его талант, старания и счастье»⁵⁰.

Но еще более фундаментально, чем школьное обучение, настраивала своих детей на жизнь в развивающемся с такой направленностью капиталистическом обществе буржуазная семья. Если для матери дети становились все более важными

S. 306ff.; *Schlumbohm J. Kinderstuben...* S. 88ff., 104ff., 106ff., 188ff., 268ff., 321ff., 359ff. Многие мемуары содержат подробные описания школьных будней, например, воспоминания Паульсена, Кледена, Шумахера и Покельса и др.

⁵⁰ *Kant I. Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis // Idem. Kleinere Schriften zur Geschichtsphilosophie, Ethik und Politik. Hrsg. v. K. Vorländer. Hamburg, 1959. S. 89.*

в качестве главного предмета ее деятельности и возможного внутреннего удовлетворения, то отцу предоставлялась Надежда на сына, как на осуществление оставшихся неисполненными собственных устремлений к успеху и удачной карьере: в *этой* общественной взаимосвязи «благим пожеланием *всех* отцов становилось – увидеть реализованным в сыновьях то, что им самим не удалось»⁵¹. Проявляемый на основе такого рода любви авторитет пробуждал в сыне готовность идентифицировать себя с отцом и усвоить установленные авторитетом нормы. Такая социализация способствовала образованию индивидуализированного «Я», чье поведение было скорее «побуждаемым изнутри», а не ожиданиями и правилами своей общественной группы⁵².

В течение XIX-XX вв. все больше распространялись ад-ресуемые к обществу ожидания, что оно должно предоставить возможности для успешной карьеры в результате «профессиональных достижений», и требования к семье, чтобы она производила персональное счастье, которое в других случаях не представляется возможным найти в обществе. При этом все более отчетливо проявлялись проблемы, связанные с этим и заключающиеся в том, что эти образцы общества и семьи только частично соответствовали реальности. Многим людям, успехи которых в социально-экономической борьбе были куда более скромными, при объяснении такого результата указывалось на их личный неуспех, и такие люди склонялись во все большей степени к тому, чтобы искать утешения в частной сфере семьи. Но и семья не была в состоянии обеспечить выполнение таких повышенных ожиданий, так что в результате нередко получалась «больная семья»⁵³, а не семья как источник счастья. Похожее несоответствие между распространенными ожиданиями и реальными возможностями существует не только у специализированных учреждений воспитания, у семьи, но и

---

⁵¹ Goethe J.W. Aus meinem Leben... 1. Buch. S. 31f.

⁵² В качестве введения в исследования по социализации см.: Caesar B. Autorität in der Familie. Reinbek, 1972; более подробный обзор: Hurrelmann K., Ulich D. (Hrsg.) Handbuch der Sozialisationsforschung. Weinheim, 1980.

⁵³ Richter H.-E. Patient Familie. Reinbek, 1970.

у школы. Здесь зарождается стремление «обесшколить» общество или, по крайней мере, произвести основательную перестройку школы, исходя из жизненных потребностей детей, а тем самым опять отменить или, по крайней мере, смягчить отгораживание детства от «реальной жизни»⁵⁴.

---

⁵⁴ *Illich I.* Entschulung der Gesellschaft. Reinbek, 1973; ср.: *Borchert M., Derichs-Kunstmann K.* (Hrsg.) Schulen, die ganz anders sind. Frankfurt a.M., 1979.

О.Д. Шемякина

Символы культуры и женское счастье: история любви московской обывательницы

Хочется, чтобы
Наш мир был постоянен,
Не изменялся,
Как след рыбацкой лодки,
Плывущей вдоль берега.

*Минамото-но Санэтомо
1192-1219*

История любви Марии Николаевны Шустовой, дочери разорившегося фабриканта, жившей в доме дядюшки на положении бедной родственницы, интересна хотя бы потому, что дневников небогатых горожанок последней трети XIX в. сохранилось мало. Пять тетрадей, исписанных мелким неровным почерком – это хроника чувств девушки, не одаренной особым литературным талантом. Но источник постоянно провоцирует ассоциации с известными литературными и научными текстами той эпохи, в которой жила никому не известная московская обывательница.

Дневник начинается записью о соседе, небогатом купеческом сыне, в которого была влюблена и за жизнью которого она наблюдала, примостившись на подоконнике между геранями и фуксиями. Кончаются записи сообщением о предстоящей свадьбе с богатым торговцем табаком.

В дневнике нет прошлого, нет никаких воспоминаний о детстве, нет мыслей о будущей зрелой жизни и старости, есть только настоящее, есть только жажда любви и брака как увенчания жизни. Что это, как не парафраза мыслей австрийского ученого О.Вейнингера об особенностях женского восприятия и памяти, опубликовавшего работу по психологии пола в 1903 г. В дневнике не хватает деталей, автора не интересует мир вещей и чужих характеров. Но скупой на события и написанный бедным языком текст вдруг взрывается пространными, полными эмоционального напряжения рассуждениями о счастье и любви. Возможно, это вообще особенности женской прозы и текстов. В блестящем литературоведческом эссе В.Вульф, посвященном творчеству Шарлотты Бронте, настойчиво проводится мысль о том, что

мир вещей, природы, человеческих характеров являются в ее прозе символами человеческих страстей, мира чувств.

Мышление и чувствование у женщин, по мысли О.Вейнингера, нераздельны. В нем отсутствует ясность логики мужского ума и господствует ассоциативность, стирающая грани предметного мира, потому что женщине знакомо, как считает О.Вейнингер, только состояние полного слияния с окружающим миром. Вейнингер констатирует особенности женской психологии, разоблачая и унижая женскую природу. Оставляя в стороне его отрицательный пафос, воспользуемся безусловной ценностью его анализа. То, что кажется современному читателю его творчества предельным обобщением, метафорой, было отражением реальности, в которой женщина полностью принадлежала мужчине. Это было состояние целостности на грани нервного срыва.

Эпоха О.Вейнингера и тех, кто его вдохновлял, ушла безвозвратно. Можно сказать, что устарело не учение З. Фрейда, – умерли его пациентки. Анализ сновидения невротика, возникший под впечатлением лечения венских буржуа в конце XIX в., клинический опыт Фрейда отражал реальности, ныне утраченные. Так ненавидеть отца мог только сын женщины, которая полностью, всем существом принадлежала мужу.

«Женщина есть ничто, пустой сосуд, вычищенный и выбеленный на время»¹ – заключает О.Вейнингер. Это предельное обобщение принадлежит мужскому уму. Уравновесить эту безжалостную анатомию человеческого духа можно текстами его современниц. В частности англичанки В.Вульф, в творчестве которой дан блестящий анализ душевного мира женщин. Ее «женская» проза дает возможность понять истоки той чувствительности, готовности подчиниться воле другого и раствориться в нем, которую проявляли женщины ушедшего века и которую так трудно оценить нам, живущим в начале XXI в. Романы В.Вульф представляют собой поток сознания, богаты внутренней речью

---

¹ *Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страсти и эротики. М., 1991. С.188.

героинь, раскрывающей мыслительные и эмоциональные процессы женщины, что делает их бесценным источником для психологических штудий и референций с таким видом исторического источника, как дневник.

Несмотря на все культурные и социальные дистанции, границы мира женщин, живших в последней трети XIX в., совпадали, как совпадали особенности мышления, воображения, памяти и воли. Да, конечно, речь идет не о женщинах вообще, а о женщинах, принадлежавших к городскому слою собственников. И хотя для нашей героини прогулки по городу кончались покупками в галантерейной лавке лент и лебяжьего пуха, а для героинь старшего поколения В.Вульф – магазинами Бонд-стрит с рулонами твида, жемчугом и семгой на льду, и хотя Маша коротала зимние вечера у замерзшего окна, а не посещала светские приемы, было нечто общее у всех этих женщин. Это была абсолютная ценность брака и семьи, вызывавшая яростную интеллектуальную иронию О.Вейнингера, и тот особый тип чувствительности, которая была связана с приятием мира, готовностью сопереживать и жертвовать.

Заменить молитвенник в душевной спальне на чернильницу, читать романы не значило в то время (границу проведет XX век) противопоставить свой женский мир мужскому или соперничать с ним. Напротив, сосредоточенность на собственном внутреннем, душевном мире означала такую приватизацию частного, которая была связана с сознательной готовностью растворения себя, собственных желаний и мнений в семье, в муже и детях. Особенности домашнего образования и воспитания, не дававшие возможности овладения конкретной профессией, еще не тяготят, не вызывают острого чувства недовольства и желания схватить за горло Гения Домашнего Очага и придушить его в себе.

Предвижу вопрос о том, насколько ценен опыт общения с творчеством Вульф при работе над дневником купеческой дочки, бедной бесприданницы, вышедшей замуж за старика. Казалось бы, ее судьба настолько подходит под совершенно определенную культурную матрицу: прямо-таки героиня А.Н. Островского – говорит, как они, живет, как они. И как тут не заразиться язвительной мизантропией А.П.Чехова – жила из милости у богатого родственника, терпя унижение, начиталась дешевых романов и не захотела выйти замуж «за простого», продала в конце концов красоту и молодость за деньги. Но что мешает, так это напряженное ожидание счастья и готовность принять полностью, безоговорочно все те возможности замужества, которые ей предоставлялись. Исключением был только лишенный городского лоска «уж очень русский» Ваня, которому очень нравилась Шустова, но тут уж точно чтение романов подвело. Да и протест против семейного деспотизма («хоть век тут живи, да потрафляй, честь нам все одна») быстро исчерпывал себя. Хотя чувство социального реванша было несомненным (ее будущий муж был богаче дядюшки), она любила родных. Когда один из ее молодых людей в рамках куртуазной беседы попытывался, не любит ли она еще кого-нибудь, Маша недоуменно записывает: «да кого ж я могу любить еще, как не свою родню». Можно как угодно относиться к групповым нормам и ценностям купеческой среды, но для нашей героини кризис идентичности окончился торжеством традиции, добровольным приятием этого мира.

Проблемы брака и замужества

Возможность замужества была связана в сознании М.Н.Шустовой прежде всего с состоянием родителей. Это был главный фактор, влиявший на судьбу девушек и служивший критерием оценки своих качеств. Состоятельность также была основным критерием для оценки нравственных качеств жениха, его честности и порядочности. Нельзя не оценивать этот факт с точки зрения формальной рациональности – здесь действовала логика укрепления капитала, в которой приданое играло немаловажную роль, а также учиты-

вались возможности для самостоятельной торгово-промышленной деятельности будущего мужа.

М. Шустову воспитывали в семье родственника как дочь, но приданого не давали, что привело к снижению самооценки и невозможности реализации своих чувств:

«Он любить меня не должен... Он богат, а я бедна, бедным нет счастья. Ах, мой отец когда-то был фабрикант, и я была с состоянием. Тогда бы мне его любить. Но я не умела, мне было только семь месяцев и ему тоже, а славная была бы партия»².

Богатство семьи соседа Ф. Мелихова – было не велико, дела их постепенно расстроились, и Маше родные внушают:

«Он не может горячо любить и жениться не будет. Он сказал... прежде братьев я не женюсь, а если и женюсь, не раньше как лет через 10, я как есть нахожусь под опекой мамы и братьев. Капитал у нас небольшой, а я ничего не могу сделать»³.

Увлечение Ф. Мелиховым длилось долго, но развивалось в рамках корпоративной морали – знаки внимания со стороны молодого человека были строго отмерены его реальными возможностями претендовать на женитьбу. Размер капитала был четким количественным критерием проявления чувств. Но у формальной рациональности был серьезный противник – книги. Точнее дешевые сентиментальные романы, которые составляли круг чтения молодой купчихи⁴.

Наиболее интенсивным по чтению был период конца 1876 – начала 1877 гг., который выделяется как в количественном, так и в качественном отношении – чтение занимает не только день, но и ночь и приносит громадное удовольствие: «принялась за книгу, и она такая интересная, что я забыла всех»⁵. Это было время увлечения служащим страхового общества Н.И. Соколовым, которого М. Шустова увидела на ба-

---

² Шустова М.Н. Дневник. ОР РГБ. 1870—1878. Ф. 218 карт. № 173. Ед. хр. 1. Л. 60–60 об.

³ Там же. Ед. хр. 3. Л. 220.

⁴ Не отличаясь хорошей грамотностью, М. Шустова так фонетически искажала имена авторов романов, что атрибутировать их по справочной литературе оказалось невозможно.

⁵ Шустова М.Н. Дневник. Ед. хр. 4. Л. 151.

лу. После переговоров с ним родных, из которых она поняла, что нравится ему, и что он не интересуется приданым, Маша восклицает:

«Ах, какая бы я была счастливая, если бы он взял меня, – это было бы чудо, какой у меня муж был. Молодой, хорошенький и образованный, как хорошо он говорит по-немецки. А я-то, дура, ничему не училась, стою ли я такого мужа»⁶.

Восторги подкрепляются признанием ее достоинств, выражаемых через родных и лично. Все это чрезвычайно импонирует молодой купчихе и позволяет «приподнять» самооужание, ведь главным критерием оценки личности становится не приданое, которого нет, а личные достоинства – обаяние, внешняя привлекательность. Повышение самооценки дает основание для претензии на новую социальную роль, хотя ее конкретизация носит явно литературный характер:

«Он не богат, но я стала бы работать, хотя мало могу заработать, но все же могу, я готова терпеть бедность, но только бы он любил меня»⁷.

Эта запись появилась после разговора с молодым человеком, в котором концепция семейной жизни также носит условно-литературный характер, слегка рационализированный осторожным купеческим умом М.Шустовой.

Если в более образованной купеческой среде, к которой принадлежал ее поклонник, сентименталистские формулы языка общения стали канонем куртуазной беседы, принятом в купеческом «свете», то для Маши Шустовой, редко ездившей на балы и в театры, это был не условный, а живой язык общения, который давал возможность выразить чувства и способствовал реабилитации индивидуальности, ущемленной в социальной плане (бедная родственница, бесприданница). Поэтому характерной является и мотивация пробуждения чувства к Н.И.:

«Н.И. так сразу понял все мое житье и пожалел меня, и за это я его полюбила»⁸.

---

⁶ Там же. Л. 141.

⁷ Там же. Л. 168 об.

⁸ Там же. Л. 176.

Нескольких бесед с Н.И. хватило Маше, чтобы полюбить, быть готовой разделить судьбу с человеком, которого фактически не знала.

Нужно понять, писал О. Вейнингер, как легко поддаются женщины влиянию других людей или даже просто впечатлений. Чрезвычайная восприимчивость всего чужого, та легкость, с которой женщина перенимает чужие взгляды, объясняется тем, что она приноравливается к мужчине, как футляр к драгоценности, лежащей в нем;

«его взгляды становятся ее взглядами, его антипатии – ее антипатиями, его симпатии – ее симпатиями; каждое его слово для нее событие, и это тем сильнее, чем сильнее он действует на нее сексуально. Женщина не видит никакого отклонения от линии собственного развития в этом влиянии мужчины, она не противится ему, как чуждому вторжению, не старается освободиться от него, как от постороннего вмешательства в ее внутреннюю жизнь; она не стыдится быть рецептивной, совсем наоборот: она чувствует себя счастливой, когда может быть рецептивной, требует от мужчины, чтобы он принудил ее и нравственно рецептировал; ожидание мужчины есть ожидание момента, когда она может быть совершенно пассивной»⁹.

Основой счастья в браке, его длительности, была особого рода пассивность, о которой писал О. Вейнингер, и которую В. Вульф определяла как душевную жертвенность.

Но вернемся к нашей Маше. Очарованность страховым агентом продолжалась недолго. Он не торопился сделать предложение, а потом и вовсе перестал бывать у ее родственников. Вот так появляется в дневнике запись:

«Ах, как вредно читать романы, когда назначено судьбою быть лавошницей или женой мясника, рыбника или сапожника»¹⁰.

Долго Маше горевать не пришлось. У женщин того времени был удивительный талант воспринимать жизнь такой, какая она есть, а не бороться с ней или переделывать в соответствии с Я-образцом или Я-концепцией. Купец, за которого Маша Шустова в конце концов выходит замуж, был «первый торговец табаком» С.И. Калинин, значительно

---

⁹ Вейнингер О. Указ. соч. С.170.

¹⁰ Шустова М.Н. Дневник. Ед. хр. 5. Л. 20.

превосходящий богатством ту среду, в которой она выросла. Между ними была почти тридцатилетняя разница в возрасте.

Хотя Маша по-прежнему сохраняла жизнерадостность, конец ее девичества, как ни крути, был довольно грустным. Нельзя не согласиться с О. Вейнингером, что та пластичность, с которой женщина подлаживалась под обстоятельства жизни, граничила с безнравственностью.

Женщина «только через посредство своего мужа... приобретает ценность, так что она не только социологически и материально, но и по существу тесно связана с браком. Если это так, то отсюда один вывод: у нее отсутствует самооценочность человеческой личности, сама по себе она не обладает никакой ценностью»¹¹. Поэтому женщины «выводят свою ценность из других вещей: из своих денег, своего имущества, числа и роскоши своих нарядов, яруса своей ложи в театре, своих детей, но прежде всего из своего почитателя, своего мужа; и на что всегда под конец ссылается женщина в споре с другой, и чем она действительно старается наиболее глубоко задеть и вернее поразить свою собеседницу, это указание на более высокое социальное положение, большее богатство, значение и титул мужа»¹².

В обретении самостоятельности и самооценности огромную роль играло не только получение образования и профессии, но и изменение характера восприятия действительности. Необходимы были условия для адекватного ее отражения, выводящие из мира грез и пассивного восприятия мира, т.е., по О. Вейнингеру, – объективность наблюдений. Были ли они в купеческой среде?

Характер межличностного общения

Большую часть времени Маша Шустова проводила у окна. Общение «через окно» было самым доступным способом для ежедневных контактов – двери дома были открыты только для узкого круга родственников и знакомых. Пространственная дистанция, исключая возможность вербально-

---

¹¹ Вейнингер О. Указ. соч. С.102.

¹² Там же.

го общения, предполагала использование языка кинесики – общения с помощью мимики и жестов. Он включал и использование различных предметов (трости, шляпы, цветов, игральные карты и т.п.). Так, если наряду с традиционными поклонами, воздушными поцелуями к костюму был приколот розовый цветок, то это означало высшую степень выражения чувств¹³. Манипуляции со шляпой могли заменить целый диалог и выразить все оттенки чувств настоящего дня – слегка приподнятая шляпа, поклон, не снимая шляпы с головы, – мгновенно переводились как свидетельство недостаточной пылкости¹⁴.

Язык кинесики, являясь чрезвычайно экономным (он позволяет общаться в три раза быстрее, чем звуковая речь)¹⁵, все же приводил к немалым сложностям в понимании друг друга. Они были связаны с ограниченными возможностями кинесики в выражении сложной гаммы переживаний, причем преимущественно отрицательного характера, что вело к образованию своеобразных знаков выражения, конвенциональное значение которых можно было определить с большим трудом:

«Ф. часто снимал шляпу и опять надевал. Я замечаю, когда он снимает шляпу, значит недоволен чем-нибудь»¹⁶.

Редко поддавались расшифровке и попытки общения с помощью «кинетических предложений», которые требовали разыгрывания целых сценок:

«Ф. и Н.А. стали куда-то звать меня, показывая ведомости и афиши, я все не понимала, потом услышала кто-то из них крикнул: «Эрмитаж». Я отрицательно покачала головой»¹⁷.

Сложности пытались преодолеть, используя «чужие тексты» – романсы – для выражения собственных чувств: подчеркнуто громкос пение (чтобы можно было услышать

---

¹³ Шустова М.Н. Дневник. Ед. хр. 3. Л. 41 об.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 1. Л. 82 об.; Ед. хр. 3. Л. 216.

¹⁵ Миккин Х. Движение человека в процессе межличностного общения // Ученые записки Тартуского университета: Труды по психологии. Вып. 424. Тарту, 1977. С.57.

¹⁶ Шустова М.Н. Дневник. Ед. хр. 3. Л. 83.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 4. Л. 65.

через улицу) было единственной возможностью обойти групповые запреты перехода к вербальному общению.

Посещение приходской церкви во многом было связано с желанием увидеть Ф. Мелихова – абсолютному большинству сообщений о посещении церкви сопутствует запись о том, видела ли Маша Шустова соседа или нет. По мере переключения внимания на других молодых людей, интерес к приходской церкви пропадает:

«за всеночной не была, что-то не хочется ходить в церковь, неужели это потому, что я разлюбила Ф.»¹⁸.

При этом учащается посещение церкви удаленных от дома:

«Сегодня я ездила с А.С. в церковь ко Всем Святым, я думала что могу встретить Н.И., но нет»¹⁹.

Возможности, которые предоставляла церковь, максимально использовались для общения. Нам удалось зафиксировать только 4 случая (а церковь посещалась практически ежедневно) за 8 лет ведения дневника, когда в записи о посещении церкви было сообщение о том, чтобы помолиться. Причем в двух случаях из четырех цель посещения заключалась в «вымаливании женихов». В остальных случаях здание церкви использовалось для встреч с молодыми людьми, причем посещение учащалось поздней осенью, когда окна в комнатах замерзали и не было возможности для самого распространённого вида общения. Выражать свои чувства в церкви даже с помощью мимики было грешно. Поэтому для общения активно используются церковные тексты. Характер их перевода иллюстрирует следующая цитата:

«Он ввел меня в краску. Когда стали читать проповедь он слушал со вниманием, а когда дошли до следующих слов: «Братие, блага земные никогда не насытят нашей бессмертной души...», в это самое время Ф. оглянулся и долго смотрел на меня, потом засмеялся, как будто спрашивал меня: «Ну, что еще теперь надо, твое желание исполнено, карточка у тебя, еще чего не захотела ли?»²⁰.

Даже предметы культа играют роль в общении:

---

¹⁸ Там же. Ед. хр. 5. Л. 18.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 8.

²⁰ Там же. Ед. хр. 1. Л. 80-80 об.

«Я была за всеночной и Ф. был. Он разыграл свою роль великолепно. Сказал буду воротить морду, ну и воротил, когда шел прикладываться, то не смотрел на меня, но все-таки покосился»²¹.

Отдавая дань изобретательности в нахождении разнообразных способов коммуникации, нельзя не сказать, что это были меры вынужденные и не способствовавшие взаимопониманию. Общение через сверстников или родственников, хотя и давало возможность передавать поклоны, мелкие подарки или договориться о встрече в церкви или о загородной прогулке, не способствовало установлению психологического контакта с молодыми людьми, а, скорее, дезориентировало. Характер информации, которая сообщалась о Ф.Мелихове или о Н.И.Соколове, был направлен на создание негативного образа, так как пассии Маши не расценивались родственниками и знакомыми как кандидаты в мужья.

Непосредственное общение обычно происходило в доме дочери священника, когда туда приглашали одновременно Машу и Ф. Мелихова, на пикниках, если была возможность найти компанию, на выставках, театрах и балах (так было в период ухаживания за Машей Н.И. Соколова), а также на улице, благодаря случайной встрече. Этот вид общения предполагал, казалось бы, наличие не псевдоконтактов, а полноценное общение. Однако и здесь оно было крайне ритуализированным, а возможность проявления чувств табуировалась канонами куртуазной беседы. Даже оставшись наедине, молодые люди твердо следовали правилам игры, и, начав с традиционных вопросов о здоровье и о том, как проводят время, не знали, о чем говорить дальше, разговор заходил в тупик. Создававшаяся ситуация воспринималась с внутренним раздражением и досадой:

«Мы несколько времени были вдвоем, он так страстно смотрел на меня. Он спросил, как я провожу время. Как будто он не знает, что сижу у окна и смотрю на него»²².

---

²¹ Там же. Ед. хр. 3. Л. 15.

²² Там же. Ед. хр. 4. Л. 70 об.

Поэтому особо значимым было поведение, которое являлось результатом самостоятельного выбора, а не было продиктовано групповыми нормами. Так, особо значимым моментом общения было, как ни странно, прощание, предполагающее такой набор вариаций, который позволял сказать то, что оставалось недосказанным в беседах.

Проанализировав все варианты общения, можно прийти к выводу о крайней неэффективности – с точки зрения психологии – контактов. Не случайно встречаются записи такого рода: «Мы остались вдвоем и много говорили, но говорили так, что друг друга не понимали».

Помимо негласных законов общения между молодыми людьми, сводившегося к крайне формальным контактам, отрицательное значение имело и отсутствие жизненного опыта, обусловленное общей замкнутостью образа жизни незамужней женщины. Отсутствие достаточной информации о привычках и занятиях человека, которым она интересуется, невозможность проникнуть в его внутренний мир, приводило к искажениям в восприятии другого. «Я-образ» невольно распространялся на другого человека, собственные психические реакции уподоблялись реакциям молодого купца, ведущего довольно разгульный образ жизни:

«Он пришел домой и очень пьян. Это хорошо, значит ему скучно сегодня, а если скучно, то конечно потому, что я сердита»²³.

Это, конечно, не способствовало адекватному восприятию друг друга и вырабатывало неэффективный тип поведения. То же наблюдается и в общении с «Н.И.». Редко выезжая в свет, М. Шустова не знала правил ведения куртуазной беседы, и слова собеседника воспринимала буквально, что приводило к комичной (для нас) ситуации.

«А что М.Н., если Вы выйдете за меня замуж, а я если умру. Вы скоро меня забудете, опять выйдете замуж..., хорошенькие всегда так. Я не знала, что ему сказать и промолчала..., мне что-то жаль его стало, неужели он умрет! Мне покажется я его любила»²⁴.

---

²³ Там же. Ед. хр. 4. Л. 46.

²⁴ Там же. Ед. хр. 4. Л. 165-165 об.

Характер общения определял рамки контактов не только с молодым человеком, но и со всей внешней средой. В нашем случае он был таков, что давал минимальную информацию о внешнем мире, что привело к неадекватному восприятию действительности. Сознание как бы скользило по поверхности объекта восприятия, фиксируя только внешние предметные явления и заполняя пустоты сущностно-содержательных характеристик данными «Я-образа».

Заключая тему брака и замужества, попытаемся ответить на вопрос о вреде чтения романов. Мир чувств и логика формальной рациональности, как они сосуществовали? Пример Маши Шустовой говорит о том, что даже в жизни городской «мелкой сошки» чувствительность, воспитанная на книгах, была питательной средой романтически книжного отношения к жизни, хозяином которой был Мужчина. Женщина отдавала свою волю, судьбу и желания мужчине, но, растворяясь в нем, не представляла, кто ее Хозяин. Она не могла адекватно оценить не только его личные качества, но и не ведала, что составляло главное содержание его жизни. Торговля, лавка, часть города, в которой мужчина проводил основную часть времени, как бы не существовали. Романтизм не предполагал желания обзавестись «собственной торговлишкой», стремлением к самостоятельной предпринимательской деятельности. Этика формальной рациональности и книжные образцы поведения плохо уживались, но именно эти противоречия и подарили нам и истории личность, обладающую неповторимым обаянием.

Период адаптации

Период «моратория», связанный с выбором путей самореализации, с точки зрения эмоциональной сферы характеризуется высоким уровнем тревожности. С 1874 г. нам все чаще и чаще стали попадаться записи, связанные с общей оценкой своего положения, как, например, эта:

«Я что-то скверно себя чувствую, мое такое тяжелое положение, ни воли, ни соображения, ни жажды жизни, ни жажды

смерти, ни ненависти, ничего нет. Какая-то я стала пустая, хоть бы захворать»²⁵.

Эти высказывания охватывают период, когда необходимость сделать выбор, определить будущее сталкивается с невозможностью самостоятельного решения, основанного на личной привязанности:

«Каких мне предлагают женихов, за этих не пойду», – сказала я. «Что же не нравится? Так выберете себе какой понравится». «Если бы я была богата, то конечно бы выбрала...»²⁶.

Отсутствие путей проявления и реализации индивидуальности приводит к протесту, который мог бы быть расценен как «скандал в семействе» (свидетельство того, что «у М.С. племянница сбежала»). Маша решает уехать к матери:

«Сегодня я встала рано и собралась в дорогу. Я не спросила дядю, позволит ли ехать... Вот я и распорядилась сама собой. Хочу приеду, хочу там останусь»²⁷.

Привычный страх не угодить дядюшке сменяется демонстрацией самостоятельности.

Конкретизация образа самостоятельной жизни приводит к новым разочарованиям, так как вся система социализации девушки жестко ограничивала набор социальных ролей:

«Идти в прислуги? Я не могу работать. Замуж выдти? Я буду стара, в монастырь у меня нет желания, если и пойду, то погублю себя, если бы меня учили чему-нибудь, я могла бы давать уроки или хотя бы быть швеей, и теперь бы я была покойна, что могу прокормить себя. Горькая моя будущность. Хоть бы умереть»²⁸.

Уровень тревожности повышается и в связи с появлением чувства необратимости времени²⁹, которое измеряется для автора дневника поворотами в судьбах сверстников, подчеркивающих статичность собственного времени и ограниченность личного пространства (дом с его замкнутостью для перемен и для новых знакомств).

---

²⁵ Там же. Ед. хр. 5. Л. 18 об.

²⁶ Там же. Ед. хр. 4. Л. 61 об.

²⁷ Там же. Ед. хр. 4. Л. 41.

²⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 128 об.

²⁹ Кон И. Психология юношеского возраста. М., 1979. С.63.

Круг возможностей реализации себя, постепенно сужаясь в сознании автора дневника, оставляет еще один выход – не принимать той роли, которая была предопределена, и остаться жить у дяди «из милости», но и это невозможно, столь велико было давление общественного мнения:

«В девицах остаться? Нет, этого не хочу! Это скверно, на них и смотрят-то не как на человека»³⁰.

Постепенно происходила адаптация личности к среде, содержание которой определялось принятием групповых норм и ценностей и группового стиля исполнения выбора. Период переориентации, совпадая со сватовством С.И. Калинина, связан со вступлением личности в этап «зрелой идентичности». Настроение, сопутствующее предыдущему этапу исчезает, и чувство тревожности и неопределенности уступает место активной деятельности в рамках, предписанных группой. Невольно возникают ассоциации с аукционом по срочной распродаже вещей:

«Женится он или нет? Это мне нужно знать непременно. Мне предлагают двух женихов. Лучше я получу отказ от него, чем буду в неизвестности»³¹.

Индивидуальный стиль выбора вытесняется групповым, предполагающим разные варианты, но связанным не с личной привязанностью, а с величиной приданого.

Внутрисемейные отношения

В семье царила строгая иерархия отношений, в соответствии с которой каждому члену семьи был предписан соответствующий тип поведения, основанный на безусловном подчинении младших старшим. Семья, по существу, представляла собой некое подобие домашней тюрьмы, крайне стеснявшей свободу деятельности ее младших членов. Без санкции главы семьи (дядюшки) нельзя было поехать на бал, в театр даже взрослым, но неженатым молодым людям; от-

---

³⁰ *Шустова М.Н.* Дневник. Ед. хр. 4. Л. 169 об.

³¹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 58.

правиться в лавку за галантерейной мелочью, пойти в церковь или на прогулку без сопровождения взрослых. Естественно, что такая регламентация вызывала по отношению к главе семейства чувство постоянного страха, опасение быть уличенными в нарушении запретов и вырабатывала в юном существе поразительную изобретательность в демонстрации ханжеского смирения, основанного на постоянном обмане.

При относительно слабой рефлексии автора дневника, не ставившей специальной целью рассмотрение внутрисемейных отношений с точки зрения традиционно одобренного или осуждаемого поведения, общепризнанные нормы не выступают явно, поэтому мы решили фиксировать факты отклоняющегося от нормы внутрисемейного поведения и его эмоционального сопровождения. Таких фактов оказалось на удивление мало – всего 9 за 8 лет проживания в семье, и только в двух случаях поведение, нарушающее семейную иерархию, можно было расценивать как открытый протест. «Нормой» в аномальном поведении было чувство страха, который порождал настоящий артистизм в стремлении скрыть следы «преступления». А «состав» его, хоть и был подчас просто смехотворным, но все же, видимо, мог повлечь за собой тяжелые последствия, еще более ограничивающие свободу. Во время святочных гаданий М.Шустова пишет:

«Барышни умоляют, чтобы идти к воротам..., в это время подъехал дядюшка и брат. Я бежать давай Бог ноги. Я прибежала в коридор, входит дядюшка, а я как ни в чем не бывало попадаюсь навстречу с чашкою в руках, и когда Лиза и Вася стали его просить, чтобы позволил мне ехать с ними на бал, он позволил...»³².

Скорее всего незначительное количество фактов девичьего поведения было связано как со страхом быть наказанной, так и с умением не попадаться дядюшке на глаза и не вызывать неблагоприятных последствий.

Характерно, что нарушение запретов вызывало чувство страха, а не стыда, что было связано с таким отношением к норме, которое означало не ее внутреннее принятие, а фор-

---

³² Там же. Ед. хр. 3. Л. 19-20 об.

мальное соблюдение. Мелочная регламентация поведения воспринималась не как морально должное, а как временный тип поведения, который был прочно связан в сознании только с данным конкретным человеком – дядюшкой. Когда его не было дома, исчезала и сама норма:

«Дядюшка ушел ко всеночной, тут-то нам была воля, мы пили вино и были пьяны, особенно я, много дурачились и ввали...»³³.

Формы внутригруппового общения

Круг семей, постоянно посещавших дом дядюшки М. Шустовой, ограничивался восемью фамилиями родственников и знакомых. Поводом для общения были церковные праздники, свадьбы, панихиды, похороны и т.п. Гостили обычно несколько дней, поэтому, учитывая количество церковных праздников и многочисленный состав семей, то в гостях бывали почти каждую неделю. «Гостевой» образ жизни мало отличался от принятого в семье, «праздность» выражалась в посещении дальних церквей и монастырей и прогулках в монастырских садах. Общение носило ритуализированный характер, нарушение правил этикета было немыслимо, поэтому визиты часто носили принудительный характер:

«Вечером у нас был В.М. Он такой больной и пришел через силу. Он побоялся не придти поздравить дядюшку и Е.И. Он даже не мог сидеть в гостинной, а был у меня в комнате»³⁴.

Даже со сверстниками общение было повторением модели поведения взрослых. Визиты подруг подвергались строгому учету, причем нарушение этой «бухгалтерии» общения могло привести к открытой демонстрации обиды.

«Вечером у нас были гости, в том числе Лиза, Варя, Клавдия, Оля, Маша, Таня, и я измучилась, стараясь всем угодить, а то выйдет каприз, если с одной приведется более заняться, ну, да кажется все остались довольны мной. Мне то не особенно весело было с ними, Ф. из головы не идет»³⁵.

---

³³ Там же. Ед. хр. 3. Л. 93 об.

³⁴ Там же. Ед. хр. 5. Л. 97 об.

³⁵ Там же. Ед. хр. 3. Л. 232 об.

В этой среде был выработан особый тип «парадного поведения», подразумевавшего крайнюю сдержанность эмоций и церемонность. Личное настроение пряталось, его нельзя было демонстрировать:

«Сегодня вечером будет много гостей, ведь скверно быть похмурой и доказать, что я влюблена»³⁶.

Причем табуировались не только отрицательные эмоции, но и положительные. Отклоняющееся поведение, основанное на выражении непосредственных чувств, осуждалось, и главным видом неформальных негативных санкций родственного клана было распространение недоброжелательных сплетен, которых страшно боялись.

Постоянная настороженность, которую провоцировала боязнь осуждения, формировала тип скованного поведения даже у юных членов семьи. Надо отметить, что норма явственно осознается при столкновении с другим типом поведения, причем сравнение было часто не в пользу семейных традиций:

«К. ...такая милая... Она нисколько не горда, не так как мои подруги, если бы им пришлось быть с кем-нибудь наедине, они слова не сказали»³⁷.

Поездки в гости к родственникам были наиболее пространственным и традиционно одобренным общением со сверстниками. Если эти поездки и визиты гостей воспринимались иногда с отрицательным эмоциональным знаком, то были связаны, как правило, с тем, что М.Шустова не могла видаться в это время с соседом по улице – гости требовали внимания, и она не могла просиживать целые дни около окна. В остальных случаях плохое настроение после поездки к родственникам было вызвано как раз отсутствием общества сверстников, в котором можно было повеселиться. И, что характерно, важен был не столько повод, по которому собирались гости (именины, церковный праздник или поминки), сколько общество приятелей. Естественно, чем более крупным было событие, тем больше собиралось молодых людей:

---

³⁶ Там же. Ед. хр. 1. Л. 57.

³⁷ Там же. Ед. хр. 5. Л. 133 об.

«Время я провела нескучно, была на кладбище, а оттуда поехали к Каристелевым, и не похоже было, что у них поминки, нас много собралось молодежи и мы много хохотали на одну старуху 80 лет... Она плакала с причотом, а мы хохотали»³⁸.

Анализируя то значение, которое имело для автора дневника общение с родственниками, мы столкнулись с тем, что наряду с описанием вечеринок и балов, которые устраивали в доме дядюшки и родственников, особое внимание ее привлекает дорога к родственникам и прогулки с ними по улице. Надо отметить, что и в посещении церквей, особенно удаленных от дома, процесс движения занимает значительное место. В этом явлении нет, конечно, ничего удивительного – дорога была наиболее «бесконтрольным» участком общения в отношении эмоций, что при общей ритуализации поведения имело огромное значение для молодой купчихи. Кроме того, при общей замкнутости личного пространства и жажды новых впечатлений, дорога была кратким периодом общения с внешним миром.

Однако и в этих ситуациях диапазон восприятия внешнего мира оказывался втиснутым в рамки групповых представлений о сфере деятельности молодой девушки, которые, ограничивая ролевые возможности личности, определяли узкий круг интересов:

«Но нам захотелось ехать пораньше (на именины – *О.Ш.*). Думали, что каждый встречный обратит на нас внимание»³⁹.

Закljučая сюжет о влиянии семьи на внутренний мир молодой купчихи, отметим, что ограничение личного пространства, жесткая иерархия, повышенная знаковость поведения и чувств, являющаяся следствием жесткой ритуализации внутрисемейных отношений, способствовали воспроизведению традиции. Недовольство подчинением не вело к протесту, разрушающему привычный уклад жизни, процесс социализации приводил к принятию групповых норм и ценностей.

---

³⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 105.

³⁹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 45.

Вправе ли мы утверждать, что мир семьи был только подобием домашней тюрьмы, что деспотизм был следствием только произвола и самодурства? Ответы нужно искать в источниках, отражающих мужской мир. Жесткая регламентация отношений была следствием пусть примитивной, но функционально оправданной рационализации жизни московского купечества, в которой производственная и семейная сферы были настолько тесно связаны, что не отделялись в сознании друг от друга. Женщины (за редким исключением) были отлучены от торгово-промышленной деятельности.

Нужно отметить, что если в вопросах психологии пола явственно проступают определенные универсалии, создающие благоприятное поле для исторических и культурных референций, то при переходе на другой уровень, уровень социальной психологии московской буржуазии, становится понятным, что конструкты, созданные на базе анализа европейской действительности, не могут объяснить все многообразие нашего духовного опыта. Здесь проявляется национальная специфика, выросшая на почве переплетения языческих пластов культуры и особенностей восточно-христианской традиции.

Утилитаризм и прагматизм, превратившиеся в протестантских странах из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения, не мог прижиться в русской культуре. Трудно представить себе повседневную жизнь российского купца, организованную по трактатам протестантских моралистов. Это был бы человек чрезвычайно чистоплотный, аккуратный и элегантный, обладавший превосходным вкусом, с юных лет отказавшийся от всякой роскоши, в свободное от ведения дел время занятый чтением исторической литературы, садоводством и проведением физических опытов⁴⁰. Чтение романов и подобных им книг осуждалось как пустая трата времени.

О роли литературы и книжных образцов поведения в русской культуре мы уже писали выше. Литературная ме-

---

⁴⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.264.

тафора могла стать знаком судьбы человека. Грань между вымышленным и реальным стиралась. Эту черту психологии русских очень точно определил И. Бунин: «Важно не предмет очарования, важна жажда быть очарованным».

Рационалистическая, формальная логика не могла в России стать доминантой, подчинившей себе все стороны бытия человека. Формальная логика не терпит инверсии, бывших нормой социальной и культурной жизни в России.

Ненормально амбивалентными, смешивающими и примиряющими противоположности жизни, будто они не существуют, называл русских З. Фрейд⁴¹. Под дневной культурой духа и ума всегда чувствовалась кипящая и бурная лава тайной и бессознательной ночной культуры мечтания и воображения.

«Мало солнышка – вот объяснение всей русской истории. Да долгие ноченьки. Вот объяснение русской психологичности», – писал Василий Розанов. В чтении при свечах русских юношей и девушек коренилась непредсказуемость их судеб. Уж что имело власть в России, так это власть образов, но не верность призванию, предназначенной Богом деятельности. Веберовский «Vergift» с его жесткой предопределенностью человеческой судьбы не мог вытеснить печальный фатализм русских, в котором были заложены факторы случайности и стихийности.

«Вредно читать романы, когда назначено судьбою стать женой лавошника или мясника» – поздним зимним вечером пишет в своем дневнике Маша Шустова. Но несмотря на всю реальную экономическую и духовную власть семьи и корпоративной морали, никто не знает, как могла сложиться ее жизнь, если бы она не умерла совсем еще молодой женщиной, выйдя замуж за «первостатейного» торговца табаком. Я имею ввиду не открытый протест против среды, к которой принадлежат наши герои, а те странные превращения «на грани срыва» социальной роли, которые дарил русскому обществу социальная и культурная инверсия.

---

⁴¹ Цит. по: Эткнд А. Эрос невозможного. М., 1994. С.94.

Веретенко В.А.

Межконфессиональные браки в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Условия заключения межконфессиональных браков в России во второй половине XIX – начале XX вв. определялись, во-первых, каноническими нормами тех вероисповеданий, к которым принадлежали вступающие в брак лица, во-вторых, защищаемым общероссийским законодательством приоритетом православия как государственной религии, и, в-третьих, особенностями местного права, действовавшего только в пределах данной территории Российской империи.

По законам Российской империи только христиане протестантских церквей имели право на вступление в брак с нехристианами – мусульманами и иудеями¹. Необходимыми условиями для этого выступали следующие: 1) предварительное «дозволение» со стороны местной Консистории; 2) совершение бракосочетания только евангелическо-лютеранским проповедником и непременно по обряду этой церкви, а не по обычаям мусульман или иудеев; 3) оформление в Консистории «обязательной подписки», согласно которой «другая сторона» (т.е. представитель нехристианского исповедания) «не будет стараться совратить супругу, или супруга, или детей своих, в свою веру», а, напротив, должна «крестить и воспитывать» рожденных в браке детей в евангелическо-лютеранской либо в православной вере; 4) супруг-нехристианин должен был отказаться от многоженства. Условность разрешения подчеркивалась правом родителей не допускать заключение таких браков своим даже совершеннолетним детям².

Венчания между протестантами и нехристианами в России были достаточно редким явлением. Так, например, за пе-

---

¹ Статья 85 Законов Гражданских гласила: «Российским подданным Православного и Римско-католического исповедания брак с нехристианами, а Протестантского брак с язычниками, вовсе запрещается». Свод. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1900. Кн. 1. Ст. 85.

² Устав евангелическо-лютеранской церкви в России. СПб., 1832. Ст. 70, 77-78. С. 4 об., 4* об.

риод с 1879 по 1883 гг. Евангелическо-лютеранская Консистерия дала лишь 17 дозволений на браки между лицами лютеранского исповедания и евреями³. Законность же таких супружеств, совершенных за границей, могла быть подвергнута сомнению, что вело к разнообразной судебной и административной практике.

Несколько лет Евангелическо-лютеранская Консистерия, МВД и светские суды разрешали дилемму о действительности заключенного в Швейцарии брака между русскими подданными – профессором С.-Петербургского университета, статским советником Э.Ю. Петри и еврейкой Е.Л. Гринберг. В феврале 1880 г. Московская евангелическо-лютеранская Консистерия дала им разрешение на бракосочетание. А в марте того же года они расписались гражданским порядком в Берне. Через два с половиной года в швейцарской церкви состоялось «брачное благословение» супругов Петри. Семья эта оказалась не прочной, и в 1895 г. муж возбудил в Консистерии дело о разводе. Однако руководство реформаторской церкви в России отказалось принять это дело к рассмотрению, заявив:

«брак совершен в Швейцарии в гражданском порядке и истцом не доказано, чтобы церковное благословение, ... было равносильно обряду совершения брака по законам Евангелическо-Лютеранской Церкви в России».

В то же время все попытки профессора получить бумагу о признании его брака недействительным также оказались тщетными. Пока супруг пытался добиться определения собственного семейного статуса через МВД, супруга подала на него иск в С.-Петербургский окружной суд, ходатайствуя о предоставлении ей, и двоим их детям, содержания. Основываясь на факте существования между заявительницей и ответчиком брачных отношений, первая судебная инстанция обязала Э.Ю. Петри к выплате истице 100 рублей в месяц. Вторая же судебная инстанция – С.-Петербургская судебная палата – утвердилась в мнении, что брачных отношений нет, и приговор окружного суда отменила. Готовясь к слушаниям в Сенате, обе стороны

---

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 633. Л. 5.

стали оказывать давление на министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, требуя от него заставить Консисторию четко высказать свою позицию о наличии или отсутствии этого брака. Только в сентябре 1897 г. данное духовное учреждение признало этот брак соответствующим российским законам и разрешило Петри подавать иск о разводе⁴.

Вступление православных и католиков в брак с нехристианами, а протестантов – с язычниками каралось не только признанием подобного супружества незаконным и недействительным, но и предполагало уголовное преследование. Согласно ст. 1564 и ст. 1568 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и ст. 425 Уголовного уложения наказанию должен был подвергаться только супруг-христианин, а другая сторона от него освобождалась⁵. В законе предусматривалась единственная официально допустимая возможность существования супружества православных и католиков с нехристианами: когда в брак вступали два нехристианина, а затем, уже после вступления в брак, один из супругов крестился⁶.

Каноническое запрещение браков католиков с нехристианами, внесенное и в общеимперские, и в местные законы, можно было все же обойти, правда, на это требовалось много времени и сил. Так, несколько лет понадобилось дворянке Я. Блажевич для того, чтобы получить одно за другим согласия Могилевской римско-католической Консистории, Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, **Папы Римского** и, наконец, императора Николая II на брак с мусульманином штабс-капитаном терско-дагестанской крепостной артиллерии Али-Бекон Алибековым⁷. Аналогичные же просьбы православных, периодически поступавшие в Канце-

---

⁴ Там же. Л. 28-37, 48-53.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1889. Проект, исправленный по заключениям особого присутствия Государственного Совета. СПб., 1899. Ст. 411. С. 165. Уголовное уложение (статьи, введенные в действие) / Составитель Н.А. Громов. СПб., 1911.

⁶ Свод. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1900. Кн. 1. Ст. 37 (прим.).

⁷ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2328. Л.60-76; Там же. Оп. 10. Д. 707. Л. 69-69 об.

лярию прошений, отклонялись даже без ведения какого-либо делопроизводства⁸.

Браки представителей христианских, но неправославных конфессий между собой допускались совершенно свободно, но правила их заключения различались в общеимперском законе и в местных положениях. Законы гражданские не устанавливали каких-либо норм, определявших, в какой церкви, и у какого священника должны заключать брак жених и невеста, принадлежавшие к разным инославным исповеданиям, предоставляя этот вопрос свободному соглашению сторон. Частым явлением в такой ситуации стало венчание по очереди: в одной и в другой церкви. Еще с 30-х годов XIX в. действовала рекомендация Главноуправляющего II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии графа Д.Н. Блудова о том, чтобы «определение о действительном существовании ... брака и законности оногo» подлежало «суду того вероисповедания, коего Священник произвел первое венчание»⁹.

Местные нормы, зафиксированные в «Положении о союзе брачном», действовали в губерниях Царства Польского, а также в Виленской, Витебской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской. В соответствии с этими правилами «браки лиц, из коих одно лицо Римско-Католического, а другое Евангелического исповедания, должны совершаемы быть Священником той веры, к которой принадлежит невеста». Вместе с тем разрешалось «сверх того, благословить совершившийся брак и Священнику той веры, к которой принадлежит жених»¹⁰.

Католическая церковь требовала от ксендзов отговаривать своих прихожан от смешанного брака. Если же это не удавалось, то в качестве обязательного условия такого брака выступали разрешение епископа и гарантированное подпиской обязательство не католической стороны крестить и воспитывать

---

⁸ См., напр.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 603.

⁹ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 603. Л. 24-24 об.

¹⁰ Положение о союзе брачном 1836 года. Пг., 1916. Ст. 192-193.

будущих детей в правилах католической веры¹¹. Брак католика, заключенный им в чужой церкви, несмотря на сопротивление своего духовенства, хотя и считался по каноническим нормам «грешным и не позволительным, но вместе с тем естественным или действительным»¹².

В случае отсутствия упомянутой выше подписки ксендзы действовали по-разному. Значительная их часть строго следовала догматам, но были и те, кто закрывал глаза на происходящее, не обращая внимания ни на церковные нормы, ни на постоянные напоминания со стороны папского престола. Опасаясь возможной немилости Ватикана, руководство римско-католической церкви, как правило, отказывалось давать разрешение на такие венчания¹³. Многочисленные же двойные

---

¹¹ Если вступающие в брак обещали соблюдать канонические требования католической церкви, то местный священник предоставлял своему епископу рапорт, стандартное содержание которого можно рассмотреть на следующем примере: «Прихожанин вверенного мне костела Казимир Бернат, холост 25 лет, вознамерившись вступить в брак с Марией-Вильгельминой-Маргаритой (3-х имен) Шмидт, девицей 20 лет, лютеранского вероисповедания, просит меня исходатайствовать ему разрешение Вашего Преосвященства на заключение сего брака. Представляя его, Берната, просьбу на благоусмотрение Вашего Преосвященства, имею честь почтительнейше донести: 1) что по учиненному мною дознанию никаких препятствий к бракосочетанию сих лиц, кроме разности в исповедании, не обнаружено; и 2) что дали обязательство крестить и воспитывать детей от этого брака если таковыми Господь благословит в правилах Католической церкви. При этом нареченные покорнейше просят о выдаче индульты на имя мое, и о повенчании их 5 сего января по причине выезда их немедленно из Петрограда». См.: РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2328. Л. 1-1 об.

¹² Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 95-99 об.

¹³ Даже протекция высокопоставленных чиновников не могла заставить руководство римско-католической церкви России изменить позицию в отношении смешанных браков. В 1877 г. товарищ министра внутренних дел Л.С. Маков обратился к митрополиту Фиалковскому с конфиденциальной просьбой о разрешении католическому священнику «благословить смешанный брак» близких ему лиц. С многочисленными извинениями, пояснениями и цитатами митрополит все же отказал своему начальствующему просителю, подчеркнув при этом: «Я охотно готов посвятить к услугам Вашим все мои

браки – происходившие в церквях и жениха, и невесты, так же как и неканонические венчания католиков были результатом контактов заинтересованных лиц с рядовыми священниками, действовавшими без санкции высшей духовной власти своего вероисповедания.

Жесткие условия, в которые ставили брачующихся требования католической церкви, вызвали к жизни особые добавления к правилам браков для инославных христиан. Согласно ст. 75 Законов гражданских и ст. 194 «Положения о союзе брачном» в случае отказа священника Римско-католической церкви благословить брак католика с протестантом венчание могло предоставляться евангелическому священнику¹⁴.

Отношение Русской православной церкви к смешанным бракам было схоже с позицией католической церкви. Проживавшие на территории Российской империи православные подданные и иностранцы могли вступать в брак с инославными христианами лишь при выполнении двух обязательных условий: венчание брака православным священником по правилам этой религии и представление неправославным супругом накануне венчания подписки с обязательством не стеснять представителя господствующей церкви в исповедании им своей веры, а также крестить и воспитывать детей в православии¹⁵. Брак с раскольниками, как с вероотступниками считался для православного невозможным, пока еретик или сектант не входил в лоно «истинной церкви».

До 1864 г. существовало еще одно ограничение¹⁶, распространявшееся на случаи браков между православными невестами и иноверными женихами-иностранцами. Жених до заключения брака должен был принять «присягу на подданство» или получить «высочайшее соизволение». Просьбы о соверше-

---

силы и труда, но я не могу нарушить столь ясного закона». РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 616. Л. 80-80 об.

¹⁴ Св. Зак. Законы Гражданские. Т. X. Ч. 1. СПб., 1900. Кн. 1. Ст. 75. Положение о союзе брачном 1836 года. Ст. 194.

¹⁵ Законы Гражданские. Ст. 67 / Сост. А. Боровиковский. СПб., 1882. С. 12-13.

¹⁶ ПСЗ. Собрание – 2. 1864. Т. XXXIX. От. 1. № 40588. С. 110. СПб., 1867.

нии обряда бракосочетания по правилам одной лишь иностранной церкви принимать запрещалось¹⁷, хотя это и противоречило утвердившимся в России мировым нормам, согласно которым женщина после выхода замуж за представителя другого государства переходила в его подданство и «почиталась иностранкой»¹⁸.

В начале 50-х гг. XIX века в различных судебных и административных инстанциях империи изучались обстоятельства брака дочери статского советника Шиловой и поляка Неймана, принявшего французское подданство. К оценке данного случая решено было подойти очень тщательно и основательно, так как способ его разрешения должен был послужить «примером на будущее время». В 1852 г. проживавший во Франции Нейман просил о дозволении повенчать в православной церкви его брак с девицей Шиловой. Но выяснилось, что годом ранее они зарегистрировали брак по французским законам и обвенчались по католическому обряду. На соответствующем всеподданнейшем докладе Николай I написал:

«так как брак совершен по чужому обряду без предварительного разрешения отсюда, то тем самым я Шилову Русской не считаю, о чем дать знать Графу Орлову для поступления с ней по законам».

На всю ее собственность в России был наложен арест, дело передано в надворный суд, который приговорил ее к лишению всех прав состояния и объявил «вечно изгнанной» из страны, а в случае самовольного возвращения в Россию ей грозила ссылка в Сибирь. Однако Уголовная палата, не согласившись с этим решением, лишила Шилову «тех только прав, коими она могла пользоваться как Русская подданная; с имением же ее поступить согласно сделанному ... распоряжению». Сенат принял сторону Уголовной палаты. Министерство юстиции посчитало необходимым обратиться за советом к Д.Н. Блудову, который предложил компромиссное решение. Он согласился с правильностью приговора надворного суда, но, учитывая, что

---

¹⁷ Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1857. Ст. 67. П. 1-3. Обзорение действующих в России узаконений о иностранцах. СПб., 1859. С. 17.

¹⁸ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. Ст. 1514.

Шилова обратилась, хотя и с запозданием, за разрешением правительства, предложил «заменить определенное законом строгое наказание тем, которое предполагается в определении Правительственного Сената»¹⁹.

Главным выводом из этой истории стало признание приоритета при принятии решения самого факта обращения к главе государства за разрешением. Принадлежавший к представителям иностранной элиты или имевший определенную протекцию проситель мог рассчитывать на удовлетворение своего ходатайства, несмотря на прямое запрещение закона. Часто положительный результат становился итогом личных переговоров посла заинтересованной страны или русских министров иностранных и внутренних дел с российским императором. Так, например, в 1857 г. разрешение не только венчаться в католическом соборе, но и крестить могущих родиться у них детей в вере отца получили, по ходатайству МИДа, православная княжна С.С. Трубецкая и католик, чрезвычайный посол Франции граф Морни²⁰. Принятое решение конфиденциально сообщалось в Синод и руководству соответствующего инославного исповедания для информирования духовенства, которому предписывалось совершить обряд²¹.

Если православные вступали в брак с инославными по обрядам церкви последних и не имели предварительного дозволения императора, то такое супружество признавалось незаконным и недействительным²². Дети от этого брака считались незаконными, а между супругами отсутствовали имущественные и наследственные права и обязанности. Если же вступление в смешанный брак сопровождалось отказом православного супруга от своей религии или воспитанием детей в нормах неправославной веры, то закон предполагал судебное преследо-

---

¹⁹ РГИА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 62. Г. 1853. Л. 1-5.

²⁰ Там же. Ф. 821. Оп. 1. Д. 348.

²¹ См., напр.: Сообщения духовным властям православного и католического вероисповедания, полученные ими в связи с намеченным на весну 1864 г. браком секретаря итальянского посольства в С.-Петербурге графа Иосифа Торниелли-Брусатти с графиней Ольгой Растопчиной. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 611. Л. 1-3.

²² Св. Зак. Т. X. Законы Гражданские. СПб., 1876. Ст. 72.

вание виновных. Но, прежде всего, надлежало выяснить, было ли дано «высочайшее разрешение» на подобный брак. Так, в ходе проводимого в середине 1860-х гг. в Изюмском уездном суде и Харьковской палате гражданского суда следствия о брачном союзе баронессы М.М. Закоменьской с Мекленбург-Шверинским бароном Францем фон Клиценгом запросы о наличии царского дозволения были поданы в МВД, Синод и российское посольство в Мекленбурге. Только после того, как все эти инстанции прислали ответ об отсутствии в их делах сведений о таком разрешении, суд приступил к рассмотрению вопроса «о совращении баронессы в латинство», передав дело о признании брака недействительным в ведение православной духовной Консистории²³.

Браки между православными и иноверцами-иностранцами, заключенные вопреки закону и без разрешения, обычно либо приводили к отъезду нарушителей за границу, либо сразу же заключались вне пределов России. Поэтому судебное преследование, как правило, происходило заочно, превращая виновных в навечно изгнанных под угрозой уголовного наказания, которому они должны были подвергнуться в случае появления на родине²⁴. Если сами «брачные эмигранты» уезжали навсегда и потому мало заботились о незаконности своего семейного статуса в России, то их наследники нередко оказывались перед выбором: отказаться от имущества на ро-

---

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1146. Г. 1866.

²⁴ Заявленное Е.Н. Цимбаевой в ее монографии «Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма» положение о том, что российское правительство «не препятствовало» переходу в католицизм женщин, вышедших замуж за иностранцев или поляков и «никак их не наказывало», отражает реальную ситуацию лишь частично. В большинстве случаев судебными решениями виновные приговаривались к разного рода наказаниям, однако реализовать эти приговоры до того момента, пока преступница находилась за границей, судебная власть возможности не имела. В то же время «навечно» высланные из России иногда добивались через своих родственников, имевших связи при дворе, «высочайшего прощения» и даже получали право приезжать в Россию в гости. *Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999. С. 57.*

дине или начать долгую процедуру доказательства своих прав на него.

Высказанное еще в середине XIX в. Д.Н. Блудовым положение о том, что вступивший в незаконный брак с иностранцем больше виновен в том, что не испросил разрешения, чем в том, что совершил сам этот противозаконный проступок, продолжало соблюдаться и в последующие годы. Практически всегда министерства, готовившие отзывы, а за ними и императоры отказывали в просьбах наследникам, пытавшимся доказать законность браков своих родителей и таким образом приобрести права на имущество в России. В многочисленных делах Канцелярии прошений находятся материалы только двух успешных ходатайств по данному поводу. Главными причинами, заставившими правительство отойти в этих двух случаях от своих принципов, были значительная отдаленность события преступления во времени, а также малолетство отказавшихся от православия и протекция высокопоставленных чиновников²⁵.

Императоры не давали прямого разрешения на брак православного русского подданного с инославным русским подданным по канонам религии последнего. Вместе с тем, если это событие уже произошло, и проступок православного можно было оправдать результатом полученного с детства воспитания, то виновные могли рассчитывать на «высочайшую» гарантию не преследования их супружества и отмену судебного решения.

Чаще всего вопрос о правильности заключения смешанных браков с участием православных внутри страны доходил до главы государства при обсуждении состоявшихся судебных приговоров. Так, в конце 1860-х – начале 1870-х гг. в двух инстанциях Подольского суда рассматривалось дело дворян Игнатия, Иосифа и Юлиана Чайковских. Еще в 1849 г. их отец, родившийся в православной семье, и его дети были признаны православными. Однако сыновья не только остались католиками, но и вступили в браки по обряду этой религии и крестили в костелах своих детей. За это они были приговорены к 8 месяцам тюрьмы и к передаче детей на воспитание православных

---

²⁵ См.: Дела кн. С.А. Голицына и кн. Ф.Л. Витгенштейна. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 638, 658.

опекунов²⁶. Поскольку вопрос о попечительстве над детьми, минуя опекунские учреждения, мог быть решен только монархом, то информация о приговоре, до его исполнения, была передана в МВД. Отсутствие у братьев Чайковских «вредных и чуждых религии побуждений» побудило главу МВД А.Е. Тимашева подготовить проект на имя царя об «оставлении всех подсудимых без преследования». В результате Игнатию, Иосифу и Юлиану Чайковским с их детьми было разрешено «в избрании исповедания следовать внушению их собственной совести». Такая резолюция означала также и признание законности состоявшихся браков²⁷.

В 1879 г. Минюст разработал, а император утвердил обязательную для исполнения, но никаким законом не подтвержденную административную схему действий местной власти в случае возбуждения дел о судьбе детей от смешанных браков,

---

²⁶ Этот приговор полностью соответствовал смыслу ст. 190 «Уложения о наказаниях». См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1889. С. 57.

²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1678. Л. 3-19 об. Интересно, что в начале 70-х гг. XIX в. МВД возбудило вопрос о необходимости отменить ст. 190 Уложения о наказаниях в части передачи детей совращенных от православия родителей на попечение православных родственников или опекунов. Причинами, вызвавшими такое предложение, стали, во-первых, невозможность обеспечить выполнение этого постановления, если не найдется желающих взять детей на воспитание, а, во-вторых, противоречие этого постановления с гражданскими правами лица, согласно которым родительская власть может быть утеряна лишь в случае физической или «политической» смерти (лишение всех прав состояния). Второе отделение Собственной Е.И.В. канцелярии поддержало эту инициативу, после чего она была доложена императору Александру II. Однако это, крайне редко реализуемое требование закона все же сохранилось в тексте Уложения до начала XX века. При составлении проекта нового Уголовного уложения, вопрос возник вновь. Составители Уложения, сохранив наказание для родителей и опекунов, виновных в совращении (заключение в крепости), не нашли, однако, возможным оставить правило об отобрании детей (ст. 88 и 89). Тем не менее, это последнее правило продолжало действовать, т.к. Уголовное уложение, после его утверждения в 1903 г., не было введено сразу и в полном объеме, а значение действующего права оставалось за Уложением о наказаниях. РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 21. Г. 1872; Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 236.

крещенных и (или) воспитанных в неправославной вере. От окружных прокуроров требовалось по окончании предварительного следствия, но до внесения обвинительного акта в суд, передать дело на рассмотрение министра юстиции, который по соглашению с МВД мог либо «повергать» данный конкретный случай на «воззрение» императора, либо «направлять в установленном законом порядке». Тем не менее, далеко не все местные судебные органы выполняли это распоряжение. По крайней мере, спустя 20 лет (в 1899 г.) Министерству юстиции пришлось повторить свой циркуляр, так как «указанный порядок не всегда соблюдался, и дела сего рода в иных случаях предлагались прокурорским надзором на рассмотрение окружных судов, без предварительного представления их в Министерство»²⁸.

Таким образом, в последней трети XIX в. сложилась довольно стройная административная система, предоставлявшая возможность некоторым нарушителям требований закона об обязательном воспитании детей от смешанных браков в правилах православной церкви избежать ответственности, минуя суд. Очевидно, что наибольшие возможности в этой области имели дворяне, лучше информированные и имевшие большие связи, чем представители других сословий.

Что же касается законодательного оформления равенства всех христианских конфессий в брачном вопросе, то, пожалуй, единственным шагом в этом направлении стало предложение главы МВД П.А. Валуева об отмене взимания «предбрачной подписки» от неправославного супруга. В 1861 г. он представил Александру II обширный доклад «О взаимных отношениях православной и других христианских церквей в Империи и об изменении некоторых относящихся до сего предмета постановлений».

В этом документе Валуев обращал внимание царя на противоречие между заявленными в законах нормами «полной веротерпимости и свободы исповедания своей веры» и обязанностью «разноверных» родителей крестить детей исключительно по правилам Русской православной церкви. Достижение спра-

---

²⁸ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 236.

ведливости в данном вопросе виделось министру в установлении для жителей Российской империи одного из трех правил:

«1) крещение всех детей в вере отца, 2) крещение сыновей в вере отца, а дочерей – в вере матери и 3) предоставление определять исповедание детей самим родителям, по собственному желанию и взаимному соглашению, не стесняя их в сем выборе каким-либо прямым постановлением закона».

Сам Валуев поддерживал третий вариант, подчеркивая:

«во всех тех случаях, когда ... супруги, по религиозному равнодушию или по другим причинам не постановят между собой, при заключении брака, соглашения о вероисповедании могущих родиться у них детей, закон может требовать, *чтобы дети сии были воспитываемы в том вероисповедании, которое в государстве признается господствующим*».

В этом же докладе содержалось предложение о предоставлении права лицам православного и иного инославного исповедания накануне брака заявлять губернскому правлению о своей договоренности об условиях крещения и воспитания их будущих детей, что закреплялось в соответствующем акте, выдаваемом заявителям. Если же такие лица не позаботились о получении этого свидетельства, то их детей надлежало крестить в православной вере. Хотя инициатива Валуева была одобрена Александром II, но содержащиеся на тексте доклада пометки свидетельствуют о том, что император не во всем был согласен со своим министром. Так, рядом с валуевским указанием на то, что «законы о смешанных браках не оправдали ... видов прavitельства», царь записал:

«Весьма много, однако, фамилий Остзейских губерний сделались православными от подобных браков».

Скорее всего именно такая противоречивая позиция Александра II сказалась на том, что в Совете министров предложение Валуева так и не нашло поддержки²⁹.

Во второй половине XIX в. в Российской империи настоящая пропасть разделяла нормы закона и жизни по вопросу о вероисповедании детей от смешанных браков с участием православных. Законодательство требовало крещения и воспи-

---

²⁹ Там же. Л. 233-235.

тания детей исключительно в православии. А на деле, подав прошение царю (хотя такое право нигде не предусматривалось) и воспользовавшись связями, можно было получить необходимое разрешение. Те же, кто самостоятельно отказался от выполнения условий подписки и подлежал суду, могли подвергнуться судебному преследованию (в виде тюремного заключения, но без предусмотренной законом передачи детей православным опекунам), а могли быть избавлены от наказания административным решением, некоторые же вообще получали право исповедовать свое фактическое, а не предписанное им законами вероучение.

Особые условия вступления в брак православных и представителей инославных конфессий существовали в XIX в. в нескольких регионах Российской империи. Прежде всего, это Великое княжество Финляндское, где установилось правило, закрепленное как в местном, так и в общероссийском законодательстве, и просуществовавшее до начала XX века, согласно которому «коренные жители» данной территории, заключая смешанные браки даже с участием православных, должны были венчаться в обеих церквах (первоначально в том приходе, к которому принадлежала невеста, а затем – в приходе жениха), а детей надлежало воспитывать исключительно в нормах вероучения отца, без «особых договоренностей»³⁰.

В 1832 г. были отменены брачные нормы, действовавшие в отношении православных в Царстве Польском. До этого времени все христиане вне зависимости от принадлежности к той или иной конфессии, в том числе и православные, вступали в смешанный брак на данной территории по общим правилам. Венчание происходило в церкви, к которой принадлежала невеста, а вопрос о вере будущих детей решался либо по взаимной договоренности супругов, записанной в «предбрачном соглашении», либо по «общей норме», согласно которой сыновей должны были крестить по канонам религии отца, а дочерей – по правилам религии матери. По закону 1832 г. смешанные

---

³⁰ Св. Зак. Т. X. Законы Гражданские. СПб., 1857. Ст. 68; *Малышев К.* Общее уложение и дополнительные к нему узаконения Финляндии. СПб., 1891. Гл. VII. Ст. 11-15. С. 13-15.

браки с участием православных разрешалось венчать только в православном храме. Соответствующее предложение Сената было дополнено собственноручной резолюцией Николая I, вошедшей затем в Свод законов:

«... браки русских, совершенные одними католическими священниками, не почитаются действительными, доколе тот же брак не обвенчан Российским Священником»³¹.

Согласно циркуляру Синода 1834 г. лица, вступившие в брак до обнародования постановления, сохраняли право на соблюдение предбрачной договоренности³². Но и те, кто венчался позже, часто ссылались на этот циркуляр, оправдывая свое нежелание соблюдать новые правила.

В марте – июне 1839 г. законодательно была оформлена первая волна воссоединения греко-униатов с Русской православной церковью³³. Теперь представители приходов, входивших ранее в состав Литовской, Оршинской и Брестской епархий как принадлежащие к господствующему вероучению обязаны были венчаться исключительно в православном храме и воспитывать детей в нормах данной религии. Однако далеко не все бывшие униаты были готовы сами признать себя православными, не говоря уже о том, чтобы отказаться от предбрачных соглашений, которые заключали те из них, кто вступал в смешанные браки.

Таким образом, в 50-60-е годы XIX в. встал вопрос об условиях венчания детей всех этих нарушителей. Будучи по закону православными, они могли вступать в брак только в православном храме, а на деле многие из них были фанатично преданы иной конфессии и не желали ни при каких обстоятельствах венчаться по правилам официальной религии. В таких случаях вопрос мог быть решен только на самом высоком государственном уровне и непременно требовал огромного

---

³¹ ПСЗ. Собрание – 2. Т. VII. 1832. № 5767. СПб., 1833. С. 855-859. Св. Зак. Т. X. Законы Гражданские. СПб., 1857. Ст. 72.

³² Св. Зак. Т. X. Законы Гражданские. СПб., 1857. Ст. 67 прим.

³³ ПСЗ. Собрание – 2. 1839. Т. XIV. От. 1. № 12467. СПб., 1840. С. 576-578. *Наумович И.* Пятидесятилетие (1839 – 1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. СПб., 1889. С. 52-53.

числа согласований, на получение которых подчас уходили десятилетия.

Приведем характерный пример подобных «мытарств» и их неожиданных результатов. В 1839 г. был заключен брак между помещиком, отставным майором Н. Выговским, объявленным православным после ликвидации греко-униатской церкви, и дворянкой (католичкой) Т. Стецкой, венчание которых состоялось в костеле. Их старшая дочь была крещена в римско-католической вере, похоронена (она умерла спустя год после рождения) на католическом кладбище. Последнее событие обратило на себя внимание уголовного суда. В отношении совершившего эти обряды священника началось следствие, а от Выговских потребовали, чтобы все их будущие дети были крещены в православную веру. В 1844 – 1845 гг. у них родились еще две дочери, которые на этот раз в соответствии с законом были крещены в православной церкви. Считая такое решение несправедливым, мать воспитывала девочек в нормах католического вероучения, в результате чего подросшие дочери, как писал Н. Выговский в конце 1850-х г. Александру II, не могли «выйти замуж единственно по той причине, что Р[имско]-К[атолическое] духовенство не в праве их обвенчать, а каждая из них скорее решиться остаться в девичестве, нежели венчаться у Православного Священника». Обсуждение этого вопроса в МВД и в Синоде затянулось до середины 1861 г. Синод требовал строгого соблюдения закона, признававшего сестер Выговских православными. А МВД указывало, что «понуздательные меры» привели девушек лишь «к развитию фанатической привязанности к Латинству» и категорически высказывалось против их «преследования». Согласившись с этим, Комитет министров получил разрешение императора на то, чтобы возвращение в православие девиц Выговских было предоставлено «времени, их совести и собственным размышлениям об истине учения Православной Церкви»³⁴. Это означало ни что иное, как возможность открыто исповедовать католическое вероучение и венчаться по обрядам этой церкви.

---

³⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 168. Л. 1-73 об.

В отдельных случаях родители, так и не придя к согласию в вопросе религиозного воспитания детей, вообще их не крестили, что не мешало детям спокойно жить и даже венчаться, благодаря пробелам в метрических книгах³⁵. Подчас информация об их незаконном статусе доводилась до сведения властей только ими самими в связи с какой-либо личной необходимостью. Так, в 1880 г. в Синоде обсуждалась история жительницы Западного края, имя, семейный и общественный статус которой обозначались в официальной переписке только в кавычках, так как по закону она не имела права ни на что из перечисленного. В 1849 г. у коллежского регистратора В.Ф. Шнепова, православного исповедания и его дворянки-жены, урожденной А.П. Рекановской, принадлежавшей к римско-католической церкви, родилась дочь. Акушерка назвала ее Адель (Аделаида). Крещение девочки так и не состоялось из-за противодействия матери. По прошествии некоторого времени она была обвенчана в римско-католическом костеле благодаря усилиям деда по материнской линии без предоставления метрики и с указанием на принадлежность ее к евангелическому исповеданию. Через 6 лет после свадьбы Адель ходатайствовала перед Киевским епархиальным начальством о принятии ее в лоно православной церкви и о признании заключенного ею брака незаконным. Местное православное духовенство охотно окрестило ее под именем Мария, а по поводу брака обратилось за консультацией в Синод. Там пришли к следующему выводу: так как Мария на момент брака не была крещена, и вообще не принадлежала ни к какому исповеданию, то может считаться язычницей, а венчание с язычниками лицам христианских исповеданий запрещено, таким образом, брак ее должен почитаться незаконным и недействительным, а она сама должна называться девицей Марией Шнеповой³⁶.

---

³⁵ Особенно часто отказ от крещения практиковали бывшие униаты. Напр., по докладу обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева в 1881 г. в одной Седлецкой губернии было ок. 5000 некрещеных детей. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 241.

³⁶ Там же. Д. 617а. Л. 12-14 об.

Много нарушителей постановлений о смешанных браках происходило из числа бывших униатов, окончательно воссоединенных с православной церковью в 1875 г.³⁷ Они игнорировали православное духовенство и пользовались услугами зарубежных миссионеров, которые удостоверяли необходимые обряды (в том числе венчание) метрическим актом, вписанным на привезенном из-за границы бланке. Так как выдаваемые миссионерами свидетельства предварительно были скреплены подписями краковских духовных властей, такие способы регистрации семейных отношений получили название «краковские браки»³⁸.

Усиление контроля над деятельностью миссионеров и почти полный запрет на их приезд в Привисленский край привели к тому, что устройством «краковских браков» стали заниматься светские лица, которые запасались краковскими бланками и действовали при помощи местных ксендзов. Рискованность операции вела к многократному повышению платы за регистрацию (около 100 р.), но все же «краковские браки» имели широкое распространение, особенно среди местного дворянства³⁹.

Репрессии против бывших униатов будоражили общество и вызывали беспокойство в Петербурге. Желая с одной стороны доказать неосновательность широко распространившегося (особенно за рубежом) мнения о преследовании в России диссидентов, а с другой – не оставлять без наказания отвергавших православие униатов, царская власть подготовила особую инструкцию для местной администрации (16 июля 1882 г.). Отныне бывшие униаты не могли подвергаться внесудебному преследованию за отказ от выполнения православного обряда крещения или отпевания. Ответственность в виде штрафа предусматривалась за несоблюдение ими гражданских норм: в первом случае (крещения) – за отсутствие регистрации рождения, а во втором (отпевание) – за погребение покойников

---

³⁷ ПСЗ. Собрание – 2. Т. L. 1875. № 54670. СПб., 1877. С. 488.

³⁸ *Логанов Н.А.* Униатские дела в воспоминаниях А.Ф. Кони и в действительности. Седлец, 1913. С. 10-11.

³⁹ Например, в Люблинской и Седлецкой губерниях в период с 1875 по 1885 гг. среди ежегодно заключавшихся браков отношение «краковских» к православным бракам составляло «2:1». См.: ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 134 (Кони А.Ф.). Оп. 4. Д. 271. Л. 11 об.

без надлежащего разрешения⁴⁰. Эти санкции преследовали цель подтолкнуть бывших униатов к выполнению православных обрядов. Самым удивительным при этом было то, что они подвергались штрафам со ссылкой на царское повеление от 16 июля 1882 г. и в случаях заключения ими «краковских браков», о которых в документе вообще ничего не было сказано.

Абсурдность ситуации побудила обер-прокурора Синода К.П. Победонцева выступить с предложением о замене административного способа преследования брачующихся судебным. Первоначально судебные иски возбуждались по ст. 994 Уложения о наказаниях, предполагавшей наложение церковного покаяния на виновных в «противозаконном сожитии неженатого с незамужней»⁴¹. Проблема заключалась в том, что никаких санкций (даже наложения штрафа) со стороны светской власти эта статья не предусматривала, а церковное воздействие для лиц, не признававших авторитета православного духовенства, не имело никакого смысла. Поэтому с лета 1886 г. власти стали действовать иначе. Консистория расследовала поступивший донос и, в случае его обоснованности объявляла брак недействительным, а вступивших в него лиц подлежащими разлучению. Это решение доводилось до сведения местного гражданского начальства, после чего полиция подпиской обязывала незаконных супругов разлучиться, а при их отказе предъявляла обвинение в несоблюдении законных требований властей по статье 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Судьи приговаривали каждого из виновных к штрафу (от 15 до 25 руб.) или аресту от 3 дней до одной недели. Если супруги соглашались дать подписку и разошлись по домам своих родителей, то штраф не взимался, даже если они вскоре возвращались к совместному жительству⁴². Вместе с тем большинство лиц, оформивших по требованию полиции подписки, совершали затем

---

⁴⁰ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 134 (Кони А.Ф.). Оп. 4. Д. 271. Г. 1887. Л. 49-50; ПСЗ. Собрание – 3. 1882. Т. II. № 1023. СПб., 1886. С. 366.

⁴¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1889. Ст. 994. С. 282.

⁴² *Логанов Н.А.* Указ. соч. С. 41-42.

законное венчание, опасаясь наложения судебного штрафа или просто считая необходимым соблюдать данное ими слово.

Данная система действовала около года: в июне 1887 г. Сенат, обратив внимание на отсутствие какого-либо постановления, обязывавшего людей давать подписку об отказе от совместного жительства, признал такое требование полиции необязательным для исполнения⁴³. Но даже за этот небольшой промежуток времени она показала свою эффективность: количество «краковских браков» сократилось, а многие супруги были вынуждены совершить венчание в православной церкви⁴⁴.

Таким образом, к концу XIX в. браки православных (бывших греко-униатов) с участием ксендзов по-прежнему не признавались действительными духовным судом, но не преследовались светским. Если учесть, что налагаемые административными органами без каких-либо законных оснований штрафы были небольшими, становится понятным, что многие «упорствующие» чувствовали себя свободно. Как следствие, возрастали и количество незаконных браков, и численность незаконно рожденных детей⁴⁵, не имевших наследственных прав на имущество своих родителей, а иногда и вообще никаких метрических документов⁴⁶.

---

⁴³ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 134 (Кони А.Ф.). Оп. 4. Д. 271. Г. 1887. Л.20 – 20 об.

⁴⁴ Так, соотношение между «краковскими» и православными браками составило за период с 1 августа 1886 по 1 июня 1887 г. в уездах: Бельском – 8/296, Константиновском – 16/160, а в Радинском вообще 0/92. В течение этого же периода в трех названных уездах 87 краковских брака были перевенчаны православными священниками. Там же. Л.11-13.

⁴⁵ На одну только Седлецкую губернию, численность населения в которой в 1897 г. составляла 153.000 чел., в 1899 г. приходилось 62.000 упорствующих и 55.000 колеблющихся. Среди них насчитывалось 9.800 пар, «находящихся, за нежеланием совершать брак по православному обряду, в блудном сожитии», и 26.000 некрещеных детей. *Кони А.Ф. Униатские дела // На жизненном пути. Т. 1. СПб., 1912. С. 535.*

⁴⁶ В соответствии с уже упомянутым «высочайшим повелением 1882 г.» для облегчения учета народонаселения местным властям дозволялось сообщить об известном им факте рождения ребенка, если это в течение 8 дней не сделали его родители или лица их заменяющие. Очевидно, что многие дети могли оказаться неучтенными и при таких условиях. В то же время возможна была и обратная ситуа-

Во второй половине XIX в. менялись условия заключения смешанных браков между православными и протестантами в Прибалтике. Инициатива исходила от МВД во главе с П.А. Валуевым, предложившим отменить обязательную подписку для протестантов при их венчании с православными. Встретившись с упорным сопротивлением обер-прокурора Синода А.П. Ахматова и руководства Министерства юстиции, он в конце 1864 г. убедил Александра II осуществить намеченные мероприятия без изменения закона и вне открытой административной практики. Глава МВД предложил

«оставить закон на своем месте, нетронутым, целым, дать только православному духовенству Прибалтийского Края повеление не требовать предбрачной подписки при смешанных браках, никому не объявляя, зачем и для чего она отменяется, и предоставив все это дело сполна разумию самого духовенства, содержа все это в секрете и не сообщая о нем ни Министрам, ни Сенату».

19 марта 1865 г. император повелел

«при совершении в Прибалтийских губерниях браков между лицами православного и протестантского вероисповедания, впредь не требовать ... предбрачных подписок».

Эту информацию обер-прокурор Синода должен был довести до сведения местных епархиальных властей, а министр внутренних дел – до прибалтийского генерал-губернатора. Осенью того же года МВД подготовило для евангелических проповедников специальную инструкцию, в которой пояснялось, что рожденные в вышеупомянутых браках дети «могут быть, по желанию родителей, крещены протестантскими проповедни-

---

ция. Так, в 1912 г. в нескольких судебных инстанциях рассматривалось дело об исключении из актов гражданского состояния указания о рождении у девицы N (имя не известно) в 1888 г. сына Яна. Дело в том, что местный бургомистр, получив сведение об этом ребенке от неизвестных лиц, сообщил о нем настоятелю православного прихода, который и внес соответствующую запись в метрическую книгу. Как выяснилось в ходе судебного разбирательства в данной семье, оформленной по «краковскому» брачному свидетельству, был сын Андрей, которого дома звали «Янек». Доносчики, не разобравшись, решили, что детей двое. В итоге реальный Андрей был лишен льготы по воинской повинности из-за мифического Яна. См.: *Логанов Н.А.* Указ. соч. С. 91-92.

ками по обряду Евангелической церкви и воспитываемы в правилах сей церкви»⁴⁷.

Реализация новых правил привела к появлению множества проблем. Часть из них возникала по объективным причинам, обусловленным местным характером реформы, часть – из-за нежелания православного духовенства проводить в жизнь установления верховной власти. Полковник корпуса жандармов Андриянов в своем секретном донесении в МВД «О настоящем состоянии раздоров религиозных» (1867 г.) указывал, что православное духовенство при попустительстве епархиального начальства «избегает совершения смешанных браков, когда брачующиеся отказываются подписывать реверс» и обращал особое внимание на такие последствия, как незаконное заключение союзов «без благословения церкви», «упадок нравственности народа и безнаказанное размножение разврата». В качестве единственного выхода из сложившейся ситуации жандарм предлагал «дарование народу свободы совести, уравнием в Остзейском крае прав всех вероисповеданий!»⁴⁸ (подчеркнуто в источнике – *В.В.*).

Проблемы в реализации особого порядка заключения смешанных браков между православными и протестантами и крещения детей от таких браков были заложены и в самом основании реформы, мало кому известной за пределами Прибалтики. С одной стороны многие из лиц, венчавшихся в Остзейском крае и не дававших поэтому обязательной подписки о воспитании детей в православии, считали себя полностью освобожденными от выполнения этого закона, вне зависимости от того, где рождались их дети. Последующий ход событий целиком зависел от того, удавалось ли переехавшим в центральную Россию бывшим остзейским жителям найти здесь пастора, готового принять их расширительное толкование инициативы правительства и крестить ребенка в протестантской церкви. Документы центральных и местных ведомств, а также судебных дел показывают, что такие случаи встречались дос-

---

⁴⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 243-245.

⁴⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеке (ОР РНБ.). Ф. 16 (Альбединский П.П.). Д. 8. 1867.

таточно часто. Причем, как правило, нарушение закона обнаруживалось (если вообще обнаруживалось) спустя 10 – 20 лет, когда вернуть «заблудшую овцу в православное стадо» было уже практически невозможно. Так, например, произошло с сыном православного офицера пограничной стражи Алексеем Роком. В 1875 г. он был крещен царскосельским пастором в евангелическо-лютеранской церкви. А в начале 90-х гг. по запросу руководства Гатчинского училища о том, основы какой веры следует преподавать Алексею, власти начали следствие. В связи с «давностью события крещения ... и воспитания его в лютеранстве» Синод счел «неудобным» обязательное обращение А. Рока в православие. Свою позицию резко высказал и крестивший мальчика пастор. В письме инспектору Гатчинских училищ он подчеркнул, что «это дело до Вас совсем не касается», и что «Вы против Высочайшего повеления ничего сделать не можете» (подчеркнуто в письме – *В.В.*). Евангелическо-Лютеранская Консистерия отказалась выполнить требование МВД о привлечении пастора к ответственности за превышение полномочий, сославшись на то, что ни в царском повелении 19 марта 1865 г., ни в инструкции МВД от 3 января 1866 г. не указано, что дарованная «жителям Прибалтийских губерний льгота по отношению к крещению и воспитанию происходящих из смешанных браков детей не распространяется на тех из сих детей, которые родились вне пределов названных губерний». Точно так же (т.е. без каких-либо последствий как для неправильно крещенного, так и для пастора) завершилось рассмотрение и тех случаев, которые доходили до суда⁴⁹.

Часть родителей, повенчавшихся в Прибалтике без подписки, но оказавшихся к моменту рождения ребенка в других местах Российской империи, предпочитали придать регистрации младенца большую законность. С этой целью матери либо заранее (т.е. накануне рождения ребенка) отправлялись в Остзейский край, либо стремились туда уже после родов, откладывая крещение на несколько месяцев, а иногда и на год. Характерно, что так же поступали и отдельные коренные жители центральной России. Это были, в основном, дворяне, узнавав-

---

⁴⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 617а. Л. 69-82.

шие от родственников об имевшихся в Прибалтике легальных возможностях для решения столь щекотливого вопроса. Таким образом, формально существовавшее правило об обязательном крещении в православной вере детей от смешанных браков, по сути, не действовало на этой территории Российской империи, что создавало питательную почву для многочисленных нарушений законодательства⁵⁰.

Кроме того, для дворян, венчавшихся в Прибалтике и к тому же имевших широкие связи в Петербурге, существовала возможность получить особое разрешение императора на оформление протестантской метрики для ребенка от смешанного брака практически в любом уголке страны. Для этого заинтересованные лица должны были обратиться на «высочайшее имя» через Комиссию прошений. Например, в 1868 г. Александр II удовлетворил просьбу жены провинциального секретаря Марии Багговут, жившей в Одессе, где находился на службе ее муж, о разрешении окрестить в местной лютеранской церкви их третью дочь. Просьба мотивировалась тем, что две старшие их дочери, родившиеся в Ревеле, уже крещены в лютеранской церкви, и тем, что семье «рано или поздно придется возвратиться на жительство в Эстляндскую губернию, к дворянству которой они принадлежат». Решающее же значение для просительницы имело то, что ее отец – генерал-губернатор Одессы П.Е. Коцебу – использовал все имевшиеся в его распоряжении возможности, чтобы выхлопотать для дочери необходимое разрешение⁵¹.

Крайне редко некоторые из прибалтийских супругов, переехавших в другую часть страны, и, как правило, отличавшиеся религиозным равнодушием, крестили ребенка в православие. В результате случалось так, что в одной семье, у одних и тех же родителей оказывались «разноверные» дети, причем религиозная принадлежность каждого из них обуславливалась тем, где именно они родились и были зарегистрированы.

В таком половинчатом состоянии религиозный вопрос в Остзейском крае находился почти два десятилетия. Летом

---

⁵⁰ Там же. Д. 604. Л. 246.

⁵¹ Там же. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 801. Л. 138-139.

1885 г. К.П. Победоносцев представил Александру III обстоятельный доклад о смешанных браках лютеран с православными в Прибалтике, в котором он предлагал отменить действие «высочайшего повеления» 19 марта 1865 г. Царь согласился с этим мнением, начертав на тексте доклада следующие резолюции: «Совершенно одобряю эту меру» и «Весьма желательно поспешить восстановлением в полной силе существующего закона»⁵². Синод, обратившись к прибалтийским епархиальным архиереям, распорядился «немедленно принять меры к восстановлению в полной мере существующего закона относительно отобрания при совершении смешанных браков вышеозначенных подписок». Со своей стороны и Управляющий МВД Д.А. Толстой 8 августа 1885 г. также испросил отмену изданной в 1866 г. инструкции⁵³.

Возвращение к «торжеству закона» в Прибалтике должно было иметь обратную силу. Это означало, что не только все лица, вступавшие в смешанный брак после августа 1885 г., обязаны были давать подписку о крещении детей в православие, но и те, кто по прежним правилам такую бумагу не подписывали, все равно обязаны были выполнять общегосударственный закон. Таким образом, если ранее «разноверные» дети в прибалтийских семьях были явлением исключительным, то теперь такая практика должна была быть распространена повсеместно. В результате значительно возросло число лиц, особенно дворян, добивавшихся от императора разрешения не исполнять закон или хлопотавших до брака о праве на венчание без подписки⁵⁴.

Впрочем, вставшие перед семьями вопросы, по крайней мере, до начала 1890-х гг. благополучно разрешались на месте. Часть пасторов уклонялась от выполнения указанного требования, особенно в тех случаях, когда речь шла о представителях первенствующего сословия, заявляя, что от тех, кто подписку не давал, выполнение ее не может быть требуемо. Так, например, у дворянина А. Вульфуса, женатого на православной графине

---

⁵² Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 245-246.

⁵³ Там же. Д. 617 а. Л. 52-52 об.

⁵⁴ См. напр. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 617 а. Л. 61-62.; Там же. Д. 698. Л. 5.

Е. Сологуб, не возникало никаких трудностей с регистрацией детей ни в 1885 г., ни в 1887 г., ни в 1888 г. Все они были крещены по лютеранскому обряду в Курляндской губернии. Проблемы появились лишь в 1890 г., да и то в связи с переездом семьи в Вольнскую губернию, когда епископ Вольнский и Житомирский Модест отверг ходатайство матери о разрешении ей окрестить новорожденного по протестантскому обряду⁵⁵.

Таким образом, и в конце XIX, и в начале XX вв. в Прибалтийских губерниях широко применялся обычай крещения детей от смешанных браков с православными по правилам лютеранского исповедания. Значительное распространение этого официально противоречащего закону явления вызывалось двумя главными обстоятельствами. Во-первых, двадцатилетней разрешительной традицией, которая с одной стороны создавала внутрисемейную и внутрирелигиозную норму, от которой ни родители, ни пасторы не собирались отказываться, а с другой – благоприятствовала появлению значительного числа семейств, заключивших в эти десятилетия брак без подписки, и не желавших соблюдать то, чего они не обещали. Во-вторых, поддержкой со стороны многочисленных представителей судебной власти различного уровня (вплоть до Сената⁵⁶), которые либо ограничивались порицаниями провинившихся духовных лиц, либо вообще освобождали последних от какой-либо ответственности. При этом неправильно окрещенные перекрещению и перевоспитанию не подвергались.

---

⁵⁵ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 617 а. Л. 63-63 об.

⁵⁶ Показательным было дело пастора В. Гримма о приведении к конфирмации дочери православного родителя, слушавшееся в Сенате в 1890 г. Несмотря на приговор Рижского окружного суда о лишении Гримма всех особенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в Томскую губернию, С.-Петербургская Судебная палата и Сенат посчитали его преступление заслуживающим лишь 8-месячного отлучения от места, а в связи с истечением срока давности вообще решили никакому наказанию пастора не подвергать. Все это происходило вопреки настойчивым хлопотам лифляндского губернатора Зиновьева, который заранее еще в 1889 г. просил императора Александра III обратить внимание министра юстиции на то, чтобы в случае попадания пасторских дел в Сенат решения Рижского суда ни в коем случае не опротестовывались. *Кони А.Ф.* Пасторские дела // На жизненном пути. Т. 1. С. 575-589.

Проблема смешанных браков приобрела новое звучание после издания 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости». В нем устанавливалось, что переход от православной веры в другое христианское исповедание более не подлежит преследованию, и что при достижении совершеннолетия отпавшее от православия лицо признается принадлежащим к тому исповеданию, которое оно для себя избрало. В случаях совместного отпадения обоих супругов или перехода одного из них в религию, исповедуемую другим, дети в возрасте до 14 лет должны были следовать вере родителей, а достигшие данного возраста – оставаться в прежней своей религии. Во второй части указа разрешалось возвращение человека в полно прежней (даже и нехристианской) религии, к которой до присоединения к православию принадлежал он сам или его предки⁵⁷. Также Комитет министров поручил Особому совещанию по делам веры пересмотреть и вопрос о вероисповедании детей от смешанных браков православных с иноверцами. Впредь же до разрешения дела в законодательном порядке действие статьи 67 т. X ч. 1 Свода Законов, требующей крещения по православному обряду детей, рожденных от смешанных браков представителей инославного исповедания с православными, определено было сохранить⁵⁸.

На деле значительная часть заинтересованных лиц решила, что указ 17 апреля автоматически отменяет действие обязательной подписки для тех, кто ее ранее выдал и не требует более ее предоставления теми, кто только планировал вступить в брак. Они даже смогли убедить в своей правоте подавляющую массу местных губернских начальников. Неудивительно, что в 1905-1907 гг. в МВД постоянно поступали обращения губернаторов с вопросом о том, отменено ли действие подписки или пока нет⁵⁹.

В новых условиях от подписки нередко отказывались явочным порядком, договариваясь непосредственно со священ-

---

⁵⁷ ПСЗ. Собрание – 3. Т. XXV. 1905. От. 1. № 26126. СПб., 1908. С. 258-262.

⁵⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 648. Л. 210-210 об.; Там же. Д. 604. Л. 236-236 об.

⁵⁹ См. напр.: Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 115-116.

ником. Например, в 1907 г. в одной из церквей в Новочеркасске состоялось венчание между католиком дворянином В.Ф. Соколовским и православной казачкой М.М. Калашниковой. Перед совершением обряда будущий муж вручил клирикам документ, в котором утверждалось, что супруги намерены крестить и воспитывать детей «в духе веры по желанию родителей». Священник вполне удовлетворился обещанием молодоженов и по окончании обряда приложил этот документ к брачному обыску⁶⁰.

Духовенство же армяно-григорианской церкви посчитало себя вправе венчать смешанные браки с участием православных и крестить новорожденных детей вполне официально. Когда после публикации апрельского указа 1905 г. в Эчмиадзинский Синод стали поступать запросы Консисторий о возможности положительного решения такого рода ходатайств частных лиц, в духовном ведомстве было проведено специальное слушание. В ходе обсуждения большинство его членов пришли к выводу, что с изданием указа принципиальных изменений в области заключения смешанных браков не произошло. Однако прокурор Эчмиадзинского Синода Френкель вынес протест, заявив, что теперь «родителям предоставлено право избирать вероисповедание их детей, не достигших 14-летнего возраста», а, следовательно, они сами могут определять, в какой церкви их крестить. Вынужденный подчиниться, Синод предписал подведомственным ему Консистоориям руководствоваться данным толкованием. Многие армяно-григорианские священники пошли еще дальше и стали венчать смешанные браки. Только в 1908 г. состоялось разъяснение нового прокурора – статского советника Мелик-Органджанова, отменявшее определение предшественника и официально запрещавшее армяно-григорианским священникам венчать православных и крестить детей от смешанных браков с ними⁶¹.

Таким образом, в период первой русской революции смешанные браки с участием православных заключались как в соответствии с требованием закона – в православной церкви

---

⁶⁰ Там же. Д. 611. Л. 47.

⁶¹ Там же. Д. 672. Л. 25-26.

с взиманием обязательной подписки от неправославного брачующегося, – так и без соблюдения одного. Возможность реализации второго варианта зависела от самых разных причин: степени настойчивости желающих вступить в брак, информированности как брачующихся, так и священнослужителей, наличия со стороны и тех, и других желания и возможности обратиться за разъяснением в компетентные органы и, наконец, от вероисповедания неправославной стороны.

Издавая указ 17 апреля 1905 г. без какого-либо нормативного обеспечения, царская власть создала себе дополнительные проблемы, сформировав новую группу граждански неполноправных лиц. Циркуляр МВД, детализировавший правила перехода людей из одного вероисповедания в другое, был подготовлен только в августе 1905 г.⁶² При этом, не будучи опубликованным в официальной прессе, он был доведен до сведения неправославного духовенства только через два года – осенью 1907 г. В соответствии с подготовленным министерством правилами требовалось обязательное участие губернских властей в официальном утверждении отхода от православия. Человек, желавший перейти из православия в одно из инославных христианских исповеданий, должен был написать об этом заявление на имя местного губернатора. Последнему предписывалось «незамедлительно уведомить о том православное епархиальное начальство», и «не позднее чем в течение месячного срока» препроводить прошение на усмотрение местного инославного духовного начальства. После проведения над бывшим православным процедуры «увещания», он включался в инославные приходские списки, об этом снова доносилось губернатору, который сообщал необходимую информацию православному духовенству для исключения отпавшего из числа прихожан⁶³.

Вместе с тем, основная масса лиц, перешедших из православия в другие инославные конфессии, совершили это как раз

---

⁶² Официальное название – «Временные правила для перехода лиц православных и числящихся православными в инославные и иноверные исповедания». См. *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 59.

⁶³ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1955. Л. 26-27 об.

вскоре после публикации указа. Не соблюдая никакой процедуры, они просто сообщали местному пастору или ксендзу о своем желании исповедовать соответствующее вероучение, после чего их вносили в приходские книги той церкви, в число прихожан которых они, таким образом, вступали. С изданием циркуляра МВД объявило, что считает официально отпавшими только тех, кто прошел регистрацию. Но большинство перешедших из православия⁶⁴ людей не спешили выполнять распоряжения МВД. Одни не знали о необходимости перерегистрации, другие не хотели подвергаться «увещанию», третьи были убеждены, что никакой циркуляр не может иметь обратной силы, четвертые вообще не желали тратить время на процедурные вопросы.

Сложилась фактически патовая ситуация: записавшиеся в инославные приходы не хотели регистрироваться, а власть заявляла, что не выполнившие установленные формальности продолжают оставаться православными. В итоге в жизни этих людей возникали разного рода бытовые проблемы, все более усугублявшиеся по мере того, как они оттягивали осуществление предписываемой администрацией процедуры. Так, например, православный дворянин Г.А. Пашкевич 7 мая 1905 г. записался в приходские книги Копыльского римско-католического костела Слуцкого уезда, прихожанкой которого была его жена. В связи с тем, что оба родителя теперь принадлежали к одному – католическому – вероисповеданию, они внесли в список также и своих детей Антона и Анну, не достигших к тому времени 14 лет. В течение нескольких лет сын Пашкевича обучался в частной гимназии, где беспрепятственно изучал курс католического «Закона Божия». Когда же он поступил в VIII класс гимназическое начальство заявило, что, будучи по закону православным, мальчик должен сдавать выпускной эк-

---

⁶⁴ По данным Комиссии по вероисповедным вопросам III Госдумы за период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. на территориях Царства Польского, Северо- и Юго-Западных краев и Белоруссии от православия в римско-католическое вероисповедание отошли 261.326 чел. В протестантское же вероисповедание только в трех Прибалтийских губерниях за тот же период перешли 12.068 чел. См.: Комиссия по вероисповедным вопросам. Представления министров и доклады по ним. Г.Д. Созыв. III. Сессия V. СПб., 1907. С. 68-69.

замен по «Закону Божию» только православной веры. Отец, который до этого времени оттягивал официальную регистрацию, немедленно подал необходимое заявление губернатору, и спустя месяц был признан католиком. Но так как на момент подачи бумаги сыну уже исполнилось 14 лет, то по закону он должен был продолжать оставаться православным до совершеннолетия, и действия отца ни коим образом не улучшили положение сына⁶⁵.

Нередкими были случаи, когда люди, вписанные в инославные списки в возрасте моложе 14 лет, так и не пройдя процедуру официальной регистрации, спустя несколько лет вступали в брак по правилам своего вероучения и даже успевали завести детей. Такие браки признавались недействительными, а дети от них подлежали судебному узаконению. Законность этих решений подтверждалась «мнением» Сената:

«браки лиц православного исповедания с лицами римско-католического исповедания, совершенные одними римско-католическими священниками, почитаются недействительными и что малолетний, подлежащий крещению по правилам православной церкви, но по вине родителей крещенный по правилам другой христианской религии, должен признаваться *заведомо* православным»⁶⁶.

Таким образом, после 17 апреля 1905 г. правила оформления смешанных, межконфессиональных браков с участием православных не подверглись изменению. В то же время из-за расширительного толкования указа возникли многочисленные частные случаи нарушения закона. А попытки администрации потребовать от виновных выполнения правовых норм лишь создавали дополнительные очаги недовольства режимом.

При подготовке указа 17 апреля Комитет министров высказался за внесение законодательных изменений в правила заключения смешанных браков и определения религиозной принадлежности детей, рожденных в таких супружествах. Начатая весной 1905 г. работа по подготовке соответствующего законопроекта продолжалась около двух лет. И хотя сформулированные идеи официально были связаны с царским мани-

---

⁶⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 282-282 об.

⁶⁶ Там же. Л. 257 об.

фестом (отсюда и название документа – «О вызываемых провозглашенной Высочайшем манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейных прав»), на деле основные его положения вырабатывались в различных ведомственных комиссиях еще задолго до того.

Подготовленный МВД и вынесенный на обсуждение Совета министров в феврале 1907 г. законопроект утверждал право всех русских подданных, независимо от их вероисповедания вступать в браки друг с другом. Таким образом, разрешалось образование семейных союзов между христианами и нехристианами. Единственным условием был отказ будущего супруга-нехристианина от многоженства. Особо оговаривалось право старообрядцев и сектантов на брак с православными без обязательного для первых «окрещения». Характерно, что на практике эта возможность официально существовала с ноября 1906 г., после того как Синод предоставил епархиальному начальству право давать разрешения на подобные браки.

Особое внимание в законопроекте «об изменениях в области семейных прав» уделялось месту и способу совершения межконфессиональных браков. Учитывая, что гражданская форма регистрации не предусматривалась, для разрешения вопроса необходимо было определить, священнослужители какой церкви получают право на совершение обряда бракосочетания в каждом конкретном случае. В соответствии с существовавшей в России иерархией религий проект устанавливал следующую схему:

«при заключении брака между лицами, принадлежащими к двум вероучениям, за которыми государством признается неодинаковое значение, венчание обязательно должно быть совершено по обрядам религии, пользующейся по закону большими преимуществами. При браках же лиц двух вероисповеданий, стоящих ... на одной ступени, в отношении признания за ними государственной властью одинаковых прав, совершение венчания по тем или иным правилам должно быть предоставлено самим брачующимся».

На практике это должно было означать, что православный был обязан заключать браки только в церкви своего вероисповедания. При браках христиан с нехристианами законным считалось лишь венчание. При вступлении в брак человека, принадлежавшего к признаваемым в государстве исповеданиям с каким-либо сектантом, обряд исполнялся священником испо-

ведения. В иных случаях порядок брачной процедуры значения не имел⁶⁷.

Устанавливая право русского подданного на брак, невозможный по канонам церкви (например, православного или католика с нехристианином), законопроект не предполагал никаких санкций в случае отказа духовной власти от выполнения обряда. Таким образом, введенная в текст проекта норма имела исключительно теоретический характер, и, по сути, не могла реализоваться в жизни до введения гражданской регистрации.

В законопроекте нашел отражение и вопрос о необходимости предоставления брачующимися предбрачных подписок. Содержавшиеся в них требования «не поносить православного или вообще христианского супруга за его исповедание и не склонять его к принятию своей веры» чиновники МВД расценили как «противоречащее началам свободы совести» и подлежащее отмене. Сложнее обстояло дело со второй частью подписки, устанавливавшей религиозную принадлежность будущих детей. С одной стороны, безусловная обязательность их крещения в вероисповедание одного из родителей также противоречила бы понятию о свободе совести. С другой стороны, авторы проекта подчеркивали обязанность государства заботиться о религиозном воспитании детей, родители которых не в состоянии придти к соглашению, оказывая при этом очевидное предпочтение господствующей религии. Учитывая, что «Россия – государство христианское» составители проекта не могли безразлично относиться к увеличению в стране «нехристианского элемента». В результате была принята следующая формулировка:

«В смешанных браках между христианами вероисповедание детей определяется по взаимному соглашению родителей; при отсутствии такового, если один из родителей православный, все дети должны быть православными; в прочих случаях – сыновья следуют вере отца, дочери – вере матери. В смешанных браках христиан с нехристианами, все дети должны быть крещены в христианстве».

Таким образом, при заключении брака христиан с нехристианами предполагалось сохранить действие ранее данных предбрачных подписок и продолжить их взимание в дальнейшем.

---

⁶⁷ Там же. Д. 693. Л. 21-35.

А в отношении христиан разных конфессий, вступающих друг с другом в брак, было решено отменить старые подписки и вместо новых ввести специальные соглашения. Эти соглашения не обязательно должны были быть предбрачными, так как создатели проекта предполагали предоставить родителям возможность менять религию ребенка до достижения им 7-летнего возраста⁶⁸.

Несомненно, что в проекте содержалось немало того, что могло бы обострить межконфессиональные споры и конфликты в случае его реализации. Во-первых, сохранялся приоритет церковного брака, что не учитывало интересы атеистов. Во-вторых, утверждая возможность супружества христиан и нехристиан, законопроект передавал осуществление этой меры в руки духовенства, которое в большинстве своем (исключая протестантов) было против заключения таких браков. В-третьих, отменялось действие данных ранее подписок, но при этом снижался возраст детей, которые могли поменять веру вместе с родителями с 14 до 7 лет, в результате чего во многих семьях сохранилось бы детское двоеверие, когда дома ребенка учили нормам одной религии, а в школе – другой.

Серьезное недовольство законопроектом проявила православная церковь, не усматривавшая в новых условиях более никаких преимуществ для себя в разрешении смешанных браков. С отменой обязательного крещения детей от таких браков в православии, подобные супружества становились не способом прироста, а средством сокращения паствы.

В течение всего 1907 г. между Синодом и Советом министров, одобрившим разработанный законопроект, шла оживленная переписка по поводу отдельных его положений. Обер-прокурор Синода П.П. Извольский высказал главе правительства П.А. Столыпину три принципиальных положения, на внесение которых в закон православная церковь категорически не соглашалась:

- «1) на разрешение православным христианам вступать в брак с нехристианами и язычниками; 2) на допущение браков между православными и сектантами, не верующими в Господа Иисуса Христа, как Сына Божия и Искупителя мира, и не имеющими

---

⁶⁸ Там же. Л. 41 об.-51 об.; Д. 604. Л. 219 об.-221 об.

правильно совершаемого водного крещения, и, наконец, 3) на предложение об отмене выдачи при смешанных браках установленных законом предбрачных подписок и о лишении юридической силы ранее выданных подписок»⁶⁹.

Тщательно изучив замечания Синода, и не желая вступать с ним в конфронтацию, Совет министров согласился вычеркнуть из законопроекта первые два из вышеназванных пунктов. Однако в вопросе о сохранении обязательных подписок МВД было непреклонно, утверждая, что отмена их является прямым следствием объявленной в стране свободы совести. Так и не добившись изменения этого положения, Синод в декабре 1907 г. официально пригрозил правительству отказом от благословения смешанных браков в случае, если инициатива МВД получит силу закона⁷⁰.

Таким образом, православная церковь в данном вопросе заняла в отношении с государством столь же жесткую позицию, как и католическая. Но, если последняя всегда рассматривалась правительством как оплот оппозиции и очаг неповиновения, то столь серьезный отпор со стороны Синода означал разрыв между духовной и светской политикой в брачном вопросе. В такой ситуации у Совета министров было два выхода. Идти до конца, т.е. проводить законопроект через представительные учреждения в полном виде (даже в части признания возможности браков православных с нехристианами и сектантами) и вводить его в действие. Далее в случае реализации угрозы Синода смешанные браки с участием православных более не могли бы заключаться, т.к. по идее проекта представители господствующего вероисповедания могли бы венчаться только в своей церкви, а последняя отказывала бы в совершении бракосочетания. Очевидно, что правительство тогда вынуждено было бы искать способы воздействия на духовную власть, заставляя ее подчиниться государственной необходимости, а в случае неудачи единственным способом разрешения кризиса стало бы введение гражданской регистрации. Второй вариант – полностью отказаться от проведения какой-либо реформы организации смешанных бра-

---

⁶⁹ Там же. Д. 693. Л. 87.

⁷⁰ Там же. Л. 87 об.-93 об.

ков. Ведь любые изменения, но с сохранением обязательных подписок брачующихся никогда бы не удовлетворили миллионы неправославных жителей России, а отказ от подписки означал конфронтацию с православной церковью.

Казалось, что правительство готово к конфронтации. Законопроект «О вызываемых провозглашенной Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейственных прав» был внесен во II Государственную думу, но в связи с непродолжительностью ее работы рассмотрен не был. Повторное представление документа в III Думу состоялось в январе 1908 г.⁷¹ Переданный в думскую Комиссию по вероисповедным вопросам законопроект рассматривался в течение 1908-1909 гг. лишь на нескольких заседаниях. Представители Синода активно доказывали в Комиссии невозможность законодательного разрешения неприемлемых для церкви условий допущения смешанных браков⁷².

Разразившийся в апреле 1909 г. «министерский кризис» ослабил позиции главы правительства и предотвратил назревавшее столкновение светской и духовной власти. Настраивать против себя такую влиятельную силу, как Русская православная церковь Столыпин совершенно не хотел, и законопроект был в итоге отозван. Синодальные круги торжествовали – условия заключения смешанных браков в России так и не изменились⁷³.

Из многочисленных инициатив правительства в области урегулирования проблемы межконфессиональных браков реализована была лишь одна – узаконение браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания указа 17 апреля 1905 г., и происшедшего от этих браков потомства. Соответствующий законопроект, призванный конкретизировать часть указа, где говорилось об устранении тех невыгодных гражданско-правовых последствий, которые возникли для «отпавших» в связи с непризнанием их принадлежащими к действительно исповедуемой ими религии, был подготовлен МВД осенью

---

⁷¹ Там же. Л. 95.

⁷² Новое время. 1909. 11 апреля.

⁷³ Дорская А.А. Указ. соч. С. 101.

1906 г., и проведен в жизнь в январе 1907 г. в порядке ст. 87 Основных законов, минуя законодательное учреждение⁷⁴. Только спустя 6 лет после фактической реализации, 16 июня 1913 г. эта правовая норма приобрела необходимый статус в рамках более общего закона «Об узаконении не внесенных в метрические книги браков старообрядцев и сектантов, а также браков, заключенных по правилам инославных и иноверных исповеданий лицами, числящимися до обнаружения Высочайшего указа 17 апреля 1905 года православными»⁷⁵.

Итак, в межреволюционный период в условиях и в организации межконфессиональных браков в России сложилась крайне противоречивая и запутанная ситуация. С одной стороны, в полном объеме продолжали действовать старые законодательные нормы, устанавливавшие в случае заключения смешанных браков с участием православных обязательное венчание исключительно в православной церкви, причем с предоставлением неправославной стороной подписки о крещении и воспитании детей в нормах господствующей религии. С другой, для любого совершеннолетнего лица достаточно легким был переход из одной христианской (даже православной) конфессии в другую, причем, если в результате такого перехода оба родителя оказывались приверженцами общего вероучения, то они могли изменить и религию своих детей до 14 лет. К этому следует прибавить значительные проблемы, возникшие в результате беспорядков революционного времени, прежде всего, массовые случаи заключения смешанных браков без подписок. В таких семьях впоследствии часто возникали конфликты о месте крещения детей и об их религии. И, конечно, в очень тяжелом положении оказались лица, поменявшие вероисповедание без официальной регистрации.

В новых реалиях легко устраивали свою судьбу лица, равнодушно относившиеся к религии. Если в смешанный брак со-

---

⁷⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 144-149 об.; ПСЗ. Собрание – 3. Т. XXVII. 1907. № 28840. СПб., 1910. С. 49-50.

⁷⁵ Об объединении законопроектов. Комиссия по вероисповедным вопросам. Представления министров и доклады по ним. Г.Д. Созыв. III. Сессия V. СПб., 1907. С. 1-3. ПСЗ. Собрание – 3. Т. XXXIII. 1913. От. 1. № 39539. Пг., 1916. С. 622-624.

бирались вступить люди, из которых, по крайней мере, один не отличался особым религиозным чувством, то сделать это было достаточно просто. В том случае, когда искренно верующим был православный, венчание подходило под требования закона. Когда же инославный хотел совершить брак только в своей церкви, то это можно было устроить при условии, что другой будущий супруг готов был пожертвовать (хотя бы временно) своей религиозной принадлежностью.

В 1909-1910 гг. в правительственных кругах и прессе активно обсуждалось дело дворянки Н.Н. Щепетиловой, собиравшейся замуж за армянина, который желал венчаться только в церкви своего вероисповедания. Невеста обратилась в губернское правление за регистрацией ее перехода из православия в армяно-григорианское исповедание. После ее обещания вернуться к православию сразу после свадьбы духовенство и светская власть пошли навстречу просительнице и сократили на месяц время процедуры перехода, т.к. отказались от обязательного увещания. Любопытно, что правительственные и местные чиновники подвергли резкой критике армянское духовенство, совершившее, по их мнению, «очевидное насилие над совестью православных», но при этом обошли вниманием ту легкость, с которой Н.Н. Щепетилова поменяла «на время» свою религию⁷⁶.

Чтобы не исполнять оформленную подписку о крещении детей неправославный супруг также мог вынудить православного поменять религию, что влекло за собой изменение вероисповедной принадлежности малолетних детей. Если же православная сторона отказывалась менять вероисповедание даже временно, то ситуация вокруг крещения детей могла сложиться по-разному. В том случае, когда предбрачная подписка не была дана, можно было найти священника, готового пойти на риск крещения ребенка от смешанного брака в инославное вероисповедание. Легче всего это было сделать за границей, а в самой России – в Западном крае или в Остзейских губерниях. Как от-

---

⁷⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 672. Л. 27-32 об.

мечали сами современники, найти такого священника при наличии определенных средств было не сложно⁷⁷.

Определенные шансы на разрешение крестить ребенка от смешанного брака не в православную, а другую веру имели те просители, которые обращались непосредственно к императору. Правда, как и ранее преимуществом обладали иностранцы, сотрудники посольств и дворяне, имевшие к тому же высоких покровителей. Например, в 1907 г. барон Эдуард фон-дер-Остен-Сакена получил монаршее согласие на проведение обряда крещения по канонам евангелическо-лютеранской церкви над своим внуком, родившимся в семье сына просителя барона Эвальда и его православной жены, «а также и над могущими еще родиться от сего брака детьми»⁷⁸.

Вскоре после Февральской революции (первые из обнаруженных свидетельств относятся к середине марта 1917 г.) массовым явлением стали венчания лиц православного вероисповедания в инославных церквях. Причем в случаях, когда брак заключался ксендзом, не католический (православный) супруг должен был дать подписку о том, что будущие дети будут крещены и воспитаны в правилах католической веры. Характерно, что в связи с отсутствием каких-либо законодательных актов по данному вопросу руководство Могилевской римско-католической архиепархией, которому подчинялись католики центральной России, распорядилось требовать от брачующихся письменных гарантий, что они «не имеют и не будут иметь претензий, если их брак и дети, на основании не отлаженного еще закона, окажутся незаконными и не будут иметь гражданских прав»⁷⁹. Однако опасения оказались напрасными. С приходом к власти большевиков и установлением гражданской регистрации канонические нормы и правила уже не имели значения для определения светских последствий брака.

Российская империя во второй половине XIX – начале XX веков как многоконфессиональное государство постоянно сталкивалась с проблемой смешанных, межконфессиональных

---

⁷⁷ Борьба с ложью. 1912. 19 сентября.

⁷⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 698. Л. 5.

⁷⁹ Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2328. Л. 346.

браков. В то время как в европейских странах выход из конфликта религиозных канонов был найден в установлении института гражданской регистрации, в России долгое время пытались разрешить его в рамках традиционного церковного брака. Это предполагало необходимость определения в брачном законе преимущественного положения христианских вероучений над нехристианскими и православия среди других христианских конфессий. Такое преимущество нашло выражение в двух основных формах: во-первых, в признании брака только в случае его заключения духовенством привилегированного исповедания – православными священниками при венчании православных с представителями инославных конфессий, пасторами при браке протестантов с иудеями или мусульманами (прочие христиане вообще отвергали возможность браков с нехристианами), – и, во-вторых, в обязанности брачующегося, принадлежавшего к не привилегированному исповеданию, предоставить предбрачную подписку о не склонении другого супруга в свое вероучение, а также о крещении и воспитании будущих детей в вере, поддерживаемой государством. Установленная правовая норма вызывала недовольство иноверного, прежде всего инославного населения, использовавшего все возможные, а подчас и **невозможные (нелегальные?)** способы с целью обойти существовавший закон. В то же время политика государства в вопросе о смешанных браках не отличалась постоянством: предбрачные подписки действовали не на всей территории Российской империи, существовала возможность получить разрешение императора на не соблюдение условий подписки, судебные преследования за нарушение законов в сфере межконфессиональных браков в большинстве случаев заканчивались оправданием виновных. Не удивительно, что наибольшие шансы на вступление в межконфессиональный брак вопреки российским законам имели дворяне, которые были наиболее образованным слоем российского общества, имели широкие связи и значительные финансовые средства.

Т.Б. Котлова

Замужество и развод в жизни горожанки на рубеже XIX-XX вв. (по материалам центральных губерний России)

Во второй половине XIX – начале XX вв. в российских городах центральных районов России шло становление нового типа культуры, обусловленного быстрым индустриальным развитием страны. Новые социокультурные условия вели к изменению системы гендерных отношений, влияли на институт брака и семьи. Исследователи отмечают рост значения частной жизни человека, интимности¹, следовательно, рождались новые мотивировки при заключении брачных союзов, при создании семей.

Главными мотивами заключения брака оставались необходимость продолжения рода и фиксация определенного материального и социального статуса. Характерно стремление малообеспеченных родителей выдать дочь замуж, чтобы облегчить материальное положение семейства. Вместе с тем получает развитие эмоционально-личностная мотивировка, характерная для Нового времени и появившаяся в жизни россиянок еще в XVIII столетии². В пореформенный период, особенно на рубеже веков, появляется еще один мотив для заключения брака – приобретение свободы. Получили распространение фиктивные браки, которые отражали стремление представительниц различных социальных слоев при выходе замуж обрести самостоятельность.

Ритуал выдачи замуж в конце столетия не претерпел существенных изменений. Девушке подбирали жениха или с помощью профессиональной сводни, или родители молодых сами договаривались о будущей свадьбе. По-прежнему большая часть браков совершалась с учетом социально-имущественных интересов. Иногда такие союзы оказывались счаст-

---

¹ *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С.118.

² Подробно об этом см.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997.

ливыми, как в случае с семейством шуйского купца Алексея Журова³. Но часто «брак по принуждению» приводил к разладу в семье. В начале XX в., особенно после революции 1905-1907 гг., в консистории стало поступать все больше прошений, в которых муж или жена, стремясь получить развод, рассматривали как одну из первопричин неудавшейся семейной жизни брак по настоянию родителей⁴. Особенно много подобных бракоразводных дел появилось после установления советской власти и введения нового порядка расторжения браков через гражданский суд.

Брак против воли молодых был запрещен еще в начале XVIII века⁵. Однако на деле и в конце XIX столетия это правило нарушалось. Иногда девушки осмеливались сказать об отсутствии симпатии к будущему супругу, в других семьях жесткий патриархатный порядок исключал обсуждение этого важного вопроса. В любом случае результат был один и тот же: замужество⁶. Жена солдата Евдокия Ефимовна Андрианова из Суздаля следующим образом мотивировала нежелание жить с мужем:

«...так как вступила с ним в законный брак по настоянию своих родителей, не имея к нему решительно никакого сердечного влечения. Об этом я предупреждала его до нашего повенчания, но он не обратил почему-то на это должного внимания. Оказать же решительное сопротивление воле своих родителей и своевременно предупредить об изложенных обстоятельствах местного священника, чтобы он не венчал нас, у меня, к сожалению, не хватило решимости; при том же я верила словам своих родителей: «стерпится, слюбится; ты теперь молода и неопытна». В жизни же вышло иначе: за время своего сожительства я к мужу не привязалась и совершенно не сошлась с ним характером»⁷.

Очевидно, что даже представительница крестьянского сословия в начале XX столетия рассматривает эмоциональную близость, чувство симпатии как фундамент семейной

---

³ Котлова Т.Б. Гендерные стереотипы и реальная жизнь горожанки сто лет назад // Женщина в российском обществе. 2001. № 3-4.

⁴ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 556. Оп. 5. Д. 61. Л. 1.

⁵ См.: Пушкирева Н.Л. Указ. Соч. С. 151.

⁶ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 61. Л.1; Д. 992. Л. 8 об.

⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 992. Л. 8 об.

жизни. Ее родители, жених, видимо, придавали этой стороне брака меньшее значение, что и заставило их проигнорировать слова девушки. В приведенном документе нашла отражение еще одна характерная черта женского предбрачного поведения. В рассматриваемый период провинциальные девушки не были готовы бороться за свои права, счастье. Они во многом еще находились во власти патриархальных стереотипных представлений о замужестве, которые им внушались с детства, которые они видели в семье. Осознание важности любви пришло, но сделать этот мотив главным при выборе брачного партнера удавалось немногим. Можно констатировать противоречивость в поведении девушек-невест. Внутренне, душой они стремились к взаимному чувству с будущим мужем (это новая реальность культуры), но в жизни чаще подчинялись родительскому давлению.

Были и послушники, которые заключили брачный союз без благословения родителей. Такие случаи можно найти практически во всех социальных слоях. Но в индустриально развитом центральном регионе, такое, все еще оценивавшееся как девиантное, поведение встречалось в первую очередь среди фабричных (мещан и городских крестьян). Они отправлялись на заработки, выходили из-под контроля общества и родителей. Так, в 1884 г. иваново-вознесенский мещанин Прокопий Максимович Кочуров уехал работать на бумагопрядильную фабрику А.Я. Балина в Южу. Там он встретился с крестьянкой из Костромской губернии Феодосией Донцовой. Возникло чувство симпатии, скорее всего – любовь, так как молодые люди, нарушив ритуал, поженились, не получив благословения родителей⁸.

В среде образованных девушек, бывших гимназисток, слушательниц Высших женских курсов, учительниц получают развитие мотивы для замужества, подмеченные Н.Л. Пушкаревой еще у женщин XVIII в.:

«Дворяне же, выбирая себе спутниц жизни, все чаще стали искать в женах не столько подчинения, сколько умения понять и проникнуться их помыслами, поддержать советом в трудную минуту, – то есть быть *другом*»⁹.

---

⁸ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 45. Л. 3.

⁹ Пушкарева Н.Л. Указ. Соч. С. 178.

Фактически тот же взгляд на замужество высказала в конце XIX в. курсистка В.С. Некрасова. Ее возмущали женихи и невесты, которые собирались создавать семью только потому, что «пришло время».

«По мне самое разумное для женщины при трудности отдельной самостоятельной жизни, — писала она в дневнике, — идти рука об руку с человеком, *более развитым, чем она, занимающимся тою же специальностью* /выделено автором дневника/, к которой влечется и ее сердце, которой отдаются и ее симпатии, и, наконец, если она не может при его помощи дойти до самостоятельной работы, то, по крайней мере помогать ему, входить во все его научные интересы и вносить в них посильную долю своего труда, посильную долю пользы, чтобы стать (для него) не только бременем, для поддержания жизни которого он должен вдвое трудиться, а напротив — стараться уменьшить его труды, стараться стать не только полезной помощью, но необходимостью, без которой не было бы ему никакой возможности обойтись»¹⁰.

Варвара Степановна Некрасова пошла дальше предшественниц. Она мечтала стать не просто другом, но единомышленницей, которая не пассивно наблюдает за успехами и трудностями мужа, но активно участвует в его делах, сама работает.

Во второй половине XIX столетия в среде интеллигенции, дворянства, купечества у девушек получает распространение нигилистский взгляд на брак, его часто рассматривают лишь как способ получить желанную свободу от родительской опеки, давления общественного мнения.

На читающую молодежь не только столиц, но и провинции, все большее влияние оказывала художественная и публицистическая литература. Культовое произведение пореформенного периода «Что делать?» Н.Г. Чернышевского формировало модель поведения «новой женщины», определяло направление ее действий. По стране прошла волна фиктивных браков, которые рассматривались как путь к самостоятельной, независимой жизни. К концу века эта волна достигла провинции, стала реалией жизни малых и средних городов. Если не в действиях, то в помыслах девушек присутствовал императив свободы в браке.

---

¹⁰ Некрасова В.С. Жизнь студентки. М., 1903. С. 14.

Яркий пример – судьба сестер Дьяконовых, принадлежавших к состоятельному купеческому семейству, проживавшему в конце XIX в. в Нерехте Костромской губернии, а затем в Ярославле. Семья рано лишилась отца, братья и сестры остались на попечении матери – женщины с жестким, взбалмошным характером. Моральная атмосфера в доме была тяжелая, однако, дети получили достойное по понятиям их круга образование, имели материальные средства для продолжения учебы.

Мать считала, что девушки, которые недурны собой и имеют приличное приданое, не должны ехать на Высшие женские курсы. Дочери, особенно старшая – Елизавета, имели иное мнение. Лиза, будучи совершеннолетней, добилась исполнения мечты и уехала в Санкт-Петербург на Бестужевские курсы. Далее она планировала, чтобы ее младшая сестра Валя фиктивно вышла замуж и тоже приехала в столицу, где девушки смогли бы жить полнокровной, напряженной духовной жизнью. У младшей сестры появился жених, с которым и должен был состояться фиктивный брак. Но Валя была слишком юной, пассивной, доверчивой, а жених оказался настойчивым и, видимо, стремился создать счастливую, полноценную семью. Мечты о фиктивном браке, совместной учебе, дружной жизни в Петербурге испарились. И несмотря на это обстоятельство Елизавета отнеслась к браку сестры положительно:

«...домашняя обстановка с каждым годом становится все тяжелее и невозможнее..., до совершеннолетия ей еще долго ждать и перспектива в недалеком будущем получить свободу, стать самостоятельным человеком – начинает ей улыбаться»¹¹.

Документы свидетельствуют, что некоторые женщины, выйдя замуж и прожив некоторое время со своим супругом, различными способами стремились получить паспорт и исчезали, если, конечно, имели средства¹². То есть брак для ряда девушек был переменной в жизни, освобождением от

---

¹¹ Дневник Е. Дьяконовой: На высших женских курсах (1895-1899 гг.). 2 изд. СПб., 1905. С. 57.

¹² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 9. Д. 19. Л. 1, 31.

тяжелых оков жизненных обстоятельств, во всяком случае, они на это надеялись.

Прекращение супружеской жизни, как естественного состояния для женщины и мужчины, было по-прежнему связано со смертью мужа или жены, или с разводом.

Развод, как социальный механизм, регулирующий гендерные отношения в обществе, не был распространенным явлением в культуре господствовавшего в течение нескольких столетий патриархального общества, хотя изредка имел место во всех социальных слоях. Проследить точную статистику разводов в русском обществе рассматриваемого периода довольно сложно, главным источником стали бракоразводные дела, отложившиеся в фондах духовных консисторий¹³.

Немногочисленность разводов прослеживается по документам вплоть до конца XIX столетия. Число бракоразводных дел возрастает после окончания первой российской революции, а еще более – после установления советской власти.

Православное население России имело право на развод еще в средневековье (в соответствии с древнейшими правовыми актами XII-XV вв.). В рассматриваемый период брак мог быть расторгнут духовной консисторией по просьбе одного из супругов. Основаниями для развода могли быть следующие обстоятельства: во-первых, доказанное прелюбодеяние одного из супругов, причем доказательством считались показания свидетелей, которые наблюдали факт «совокупления»; во-вторых, неспособность к брачному сожитию¹⁴; в-третьих, приговор суда, предполагавший лишение всех прав состояния или ссылку на поселение в Сибирь¹⁵; в-четвертых, безвестное отсутствие одного из супругов.

---

¹³ См.: ГАЯО. Ф. 230; ГАВО. Ф. 556.; Государственный архив Костромской области. Ф. 130.

¹⁴ Иск и развод «по неспособности к брачному сожитию» одного из супругов мог быть начат только через три года после совершения брака. Супруг должен был подвергнуться врачебному осмотру, и в случае доказанности «неспособности», брак расторгался и истец мог вступить в новый брак.

¹⁵ Причем духовная консистория санкционировала развод лишь в том случае, когда «ссылаемое лицо, по приговору суда, осуждается лишением всех прав состояния, в том числе и семейственных»; в про-

Наиболее распространенной причиной разводов было «прелюбодеяние»¹⁶. Доказать факт измены мужа или жены было не просто. В соответствии с 249 ст. Устава Духовной консистории (изд. 1883 г.) главными доказательствами преступления являлись показания двух – трех «очевидных свидетелей», или же «прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом». По ст. 250 того же Устава собственное признание ответчика в нарушении «свялости брака прелюбодеянием» не учитывалось, если не было требуемых доказательств¹⁷.

Значительную группу составляли дела, возбужденные обманутыми мужьями. Так, в 1908 г. во Владимирскую консисторию подал прошение о разводе дворянин Владимир Николаевич Збруев. Его жена, Варвара Николаевна, признала факт «собственного прелюбодеяния» и так же хотела развода. Но бракоразводное дело состоялось в установленном порядке: супруги прошли через «увещевание», которое проводил священник их приходской церкви, затем через слушания, на которых выступали свидетели.

Свидетелями «преступления» оказались соседи по купе в поезде, в котором ехали Варвара Николаевна и ее возлюбленный А.М. Малютин. Белгородский мещанин С.А. Петрокеев и потомственный почетный гражданин Д.М. Тростянский наблюдали ночью любовную сцену, о чем подробно рассказали на слушаниях¹⁸. В консистории выяснилось, что любовник находится в разводе, наличие интимных отношений с Варварой Николаевной он признал. Так как факт прелюбодеяния оказался доказанным, то, руководствуясь ст. 223, 227, 242, 253 Устава Духовной консистории и 49 ст. Т. X ч. 1 Свода Законов Российской Империи, было принято решение расторгнуть брак. Истцу было дозволено вступить в повторный брак, а на любовников была наложена семилет-

---

тивном случае прошения оставались без последствий, поскольку истец или истица могли вслед за супругом отправиться на поселение.

¹⁶ См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 523, 524; Оп. 9. Д. 22; ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 61.

¹⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 61. Л. 31.

¹⁸ ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 947. Л. 3.

няя епитимья, после прохождения которой можно было просить разрешение о повторном браке¹⁹.

Было удовлетворено и прошение потомственного дворянина Григория Яковлевича Зоценко, который в 1907 г. обратился в консисторию, желая развода с женой Марией Александровной. Они венчались в 1899 г., он – провизор Муромской аптеки, 30 лет, она – дочь муромского аптекаря А. Антоненко, 23 лет. У обоих молодых людей это был первый брак. Очевидно, молодой человек не имел достаточных материальных средств, так как после свадьбы жил в доме Антоненко. На судеговорении 27 сентября 1910 г. муж сообщил, что его жена имеет любовную связь с бывшим помощником провизора муромской аптеки Н.Н. Солодовниковым, от которого и прижила сына Пантелеймона²⁰.

Материалы слушаний свидетельствуют о том, что в Муроме в 1907-1910 гг. семья Зоценко была, несомненно, в центре общественного внимания. Многие свидетели основывали показания на «слухах». «Говорят», Мария Александровна изменяла мужу, «говорят», у нее ветреный и влюбчивый характер, – записано в деле²¹. Нашелся очевидец, который, якобы, видел любовников «в кустах в местечке Бучиха, совершающих прелюбодеяние»²². На основании этого свидетельства, а также на показаниях еще трех свидетелей, основанных на слухах, супругов Зоценко развели. Мария Александровна на судеговорение не явилась, виновной себя не признала. Документы расследования позволяют предположить, что действительно существовала симпатия между М.А. Зоценко и Н.Н. Солодовниковым, но факт ее безнравственного поведения выглядит недоказанным, а свидетельства неубедительными. Общественное мнение маленького города, каким был Муром, скорее всего, не простило молодой женщине свободного изъявления симпатий, чувств. Мария Александровна позволила себе нарушить рамки патриархальных порядков и была наказана.

---

¹⁹ Там же. Л. 4, 5.

²⁰ ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 944. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 4, 5.

²² Там же. Л. 6.

Не всегда были верны мужьям и женщины из мещанского сословия, жены солдат, фабричных²³. Часто в городских мещанских семьях разлад между мужем и женой длился достаточно долго, годами. Несмотря на то, что инициатором развода выступал мужчина, зачастую найти виновного в семейных неурядицах было очень сложно.

В 1913 г. Владимирская консистория повторно рассматривала бракоразводное дело иваново-вознесенских мещан Яманчиковых – Федора Петровича и Александры Семеновны. Они поженились в 1895 г., но совместная жизнь не сложилась, и уже через три года жена ушла от мужа, и стала жить самостоятельно в собственном доме в м. Ямы. Ф.П. Яманчиков обвинял жену в любовной связи с Ворониным, работавшим на фабрике Ф.И. Гарелина и жившим в доме жены на квартире. Яманчиковы не жили совместно пятнадцать лет, у каждого была своя жизнь, привязанности. Будучи оба экономически независимыми, муж и жена давно хотели получить юридическую свободу, но в 1907 г. духовный суд оставил их брак в силе за недоказанностью факта прелюбодеяния жены. В 1913 г. они вновь отказались примиряться, а на «увещевании» у благочинного Д. Сперанского произошла «такая ссора, которая едва не закончилась дракой»²⁴. Видимо, оба супруга в данном случае не были «ангелами», может быть «не сошлись характерами», как говорили в народе. Но закон не позволял им урегулировать отношения законным путем, что толкало их на путь «прегрешений».

Развод по причине «прелюбодеяния жены» мог возникнуть в случае, когда девушка не знала будущего мужа, или не имела к нему никакой симпатии. Все чаще такие браки в городах заканчивались «расходом» и незаконным сожителем «на стороне». Так, ярославская мещанка Ольга Ивановна Пучилова вышла замуж за Михаила Александровича Пучилова в 1899 г., ей было 19 лет. Она рассказывала о замужестве в прошении на имя архиепископа Ярославского и Ростовского:

---

²³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 46.; Оп. 3. Д. 953; ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 501.

²⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 46. Л. 10.

«Я вступила с ним в брак совсем даже не зная его до этого и его характера, и вступила с ним в брак только благодаря уговору со стороны своих родственников и, будучи несовершеннолетней...»²⁵.

Брак оказался несчастливый, молодые расстались. Проживая отдельно от мужа (в доме отца), О. Пучилова в 1905 г. родила внебрачную дочь. Этот факт стал причиной развода. Брак был расторгнут, а на Ольгу Николаевну наложили семилетнюю епитимию.

С точки зрения естественной человеческой жизни семилетнее наказание было, конечно, чрезмерным. Только христианская идеология аскезы, «умерщвления плоти» могла быть обоснованием таких мер, налагаемых церковью на неверных жен и мужей. Очевидно, что на практике эти наказания нарушались. Упомянутая О. Пучилова обращалась к архиепископу с просьбой сократить семилетний срок запрета для вступления в повторный брак, мотивируя свое прошение жизненными обстоятельствами:

«Ввиду того, что мать у меня давно умерла, отец в очень преклонном возрасте, и я совершенно остаюсь одинокой – я имею честь просить... дать мне разрешение вступить в брак и этим разрешением Вы, Ваше Высокопреосвященство, дадите возможность мне жить в брачной жизни и дочь моя будет узаконена»²⁶.

С момента наложения наказания прошло лишь восемь месяцев, тем не менее, прошение Ольги Пучиловой поддержал ее духовник протоиерей Ярославской городской Власьевской церкви Константин Крылов:

«...Принимая во внимание искреннее, чистосердечное раскаяние означенной мещанки... в содеянном ей грехе, в котором она неоднократно каялась, бывши у меня на исповеди, а с другой стороны, опасаясь, чтобы она, увлеченная молодостью своею (25 лет), не впала опять в таковой же грех, я обращаюсь к Вашему Преосвященству с просьбой разрешить ей, бракоразведенной Ольге Ивановне Пучиловой вступить в новое супружество до истечения времени положенной епитимии, возложив на нее обязательство несения положенной епитимии и по вступлении в новое супружество»²⁷.

---

²⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1536. Л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 2.

Консистория сделала запрос в Синод и получила исчерпывающие разъяснения по данному случаю. Духовник «епитимийца» мог ходатайствовать перед епархиальным начальством, но только в случае, если срок прохождения наказания был не менее двух лет²⁸. На основании полученного разъяснения Ярославская консистория отказала О. Пучиловой в разрешении на брак.

Дальнейшая судьба молодой женщины по документам не прослеживается, но можно предположить, что она или продолжала жить со своим избранником «гражданским браком», проигнорировав, таким образом, мнение церкви, или перспектива складывания семьи была разрушена. В любом случае Ольга Николаевна оказалась в сложнейшей жизненной ситуации. Церковь вместо поддержания нравственного здоровья общества способствовала его деградации.

В рассматриваемый период имели место и случаи выполнения наложенной за «нарушение святости брака» епитимьи, и получения разрешения на повторный брак²⁹.

Причиной разводов нередко являлся распутный образ жизни одного из супругов. Обычно в таких случаях муж и жена жили раздельно в одном городе³⁰, или супруг, чаще всего муж, длительно отсутствовал. В 1907 г. Петр Коледов уехал на военную службу, оставив жену Варвару Михайловну на фабрике Викулы Морозова в с. Никольское. Она проработала там до Пасхи 1908 г., потом уволилась и «сошлась с сыном квартирной хозяйки Василием и стала вести разгульный и распутный образ жизни»³¹. Очевидно, что соседи, знакомые не одобряли подобное поведение молодой женщины: однажды, застав Варвару в постели с любовником, они облили ее помоями³². Приехав домой в отпуск, Петр с трудом нашел опустившуюся, опухшую от пьянки жену у товарища, так как с квартиры ее выгнали, а любовник бросил. Петр просил развода с женой: «Я больше сойтись с ней не

---

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1458. Л. 1-4.

³⁰ ГАВО. Ф. 5. Д. 61. Л. 1, 5, 6.

³¹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 953. Л. 1.

³² Там же. Л. 1 об.

могу, так как она дошла до такой степени, что жить с ней не представляется возможным»³³.

Девиантный образ жизни женщины – примета городской культуры индустриального типа. Оставшись в одиночестве, наедине с проблемами, женщины в городе не всегда могли им противостоять. В деревне был «мир», община, близкие родственники, которые достаточно жестко контролировали поведение, предостерегая от нарушения общепринятых норм. В городе было больше свободы, соответственно больше возможностей для маргинализации.

Сохранились документы, которые свидетельствуют о «расходах» городских семей, которые формально сохраняли брачные узы. После тринадцати лет совместной супружеской жизни в 1897 г. разошлись иваново-вознесенские мещане Кочуровы. Муж обвинял жену в «пьянстве, буйстве и разврате», но и сам не был ангелом. По словам Феодосии Кочуровой, на тринадцатом году жизни ее муж ушел жить к любовнице Анастасии Семеновой, а жене пообещал выплачивать по 15 руб. ежемесячно³⁴. Так как деньги Прокопий Кочуров не платил, то его жена пришла жить в дом, где он поселился со своей симпатией. По словам Феодосии, в течение двух недель они втроем спали на одной постели, она была вынуждена вытерпеть «много неприятностей и побоев от мужа и его любовницы»³⁵. Законная жена, видимо, и не собиралась восстанавливать семью, главной целью было получение денег на содержание, так как и сама Феодосия несколько лет жила «как с мужем» с Каллистратом Рожковым-Москвиным в его доме.

Прокопий Кочуров прожил с вдовой Анастасией Семеновой 14 лет, за это время у них родилось шестеро детей, из которых только один выжил.

На бракоразводном процессе, который был начат по инициативе мужа, Феодосия согласилась примириться, несмотря на то, что муж и жена не проживали совместно уже

---

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 45. Л. 6, 8.

³⁵ Там же. Л. 8.

в течение почти двадцати лет³⁶. Суд не считал возможным удовлетворить иск Прокопия Кочурова о разводе «по причине нарушения им самим супружеской верности прелюбодеянием». По с 45 ст. Т. X, Ч. 1 Свода Законов гражданских (изд. 1900 г.) супруг, изблеченный в прелюбодеянии, не может впоследствии искать развода с другим супругом, хотя бы и имел требуемые доказательства его виновности. Брак оставили в силе, наложив на обоих семилетнюю епитимью³⁷.

Были случаи, когда муж совершенно незаслуженно обвинял жену. Интересна с этой точки зрения история семьи Романовских из Ярославля. В 1890 г. Алексей Александрович Романовский, учитель чистописания Ярославской губернской мужской гимназии, 28 лет, обвенчался с Лидией Павловной Соколовой, 24 лет, имевшей звание домашней учительницы. В семье родились сыновья – Сергей и Алексей. «В первые годы нашей супружеской жизни, – писал А.А. Романовский, – я не замечал измены со стороны моей жены, но затем мне стало ясно, что жена моя нарушает святость брака прелюбодеянием»³⁸. В июле 1905 г. супруги разъехались, а в 1907 г. муж подал прошение о разводе.

При «увещании» Лидия Павловна Романовская категорично отвергла все обвинения и полностью убедила в своей невинности настоятеля ярославской Вознесенской церкви отца Александра Голосова. В рапорте в Ярославскую консисторию он сделал приписку, что «со своей стороны, по долгу пастырской совести, просил бы Духовную консисторию в этом деле не применять 240 ст. Устава по отношению к Романовской Лидии»³⁹. В собственноручной расписке (что очень редко встречается в делах, обычно все документы составлялись чиновниками со слов) Лидия очень грамотно, убежденно защищала свою честь:

«...совершенно не желаю иметь каких-либо супружеских несогласий со своим мужем и чистосердечно признаюсь, что с моей стороны не было никогда за все время нашей совместной супружеской жизни нарушения брачного союза или какой-либо

---

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 15.

³⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1557. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 14.

измены мужу, вследствие чего я вполне согласна неуклонно пребывать в брачном союзе, и потому дело наше о расторжении брака прошу прекратить»⁴⁰.

Муж, однако, категорически отказался примириться, обвиняя жену в любовной связи с выпускником Ярославского юридического лицея Аркадием Георгиевичем Милославовым. На судеговорении последний отрицал обвинения и объяснил, что с Лидией Павловной хорошо знаком, так как занимался с сыном Романовских, но более никаких отношений с ней не имел. Все свидетели характеризовали Лидию как «женщину очень хорошую», главной заботой которой были дети. Ее муж, как выяснилось, пил и скандалил, кроме того, всплыли факты его собственной неверности жене⁴¹.

Можно предположить, что в этой истории имела место типичная ситуация начала XX в., когда муж, мечтая узаконить любовную связь, любыми способами стремится получить развод. Попытка А. Романовского не увенчалась успехом во многом потому, что его супруга, имея гимназическое образование и звание домашней учительницы, не была уже той типичной женой, которая не могла перечить «суженому». В бракоразводном процессе она отстаивает честь и доброе имя, понимая, что сохранить целостность и счастье семьи невозможно. Консистория рассмотрела иск А.А. Романовского о расторжении брака по неверности жены, но, как не доказанный, он был оставлен без последствий⁴².

Бракоразводный процесс был делом длительным, сложным и дорогостоящим, поэтому для женщины решиться на его возбуждение было поступком. Прошение о разводе было яркой манифестацией самостоятельности женщины, преодоления ею семейных рамок, выхода в публичную сферу. Женщины чаще всего просили консисторию о расторжении брака в случае «добрачной неспособности к супружескому сожитию» супруга⁴³, а также в случае его неверности. Примеры нарушения брачного союза прелюбодеянием можно

---

⁴⁰ Там же. Л. 15.

⁴¹ Там же. Л. 46, 69.

⁴² Там же. Л. 70.

⁴³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4501. Л. 1.

встретить и в мешанской, и в крестьянской, и в купеческой средах, а также среди дворян⁴⁴.

Показателен бракоразводный процесс, начатый по инициативе дворянки Татьяны Францевны Федоровой, проживавшей в Рыбинске. В 1906 г. она подала прошение в Ярославскую духовную консисторию с просьбой о расторжении брака с мужем Владимиром Федоровичем Федоровым, служащим Московско – Ярославско – Архангельской железной дороги. Татьяна Францевна вышла замуж в 1897 г. в Варшаве, ей было 19 лет, а жениху 30. С первых лет совместной жизни муж изменял ей, она догадывалась об этом, но точных доказательств не имела. Положение ухудшилось после переезда в Рыбинск.

«Я уже знала, что он имеет связь с женщинами, убеждала его исправиться, но мои просьбы и требования не имели успеха, и он перестал стесняться меня, и водил в нашу общую квартиру женщин для прелюбодейной связи», - рассказывала Татьяна Францевна в прошении.

Последней каплей, переполнившей терпение женщины, был случай, когда знакомые семьи, придя в квартиру «застали... мужа на кровати с Вассой в момент прелюбодейния»⁴⁵.

На судеговорении выяснилось, что Владимир Федорович любил посещать холостую мужскую кампанию, вместе с друзьями ходил к «публичным женщинам»⁴⁶. О жене ничего плохого никто сказать не мог.

В семье Федоровых сложилась достаточно типичная для конца XIX – начала XX века ситуация, когда брак заключался между молодой девушкой и зрелым, опытным мужчиной. Он, не желая отказываться от разнообразной сексуальной жизни, к которой привык, продолжал посещать публичный дом, имел связи вне семьи. Жена сначала терпела измены мужа, не имея доказательств и решимости объявить о своем «позоре», и только когда этот «позор» становился явным, подавала прошение о разводе. В августе 1906 г. кон-

---

⁴⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3797.; Государственный архив Ивановской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 508.; ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1517; 1557;

⁴⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1517. Л. 1-1 об.

⁴⁶ Там же. Л. 32.

систерия приняла решение о расторжении брака, в октябре того же года Синод утвердил это решение⁴⁷.

Прошения женщин не всегда удовлетворялись. Дважды обращалась в консисторию с просьбой о разводе жена мещанина Мария Харитоновна Прошина, проживавшая во Владимире. В 1890 г. был заключен брак, но уже через пять месяцев между мужем и женой начались ссоры, скандалы. «Несколько времени я покорно переносила от мужа незаслуженные оскорбления... надеясь на изменения к лучшему. Но отношения становились все хуже...», – рассказывала женщина историю своих взаимоотношений с мужем⁴⁸. Мария ушла с новорожденным ребенком к матери, а ее муж стал жить с любовницей. В 1891 г. она обращалась к епархиальному начальству с просьбой о расторжении брака, но из-за отсутствия средств вынуждена была просить о прекращении процесса. Когда Алексей Прошин ушел на военную службу, его жена решила довести дело до конца, и вновь подала прошение о разводе. Началась тяжба. На увещевании, а затем на судеговорении Алексей отверг все обвинения и выразил желание сохранить семью⁴⁹. Духовный суд отверг все доводы Марии, брак остался в силе.

Одной из причин разводов в рассматриваемый период, как и ранее, было длительное безвестное отсутствие одного из супругов. В 1895 г. император утвердил Правила для рассмотрения дел такого рода. Один из супругов имел право подать прошение о расторжении брака, если другой отсутствовал в течение пяти и более лет, и о нем полностью отсутствовала информация. После получения прошения, где были подробно изложены все обстоятельства дела, консистория давала распоряжение «о напечатании в издаваемых от Св. Синода и рассылаемых во все приходы «Церковных ведомостях» по приложенной при сем форме объявления о предъявленном иске»⁵⁰. Печатное объявление было обязательным, и на его публикацию с просителя заранее взимали

---

⁴⁷ Там же. Л. 34.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3797. Л. 1

⁴⁹ Там же. Л. 35.

⁵⁰ Владимирские губернские ведомости. 1895. № 12. 24 марта. С. 2.

три рубля. По истечении года со времени публикации объявления, консистория, по ходатайству просителя, приступала к рассмотрению обстоятельств дела, и

«буде не окажется в оном показаний или свидетелей, возбуждающих сомнение в безвестном отсутствии супруга, полагает решение о расторжении брака и о дозволении просителю вступить в новое супружество»⁵¹.

Если дело касалось представителей крестьянского или мещанского сословия, то решение епархиального начальства было окончательным. Дела представителей купечества, дворянства отправлялись на утверждение в Синод.

Объявления о розыске супругов печатали не только «Церковные ведомости», но и светские издания. Вот одна из таких публикаций:

«Шуйское уездное полицейское управление чрез сие разыскивает шуйского мещанина Ивана Ильича Семенова, который более 6 лет тому назад скрылся от жены своей Анисьи Кузьминой Семеновой, и до сих пор домой не возвращался»⁵².

Далеко не всегда дела такого рода заканчивались разводом, часто полиция, церковные власти разыскивали следы пропавшего супруга.

Евдокия Щукина вышла замуж в 1881 г. Ее муж, прожив с женой «весьма недолгое время ... скрылся неизвестно куда». Жена искала его в течение 15 лет и, в конце концов, выяснила, что Иван Щукин был судим за кражу, сослан, женился вторично и умер в 1903 году⁵³.

Лидия Васильевна Дербенева подала в 1907 г. прошение о разводе, так как ее муж «...с 21 декабря 1896 г. выбыл от меня и до сего времени неизвестно где находится»⁵⁴. Лидия Островская (в замужестве Дербенева), дочь отставного фельдфебеля, вышла замуж в 1895 г. Во время отсутствия мужа жила у матери, затем поступила учиться на акушерские курсы при родильном отделении в Ярославле⁵⁵. Ярославская духовная консистория отказала Лидии Васильевне

---

⁵¹ Там же.

⁵² Владимирские губернские ведомости. 1895. № 17. 28 апреля. С. 3.

⁵³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4634. Л. 2.

⁵⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1549. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 13.

в прошении, так Писцовское волостное правление сообщило, что «безвестно отсутствующий муж ея П.Х. Дербенев проживает в Санкт-Петербурге ... и ему в 1906 г. был выдан паспорт»⁵⁶. Такие случаи были не единичны. Усилившаяся в конце XIX в. миграция населения приводила к ослаблению не только общинных, но и семейных, кровнородственных уз.

Встречаются и случаи разводов по «неспособности супруга к брачной жизни», но они единичны⁵⁷.

Документы не позволяют говорить об ущемлении прав женщин во время судебных процессов по бракоразводным процессам. Эта процедура была некорректной как по отношению к жене, так и по отношению к мужу и свидетелям. Под присягой все участники процесса должны были отвечать на такие вопросы, как: «Что Вам известно о прелюбодейной связи X с Y», «Не приходилось ли Вам быть очевидцем факта прелюбодеяния? Как это все происходило» и т.д. Но женщине было сложнее решиться на бракоразводный процесс, так как, во-первых, она находилась в более жестких рамках общественного мнения, во-вторых, чаще всего была экономически несамостоятельна. Деньги требовались для оформления всех необходимых бумаг, которые составлялись по определенной форме, для печатания объявления, если муж отсутствовал. Материальный фактор фигурирует во многих бракоразводных делах, независимо от того, кто был его инициатором, к какому социальному слою принадлежали супруги⁵⁸. Во время бракоразводного процесса жена ярославского купца З.М. Соболева свидетельствовала: «Все мое бракоразводное дело с мужем находится в зависимости от моего крайне тяжелого материального положения. ... Безысходная нужда постоянно была передо мной»⁵⁹. Аналогичные свидетельства содержатся и в других делах⁶⁰.

---

⁵⁶ Там же. Л. 24 об.

⁵⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 1001.

⁵⁸ См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп.4. Д. 1499; Д. 1503; ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1597.

⁵⁹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1499. Л. 46.

⁶⁰ См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1536; ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 867.

Таким образом, на рубеже веков получают развитие новые мотивировки при заключении брака. Многие девушки-горожанки видели основу семейной жизни в эмоциональной близости, чувстве симпатии, но они не были готовы бороться за свои права. Образованные женщины из дворян, интеллигенции, купечества формулировали новые принципы отношений между мужем и женой, начали по-новому смотреть на место и роль женщины в семье. Однако все дела по вопросам брака и семьи по-прежнему находилась в руках церкви, институт законного гражданского брака отсутствовал. Сложность процедуры развода, материальная зависимость заставляли многих женщин всеми силами сохранять семью, сдерживали рост числа бракоразводных процессов. В условиях усложнения гендерных отношений внутри российского социума формирование нового порядка регулирования института брака сдерживалось православной церковью и самодержавным государством, строившим социальную политику на основе устаревших патриархальных принципов. Как только после установления советской власти процедура расторжения брака была упрощена, произошел резкий скачок в количестве бракоразводных дел.

О.П. Смирнова

Культ Весты в римском обществе: зеркало и модель

Религия является одним из важных идентификационных критериев, благодаря которым индивид или группа осуществляет ориентацию в социуме. В этом смысле религия римских граждан предоставляла им простор для социальной идентификации. Дж. Шайд, поставив вопрос о том, что представлял собой «римлянин» с точки зрения его культурной, социальной и религиозной идентичности, пришел к выводу, что невоз-

можно говорить о римской религии вообще, и что в реальности существовала не «римская религия»,

но «римские религии, соответствующие римским социальным группам: городу, легиону, подразделениям легионов, коллегиям служащих, коллегиям ремесленников, кварталам, семьям и т.д.»¹.

Тем не менее, публичные римские культы, связывали Рим в единое целое и обеспечивали идентификацию его населения в качестве римлян. Дж. Шайд указал на особую роль государственного очага храма Весты, который был настоящим символом римской идентичности, укорененности общины на римской почве². Это подчеркивается тем, что в провинциях храма Весты очевидно не существовало. В данной статье будут рассмотрены некоторые аспекты этого культа, имевшие значение для социальной идентификации.

¹ Scheid J. La religion des romains. P., 1998. P. 20.

² Idem. Religion et piété à Rome. P., 2001. P. 82.

Культурный статус весталок и его социальные аналогии всегда вызывали интерес у историков и служили причиной споров и противоречий. Можно выделить три направления в историографии, интерпретирующей культурный статус весталок в связи с их социальным положением³.

Во-первых, это идентификация весталок с незамужними девушками. Одним из вариантов этой гипотезы является представление о том, что весталки изначально были дочерьми царя, замещенного впоследствии верховным понтификом, как утверждали, например Й. Марквардт⁴ и Т. Моммзен⁵. Приверженцы этого направления усматривают сходство весталок с дочерьми в следующем: жриц было несколько; они были девственными (Г. Роуз полагал, что образ жизни весталок в Атрии походит на образ жизни дочерей, воспитывавшихся *bene et pudice*); срок служения жриц был ограниченным⁶; обязанности жриц были сходными с обязанностями дочерей в семье⁷, а процессы над жрицами в случае инцеста⁸ являются проявлением строгости римской семейной жизни⁹; храмовый комплекс Весты – Атрий Весты принадлежал в древности «царской территории», причем весталки были незамужними дочерьми царя¹⁰.

Второе направление видит в весталках женщин, матерей семейства. Например, А. Драгендорф¹¹ и Г. Виссова считали весталок представительницами хозяек дома:

---

³ Мы оставляем в стороне гипотезу о том, что весталки занимались в древности проституцией (*De Witt N. Vesta Unveiled // Mélanges B.G.Ullman. Saint-Louis du Missouri, 1960* – цит. по *Porte D. L'étiologie religieuse dans les Fastes d'Ovide. P., 1985. P. 348*).

⁴ *Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd. III. Leipzig, 1878. S. 220.*

⁵ *Mommsen Th. Römishes Staatsrecht. Bd. II.1. Leipzig, 1877. S. 53.*

⁶ *Rose H. De virginibus vestalibus vestalibus // Mnemosyne, 1926. V. 54. Lipsiae. P. 446-448.*

⁷ *Hommel H. Vesta und die frühromische Religion // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt I, 2, 1972. P. 416.*

⁸ Подробнее об этом понятии см. далее.

⁹ *Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 267.*

¹⁰ *Dubourdieu A. Les origines et le développement du culte des penates à Rome. Ecole française de Rome, 1989. P. 509.*

¹¹ *Dragendorff A. Die Amtstracht der Vestalinnen // Rheinisches Museum für Philologie. 1896. Bd. 51.*

«Римское мировоззрение, которое всегда ставит в параллель общину и семью, находит свое наиболее оригинальное выражение в учреждении государственного очага, у которого, представляя хозяйку дома, шесть дев-весталок заботятся о поддержании огня и о приготовлении пищи»¹².

Ф. Альтхайм считал, что весталка воплощала римскую концепцию женщины: она есть «женщина в тот момент, когда становится тем, для чего она предназначена (sets about becoming that which she intended to be)»¹³ – момент достижения зрелости (complection and consumation), за что весталку особенно почитали. Очевидно, что автор учитывает то уважение, которое воздавалось в Риме матроне. Но независимо от того, считают ли весталок происходящими из царского дома или нет, аргументы сторонников данного направления таковы: некоторые ритуальные обязанности, выполняемые жрицами, сопоставимы с обязанностями римских *materfamilias* (приготовление *mola salsa*, поддержание огня¹⁴); – некоторые праздники, в которых принимают участие весталки, связаны с плодородием; право верховного понтифика наказывать весталок сравнимо с дисциплинарной властью римского мужа над женой¹⁵; одежда весталки сопоставима с одеянием невесты в день свадьбы.

Аргументы сторон могут оказаться взаимоисключающими: в частности, Г. Роуз утверждал в поддержку своего предположения, что в древности плодородие часто было связано с девственными жрецами¹⁶. И неудовлетворительность обоих подходов хорошо видна на примере анализа одеяния весталок¹⁷. То, как одевались жрицы, можно представить по их

---

¹² *Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. München, 1902. S. 158.

¹³ *Altheim F.A.* History of Roman Religion. L., 1938.

¹⁴ *Roscher W.H.* Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1884-1890. VI. S. 260 (со ссылкой на Г. Виссову).

¹⁵ *Aron G.* Études sur la condition juridique des prêtres a Rome: les vestales et le flamin de Jupiter // *Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Etranger.* 28. 1904. P. 33; *Santinelli I.* Le condizione giuridice delle vestali // *Rivista di filologia e d'istruzione classica.* 32. 1909. P. 74. (Далее – RFIC.)

¹⁶ *Rose H.* Op.cit. P. 445-446.

¹⁷ Об одежде весталок см. *Dragendorff A.* Op. cit.; *Wüscher-Becchi E.* Die Kopftracht der Vestalinnen und das velum der "gottgeweihten Jungfrauen" // *Roemische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte.* 16. 1902; *Sensi L.* Ornatus e status sociale della donna

статуям, сохранившимся в Атрии Весты, по изображениям на монетах и сообщениям античных авторов. Их одежда состояла из *stola*, подпоясанной веревкой, надеваемого поверх нее плаща (*pallium*), в который весталка заворачивалась и частью которого покрывала голову. Во время торжественных церемоний весталки надевали *suffibulum* (Fest. P. 474 L¹⁸) – прямоугольное покрывало на голову, спускавшееся до плеч, а на груди скалывавшееся фибулой, от которой и получило название; вокруг головы лежала в несколько рядов повязка (*vitta*) под *pallium*'ом или *suffibulum*'ом (Symm. X. 61; Ovid. Fast. III. 30). Концы *vitta* могли свисать до плеч. Под *suffibulum*'ом была также инфула – в форме диадемы:

«Инфула – это белая повязка, которую жрецы носят на голове наподобие диадемы, с двух сторон которой свисают ленты, которые скрепляют инфулу. Они потому и называются *vittae*, что скрепляют (*vinciant*). Однако инфула часто была широкой, и часто была сплетена из белой и красной шерсти»¹⁹ (Isidor. Origin. XIX. 30).

Во время жертвоприношения весталка откидывала на руку край *pallium*'а и называлась *armita*

«Армитой называют совершающую жертвоприношение весталку, у которой край одеяния откинут на руку»²⁰ (Paul. P. 4 L).

У Феста находится сообщение об еще одной особенности прически весталок, волосы которых были разделены на 6 кос²¹:

---

romane // Ann. Fac. Lett. Fil. Perugia. Sez. Studi Classici, XVII. 4. 1980–1981; Torelli M. Lavinio e Roma. Riti iniziatici e matrimoni – tra archeologia e storia. Roma, 1984; Siebert A.V. Quellenanalytische bemerkungen zu Haartracht und Kopschmuck römischer Priesterinnen // Boreas. 18. 1995.

¹⁸ Suffibulum est vestimentum album, praetextum, quadrangulum, oblongum, quod in capite virgines Vestales, cum sacrificant, semper habere solent, idque fibula comprehenditur.

¹⁹ Infula est fasciola sacerdotalis capitis alba in modum diadematis, a qua vittae ab utraque parte dependent, quae infulam vinciant. Unde et vittae sunt, quod vinciant. Infula autem plerumque lata erat, plerumque tortilis de albo et cocco.

²⁰ armita dicebatur virgo sacrificans, cui lacinia togae in humerum erat reiecta.

²¹ Del Basso E. Virgines Vestales // Atti della Accademia di Scienze morali e politiche, Napoli. LXXXV. 1974. P. 197. N. 180.

«Шестью косами украшаются невесты, потому что этот убор был древнейшим. Или же из-за того, что эту прическу носят весталки...»²² (Fest. 454 L).

Эти жесткие требования к внешнему виду жриц (как и аналогичные требования в отношении фламинов) составляли исключение²³. Объяснение этому факту может находиться в том, что весталки и фламин (в частности фламин Юпитера) могли считаться представляющими божества, которому они служили²⁴, или же в том, что внешний вид и поведение небольшой части жрецов репрезентировало всех жрецов, большинство которых не было подчинено столь строгим нормам: в римском жречестве не существовало, как правило, профессионализации, жесткой иерархии и контроля²⁵. К. Кох справедливо замечал, что весь комплекс одежды весталки может быть рассмотрен как отмечающий своей особенностью священный статус женщины²⁶. По его мнению, весталки выступают перед Вестой как представительницы всех женщин, женской природы, и их служение можно представить как дань женской части населения религиозной безопасности общины, что коррелирует с эпитетом Весты *Custos*²⁷. Но вряд ли приемлемо предположение К. Коха относительно того, что весталка считалась потенциальной невестой всего римского народа, так как ее прелюбодеяние называлось *incestus*²⁸. Это вызвано очень узким пониманием слова *incestus* только как кровосмешения. Между тем *incestus* – это то же, что *incastus* (нечистый); слово же *castus* имеет оттенок «сакрально

---

²² *senis crinibus nubentes ornantur, quod his ornatus vetustissimus fuit. Quidam quod eo Vestales virgines ornantur...*

²³ *Ruepke J. Controllers and Professionals: Analysing Religious specialists // Numen. 43. 1996. P. 253–254.*

²⁴ *См. Scheid J. Le flamine de Jupiter, la vestale et le général triomphant. Variations romaines sur le thème de la représentation des dieux // Le temps de la réflexion. 7. 1986.*

²⁵ *Ruepke J. Op. cit. P. 252–255.*

²⁶ *Koch K. Vesta // Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von A. Pauly, G. Wissowa, Kroll. Stuttgart. VIII. A 2. 1958. S. 1743.*

²⁷ *Ibid. 1770.*

²⁸ *Ibid. 1748.*

чистый»²⁹. Таким образом, *incestus* означает совершение чего-то нечистого, запрещенного обычаям, а не только кровосмешение. К тому же слово *incestus* не является единственным термином для указания на грех весталки, другой термин – *stuprum* (Tit.Liv. XXII, 57) – «бесчестье, позор».

И, наконец, М. Бирд осуществила синтез интерпретаций, основанный на антропологическом подходе, и ставший классическим, несмотря на недавние критические замечания самого автора в свой адрес³⁰. Она показала, что положение весталки одновременно связано с тремя статусами – женским, девственным и мужским³¹. Признаком мужского статуса является то, что весталку, как и должностное лицо – мужчину, сопровождал ликтор, и юридические привилегии весталок (то, что жрица могла давать свидетельские показания в суде). Таким образом, статус весталок является неопределенным, что связано с идеей медиации, посредничества³².

М. Бирд опирается на теорию Мэри Дуглас³³, согласно которой «если существа или вещи являются “промежуточными”, т.е. находятся как бы вне категорий, которые мы обычно используем, чтобы структурировать окружающий нас мир, или несут характеристики более чем одной категории, то они рассматриваются в традиционных обществах как особенно могущественные и священные или опасные»; и более того, существо-посредник может составлять центр религиозной культовой практики³⁴.

Сексуальную неопределенность весталок, как считает М. Бирд, подчеркивают их маргинальность, постоянное пребывание в состоянии *rite de passage* и изоляция от традиционной семьи и социальных структур³⁵. М. Бирд обращает внимание и на то, что и сам священный огонь также является посреднической

---

²⁹ Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Leipzig, 1910: Vesta; castus; incestus.

³⁰ Beard M. Re-reading (vestal) virginity // Women in Antiquity. New Assessments / Ed. R. Hawley, B. Levick. L.-N.-Y., 1995.

³¹ Beard M. The Sexual Status of Vestal Virgins // The Journal of Roman Studies. 1980. 70. P. 17.

³² Ibid. P. 19.

³³ Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concept of Pollution and Taboo, 1969.

³⁴ Beard M. Op. cit. P. 20.

³⁵ Ibid. P. 20.

силой, так как принадлежит и небу, и земле³⁶. Можно вспомнить и замечание К. Леви-Строса о том, что «зола (и сажа) соединяют очаг (на земле) и крышу (образ небесного свода)»³⁷, и очаг в таком случае выступает в качестве посредника между миром богов и людей. Олицетворение же золы – «есть фаллические образы (медиаторов между полами)... и социальные медиаторы (брачный союз между знатым и простым, между богатым и бедным)»³⁸, что находит аналогии в мотиве сочетания рабыни с божеством.

Обнаруживается общность между требованиями, предъявляемыми к будущей весталке (*patrima et matrima*) и к камиллам – детям, прислуживающим при священнодействиях, которые также должны были быть *patrimi et matrimi*. Сервий (Aen. XI. 543) пишет о них:

«Римляне называют камиллами знатных мальчиков и девочек, не достигших зрелости, которые помогают фламинам и фламиникам»³⁹.

В функции камиллов входила, прежде всего, помощь при жертвоприношениях, а также вообще все виды приготовления к ритуалу и службы при совершении ритуала⁴⁰. Нет оснований утверждать, как это делает Г. ван Леув, что весталки – это наследницы камилл⁴¹ и вечные невесты⁴², хотя интересно замечание этого автора о том, что, по римским понятиям, дети обладали особой слабостью, которая могла быть преобразована в особую силу и которая делала их способными в священнодействиях встречаться с божеством⁴³. Ван Леув, объясняя требование быть *patrimi et matrimi*, прилагаемое к камиллам, считает, что в противном случае они не являются детьми дома в полном смысле слова (т.к. «первичная община» не полна)

---

³⁶ Ibid. P. 24.

³⁷ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985. С. 202.

³⁸ Там же. С. 203.

³⁹ *Romani quoque pueros et puellas nobiles et investes camillos et camillas appellabant flaminicarum et flaminium praeministros.*

⁴⁰ *Van Leeuw G.* *Virginibus pueribusque. A study on the Service of children in Worship.* Amsterdam, 1939. P. 4.

⁴¹ Ibid. P. 11.

⁴² Ibid. P. 29.

⁴³ Ibid. P. 15.

и не могут прислуживать в домашнем ритуале⁴⁴. Требование быть *patrima* и *matrima*, предъявляемое к весталке, ставило ее тем самым в контекст идеально понимаемой римской семьи⁴⁵.

Так, культовый статус жриц Весты представлял собой синтез основных половых, возрастных и социальных статусов (девы (дети), женщины и мужчины), и служил для римлян культовым зеркалом стратификации общества, в котором мог идентифицировать себя каждый римлянин⁴⁶.

Не так давно один из крупнейших современных специалистов в области римской религиозной истории Джон Шайд продемонстрировал, какое место занимали женщины в римской религии: подчиненные мужчинам и ограниченные маргинальными ролями, они, тем не менее, составляли ее необходимый элемент⁴⁷, причем некоторые (весталки, Сивилла и ее пророчества) обладали даже парадоксальным статусом, т.к. выполняли задачи, имевшие важное значение для жизни Рима (для римлян обряды, исполняемые жрицами, и пророчества Сивиллиных книг являлись своего рода талисманами)⁴⁸. При исследовании религиозного статуса женщин Дж. Шайд сосредоточил основное внимание на их роли в процессе и порядке римского жертвоприношения: женщины, как правило, не имели права совершения жертвоприношения, т.е. умерщвления жертвы, пользования жертвенным ножом, а если это имело место, то происходило ночью, при закрытых дверях, в загородных святилищах – т.е. на границе территории Рима⁴⁹, и совершать жертвоприношение публично, за римский народ, женщины не могли. Как показал О. де Казанов, отстранение римлянок от участия в жертвоприношении нашло выражение в традиционном за-

---

⁴⁴ Ibid. P. 12.

⁴⁵ Staples A. From Good Goddess to Vestal Virgins. Sex and Category in Roman Religion. L.–N.–Y., 1998. P. 139.

⁴⁶ Более подробно о весталках и жрицах в культе см. Смирнова О.П. *Virgo tacita* // Вестник древней истории. 2002. 3. С. 56-70.

⁴⁷ Scheid J. D'indispensables étrangères: Les rôles religieux des femmes à Rome // Histoire des femmes en Occident. V.1. Antiquité. P., 1991. P. 428-433.

⁴⁸ Ibid. P. 428.

⁴⁹ Ibid. P. 407-409.

прете женщинам употреблять чистое вино, разделявать мясо и производить первичную обработку зерна⁵⁰.

Исключительность весталок состояла в том, что они в качестве общественных жриц, наряду с супругами фламинов и царя священнодействий, «составляли исключение в римской религиозной жизни, почти целиком состоящей из мужчин»⁵¹. Весталки готовили *mola salsa*, используемую при *immolatio* в жертвоприношении (при этом они обжигали и толкли зерно, – процессы, из которых были исключены римские женщины), и присутствовали на всех публичных жертвоприношениях; весталки имели право и на жертвенный нож (*secespita*)⁵².

Слово в римском культе являлось одной из наиболее важных ритуальных процедур: молитва, обязательно сопровождающая ритуал (не содержащая, впрочем, никакого метафизического или духовного основания), придавала ему законченность и действенность⁵³. Право произносить молитву в публичном культе еще больше, чем право на совершение ритуального действия, выделяло весталок из других римских женщин – произнесение молитвы было очень ответственным актом:

«В то время, как жесты не подчинены контролю и могут быть, в случае ошибки, повторены после искупительного жертвоприношения (*piaculum*), за молитвами внимательно следят и они не могут быть исправлены или повторены. Сразу после произнесения они выполняют свое действие, хорошее или плохое. Именно поэтому те, кто произносили молитву, зачитывали наиболее важные тексты молитв сами или заставляли зачитывать помощника (*praeire in verbis* или *verba praeire*)...»⁵⁴.

Продолжая рассмотрение традиционных запретов, касавшихся римских женщин и восходивших к царскому законодательству, нельзя не указать на знаменательный текст Плутарха

---

⁵⁰ De Casanove O. Exesto. L'incapacite sacrificielle des femmes a Rome (a propos de Plutarque Quaest. Rom. 85) // Phoenix. 41. 1987. Критику концепции О. де Казанова см. Mustakallio K. Sex Vestae Sacerdotes. What do they represent? // Annales Universitatis Turkuensis. Ser. 13. T. 219. 1997.

⁵¹ Scheid J. D'indispensables étrangères. P. 410.

⁵² De Casanove O. Op. cit. P. 170. N. 57.

⁵³ Scheid J. La religion des Romains. P. 85.

⁵⁴ Ibidem.

ὁ δὲ Νουμᾶς ταῖς γαμεταῖς ... καὶ νήφειν ἐδίδαξε καὶ σωπᾶν εἶθισεν, οἴνου μὲν ἀπεχομένους τὸ πάμπαν, λόγῳ δὲ μὴδὲ ὑπὲρ τῶν ἀναγκαίων ἀνδρὸς ἄνευ χρωμένους⁵⁵ (Comparatio Lyncurgi et Numae, III):

Ограничение речи, по аналогии с запретом на вино, можно также считать относящимся к культуре и религиозной практике (хотя, очевидно, оно равным образом относится и к юридической и гражданской жизни – исключительно мужским сферам деятельности⁵⁶). В то время как женщины произносили молитвы во время своих церемоний, происходивших «на обочине» культовой жизни Рима, весталки молились в процессе публичных церемоний и за римский народ. Возможно также, что и сами жрицы могли осуществлять контроль над произнесением молитв римскими женщинами (например, во время церемонии в честь *Вона Деа*). Все эти исключительные права весталок находят объяснение в особом тройном статусе жриц: девы, женщины и мужчины одновременно, согласно гипотезе М. Бирд. Весталки обладали правами и привилегиями, которые выделяли их из всех остальных римских женщин и назывались античными авторами «многими и великими почестями» (Dion.Hal. II. 67).

Во-первых, весталки обладали определенным имуществом, а также правом распоряжаться им без посредства опекуна (это право, по словам Плутарха, было даровано весталкам легендарным Нумой (Plut. Numa. X)). Так, Симмах упоминает о том, что весталки собирались ставить статую префекту Рима Веттию Агорию Претекстату (Ер. II. XXXVI), а когда понтифики запретили это, статую поставила на свои средства старшая весталка Целия Конкордия (о чем известно из надписи на базе статуи, в свою очередь поставленной Целии Конкордии женой Претекстата – CIL VI. 2145). Вообще для римлян имущественные привилегии весталок были делом настолько само собой разумеющимся, что они помещали их существование во

---

⁵⁵ «Нума... научил замужних женщин быть трезвыми, хранить молчание, совершенно воздерживаться от вина, и не говорить даже о необходимом в отсутствии своего мужа».

⁵⁶ Можно привести другое замечание, сделанное Плутархом относительно речи женщин: (Conjugalia praeserta, 31) δεῖ δὲ ... μὴδὲ τὸν λόγον δημόσιον εἶναι τῆς σφύρονος... («Следует, чтобы мудрая женщина ... не говорила публично»).

времена весьма отдаленные. Ливий говорит, что при осаде Рима галлами весталки ради заботы о святынях пренебрегли собственным имуществом (V. 40. 17).

Весталки обладали земельными участками: Плутарх сообщает, что весталка Тарквиния какое-то время спустя после изгнания царя посвятила богу участок на Марсовом поле (Poplicola. VIII); Симмах также упоминает о земельных участках, которые получали по завещанию весталки (Rel. III. 13 – agros legatos). Плутарх рассказывает, что Красс собирался купить у весталки Лицинии поместье в пригороде, и их экономические отношения и повлекли за собой обвинения в совершении этими лицами инцеста (Plut. Cras. I).

Весталки владели рабами. Эти рабы были, скорее всего, как публичными, так и частными⁵⁷. Б. Скардильи выделяла следующие возможные категории рабов весталок. Публичные рабы могли подразделяться, во-первых, на рабов, приставленных к жрецам для культовой деятельности. В случае с весталками это *sacerdos V.V* (CIL VI 2150) и *fictor* (CIL VI 2134, 2136, 2137; 32413, 32418, 32419), которые упоминаются в связи с весталками не ранее 200 г. н.э., и в некоторых надписях они обозначены как вольноотпущенники (CIL VI 2134, 2136, 2137, 32413, 32419). Во-вторых, весталки нуждались в сопровождающих лицах, когда они выходили вечером или совершали ночные жертвоприношения, а также в писцах для своего архива и в рабах, которые обслуживали кассу весталок⁵⁸. Литературные источники указывают на присутствие публичных рабов в окружении Весты и весталок⁵⁹.

---

⁵⁷ Scardigli B. Servi privati della Vestali? // Schiavi e dipendenti nell'ambito dell' «oikos» e della «familia». Atti del XII colloqui GIREA (Pontigiano, 19– 20 novembre 1995). Pisa, 1997.

⁵⁸ Ibid. P. 235.

⁵⁹ «Piso in aedem Vestae pervasit, exceptusque misericordia publici servi... / Пизон укрылся в храме Весты и был принят там из жалости публичным рабом» (Tac. Hist. I. 43. 2); «aedis Uestae uix defensa est tredecim maxime seruorum opera, qui in publicum redempti ac manu missi sunt / Храм Весты едва был спасен – в основном с помощью тридцати рабов, которые были выкуплены государством и отпущены на волю» (Liv. 26, 27,4).

Б. Скардиллы указывала также на многочисленные культовые обязанности жриц, требовавшие помощников. Кроме того, в источниках встречаются сведения о рабах, участвовавших в процессах о несоблюдении весталками целомудрия: весталки Орбиния в 472 г. до н.э. (Dion.Hal. IX. 40, 1-4) и Минуция в 337 г. до н.э. (Liv. VIII. 15. 8) стали жертвами доноса рабов. В категорию частных рабов весталок, по мнению исследовательницы, могли входить рабы, приставленные к детям, т.к. в весталки выбирали еще девочек – возможно, *lectrix virginis* (CIL VI 33473) имеет отношение к весталке⁶⁰. О личных рабах весталок говорит и право жриц на составление завещания, и возможность отпускать рабов на волю (так, Минуции во время судопроизводства, пока не был вынесен приговор, было запрещено отпускать рабов на волю (Liv. VIII. 15. 8)). В надписях упоминаются вольноотпущенники весталок, например, Юнии Торкваты (CIL VI 20788, 20852), Тейи Руфины (CIL VI 27132; возможно, что надписи 27133 и 27134 также поставлены отпущенниками этой весталки). В надписи из Тибура (Inscr. It. IV. IV. I. 188 = CIL XIV 3679) упоминается С. Sextilius Sa[ufeia?]e virginis Vestalium lib(ertus) Ephebus. Плиний Младший рассказывает, что Домициан схватил человека за то, что он прятал у себя в имении отпущенницу весталки Корнелии, подозреваемой в совершении инцеста (Письма. IV. 2). Рабыни могли, вероятно, жить вместе с весталками в Атрии, а рабы – в других местах, где у весталок были экономические интересы⁶¹.

Собственность храма также существовала: «Коллегии жрецов, а также весталки владеют полями... / Collegia sacerdotum itemque uirgines habent agros...» (Siculus Flaccus, 162 – II в. н.э.). Кроме того, *liber coloniarum* (I, P. 235, 4-8) приписывает весталкам владение землями на *ager* Ланувия⁶².

---

⁶⁰ Op. cit. P. 239.

⁶¹ Saquete J.C. Las vírgenes vestales. Un sacerdozio femenino en la religión pública romana. Madrid, 2000. P. 116-117.

⁶² «Lanuvium, muro ductum, colonia deducta a divo Iulio. Ager limitibus Augusteis pro parte est adsignatus militibus veteranis, et pro parte virginum Vestalium lege Augustiana fuit / Ланувий, обведенный стеной, является колонией, выведенной божественным Юлием. Территория в

Ж-М. Пайе считал это собственностью либо коллективной – местного святилища, либо зависящей от Атрия Весты⁶³. Об эксплуатации этих земель сведений немного. В частности, у Гигина (I в. до н.э. – нач. I в. н.э.) сообщается, что земельная собственность жрецов была преобразована в *vectigales*:

«Также некоторые поля весталок и жрецов по контракту были преобразованы в доходные поместья... Как правило, эти поля отдаются арендатору сроком на пять лет, но сдаются также и на год»⁶⁴ (Hug. De cond. agr. P. 177 La).

Весталки владели и деньгами: Тиберий дал новоизбранной весталке Корнелии 2 млн. сестерциев,

«чтобы возвысить достоинство жрецов, и чтобы сами они с большим рвением служили богам» (Tac. Ann. IV. 16; пер. А.С. Бобовича).

Речь идет именно о частном имуществе жриц Весты; помимо этого они находились на государственном содержании – во время принципата Августа были увеличены пособия (*commoda*) весталкам, под которыми, вероятно, следует понимать государственное содержание коллегии (учреждение некоего *stipendium* из казны относят еще ко времени Нумы – Liv. I. 20). Весталки имели собственную казну – *arca*, куда поступали, например, штрафы за разрушение надгробий (CIL VI 5175, 13618, 13822, 14672, 29923, 299924, 29925; AE. 1920, 107; 1962, 156).

Во-вторых, у весталок были определенные юридические привилегии. Плутарх говорит, что упомянутая выше весталка Тарквиния за свой дар была удостоена великих почестей:

«Между прочим, ей, единственной среди женщин, было дано право выступать с показаниями в суде» (Publicola. VIII; пер. С.П. Маркиша);

об этом же говорит Геллий, связывая эту привилегию с законом Горация, но весталка у него называется Тарация или Фуфетия (VII. 7). Пример дачи весталками свидетельских показа-

---

границах, обозначенных Августом, частично отдана солдатам-ветеранам, а частично – весталкам по закону Августа».

⁶³ Pailler J.-M. La vierge et le serpent. De la trivalence à l'ambiguïté // Melanges de l'Ecole Française de Rome: Antiquité. 109. 2. 1997. P. 513.

⁶⁴ *Virginum quoque Vestalium et sacerdotum quidam agri uectigalibus redditu sunt locatim... solent uero et hi agri accipere per singula lustra mancipem: sed et annua conductione solent locari.*

ний находится у Асония Педиана (в связи со смертью Клодия возле Бовилл в 52 г. до н.э.):

«Альбанские весталки также показали, что к ним явилась неизвестная женщина по указанию Милона исполнить обет, т.к. Клодий был убит»⁶⁵ (pro Milon. 28).

Геллий приводит слова претора из постоянного эдикта о фламиние Юпитера и жрице Весты:

«Жрицу Весты и фламина Юпитера я не принуждаю приносить клятву во всем, что касается моей юрисдикции» (X. 15).

По декрету, предоставившему императору Валериану цензуру, старшая весталка наравне с консулами и столичными преторами и *rex sacrorum* была изъята из цензорской власти Валериана (SHA. XXII. VI. 6).

Гай, определяя, как может быть ликвидировано в отношении кого-либо *ius potestatis*, замечает, что среди прочих из *patris potestate* при живом отце выходят мальчики, если посвящаются во фламины Юпитера, и девочки, если берутся в весталки (Gai Institut. I. 30). Рассуждая об опеке над несовершеннолетними, установленной по завещанию, Гай определяет, что, по достижении совершеннолетия, сын освобождается от опеки, дочь же нет (женщины освободились от опеки только законом *Iulia et Papia Poppaea* по праву 3-х детей), но это не распространяется на весталок, которых предки сделали свободными из уважению к сану, и это зафиксировано в законах XII таблиц (XII. V. 1; – Institut. I. 145).

Авл Геллий сообщает (со ссылкой на Лабеона Антистия), что когда девочку принимают в весталки, она без эманципации и без ограничения правоспособности (*capitis deminutio*) выходит из-под власти отца и получает право составления завещания (I. 12). В комментариях Лабеона к законам XII таблиц сказано, что весталка не является наследницей кому-либо без завещания (*intestata*) и ей без завещания никто не наследует, но имущество ее поступает в казну (*ad publicum*) (I. 12). Плутарх приписывает Нуме дарование весталкам права составления завещаний при жизни отца (Plut. Numa. X).

---

⁶⁵ *Virgines quoque Albanae dixerunt mulierem ignotam venisse ad se quae Milonis mandato votum solveret, quod Clodius occisus esset.*

Цицерон возмущался несправедливым, по его мнению, законом Вокония 169 г. до н.э., запретившим назначать женщин наследницами граждан, внесенных в ценз в качестве обладателей имущества в 100 тысяч сестерциев и выше, но не распротранявшимся на весталок:

«Почему у девы-весталки может быть наследник, но его не может быть у ее матери?» (De re pub. III. 17).

То, что новоизбранная весталка выходила из *patria potestas*, означало, что она становилась персоной *sui iuris*. Т. Моммзен считал⁶⁶, что весталка, благодаря *captio* входила под власть государства, которое было представлено верховным понтификом – как бы опекуном, а Э. Руджеро видел в отношениях весталок с понтификом аналог брачной связи⁶⁷. Заметим, что нигде в источниках не встречается примеров, которые бы свидетельствовали о том, что великий понтифик, «куратор» весталок, имел над жрицами власть, выходящую за пределы сакральной сферы – т.е. власть верховного понтифика над весталками отнюдь не полностью заменяла утраченную ею *patria potestas*.

Г. Арон указывал на то, что выход весталки и фламينا Диала из *patria potestas* находится в противоречии с тем, что они не претерпевали *capitis deminutio*. Существовали следующие гипотезы на этот счет: первая заключалась в том, что весталки и фламин остаются в семье, но *patria potestas* приостанавливается; вторая состоит в том, что жрецы выходили из семьи, но *capitis deminutio* в их случае было исключено в силу особых обстоятельств вхождения их в жречество; Г. Арон отвергал обе гипотезы и предлагал свою, согласно которой юридический статус жрецов возрастал при их вступлении в жречество, в то время как *capitis deminutio* представляло собой уменьшение юридического состояния⁶⁸.

То, что весталка одновременно получала право составления завещания, вероятно, подразумевает, что ей выделялось семьей определенное имущество, о существовании которого говорят

---

⁶⁶ Mommsen Th. Op. cit. S. 53–54.

⁶⁷ Ruggiero E. Il foro romano. Roma, 1913. P. 276.

⁶⁸ Aron G. Op. cit. P. 9.

источники: рабы, деньги, земельные участки⁶⁹. Таким образом, весталка могла самостоятельно распоряжаться как *res mancipi*, так и *res nec mancipi*. Весталка обладала и пассивной завещательной правоспособностью, но для этого ее непременно нужно было упомянуть в завещании, ибо *intestata* она не имела права на получение имущества. Как заметил Г. Арон, выход весталки из *patria potestas* означал ее выход из агнатской семьи, потому что эта семья целиком основывалась на *patria potestas*⁷⁰. То, что римская женщина не имела права на составление завещания, также было в интересах агнатской семьи – чтобы семейное имущество не перешло в руки чужих⁷¹. Видимо, таким образом подчеркивалось отдаление весталки от семьи, родственных связей, она ставилась вне их, чтобы в своем служении выступать представительницей всего римского народа.

В-третьих, в привилегии весталок входит их присутствие на общественных мероприятиях – в частности на зрелищах. Светоний сообщает, что Август удалил женщин на гладиаторских боях на самые верхние места, хотя по старому обычаю они могли сидеть вместе с мужчинами. Исключение было сделано только для весталок, которым было предоставлено в театре отдельное место напротив преторского кресла (Aug. 44. 2). Присутствие жриц Весты на подобных спектаклях было одним из объектов нападок раннехристианских авторов: Арнобий с возмущением констатирует, что публичные зрелища, занесенные им в разряд непристойных, посещают коллегии всех жрецов, в том числе и «целомудренные девы, поддерживающие и охраняющие постоянный огонь» (IV. 35). По сообщению Светония, Нерон допустил весталок и на атлетические соревнования⁷². Кроме того, им было разрешено пользоваться *carpentum* – двухколесным

---

⁶⁹ И. Сантинелли полагал, что это имущество выделялось весталкам со стороны государства в виде персонального стипендия, однако, источники ничего не говорят об этом (*Santinelli I. La condizione giuridica delle Vestali // RFIC. XXXII. 1904. P. 65*).

⁷⁰ Aron G. Op. cit. P. 7.

⁷¹ Ibid. P. 16.

⁷² «ad athletarum spectaculum inuitavit et uirgines Vestales, quia Olympiae quoque Cereris sacerdotibus spectare conceditur / Он пригласил на атлетические состязания даже весталок, поскольку в Олимпии даже жрицы Цереры допущены на это зрелище» (Nero. 12).

крытым экипажем, пользование которым в пределах Рима было дозволено как особый знак отличия еще жрецам и матронам, но только в праздничные дни⁷³. Если же весталку встречал магистрат, имевший право носить *fasci*, он опускал их перед жрицей (Seneca. Contr. VI. 8).

В-четвертых, весталки могли использовать свое сакральное положение в общественной жизни: весталки выходят в сопровождении ликторов,

и «если по пути случайно встретят осужденного на казнь, приговор в исполнение не приводится; весталке только следует поклясться, что встреча была невольной, неумышленной и ненарочитой» (пер. С.П.Маркиша) (Plut. Numa. X).

Эта привилегия восходит, видимо, ко времени вторых триумфиров, которые, по сообщению Диона Кассия, позволили весталкам иметь каждой по ликтору: так как одна из них, будучи неузнанной, была оскорблена, когда возвращалась домой с ужина под вечер (XLVII. 19. 4). Весталки могли получать и иные почести: так, Плиний Старший пишет, что весталке Тарации была поставлена статуя (XXXIV. 25).

Положение весталок особенно рельефно выступает при сопоставлении с положением других женщин Рима. Весталка была персоной *sui iuris*, а римская женщина, в древности находившаяся под *patria potestas* или под властью опекуна, ничем вначале не отличавшейся от *patria potestas*, – нет. Она не могла свободно распоряжаться всем своим имуществом – только *res nec mancipi*, находясь под опекой. Она не обладала и активной завещательной правоспособностью, так как древние завещания проводились в народном собрании. Lex Voconia ограничил пассивную завещательную правоспособность части женщин. На этом фоне положение и привилегии весталок кажутся необычно высокими.

Такое положение не оставалось неизменным. Хотя формально неполноправность женщин была смягчена только к концу классической эпохи римской юриспруденции, на практике уже во время поздней Республики в связи с распространением браков *sine manu*, использованием так называемых *coemptio tutelae evitandae causa*

---

⁷³ В Lex Iulia municipalis сказано: «...В какие дни весталок, царя священнодействий, фламинов надлежит везти по городу в повозках по случаю общественных празднеств, закон Юлия не регламентирует...» (62-63).

и *coemptio testamenti faciendi gratia*⁷⁴, фактическим прекращением к началу принципата запретов по Вокониеву закону (Дион Кассий говорит об Августе, что тот, в противоположность закону Вокония, позволил некоторым женщинам наследовать большие суммы (LVI, 10)), освобождением от опеки женщин, имеющих трех детей по закону *Iulia et Papea Porrea* 18 г. до н.э. – 9 г. н.э., женщина могла и свести опеку к простой формальности, и самостоятельно распоряжаться своим имуществом, и составлять завещания.

Привилегии весталок были весьма значительными лишь ограниченное время. На начальном этапе римской истории они были тем значительнее, что, по мнению Г. Виссова, весталками могли стать только девочки, родившиеся от брака *per confarreationem*, т.е. *cum manu*. По мере того, как снимались ограничения свободы римских женщин, объем привилегий весталок соответственно уменьшался, и ко времени Августа на практике римская женщина могла воспользоваться теми же правами, что и жрица Весты. Высказывалось предположение, что в этом процессе расширения юридических прав римских женщин образцом служили привилегии весталок, свидетельствующие об их «мужском» статусе⁷⁵.

Как бы то ни было, весталки могли служить нравственным примером для женщин. Цицерон провозглашает:

«Служат ей [Весте] шесть девушек, чтобы им было легче бодрствовать, поддерживая огонь, и дабы женщины на их примере понимали, что женское естество может переносить полное целомудрие»⁷⁶ (*De leg. II. 12. 29*; пер. В.О. Горенштейна).

При Августе Веста и весталки использовались в пропаганде женской чистоты. Август сблизил статус весталок и женщин, увеличив льготы весталок (*Suet. Aug. 30. 3*), и даровав «весталкам все привилегии, которыми пользуются женщины, имеющие детей» (*Dio Cass. Hist. Rom. 56, 10, 3*)⁷⁷ (М. Бирд видит в этом еще одно подтверждение «матронального» статуса весталки⁷⁸).

⁷⁴ Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 309.

⁷⁵ Guizzi F. *Aspetti giuridici del sacerdozio romano. Il sacerdozio di Vesta*. Napoli, 1968. P. 200.

⁷⁶ *Ei colendae virgines praesint, ut advigilatur facilius ad custodiam ignis et sentiant mulieres naturam pati feminarum omnem castitatem.*

⁷⁷ *καὶ ταῖς ἀειπαρθένοις πάνθ' ὅσα περ αἱ τεκοῦσαι εἶχον ἐχάρισατο*

⁷⁸ Beard M. *The Sexual Status...* P. 17.

В частности, Овидий называет Ливию Вестой матрон: *esse pudicam te Vestam, Liuvia, matrum*⁷⁹ (Ex.Pon., IV, 13, 29-30).

М. Флори было показано, что роль Ливии как *sacerdos divi Augusti* подчеркивалась не только посвящением ею статуи *divus pater Augustus* возле театра Марцелла (Тас. Ann. III. 64), но и ее ассоциацией с весталками⁸⁰. Ливия получила некоторые привилегии весталок, а именно, право на *carpentum* в 22 г. н.э. (Тас. Ann. III. 64) и право находиться в театре вместе с весталками (Тас. Ann. IV. 16). Р. Фрей-Столба считала, что эта привилегия должна была разрешить противоречие между статусом Ливии как женщины и как супруги принцепса⁸¹. Впоследствии право на *carpentum* получила от сената Мессалина: когда Клавдий праздновал триумф над бриттами в 44 г., Мессалина ехала на *carpentum* непосредственно за колесницей Клавдия. Тем самым, *carpentum* получил триумфальное значение⁸². Очевидно, что моделью для расширения привилегий женщин были весталки. Возвращаясь к Ливии, следует вспомнить и о том, что в 35 г. до н.э. она вместе с Октавией, сестрой Октавиана, получила еще три привилегии: *sancrosanctitas*, освобождение от *tutela mulierum* и право получить статую (Dio Cass. XLIX. 38; LVIII. 2). Предполагают, что Ливия и Октавия благодаря *sancrosanctitas* были ассимилированы с весталками⁸³. Однако, другие исследователи оспаривают это мнение, указывая на то, что весталки назывались *sanctae*, а не *sancrosanctae*⁸⁴. Р. Фрей-Столба указывает на то, что данные привилегии Ливии (освобождение от опеки, право на статуя) были довольно посредственными в свете положения женщин в конце Республики, однако привилегии, которые Ливия получала в течение всей своей жизни, действительно имели целью сблизить положение

⁷⁹ «Ты, Ливия, являешься Вестой чистых матрон».

⁸⁰ Flory M.B. The Integration of women into the Roman triumph // Historia. 47. 4. 1998. P. 493.

⁸¹ Frei-Stolba R. Recherche sur la position juridique et social de Livie, épouse d'Auguste // Etudes de Lettres. 1998. 1. P. 79.

⁸² Flory M.B. Op. cit. P. 490.

⁸³ Schrömbert P. Tiberius und die res publica romana. Untersuchungen zur Institutionalisierung des frühen römischen Prinzipaten. Bonn, 1986. S. 191.

⁸⁴ Frei-Stolba R. Op. cit. P. 73.

императрицы с положением весталок, и впоследствии каждая римская императрица приобретала эти привилегии, вместе с получением титула «Августа»⁸⁵.

Можно отметить тенденцию постепенного появления на монетах имен женских представителей императорской семьи. Целью этого, видимо, было утверждение женского благочестия и добродетельности. Кроме того, Юлия Домна вообще интересовалась религиозными и философскими вопросами. Как известно, она и ее окружение участвовали в неопифагорейской реформе религиозного синкретизма⁸⁶ и привлекли внимание к мудрецу и чудотворцу Аполлонию Тианскому. В одной из надписей из Лампсака Юлия Домна названа «новой Вестой».

М. Линднер продемонстрировала, что во II в. н.э. головной убор весталок вдохновлял стиль причесок их современниц, в числе которых были и представительницы императорского дома. В частности, специфический тюрбан Сабины обязан своим возникновением как прическе ее матери, так и *infula* весталок, которая была обернута вокруг их голов наподобие тюрбана. Впоследствии этот стиль сохранялся среди женщин, не принадлежавших к императорской семье, несмотря на то, что Фаустина Старшая ввела другой стиль прически. Это, по мнению М. Линднер, объясняется тем, что весталки в это время носили прическу в виде тюрбана под *infula*. В начале эпохи Северов возобновляется взаимосвязь между прическами весталок и других женщин. Плавтилла моделировала одну из своих причесок («соп-гоу» – тугие косы) по модели инфулы весталок. Это, как считает М. Линднер, доказывает, что императрицы II и начала III в. конструировали свою идентичность посредством сознательных отсылок к головному убору весталок⁸⁷.

Эпитеты весталок из надписей императорского времени показывают, каков был идеальный образ весталки в то время, и в некоторой степени объясняют, какие цели преследовали родственницы императоров, помещая Весту на монетах.

---

⁸⁵ Ibid. P. 88.

⁸⁶ Reville J. La Religion à Rome sous les Sévères. P., 1886. P. 23.

⁸⁷ Lindner M. Infula and Turban: Iconographic interchange in Roman women's hair styles of the second century AD // The American Journal of Archaeology. 100. 1996. P. 393-394.

Наиболее часто встречающиеся определения указывают на святость весталок (*sanctissima* – святейшая: CIL VI¹ 2131, 2132, 2134, 2135, 3136, 2137, 2140, 2141, 32412, 32414, 32416, 32417, 32418, 32419, 32420; *sanctitas*: VI 2143, 2145, 32415; *SANCTIMONIA*: VI¹ 2133). Затем следует указание на их усердие жриц в отправлении культа (*religiosissima* – набожнейшая: CIL VI¹ 2134, 2137, 2138, 2141, 32416, 32417, 32419, 32420; *religiosa*: CIL VI 2172, 32415), на благочестие весталок (*piissima* – благочестивейшая: CIL VI¹ 2134, 2135, 2136, 27134, 32414, 32418, 32420; *pietissima*: CIL VI¹ 2172), и, наконец, подчеркивается чистота жриц (*puccississima* – стыдливейшая: VI¹ 2141; *puccitia*: VI 2145, 32422; *purissima* – чистейшая: VI¹ 2134; *castissima* – непорочнейшая: VI¹ 2134; *castitas*: VI 32422; *innocentia* – невинность: CIL XIV 3677). Кроме того, выделяется и благодетельная активность весталок по отношению к другим лицам (*benignissima* – щедрейшая: VI¹ 2131, 2138, 2140).

В трех надписях из Атрия Весты (CIL VI¹ 2138 (вт. пол. III в.), 2132 (сер. III в.), 2133 (242 г.)) говорится о действиях сената, признавшего заслуги старших весталок Целии Клавдианы, Кампии Северины и Флавии Мамилии: сенат облакает весталок славой: *laude comprobavit; aeterna laude publice cumulavit*, но предлоги для этого: *plenam sacrorum erga deos administrationem; pius ritus; sinceram puccitiam*, что связано с сакральной деятельностью весталок и их благочестивым поведением.

Таким образом, весталка соблюдает обеты и содержит себя в чистоте и непорочности, ведет себя скромно и стыдливо, к обязанностям относится благочестиво, она полна набожности и поэтому обладает святостью. Помимо непосредственных обязанностей, весталка оказывает благодеяния людям, поэтому она является выдающейся (*praestantia, praestantissima* – CIL VI 2124, 2133, 2143, 32416-32418) и благодетельной. Следует только отметить, что эти эпитеты не являлись исключительной привилегией весталок. Так могли характеризовать муж жену (Т. Flavius Chrysippus назвал супругу в надписи на надгробном памятнике *sanctissima* (VI² 6209) или родители дочь (также надгробный памятник – *virgini sanctissimi* – VI³ 23823).

Авзоний сравнивает чистоту ложа Грациана с алтарем Весты⁸⁸, Клавдий Мамертин также ставит чистоту ложа Юлиана выше чистоты весталок⁸⁹.

Очевидно, что для раннехристианских писателей, привилегии весталок в некотором роде были также образцом статуса посвященной богу девственности. Цитируем Амвросия Медиоланского:

«А если они полагают, что одним весталкам нужно предоставить помощь, то неужели им не будет стыдно, – ведь при языческих императорах они требовали все себе и не считают, что при христианских императорах мы должны иметь с ними общий удел» (Ер. XVIII. 12).

Таким образом, весталки благодаря своему культовому статусу и его социальным соответствиям являлись воплощением всех половых и возрастных категорий римлян: дев, женщин, детей и даже мужчин – своего рода «коллективным римлянином».

Кроме того, культ Весты, за исключением некоторых трудных периодов римской истории, являлся олицетворением знатной части римского общества, как вследствие социального происхождения жриц и их принадлежности к известным родам, так и благодаря кругу общения весталок.

Эта образцовость весталок, в частности, в том, что касается их привилегий, поддерживалась до конца римского язычества: даже когда фактические юридические возможности римских женщин сравнивались с привилегиями весталок, жрицам были даны почетные права, продолжавшие выделять их из числа остальных женщин. Впрочем, предполагается, что моделью для расширения юридических прав женщин служили привилегии самих жриц Весты.

Весталки являлись примером для женщин не только в юридической сфере. Примеры использования образа весталок

---

⁸⁸ «Ad Grat. pro cons. XIV: operto conclavis tui non sanctior ara Vestalis / Алтарь Весты не является более священным, чем уединенность твоей спальни».

⁸⁹ «sit lectulus etiam sine concessis et legitimis voluptatibus Vestalium toris purior / И постель, от которой удалены даже дозволенные удовольствия, является более чистой, чем ложе весталок» (de cons. suo. XIII).

в качестве модели женского поведения – это и нормы нравственности, и образцы прически. Несомненно, что весталки служили важным идентификационным принципом в римском обществе, являясь одновременно и его зеркалом, и его моделью.

Л.Н. Чернова

Business-women средневекового английского города (на материале Лондона XIV–XVI вв.)

В начале XXI в. «история женщин» представляет собой обширное исследовательское пространство, которое включает социально-экономическое, демографическое, социологическое, политическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерения¹. Кроме таких областей, как история образования, семьи, сексуальности, гендерный подход пришел туда, где, как казалось раньше, ему нет места: в историю государства, идей, преступности, медицины, социального законодательства, историю городов², в том числе средневековых³.

---

¹ См.: *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории: ремесло историка на исходе XX века.* М., 1996. С. 25-38; *Она же.* Гендерная история: проблемы и методы исследования // *Новая и новейшая история.* М., 1997. № 6; *Она же.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002; *Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // *Вопросы истории.* М., 1998. № 6; *Соколов А.Б.* Введение в современную Западную историографию. Ярославль, 2002. Глава шестая: Гендерная история; *Адам и Ева.* Альманах гендерной истории. М., 2001-2003. Вып. 1-3.

² См.: *Соколов А.Б.* Ук. соч. С. 117.

³ Назовем лишь некоторые исследования: *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991; *Абдуллабеков В.О.* Представления о браке и брачности в Пизе начала XV в. // *Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты* / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 88-105; *Николаас Д.* Домашняя жизнь в средневековом городе: женщины, дети и семья в Генде XIV века // *Средневековая Европа глазами современников и историков.* М., 1994. Т. 3; *Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 2. § 1-2; *Тушина Г.М.* Семья в средневековых городах Прованса XI-XV вв. // *Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма.* М., 1995. С. 163-171; *Репина Л.П.* Женщина в средневековом городе // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы* / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. С. 207-213.

Особой темой гендерной истории является роль женщины в деловой сфере средневекового города. Хорошо известно, что Средневековье осознавало себя как общество, в котором господствовал деятельный мужчина – воин, клирик, правитель, пахарь, купец. Во всех слоях общества явственно проступала дискриминация женщины. В сочинениях богословов безраздельно господствовали антифеминистские суждения, подчёркивалась особая приверженность женщин к греху, отмечалась необходимость мужской опеки над ними. В светской модели мира приниженность женщин также не вызвала сомнений⁴. Ни в светской, ни тем более в церковной модели мира не было и речи об уравнивании мужчины и женщины, хотя, надо признать, что отдельные благоприятные для женщины изменения уже в XII в. имели место, в первую очередь – повышение престижа женщины – хозяйки дома.

Неприятие активности женщин в любой сфере – в политике, административном управлении, профессиональной и общественной деятельности – не означало, однако, что они действительно были к этим делам не причастны. Судьбы женщин, как правило, численно преобладавших в средневековом городе⁵, складывались по-разному. Очень многое зависело от имущественного и социального статуса горожанки и её семьи, а также от индивидуальных качеств самой женщины, для реализации которых город предоставлял некоторые возможности, выработав определённые юридические нормы, защищавшие имущественные права, честь и достоинство горожанки. Общеизвестный постулат о бесправии женщины в средневековом мире явственно нуждается в конкретизации и уточнении, особенно, – в отношении средневекового города. Попытаемся отчасти это сделать, ис-

---

⁴ И в рыцарской, и в крестьянской среде почти повсеместно победил агнатический счёт родства, земля наследовалась преимущественно по отцовской линии. Для социокультурной оценки женщин поучительно, что с появлением второго имени (prepot) и жена, и дети нарекаются «фамилией» мужа и отца; в грамотах, касающихся крестьян, имя жены всё чаще вовсе опускается.

⁵ Во многих европейских городах XIV-XV вв. женщин было на 20-30% больше, чем мужчин. – См.: *Репина Л.П. Женщина в средневековом городе...* Т. 1. С. 207.

пользуя разнообразные материалы по истории Лондона XIV-XVI веков, а именно: завешания, составленные олдерменами (богатеями купцами, входившими в элиту городского самоуправления) и их женами⁶, грамоты аренды и долговые обязательства, фиксирующие различные сделки олдерменов и членов их семей⁷, опубликованные архивные сведения, содержащие разноплановую информацию об олдерменах⁸, и деловую переписку семейного объединения лондонских купцов Сели⁹.

Прежде чем характеризовать сферу активности горожанок – дочерей, жен и вдов богатых лондонских купцов, попробуем определить их имущественное положение, которое являлось важнейшим аспектом жизни в средневековом обществе вообще и городском в частности, предоставляя определённый статус и возможность вести соответствующий образ жизни. Особенно важно это было для женщины, обеспечивая основу её относительной независимости и самостоятельности как в семье, так и вне ее, в городском сообществе в целом. Имущественное владение горожанки было разнородным и включало в себя приданое, нажитое в браке имущество и полученное ею наследство.

Завещательные распоряжения богатых лондонских купцов XIV-XVI вв. позволяют отметить, что именно в рассмотрении вопросов замужества и приданого отражен их интерес к доче-

---

⁶ Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258-1688 / Ed. by R. Sharp. L., 1889. Vols. I-II. Таких завещаний оказалось 221, из которых 73 относятся к XIV в., 116 – к XV в. и 32 – к XVI столетию. Женщинами составлены 8 завещаний.

⁷ Calendar of Letter-Book preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. Sharp. Letter-Book E. 1312-1336. L., 1903; Letter-Book F. 1337-1352. L., 1904; Letter-Book G. 1352-1374. L., 1905; Calendar of Plea and memoranda rolls (1413-1437) of the City of London / Ed. by A.H. Thomas. L., 1943.

⁸ *Beaven A.B.* The Aldermen of the City of London. L., 1908. V. I; 1913. V. II; *Willan T.S.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953.

⁹ The Celes Letters, 1472-1488 / Ed. by Alison Hanham. Oxford, 1975. Перевод части этой коллекции, включающей 247 писем, осуществила М.М. Яброва. См.: Купцы-складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели (XV в) / Пер. со староангл., прим. и вступ. ст. М.М. Ябровой. Саратов, 1998.

рям. Обеспечение дочерей приданым признавалось «отцовским долгом», «семейной обязанностью». Приданое (как и предполагаемая вдовья часть) занимало важнейшее место и в брачных контрактах, с которых начиналась супружеская жизнь большинства горожанок¹⁰. Такое внимание к нему, особенно в богатых купеческих семьях, не случайно: отцы семейств использовали браки своих детей и внушительное приданое как инструмент упрочения собственного финансового положения, расширения торговых операций и деловых связей, повышения социального статуса, создания и закрепления политических союзов.

За дочерьми богатые горожане дают большое приданое. Детально описывается та его часть, которая состоит из вещей, необходимых девушке в её будущей семейной жизни. Перечень неизменно начинается с кровати, подушек, перины, простыней, одеял и т.д. Далее следует описание платьев, плащей, поясов и прочих предметов одежды, часто – с указанием вида ткани и её цвета, колец, брошей и других украшений – серебряных, позолоченных, золотых, с драгоценными камнями. Третье место занимают мебель (столы, скамьи) и кухонная утварь. Особо, как правило, в завещаниях оговариваются денежные суммы: от 40 ф.ст. до 2 тыс. ф.ст.¹¹ Яркий пример – завещание Генри Сэчфорда от 24 августа 1337 года, по которому

---

¹⁰ Вокруг суммы приданого обычно велись долгие споры (до 6 лет во Флоренции XV в.) и происходили судебные тяжбы. Его величина тщательно фиксировалась во всех свадебных контрактах и публично регистрировалась нотариусом в присутствии многочисленных свидетелей дома, на площади или на церковной паперти. Принести в новую семью приданое требовалось от женщин всех социальных групп. На него копили деньги служанки, в качестве приданого дочери городских ремесленников получали от родителей при замужестве часть наследства. В некоторых цехах, например, в английских ремесленных гильдиях XIV в., существовали кассы взаимопомощи – фонды, из которых мастера могли взять необходимую ссуду на приданое для дочерей. В 1425 г. во Флоренции был создан специальный фонд, в который отцы семейств вкладывали деньги на накопительные «свадебные» счета из расчёта от 3 до 7% годовых на срок от 6 до 15 лет, исходя из учёта возраста девушки. Часто деньги в «Банк приданого» инвестировали с момента рождения дочери. – См.: *Краснова И.А.* Ук. соч. Ч. II. С. 26-28.

¹¹ См.: *Calendar of wills...* V. II. P. 393; 397-399; 553-554; 694-695; 707-708; 728-729.

он оставил своей дочери Матильде 100 марок¹² в качестве приданого¹³. Не менее интересны завещательные распоряжения сэра Роджера Мартина, олдермена XVI в., касающиеся пятерых его дочерей. Две дочери – Сьюзен и Марта – получали по 500 марок приданого, а третья, Мэри, – 1 тыс. ф.ст. в качестве свадебного дара. Двум незамужним дочерям – Джейн и Анне – в виде приданого передавалось, согласно завещанию, по 250 ф.ст.¹⁴ Сэр Эмброуз Николас, солеторговец, завещал дочери Анне 1500 ф.ст. в качестве приданого (эту сумму необходимо было передать ей по достижении 21 года, даже если она не выйдет замуж)¹⁵. А вот Роберт де Пэрис оставил в приданое дочери Марджери 10 марок и несколько домов¹⁶. Это единственный случай передачи дочери в качестве приданого не только денежных средств, но и недвижимости. Единственным в своем роде является и завещание Дэвида Вудрофа, олдермена 1548-1560 гг., галантерейщика: его сын и дочь наследовали одинаковые суммы на свои свадьбы – по 266 ф. 13.ш. 4 п.¹⁷

Редко в дополнение к приданому дочери получали специальные денежные суммы. Тот же сэр Роджер Мартин оставил следующие распоряжения, касающиеся его дочерей: Сьюзен и Марта получали, кроме приданого, по 200 марок после того, как выйдут замуж, Мэри – 200 ф.ст.¹⁸ Такого рода денежный подарок отца считался собственностью невесты и впоследствии не относился к совместно нажитому супругами имуществу.

Контроль над использованием имущества, полученного в качестве приданого, осуществлял муж, но право собственности оставалось за женой¹⁹. Об этом свидетельствуют завещания

---

¹² 1 марка = 2/3 ф.ст.

¹³ *Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 381; Calendar of wills... V. I. P. 435.*

¹⁴ *Willan T.S. Op. cit. P. 112; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 35.*

¹⁵ *Calendar of wills... V. II. P. 707-708.*

¹⁶ *Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 379; Calendar of wills... V. II. P. 93*

¹⁷ *Willan T.S. Op. cit. P. 129-130; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 32.*

¹⁸ *Willan T.S. Op. cit. P. 112; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 35.*

¹⁹ Горожанка могла в случае злостного расточительства лишить своего мужа права распоряжения этим имуществом по решению суда, и многие городские суды удовлетворяли подобные иски. Но к этой мере прибегали только в крайности, поскольку она требовала от женщины публично признать своего мужа мотом и расточителем.

отдельных горожанок, которые нам удалось обнаружить. В частности, Айдония Каунтбридж, дочь сэра Стефена де Каунтбриджа, по завещанию от 12 сентября 1359 г. оставила ренты в двух приходах Лондона²⁰. Из завещания самого сэра Стефена, составленного 2 февраля 1358 г., становится ясно, что именно он оставил дочери означенные ренты в качестве приданого (наряды с кроватью, матрацами и подушками)²¹.

Ещё одним источником приобретения имущества горожанкой было получаемое от отца или матери наследство. Дети обязательно получали, согласно обычаю Лондона, третью часть всего движимого имущества своего отца. Завещатели обычно делят треть своей движимости поровну между всеми детьми. Так поступил, например, торговец предметами роскоши и лондонский олдермен 1342-1345 гг. сэр Джон де Олшем²². Известный в Лондоне XVI в. купец Ричард Мэллори разделил 1/3 своего движимого имущества поровну между всеми 17-ю детьми, в том числе дочерьми²³.

Как правило, детям же отходило наследство матери, завещанное ей супругом в пожизненное владение. В частности, дом на Бэйсинглэйн, лавки на Кордуэйнер-стрит и ренты, завещанные Стефеном Константином в середине XIV в. жене Джулиане в пожизненное владение, после ее смерти перешли к его дочерям: Эмме, Марджерии, Саре, Изабелле и Катерине²⁴. Обратим внимание на то, что дочери получали в данном случае не только ренты, но и недвижимость. Заметим, однако, что сыновей у Стефена Константина, судя по его завещанию, не было.

В большинстве же случаев олдермены, оставлявшие детей разного пола, отдавали предпочтение сыновьям. Особенно, если дело касалось недвижимости. Это видно хотя бы из завещания Генри де Глостера от 30 ноября 1332 г.: он оставил лондонскую усадьбу и 4 лавки своему сыну, дочь же могла получить эту собственность только после смерти брата²⁵ (если переживет его).

---

²⁰ Calendar of wills... V. II. P. 16.

²¹ Calendar of wills... V. II. P. 12-13.

²² Calendar of wills... V. I. P. 483-484.

²³ Willan T.S. Op. cit. P. 111; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 35.

²⁴ Calendar of wills... V. II. P. 46.

²⁵ Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 379; Calendar of wills... V. I. P. 381.

Определенная дискриминация дочерей просматривается и в завещании Уильяма Уодсока (XV в.): все его дети – Джон, Уильям, Джоанна и Филиппа – получали 2 тыс. марок, которые были поделены между ними в равных пропорциях, но сыновьям дополнительно передавались земли и имущество в манорах Нобрайт и Ностед, графство Суррей²⁶. В целом такой принцип наследования имущества доминировал на протяжении всей эпохи, что вполне объяснимо: купцы были заинтересованы иметь прежде всего сыновей, которых в первую очередь видели продолжателями рода и своего дела и которым можно было доверить недвижимость, товары, деньги, важные поручения.

Очень редко (нам удалось обнаружить всего два случая) купцы отдавали определенное предпочтение дочерям. Так, Николас де Фарндон, ювелир, 24 июня 1334 г. завещал своей дочери Роуз все сдаваемые в аренду помещения на Уод-стрит в пожизненное владение и только впоследствии – сыну Николасу²⁷. А Стефен де Абиндон в завещании от 10 августа 1336 г. оставил дочери Изабелле ренты в приходе Всех Святых на Бред-стрит в пожизненное владение и лишь затем – сыновьям Томасу и Джону²⁸. Можем предположить, что на момент составления завещаний сыновья этих купцов находились в малолетнем возрасте, а недвижимость и ренты передавались завещателем, по сути, в кормление дочерям, поскольку они должны были впоследствии передать это имущество в наследство по мужской линии (или же, как условный дар, возвратить в семью отца).

Таким образом, судя по завещаниям лондонских олдерменов XIV-XVI вв., фиксирующим передачу части их имущества детям, девушки наследовали не только деньги и домашнюю утварь, но и недвижимое имущество, включая дома и торговые помещения. Заметим, однако, что более всего имущественные права женщин были ущемлены именно в распоряжении землей и другой недвижимостью. Особенно наглядно это проявилось

---

²⁶ *Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 18; Calendar of wills... V. II. P. 397-399.*

²⁷ *Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 377; Calendar of wills... V. I. P. 397-398.* Правда, этому же сыну он оставил феоды на Уодстрит, Годроун-лэйн и Темз-стрит и сад в приходе Св. Ботольфа.

²⁸ *Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 380; Calendar of wills... V. I. P. 413.*

в завещательных распоряжениях купцов, которые либо отдавали преимущество при наследовании сыновьям перед дочерьми, либо устанавливали право первородства (в соответствии с ним все земельные владения безраздельно переходили к старшему сыну, а младшим сыновьям и дочерям выделялись небольшие доли наследства в виде движимого имущества или денежных средств). Так, купец XIV в. Джон ле Брэт завещал дом своему старшему сыну Роберту²⁹. И Ричард Фолкс в ноябре 1570 г. оставил особняк, лавку и товарные склады в Лондоне старшему сыну Остину³⁰. Отдельные лондонские олдермены XV-XVI вв. ограничивали право наследования недвижимости только мужскими потомками. В частности, торговец рыбой Уильям Брэмpton по завещанию от 5 июня 1405 г. оставил сыну Джеймсу сдаваемые в аренду помещения на Крокедлэйн в безусловное владение и пивоварню с условием наследования только по мужской линии (*in tale male*)³¹. Аналогичное завещание составил 28 апреля 1462 г. лондонский бакалейщик Стефен Браун: его сын Джон получил сдаваемые в аренду помещения в разных приходах и верфь с условием наследования только по мужской линии³².

Редко завещатель передавал имущество, движимое и недвижимое, в совладение дочери и зятю с равными правами на его отчуждение. Уже упоминавшийся лондонский суконщик Стефен де Абиндон по завещанию от 1336 г. оставил сдаваемые в аренду помещения в нескольких приходах и ренты трём своим дочерям и их мужьям в совместное владение и распоряжение³³.

Горожанка могла получить наследство по завещанию не только от родителей, но и от собственных детей. Так, упоминавшаяся уже Айдония Каунтбридж, по завещанию от 12 сентября 1359 г. оставила ренты в двух приходах Лондона, завещанные ей отцом в качестве приданого, своей матери Эвайс в пожизненное владение (впоследствии – своему брату Томасу)³⁴. Агнес Дерби, вдова сэра Уильяма, торговца готовым

---

²⁹ *Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 384; Calendar of wills... V. II. P. 50.*

³⁰ *Willan T.S. Op. cit. P. 96-97; Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 207.*

³¹ *Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 2; Calendar of wills... V. II. P. 368.*

³² *Calendar of wills... V. II. P. 553-554.*

³³ *Ibid. V. I. P. 413-414.*

³⁴ *Ibid. V. II. P. 16, 12-13.*

платьем, судя по завещанию от 11 июня 1361 г., обладала сдаваемыми в аренду помещениями на Уотлинг-стрит и рентами, которые были завещаны ей сыном в пожизненное владение (впоследствии – на благотворительные цели)³⁵. Важно отметить, что дети фактически передавали имущество матери в кормление, дабы обеспечить ей достойное содержание и соответствующий образ жизни.

После смерти мужа основным имуществом женщины оставалось приданое, полученное от родителей при вступлении в брак. Сложнее обстояло дело с приобретением ею наследства мужа, хотя, согласно нормам городского права, – это её законное право³⁶. В таких условиях более надёжным инструментом для исполнения последней воли покойного являлось завещание. Завещания лондонских олдерменов предусматривают подробное перечисление передаваемого в наследство имущества. Столь детальное перечисление позволяет предположить, что завещания часто оспаривались, и отсутствие в нём того или иного предмета позволяло другим наследникам претендовать на него.

При составлении завещания купец уделяет особое внимание своей жене. Ее доля наследства определяется даже раньше, чем доля наследства детей. Как и дети наследодателя, вдовы, согласно обычаю Лондона, гарантированно получали третью часть всех товаров и движимого имущества умершего мужа в безусловную собственность, обладая законным правом наследования и распоряжения этим имуществом без ограничений, о чем свидетельствует составленное 24 января 1583 г. завещание леди Элизабет Николас, вдовы торговца солью и лондонского олдермена 1566-1578 гг. сэра Эмброуза Николаса³⁷. Средства, получаемые вдовами купцов, были весьма внушительными. Так, Анна Кросби, вдова бакалейщика и олдермена

---

³⁵ Ibid. V. II. P. 31.

³⁶ В наиболее концентрированном виде оно зафиксировано в праве города Фрайбурга (в Брейсгау) в 1184 г.: «Если муж умрёт раньше жены, всё наследство мужа, как движимое, так и недвижимое, без препятствий пусть получит жена». (См.: Средневековое городское право XII-XIII веков. Сб. текстов / Под. ред. С.М. Стама. Саратов, 1989. С. 44.)

³⁷ Calendar of wills... V. II. P. 707-708.

1468-1476 гг. Джона Кросби, получила в качестве трети всего движимого имущества умершего мужа 2 тыс. ф.ст.³⁸, а вдова торговца предметами роскоши и олдермена 1556-1573 гг. сэра Роджера Мартина – 1 тыс. ф.ст.³⁹

Зачастую купцы в завещаниях выделяли женам (наряду с третьей частью движимости) дополнительное имущество. В частности, торговец рыбой Ричард Рэдуэл в завещании от 2 мая 1411 г. распорядился, чтобы земли и помещения в графстве Хартфордшир после его смерти были «незамедлительно проданы» его душеприказчиками, а вырученная сумма разделена на две части, одну из которых надлежало передать жене (вторую – на благочестивые дела)⁴⁰. Упомянувшийся чуть выше сэр Роджер Мартин оставил жене в дополнение к 1/3 движимого имущества 333 ф. 6 ш. 8 п. и право на пожизненное владение домами в Лондоне и в Хокстоне (затем эта недвижимость должна быть передана сыновьям)⁴¹. Возможно, такой шаг со стороны купцов объясняется их благодарностью и особым расположением и доверием к супругам. Во всяком случае, иного объяснения мы не можем дать, поскольку и Ричард Рэдуэл, и сэр Роджер Мартин ничего на этот счет не говорят. А вот Ричард Чемберлен, олдермен 1560-1566 гг., торговец железными изделиями, купец-авантюрист, член Московской компании, высказался вполне определенно: он оставил жене (дополнительно к 1/3 движимого имущества) сумму в 2200 ф.ст. «для ведения торговли»⁴². Видимо, супруге сэра Роджера были не чужды его коммерческие интересы и, вполне вероятно, что она была компетентна в вопросах торговли.

Наряду с наследованием вдовами трети движимости и дополнительного имущества в завещаниях купцов часто встречается упоминание о так называемой «вдовьей доле» наследства, которое состояло из объектов движимой и недвижимой собственности и предоставлялось, как правило, в пожизненное владение

---

³⁸ Calendar of Plea (1458-1482)... P. 107.

³⁹ Calendar of wills... V. II. P. 411-412.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Willan T.S. Op. cit. P. 112; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 35.

⁴² Willan T.S. Op. cit. P. 86; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 36.

ние. Под вдовьей частью наследства понималось имущество, призванное обеспечить женщине достойное содержание вплоть до её смерти. В случае повторного замужества вдовья часть оставалась во владении горожанки. Так, в завещании от 29 ноября 1408 г. торговец предметами роскоши Джон Уодсок определил супруге «в качестве ее вдовьей, вполне обоснованной, части наследства» 2 тыс. ф. ст., домашнюю утварь, льняные и шерстяные одежды, находящиеся в доме, тарелки, серебряные чайные блюда в качестве особого дара; также его земли, сдаваемые в аренду помещения и ренты в приходе Св. Олбана на Уод-стрит в пожизненное владение⁴³. Ричард Рэдуэлл оставил жене Матильде в качестве вдовьей доли наследства сдаваемое в аренду помещение на Темз-стрит в пожизненное владение, впоследствии – в доверительную собственность (trust)⁴⁴ с использованием на благотворительные цели⁴⁵. Генри Бартон, меховщик, 31 июля 1434 г. завещал жене Джоанне в качестве вдовьей части лавки и дома в двух приходах Лондона, манор Yonges в приходе Стаундон, графство Хартфордшир, земли и луга около Уодисмилн, графство Хартфордшир, манор Маршалл в Хай-Кросс, графство Хартфордшир, и местечко Соутс в приходе Стаундон в пожизненное пользование (впоследствии названное выше имущество

---

⁴³ Calendar of wills... V. II. P. 397-399.

⁴⁴ Институт доверительной собственности (trust) является характерным явлением английского вещного права. Его возникновение связано с особенностями феодального землевладения, к числу которых относятся ограничение круга наследников земли и ее продажи церкви, монастырям, религиозным орденам, которые вообще не имели права владеть землей. Суть этого института заключалась в том, что одно лицо – учредитель доверительной собственности (settler of trust) передает другому лицу – доверенному собственнику (trustee) свое имущество с тем, чтобы получатель управлял им, использовал как собственник в интересах другого лица, выгодоприобретателя (beneficiary – им мог стать и первоначальный собственник) или для осуществления иных целей, например, благотворительных. Первое закрепление этого института законом относится к 1375 г. В XV в. уже значительные массивы земель и дугой недвижимости перешли в доверительную собственность.

⁴⁵ Calendar of wills... V. II. P. 411-412

должно было перейти в доверительную собственность для продажи на благотворительные цели)⁴⁶.

Скорее всего, купцы предоставляли супругам право выбора между наследством по обычаю и вдовой долей. По крайней мере в тех завещаниях, где установлена вдовья часть наследства, нет упоминания о возможности наследования трети движимого имущества. Единственное исключение – завещание Уолтера Рэда от 10 июня 1415 г., который фактически объединил эти части наследства, распорядившись, чтобы его жена Эмма получила «в качестве вдовой части и ее части всего движимого имущества» 1 тыс. ф. ст. и все, находящееся в холле, опочивальне, кладовой и кухне, ее одежды и украшения, а также сдаваемое в аренду помещение в пожизненное пользование, впоследствии – Джону Буну и его жене Агнес, дочери завещателя⁴⁷. Но и здесь мы видим, что в конечном счете установлено условие наследования именно вдовой доли – пожизненное владение. Другой купец, Джон Уодсок, прямо записал в своем завещании, что если его жена

«не будет удовлетворена вдовой долей наследства, то не получит ничего кроме того, что ей полагается согласно общему праву и обычаю Лондона»⁴⁸.

Важно отметить также, что вдове, согласившейся на получение выделенной ей умершим мужем вдовой доли наследства, не позволялось требовать другое имущество. Упомянутый выше Генри Бартон специально записал в завещании, что, если его жена согласится на предложенные им условия, «то не сможет в дальнейшем требовать какую бы то ни было другую вдовью часть»⁴⁹.

В целом ряде завещаний олдермены оставляют женам в пожизненное владение с последующей передачей детям и другим родственникам разнообразную недвижимость, в Лондоне и вне его, безотносительно к наследованию как вдовой части, так и к наследованию по обычаю. Среди такого рода наследства: дома,

---

⁴⁶ *Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 30; Calendar of wills... V. II. P. 478.*

⁴⁷ *Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 15; Calendar of wills... V. II. P. 413-414.*

⁴⁸ *Calendar of wills... V. II. P. 398.*

⁴⁹ *Ibid. V. II. P. 478.*

земли и сдаваемые в аренду помещения, усадьбы, лавки, товарные склады, пастбища⁵⁰. Возможно, некоторый свет на причины такой щедрости купцов может пролить завещание ювелира Генри Бамме, составленное 7 ноября 1413 г., согласно которому «жене Элис, ее душеприказчикам и правопреемникам» были переданы до конца ее жизни и еще на 6 лет после ее смерти земли и сдаваемые в аренду помещения, *совместно приобретенные купцом и его супругой*⁵¹ (курсив мой – Л.Ч.). Можем предположить, что и другие купеческие жены были непосредственно причастны к приобретению семейной недвижимости и получали не только право пожизненного владения ею: видимо, на протяжении 6 лет после смерти Элис Бамме земли и строения будут использованы в интересах ее близких.

Судя по завещаниям, нередко именно вдовы купцов получали движимое и недвижимое имущество в так называемое целевое пользование (use)⁵². Сэр Стефен де Каунтбридж в завещании от 2 февраля 1358 г. назначил жену Эвайс опекуном своего сына Томаса до тех пор, пока ему не исполнится 12 лет. Ей же поручалось завещанное сыну имущество: ренты и лавки в двух лондонских приходах⁵³. Стефен Константин в XIV в. оставил жене Джулиане дом в целевое пользование, пока его сын Джон не достигнет совершеннолетия или же она вторично не выйдет замуж⁵⁴. Джон Константин по завещанию от 19 сентября 1358 г. передал жене в целевое пользование сдаваемые в аренду помещения, ренты, товары и движимое имущество на время малолетства сына Джона⁵⁵. Фактически олдермены оставляли и детей, и их имущество на попечение

---

⁵⁰ Ibid. V. I. P. 104, 228; V. II. P. 50, 77, 93, 591-592.

⁵¹ Ibid. V. II. P. 408-409.

⁵² Практика передачи земли и другого имущества в целевое пользование зародилась еще в XII в. и бурно развилась в период Крестовых походов, когда земля отдавалась на основе доверия родственникам или друзьям до достижения совершеннолетия сыновей или до возвращения прежнего владельца.

⁵³ Calendar of wills... V. II. P. 12-13.

⁵⁴ Ibid. V. II. P. 40. Для юношей совершеннолетие наступало с 21 года, для девушек – с 16 лет. – См.: Ibid. V. II. P. 687.

⁵⁵ Beaven A.B. Op. cit. V. I. P. 387; Calendar of wills... V. II. P. 49.

жен, что в немалой степени свидетельствует о весьма высоком статусе последних в купеческой среде Лондона, о доверии к ним со стороны богатых и влиятельных горожан. Таким образом, вдова являлась опекуном детей и их имущества либо до своего вторичного замужества, либо до достижения детьми совершеннолетия. Важно, что горожанка получала права распоряжения имуществом детей, правда, лишь с согласия детей или при их формальном участии. Кроме того, вдова могла выступать в роли хранительницы их имущества, завещанного им умершим мужем. И наиболее вероятная возможность получить доступ к управлению земельной собственностью открывалась перед вдовами с несовершеннолетними сыновьями.

Завещания лондонских олдерменов рассматриваемого периода зафиксировали существование особого института управления наследственным имуществом – института душеприказчиков⁵⁶. Чаще всего душеприказчиками назначались священники приходских церквей. Но в некоторых завещаниях в качестве душеприказчиков упомянуты жены купцов. Стефен Константин в завещании, составленном в середине XIV в., одним из душеприказчиков назначил свою жену Джулиану⁵⁷. Аналогичное распоряжение содержится и в завещании Николаса Экстона от 24 октября 1393 г.: среди душеприказчиков этого торговца рыбой и олдермена упомянута его жена Джоанна⁵⁸.

Иногда олдермены передавали женам имущество, движимое и недвижимое, в абсолютную и безусловную собственность (*absolutely, in fee*). Об этом свидетельствуют завещания отдельных купцов. Так, Томас Миддлтон, торговец предметами роскоши, в завещании от 25 ноября 1434 г. распорядился, чтобы его жена Летиция получила

---

⁵⁶ Этот институт был создан еще в XII в. теоретиками канонического права. Было установлено, что после смерти завещателя вместо принятия наследства наследником назначенное в завещании душеприказчиком лицо брало на себя владение всей собственностью, подлежащей распределению. Не наследник, а душеприказчик осуществлял права завещателя и выполнял его обязательства. (См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 226.)

⁵⁷ *Calendar of wills...* V. II. P. 46.

⁵⁸ *Ibid.* V. II. P. 352.

«земли и сдаваемые в аренду помещения в одном из приходов Лондона в безусловную собственность; также его товары, движимость и недвижимость после уплаты по долгам должны перейти в ее полное распоряжение»⁵⁹.

Джеймс Бартоломью по завещанию от 24 ноября 1481 г. оставил жене Элис сад и сдаваемое в аренду помещение в приходе Св. Маргариты в безусловную собственность⁶⁰. Следует заметить, что такого рода формулировки встречаются крайне редко и только в завещаниях, где нет упоминания о детях.

Судя по завещаниям, горожанки наследовали прежде всего значительные денежные средства, предметы роскоши, ценную посуду, мебель, постельные принадлежности, утварь, предметы, нажитые в браке и имеющие непосредственное отношение к домашнему хозяйству и обиходу жён, а также товары и недвижимость: земельные участки в манорах, дома, постройки, торговые склады, пивоварни, верфи и прочее. Чаще всего недвижимое имущество передавалось вдове в качестве условного дара, призванного «кормить» её. Как правило, полученное в кормление недвижимое имущество впоследствии надлежало передать по мужской линии. Можно констатировать, что вдова обладала достаточно широкими правами распоряжения завещанным ей и детям имуществом, а также нередко – правом опеки над детьми. Положение вдовы состоятельного человека в средневековом городе давало ей больше правовой свободы, чем могла иметь замужняя женщина, что обеспечивало ей относительную деловую самостоятельность и хорошие шансы на брачном рынке.

Самую важную свою функцию в передаче собственности и наибольшую свободу распоряжения ею женщины могли реализовать, распределяя имущество посредством завещаний. Изабелла де Фроуик, вдова лондонского олдермена, в 1300 г. завещала различные денежные суммы и ренты⁶¹. Вспомним ту же Айдолию Каунтбридж, оставившую ренты в двух приходях Лондона (завещанные ей в свое время отцом в качестве приданого наряду с кроватью, матрацами и подушками) своей мате-

---

⁵⁹ *Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 13; Calendar of wills... V. II. P. 475.*

⁶⁰ *Calendar of wills... V. II. P. 598-599.*

⁶¹ *Ibid. V. I. P. 148.*

ри Эвайс в пожизненное владение, впоследствии – своему брату Томасу⁶², а также Агнес Дерби, вдова сэра Уильяма, торговца готовым платьем, которая, судя по ее завещанию, владела не только деньгами, личными вещами и предметами домашнего обихода, но и сдаваемыми в аренду помещениями на Уотлинг-стрит и рентами (пожизненно)⁶³. Вдова купца сэра Ричарда де Прэстона, Агнес, 12 февраля 1400 г. завещала сдаваемые в аренду помещения, в том числе и одно из них, совместно приобретенное ею и ее мужем⁶⁴. Вдова сэра Эмброуза Николаса, известного в Лондоне и за его пределами солеторговца, судя по ее завещанию от 24 января 1582 г., располагала весьма разнообразным имуществом: деньги (названы суммы в 1500 ф. ст., 200 ф.ст., 60 ф. ст., 20 ф.ст., 13 ш. 4 п.), ценная, в том числе серебряная, посуда, золотые кольца и прочие украшения⁶⁵. Среди получателей наследства, упомянутых в завещаниях горожанок, – сыновья и дочери, братья, прочие родственники и близкие семье люди, а также церкви, монастыри, священнослужители и монахи, которые являются основными получателями завещанной собственности в случае отсутствия прямых наследников.

Имущественный статус женщины определял ее роль и значение не только в семье. Он обеспечивал и ее весьма активную социальную функцию в городской жизни в целом. Несмотря на официальное неприятие активной деятельности женщин в любой сфере, кроме дома, они практически участвовали во всех отраслях торговли и производства, соответствовавших их физическим силам. И хотя в наставлениях католического духовенства всякий производительный труд женщин рассматривался только как часть её домашних функций в качестве помощницы мужу и примера для детей, тем не менее, спектр занятости горожанок – и молодых незамужних женщин, и жен, и вдов – был достаточно широк.

---

⁶² Ibid. V. II. P. 16, 12-13.

⁶³ Ibid. V. II. P. 31.

⁶⁴ Ibid. V. II. P. 353.

⁶⁵ Ibid. V. II. P. 707-708.

Хорошо известно, что участие горожанок в торговле (как и в ремесленном производстве) определялось имущественным положением главы семьи и потребностями домохозяйства, которое опиралось, прежде всего, на трудовые ресурсы семьи.

Многие женщины помогали мужьям в ведении дел, не было редкостью и деловое партнёрство мужа и жены, которое могло определять всю семейную жизнь супругов. И лондонские горожанки зачастую выступали полноправными партнёрами своих мужей-купцов, по сути, образуя с ними небольшие «совместные предприятия».

В разные источники буквально вкраплен яркий материал о сделках с недвижимостью, осуществлявшихся купцами и их супругами. Отдельные факты, относящиеся к началу XV столетия, позволяют отметить некоторые совместные операции по покупке недвижимой собственности. В частности, из завещания Джона Атте Ли от 4 сентября 1413 г. следует, что земли, помещения и ренты в различных приходах Лондона, завещанные этим лондонским купцом своей дочери, были приобретены им совместно с тремя скончавшимися к тому времени женами: Агнес, Элен и Матильдой⁶⁶. Ювелир Генри Бамме в завещании от 7 ноября 1413 г. специально отметил, что земли и помещения, оставленные жене Элис, были им куплены совместно с ней⁶⁷. Большинство содержащихся в источниках сведений касается арендных сделок. Известно, что в 1318 г. лондонский купец Филипп де Тёрнер и его жена Элис совместно арендовали дом и участок земли в столице⁶⁸. Торговец рыбой Ричард де Уотфорд и его жена Эгнис 24 июня 1319 г. сдали в аренду Уильяму де Кройдону, тоже торговцу рыбой, и его жене Кристине некие помещения в приходе Св. Ботольфа. Любопытно, что срок аренды устанавливался «до конца жизни Эгнис». Видимо, было понятно, что Эгнис переживет мужа, и ежегодная рента в 2 марки должна была послужить одним из источников ее достойного существования⁶⁹. Немаловажно, что таким обра-

---

⁶⁶ Ibid. V. II. P. 403-404.

⁶⁷ Ibid. V. II. P. 408-409.

⁶⁸ Letter-Book E... P. 8.

⁶⁹ Ibid. P. 107.

зом удлинялся и срок аренды недвижимости. Любопытно и семейное объединение ле Кэллер, о котором упоминает в завещании от 14 февраля 1335 г. его глава – Роберт ле Кэллер, лондонский торговец предметами роскоши: три его дочери совместно с мужьями, скупщиками шерсти, арендовали некие помещения, скорее всего складские и торговые⁷⁰.

Иногда горожанки действовали самостоятельно, без непосредственного участия представителей «сильного пола». Так, в 1340 г. жена, Марджери, и дочь, Изабелла, богатого лондонского купца Ральфа де Годчепа сдали в аренду помещения в одном из престижных районов города оружейному мастеру Николасу Клерку⁷¹. Условия аренды – выплата ежегодной, весьма солидной ренты в 6 ф. 6 ш. 8 п. в течение жизни дочери – позволяют говорить о долговременной аренде и стремлении обеспечить рентным доходом дочь Изабеллу. Впоследствии Изабелла, видимо, оказалась в затруднительном финансовом положении, и получаемая рента пришлась как нельзя кстати: ее долг Николасу Клерку составил 13 ф. 8 ш. 9 п. и должен был покрываться за счет вычета ежегодно суммы в 20 ш. из указанной выше ренты⁷².

Горожанки – жёны богатых купцов зачастую выступали деловыми партнёрами мужей и в финансовых вопросах: они совместно брали деньги в долг и отвечали за долговые расходы. Яркое тому свидетельство – долговое обязательство на 400 ф.ст., выданное 2 февраля 1360 г. известным лондонским вино-торговцем Джоном Мичелом и его женой Марджери торговцу рыбой Джону де Глостеру⁷³. А 26 февраля 1417 г. душеприказчиками некоего Ричарда Хэрри был возвращён долг в 300 ф. ст. лондонскому торговцу предметами роскоши Томасу Чиппенхэму и его жене Айдонии⁷⁴.

Жены представителей городской элиты – членов крупных купеческих компаний Лондона, нередко выступая как доверен-

---

⁷⁰ Calendar of wills... V. II. P. 421.

⁷¹ Letter-Book F... P. 56.

⁷² Ibid. P. 57.

⁷³ Letter-Book G... P. 124.

⁷⁴ Calendar of Plea (1413-1437)... P. 55.

ные лица мужей и других родственников, не только вели их обширные хозяйства и платили по долговым обязательствам, но иногда осуществляли крупные торговые сделки в их отсутствие. Любопытно в этой связи письмо Джона Сели, отправленное сыну Джорджу из Лондона в Антверпен 6 сентября 1480 г.:

«...Извещаю Вас, что моя сестра, Ваша тётя, совершила сделку с Джоном Мэтью, торговцем предметами роскоши Лондона, и должна получить от него в срок, о котором они договорились, 75 ф. 16 ш. 8 п. Она вручила ему Вашу долговую расписку, по которой он должен получить от Вас на этой ярмарке 91 ф. фламандских. Она поручает Вам уплатить это вышеназванному Джону Мэтью или его поверенному, или другому подателю Вашей расписки, согласно её распоряжению и обещанию...»⁷⁵.

После смерти купца было вполне естественно, что именно его овдовевшая жена продолжала или завершала вместо него начатое дело. Если лондонский суконщик Ричард Константин в завещании от 1342 г. назначил жену не только опекуном детей (что само по себе важно), но и «всех их товаров»⁷⁶, а торговец рыбой Джон де Мокинг де Сомерсет передал по завещанию от 1347 г. своей жене товары, находившиеся к тому времени в графствах Кент и Миддлсекс⁷⁷, то предполагалось, что эти женщины, скорее всего, будут их реализовывать, а не хранить в законсервированном виде. Аналогичный вывод напрашивается и в случае с Джоанной Бартон, которой в 1434 г. мужем-меховщиком были завещаны не только дома, но и лавки и различные товары⁷⁸. А вот от Элис Брэмpton требовались особые деловые качества: ведь муж оставил ей, согласно завещаниям от 5 июня 1405 г. и 6 ноября 1406 г., сдаваемые в аренду помещения, верфь и пивоварню⁷⁹. Очевидно, Элис обладала необходимыми навыками и предприимчивостью – в противном случае богатейший лондонский купец Уильям Брэмpton составил бы завещание иначе.

---

⁷⁵ The Celes Letters... P. 88-89.

⁷⁶ Calendar of wills... V. I. P. 482-483.

⁷⁷ Ibid. V. I. P. 499-500.

⁷⁸ Ibid. V. II. P. 477-479.

⁷⁹ Ibid. V. II. P. 368, 369.

Некоторые из женщин, овдовев, фактически возглавляли семейное предприятие. Вдова лондонского олдермена Элис Нотхолл в завещании от 28 мая 1361 г., видимо, не случайно упомянула Бартоломео Гвидониса де Каstellона, купца из Флоренции, имевшего хорошую репутацию в купеческой среде Лондона и выгодный бизнес: ему завещаны различные денежные суммы, в том числе 100 ф. ст., и ценные вещи, включая серебряные и золотые кубки. Исходя из текста завещания Элис Нотхолл, можно утверждать, что именно Бартоломео был деловым партнером и доверенным лицом вдовы и распоряжался, по крайней мере, частью ее денег, вкладывая их, в том числе в торговые предприятия⁸⁰. Лондонский бакалейщик и олдермен 1556-1558 гг. Ральф Грэнзуэй, успешно занимавшийся экспортом сукна и импортом вина, преимущественно из Испании, именно в жене Кэтрин видел деловую преемницу: по завещанию ей была оставлена сумма в 2400 ф. ст. для продолжения торговли вином. Важно, что в Испании еще в качестве фактора самого Ральфа Грэнзуэя действовал ее брат, что должно было способствовать успешному ходу дела⁸¹. Полноправной преемницей дела мужа – сэра Эмброуза Николаса, солеторговца и лондонского олдермена 1566-1578 гг., являлась его вдова – госпожа Элизабет Николас, завещавшая компании солеторговцев Лондона 100 ф. ст.⁸²

Таким образом, несмотря на те ограничения, которые налагало на экономическую активность женщин их неполноправие в распоряжении собственностью, сосуществование противоречащих друг другу юридических норм и лакун иногда позволяло даже замужним горожанкам проявлять деловую самостоятельность. В средневековой торговой компании (как и в ремесленном цехе) жена и дочери мастера работали рядом с ним, с его подмастерьями и учениками. Женщины играли роль своеобразного трудового резерва, который мобилизовывался в случае необходимости. Однако за редким исключением (имеются в виду вдовы ремесленников, которые вели дела мас-

---

⁸⁰ Ibid. V. II. P. 23.

⁸¹ Willan T.S. Op. cit. P. 99; Beaven A.B. Op. cit. V. II. P. 35.

⁸² Calendar of wills... V. II. P. 707-708.

терской после смерти мужей) способность женщин к самостоятельной работе никогда официально не признавалась, а доступ к труду зависел не от их профессиональной подготовки, а от родственных отношений с купцом (мастером). Статус женщин, избравших участие в торговле (или в городском производстве) в качестве своего основного занятия, никогда не был полноценным. Отношение к работе было чётко дифференцировано по гендерному признаку: для мужчины это было право, для женщины – скорее, исключение, замена милостыни. Женский труд, продолжая оставаться незаменимым, всё более превращался в маргинальный: в целом, в городе работа женщин была непостоянной, зависела от семейных обстоятельств, имела ущербный статус и плохо оплачивалась.

Итак, средневековое городское сообщество было «мужским». Обычаи и законы, как правило, не предусматривали места для женщины в публичных сферах, ограничивая её интересы домом, семьёй, роднёй, церковью. Но всё же постепенно в условиях города вырабатывается новый тип женщины – энергичной, самостоятельной, образованной, которая управляет домом, устраивает свою личную судьбу и судьбы своих детей, ведёт дела в отсутствие мужа, выступает в обществе как самостоятельная глава семьи и бизнеса. Хотя, безусловно, этот путь оказывается довольно долгим и тернистым.

Е.Н. Кириллова

История о не-гендерном конфликте (реймские колпачники в 1576-1581 г.)

Задавшись вопросом о соотношении мужчин и женщин в ремесленных корпорациях в средние века и раннее новое время и о том, как оно влияло на организацию ремесел, я обратилась прежде всего к спискам мастеров разных специальностей, известным для реймских корпораций XV-XVIII вв. Такие списки выполняли несколько функций. Во-первых, в них вносили имена только признанных корпорациями мастеров – тех, кто стал мастером по правилам, установленным в данном городском ремесле. Во-вторых, эти списки носили официальный характер, и последующий прием каждого нового мастера в сообщество включал в обязательном порядке представление его городским властям, прежде всего, бабьи архиепископа. И в третьих, именно в соответствии с последовательностью, в которой были записаны мастера, они назначались на должность присяжного, получая право руководить ремесленным сообществом и действовать от его имени¹.

Всего за трехсотлетний период с конца XV по конец XVIII в. на настоящий момент мне известно около 40 таких списков, большинство из которых сохранились во вводных или заключительных частях регламентов, в сопровождающих их утверждение документах и постановлениях, но не только в них – также в виде напечатанных в типографии и предназначенных для развешивания по городу афиш. В ряде случаев списки очевидно неполны: когда фиксировались имена либо представителей от ремесленного сообщества (высказывавших просьбу), либо имена присяжных.

Женщины, в подавляющем большинстве – вдовы, присутствуют лишь в семи из этих списков, составляя от 3 до 14,5% мастеров, причем как в средних (8-30 человек), так и в круп-

---

¹ Во многих реймских ремесленных и торговых корпорациях с 1600 г. утвердилась традиция, когда один из присяжных назначался по списку, а второго выбирали.

ных (до 170 человек²) корпорациях. В двух случаях этот показатель дошел до 20 и даже 33%, но он вовсе не свидетельствует о значительной занятости женщин в данных ремеслах: корпорации сами по себе немногочисленны, поэтому присутствие в списках одной-двух вдов оказывается столь значимо³. И всего лишь в одной, также небольшой по численности корпорации мастеров и мастериц оказалось примерно поровну, что вызывает закономерный вопрос о том, могло ли это соотношение каким-либо образом отразиться на организации ремесла. История создания и утверждения этого устава⁴, а также ряд его особенностей заслуживают отдельного рассказа.

15 октября 1576 г. колпачник Дидье Томас заявил бальи архиепископа⁵ Жоржу Шевалье о необходимости создания регламента для того, «чтобы предотвратить ошибки и злоупотребления, которые совершаются в колпачном искусстве и ремесле, и помехи, которые в нем появились», для чего следовало созвать всех, принадлежащих к ремеслу. Первая половина объяснения принадлежит к разряду формул, традиционных для нормативных актов. Вторая ближе к юридически при-

---

² В списке 170 бондарей (1751 г.) упомянуты 10 вдов, что составляет 6% от численности корпорации (См. афишу: «Rolle de la communauté des maistres tonneliers de la ville et fauxbourgs de Reims de l'année 1751»). Archives Municipales et Communautaires de Reims (далее – AMR.). AF. C.686. Liasse 7. Supp. XVII.) Среди 145 купцов, входивших в объединенное сообщество галантерейщиков и суконщиков в 1778 г., 14 вдов – это почти 10%, 7 самостоятельных купчих – почти 5%. В целом, женщины, самостоятельно занимавшиеся торговлей, составляют около шестой части корпорации (14,5%). («Tableau des Agrégés à la Communauté des Marchands merciers-drapiers de la ville et fauxbourgs de Reims... Pour l'année 1778»). AMR. AF. C.678. Liasse 7. Supp. II.)

³ Две вдовы и 4 мастера-мужчины занимались изготовлением шерстяной кисеи в 1710 г. (См.: *Varin P.* Archives législatives de la ville de Reims. P.2. Statuts. V. 2. P., 1847. P. 227, п. Далее – AL). Одна вдова названа вместе с четырьмя мастерами пряничниками в 1707 г. (Ibid. P. 225, п.)

⁴ Предыстория создания устава известна из введения к нему. См.: AL. P. 278-279.

⁵ Именно к бальи архиепископа обращались с просьбой об утверждении регламента большинство реймских ремесел.

глаженному описанию конфликта – что-то произошло среди мастеров, «вспыхнуло», «неожиданно случилось».

Через четыре дня, 19 октября, к бальи были приглашены трое мастеров: Жан Морбуа, Ришар Боккар, Мишель Барбье и четыре мастерицы: «Жанна ла Орметт, колпачница, жена Николая Маюэ, музыканта; Пьеретта Робен, колпачница, жена Пьера Мэйяра, сапожника-починщика⁶; Маргарита Винерон, девица на выданье; Ремьетта Кейо, вдова Пьера Робена, также колпачница», которым Дидье Томас заявил о своем намерении урегулировать ремесло. Бальи велел ему через три дня представить статьи, чтобы рассмотреть эти статьи и вынести окончательное решение по обычной процедуре, вызвав мастеров и испросив мнения фискального прокурора.

Далее события развивались следующим образом. Через неделю, 25 октября, к бальи явился Жан Боном, «относящийся к этому ремеслу», но ранее не упоминавшийся в числе колпачников и не приглашавшийся, и заявил, что сейчас он «не нуждается в этом ремесле», потому что работает каменщиком. 16 ноября выступили трое колпачников, имена которых также не назывались ранее: Жерар Шевалье, «Клер де Лабрюер, вдова Николая Барбье, колпачница; Мари Шенпитр, также колпачница, вдова покойного Жана Жапона». В чем заключалось это вмешательство, и какую из конфликтующих сторон они хотели поддержать, неизвестно. Ясно лишь, что ни через три дня, ни через неделю или месяц не удалось прийти к соглашению относительно составленных Д. Томасом статей, чем-то они не устраивали остальных.

Между мастерами и Д. Томасом происходили и, видимо, неоднократно, какие-то разбирательства, а 27 января 1578 г. состоялся процесс, в ходе которого было решено, что стороны пригласят трех наиболее опытных мастеров, которые дали бы свое заключение об уставе. Об экспертах удалось договориться уже 30 января. Ими стали три мастера, фигурировавшие еще в самом первом списке колпачников: Морбуа, Барбье и Боккар,

---

⁶ Обратим внимание на самостоятельность замужних женщин, занятие которых не имеет никакого отношения к занятиям их мужей – это совершенно разные сферы деятельности.

здесь названные без имен. На следующий же день, 31 января, они высказали (письменно) свое мнение о регламенте. И не очень понятно, в силу ли недорешенности проблемы или из-за бюрократических проволочек (ожидания решения фискального прокурора до 24 января 1581 г.), но устав был окончательно принят только через три года, 13 февраля 1581 г. И вплоть до начала XVIII в., до 1706 г., не подвергался никаким изменениям, а значит, на протяжении последующих 125 лет устраивал всех.

К регламенту приложена выписка из регистров бальяжа Реймса от 15 февраля 1581 г., свидетельствующая о последнем этапе этого конфликта, когда с помощью бальи Д. Томас заставил остальных мастеров признать регламент. Названы имена: «Жан Боном, Жерар Шевалье, Мишель Барбье, Жан Морбуа, Алар Боккер и Этьен Пари, также колпачники, проживающие в Реймсе, ответчики»⁷. Среди этих шести человек оказались и каменщик Жан Боном, и двое из экспертов, и еще два мастера, имена которых ранее не фигурировали в списках, но нет ни одной из мастериц или вдов.

В числе прочих распоряжений бальи велел Д. Томасу составить список «тех, кто из этого ремесла»⁸, ...чтобы два самых старых из них» стали присяжными этого года. Это традиционная для регламентов формула. И не очень понятно, следует ли воспринимать это выражение только как формулу или как указание о том, что в списке могут и должны фигурировать только мастера-мужчины. Женщины не были и не могли быть присяжными (должностными лицами) в неженских корпорациях, хотя сам по себе этот запрет нигде не зафиксирован, вероятно, в силу его очевидности. Список, составленный Д. Томасом, нигде не приводится, но он явно отличался от перечня ответчиков последовательностью, в которой были названы мастера. Присяжным в первый год вместе с Д. Томасом стал Ж. Морбуа, а значит, именно он был «самым старым» из мастеров (он был назван первым и среди экспертов – самых сведущих в ремесле) и, соответственно, именно его имя стояло первым в списке Д. Томаса.

---

⁷ AL. P. 296.

⁸ Бальи уточнил, что имеются в виду ответчики (см. выше) и сам Д. Томас.

Списки мастеров и мастериц дают возможность сказать несколько слов и о родственных связях. Колпачники из семьи Робен: Пьер Робен, вдова которого Ремьетта Кейо продолжала заниматься колпачным ремеслом, и Пьеретта Робен, жена починщика обуви Пьера Мэйяр. Семья Барбье: Мишель Барбье и Клер де Лабрюер, вдова Николая Барбье. Семья Боккар⁹: Ришар и Аллар. Первый из них назван в первом списке (1576 г.), второй – в последнем (1581 г.). Ришар Боккар умер или оставил колпачное ремесло к 1581 г., а Аллар Боккар, видимо, только начал заниматься этим ремеслом в начале 80-х гг. (он не мог или не хотел участвовать в конфликте 1576-78 гг.).

В общей сложности известны имена четырнадцати колпачников и колпачниц, работавших в 1576-81 гг., и еще трех, работавших ранее, вдовы которых продолжили дело мужей. В 1576 г. ремеслом занимались шесть мужчин и шесть женщин, точнее будет сказать, что они относились к ремеслу¹⁰. Весьма вероятно, что в этот год Жан Боном колпачным ремеслом все же не занимался, как и заявлял. То есть мужчин – пять. Получается, что половину или даже больше половины корпорации составляли женщины, что, конечно, могло определяться спецификой профессии. Колпачники занимались изготовлением разнообразных вязаных изделий: колпаков, чулок, варежек, перчаток, митенок и др., что относится к числу традиционных для женщин занятий. С другой стороны, в корпорации реймских ткачей полотна – ткачество также принято относить к традиционным женским занятиям – в 1571 и 1604 гг. не было ни одной женщины – ни мастерицы, ни вдовы¹¹. Как и среди 54 мастеров, занимавшихся изготовлением

---

⁹ Два варианта написания: *Vossart – Vossaire*. Причем в одном случае имеется в виду один и тот же человек – эксперт Ришар Боккар (именно он, поскольку об экспертах сказано: «вышеназванные»), и два этих варианта записаны практически подряд – на соседних строчках.

¹⁰ Такое выражение, традиционное для реймских регламентов, означает, по всей видимости, что принадлежность к этой профессии, к этому ремеслу – первое, что следовало бы сказать о человеке, характеризуя его. В некоторой независимости от того, чем именно он сейчас занимается, он входит в число тех, кто был кровно и непосредственно заинтересован в данном ремесле.

¹¹ Для них известно два списка мастеров, соответственно, из 25 и 9 человек, и 4 списка присяжных. См.: *AL. P. 297, 302.*

разнообразных шелковых изделий (лент, тесьмы, бархата, золотой и серебряной тафты и др.) в 1600 г.¹²

Для 1581 г. известны лишь имена колпачников, участвовавших в судебных разбирательствах, но теперь мужчин как минимум семь, сколько было женщин, и были ли они вообще – неизвестно. Соотношение всех этих списков может свидетельствовать о гендерном конфликте – между мастерами и мастерицами. К сожалению, балли не зафиксировал никаких конкретных предложений об изменении устава (как это было во многих других случаях¹³), в том числе со стороны экспертов, не объяснил причины разногласий, что дает простор для предположений.

Тем не менее, статьи регламента составлялись Д. Томасом в 1576 г. и были ориентированы на положение, существовавшее в то время. Вряд ли за прошедшие 5 лет мастериц полностью вытеснили из ремесла, это не согласуется с текстом утвержденного (подчеркну, в 1581 г.) регламента, в котором «колпачницы» упоминаются несколько раз. Обратимся к уставу и попытаемся выяснить, есть ли отличия в положении мужчин и женщин, занимавшихся колпачным ремеслом.

О «колпачнике и колпачнице» (*bonnetiers et bonnetières*) говорится в XI статье: они не могут держать лавку, торговать или работать для себя, если не стали (не были приняты) «мастерами этого ремесла»¹⁴.

Из этой статьи следует, что «мастер данного ремесла» и «колпачник» – далеко не одно и то же, это обозначение разных статусов. Первый – член корпорации, тот, кто имеет право заниматься данным ремеслом в городе. Второй, видимо, тот, кто умеет делать колпаки и другие изделия, относящиеся к ремеслу. Мастера, как это следует из формулировок статей, чаще фигурируют в тех случаях, когда речь идет об управлении, об административной сфере. Термин «колпачник» оказывается ближе к производственной сфере. При этом именно для

---

¹² Ibid. P. 375.

¹³ См.: Кириллова Е.Н. Практика создания регламентов ремесленных и торговых корпораций в Реймсе (XVI-XVII в.) // Средние века. Вып. 64. М., 2003. С. 165-189.

¹⁴ AL. P. 294.

«колпачников» должен быть составлен список, по которому в 1581 г. году и в дальнейшем будут определять присяжных, но впредь в него будут вносить имена тех, кто выполнил шедевр и стал «мастером этого колпачного ремесла»¹⁵. В выписке из регистров бальяжа «мастером колпачником» назван только Д. Томас, все остальные обозначены как просто «колпачники». Видимо, все-таки одна из целей регламентации заключалась в том, чтобы все «колпачники» стали «мастерами».

Но ни в этой, ни в других статьях устава речь не идет о «мастерицах», такого термина вообще в тексте регламента не встречается; он появляется в новом уставе колпачников 1706 г. и сохраняется в 1735 г. В XVI-XVIII вв. «мастерицы» упоминаются во многих регламентах и постановлениях для других ремесел.

В рассматриваемом уставе есть также фраза, в которой говорится исключительно о колпачницах:

«если мастера-присяжные обнаружат на улице каких-нибудь колпачниц, их слуг, служанок, домочадцев или других, вышедших из их дома, продающих или несущих ошибочные или запрещенные изделия...», могут задержать и пометить эти изделия¹⁶.

Само по себе это правило не является чем-то уникальным, оно существовало и во многих других ремеслах¹⁷. Единственное и принципиальное отличие – в роде. Требование сформулировано таким образом, что становится очевидна его казуальность: уже приходилось сталкиваться, и есть опасения, что и впредь на улицах будут обнаружены ошибочные или запрещенные (правилами) изделия, сделанные колпачницами. Видимо, мужчины-мастера в подобном не были никогда замечены. Хотя и они могут совершать ошибки, о чем говорится

---

¹⁵ Ibid. P. 283. I ст.

¹⁶ AL. P. 294-295. [XII] ст.

¹⁷ Регламент сапожников 1571 г.: «Если мастера присяжные обнаружат на улице какого-нибудь сапожника, их слугу, прислугу, домочадца или других, идущих из их дома и несущих запрещенное старое изделие...» (AL. P. 242. [XXI] ст.). Устав обойщиков 1616 г.: «Если присяжные встретят или обнаружат на улицах города или пригородов какой-либо ошибочный товар этого ремесла, им дозволяется его взять и задержать...» (P. 449. XXIV ст.).

в первой части той же статьи: присяжные будут осматривать лавки колпачников и докладывать суду о всех обнаруженных нарушениях регламента (*malfaçon... contre ledit règlement*).

Итак, «нарушения» (некачественные изделия) обнаруживаются в разных местах: преимущественно в мастерских – у колпачников и преимущественно «на улице» – у колпачниц. Но почему? Может быть, потому, что для колпачников это ремесло было основным занятием, они имели свои мастерские и лавки, где работали и торговали. А для колпачниц их ремесло было возможностью дополнительного заработка – к заработку их мужей, мастеров других специальностей. Такие женщины не имели собственных мастерских, которые входили бы в ведение присяжных, а работали дома. Поэтому их изделия можно было обнаружить и проверить только в момент передачи (точнее, переноса) от мастерицы к заказчику – на улице.

Пространственное ограничение досмотра, т.е. строгое определение тех мест, где досмотр и поиск подлежащих проверке изделий допустимы, является обязательным правилом для корпораций. К числу таких мест относятся мастерская, лавка, рынок, особая контора для досмотра, которую могут по специальному разрешению властей организовать присяжные. Жилые помещения, жилые комнаты в этот перечень не входили, хотя и интересовали присяжных. Досмотр жилых помещений в поисках подлежащих проверке изделий – весьма тонкий и деликатный момент, нарушающий множество «естественных» прав горожанина (не только ремесленника или торговца), способный привести к скандалам и судебным разбирательствам. Со временем детальные правила проведения подобных досмотров появляются в постановлениях городских властей, без участия представителя от которых досмотр легко превращается в произвол¹⁸.

---

¹⁸ В сентенции бабьи Реймса для сапожников и починщиков 1730 г. правила досмотра описываются так: «Предписываем мастерам починщикам помещать все их изделия в лавках и комнатах за ними или местах, расположенных в лавках. Предписываем присяжным сапожников вести себя по время этих досмотров сдержанно и кротко; а что касается комнат и других помещений в домах починщиков, включая сундуки и шкафы... впредь запрещаем присяжным сапожников там совершать и исполнять какой-либо досмотр, какой только

Напомню, что в списках 1576 г. были названы две замужние женщины, мужья которых занимались совершенно другими профессиями. К ним описанная выше ситуация, несомненно, подходит. Какова судьба Маргариты Винерон и к какой категории колпачниц ее следовало относить впоследствии (в 1581 г.), неизвестно. Скорее всего, она вышла замуж, и далее ее статус определялся тем, какое положение по отношению к данному ремеслу занимал ее муж. Но как мы видели, даже будучи замужем за мастером иной специальности, женщина могла заниматься колпачным ремеслом. По всей вероятности, это означало, что предварительно она проходила обучение и вступала в корпорацию на тех же основаниях, что и мастера-мужчины. Нет никаких признаков того, что для женщин существовали какие-то иные – облегченные или усложненные правила¹⁹.

Еще три колпачницы были вдовами. Получая право заниматься ремеслом после смерти мастера, его вдова – обычно – приобретала право распоряжаться в его мастерской, наследуя ее. Этого, однако, могло не произойти – вопросы наследования имущества не входили в компетенцию корпораций, в отличие от права на ремесло. В таком случае правила уличного досмотра распространяются и на вдов. Если же у них были мастерские, могли ли и здесь оказаться какие-то сложности с досмотром? Фактически работой в мастерской вдовы руководил опытный подмастерье, заменяя мастера, поскольку ни одна корпорация, разрешая вдовам заниматься ремеслом, никогда не

может быть, без нашего точного разрешения в ответ на просьбу, которая нам будет представлена, и которая будет содержать имена и фамилии тех, кого подозревают в нарушении; при досмотре внутренних помещений домов их должен сопровождать уполномоченный и судебный исполнитель полиции» (AL. P. 246-247, n.). Такие же правила досмотра были установлены для присяжных починщиков. Поводом для сентенции послужила жалоба двух присяжных починщиков на поведение сапожников при досмотре: они опрокидывали шкафы в жилых комнатах, раскрывали их кровати и даже кровати дочерей в доме одного из присяжных. Все это спровоцировало скандал и длительное разбирательство в суде.

¹⁹ Облегченные правила приема в корпорацию существовали, например, для мастериц-портних (регламент портных и старьевщиков 1716 г. См.: AL. P. 523-524. XIV ст.).

требовала от них знания ремесла, ни в каком, даже самом минимальном объеме. Тем не менее, мастерская вдовы по своему статусу ничем не отличалась от мастерской мастера, в том числе и в отношении досмотра.

Лишь в одном из реймских регламентов – у суконщиков в 1569 г. записано правило о том, что изделия, выполненные вдовой или по ее указанию, подлежали досмотру присяжных²⁰. И само его появление подчеркивает особенность положения вдов. Точно такая же формулировка используется при определении ответственности мастеров-мужчин, и фактически требование к мужчине и женщине одинаково. Можно предположить, что причиной для двойной записи могли послужить случаи из практики, когда вдовы не соглашались подчиняться общему требованию о досмотре, апеллируя именно к формулировке – в мужском роде, применительно к мастеру. В то время как вдова фактически является не мастером и даже не мастерицей, а именно хозяйкой мастерской. Но можно ли считать это обстоятельство достаточным основанием для того, чтобы вдовы не распространяли общее правило на себя? Скорее нет. Иначе подобное правило о досмотре изделий, выполненных вдовами, появилось бы во множестве регламентов.

Еще один момент связан с критериями качества. Речь идет вовсе не о полной и безоговорочной негодности изделий – их просто перестали бы покупать. Ошибочность и запрещенность определяются правилами. И в данном случае – именно теми, которые записаны в регламенте, а вовсе не нормами, существующими в устной традиции. Тот факт, что колпачница или кто-то из ее домочадцев несет по улице уже готовое изделие, свидетельствует о том, что: а) его рассчитывают продать, б) либо несут заказчику. В любом случае, для мастерицы было очевидно, что ее изделие устраивает или устроит покупателя. Поэтому критерии обычного и общепринятого качества здесь не работают. Но точно в такой же степени они не работают и по отношению к колпачнику, поскольку присяжные будут выискивать в его лавке именно нарушения регламента.

---

²⁰ AL. P. 198. XXI ст.

Такие формулировки появились в уставе не случайно. Все, что касалось производственной сферы, могло быть внесено в текст только людьми, в этой сфере хорошо ориентирующимися – мастерами или должностными лицами корпорации. Городские чиновники участвовали в составлении и утверждении уставов, но фактически знали о ремесле столько же, сколько и обычные покупатели и заказчики. Они воспользовались бы иными критериями качества – пригодностью изделий и их долговечностью (возможно, внешним видом). В данном случае, как известно, регламент был составлен одним из мастеров, впоследствии присяжным – Дидье Томасом – и по его настоянию. Есть вероятность, что критерии качества, определенные регламентом (впрочем, не особенно детально) не принадлежали к общепринятым и общепризнанным и были причиной конфликта. В равной мере возможно, что претензии предъявлялись к содержанию и других статей.

Мастеров и мастериц мог изначально не устраивать сам факт составления статей и превращения их свободного по сути, договорного по характеру ремесла в «регламентированное», ограниченное писаными правилами и запретами, а также обязанное некоторыми платежами в пользу архиепископа. И хотя нет полной уверенности в том, что именно эти отчисления являются для колпачников нововведением, штрафы, впрочем, как всегда, заслуживают внимательного к ним отношения.

В двух статьях говорится о «6 парижских су штрафа в пользу преподобнейшего кардинала де Гиза, архиепископа герцога Реймса, первого пэра Франции»²¹, изделия же, выполненные с нарушениями, конфискуются в пользу ремесла (корпорации). Еще в одной, последней, статье – о 2 экю штрафа²², но не сказано, кому именно предназначается этот штраф. По логике текста получается – архиепископу, в ином случае адресат был бы указан. В статье говорится о том, что все мастера Реймса и его пригородов, а также все, кто привозит в город от-

---

²¹ См.: AL. P. 294-295. [XI], [XVI] ст. Людовик де Гиз, архиепископ в 1574-1588 гг. Разумеется, в регламенте назван действующий архиепископ, но это не означает, что впоследствии штраф будет отменен.

²² AL. P. 295. [XVIII] ст.

носящиеся к ремеслу изделия и товары, чтобы выставлять их на продажу, будут обязаны подчиняться досмотру присяжных. Это право, за строгое соблюдение которого боролись многие ремесленные и торговые сообщества (каждое в своей сфере), записано практически во всех регламентах и во многих постановлениях, нередко с комментариями о том, кто еще (какие именно корпорации) высказывал заинтересованность в контроле над продукцией или противодействовал данному сообществу. Известны конфликты такого рода, длившиеся на протяжении столетий (между галантерейщиками, сукноделами и суконщиками, сапожниками и починщиками и др.). Таким образом, хотя это и обычное для любого ремесла правило, провинность сама по себе очень провокационна, да еще и с учетом сложившейся среди колпачников конфликтной ситуации; штраф достаточно велик, и возможность получать его регулярно (или по меньшей мере – получить несколько раз в самое ближайшее время) весьма привлекательна. Что именно должно было происходить с конфискованными в пользу ремесла изделиями, в уставе не указано. По другим примерам известно, что такие изделия, как и часть штрафов, могли использоваться в благотворительных целях – для городских бедняков или для обедневших мастеров ремесла. Но какова бы ни была судьба таких изделий, распоряжались ими, а значит, имели собственный интерес – присяжные.

Возможно также, что конфликт в целом объяснялся разным статусом заинтересованных сторон. Регламент имеет заголовок «Устав и регламент мастеров торговцев колпачников», вероятнее всего, данный ему позднее, поскольку торговцы в нем не упоминаются, и их деятельность никак не регламентирована. Речь идет исключительно о «мастерах» и о «ремесле». Новый устав 1706 г. говорит о «мастерах торговцах», в то время как в редакции 1735 г. слово «торговцы» отсутствует. Занятие по преимуществу торговлей или исключительно производством было важным критерием социального статуса, особенно когда первые подчиняют или по меньшей мере пытаются подчинить себе ремесленников, что вполне возможно и для колпачного ремесла, конкурировавшего в сфере коммерции в том числе и с могущественными купцами, торгующими галантереей.

Недостаток источников и информации ведет к тому, что при попытке мотивировать конфликт приходится лишь высказывать предположения и выстраивать объяснительные схемы, которые представляются более или менее правомерными. Единственная возможность для поиска дополнительных доказательств видится в привлечении данных о других ремесленных и торговых корпорациях этого времени. Но первое впечатление о том, что суть конфликта заключалась в противостоянии мастеров и мастериц, оказывается ложным. Даже если элементы этого противостояния (или, например, личного неприятия) и существовали, не они определяли конфликт в колпачном ремесле. Тем не менее, он позволяет раскрыть некоторые нюансы гендерных отношений в ремесленных корпорациях.

Н.Д. Крючкова

Светское общение как средство самореализации аристократок в средневикторианской Англии

Понижение статуса женщины и сокращение возможностей для женской самореализации стали одними из главных характеристик викторианской эпохи. Жизненное пространство викторианцев, согласно популярной доктрине «раздельных сфер», подразделялось на публичное и приватное, на дом и работу, где публичная сфера была зоной мужской активности, а частная – женской. Женщина рассматривалась как существо физически, интеллектуально и психологически неполноценное, превосходящее мужчину лишь в отношении моральных качеств, поэтому предполагалось, что по природе своей женщины не способны к достижениям, но с успехом могут исполнять роли домохозяйки, матери и жены¹.

Культ семьи, достигший расцвета в средневикторианский период, в известной мере способствовал повышению значимости женщины². Но вытеснение ее практически из всех видов профессиональной и экономической активности укрепляло па-

---

¹ О гендерных стереотипах см. подробнее *Рескин Дж.* Сезам и Лилии. М., 1900; *Hall D.E.* Fixing Patriarchy: Feminism and Mid-Victorian Male Novelists. N.-Y., 1997; *Bellamy J.* Barriers of silence; women in Victorian fiction // *In search of Victorian values* / Ed. by E.M.Sigsworth. Manchester-N.-Y., 1988; *Tingsten H.* Victoria and the Victorians. L., 1972.

² О викторианской семье см. *Perkin J.* Women and Marriage in 19-th century England. L., 1989; *Tosh J.* A Man's Place. Masculinity and the Middle-Class Home in Victorian England. New Haven-L., 1999; *Davidoff L.* The Family in Britain // *The Cambridge Social History of Britain, 1750-1950* / Ed. by F.M.L.Thompson V. II. Cambridge-N.-Y.-Melbourne, 1990; *Idem.* Mastered for Life: Servant and Wife in Victorian and Edwardian England // *Essays in Social History* / Ed. by P.Thane, A.Sutcliffe. V. 2. Oxford, 1986; *Davidoff L., Hall C.* Family Fortunes. Men and Women of the English Middle Class, 1780-1850. L., 1987; *Fix Anderson N.* The Experience of Motherhood in Early-Victorian England // *Essays in European History* / Ed. by J.K. Burton. Lanham-N.Y.-L., 1989.

тернальный тип взаимоотношений внутри семьи и зависимость женщины, которая была закреплена и юридически³.

Как показали исследования, проводимые с 1970-х гг., женское участие в публичной жизни было более широким, чем предполагалось закрепившимися в общественном сознании англичан стереотипами: женщины активно интересовались общественными вопросами, работали в качестве гувернанток, медсестер, учителей, некоторые зарабатывали на жизнь творчеством⁴. Однако по большому счету и политическая деятельность, и государственная служба, и старые профессии в средневикторианский период оставались для них недоступны⁵. К тому же предубеждения против женщин, вовлеченных в публичные сферы деятельности, были достаточно сильны. Исключение составляла только филантропия. Работа вне дома указывала на неспособность мужа или отца прокормить семью. Естественной «карьерой» и предназначением женщины, безоговорочно признаваемыми обществом, было замужество. И если признания многих юридических прав женщины добились уже во второй половине XIX в., то победить стереотипы было много сложнее.

---

³ Закон, по которому все состояние жены и доходы, получаемые ею в браке, становились неотчуждаемой собственностью ее мужа, был изменен только серией реформ 1870-1882 гг. До 1857 г. развод был возможен лишь через парламентский акт, предоставляемый на каждый индивидуальный случай. Новый закон о разводе 1857 г. существенно упростил процедуру расторжения брака, но разница в отношении к мужчинам и к женщинам сохранялась. Муж мог развестись с женой просто на основании супружеской измены, но жене приходилось доказывать не только неверность мужа, но и дополнительные преступления, такие как жестокость, изнасилование или кровосмешение. С 1839 г. женщинам, которые жили отдельно от мужей, разрешалось сохранять опеку над детьми только до 7 лет, в 1873 г. этот возраст был увеличен до 16 лет.

⁴ См.: *Boulding E. The Underside of History. A View of Women through Time. Colorado, 1976; A Widening Sphere. Changing Roles of Victorian Women / Ed. by M. Vicinus. L., 1980.*

⁵ Изменения стали заметны лишь к концу средневикторианского периода. Право получать медицинские дипломы женщины обрели в 1871 г. На государственной службе первая должность, которую могли занимать женщины (работника почты), появилась в 1873 г.

Указанные стереотипные представления о роли женщины, отражая ценностные установки лишь одного социального слоя – среднего класса, распространились фактически на все общество, затрагивая и ниже- и вышестоящие слои населения. К середине XIX в. образ британской элиты претерпел существенную трансформацию. Аристократия пошла навстречу многим требованиям и ожиданиям среднего класса, в том числе и тем, которые касались основ публичного поведения. Вместе с религиозностью и моральными ценностями в жизнь британского дворянства вошли семейные устои и гендерные стереотипы среднего класса. Это приспособление по сути являлось попыткой сохранить социально-политическое влияние, угрозу потери которого английская аристократия впервые ощутила в конце XVIII в. Отчасти это ей удалось: дворянство оставалась наиболее влиятельным социальным слоем вплоть до Первой мировой войны. Но это уже был не тот, практически полный, контроль над государством и обществом, которым аристократия обладала в предыдущие столетия.

Возможности женщин из аристократического общества, таким образом, сокращались сразу в двух отношениях – классовом и гендерном. Влияние первого аспекта аристократки ощутили более явно к концу XIX в., второй в полной мере сказался в его третьей четверти.

Распространение гендерных стереотипов среднего класса в аристократических кругах в определенной степени было связано с позицией венценосной семьи. Королева Виктория являла собой воплощение многих идеалов среднего класса. Она полностью разделяла доминирующие в этой среде взгляды на место и роль женщины. В письмах к дочери Виктория убеждала ее, что брак – «очень торжественный акт, самый важный и торжественный в жизни любого человека, но намного более важный в жизни женщины, чем мужчины», и советовала:

«Пусть твоим главным занятием и целью жизни будет то, чтобы сделать его [мужа – прим. *Н.К.*] жизнь и его дом мирным

и счастливым, быть полезной ему и утешать его всеми возможными способами»⁶.

Будучи бережливой хозяйкой, образцовой женой и матерью, проповедником высоких моральных принципов, она требовала того же от своих придворных.

Мнение королевы не всегда было определяющим. Но даже в том случае, если аристократки его игнорировали, они не могли не учитывать влияние объективных условий. Карьерных возможностей для женщин из аристократической среды в рассматриваемый период существовало так же мало, как и для всех остальных. Те, кто хотел сделать профессиональную карьеру, сталкивались с недостаточностью получаемого образования. К тому же к работе, приносящей доход, в высшем обществе относились крайне негативно. Исключение, пожалуй, составляла только служба в качестве фрейлины при королевском дворе. Поддержать достойный их статуса стиль жизни женщины из аристократических семей могли либо в браке, либо во вдовстве – обеспечение, которое они получали от родителей, было явно недостаточным.

Вместе с тем, пределы «женской сферы» в аристократических кругах были значительно шире, чем у среднего класса, ввиду того, что грань между частным и публичным пространством оставалась расплывчатой. Дом вполне мог быть социальной ареной, где вращалась знать, а общественная жизнь – быть зоной активности семьи. Поддержание статуса неразрывно связано с демонстрацией, и многие события частной жизни аристократии становились предметом показа.

Более всех других аспектов частной жизни публичностью окружался досуг. Участвовали ли аристократы в лондонском сезоне, с его нескончаемой чередой балов и выездов ко двору, посещений оперы, балета, концертов, или выезжали в графства, проводя время в охоте на лис, стрельбе по рябчикам в вересковых пустошах, посещении сельских приемов, они все время были на виду. В средневикторианский период в обществе уже не было заметно такого острого недовольства

---

⁶ Dearest Child. Letters between Queen Victoria and the Princess Royal, 1858-1861 / Ed. by R. Fulford. L., 1964. P. 27.

аристократической «праздностью», как в первой половине XIX в., напротив, любовь к развлечениям снова стала придавать аристократии дополнительную популярность. Газеты в колонках светской хроники печатали сообщения о балах, приемах, детально расписывая состав гостей, туалеты дам. Эти колонки с жадностью поглощались простым народом, которому льстило ощущение причастности, хотя бы и косвенной, к жизни сильных мира сего.

Семейные ритуалы, такие как рождения, крещения, совершеннолетия, браки, превращались в формальный показ. Это становилось особенно очевидно в сельской местности, где аристократы объединялись в праздновании вместе с приглашенными гостями, соседями джентри, фермерами-арендаторами и сельскохозяйственными работниками. Подобная демонстрация укрепляла веру в величие семьи и традиции почтения по отношению к местной династии⁷.

В то же время статус аристократической семьи зависел не только от демонстраций, рассчитанных на широкую публику, но, конечно, и на общество равных. Борьба за престиж в средневикторианском высшем обществе в основе своей сохраняла черты XVII-XVIII вв. и апеллировала преимущественно к общественному мнению. Она отличалась, скажем, от конкуренции французского придворного общества, описанной Н. Элиасом, где знатные семьи прежде всего пытались снискать расположение монарха и тем самым приобрести до-

---

⁷ У. Прескотт писал об одном из таких обедов в Олнике в письме к дочери: «На другой день мы видели работников крупных арендаторов за обедом, числом около 16 сотен человек, или, вернее, мы видели их через полчаса после обеда. Герцог и герцогиня сидели во главе зала; и я думал, что люди, для которых был дан обед, одетые во все лучшее, пьющие за здоровье своих благородных хозяев, сойдут с ума от восторга. Я почти сделал это из-за шума. Герцог, при упоминании его жены, просил ее выйти вперед и поклониться залу. Это было славное зрелище. Люди их положения в Англии должны рано привыкать принимать участие в таких спектаклях, и никто не делал этого лучше, чем наши прекрасные хозяин и хозяйка. Они были чрезвычайно любимы многочисленными арендаторами графства Нортгумберленд» (From *Ticknor G. Life of W.H. Prescott / The English Ruling Class / Ed. by W.L. Guttsman. L., 1969. P. 68.*).

полнительные материальные и статусные блага⁸. В английском аристократическом обществе, ввиду особенностей государственного устройства, и ранее такая конкуренция не была явно выражена, а при королеве Виктории стала еще слабее. У нее, конечно, были свои симпатии и предпочтения, но о фаворитизме георгианского двора здесь не могло быть и речи. Викторианская аристократия была достаточно сильна, чтобы не зависеть полностью от мнения королевы. К тому же сам двор в эти годы не отличался пышностью и блеском, а после смерти принца-консорта стал еще мрачнее, и центр светской жизни все сильнее перемещался в частные особняки.

Приемы в аристократических резиденциях были пронизаны отношениями соперничества, репутацию всякий раз необходимо было подтверждать заново. «Самыми восхитительными личностями вчера были леди Ормонд, леди С. Вильерс и американка, племянница леди Уэллсли, мисс Маквигор», – писала в письме к сыну леди Холланд⁹. Аристократическое общество представляло собой достаточно небольшую социальную группу¹⁰, члены которой были хорошо знакомы друг с другом и часто были связаны родственными узами, так что информация об успехах в свете, как, впрочем, и сообщения о промахах и провалах, распространялись очень быстро.

Представительские функции оставались важнейшими для леди из высшего общества, не менее значимыми, чем жены и матери. В диккенсовской «Крошке Доррит» супруга финансиста миссис Мердл – «украшение Общества» – в споре с мужем, человеком баснословно богатым, прямо заявляет ему:

---

⁸ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002.

⁹ Elizabeth, lady Holland to her son, 1821-1845 / Ed. by the Earl of Pechester. L., 1946. P. 214.

¹⁰ К 1880 г. в стране насчитывалось 580 пэров, 856 баронетов. К ним можно прибавить 4 250 семей сельских джентри, которые хотя и не входили в состав светского общества, иногда объединялись с высшей аристократией на мероприятиях лондонского или охотничьего сезонов. См. Cannadine D. The Decline and Fall of the British Aristocracy. L.-Basingstoke-Oxford, 1996. P. 11-12.

«Я знаю, ... что на ваших приемах собираются сливки английского Общества. Я знаю, что вы приняты в лучших домах Англии. И мне кажется, что я знаю, ... кто тут играет далеко не последнюю роль»¹¹.

Несмотря на то, что и в аристократических кругах престиж брака и материнства в третьей четверти XIX в. был необыкновенно высок, от женщины вовсе не ожидалось проведение всего времени, или большей его части, в заботах о доме. Мало того, излишняя поглощенность семейной жизнью вредила интересам семьи, поскольку отказ от светской жизни не вызывал одобрения в обществе. Если мужчина был неженат, представительские функции могла исполнять его сестра или другая родственница женского пола¹².

Леди Дороти Невилл характеризовала средневикторианское светское общество, как «собрание людей, которые по рождению, интеллекту или способностям были леди и джентльменами в истинном смысле слова. Большая часть достаточно, хотя и не чрезмерно, была одарена мирскими благами, и не имела никаких конечных целей, кроме интеллигентного, культурного и благородного наслаждения»¹³.

Хотя это утверждение и вызывает некоторые сомнения, но, с другой стороны, общество, действительно, искало просвещения и развлечения. Остроумие, широта кругозора, интеллект повышали престиж и популярность не только мужчин. У женщины, умеющей поддержать разговор на любую тему, перешучиваться со светскими остряками, обладавшей грациозностью и изысканностью манер, имелись все шансы блистать в обществе.

По всей вероятности, наиболее важным «женским талантом», позволявшим ей стать светской львицей, оставалась красота. Это диссонировало с проповедуемым идеалом леди, в котором приоритет отдавался внутренней красоте – естественно-

---

¹¹ Диккенс Ч. Крошка Доррит // Диккенс Ч. Собр. соч. Т. 20. М., 1960. С. 506.

¹² Davidoff L. The Family in Britain... P. 99; Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815-1914. СПб., 2000. С. 167.

¹³ The Reminiscences of Lady Dorothy Nevill / Ed. by R.Nevill. L., 1907. P. 100.

сти, скромности, нежности, такту, способности к сочувствию¹⁴. Но личные документы аристократок говорят о том, что внешнему виду уделялось основное внимание. В тех разделах, где давались оценки светским дамам, внешние данные обычно упоминались первыми. Если леди была уже немолодой, то описывалось, насколько привлекательна она была в годы юности. После этого уже шла характеристика других ее достоинств или недостатков, но во многих случаях ограничивались лишь внешними данными. Так, леди Холланд в замечании о юной особе из высшего общества в первую очередь указывает: «Рейчел заметно похорошела, хвалили ее фигуру и грациозность». И лишь потом она добавляет: «Она, я надеюсь, будет иметь большой успех, так как она чрезвычайно умна, скромна и мила»¹⁵. На склоне лет леди Сент Хельер вспоминала имена прославленных средневикторианских красавиц:

«Были некоторые женщины, чья красота была неоспорима – герцогиня Веллингтон, леди Констанс Гросвенор, миссис Перси Уиндхэм и Сьюзен, леди Линкольн, назовем только некоторых, живущих в памяти как видения грации и очарования»¹⁶.

---

¹⁴ Новый образ леди впитал в себя стереотипы феминности, распространяемые средним классом. Вот, к примеру, его характеристика, данная графиней Мюнстерской: «Она [леди – прим. Н.К.] никогда не напориста, никогда не заметна, если Господь не даровал ей великой красоты, которую, конечно, невозможно спрятать. Одной из ее главных характеристик является нежность и уважение к чувствам других. У нее интуитивный такт, глаза для того, чтобы видеть все, и веки для того, чтобы не видеть ничего, когда это необходимо. Она не стремится выдвинуть себя на передний план, но готова, когда призывают, смело выступить против зла; ненавидя грех, она полна милосердия и любящей жалости к грешникам, никогда не стыдится общения с ними или с (слово, которое она ненавидит еще больше) вульгарными, если она может сделать для них добро, так как она помнит, что она сама могла быть кем-то из них» (*The Countess of Munster. My Memories and Miscellanies*. L., 1904. P. 183).

¹⁵ Elizabeth, lady Holland to her son ... P. 214.

¹⁶ *Lady St. Helier (Mary Jeune). Memories of Fifty Years*. L., 1909. P. 77. Девушки из семей джентри или среднего класса со скромным достатком, если они были наделены привлекательной внешностью, становились украшением высшего общества, правда, лишь на один сезон: «Быть professional beauty в продолжение двух сезонов подряд

Существовали многие другие качества, ценившиеся и у мужчин, но для женщин являвшиеся важнейшими условиями успеха в обществе – это умение петь, танцевать, играть на фортепиано. Например, американке миссис Молтон удалось покорить лондонское общество благодаря чудному контральто. Ее пение с удовольствием слушали и особы королевской крови, и политики, и профессиональные музыканты.

«Назови меня тщеславной или самодовольной, если хочешь, но моя голова кружится, и здесь больше не о чем говорить», – писала она своей матери после первого приема в Лондоне¹⁷.

Обучение, которое давали девушкам из высшего общества гувернантки и приходящие учителя – немного времени уделялось истории, географии, литературе, чуть больше – иностранным языкам, и основное время – музыкальным занятиям – свидетельствовало о том, что главной целью жизни женщины в аристократическом семействе становилось именно создание репутации в обществе. Даже те родители, которые отличались передовыми взглядами по многим общественным вопросам, считали необходимым давать дочерям такого рода образование. Мэри Гладстон, например, с ужасом вспоминала о своей гувернантке, которая со строгостью, доходящей до жестокости, занималась с ней музыкой и языками¹⁸. Матери и сестры дополняли такое образование обучением правилам поведения в обществе.

Не обладая значительным багажом знаний, женщины, тем не менее, могли проявлять себя как яркие индивидуальности, не уступающие, а подчас и превосходящие в интеллектуальном плане мужчин. Француз Г. Тэн был немало удивлен тем, что на светских раутах в Англии «с дамой можно гово-

---

так же невозможно, как нельзя открыть два раза северный полюс или истоки Нила» (*Швейгер-Лерхенфельд А.Ф.* Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. СПб., 1882. С. 580.)

¹⁷ *Hegermann-Lindencrone L. de.* In the Courts of Memory, 1858-1875 // www.globusz.com/ebooks/Memory/00000010.htm.

¹⁸ *Gladston M. (Mrs. Drew).* Her Diaries and Letters / Ed. by L. Masterman. L., 1930. P. 2.

речь о предметах серьезных и получать положительные сведения, одним словом, рассуждать с ней, как с человеком»¹⁹.

Представительские функции женщины реализовывались как в нанесении визитов, так и в организации собственных приемов. Светские мероприятия, проводимые в поместьях и лондонских домах, различались по характеру и масштабам. Это могли быть ланчи с приглашением гостей, пятичасовые чаепития, на которые собиралась в основном женская половина, суаре, музыкальные вечера, приемы со спортивными развлечениями в саду, балы. Многие хозяйки организовывали регулярные мероприятия определенного рода, обычно раз в неделю. Пожилая леди Шелли во время сезона каждую субботу давала приемы в саду, на которых не было ни музыки, ни игр. Гости собирались для того, чтобы побеседовать друг с другом. Широко известны были чаепития мисс Бурдетт Куттс в Холи Лодж, небольшие обеды миссис Нортон, на которых присутствовали главным образом мужчины. Другие леди привлекали внимание редкостью и исключительностью приемов. Так, герцогиня Аберкорн устраивала очень мало развлечений, ее летние балы в Честерфилд Хауз, на которых могли присутствовать немногие избранные, современники оценивали очень высоко²⁰.

Подготовка приемов и балов становилась для женской половины по настоящему широкомасштабным предприятием. Они регулировали деятельность огромного штата домашней прислуги, организуя закупку всего необходимого, выбирая меню, детально планируя развлечения, порядок рассаживания гостей. Ранне- и средневикторианские приемы были намного скромнее приемов георгианского или поздневикторианского периодов. Уже следующие поколения определяли их как скучные и блеклые²¹, но иностранцам они казались необыкновенными.

«В сравнении с ними все восточное великолепие, о котором столько говорится в сказках и легендах, представляется чем-то

---

¹⁹ Тэн Г. Очерки Англии. СПб., 1872. С. 65.

²⁰ *Lady St. Helier*. Op. cit. P. 71, 74-75, 88.

²¹ *Lytelton O. From Peace to War. A Study in Contrast, 1857-1918*. L.-Sydney-Toronto, 1968. P. 50.

совсем жалким и несчастным», – писал венгерский востоковед А. Вамбери²².

Расходы на организацию крупных приемов обычно не превышали те суммы, которые могла позволить себе семья, получающая около 10 000 ф.ст. годового дохода. Более значительные траты клеймились как вычурность и показное потребление. «Вчера я обедала со Спенсером Купером в его миллом доме... Он живет очень красиво, но без вульгарного изобилия, как парвеню» – характеристика, данная леди Холланд, свидетельствует о том, что аристократия стремилась скорее к сочетанию роскоши и изысканной простоты²³.

Женщины занимались составлением списков гостей. Мужчины в эти занятия фактически не вмешивались. Зачастую, состав гостей они узнавали лишь на самом приеме. Об этом можно судить из рассказа графини Фингэлл о посещении ею приема в Стаффорд Хауз, данного герцогом и герцогиней Сатерлендскими. Когда она спросила герцога, кем была заинтересовавшая ее дама, то услышала в ответ:

«Моя дорогая леди! Не спрашивайте меня. Вы должны спросить Милли [его жену – прим. Дж. Перкин]. Я не знаю, кто есть кто. Да, я едва ли знаю, кто вы!»²⁴.

Обычно на вечер старались пригласить какую-нибудь знаменитость – из тех, кто прославился в литературе и искусстве, в науке и политике, в моде и спортивной жизни. При этом не играли никакой роли национальность или происхождение, важно было, чтобы приглашаемое лицо выделялось чем-то необыкновенным. Подчас закрывали глаза даже на скандальную репутацию, как в случае с Джордж Элиот. Некоторые леди «специализировались» на приглашении как можно большего числа знаменитостей. Одной из первых хозяек, организовавших такие приемы, по воспоминаниям Дж. МакКарти, была миссис Джордж Кавендиш Бентинк, чьи званые обеды приобрели широкую популярность в Вест-Энде²⁵.

---

²² Вамбери А. Моя жизнь. М.: Наука, 1914. С. 219.

²³ Elizabeth, lady Holland to her son ... P. 215.

²⁴ Цит. по: Perkin J. Op. cit. P. 98.

²⁵ McCarthy J. Portraits of the Sixties. N.-Y., 1971. P. 335.

Приемов устраивалось довольно много: присылалось по несколько приглашений в день. В средневикторианский период редко посещали более одного приема за вечер, и за популярных гостей между соперничающими хозяйками разыгрывалась настоящая борьба. В привлечении избранной публики большую роль играли не только уровень финансового благосостояния или титул главы дома, но и личность хозяйки, ее умение создать непринужденную атмосферу, уделить внимание каждому гостю, оживить угасающий разговор, а также ее человеческие качества. Вот как, к примеру, объясняется причина успеха приемов леди Уолдгрейв:

«Располагая в те дни очень большим состоянием, леди Уолдгрейв проявляла безграничное гостеприимство, и это, в дополнение к ее светским талантам, ее щедрости, доброму характеру, делало ее чрезвычайно популярной»²⁶.

На светских приемах решались и другие задачи, связанные с делами семьи, в частности, формирование брачных связей. Принцип семейных соглашений исчез из брачной практики, но брак по-прежнему оставался серьезным делом, со ставкой, намного большей, чем удовлетворение преходящего увлечения. Социальная совместимость, достаточное финансовое обеспечение, формирование желательных связей учитывались при составлении брачных партий. С распространением идеала брака по любви в высшем обществе дети далеко не всегда следовали предписаниям родителей и опекунов. Продолжались получившие распространение в начале XIX в. побег невест из-под венца²⁷.

Родителям приходилось соблюдать большую осторожность. Для того чтобы исключить саму возможность мезальянса, наиболее разумным представлялось ограничить круг

---

²⁶ *Lady St. Helier*. Op. cit. P. 90

²⁷ Много шума наделал побег леди Флоренс Педжет. Леди Сент-Хельер пишет по этому поводу: «Я никогда не забуду возбуждение, вызванное фактом, что накануне своего брака с кем-то еще она сбежала с лордом Гастингсом. Она воспользовалась притворным походом в магазин “Маршалл и Снелгроу”, чтобы оставить свой экипаж у входа и ... выйти из магазина через другую дверь, где ждал ее лорд Гастингс» (Ibid. P. 69).

общения детей равными по положению. Чаще всего созданием условий для знакомства молодежи занимались матери, у которых были дочери на выданье, но не только они. Многим известным хозяйкам приемов, таким как леди Молсворт, леди Уолдгрейв, леди Эгертон, нравилось окружать себя молодыми людьми и наблюдать за их взаимоотношениями. Женщины были поглощены составлением партий в течение всего года, но настоящим брачным рынком становился лондонский сезон. Наиболее популярными местами для знакомства молодежи были бальные залы.

Леди Сент Хельер вспоминала, что в 60-е гг. «вечерние приемы были редкими и их обычно посещали только старшие, девушки отправлялись в постель в 8 часов, чтобы поспать до 9.30, когда освежившись и похорошевшие от отдыха, они одевались к своему балу». Как правило, бал заканчивался для них не позднее, чем в 1.30 пополуночи²⁸.

Поведение молодежи на таких мероприятиях контролировалось достаточно строго. Неписанные правила гласили, что никому из юных леди не следует проводить слишком много времени с одним молодым человеком и танцевать больше одного раза с одним и тем же партнером. Если же девушка танцевала два раза и более, ее считали легкомысленной, и она становилась отрицательным примером для других благовоспитанных леди. Свидания, тайная переписка, романтические ухаживания для многих были обязательной стадией, предшествующей браку. Леди Фредерика Кавендиш вспоминала, как ее будущий муж часами читал ей стихи, как они обменивались медальонами с прядями волос²⁹. Но чаще это случалось уже после помолвки. Леди Монксвелл в годовщину помолвки писала в своем дневнике, что она «лишь дважды видела Боба в утреннем костюме, то есть на приеме, до того, как была помолвлена с ним»³⁰. Вне светских мероприятий молодой женщине запрещалось находиться в компании муж-

---

²⁸ Ibid. P. 66.

²⁹ Энтон Н. Любовь и англичане. Челябинск, 2001. С. 398.

³⁰ A Victorian Diarist. Extracts from the journals of Mary, lady Monkswell, 1873-1895 / Ed. by the Hon. E.C.F. Collier. L., 1944. P. 14.

чины без компаньонки, особенно если он молод и холост, не говоря уже о том, чтобы самой наносить визиты мужчине³¹.

В браке снимались некоторые из этих ограничений. Вместе с большими социальными послаблениями аристократки во многих случаях приобретали и большую сексуальную свободу. Предполагалось, что невеста должна быть девственницей, и она принимала как часть брачной сделки то, что должна родить наследника своему мужу для продолжения рода и наследования поместья. Это было вполне логично, так как глава семьи должен был быть уверен, что передает имущество и титул собственному ребенку. Впоследствии же муж часто закрывал глаза на адюльтеры жены, и сам смотрел на жен других мужчин³².

Несмотря на то, что многие аристократы считали, что по общественному положению и по природе своей они выше ограничений буржуазного брака, правила поведения в светском обществе запрещали афишировать внебрачные отношения. В средневикторианский период существовал ряд общепризнанных связей, например, между герцогиней Манчестерской и лордом Гартингтоном, леди Эйлсбери и лордом Уилтоном, леди Линкольн и лордом Уолполом. Но это исключительные примеры. Внешне брак должен был выглядеть безупречно, независимо от того, какие страсти разгораются внутри семьи. Громкие романы, разводы вели к скандалам, которые крайне негативно отражались на репутации. Если свет мог простить моральные прегрешения, то неосмотрительность и промахи вряд ли. Особенно тяжело сказывались они на положении женщин-аристократок. На добрачные, так же как и на внебрачные, связи мужчин в высших сферах чаще смотрели сквозь пальцы. Главное, чтобы это не были контакты с незамужними женщинами своего круга. Да и королева без колебаний принимала при дворе мужчин, изменявших женам, но не женщин. Даже дружеские связи на публике женщинам приходилось ограничивать, чтобы избежать злословия.

---

³¹ The Habit of Good Society: A Handbook of Etiquette for Ladies and Gentlemen // <http://www.geocities.com/victorianlace20/etiquette.html>

³² Perkin J. Op. cit. P. 90.

Словом, «сексуальное пуританство» в определенной степени влияло на поведение аристократок в обществе и стесняло их свободу, пусть даже и воздействовало оно, главным образом, на уровне формально-нормативного дискурса. Требования приличий ограничивали ухаживания, флирт, исключали двусмысленные намеки, шутки, откровенные разговоры.

Нормы пристойного поведения были кодифицированы в этикете и относились к его этической основе. На эту основу в этикете нанизывалось огромное количество правил, мелких и незначительных на взгляд стороннего наблюдателя, но чрезвычайно важных для тех, кто вращался в обществе. Этикет регламентировал буквально все аспекты существования человека в свете. Крестины, свадьбы, приемы в саду, утренние визиты, балы, путешествия, пикники и похороны – все это регулировалось целым сводом предписаний. Не оставалось ни одной области социального взаимодействия, которая бы не попадала под юрисдикцию этикета.

Выработка законов этикета, воплощавшего тон, обычаи, вкусы общества, являлась сферой женских интересов. В общем-то, этикет ограничивал свободу самовыражения и самих аристократок, но он же являлся для них мощным инструментом влияния. Дамы вынуждали мужчин играть по установленным ими правилам. Например, леди Эгертон, славящаяся своим острым язычком и манерой громко говорить все, что думает, была необыкновенно суровой и требовательной в отношении манер и поведения мужчин, и заставляла их придерживаться мельчайших деталей этикета. Вдовствующая герцогиня Клевеленд также отказывалась принимать любые отклонения от правил. В средневикторианский период она оставалась последней леди, за которой во время прогулок всегда следовал лакей, несущий трость. И на приемах она требовала соблюдения жесткого этикета и правил поведения времен ее молодости³³.

Этикет выполнял и важную функцию социальной дифференциации. В средневикторианский период аристократия

---

³³ *Lady St. Helier*. Op. cit. P. 79, 95; *The Reminiscences of Lady Dorothy Nevill*... P. 104.

сохраняла высочайший социальный престиж. Наплыв разбогатевших self-made men, главной целью которых стало приобретение положения в обществе, заставлял аристократов внимательнее относиться к чистоте своих рядов. Знание постоянно изменяющихся тонкостей этикета служило своеобразной гарантией принадлежности к избранному кругу.

Как писал кардинал Ньюмен: «изысканные манеры и благовоспитанное поведение, которых так трудно достичь и ... которыми так восхищаются в обществе, в обществе же и приобретаются». Только высшие сферы – столица, двор, великие земельные дома – могли быть, по его мнению, «часовнями утонченности и хорошего вкуса» и истинной «школой манер»³⁴.

В то же время, с распространением пособий по этикету, где самым подробным образом описывались правила поведения в той или иной ситуации, эти знания перестали быть достоянием лишь посвященных. Поэтому еще более пристальное внимание стало обращаться на то, каким образом исполняются законы этикета, то есть на стиль и манеры. В отношении лиц, находящихся вне светского круга, они приобретали еще большее значение, чем при оценке тех, кто уже был в нем.

В разговоре, например, значимы были не только темы, или получаемые сведения, но и интонация, речь. Существовал особый выговор, который не был литературно правильным, но подчеркивал близость к свету. Так, слово 'girl' высшие классы произносили как бы по буквам 'gairl', тогда как остальные – 'gurl' или как написано – 'girl'. То же самое со словом 'clerk' и т.д.³⁵. В ряде слов опускались окончания 'g's'. Существовали нюансы в использовании целого ряда выражений.

Дистинктивную функцию выполняла и манера одеваться. Основная тенденция женской моды средневикторианского периода – господство кринолина, который к 70-м гг. вытесняет турнюр. Вместе с тем ткань, фасон, расцветка отличались в зависимости от возраста, времени суток, события и места. мода как статусно-символическое благо во многом сливалась с этикетом, но гораздо легче поддавалась копированию.

---

³⁴ Newman J.H. Rise and Progress of Universities // The English Ruling Class ... P. 210.

³⁵ The Countess of Munster. Op. cit. P. 176-177.

«В наши дни различие в одежде между высшими и средними классами во многих отношениях сведено к нулю», – таков был обычный комментарий современников, который они дополняли утверждением, что кринолин скоро распространится даже среди фабричных девушек³⁶.

Стиль в одежде являлся серьезной проверкой вкуса. В средневикторианский период, с ростом популярности тканей ярких тонов и резких контрастов в одежде, нужно было обладать поистине безупречным вкусом, чтобы выглядеть элегантно. Нелепые сочетания цветов, как и не в меру нарядная одежда, перебор с украшениями позволяли с первого взгляда определить парвеню. В высшем обществе сплетничали о попытках давать светские приемы, которые предпринимала супруга железнодорожного короля:

«миссис Хадсон, когда у нее были обеды, имела привычку говорить своей горничной: “Оденьте меня для десятерых, оденьте меня для двенадцати”, умеряя пышность своего платья в соответствии с числом гостей»³⁷.

Важнейшими критериями являлись также походка, манера держаться, умение исполнять навязываемые этикетом роли с легкостью и непринужденностью, которых так часто недоставало представителям других классов. Новички были либо слишком чопорны и слишком боялись сделать что-то не так, либо слишком показными в своих хороших манерах, тогда как аристократы могли позволить себе быть нешаблонными и допускать легкую эксцентричность в поведении и внешнем виде, не опасаясь, что им может изменить вкус или чувство меры³⁸. Их стиль был врожденным.

---

³⁶ Цит. по: *Cunnington C.W., Cunnington P. Handbook of English Costume in the XIX-th century. Boston, 1970. P. 442.*

³⁷ *The Reminiscences of Lady Dorothy Nevill... P. 104.*

³⁸ Эта разница видна в приведенном И.С. Тургеневым кратком описании двух государственных деятелей, один из которых был рожден в высшем свете, а другой нет: «Фигура у него [речь идет о лорде Пальмерстоне – прим. Н.К.] аристократически изящная, манеры человека, привыкшего властвовать и породистого, чего нет, например, у Дизраэли, который смотрит фатом и артистом» (*Тургенев И.С. Обед в Обществе английского литературного фонда //*

«Грация – физиологическое достояние расы», – говорил об аристократии У. Беджгот. Он признавал, что изысканность манер может встречаться везде, но «в аристократии она должна быть, и если аристократ хоть отчасти лишен ее, то, по всей вероятности, он от рождения страдает пороками нервной организации»³⁹.

По всем вышеперечисленным признакам происходило отделение «вульгарных» от «утонченных». Графиня Мюнстерская вспоминала, что понимание этих слов в высшем классе отличалось. Если обыватель не затруднялся с использованием термина «вульгарный» и относил его либо к чему-то неприличному, либо рутинному, то мало кто из аристократок мог членораздельно объяснить значение этого слова. Оно было чем-то неуловимым, неопишмым, но тем, что чувствовали все члены избранного круга:

«Хотя ее [вульгарности – прим. *Н.К.*] влияние едва ощущается некоторыми, оно заметно на взгляд других – так называемого *grand monde* – и клеймится ими со знаком позора, более ужасающего в их глазах, чем многие вопиющие грехи, тогда как ее противоположность – «утонченность» – совершенно необходима для признанного члена того же самого страшного братства *grand monde*. Это свойство так окутано тайной, так скрыто, так временами похоже на свою противоположность, что те несчастные люди, которые всеми силами стремятся достичь пика моды, неизменно попадают в одну из двух ловушек утонченной вульгарности или вульгарной утонченности, искусно покрытых сетями общества и неразличимых для них»⁴⁰.

Контроль над доступом в свой круг, который осуществляла практически всецело женская половина аристократии, означал колоссальную социальную власть. Эту власть они начали терять лишь в поздневикторианский период, когда высшее общество стало заметно более плутократическим, а стандарты поведения менее высокими.

Одновременно на светских приемах женщины могли продвигать своих протеже. Они вводили в общество малоизвестных лиц, знакомили с другими гостями. Само по себе

«Я берег покидал туманный Альбиона ...». Русские писатели об Англии, 1646-1945. М., 2001. С. 267.)

³⁹ Беджгот У. Государственный строй Англии. М., 1905. С. 154.

⁴⁰ *The Countess of Munster*. Op. cit. P. 170-171.

приглашение в дом к известной хозяйке становилось для новичков знаком социального отличия, а фраза, подобная «я видел его у леди Х.», – лучшим рекомендательным письмом. Королевские фрейлины могли содействовать представлению того или иного лица королеве и, тем самым, «выдать ему пропуск» в высшее общество. Аристократки часто оказывали финансовую помощь своим подопечным. Так, леди Уолдгрейв обеспечивала материальную поддержку художнику Эдварду Лиру до самой его смерти.

В светском общении часто решались вопросы, связанные с профессиональной карьерой. В средневикторианский период традиции покровительства еще сохранялись. Несмотря на то, что после отчета Норткота-Тревельяна о состоянии дел в государственной службе в 1854 г. начала проводиться постепенная замена старых методов набора конкурсными экзаменами, покровительство доминировало в государственной службе и в армии до 1871 г. Женщины широко использовали услуги друзей и знакомых. Леди Молсворт таким образом устроила в 1860 г. своего протеже Тома Худа, позже ставшего довольно известным литератором, на должность чиновника в недавно образованное Военное министерство. В свое время потенциал женского влияния оценил Б. Дизраэли, который сделал «невероятную карьеру» во многом благодаря успеху у могущественных женщин⁴¹.

Если аристократки тратили силы и время на продвижение посторонних людей, то карьера собственных мужей и сыновей подчас становилась смыслом их жизни, что наиболее ярко проявилось в области политики. Средневикторианский период – это годы, когда на Британских островах формировался новый политический мир. Реформы избирательного права, связанные с перераспределением избирательных округов, пересмотром избирательного ценза, сочетались с расширением и новым оформлением традиционных политических групп. Прежнее разделение партий уходило в прошлое, старые названия и лозунги переставали употребляться. Раньше

---

⁴¹ См. *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993.

различие между тори и вигами было слишком велико, чтобы допустить возможность нейтралитета, теперь же зачастую трудно было определить, к какой из политических групп присоединятся люди, только приступающие к политической деятельности. Коалиции различных групп не делали внутривнутриполитическую ситуацию устойчивой и прогнозируемой.

В этих условиях женское влияние в политике, может быть, было и не сильнее, чем в предыдущие годы, но оно было заметно. Традиция решать политические вопросы на приемах сохранялась. Некоторые леди в 50-70-х гг. XIX в. держали политические салоны. Самой влиятельной и выдающейся из всех «политических хозяек» средневикторианского периода была леди Пальмерстон, супруга премьер-министра Великобритании. Она оказывала неоценимую помощь мужу в его карьере государственного деятеля. Хотя лорд Пальмерстон, бесспорно, был талантливым политиком, умеющим воздействовать на собеседников и публику, прочной поддержки в парламенте у него не было. Он не придерживался единой политической линии и в некоторых вопросах целиком соглашался с либералами, но в других выказывал отчетливую склонность к взглядам умеренных консерваторов. В результате постоянно возникала опасность лишиться парламентского большинства, и для него было очень важно заручиться поддержкой колеблющихся парламентариев.

Леди Пальмерстон выступала как компаньонка и товарищ мужа. Ее ум, очарование, любезность сделали Кембридж-Хауз своего рода центром национальной политики. Американец Г. Адамс рассказывал, что на ее приемах редко можно было встретить людей, далеких от политики. В основном приглашались пожилые, влиятельные государственные деятели, дипломаты и члены их семей⁴². Вместе с тем, леди Пальмерстон быстро замечала многообещающих, но еще не признанных политиков, незнакомых с лондонским обществом. Радужный прием в ее доме рассматривался недавно избранными членами парламента как высокая честь, за которую они бла-

---

⁴² *Adams H.* The Education of Henry Adams // jerz.setonhill.edu/resources/texts/adams_h_eha/eha_ch-3.html.

годарии лояльностью к «старому Паму». Леди Пальмерстон прекрасно осознавала, какое сильное влияние на позицию мужчин-политиков могут оказывать их жены, и использовала все свое обаяние, чтобы сблизиться с ними.

После смерти леди Пальмерстон ее место в обществе заняла леди Уолдгрейв. С политической леди Уолдгрейв была связана в течение долгого времени. Еще с 1855 г. она устраивала постоянные политические приемы в Строберри Хилл и оказывала помощь своему третьему мужу, либерально настроенному члену парламента лорду Гаркуру. Четвертый муж леди Уолдгрейв, Чичестер Фортескью, также занимался политической деятельностью. Он был помощником министра по делам колоний в двух администрациях лорда Пальмерстона. В 1865 г. он был назначен главным секретарем лорда наместника Ирландии и занимал эту должность при У. Гладстоне, а три года спустя стал членом кабинета. Чичестер Фортескью был человеком значительных способностей, и к нему с уважением относились в палате общин. Однако в светском обществе он был лучше известен как муж леди Уолдгрейв. В отличие от леди Пальмерстон, леди Уолдгрейв не была всецело сосредоточена на политике, и ее приемы отличались большим разнообразием приглашенных⁴³. Это имена лишь нескольких из длинного списка хозяек политических салонов средневикторианского периода⁴⁴.

Устраивая randevу для политиков, аристократки не только оказывали помощь мужьям, но и удовлетворяли личные амбиции. За отсутствием возможности решать политические вопросы на парламентской скамье они использовали приемы как средство косвенного влияния на политику⁴⁵. Про-

---

⁴³ *McCarthy J.* Op. cit. P. 331-332.

⁴⁴ Из других хозяек можно упомянуть леди Бомонт, устраивавшую воскресные приемы для политиков, исключительно мужчин; вдову леди Купер, много лет подряд собиравшую небольшую группу стойких вигов; леди Оссингтон. В третьей четверти XIX в. большинство политических салонов отличалось либеральной направленностью.

⁴⁵ Впрочем, в ряде случаев они публично выражали свои политические убеждения. Так, герцогиня Сатерлендская с группой англичанок в лондонской резиденции Стаффорд Хауз оформила в 1853 г. протест против рабства в Америке.

смотря на их личную переписку, можно лишь удивляться тому, какое внимание в ней удивлялось политике, и насколько широкий круг политических проблем интересовал их.

Могущество женщин, о которых рассказывалось выше, было велико. Чрезвычайно важно то, что в основе своей оно не вызывало ни сомнений, ни возражений у мужской половины. Современники воспринимали таких дам, как «королев общества, которые правили и держали свои дворы» на протяжении долгого периода⁴⁶. Разумеется, далеко не все представительницы британской аристократии могли быть «великими леди». Все зависело от личного потенциала. Но сам факт их существования говорит о том, что возможности для реализации этого потенциала сохранялись даже в средневикторианский период, и в основном они были связаны со светской жизнью.

В светском общении женщины могли проявить себя как яркие, незаурядные личности, обладавшие широким кругозором, имеющие собственные убеждения и умеющие их отстаивать. Вращающиеся в высшем обществе леди в реальности мало напоминали стереотипный образ пассивного, сентиментального «ангела дома». Светская жизнь женщин способствовала большему равноправию внутри семьи, супруги выступали как партнеры, в одинаковой мере заботящиеся о ее перспективах и престиже. Светское общение предоставляло аристократкам широкие возможности для проявления личной власти и влияния. От них зависели судьбы многих людей, решение многих проблем общественной жизни.

Светская жизнь делала существование аристократок более полным и разнообразным, обеспечивала самоуважение и признание со стороны окружающих. Об удовлетворенности дам из высшего общества их образом жизни свидетельствует достаточно слабый их интерес к вопросам женского равноправия. Не случайно, что в списке лиц, агитирующих за пересмотр юридических норм и социальных стереотипов, ущемляющих права и возможности женщин, в средневикторианский период мы находим сравнительно мало имен дам из светского общества.

---

⁴⁶ *McCarthy J.* Op. cit. P. 327.

С.А. Еремеева

Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин

80-е годы XIX века – время, когда власть боролась с пробуждающимся обществом, которое, в свою очередь, формировалось в борьбе с властью. Выбор личной гражданской позиции для многих носил характер, прежде всего, этический и, следовательно, был неизбежен. Общественная консолидация осуществлялась, как правило, под эгидой или реакционной, или революционной. Существовал, однако, и другой общественный опыт – выработка форм интеграции в стороне от политической борьбы на основе общности взглядов. Но такой опыт был неизбежно локален, часто не слишком продолжителен, и вследствие этого – малоизвестен.

Одним из примеров может служить Приютинское братство – дружеский союз, сложившийся в 80-е годы в Петербургском университете. Он объединил тех, чьи имена позже станут весьма известны – будущих академиков В. Вернадского и С. Ольденбурга, профессоров И. Гревса и А. Корнилова, общественных деятелей Ф. Ольденбурга и Д. Шаховского. Братство (просуществовавшее более полувека) оказалось эффективной структурой: оно помогло своим членам, как видно в ретроспективе, в условиях общественного кризиса не только выжить и сохранить лицо, но и сбечь творческий потенциал.

В данной статье рассматриваются первые годы существования братства: в это время происходит формирование и уточнение состава и смысла союза. И как часто бывает в начале процесса, очевидным оказывается то, что позже будет скрытым, станет подразумеваемым, уйдет в подтекст, но останется на самом деле важным для понимания принципов существования братства. Например, роли мужчин и женщин в этом союзе.

В 80-е годы в центре общественного внимания оказался «женский вопрос». Некоторые аспекты теории и практики его решения в рамках братства, обусловленные не только особенностями времени, но и личными обстоятельствами героев и являются предметом авторского интереса в данной статье.

Логика построения текста определяется движением от общих контекстов к теории и практике Приютинского братства в период его становления.

Лев Толстой как зеркало...

История приютинского союза есть история практики братства – формы объединения людей, актуальной для конца XIX века. Общероссийским теоретиком этого вопроса тогда выступил Лев Толстой, с которым члены братства были связаны еще и личным знакомством. Поэтому взгляды Льва Толстого важны для понимания истории Приютинского братства.

В 1885 году (на французском языке, дабы избежать трений с цензурой) вышла в свет книга Л.Н. Толстого «В чем моя вера». А два года спустя в Санкт-Петербурге появилось сочинение М.А. Хованского «Женское царство. По поводу женского вопроса и сочинения графа Л.Н. Толстого “Ma religion”».

Ответ Л.Н. Толстому оказался памфлетом, иллюстрирующим абсурдность того способа устройства мира, который проповедовал великий писатель. Герой М.А. Хованского видит во сне кошмарную историю:

в 3000 году в некоей стране Беат оставшиеся без мужчин женщины пытаются устроить жизнь по своему разумению. Изучая мировой опыт, они знакомятся в России с сочинением графа Л.Н. Толстого и, восхитившись его предложениями, устраивают жизнь в соответствии с теорией непротивления. Но практика устройства Царства Божия на земле согласно учению Л.Н. Толстого приводит к абсурдной ситуации, которую могут исправить только вмешавшиеся в дело мужчины (их пришлось импортировать из других стран для продолжения человеческого рода).

Отправная точка истории – речь вдовствующей королевы:

«...Мы должны придумать новые законы, соответствующие человеческой природе, и доказать на деле всему миру, что женщины более чем мужчины способны служить Богу и быть справедливыми в отношении к человеческому роду»¹.

Неудача резюмируется ею же:

---

¹ *Хованский М.А. Женское царство. По поводу женского вопроса и сочинения графа Л.Н. Толстого «Ma religion».* СПб., 1887. С. 15-16.

«Русский просветитель без сомнения был святой человек, и он искренне желал, чтобы все люди жили согласно высокому учению, внушенному ему Богом. /.../ Но святой доброжелательный учитель не принадлежал, по-видимому, к глубоким мыслителям, смотрел на вещи поверхностно с точки зрения своего желания добра, не вникал в глубь человеческой природы, в которой никогда не возможно совершенно уничтожит наклонности ко злу. /.../ При таких условиях, при очевидном увеличении зла в людях, когда над ними не тяготит власть, просветитель наш, при всей своей искренности, является только резонером, и учение его – бредом наивного юноши /.../»².

Основной пафос нового устройства общества – простота законов, по мнению автора, только так доступных женскому пониманию.

Мужская реакция на происходящее проходит три стадии:

- «пусть бабы пока тешатся»³;
- «это учение полной анархии, это утопии, какие можно высказать только при расстройстве рассудка»⁴;
- «Создатель, в своих мудрых предначертаниях, дал всякому существу определенное назначение»⁵, женщинам – женское, мужчинам – мужское.

Результаты применения новой теории были катастрофичны с точки зрения мирового порядка – разбирая дела первоначального времени, правительство убедилось, «что вместо царствия Божьего на земле водворилось царство дьявола, и beatское государство стало похоже на грабителей и убийц»⁶. Автор теории нового социального устройства назван прямо. Но интерес к женскому вопросу, на первый взгляд, принадлежит непосредственно М.А. Хованскому. В сочинении Л.Н. Толстого специально об этой проблеме речи не идет – все, что можно отнести к ней – это рассуждения относительно второй заповеди – «не прелюбодействуй», которые занимают пропорциональное место среди размышлений о других заповедях: Л.Н. Толстой весьма традиционен в этом вопросе (женщина –

---

² Там же. С. 55-56.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Там же. С. 58.

один из соблазнов мира, и ни под каким предлогом нельзя нарушать однажды созданного плотского союза). Можно предположить, что автор памфлета имел в виду другие высказывания Л.Н. Толстого – письменные или устные. Но, кажется, точки зрения Л.Н. Толстого и М.А. Хованского именно по этому вопросу фактически совпадают.

Хованский: «Все в природе женщины свидетельствует, что ее главное назначение состоит в том, чтобы быть полной распорядительницей в домашнем быту и родительницей человеческого рода». «Главами же государственной и домашней власти, по сложности обязанностей, должны быть исключительно мужчины»⁷.

Толстой: «Служение человечеству само собой разделяется на две части: одно – увеличение блага в существующем человечестве, другое – продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины, так как они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, так как они исключительно способны к нему. Этого различия нельзя, не должно и грешно (т.е. ошибочно) не помнить и стирать. Из этого различия вытекают обязанности – обязанности не выдуманные людьми, но лежащие в природе вещей»⁸.

Отношение к эмансипации у Л.Н. Толстого резко отрицательное:

«удивительная глупость, которая называется правами женщин»⁹.

«Так называемый женский вопрос возник и мог возникнуть только среди мужчин, отступивших от закона настоящего труда»¹⁰.

Падение женщины в современном обществе, по его мнению, объясняется тем, что «женщина поверила, что ее сила в обаянии прелести или в ловкости фарисейского подobia умственного труда»¹¹.

---

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Булгаков В. Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. 2-е изд. М., 1919. С. 147. Эта книга последнего секретаря писателя полностью отвечает заявленному названию и содержит практически не комментируемое изложение взглядов Л.Н. Толстого на основании его публикаций. Первое издание книги было проредактировано самим Львом Толстым. Интересующая нас тема освещена в главе «Л. Толстой и женский вопрос».

⁹ Там же. С. 147.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Там же. С. 148.

Что же заставило М.А. Хованского приписать Л.Н. Толстому симпатии к эмансипации? Можно, конечно, найти внешнюю связь этих умственных построений: социальная система Л.Н. Толстого также абсурдна, как и идея женского государства – и встреча двух безумий вполне логична. Сам Л.Н. Толстой у М.А. Хованского пиетета явно не вызывает. Теологическая риторика – Создатель, Царствие Божие, царство дьявола, «Бог, по своему милосердию и доброте к слабому человечеству, послал откровение русскому просветителю», Провидение, служба Богу – которая активно используется М.А. Хованским в описании женского царства подчеркивает иронию над дискурсом Л.Н. Толстого, но эта ирония распространяется не только на дискурс, но и на личность писателя (опять с тем же уклоном в гендерную проблематику):

«Не знаю всех подробностей в жизни просветителя, но по всей вероятности он лично не имел ничего имущества, потому что в его доме всем управляла его жена – она даже издавала его сочинения и брала за них порядочные деньги. Сам он скуки ради, сочинял книжки и учил народ голодать, не заботится о завтрашнем дне, не унижаться перед начальством и слушаться одного Бога»¹².

Интуиция идейного противника (если не сказать ненавистника) позволяет М.А. Хованскому полемизировать не с конкретной книгой графа Толстого, а с ним самим. Он не принимает основную идею Л.Н. Толстого – идею братства, издеваясь над прогнозируемым результатом – «будет вечный мир, тихая жизнь и братская любовь». Идею братства людей он считает не просто утопичной, но вредной. Одним из проявлений этого братства людей в мире М.А. Хованский видит так бесящее его изменение гендерной структуры. Возможно, поэтому имя Л.Н. Толстого в его сознании оказалось связано с женским вопросом: сама идея братства имплицитно содержит в себе гендерную проблему.

---

¹² Хованский М.А. Указ. соч. С. 36.

**Одна особенность
национального женского вопроса в XIX веке**

В. Булгаков, свидетельства которого использовались мною, чтобы получить представления о взглядах Л.Н. Толстого, был секретарем у писателя в 1910 году, и в указанной выше работе он ссылается на публикации Л.Н. Толстого первого десятилетия XX века. В. Булгаков попал к Л.Н. Толстому молодым человеком (родился он между появлением в печати текстов Л.Н. Толстого и М.А. Хованского, в 1886 году). Может быть, секретарь был просто не в курсе, и середина 80-х была каким-то особым периодом в размышлениях русского просветителя?

В. Булгаков не делает секрета из списка работ Л.Н. Толстого, по которым он реконструирует взгляды писателя. В главе «Лев Толстой и женский вопрос» он ссылается на следующие работы: «О половом вопросе» (1906), «О порнографии» (1909), «Женщины», «Круг чтения» (1908), «Так что же нам делать» (1906). Две первые работы, действительно, в указанные годы публикуются впервые. Но не так обстоит дело с другими.

В полном виде текст «Так что же нам делать» в России был опубликован лишь в 1906 году, но глава «Женщинам» (материалами которой и пользуется В. Булгаков) под заголовком «Мысли, вызванные переписью» целиком вошла в 12 том 5-го издания Собрания Сочинений Л. Толстого, появившийся как раз в 1886 году. И про удивительную глупость, «которую называли правами женщин», и про то, что мужчине закон – труд, а женщине – рождение детей, там уже было написано. И этот текст вполне мог быть знаком М.А. Хованскому.

Еще интереснее обстоит дело с текстом из «Круга чтения» – своеобразного проекта Л.Н. Толстого, решившего создать светские Четыи Минеи, обязательное ежедневное чтение: «Избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Сюда вошли многие ранние труды Л.Н. Толстого, как правило, в несколько сокращенном виде. Текст из «Круга чтения», на который ссылается Булгаков, представляет собой отредактированный вариант статьи «Выдержка из частного письма по поводу

возражений на статью «Женщинам»¹³, помещенном в №5-6 «Русского богатства» за 1886 год. Л.Н. Толстой повторяет мысли о детородном предназначении женщины, предоставляя лишь девицам, вдовам и бездетным оказывать помощь мужчинам в их нелегком труде. Художественным итогом его размышлений стала в свое время «Крейцера соната», написанная тогда же, в 1887-1889 гг.

Воспроизводя данный текст, писатель демонстрирует редкую последовательность, подтверждая, что за два десятка лет его мысли по данному вопросу настолько не изменились, что ему даже не нужно новых слов для выражения их. Для него это не предмет обсуждения. Однако есть в варианте «Круга чтения» одна особенность, которая заслуживает внимания. Единственный опущенный крупный содержательный кусок текста звучит так:

«Идеальная женщина, по мне, будет та, которая, усвоив высшее мирозерцание того времени, в котором она живет, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному в нее призванию – родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей, по усвоенному ей мирозерцанию. Для того, чтобы усвоить себе высшее мирозерцание, мне кажется, нет необходимости посещать курсы (курсив мой – С.Е.), а нужно только прочесть Евангелие и не закрывать глаз, ушей, а, главное, сердца»¹⁴.

Как раз этот выпад против курсов и курсисток остался в 80-х. Но если он не значим для Л.Н. Толстого спустя два десятка лет, то не был ли он случаен и тогда? Похоже, что нет, поскольку в той же главе «Женщинам», к которой неизбежно возвращается разговор, есть подобное выступление против женщин, «которые ходят на разные курсы и говорят о психомоторных центрах и дифференциации и тоже стараются избавиться от рождения детей, чтобы не препятствовать своему одурманиванию, которое они называют развитием»¹⁵.

---

¹³ Речь идет все о той же главе из «Так что же нам делать», опубликованной в 1886 г.

¹⁴ Толстой Л.Н. Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью «Женщинам» // Толстой Л.Н. Полное Собрание Сочинений в 90 томах. Т. 25. М., 1937. С. 414-415.

¹⁵ Он же. Так что же нам делать // Там же. С. 408.

Так получилось, что в России появившийся во второй половине XIX века «женский вопрос» был актуализирован в проблеме женского образования. Общественные дискуссии по этому поводу сопровождались вполне конкретными мероприятиями по реализации этого права женщин. Первые женщины-вольнослушательницы появились в Санкт-Петербургском университете в конце 1850-х годов, а в Медико-хирургической академии в начале 1860-х, но за полноценным дипломом им приходилось уезжать за границу. При этом процесс «открытия» высшего образования для женщин в России шел параллельно со всей Европой. Первое общественное (частное) высшее учебное заведение для женщин было создано в Англии в 1853 году – Queen's College. В 1867 году был открыт доступ женщинам в Цюрихский университет, с 1870 года в университеты Швеции; в 1875 г. к ним присоединилась Дания, а годом спустя – Италия.

«Первые русские студентки появились в европейских университетах в начале 1860-х. Поток русских студенток принял характер “нашествия” на Цюрихский университет, затем на Парижский и Бернский. Русские студентки учились самозабвенно, с большим азартом и усердием. Швейцарская пресса высказывала опасения, что университет в Берне вот-вот превратится в “славянскую школу для девочек”»¹⁶.

В Цюрихе в 1860-1900 гг. из 1200 иностранных студенток более 700 составляли русские. Первые дипломы россиянок, полученные за границей – свидетельства подвига выдающихся личностей.

В 1869 году в России было, наконец, получено разрешение на открытие популярных лекций для мужчин и женщин, но возникшие таким образом курсы, давая гимназическое образование, не давали женщинам никаких прав (прежде всего, адекватной работы), соответствующих образованию. В 1872 году были созданы Женские врачебные курсы, но их выпускницам не присваивалась квалификация «врач», а только «ученая акушерка». Борьба за право женщин на учебу закончилась созданием высших учебных заведений для женщин – Высшие Жен-

---

¹⁶ Юкина И.И., Гусева Ю.Е. Женский Петербург. СПб., 2004. С.130.

ские курсы были открыты в 1872 г. в Москве, в 1876 г. – в Казани, в 1878 г. – в Киеве и Петербурге.

«Женский вопрос» в России за несколько десятилетий прошел путь «от борьбы за изменение положения женщин в семье и обществе, за равные права с мужчинами на труд и образование, за изменение системы женского воспитания, до появления в российском обществе курсисток – женщин нового социально-культурного типа»¹⁷. Но в самом конце 1884 года министр народного просвещения И.Д. Делянов представил на высочайшее имя записку о состоянии женского образования в России, заканчивающуюся вопросом о судьбе ВЖК. По распоряжению Александра III под руководством товарища министра М.С. Волконского была создана «Комиссия по вопросу об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования в империи», которая осуществляла свою деятельность с 1885 по 1889 гг. По докладу особого совещания, которое состояло из министра народного просвещения, директора департамента этого министерства, товарища министра внутренних дел и директора департамента полиции, и ввиду рассмотрения вопроса о высшем женском образовании в мае 1886 года было объявлено о прекращении приема на Высшие женские курсы. Женские врачебные курсы были закрыты еще раньше – в 1882 году.

Вопрос – что делать с женским образованием в то время значил – что делать с женщинами, которые стремятся выйти из традиционно определяемых обществом границ. В это время и появляются тексты Л.Н. Толстого и М.А. Хованского. И понятно, почему в своих высказываниях по поводу женского вопроса, Л.Н. Толстой в это время не мог обойтись без выпада против курсисток, а М.А. Хованский, сочиняя памфлет на Л.Н. Толстого, – без постановки женского вопроса. Говорить об общественном устройстве в 80-е годы XIX века, минуя женский вопрос, было невозможно.

---

¹⁷ *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878-1981 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 10.

История одного братства

Летом 1885 года два молодых человека – один свежеспеченный выпускник Петербургского университета, второй, покинувший то же заведение годом раньше – Федор Ольденбург и Дмитрий Шаховской – решили разнообразить свой летний отдых в деревне. Федор Ольденбург описал это сам в письме, адресованном общему другу Александру Корнилову.

«Но самое интересное, это было небольшое путешествие, которое мы предприняли вдвоем. Облекшись в русские рубашки, закинув через плечо на веревочках пакет с переменным бельем, завернутым у Д.И. в газетную бумагу, у меня в дамский клетчатый платок, захвативши с собой большой жестяной чайник, куда уложили стаканы, чай, сахар, – мы отправились сначала по железной дороге до Козловки, первой станции за Тулою, а оттуда версты три пешком в Ясную Поляну. У Л.Н. Толстого остались более двух суток, говорили с ним много, познакомились и со всею семьею /.../»¹⁸.

Акцент Ф. Ольденбург делает более на путешествии, чем на посещении графа. Его товарищ, встречавшийся с Толстым уже не в первый раз, нашел нужным описать в письме к невесте и впечатления от встречи с писателем.

«Наше настоящее странствие закончилось. Мы провели два дня у Л.Н. Толстого. /.../ Л.Н. Толстой произвел нехорошее впечатление. Т.е. он сам, как всегда, замечательно симпатичен, а к тому же теперь спокоен и весел. Шьет сапоги (между прочим), пишет и не ест мясо. Но как-то решительно его взгляды переплелись с воззрением на науку, государственность и интеллигентскую жизнь как на ненужное зло, от которого надо отвернуться, а не разыскивать в нем, что хорошо, что дурно, – что все кажется, что всем нам, которые знаем, что все это ложь, – и вместе с тем уверены, что Л.Н. Толстой глубоко понимает истину, – всем нам придется дорабатываться до истины одним, без помощи этого человека. И когда мы до этого довольно ясно договорились и я понял, как сильно в нем это убеждение, мне перестало хотеться с ним спорить, т.е. просто не мог совсем»¹⁹.

---

¹⁸ Корнилов А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916. кн. VIII. С. 65.

¹⁹ Шаховской Д. Письма о братстве // Звенья. Т. 2. М.-СПб., 1992. С. 197.

Что же заставило этих молодых людей отправиться в путь? Какие ожидания не оправдал Л.Н. Толстой, о которых Ф. Ольденбург молчит, а Д. Шаховской говорит довольно туманно? Что связывает этих двух молодых людей?

В 1881 году в Петербургском университете было основано Студенческое научно-литературное общество (НЛО), одними из организаторов и самых активных участников которого оказались братья Ольденбурги и Д. Шаховской; общение и сотрудничество между студентами на почве общих интересов привело к сближению между ними. К этой группе имел самое непосредственное отношение и А. Корнилов (знакомы все они, впрочем, были еще по Варшаве, где учились в гимназии). Ольденбургский кружок стал ядром НЛО.

Студенческая сходка 10 ноября 1882 года, блокада университета войсками, вывод студентов из университета под конвоем и перепись в полицейском участке имели своим следствием сближение кружка с Владимиром Вернадским, обучавшимся на естественном факультете.

Общение интенсивно развивалось. Новая ситуация консолидации и перегруппировки сил была связана, с одной стороны, с возникшим интересом к этическим вопросам, а с другой – с изменением круга общения.

«Вскоре гораздо сильнее и глубже нас захватили более основные и глубокие этические интересы, связанные отчасти с тем интересом, который вызвал во всех нас кризис, только что пережитый тогда Л.Н. Толстым. /.../ Глубокое впечатление, сделанное на нас душевным кризисом и новым учением Л.Н. Толстого, комбинировалось с тем народническим настроением, в котором мы все более или менее находились в то время, под влиянием народнической литературы 70-х годов. Под влиянием этого настроения /.../ в кружке нашем к концу 1883-84 академического года возник и сложился новый интерес – к изучению народной литературы. Это начинание связывалось также в значительной мере и с увлечением Толстым и его новыми идеями. /.../ Увлечение народной литературой связывалось в нашем кружке еще и с присоединением к нему женского элемента, в лице Анны Николаевны Сиротининой (будущей жены Дм. Ив. Шаховского) и двух сестер Тимофеевых, Александры Павловны и Ольги Павловны, из которых первая вышла потом замуж за Сереем Ольденбурга»²⁰.

---

²⁰ Корнилов А. Указ. соч. С. 57–58.

Кружок по изучению народной литературы не совпадал с ольденбургской компанией внутри НЛО, хотя в него и вошли и Д. Шаховской, и братья Ольденбурги, и В. Вернадский. Две эти истории начинают развиваться в тесной связи, но все же отдельно друг от друга.

«Не смешиваясь вполне с этим, более широким по составу кружком, наш тесный дружеский кружок не только продолжал жить, но и сплачивался все более и более тесно. К концу 1884 года он состоял из 10 лиц, которые и снялись перед окончанием университетского курса в одной группе, сохранившейся у многих из нас. Связь наша сделалась тесной дружеской связью, – даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам, у Ольденбургов и иногда засиживались далеко за полночь и даже раза два до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности. В одно из таких всеобщих бдений возникла у нас мысль /.../ скрепить нашу дружескую связь в будущем покупкой на общий счет какой-нибудь земли, где мы могли бы впоследствии съезжаться, хотя летом, и обновлять те этические принципы жизни, которые нас связывали»²¹.

Это гипотетическое имение и решено было назвать Приютиным, а членов компании – приютинцами. Сохранилась и фотография – очевидно, что это чисто мужской союз: такая свобода поз и жестов женщин не предполагает.

Приближалось время окончания университета и выбора жизненного пути. И Дмитрий Шаховской, и Федор Ольденбург после недолгих колебаний ушли в земскую работу. На академические труды уже просто не оставалось ни сил, ни времени: их кандидатские сочинения – по Платону у Федора Ольденбурга и «О языке Домостроя о. Сильвестра» Дмитрия Шаховского так и остались незаконченными.

«Но работа эта (по Платону – С.Е.), несмотря на весь ее интерес и на всю добросовестность Федора, не очень-то быстро подвигалась вперед. Мешали все шире и шире развивавшиеся связи с различными группами идейно настроенной молодежи; начавшаяся энергичная агитация за сохранение высших женских и за возобновление медицинских курсов /.../ и, в особенности, расширявшаяся работа по изучению и правильной постановке народной литературы. Все это требовало огромной затраты сил и энергии. Особенно деятельно и

---

²¹ Там же. С. 58-59. Здесь и далее сохранен авторский стиль.

продуктивно поработавший тогда над пропагандой в обществе необходимости отстоять так или иначе высшее женское образование в России брат Федора Федоровича, Серей Федорович, вынужден был из-за этого отложить на год свой магистерский экзамен»²².

Заметим, это еще не практическое участие женщин в работе кружка, тем не менее, женский вопрос уже осознается в это время как проблема.

В 1885 году происходит сближение уже сложившегося кружка с И. Гревсом, точнее с Гревсами, поскольку знакомый по работе в НЛО Иван Гревс недавно женился. Случайно молодая пара селится в одном доме с Ольденбургами, и в кружке по народной литературе появляются новые члены: Иван и Мария Гревс, сестра Марии Екатерина Зарудная (Кавос) и Наталья Старицкая, двоюродная сестра Зарудных.

Конец 1885 года ознаменовался приездом в Россию Вильяма Фрея, проповедника религии человечества и поклонника Л.Н. Толстого. Под влиянием проповеди Фрея Ольденбурги и Гревсы «после возбужденного обмена впечатлениями решили положить основание кружку или братству из членов своей компании. В состав братства вошли тотчас же: Ольденбурги, Гревсы, Е.С. Зарудная и Н.Е. Старицкая; заочно был присоединен также Дм.Ив. Шаховской и намечены другие члены приютинского кружка»²³. Основой этого объединения становятся общие этические принципы, которые на тот момент, правда, лишь смутно ощущались; на их формулировку ушли ближайшие 10 лет общения. При этом, если Приютино было мужским проектом, то братство – проектом смешанным. Его костяк сложился сразу: братья Федор и Сергей Ольденбурги, будущая жена Сергея Александра Тимофеева, супруги Гревсы, Дмитрий Шаховской и его будущая жена Анна Сиротинина, Владимир Вернадский и его будущая жена Наталья Старицкая, Александр Корнилов²⁴.

---

²² Там же. С. 65-66.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Разными членами в разные времена состав братства мог определяться по-разному, но, во-первых, эта группа входила во все определения, и во-вторых, в ретроспекции именно она оказалась наиболее последовательной в реализации принципов и целей братства.

О братстве оставили воспоминания многие его участники. Некоторые даже успели их опубликовать при жизни. Например, Иван Гревс.

«Буду рассказывать черты из истории нашего дружеского братства восьмидесятых и девяностых годов. Оно представляло собой факт из жизни тесной группы людей, выросшей в области моральных отношений»²⁵. «Мы с женою познакомились фактически со всею группою именно таким путем: нас ввели в кружок народной литературы. Для меня дело представляло лишь теоретический интерес, но для нея здесь открывалась существенная помощь в начинавшейся специальности, которая потом заняла много лет и сил в жизни /.../. Участие женщин придавало кружку полноту и задушевность. В компании господствовало безукоризненно чистое, идеальное и практически серьезное отношение к женщине. Воодушевленно поддерживалась идея полного равноправия между обоими полами. Не было чрезмерного “феминизма”, но влияние женщин развивалось заметнее, и члены группы-мужчины много труда отдавали на различные женские предприятия»²⁶.

Деятельность женщин в кружке становилась все более заметной.

«Специально из нашего дома – по настойчивой мысли жены моей – вырос вопрос о необходимости положить начало устройству бесплатных народных читален в Петербурге»²⁷.

Сами женщины при этом существовали в статусе социально-значимой проблемы: судьба женских высших учебных заведений становится для кружка постоянной заботой²⁸.

«На борьбу за восстановление медицинского образования женщин у нас возгорелся Сергей Ольденбург. /.../ Сергей на несколько месяцев пожертвовал всеми другими своими интересами. Рано утром выходил он из дома на поиски за адептами, на пропаганду

---

²⁵ Гревс И. В годы юности: За культуру // Былое. 1921. № 16. С. 137-138.

²⁶Примечание Гревса: Сергей Ольденбург, любивший выразительные, хотя и не всегда доказательные афоризмы, формулировал свое убеждение в необходимости приобщения женщин ко всем правам и сферам деятельности в изобретенной им схеме: «нет ни женщин, ни мужчин, а есть люди». (Там же. С. 151.)

²⁷ Там же. С. 159.

²⁸ И Анна Сиротинина, и Мария Гревс, и Наталья Старицкая, и Александра Тимофеева – все будущие жены членов Приютинского братства – были выпускницами Бестужевских курсов.

идеи, привлечение других работников, нахождение сильных покровителей. /.../ К “Высшим Женским Курсам” (Бестужевским), благодаря знакомствам с профессорами и широкому общению с молодежью, наш кружок тоже находился в живой близости. /.../ Мы стремились, пользуясь своим университетским опытом, содействовать образованию и на курсах культурно-сплачивающего центра, наподобие нашего Научно-литературного общества /.../. В то же время наши “дамы”, бывшие курсистки (больше всех А.Н. Сиротина и моя жена), агитировали для того же в кружке Н.В. Стасовой, /.../ где /.../ задумано было устройство Общества окончивших курсы»²⁹.

Д. Шаховской сочинил «Повесть о том, что будет с каждым из нас, когда мы будем большие»³⁰ – предложенная дата публикаторов 1886 г., но, судя по фразе «Дмитрий Иванович Шаховской единственный из всей компании кончил совсем университет» и холостяцкому дискурсу – речь идет о 1885 г.: женщин нет в этой будущей картине мира. Такое отношение к женщине как к «просто» человеку продолжалось, похоже, до момента массовых женитьб.

Приютино и Л.Н. Толстой

Хорошо знавший членов этого дружеского союза человек, спустя три десятка лет оказавшийся перед необходимостью дать краткую характеристику братства, находит следующие слова.

«Этот круг лиц отличался особенной окраской своих моральных исканий. Лев Толстой оказал огромное влияние на весь духовный склад этих людей. Они не были “толстовцами”, но без

---

²⁹ Примечание Гревса: Когда прием был закрыт и на эти курсы правительством, – также в нашем кружке возникла мысль создать центр для работы в пользу восстановления учреждения. Тогда мы сблизились с деятельницами Комитета Общества для доставления средств курсам, предложили им свое сотрудничество для собирания материала по истории женского образования в России, как лучшего агитационного средства за дело, которое так само за себя будет говорить. Это был первый толчок для составления исторической записки о курсах. Нечто было сделано и силами нашего кружка для возрождения курсов. *Гревс И.* Указ. соч. С. 163.

³⁰ *Шаховской Д.* Указ. соч. С. 185-196.

Л.Н. Толстого я не могу мыслить себе приютинцев как особой группы, как особо духовного типа»³¹.

Влияние Л.Н. Толстого было достаточно долговременным. И. Гревс говорит о несомненном влиянии писателя на кружок народной литературы (середина 80-х), воздействии «того замечательного душевного переворота, который в нем совершался именно в те годы /.../ Религиозные взгляды Л.Н. Толстого воспринимались пока мало, и приводило в недоумение начинавшее высказываться им отрицание науки. Но вызывали почитание ригористические призывы к моральному перерождению, к решительному определению по новому того – “Что же нам делать?”, если хотим выйти из заедающей обыденщины, найти путь праведного и действенного жития»³². С Львом Толстым связаны и попытки иного рода деятельности кружка: неподцензурным литографированием Ольденбургами его работ «Исповедь», «В чем моя вера» и «Так что же нам делать».

Связь в 80-е годы, однако, была не столько непосредственная, сколько через Фрея, близкого друга Льва Толстого, Александру Калмыкову и издательство «Посредник», выпускавшее литературу для народа. Много лет спустя В. Вернадский вспоминал:

«Для меня Л.Н. Толстой /близок/ – благодаря тому, что Д.И. был к нему близок, что к нему были близки Чертков, Бирюков, Калмыкова – наш кружок 1880-х годов»³³.

Д. Шаховской познакомился с Толстым еще в 1880 году и, по свидетельству друзей, «находился он и в известном средстве с идеями Льва Л.Н. Толстого, которого и лично знал, но обладал огромною самостоятельностью смелой творческой мысли»³⁴. Л.Н. Толстой, несмотря на неполное приятие всех его мыслей, остается для Д. Шаховского в эти годы точкой отсчета во многом. Будущей жене А.Н. Сиротининой в мае 1885 он пишет:

---

³¹ Струве П.Б. Памяти Ф.Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1914. Октябрь. С. 204.

³² Гревс И. Указ. соч. С. 154.

³³ Цит. по: Мочалов И.И. Л.Н. Толстой и В.И. Вернадский // Русская литература. 1979. № 3. С. 203.

³⁴ Гревс И. Указ. соч. С. 143.

«Мне кажется, что теперь все зависит от моего отношения к Л.Н. Толстому – и целому ряду сопредельных с ним мыслей – о смирении, покорности, единении с миром, труде, простоте жизни. А в чем я уверен, что что бы у нас не вышло, все будет хорошо – только-только благодаря Л.Н. Толстому. И он так ужасно поднимается в моих глазах, что мне становится легко и я верю в Россию и ее великое значение. И еще то ужасно важно, что мы все-таки, любя Л.Н. Толстого и веря в него, совсем не отказываемся от собственного суждения и так сильно его критикуем. /.../ Я уже давно замечаю, что Л.Н. Толстой нас сближает ужасно. И на него я больше всего надеюсь.»³⁵

Чем же так заморозил их Л.Н. Толстой? Сергей Ольденбург отвечает на это в 1918 году:

«В годы моей юности, в восьмидесятых годах, впервые громко прозвучали эти слова Л.Н. Толстого, и то поколение, к которому я принадлежу, никогда не забудет, чем были для него эти слова великого русского учителя. Дни нашей молодости были черными днями русской жизни, подавленной борьбою за власть двух сил: правительства и теоретиков революции, борьбою только разрушительной, а не творческой»³⁶.

Для автора несомненна связь имени Льва Толстого с поиском «третьего», созидательного пути: через отказ от деления на «мы» и «они» и пролегает путь в братство.

А. Корнилов познакомился с Л.Н. Толстым только в 1893 году, а вот В. Вернадскому (также как, впрочем, и Д. Шаховскому) знакомство, кажется, досталось «по наследству», через старших. Сближение с В. Вернадским (настолько, что во время своих прогулок по Москве Л.Н. Толстой мог запросто зайти в гости) произошло после совместной работы в 1891-1892 гг. Однако полного совпадения взглядов по всем вопросам это не означало. Оставим в стороне взгляды Л.Н. Толстого на науку – по этому поводу споры между ним и приютинцами велись все время. Но порой задевало и нечто другое – вот письмо В. Вернадского от 4-5 июня 1892 года, написанное по прочтении «Крейцеровой сонаты».

---

³⁵ Шаховской Д. Указ. соч. С. 196.

³⁶ Ольденбург С.Ф. Толстой – учитель жизни: из воспоминаний 1880-х годов // Толстой: памятники творчества и жизни. Вып. 2. Пг., 1920. С. 120.

«Я вообще не понимаю деления любви на какую-то “чувственную” – животную и на какую-то возвышенную – идеальную. /.../ Неужели это только проявление чисто животного элемента – все произведения поэзии, скульптуры, живописи, музыки, вызванные “чувственную” любовью? Наконец, вся жизнь молодых личностей, которые впервые сживаются вместе и переживают во всем новое, неожиданное? Все дело лишь в том, насколько вообще высока личность каждого из любящих и насколько они равны между собою. /.../ Мне кажется, что пора не смотреть на “тело” как на что-то презренное, и пора избавиться от узкого христианского (или монашеского) деления на дух и тело. Настоящая душевная жизнь, настоящая идейная сторона жизни состоит именно в использовании лучших сторон и тела и духа. Кончил я “Крейцерову сонату”. Думаю, что много таких примеров в жизни. Но вот, что мне показалось и что ярко видно во всем произведении. Писал старик, который забыл или потерял то чувство поэзии любви, которое б<ольшей> ч<астью> есть в человеке, и увидел и вспомнил одну формальную сторону»³⁷.

«Старик» в данном случае выстраивает алиби, позволяющее не акцентировать несогласия по этому вопросу.

Однако по сравнению с жизнеобразующей идеей братства, восходящей к Л.Н. Толстому, все эти расхождения не были значимы.

Теория и практика братства

Время свадеб наступило в середине 80-х гг.: в 1885 году женился И. Гревс, в 1886 г. – Д. Шаховской, В. Вернадский, С. Ольденбург. Отношения расчета и любви исторически изменчивы, также как и наполнение самих понятий, и приютинцы вполне следовали в данном случае заповедям Л.Н. Толстого:

«Жениться надо никак не по любви, непременно с расчетом, только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т.е. жениться не по чувственной любви, а по расчету, не тому, где и чем жить (все живут), а по тому расчету, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать жить человеческою жизнью»³⁸.

---

³⁷ Вернадский В.И. «Я не могу уйти в одну науку...» // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М., 1988. С. 95-96.

³⁸ Булгаков В. Указ. соч. С. 144.

Расчет в данном случае – это рамки дозволенного, а любовь – возможность поиска внутри этих рамок. Именно так выбирали себе жен, женись по любви, приютинцы – что свидетельствует о высокой степени осознанности поступка. «Браки особенным образом сплачивали дружбу»³⁹, но женщины в этой ситуации подвергались как бы двойной кодировке – через семью и через братство.

«После лета (1886 года – С.Е.), когда компания съехалась, первым важным фактом в их общей внутр<енней> личной жизни была свадьба Сергея, после которой в совместной жизни двух супругов Гревсом и Ольд<енбургов> должна была выразиться первая попытка осуществления новых братских начал в устройстве семейного быта. Квартира должна была сделаться центр<альным> пунктом братского единения»⁴⁰, – вспоминает Гревс (говоря о себе в третьем лице) в конце 1887.

Этот год для жизни братства очень важен. Как раз в это время происходит уточнение / противопоставление Братства и Приютина, и братство в общем начинает пониматься как более сложная форма организации жизни.

Изменение отношений отмечает И. Гревс:

«все двигалось к превращению компании добрых приятелей в коллективную личность нового, необычного вида. /.../ Нас уже единила любовь и солидарность во взглядах на жизнь. Но нам потребно было дело, вытекавшее именно из нашего содружества»⁴¹.

Помимо дела оказались нужны и более эмоциональные связи, и тут помогли женщины.

«К интимному же дружеству с Федором и Сергеем Ольденбургскими и их кружком меня подвинуло частное наше общение, которое стало постоянным с осени 1885 года. Я тогда только что женился на Марии Сергеевне Зарудной /.../. Мы поселились /.../ в одном доме с Ольденбургскими. Жена моя быстро познакомилась с братьями и была любезно принята матерью их, Надеждою Федоровною. Живя на той же лестнице, /.../ мы стали видеться очень часто в разные моменты дня, по делам и в свободные минуты. Такое близкое соседство и общительный, увлекающийся нрав моей жены ускорили рост нашей общей дружбы, повышая

---

³⁹ Гревс И. Указ. соч. С. 153.

⁴⁰ Лубков А.В. К истории «Братства Приютина» // Идейное наследие русской философии. СПб., 2000. С. 158.

⁴¹ Гревс И. Указ. соч. С. 166.

темп сближения /.../. Основную особенностью, обусловившею созвучие внутреннего быта наших обоих “домов” было идеалистическое настроение и трудовой склад. Я начинал учительство в средней школе, готовился к магистерскому экзамену; жена моя приступала к работе в начальной школе. Оба мы горячо и дружно хотели жить хорошо, не как все, а как надо»⁴².

Рассуждения о роли и месте семьи и жены становятся в это время все более частыми в переписке.

«Жизненная близость, спокойная дружба, дружеское участие и поддержка, простое любовное чувство. Как это необходимо в жизни, как этого недостает Аниоте, и как бы это было важно для братства»⁴³, – пишет Д. Шаховской Ф. Ольденбургу.

Интересна неустойчивость терминологии при этом принципиально новом разговоре, в том же письме Д. Шаховской пишет про свою жену «считаю ее *братом*», а про остальных витиевато: «женский персонал братства»⁴⁴.

В свое время приютинцы договорились ежегодно собираться вместе 30 декабря, а в случае невозможности личного присутствия писать общее (т.е. для всех) письмо к этому дню. Была еще и традиция «круговых писем», когда некая животрепещущая тема обсуждалась в письмах, пересылаемых друг другу. Иногда эти две коммуникационные традиции совмещались, как было в 1887 году.

Это был необычный год, наполненный новым опытом. И не только опытом социальным, связным с началом самостоятельной жизни. Летом 1887 года в Малашкино – усадьбе в Тверской губернии, купленной Д. Шаховским, произошла первая «небольшая репетиция» Приютина: несколько семей жили вместе, организуя жизнь по своим правилам. Гревсы и Ольденбурги провели 1886-1887 годы в одной квартире в Петербурге – и это тоже была своего рода «репетиция», примерка к жизни приютинской идеи. Появился и принципиально новый опыт в жизни личной – в 1887 году в семьях Шаховских, Вернадских и Гревсов родились дети.

---

⁴² Там же. С. 139-140.

⁴³ Шаховской Д. Указ. соч. С. 206.

⁴⁴ Там же. С. 209.

1887 год – время трансформации идеи Приютина под влиянием идеи братства, и эта проблема в письмах к Новому году оказывается главной. Приютино менее строгая, более широкая и более инструментальная структура, предшествующая (сначала хронологически, теперь инициально) братству. Приютино создает форму – общий дом, которую братство наполняет содержанием. Одной из новых составляющих этого содержания стала проблема личной и семейной жизни и задача воспитания детей – об этом в письмах 30 декабря 1887 года говорят Ф. Ольденбург, В. Вернадский, И. Гревс⁴⁵.

В рассуждениях об устройстве Приютина в письмах "для всех" к 30 декабря 1887 года появляется новая нота: «Как удовлетворить требования отдельных семей?»⁴⁶, – Д. Шаховской прошел через опыт Малашкина, где, в результате стремления к простоте жизни, он и Федор Ольденбург спали рядом на полу в столовой, на сенниках. Новый опыт корректирует требования простоты:

«Отдельные приютинцы могут иметь свои дома, и вообще я признаю вполне законной потребность в замкнутой сравнительно семейной жизни, в стремлении семьи отъединиться иногда внешним образом от всего окружающего»⁴⁷.

Как формировалось пространство этого разговора, и как оно развивалось, можно увидеть в переписке Владимира и Натальи Вернадских 1886-1888 гг. Она может послужить удачным материалом не только из-за своей обширности (большую часть времени молодые супруги в силу обстоятельств проводят вдали друг от друга), но и потому, что проблемы женщин и семьи здесь начинают обсуждаться еще до свадьбы.

Дело в том, что когда В. Вернадский признался в любви и сделал предложение своей избраннице, с которой был уже давно знаком по кружку народной литературы, та отказалась. Причем отказ был сформулирован предельно определенно: она не выйдет за него замуж потому, что старше его на два года и некрасива. Сама жесткость формулировки говорит о Наталье

---

⁴⁵ Лубков А.В. Указ. соч. С. 149, 150, 153, 155, 157, 161, 162, 163, 164.

⁴⁶ Шаховской Д. Указ. соч. С. 210.

⁴⁷ Там же. С. 213.

Старицкой как женщине новой формации, но аргументация относилась к представлениям прежнего времени. И Владимир вынужден убеждать будущую жену, подробно излагая взгляды на брак и семью.

«До сих пор если не *de jure*, то *de facto* господствует взгляд на главенство мужчины в семье как главного работника, мужчина, обыкновенно устраивает семью, он выбирает себе жену, обыкновенно гораздо моложе него самого, причем главное внимание обращает на ее красоту (оставляя в стороне такие прямые гадости, как женитьба на деньгах etc.). Между тем мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны, когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях; в такой семье, где существует дружба и полнейшая искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут больше работать на пользу общего, где дается возможность полному развитию всех сил и способностей, различных несколько для разных полов, — здесь могут вырабатываться хорошие люди и хорошие работнички, такие, которые могут легко найти себе счастье. Я не говорю уже о том счастье, поддержке, какие может и должна дать семейная жизнь и которые не может заменить никакая дружба»⁴⁸. «Мне кажется, что редкие случаи семьи, где женщина старше немного, есть главным образом следствие той подчиненности, той приниженности женщины, какая еще так сильна у нас. /.../ Мне теперь как-то представляется такая /ученая, общественная и публицистическая — С.Е./ моя деятельность в тесной связи с деятельностью Вашей; здесь возможно и должна идти совместная работа, и в этом, как я Вам писал, кажется, представляется мне сила и значение семьи. При чем же тут 2 года разницы — ради бога, ответьте»⁴⁹.

Н. Старицкая поддается на эти уговоры. Они прожили долгую и счастливую семейную жизнь — может быть, самую счастливую из приютинских пар. Н. Старицкая очень быстро была признана остальными членами братства. Д. Шаховской пишет о ней в 1886 году А. Корнилову:

«Она двоюродная сестра m-me Гревс и вошла в этом году в нашу тесную компанию, тоже кандидатка в Приютинку /.../ очень симпатичный и душевный человек /.../ по направлению она

---

⁴⁸ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1886-1889). М. 1988. С. 17.

⁴⁹ Там же. С. 29.

подходит нашей компании в некоторых отношениях больше даже чем Вл. Ив. сам»⁵⁰.

Идея братства стала ее любимой идеей, и в переписке с мужем она постоянно возвращается к этому.

«Любовь других, близкая дружба, возможность общения, общего дела, общей жизни – одно из лучших насаждений жизни»⁵¹.

Однако часто обсуждаются и вполне конкретные проекты. Например, возможность совместной жизни в одной квартире с Гревсами в 1887 году (Ольденбурги уезжают за границу). Н. Старицкая относилась к этой возможности с большим воодушевлением, об этом можно судить хотя бы по длительности переписки по этому вопросу, В. Вернадский этого воодушевления не разделял.

«Мне кажется неверным, что Сергей (Ольденбург, имевший опыт совместной жизни с Гревсами в предыдущем году – С.Е.) выставлял подобную жизнь как нечто совсем особенное, страшно важное, исполнение идеи братства на деле. Такое увлечение кажется мне крайне вредным, так как оно суживает идею братства и прививает ему все дурные стороны секты или семьи. Не в соединении одного, другого, очень близких друг к другу семей, а в отсутствии семейного эгоизма, в отсутствии противопоставления интересов чужих семей, чужих лиц – интересам своей семьи состоит настоящее братское чувство»⁵², – возражает он.

Дальше, высказавшись принципиально за совместную жизнь, он переходит к «но» и доказывает, что это невозможно, исходя из интересов самой же жены. Н. Старицкая пытается некоторое время его убедить, но, в конце концов, сдается:

«Мне приятно было бы жить другою жизнью с Машей и Иваном, но было бы даже нехорошо»⁵³ (далее следует пересказ доводов, предоставленных мужем). Далее она переходит к самоукорам (за которыми опять слышится мужская аргументация): «Я знаю, что мне больше всего мешает правильно и широко ставить вопросы чувство»⁵⁴.

Нельзя сказать, что в семье она не обладает правом голоса. Но это право совещательного голоса. При этом Владимир

---

⁵⁰ ГАРФ. Д. 635. Оп. 1. Д. 294. м/ф.

⁵¹ ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 253. м/ф.

⁵² *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. С. 85.

⁵³ ААН. Ф. 518. Д. 254. м/ф.

⁵⁴ ААН. Ф. 518. Д. 254. м/ф.

Вернадский (как выясняется на практике) исповедует безусловный приоритет семьи перед братством, хотя его жена готова искать компромиссы. Иногда он проявляет даже очевидную мужскую ревность к женской солидарности, когда, в ответ на новую аргументацию в пользу жизни с Гревсами, высказывает прямое раздражение по адресу Маши Гревс и Шуры Ольденбург; в частности, возникает понятие «хорошей матери», которое, по мнению В. Вернадского, неприменимо к Маше.

В обсуждении вариантов северного и южного Приютина (Вернадский единственный настаивает на южном – Крымском или Малороссийском – варианте) диспозиция сил изначально противоположная. С инициативой выступает он, эта инициатива не слишком нравится его жене, начинается встречная аргументация. Но результат тот же – принимается вариант мужа.

Большую часть того периода времени, о котором идет речь, В. Вернадский находится вне Петербурга, а Н. Старицкая, напротив, в столице рядом с братьями. В письмах муж видит следы влияния других, и это ему не нравится.

С началом семейной жизни женский вопрос внутри братства из области образования перемещается в область семьи; эта проблема все чаще и чаще обсуждается со всеми окружающими:

«говорили просто и тепло о близких нам людях, о семье, о всем том, что обыкновенно скрывается и скрывать чего, я считаю, и все более в том убеждаюсь, одной из скверных сторон теперешнего устройства семьи. Для меня начинает выясняться необходимость устройства такого общества и журнала, который был бы посвящен вопросам воспитания, где бы сходились люди, большей частью родители, и могли бы знакомиться как с обоюдным опытом, так и с теми данными науки, которые теперь все более и более начинают проясняться. /.../ Слишком мало у нас обращали внимания на подобные задачи и слишком мало обдумывали те средства, какие есть для лучшего устройства семьи и лучшей постановки семейного воспитания»⁵⁵.

Переписка 1888 г. свидетельствует о еще более явном повороте к приоритету семьи в представлениях В. Вернадского. Если раньше в его рассуждениях, касающихся этических проблем, любовь и братство стояли через запятую, то теперь аргумент братства может и опускаться.

---

⁵⁵ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. С. 95.

«Если я поступаю теперь так, а не иначе, если я теперь являюсь не скверным, и, может быть, даже хорошим человеком с точки зрения обычной нравственности, то вовсе не значит, что я так буду всегда поступать, не значит, что так поступать лучше, – это значит только, что мне так надо поступать для того, чтобы не нарушилась гармония моей и твоей любви, так что передо мной жив твой образ и потому что я тобой живу»⁵⁶.

Однако четкие границы личностного и общего пространства еще не установлены до конца. Это приходится оговаривать.

«Неприятно мне было ужасно, что иные чувства или мысли еще совсем неоформленные и которые я писала для тебя одного ты передавал Сергею. Я узнавала об этом из разговоров с Шурой»⁵⁷, – пишет Н. Старицкая.

Некоторые письма к мужу теперь помечены грифом «тебе одному». То есть, несмотря на всю симпатию Н. Старицкой к братству, приходит понимание, что братская коммуникация требует другой степени оформленности мыслей, откровенности и ответственности высказываний.

Границы эти ищутся ощупью.

«Теперь каждая семья живет только личной жизнью, но братство есть соединение семейной жизни целого ряда семей с сохранением индивидуальной семейной формы»⁵⁸, – туманно пишет В. Вернадский.

Как это должно выглядеть на практике, он не поясняет.

Женщины в братстве, несомненно, играли роль этического камертона, и в то время, когда братство осознавало себя прежде всего именно как этический союз, они были необходимой его составляющей. Они брали на себя функции коммуникации и организации помощи членам братства (которая практиковалась всегда, и которую, как признавались все, легче было давать, чем брать). Однако мужчины позволяли себе обсуждать некий «женский стиль» поведения.

«Сережа... сказал только, что женщины часто вносят слишком много чувства в область мысли, что они потому являются плохими борцами за ... (продолжение утрачено)»⁵⁹. Или «Потом он го-

---

⁵⁶ Там же. С. 185.

⁵⁷ ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 254. м/ф.

⁵⁸ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. С. 194.

⁵⁹ ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 254. м/ф.

ворил, что вместо тех общественных обязанностей, которые могли бы <пропущено слово> на нее в Твери, она должна взять на себя другие, что свободных сил при помощи семьи у нее должно оставаться много... Общественными же обязанностями он считает – поддержание переписки, связей и выяснение Приютинского вопроса. Такой ограниченностью пахнуло от этих рассуждений и узостью, даже не похоже на Фед... (продолжение утрачено)»⁶⁰.

Мужья, как правило, стараются руководить – В. Вернадский все время придумывает деятельность для жены.

Женщины проявляют групповую солидарность.

«Много говорили с Машей. Удивительно мы иногда сходно, родственно переживаем впечатления. И теперь она мне говорила о многом относительно Приютина, о чем тебе писала раньше»⁶¹.

Именно во второй половине 80-х годов складываются женские и мужские образы Приютина, но это отдельный разговор.

Относительный паритет женского и мужского участия в деятельности братства продолжался до 1891 года. Он закончился со смертью Шуры Ольденбург. Интересно, что некоторым членам братства показалось, что в это время и само братство кончилось. В работе по организации бесплатных столовых во время голода 1891 и 1892 гг. принимали активное участие Д. Шаховской, В. Вернадский, А. Корнилов, они постоянно нуждались в помощниках и помощницах, но приютинские женщины к этой деятельности отношения не имели. На некоторое время Братство перешло в рассеянное состояние, а потом возродилось вновь, но вокруг уже не этики, а практической политической и общественной деятельности. Братство понималось его членами теперь как идеальная структура, которая никогда не могла быть полностью воплощена, но всегда подразумевалась. Но это уже был мужской союз. Дочь Вернадских вспоминала много лет спустя:

«Все восхищаются отцом, но мало где кто-нибудь упоминает роль моей матери. /.../ Если бы не она, кто знает – достиг ли бы отец того, что он достиг? /.../ Она была его гением, его хранителем и его совестью и с увлечением разделяла его вдохновения. Помню их спор иногда, когда она настаивала, чтобы он ни в чем не уступал, если что-нибудь было против суждений его совести,

---

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

и чтобы он думал о людях, которых он встречал на своем пути. Были дни, когда его жизнь была в опасности, она всегда поддерживала твердость его духа. Она была совершенно необыкновенная женщина, громадной силы духа и любви. Чем дольше я живу, тем более понимаю ее роль в их жизни»⁶².

Приютинцы оказались на практике более консервативными, чем казались себе в теории.

---

⁶² Вернадская-Толль Н.В. Штрихи портрету // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М., 1988. С. 129-130.

Т.В. Королева

Феномен «социального феминизма» в истории французского женского движения начала XX века

В конце XIX – начале XX вв. женское движение во многих странах стало влиятельной политической силой и перешло от умеренных к более радикальным требованиям предоставления женщинам избирательных прав. Однако во Франции ситуация складывалась противоположным образом. Особенность развития женского движения во Франции заключалась в том, что наибольшую поддержку и признание получило умеренное, близкое по требованиям к консервативному, течение социального феминизма, а движение за избирательные права потерпело полное поражение и не смогло реализовать ни одну из поставленных задач. Эта специфика во многом определялась факторами социально-экономического, политического, идеологического и организационного характера.

Переходу женского движения в новую непрерывную стадию развития способствовала Третья Республика, утвердившаяся во Франции в последней трети XIX в. Вслед за либерализацией политического режима начались кардинальные изменения в экономике, политике и повседневной жизни общества. Эти процессы оказали определяющее влияние на развитие женского движения во Франции в рамках социального феминизма. Темпы экономического роста во Франции уступали другим странам. Отставание было связано с поражением во франко-прусской войне и с выплатой огромной контрибуции. Концентрация промышленности шла медленными темпами, оставалось много мелких предприятий ремесленного типа, на которых было сосредоточено до 60% всех рабочих. В связи с недостаточным развитием промышленного производства и рост городского населения во Франции шел медленнее. Она оставалась преимущественно аграрной страной. В 1876 г.

сельские жители составляли 51,4%¹. По переписи 1901 г. менее 1/3 французов жили в городах с населением более 10 тыс. человек². Не доказано, что именно развитие урбанизации и индустриализации усиливало кампанию за женские права (например, те штаты Америки, которые предоставили женщинам политические права, не были густонаселенными и высокоиндустриальными), но сельское население было консервативным, глубоко религиозным традиционным элементом, не склонным к принятию теорий эмансипации.

Как и ранее, в конце XIX в. концепция прогресса продолжала тесно связываться с демографическим ростом. В отличие от других западноевропейских стран, во Франции происходило постоянное снижение уровня рождаемости (с 1901 по 1913 гг. – на 13%). Численность населения за последние 30 лет XIX в. оставалась почти неизменной: в 1871 г. – 36,1 млн. человек, в 1901 г. – 39 млн. человек³.

Уменьшение численности граждан было национальной проблемой, которая сильно влияла на отношение общества к изменению традиционных гендерных ролей: для замужних женщин по-прежнему наиболее важной оставалась роль матери, а аргументы за сохранение такого статуса даже усиливались. Они связывались и с социальными проблемами. Так называемая «*Belle époque*» не была прекрасной эрой для большинства французов: алкоголизм, преступность, не только взрослая, но и детская, аборт, проституция, самоубийства, разводы имели тенденцию к постоянному росту. Правые считали это доказательством дегенерации нации, которая произошла вследствие отхода от традиций и ослабления семьи. Несмотря на антиклерикализм республиканцев, в обществе сохранялось огромное влияние католической церкви, выступавшей за сохранение традиций, а в женском движении наибольшее распространение получили не феминистские общества, а группы, решавшие социальные вопросы.

---

¹ *Петряев Ж.* Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии и США. Киев, 1958. С. 17.

² *Hauswith S. C., Kenney A.* Women's suffrage and Social Politics in the French Third Republic. Princeton, 1984. P. 21.

³ *Антюхина-Москвиченко В.И.* История Франции 1870-1918. М., 1963. С. 149.

Преобладание во Франции социального феминизма не в последнюю очередь связано с либеральной доктриной «равенства в различии», заложенной известным защитником эмансипации Э. Легувом (1807-1903). Согласно ей женщина по природе является существом противоположным мужчине, ее основная миссия «делать то, что не делает мужчина, заполняя пустые пространства, представляя женскую точку зрения в обществе»⁴. Два пола взаимно дополняют друг друга и, вследствие этого, равны в их различии. Женщины должны улучшать и дополнять республиканские принципы свободы и равенства «добродетелью содружества», любовью и моралью. Впоследствии эти принципы составили основу идеологии социального феминизма.

В противовес теории «полного равноправия» Дж. С. Милля, Легув сформировал теорию «специальной женской природы». Он подчеркивал социальную роль материнства и настаивал, что четкие гендерные разделения необходимы в семье и обществе для соблюдения жизненного предназначения. Права и обязанности каждого пола должны были быть взаимно дополняемыми в частной и публичной сфере. Роль хозяйки дома, матери и учительницы детей была дана женщине как альтернативная и эквивалентная форма гражданственности и являлась компенсацией за исключение из числа участников политического процесса. Подчеркивая социальную значимость роли женщины, Легув выступал против предоставления женщинам политических прав.

«Женщины не созданы для роли государственных деятелей. Всякая попытка политической эмансипации только замедлит, как мы это видели в 1848 г., осуществление их законных требований – эмансипации в семье»⁵.

Большинство женских и феминистских групп отвергало идею политического равноправия полов. Объясняется это влиянием католической церкви и опасениями, что предоставление женщинам избирательных прав вызовет усиление правых и приведет к краху республики и демократии. Л. Рише (1824-1911) в книге «Свободная женщина», бывшей долгое

---

⁴ *Legouve E. Histoire morale des femmes. P., 1850. P. 11.*

⁵ *Ibid. P. 276.*

время своеобразной Библией борцов за женскую эмансипацию во Франции, одной фразой предопределил развитие женского движения в рамках, исключающих суффражизм:

«Из 9 млн. совершеннолетних женщин, едва ли только несколько тысяч были бы в состоянии подавать голоса, остальные исполнили бы наставления исповедника. В современной Франции дарование женщинам политических прав создаст угрозу для демократии, так как большинство женщин – убежденные клерикалки и реакционерки, республика не продержится и 6 месяцев, если женщины будут голосовать»⁶.

Эти взгляды и определяли особенности решения проблемы равноправия полов во Франции. Защитники женской эмансипации не ставили под сомнение существующую гендерную систему, а лишь хотели в ее рамках расширить права женщины, обеспечив ей правовую защиту путем реформирования законодательства. Основой различия между полами объявлялось моральное превосходство женщин, из которого следовало, что решение женского вопроса повлечет за собой положительные изменения в моральном климате общества. Еще одной отличительной особенностью французской либеральной концепции было отсутствие или прямое отрицание требований политического равноправия полов.

Существовали и внутренние факторы развития женского движения, которые опосредовали и усиливали влияние внешних. Практика прямого подавления, которую использовало правительство в первый период развития женского движения во Франции (с 1789 по 1868 гг.), привела к осторожному отношению участников движения к насильственным формам коллективных действий. Логичным завершением процесса стала апелляция значительной части участников женского движения к нормам, широко распространенным в обществе: поддержка ценностей семьи и брака, выступление за повышение рождаемости, решение социальных проблем. Заниматься благотворительностью, помогать нуждающимся – «да», «работать, получать образование тем, кто не может по другому устроиться в этой жизни – «да», играть активную гражданскую и политическую роль – «нет». Имен-

---

⁶ Рише Л. Свободная женщина: о женском вопросе и свободе женщин. М., 1879. С. 359.

но так можно определить господствовавшие во Франции начала XX в. стереотипы, которые движение не смогло преодолеть.

В начале XX в. женское движение во Франции оказалось в состоянии кризиса. С одной стороны, основные поставленные цели (завоевание права на образование, труд и реформа гражданского законодательства) были достигнуты, требовался пересмотр программ и тактики. С другой – необходимо было расширить социальную и географическую базу, так как оно по-прежнему оставалось «парижским феноменом», в котором принимали участие наиболее образованные представительницы средних классов. Число женских обществ было ограничено, а количество участников в них редко превышало 200 человек. Кроме того, радикальные феминистские или социалистические доктрины не подходили для большинства женщин, воспитанных в консервативном католическом духе. Нужны были новые формы организации, которые позволили бы мобилизовать сторонниц умеренных действий и женщин-католичек и сделать движение массовым.

Во Франции такой объединительной силой стало умеренное, близкое к консервативному, движение «социального феминизма». Представители этого течения видели необходимость реформы общественной морали через филантропию, борьбу с проституцией, алкоголизмом, курением табака и порнографией. Оно базировалось на протестантской (но здесь явно прослеживаются мысли Легува) идее морального превосходства женщин и специфических женских качеств, с помощью которых они должны улучшить моральное состояние общества. Завоевание прав рассматривалось ими как способ улучшения качества жизни женщин в рамках существующих гендерных конвенций. Это направление получило развитие во Франции еще в 90-х гг. XIX в., когда Изабель Бугело (1838-1923) (известная феминистка, представлявшая Францию на Международных женских конгрессах 1888 и 1893 гг.), попыталась создать группу «Освобожденный труд Сан-Лазара», объединившую идеологию феминизма и протестантизма на основе филантропии. Она считала, что независимо от принадлежности к разным обществам и направлениям женского движения, главная обязанность женщины-христианки – бороться

против несправедливости. Ее идеи поддержали Эмиль Морсье, автор книги «Миссия женщины» (1893) и Сара Моно, основательница общества «Версальская конференция» (июнь 1891 г.), редактор газеты «Женщина», на страницах которой обсуждались проблемы феминистских обществ⁷.

Многие представители феминистского движения поддерживали идеи о том, что филантропия должна быть одним из направлений деятельности их обществ и принимали активное участие в благотворительной деятельности. Например, Клеманс Руайе, президент французской секции ВЛЖ, организовала различные женские бюро и ассоциации среди работниц. Жанна Шмаль, основательница «Предвестника», вела работу по улучшению их жилищных условий.

«Филантропия, хлопоты по комитетам, конгрессам, обществам являлись для дам-благотворительниц не только высшим проявлением феминизма, но и разновидностью светско-христианских обязанностей, которые составляли часть духовного наряда элегантной француженки-католички»⁸.

Реально благотворительные общества и женщины-меценатки могли помочь лишь очень небольшому числу работниц, в течение многих лет филантропия продолжала оставаться инициативой отдельных феминисток. Была еще одна проблема: женщины не могли официально занимать руководящие должности в благотворительных организациях. Закон, разрешавший женщинам подобную деятельность вышел только 15 ноября 1895 г.⁹ Его принятие способствовало формализации движения. Чтобы привлечь внимание к проблемам благотворительности и рекрутировать новых членов, «Версальская конференция» провела с 18 по 23 июня 1900 г. «Международный конгресс женских обществ» в Париже.

Программа конгресса показывает, что ее организаторов интересовали не только вопросы помощи нуждающимся, но и проблемы гражданского положения женщин: помимо сек-

---

⁷ Klejman L., Rocherfort F. L'egalite en marche. Le feminisme sous le Troisieme republique. P., 1989. P. 109.

⁸ Венгерова З. Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5-6. С. 78.

⁹ Зинченко Н. Женщина-адвокат (по Луи Франку). СПб., 1898. С. 134.

ции филантропии, работала секция «законодательства и нравственности», на которой обсуждались вопросы предоставления женщинам прав опеки над детьми, управления собственностью во время брака, отмены двойных стандартов морали, введения законодательных мер против вовлечения в проституцию. Секция «воспитания» изучала проблемы совместного обучения полов, секция «труда» – проблемы экономической независимости женщин¹⁰.

Анализ работы секций показывает, что позиции участников конгресса были схожи не только с целями феминистских обществ, но и соприкасались с католическим женским движением, что делало протестантскую филантропию силой, способной объединить разнообразных представителей женского движения. Это и попытались сделать С. Моно (1836-1912), И. Зигфрид (1848-1922) и Авриль де Сент-Круа (1855-1939), создав 18 апреля 1901 г. «Национальный Совет Французских Женщин» (НСФЖ), который включил в себя различные филантропические и протестантские женские общества, профессиональные союзы и феминистские группы.

Предложение создать НСФЖ они получили от Мэй Сюал, которая в марте 1888 г. основала Международный Женский Совет для разработки более эффективных методов достижения равноправия полов и юридической защиты женщин. МЖС ставил перед собой следующие цели: борьба за расширение прав женщин в сфере образования и профессиональной деятельности; принятие трудового законодательства, учитывающего интересы женщин; принятие законов о защите материнства и детства; изменение Гражданского кодекса, регулирующего положение женщины в семье; борьба за «чистоту общества», то есть отмену двойного стандарта в оценке поведения мужчин и женщин; борьба с проституцией и алкоголизмом. В числе наиболее предпочтительных форм деятельности были выделены благотворительность

---

¹⁰ Отчет о международном конгрессе женских обществ в Париже 18-23 июня 1900 // Первый женский календарь / Сост. Л.Н. Арион. СПб., 1901. С. 461-463.

и просветительство¹¹. Это был готовый положительный опыт объединения разнопрофильных женских групп с разработанной программой и тактикой действия.

Для того чтобы осуществить объединение, лидерами движения была проведена стратегия группового рекрутирования членов и разработана программа, учитывающая ценности и интересы разнообразных женских групп. Это оказалось возможным благодаря тому, что лидеры Совета уже обладали опытом участия в женском движении (проведение ежегодных благотворительных конференций в Версале и создание женских филантропических обществ), и имели налаженные связи с другими участниками и группами женского движения. Кроме того, они получили поддержку и признание за границы.

Объявленная цель создания Совета «содействовать дискуссии между членами по вопросам прав и обязанностей женщин в семье и обществе и на основании этого добиться большей согласованности действий»¹² была нейтральной и могла подойти многим группам. Такая тактика имела успех. Только за первый год существования Совет смог привлечь в свои ряды по разным данным от 21.000¹³ до 28.000¹⁴ членов.

НСФЖ оказалась единственной организацией, которая смогла создать основу для кооперации с католическим женским движением, наладить связи с женскими феминистскими и нефеминистскими организациями и вовлечь умеренных женщин в феминизм, т.е. смогла наиболее полно провести блочное рекрутирование и стимулирование участия как отдельных женщин разных социальных классов, слоев, так и женских групп, уже представлявших собой стабильные общности с выраженными интересами. Согласно уставу,

---

¹¹ Women in a changing world. The dynamic story of the ICofW since 1888. L., 1966. P. 14.

¹² Les status de Conciel National des femmes francais // *Lecler A. Le vote des femmes en France: les causes de l'attitude particuliere a notre pays.* P., 1929. P. 80.

¹³ *Hauswith S.* Op. cit. P. 134.

¹⁴ *Montreynaud F.* Le XX siecle des femmes. P., 1989. P. 31.

«все женские объединения, все общества, которые преследуют цели улучшения положения женщин, с точки зрения воспитания, экономической, общественной, моральной, филантропической и политической», могли являться частью Национального Совета Французских Женщин. При этом выдвигалось условие, что «общества, желающие входить в состав НЦФЖ, должны оправдывать в течение двух лет свою состоятельность вовлечением не меньше 25 членов ежемесячно»¹⁵.

Национальный Совет назначал исполнительный комитет из 12 членов, который должен был встречаться пять раз в год, налаживать связи и следить за выполнением программы, принимаемой ежегодно на общем собрании. Члены Совета не должны были отказываться от прежних целей и сохраняли полную автономию. Для проведения совместных действий НСФЖ решил создать секции по отдельным проблемам, которые должны были добиваться реформ от имени Совета¹⁶. В первый год были созданы четыре секции: 1) благотворительности; 2) образования; 3) гражданских прав; 4) женского труда. Входя в состав союза, секции работали достаточно автономно и боролись за решение задач в своей области, придерживаясь общей тактики МЖС и НСФЖ¹⁷.

Умеренность НСФЖ определялась позицией его лидеров: президента С. Моно, генеральных секретарей – А. Сент-Круа и Зигфрид – женщин глубоко религиозных (Моно и Зигфрид были дочерьми протестантских пасторов), состоятельных, придерживавшихся основ буржуазной морали и ориентированных, прежде всего, на благотворительную работу и социальное улучшение общества. Они не признавали радикальных методов борьбы и требований политических прав. Поскольку размеры Совета и его ресурсы превосходили все остальные женские организации, то он формировал тон умеренности для всего женского движения во Франции.

Результативность деятельности НСФЖ оценить достаточно сложно, так как в качестве приоритетных направлений

---

¹⁵ Les status de Conciel National des femmes francais // *Lecler A.* Op. cit. P. 82.

¹⁶ Ibid. P.83.

¹⁷ Отчет о создании Французского женского совета // Мир божий. 1902. № 7. С. 52.

политики Совета была объявлена попечительская и просветительская деятельность. Можно говорить о частичном успехе НСФЖ в этой области, так как Совет был признан властями и оппонентами в качестве представителя группы женщин, желавших путем филантропии улучшить положение нуждающихся. Несмотря на позитивность самой идеи, одной благотворительности было явно недостаточно для решения проблем всех неимущих, так как в категорию получающих помощь преимущественно попадали молодые девушки без дома, без семьи, оказавшиеся без средств к существованию, ищущие любую работу, чтобы не умереть с голоду. Даже эта немногочисленная группа поддерживалась меценатками только в больших городах и крупных промышленных центрах. Основная масса работниц – замужние женщины, имевшие детей и вынужденные трудиться наравне с мужчинами, была не охвачена их деятельностью.

Деятельность просветительских обществ была направлена не столько на оказание помощи, сколько на распространение среди работниц идеала новой эмансипированной женщины и идеи равноправия полов. Для реализации этих задач были созданы библиотеки, открыты образовательные курсы для работниц, распространялись бесплатные билеты на культурные мероприятия. При огромном положительном эффекте эта деятельность обладала одним недостатком: она охватывала лишь небольшую часть работниц, преимущественно в больших городах.

Другим видом деятельности НСФЖ была борьба с проституцией, которая развивалась в нескольких направлениях:

- социальная и психологическая адаптация падших женщин, которая заключалась в практической деятельности по их освобождению из полиции нравов и возвращении впоследствии к нормальной жизни;
- профилактика распространения проституции, которая состояла в работе на вокзалах с целью не дать провинциалкам, приезжавшим в город, попасть в бордели или в руки торговцев белыми рабынями. Например, «Союз друзей молодых девушек», созданный в 1904 г. и входивший в Совет, вел работу на вокзалах Парижа, где приезжающих молодых девушек встречали с поезда и

отправляли в приют. Там им давали начальное образование: читали курс гигиены, домашней экономики, а после устраивали на работу¹⁸.

Французские феминистки поддерживали европейское аболиционистское движение за отмену регламентации проституции, принудительных медицинских осмотров, закрытие домов терпимости и считали, что эта система нарушает личную свободу женщины. Они выступали за изменение двойного стандарта морали, возлагавшего всю вину за проституцию на женщину. Возглавляла движение С. Моно, принимавшая участие в работе первого Международного Конгресса по Борьбе с торговлей белыми рабынями в 1899 г. в Лондоне.

Пропаганду аболиционизма С. Моно поддержала И. Богело¹⁹. По их инициативе был создан французский национальный аболиционистский комитет, который стал заниматься расследованием и преследованием обнаруженных случаев торговли женщинами, принимал участие в работе Международной аболиционистской лиги, воздействовал на властные структуры путем подачи петиций с требованиями отмены регламентации проституции, проводил агитационные и пропагандистские акции.

Деятельность НСФЖ в этом направлении, во многом благодаря поддержке известного французского сенатора Р. Беранже, можно оценить как успешную. Французское правительство присоединилось в 1904 г. к подписанию Административного соглашения, а в 1910 г. – проекта Конвенции по основным законодательным вопросам (двум международным актам, которые предусматривали административные и уголовные меры борьбы с торговлей женщинами).

Совету удалось провести успешную мобилизацию и привлечь на сторону движения значительные ресурсы. Авриль де Сент-Круа на XI Конгрессе всемирной аболиционистской лиги, который проходил в Женеве в июне 1913 г., в отчете «О регламентации проституции, о морали и общественном порядке во Франции» писала:

---

¹⁸ Из-за границы // Женский вестник. 1907. № 1. С. 25.

¹⁹ Mcmillan I. Op. cit. P. 88.

«Нашу кампанию стала поддерживать молодежь. Я счастлива констатировать, что уже не один год наблюдается очень большое пробуждение духовного чувства в среде университетской молодежи. Наша кампания заключалась в агитации за то, чтобы регламентация проституции была отменена, чтобы единственная мораль существовала для двух полов... Наши молодые студенты поддержали нас, организовав в этом году кампанию против регламентации проституции и против полиции нравов... Они взяли на себя расходы по организации конференции в «Обществе ученых», они оплатили ее, а Вы знаете, что стипендии студентов очень невелики. В ней участвовали шесть или семь ассоциаций: студентов, католиков, протестантов, республиканцев, революционеров; они принесли молодой энтузиазм, жертвуя идеи и деньги, предназначенные для удовольствий. Мы имеем молодежь нас поддерживающую, значит, будущее принадлежит нам!»²⁰

НСФЖ долгое время не работал в русле завоевания избирательных прав для женщин и выступал против создания суфражистской секции. Это была принципиальная позиция руководителей Совета, которые считали преждевременным обращаться к данному вопросу и выдвигали в качестве необходимой предпосылки для начала борьбы за женские избирательные права светское образование женщин (традиционные доводы противников суфражизма во Франции).

Их переходу к борьбе за женские избирательные права способствовало принятие суфражизма некоторыми женскими католическими группами. Еще на первом «Конгрессе католических женщин», прошедшем в Париже в начале 1901 г. под председательством г-жи де Бали, выделилось общество «Христианского феминизма», основанное в феврале 1896 г. М. Могере (1844-1923). Наряду с традиционными требованиями сохранения семьи, поднятия престижа материнства и образования девушек на основе католической религии, оно выдвигало феминистские задачи. Для обсуждения проблем католические женщины решили созывать ежегодные конгрессы, получившие название «Конгрессов Жанны Д'Арк». На них Могере развернула активную суфражистскую пропаганду. Ее доводы в защиту предоставления женщинам права

---

²⁰ Rapport de M-me Avril de Saint-Croix. La réglementation, la moral et l'orde public // Onzieme Congres de federation abjlitionniste international (9-12 juin 1913). Geneve, 1913. P. 203.

голоса были далеки от либерализма и соответствовали общей цели католического женского движения:

«Быть христианином – не значит только практиковать религию в частной жизни, но человек должен быть активным, чтобы воплощать в обществе принципы христианства и поддерживать своими действиями католическую церковь»²¹.

Могере обращалась к делегатам католических конгрессов с призывом поддержать право голоса для женщин, чтобы они могли защитить своими голосами церковь. В результате, на третьем Конгрессе Жанны Д'Арк в 1906 г. была принята резолюция (500 голосов против 67) за представительство женщин в политике²². Требования правых женских организаций об избирательном праве показали, что вопрос назрел, и подтолкнули НСФЖ к суфражизму. Франция не имела национальной суфражистской ассоциации, входящей в Международный Женский Совет, хотя последний настаивал на создании подобной суфражистской секции в каждом национальном совете. В 1906 г. НСФЖ сформировал суфражистскую секцию, где преобладающей была идея о том, что женщинам следует дать политические права для реформирования и оздоровления общества.

Эта идея получила большое распространение во Франции. Созданный в 1909 г. Ж. Шмаль Французский Суфражистский Союз Женщин, входящий в Международный Женский Суфражистский Альянс, несмотря на конкретность и единичность заявленной цели (завоевание для женщин избирательных прав), для привлечения к себе симпатии населения занимался целым кругом социальных вопросов.

«Женский голос будет гарантировать установление важных социальных законов. Мы требуем проведения нескольких реформ: по борьбе с алкоголизмом, с азартными играми, с государственной регламентацией проституции, отменой ночной работы детей и установления минимальной заработной платы для женщин»²³.

---

²¹ *Brinbaum P.* Catholic identity and universal suffrage. The French experience // International social science journal. Oxford, 1991. Vol. 43. № 3. P. 573.

²² *Hauswith S.* Op. cit. P. 84.

²³ *Schlumberger W. de.* (President UFSF). France. A Year's Progress // Jus Suffragii. 1914. May 1. P. 110.

Идеи и проекты НСФЖ пользовались большой популярностью в обществе. По количеству членов Совет был одним из крупнейших женских объединений во Франции своего времени. Его численный состав с 1901 по 1914 год вырос с 21.000 до 100.000 человек, количество секций, следовательно, и направлений деятельности Совета – с 4 до 12²⁴.

Так, социальное направление женского движения стало одной из наиболее влиятельных сил не только в женском движении, но и в общественно-политической жизни французского общества. Можно выделить несколько причин этого успеха.

Во-первых, мобильность лидеров, способных к восприятию новых идей и к сотрудничеству, способствовала мобилизации ресурсов в интересах движения. Во-вторых, основная направленность на попечительскую и просветительскую работу позволила участвовать в движении глубоко консервативным женщинам, не воспринимающим феминистские идеи о равноправии полов. В-третьих, программа, учитывавшая ценности и интересы разнообразных женских групп, привлекла в движение самые разнохарактерные общества и организации. В-четвертых, приверженность традициям и полное отрицание радикальных идей и методов борьбы способствовали популярности движения в обществе.

Решая социальные проблемы, движение завоевывало симпатии населения и способствовало изменению ценностных установок общества по отношению к женскому движению. Из «социального зла», направленного на разрушение устоев семьи и общества, восприятие движения трансформировалось в общественном сознании в рациональный субъект, имеющий право на существование. Его лидеры и участники: образованные, состоятельные, уважаемые женщины, стремившиеся не к разрушению, а к укреплению семьи и общественной морали, явно не соответствовали традиционному убеждению, что участницы женского движения – сплошь маргиналы, одинокие дамы, которые не смогли реализовать себя в жизни.

Эта тактика имела успех. Переход к решению социальных проблем способствовал мобилизации ресурсов, за счет

---

²⁴ *Lecler A. Op. cit. P. 84.*

чего произошло пополнение состава участников движения. В него вошли умеренные женщины среднего класса, отрицавшие радикальные теории эмансипации, но готовые бороться за изменение законов для улучшения морали и нравственности общества. Аристократки и убежденные католически тоже стали принимать участие в акциях, так как благотворительность, помощь проституткам, просвещение народа было частью обязанностей добропорядочной христианки.

Феномен социального феминизма в истории женского движения во Франции заключался в том, что оно единственное из всех направлений движения перешло в фазу институционализации, то есть приобрело легальный статус. Было признано его право на существование и релевантность его целей. Соответствие целей движения ценностям, распространенным в обществе, привело к росту мобилизационного потенциала, переходу движения в разряд массовых и способствовало реализации большинства проектов и задач движения.

Л.Н. Денисова

Русская крестьянка в XX веке

В 1917 г. в России было провозглашено равенство женщин и мужчин. В течение XX века шел поиск путей его реализации. Советская идеология утверждала, что главным моментом фактического равноправия женщины является ее участие в общественном труде. Труд – основа эмансипации женщины, ее экономической независимости.

Страна, где четыре пятых населения жили в деревне, предпринимает невиданные шаги по переходу к индустриализации и городскому образу жизни. Вовлечение женщин в общественное производство диктовалось потребностями экономики, ее перехода из аграрной фазы в индустриальную. Начиная с 1930-х гг., отношение государства к крестьянству становится эксплуататорско-потребительским: деревня обязана кормить город и поставлять кадры для промышленности. Деревенские женщины являлись наиболее консервативной и отнюдь не пассивной частью села, и именно они оказывали наиболее сильное сопротивление аграрным экспериментам Советского правительства на протяжении XX века. На протяжении советской истории женщины на селе являлись главной трудовой и общественной силой деревни. Это касалось сельскохозяйственного производства, личного подсобного хозяйства и формирования общественного мнения. В различные периоды их влияние на жизнь деревни ослабевало или усиливалось и зависело от миграции мужчин, выбора между работой в общественном хозяйстве и домом, образования и государственной политики в области материнства и охраны детства.

До середины 1960-х гг. Советский Союз оставался страной с преобладающим сельским населением. Основой советского менталитета был крестьянский, который еще долгие годы и после переселения в города определял отношение к жизни, семье, работе, проведению свободного времени. Особый тон ему задавали женщины, как лучшие хранительницы обычаев, традиций, умений.

Новации XX века лишь изредка касались трудовой жизни сельских женщин. Некоторые из них, главным образом молодежь, получили образование и соответственно более интересную и квалифицированную работу. Большинство же продолжали жить, как жили их матери и бабушки, но только в условиях колхозного строя, а далее – постсоветского реформирования.

За 1960-80-е гг. численность сельского населения России уменьшилась почти в 1,5 раза и составила 39 млн. человек. Число селянок сократилось до 20 млн., их было втрое меньше горожанок. Примерно половина деревенских женщин были в трудоспособном возрасте, из них три четверти были заняты ручным трудом¹. Официальная советская статистика фиксировала: свыше 90% женского населения трудоспособного возраста СССР работали или учились в учебных заведениях. Для деревни обычным явлением была бессменная работа по дому, труд в личном подсобном хозяйстве и – в зависимости от образования и специальности – круглогодичная или сезонная работа в общественном (колхозном или совхозном) хозяйстве или в агропромышленном комплексе. К этому следует добавить, что в советской системе образования вечернее высшее и среднее специальное обучение было бесплатным и доступным, чем сельские женщины активно пользовались. Образование в деревне высоко ценилось, иметь его считалось престижным, оно открывало некоторые возможности для продвижения женщин по социально-административной лестнице, но получение его влекло за собой дополнительные нагрузки, а часто – физические и психологические перегрузки.

Во второй половине XX века политика в отношении женщин – их трудового участия в общественном секторе экономики – была противоречивой и связанной как с объективными экономическими и демографическими процессами в СССР, России, так и с личностью руководителя государства.

---

¹ Денисова Л.Н. Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. ежегод. М., 1990. С. 58, 123; Женщины в СССР. 1990: Стат. материалы. М., 1990. С. 19-20; Проблемы труда в сельском хозяйстве. М., 1982. С. 43; Машенков В.Ф., Мальцев И.Е. Формирование и использование рабочей силы в сельском хозяйстве. М., 1988. С. 140.

Помимо традиционной занятости женщины в деревне овладевали профессиями трактористки, водителя, становились специалистами сельскохозяйственного производства и даже руководителями коллективных хозяйств. Столь сильное увлечение эмансипацией привело к огромному участию крестьянок в производстве, интересу к новой жизни. Традиционные взгляды на отношения в семье, многодетность отодвигались, а призванные помогать женщинам государственные и общественные организации (детские ясли и сады, пионерские лагеря, Дома пионеров, комбинаты бытового обслуживания и т.п.) либо были в явно недостаточном количестве, либо вообще отсутствовали в деревне. Огромная занятость в производстве привела к снижению рождаемости. Со свойственной Сталину строгостью и жестокостью начала проводиться политика улучшения демографической ситуации в стране: в 1936 г. были запрещены аборт, хотя усилена помощь семьям, имеющим детей².

Великая Отечественная война практически всех женщин мобилизовала на трудовой фронт. Все профессии, считавшиеся ранее мужскими, вплоть до руководства хозяйствами, замещали женщины (именно замещали, поскольку после Победы в 1945 г., вернувшиеся фронтовики потеснили крестьянок – и на руководящих постах и в механизированном производстве – без учета наличия у мужчин опыта работы и образования).

Хрущевская «оттепель» в малой степени коснулась решения «женского вопроса». Глобальная мысль руководителя государства колебалась то в сторону развития подсобного хозяйства, где основной трудящейся силой была женщина, то в сторону его сокращения, из чего следовало малообеспеченное существование всей семьи, поддерживаемой этим хозяйством. Освоение 42 млн. га целинных и залежных земель, находившихся в основном в союзной республике Казахстан, осуществленное в краткие сроки, велось за счет перекачки средств в этот регион из других. Это на некоторое время сняло остроту зерновой проблемы в СССР, но привело к финансовому истощению и деформированию структуры сельского населения российских деревень. На целину уезжали молодые парни, в поисках счастья из опустев-

---

² СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

ших деревень стремились в новую жизнь девушки. Прежде всего, это коснулось Нечерноземья. Это было началом запустения края, и в 1970-е гг. его «подъем» был назван «Второй целиной». Но еще одна целинная эпопея не свершилась.

Брежневское руководство, в первые годы после прихода к власти большое внимание уделявшее подъему сельскохозяйственного сектора, подкрепляло лозунги огромными финансовыми вливаниями в деревню. Это сказалось на производстве продовольствия в стране. Введенная в 1965 г. денежная зарплата в колхозах, уравнивание колхозников в правах с остальными гражданами страны через пенсии, социальное страхование, и др. правительственные решения, поддерживающие женщин материально и освободившие от работы до достижения ребенком 3-х лет³, резко подняли рождаемость и в городе, и в деревне. Распространение паспортной системы на крестьянство, начиная с 1976 г.⁴, окончательно освободило деревню. Работать в сельскохозяйственном производстве стало выгоднее, а жить в деревне много привлекательней.

Горбачевское правительство основной акцент в женском вопросе перенесло на семейную политику, поскольку рождаемость стала падать, как следствие ухудшения жизни и начала дефицитных перипетий. Для советских женщин было невозможно только заниматься домом и семьей. Это было связано и с низким материальным достатком и с желанием быть в коллективе. Восемь из десяти опрошенных женщин, чьи мнения учитывали органы государственной статистики в 1990 г., основным мотивом своей занятости назвали необходимость пополнения семейного бюджета. Половина женщин испытывала материальные затруднения⁵.

---

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. (Сборник документов за 50 лет). М., 1968. Т. 5. С. 472-478; М., 1979. Т. 12. С. 381-382; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1960-1974 гг.). М., 1975. С. 662; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965-1971 гг.). М., 1971. С. 33-34; Денисова Л.Н. Указ. соч. Глава 1.

⁴ СП СССР. 1974. № 19. Ст. 109.

⁵ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 52; 1991. № 2. С. 53.

Труд мужчин в сельской местности в большей мере связан с техникой. Водители машин, трактористы, слесари, электромонтеры, наладчики и настройщики машин и оборудования – характерные профессии мужчин. Все они требуют обязательного профессионально-технического образования. Традиционные занятия сельских женщин в советское время – это работа в полеводстве и животноводстве. Подавляющее большинство крестьянок-колхозниц и работниц совхозов (83%) трудились на неквалифицированных работах в полеводстве⁶. Большинство работ в посевной и уборочной кампании было механизировано. Неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие использовались в зависимости от сезона, районирования культур и других условий. В промышленности ручным трудом было занято 58% женщин, в сельском хозяйстве, в исключительно женских его отраслях: полеводстве, овощеводстве и садоводстве, механизация отсутствовала. Женщины-полеводы использовались преимущественно на подсобных работах. Это монотонный, тяжелый физически, сезонный и мало оплачиваемый труд: сортировка семян, прополка корнеплодов весной, скирдование сена летом, копка картофеля и свеклы осенью. Женщины занимались выращиванием хлопка, риса, табака, плодов. Применение женского труда на физических работах экономически нецелесообразно, поскольку средняя производительность их труда здесь составляла 80-85% от средней производительности труда мужчин. Кроме того, женщина, занятая этим трудом больше устает. Между тем расчеты показывают, что на механизацию вспомогательных работ нужно в 3-3,5 раза меньше затрат, чем на механизацию основных процессов⁷.

До 15% трудоспособного женского сельского населения работало в животноводстве, в основном в его молочной отрасли⁸. Тройная дойка 12-ти коров вручную, первая из которых приходилась на 4 утра, а последняя на 9-10 вечера – обычная нагрузка для большинства животноводов. Помимо дойки дояр-

---

⁶ Вестник статистики. 1989. № 1. С. 41.

⁷ Коммунист. 1983. № 5. С. 43; *Bridger S. Soviet Rural Women: Employment and Family Life // Russian Peasant Women. N.-Y., 1992. P. 276.*

⁸ Трудовые ресурсы СССР. М., 1961. С. 99.

ки подносили корм, убрали навоз, чистили помещения. В течение рабочего дня они до 15% рабочего времени проводили согнувшись и 27% – на корточках⁹.

Женщины как демографическая группа в целом отставали от мужчин по профессиональному статусу, оплате труда и другим показателям, несмотря на формальное равенство возможностей. Большинство женских профессий, связанных как с физическим, так и умственным трудом, сформировались под влиянием низкого уровня производства и сферы услуг, примитивности применяемой техники и технологии, а не только под влиянием психофизиологических особенностей женщин. В основном в полеводстве были заняты пожилые замужние женщины с низким уровнем образования, без достаточных профессиональных навыков. Эта работа также привлекала матерей с маленькими детьми вследствие сезонности и не строго календарного графика. И хотя эта категория работников часто была не удовлетворена характером работы и оплатой труда, для них это был единственный путь финансовой независимости. Средства, выделяемые государством на детей, были явно недостаточны, либо их не было положено по закону¹⁰.

Ручной труд в полеводстве – тяжелый и требующий постоянного напряжения. Пример тому женщины-свекловичницы, занимающиеся прополкой рассады:

«...Первые отпечатки осторожных шагов на пухлой земле возле свекловичных всходов. На труженицу – два рядка... Выходит до тридцати на погонном метре, а сохраняется шесть-семь. Всего с гектара вырывают до 400 тыс. ростков. И над всеми надо склониться. Над иными задержаться – не сразу выберешь. И тут же по первому заходу убираются сорняки. Ноет поясница, тяжелеют ноги. Таково оно формирование посева»¹¹.

Традиционный подход к женскому труду как к ручному (или отождествление ручного труда с женским, а механизиро-

---

⁹ Труд и управление в сельском хозяйстве. Сборник научных трудов ВНИИСХТ. М., 1976. Вып. 57. С. 17; Manning R.T. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II, 1935-1940 // Russian Peasant Women. N.-Y., 1992. P. 217.

¹⁰ Bridger S. Op. cit. P. 277; Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск. 1972. С. 149-151.

¹¹ Крестьянка. 1980. № 3. С. 11.

ванного с мужским) на практике приводил к тому, что тяжелые виды труда в сельском хозяйстве (посадка овощей, сбор плодов, фруктов, уборка овощей, подача кормов, подноска воды, уборка помещений и др.) считались женскими, пока осуществлялись вручную, а по мере их облегчения путем механизации становились мужскими¹².

Постепенно механизация входила в сельскую жизнь. На лучших, полностью механизированных фермах и комплексах (таких к концу 1980-х гг. статистика насчитывала в птицеводстве – 91%, в свиноводстве – 76%, в молочном животноводстве – 67%¹³) работало много квалифицированных молодых кадров, в том числе и мужчин-дояров, но с появлением механизмов управление ими полностью передавалось мужчинам, организаторам производства и его руководителям. Все немеханизированные должности занимались женщинами. Кроме того, значительная часть комплексов фактически была избавлена от ручного труда, как правило, только по одному из показателей – доению, а подноска воды или уборка помещений из-за неисправностей оборудования оставались все таким же тяжелым ручным трудом. Доярки из совхоза «Вехно» Псковской области в 1977 г. писали в «Сельскую жизнь»:

«Работаем мы на животноводческом комплексе операторами машинного доения. Судя по названию фермы, все должно быть механизировано. У нас же сплошь и рядом – ручной труд. Раздаем корма, чистим коров и кормушки, молоко носим, солому раздаем – все вручную, хотя считается, что комплекс полностью механизирован. Механизация должна быть, а ее нет»¹⁴.

Немногие женщины-механизаторы доказывали стране и своей деревне возможность квалифицированно и относительно (по сравнению со слабо механизированным животноводством) более производительно и с меньшим напряжением трудиться в аграрном секторе. В 1981 г. их насчитывалось 23 тыс., в 1987 г. – 17 тыс. (менее 1% общей численности сель-

---

¹² Шишкан Н.М. Социально-экономические проблемы женского труда. М., 1980. С. 78.

¹³ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 561.

¹⁴ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 215. Л. 79.

ских механизаторов, трактористов и водителей)¹⁵. В крайне редких случаях мужчины-руководители и коллеги шли навстречу пожеланиям и требованиям женщин-механизаторов предоставить им положенные по закону в первую очередь новые трактора и комбайны, организовать двухсменную работу в поле и ремонт машин. Характерное письмо трактористки из Краснодарского края:

«Так хочется, чтобы руководители относились к нам, женщинам-механизаторам, заинтересованно и душевно, использовали наши знания и опыт по-хозяйски! Так хочется, чтобы бригада была полностью укомплектована из женщин, чтобы мы шли на работу как на праздник, и получали от нее удовлетворение! Ведь мы можем горы своротить! Сейчас же каждый год девушки оканчивают курсы трактористов, а где они? Одни идут в доярки, другие – в свинарки, молодежь подается в город, на учебу. Одно время в нашем совхозе было 11 женщин-механизаторов. Потом – 7, сейчас всего 4. Но если отношение руководителей к нам не изменится, наверное, не останется ни одной»¹⁶.

Не удавалось и создавать женские тракторные бригады, от этой идеи пришлось отказаться даже знаменитой Прасковье Ангилиной. Но женщины-механизаторы оказались еще и в наиболее трудных психологических условиях, поскольку приходилось отстаивать свое право на квалифицированный и более высоко материально оплачиваемый труд. Против нетрадиционной роли крестьянки в сельскохозяйственном производстве выступали не только мужчины, но и большинство женщин, деревенская общественность.

Наибольший протест работа трактористки вызывала в мусульманских республиках. Причем острота этой проблемы не сглаживалась с течением времени. Лучшая трактористка Казахской ССР, Герой Социалистического Труда, Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, делегат партийных форумов Камшат Доненбаева выступивала от своих родственников:

---

¹⁵ Крестьянка. 1981. № 10. С. 7; 1987. № 8. С. 18.

¹⁶ Там же. 1977. № 4. С. 16.

«Ты на трактор? Вместе с мужчинами? И зачем такой позор на наш род! Не будет тебе счастья! И как теперь на глаза людям показаться...»¹⁷.

Российская деревня, и в том числе женщины, также не изменили своего отношения к профессии механизатора. Женской специальностью она не стала считаться. При переходе из механизированной отрасли в полеводство одна из бывших трактористок была встречена язвительной насмешкой односельчанок-колхозниц: «Это тебе не на тракторе ездить!»¹⁸. Не были склонны поддерживать выбор профессии механизатора или шофера, особенно девушками, их родители. Активное противодействие такому выбору оказывали мужья. Традиционный деревенский взгляд на длительное и бесконтрольное отсутствие хозяйки дома, недельное пребывание в поле в мужском коллективе не менялся. Это порождало конфликты в семье и выбор, как правило, делался не в пользу работы жены в механизированном сельскохозяйственном производстве, если большинство коллег были мужчинами. Выход предложила известная комбайнер из Ростовской области Н. Переверзева, организовав «семейный агрегат»: ее муж работал ее помощником¹⁹. Однако эта инициатива продолжения не имела.

Среди небольшого числа сельскохозяйственных дипломированных специалистов – экономист, бухгалтер, ветеринар, зоотехник женщины занимали до половины должностей²⁰. Предубеждение против женщин-механизаторов распространилось и на специалистов сельского хозяйства: только 5% инженеров и техников в колхозах были женщинами, и это несмотря на то, что женщины в СССР составляли почти половину инженеров, занятых на производстве²¹.

Женщин было меньшинство и на уровне бригадиров и заведующих фермами. Хотя женщины составляли большинство

---

¹⁷ Харитонова А. Светлое имя – мать. М., 1984. С. 42-43.

¹⁸ Крестьянка. 1978. № 9. С. 4.

¹⁹ Там же. 1987. № 8. С. 17.

²⁰ Вестник статистики. 1989. № 1. С. 41; Женщины в СССР. 1990. С. 3.

²¹ Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Стат. ежегод. М., 1981. С. 285-287; Bridger S. Op. cit. P. 279; Староверов В.И. Социальная структура сельского населения на этапе развитого социализма. М., 1978. С. 265-266.

работников животноводства, на руководящих должностях их было занято не более 40%²². Руководителей первого звена среди них было лишь 7,8%, среди председателей колхозов и директоров совхозов – 2%, тогда как среди мужчин каждый второй, получивший высшее образование, занимал разного ранга руководящие должности²³. На эту практику обратил внимание Н.С. Хрущев. Выступая на совещании работников сельского хозяйства Украины в 1961 г. в Киеве, он так охарактеризовал трудовые ресурсы аграрного сектора экономики:

«Вам известно, какую огромную роль играют женщины на всех участках коммунистического строительства. Но в этом зале почему-то мало женщин. Хоть бери бинокль, чтобы разглядеть. Чем это объяснить? Говорят, мол, здесь присутствуют в основном руководящие работники. Выходит, если руководить – тогда мужчины, а когда работать – тогда женщины»²⁴.

За небольшим исключением учителями, врачами «служили своему делу» в трудных деревенских условиях женщины. Они открывали больницы, работали в малокомплектных школах и жили одной жизнью со «своей деревней».

Статистика фиксировала дефицит женщин в управлении производством все последующие годы, несмотря на то, что уровень образования женщин стал выше, чем у мужчин. Причины этого крылись, с одной стороны, в противодействии продвижению женщин на руководящие должности, а с другой стороны, исходили от самих женщин: их нежелания занимать высокие посты вследствие обязанностей в семье и заниженной самооценки. Многие женщины сами считали руководящую работу мужским делом²⁵.

Оплата труда в значительной степени зависит от уровня образования и его соответствия выполняемой работе. Темпы повышения образования у женщин заметно превышали анало-

---

²² Народное хозяйство СССР в 1980 г. С. 285-287; *Bridger S. Op. cit. P. 279.*

²³ Труд. 1997. 14 марта; Женщины в СССР. 1990. С. 27; Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. М., 1988. С. 429, 431.

²⁴ *Хрущев Н.С.* Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством. М., 1962. С. 259.

²⁵ *Bridger S. Op. cit. P. 280; Харитонова А.* Указ. соч. С. 193.

гичный показатель у мужчин. В результате к началу 1990-х гг. среди занятого населения впервые было отмечено превышение уровня образования женщин над уровнем образования мужчин, как в городе, так и на селе. В то же время число женщин, работавших не по специальности, было существенно выше, чем мужчин, что сказывалось на уровне оплаты их труда. Половина женщин, работавших в колхозах и совхозах, хотели бы поменять место работы вследствие неудовлетворения оплатой и условиями труда²⁶. В большинстве случаев в результате обучения и повышения профессионального мастерства в трудовой деятельности работающих женщин мало что изменилось, а 65% опрошенных ВЦИОМ в 1990 г. вообще не отметили никаких перемен²⁷. Женщины считали, что имеют меньше возможностей по сравнению с мужчинами не только для повышения образовательного и профессионального уровня, для досуговых занятий, внесемейного отдыха, но и вообще для восстановления своих физических и эмоциональных сил после рабочего дня. И это понятно, поскольку на замужних женщинах лежит основная забота по хозяйству и детям. С мнением женщин мужчины не спорили, хотя и расходились в оценке возможностей отдыха женщин после работы: в глазах мужчин они в полтора раза выше, чем соответствующие оценки самих женщин²⁸.

Участие женщин в сельскохозяйственном производстве менялось, но подавляющее большинство их занималось мало-квалифицированной и низкооплачиваемой работой. Дискриминация существовала и при приеме на работу, и при продвижении по служебной лестнице.

Предметом особой зависти и пересудов в деревне нередко становились передовики сельскохозяйственного производства. Как правило, они были еще и активными общественницами, часто членами КПСС. Они получали награды и премии, участвовали в совещаниях, совершали поездки в районные, областные центры и Москву. По их поводу необоснованно злослови-

---

²⁶ Вестник статистики. 1991. № 2. С. 58.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ Экономические и социальные перемены; мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 50.

ли, а незамеченные в рекордах мужа часто либо требовали оставить видные должности, угрожая разводом, либо уничтожали партийные документы, что означало конец карьеры, либо прибегали к прямому физическому насилию²⁹.

Для советских женщин выбора между семьей и работой не могло быть из-за низкого достатка семейного бюджета, но и при высокой зарплате мужа обычно они стремились получить работу. Социологические опросы фиксировали: от 60 до 80% женщин считали одинаково важными семью и работу, оставшиеся примерно поровну отдавали предпочтение либо производственной карьере, либо семейным и домашним заботам. С начала 1990-х гг. пропорция начала меняться: значительный процент женского населения пересмотрел решение в пользу совмещения производственной деятельности и семейных обязанностей и склонялся в сторону либо серьезного карьерного роста, либо сосредоточению жизни в рамках семьи³⁰.

Специфика села состояла в том, что помимо традиционной «двойной» нагрузки (работа, дом) сельская женщина еще трудилась в личном подсобном хозяйстве, причем по времени больше своего мужа, который был практически полностью самоустранен от домашних дел, т.е. несла «тройную» нагрузку.

Селянки активно трудились в личном подсобном хозяйстве в дополнение к традиционным женским обязанностям. Женщины обслуживали скот на подворье, работали на огороде. Мужской вклад нередко ограничивался строительством и ремонтом сараев для домашнего скота, подготовкой грядок для овощей. По некоторым оценкам около половины семейной сельскохозяйственной продукции производилось в ЛПХ³¹.

В 1960-е гг. удельный вес затрат труда в ЛПХ у мужчин, по подсчетам экономистов, составлял 9%, у женщин – 35%³². У городского населения затраты времени мужчин и женщин на

---

²⁹ Вологодский областной архив новейшей политической истории. (ВОАНПИ). Ф. 9435. Оп. 1. Д. 8. Л. 68-70; Ф. 2445. Оп. 61. Д. 32. Л. 8 об., 9.

³⁰ Женские игры по мужским правилам // Человек и труд. 1992. № 3. С. 13; Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. С. 29, 89.

³¹ Литературная газета. 1977. 24 августа.

³² Вопросы экономики. 1966. № 10. С. 63, 65.

труд в домашнем хозяйстве составляли пропорцию 1:2, на селе 1:3 или даже 1:4. Летом на различные виды труда в домашнем хозяйстве, включая ЛПХ, мужчины-колхозники затрачивали 6,11 часов, женщины – 25,54 часов, зимой – 10,17 и 50,55 часов в неделю³³. При отсутствии магазинов в своих и близлежащих деревнях объем работы в личном подсобном хозяйстве возрастал, и основная нагрузка падала на женщин. Исследования зафиксировали: при дефиците продуктов из розничной торговли женское участие в ЛПХ увеличивалось до 23 часов в неделю, трудовой вклад мужчин оказался вдвое меньше³⁴. Фактически сельские женщины не отдыхали: если горожанки имели 22 часа свободного времени в неделю, то селянки вдвое меньше³⁵. Доярка из колхоза «Искра» Краснохолмского района Калининской области (1969 г.) Л. Старостина печально рассказывала:

«В нашем колхозе я уже давно работаю в животноводстве, ухаживаю за коровами. Нагрузка большая, я уже немолодая, работать трудно, условий нет, трудоемкие работы все вручную, ничего не механизировано. Ходишь-ходишь, и телят надо напоить, коров накормить, постлать им, корма раздать. И после всего идешь домой, еле ноги волочишь, а в доме своя скотина. Приду, поплачу, погорюю, а жить надо»³⁶.

Во многих областях СССР ответ на тяжелую сельскую жизнь выражался в отъезде из деревни. И мужчины, и женщины искали судьбу, отличную от их родителей, более высокий уровень жизни. Главная причина – неудовлетворительные условия сельскохозяйственного труда.

Именно из тех отраслей сельского хозяйства, где применение ручного труда было максимально, отток кадров был самым высоким. Социологи констатировали: существовавшее разделение труда между мужчинами и женщинами в сельском хозяйстве ограничивало производственную деятельность женщин-колхозниц, что способствовало возрастанию удовлетво-

---

³³ Михайлок В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970. С. 121.

³⁴ Проблемы деревни и города. Таллинн. 1979. Т. 2. С. 105.

³⁵ Литературная газета. 1979. 17 января.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 34. Л. 17.

ренности работой, снижению производительности труда и противопоставляло их интересы интересам всего общества³⁷.

Анализ планов выпускников сельских школ показывал, что девушки, считая невозможным работать в деревне в механизированном производстве, не связывали дальнейшую жизнь с селом. В стремлении покинуть дом и учиться и жить в городе их поддерживали родители, особенно матери. Они не хотели, чтобы дочь осталась в деревне и повторила их судьбу. Стремление матери отправить дочь в город связано не только с желанием видеть в ней квалифицированного специалиста: инженера, врача или другого дипломированного профессионала, но и отражало собственную неудовлетворенность своим трудом и жизнью:

«Мы с отцом всю жизнь в навозе да в грязи возились, так пусть хоть Зина другой работой занимается. Нечего ей в деревне делать. А захочет, мы не против. Вот в конторе пусть сидит. На бухгалтера выучится и пожалуйста... Да что ж, я ее даром столько лет учила, кормила, одевала? Она у меня и сама не знает, что ей надо. А в навозе да грязи ей возиться нечего» (из высказываний матери Зины Лохмыткиной, выпускницы Верхнетойдинской школы Анненского района Воронежской области. 1977 г.). Это мнение достаточно типично для женщин-матерей, занимавшихся неквалифицированным сельскохозяйственным трудом³⁸.

Миграционная волна уносила миллионы сельских жителей. За 1959-78 гг. город ежегодно принимал в среднем 1,5 млн. селян. В 1979-88 гг. отток сельских жителей составил 900 тыс. в год, большинство – молодые люди. До 1970-х гг. основные мигранты – мужчины, в последующий период – женщины. Статистика зафиксировала: до 60% покидающей сельскую местность молодежи составляли девушки³⁹.

Разделение труда в аграрном секторе во многих областях привело к демографическому дисбалансу в трудоспособном населении моложе 30-ти лет. Число не состоявших в браке молодых мужчин намного превышало эту категорию женщин, что затрудняло сохранение устойчивой рабочей силы в механизированном звене колхозов. По статистике на 1 тыс. мужчин

---

³⁷ Bridger S. Op. cit. P. 279-280, 289-290.

³⁸ Молодой коммунист. 1977. № 9. С. 86.

³⁹ Вестник статистики. 1991. № 8.С. 52; 1992. № 1. С. 10; Комсомольская правда. 1989. 23 февраля.

в возрасте 20-39 лет, проживавших в сельской местности в 1989 г., приходилось только 886 женщин того же возраста (против соответственно 911 в 1979 г. и 973 в 1970 г.). Почти 50 административных территорий России фиксировали снижение доли молодых женщин на протяжении 1970-80-х гг. В результате на 1 тыс. неженатых сельских мужчин в возрасте 20-39 лет приходилось в 2, в некоторых областях Нечерноземья – в 3 раза меньше незамужних женщин⁴⁰. «Проблема невест» настолько обострилась, что местное районное и колхозное руководство было вынуждено улучшать условия труда женщин, стремясь удержать их от отъезда в город. Заведующий отделом охраны труда ЦК профсоюза работников сельского хозяйства В.И. Орлов подчеркивал:

«Уже несколько лет ВЦСПС ежегодно проводит общесоюзный смотр условий труда, быта и отдыха трудящихся. И каждый раз выявляется закономерность: там, где на местах четко выполняют указания правительства о более широком привлечении женщин к квалифицированному труду в сельском хозяйстве, о создании хороших условий для них, там проблемы, как правило, решаются успешно»⁴¹.

Высокий уровень миграции женщин в отдельных районах поставил под сомнение существование многих деревень, повлек за собой их запустение. При отсутствии детских учреждений, школ, торговой сети, медицинского обслуживания женщины отказывались оставаться в деревне. Но главным по-прежнему оставалось требование квалифицированной работы.

Привлечь молодежь в сельское хозяйство пытались путем организации промышленных предприятий в деревне, где преобладал механизированный труд. Некоторые колхозы и совхозы развернули у себя разведение пушного зверя, пчеловодство, с последующим производством мехов и меда. Иные восстанавливали традиционные ремесла на коммерческой основе: плетение кружев, вышивку и т.п. В определенной степени это решало проблему женской занятости. Но здесь нарушался принцип равного участия женщин в сельскохозяйственном производстве. Большинство руководителей хозяйств считали только мужчин главными трудовыми ресурсами деревни. Для них женщи-

---

⁴⁰ Вестник статистики. 1991. № 7. С. 21; 1992. № 1. С. 15.

⁴¹ Крестьянка. 1978. № 8. С. 12.

на в механизированном производстве могла быть лишь редким исключением. Правительственные кампании, направленные на привлечение молодых женщин в механизированные отрасли сельского хозяйства, не принесли ожидаемого результата. Эти акции не поддерживало и деревенское общественное мнение. Пресса двойственно пропагандировала такие начинания: с одной стороны красочно описывались примеры труда женщин-механизаторов, с другой – указывалось на главное место женщины, семьи. Маловероятно, чтобы удалось достичь серьезного прогресса в достижении равных возможностей мужчин и женщин, занятых в сельском хозяйстве, пока повышение рождаемости оставалось приоритетом государственной политики.

Для большинства сельских женщин неравенство с мужчинами – констатируемый факт жизни: в семье, на производстве. Лишь в принятии огромных усилий государства для совершенствования системы производства, где была бы ликвидирована дискриминация женщин, тысячи селянок видели единственный выход в решении проблемы миграции из деревни в город.

Советское законодательство стояло на страже интересов государства. Но в условиях советской системы были предусмотрены высокие социальные гарантии, к которым с середины 1960-х гг. было присоединено и колхозное крестьянство. Занимавшие двойственную позицию профсоюзы между государством и трудящимися, как правило, выступали на стороне «сильного», хотя призваны были отстаивать интересы «слабого». А деревня жила своей отдельной жизнью, изредка нарушаемой разного рода общественными событиями, главными из которых были партийные собрания, нередко сводившиеся к анализу семейных конфликтов и жалоб оставленных мужьями жен. В конфликтных ситуациях, как правило, общественность обвиняла только женщину, и вся строгость осуждения направлялась на нее, вплоть до «лишения ее прав материнства», «исключения из членов сельхозартели», «выселения из деревни». Колхозные партийные собрания в составе 10-20 человек надолго становились предметом обсуждения деревни, а «персоналии» – главны-

ми действующими лицами всей округи⁴². Замкнутость деревенского пространства служила препятствием к поиску любимого человека, но не останавливала выбор на имевшихся молодых людях. Уходили в прошлое времена, когда в условиях послевоенной деревни женщины были рады любому жениху.

«Пожились мы с мужем в феврале 1955 г. Приехал он из соседней деревни за другой девушкой, но она отказалась выйти за него. Ему друг посоветовал меня. Вызвали меня из клуба на улицу. Ночь была темная. Сделали предложение. И я, представьте себе, зная о характере жениха и о его добрых качествах только со слов людей, сразу согласилась», – без сожаления вспоминала сельская жительница из Сибири⁴³.

Романтическая любовь становилась главным условием для заключения брака и в городе, и в деревне. Но идеального спутника жизни мужчины и женщины представляли по-разному. Для мужчины это была женщина с низким уровнем образования, занятая на неквалифицированной или малоквалифицированной работе, либо служащая с двумя-тремя детьми и при этом с высоким уровнем дохода. Женщины моделировали образ спутника жизни тоже с высоким уровнем дохода, но со средним или средним специальным образованием и одним или двумя детьми. Одинаковыми оказались требования к материальному обеспечению семьи и наличию детей, но мужчина склонялся к более низкому социальному статусу жены по сравнению со своим положением. Мужчины и женщины в подавляющем большинстве отдавали приоритет семье и семейным отношениям⁴⁴. Специфика сельской семьи состояла в большей устойчивости брака, большем количестве детей, совместном проживании с родителями.

Конфликт и развод в сельской семье, как правило, был связан с пьянством супруга, применением насилия в отношении жены и детей. Деревня всегда была на стороне обиженных

---

⁴² Денисова Л.Н. Женщина и власть: исторический аспект // Российское общество и власть в XX веке. М.- Рязань., 2003. С. 217-236; ВОАНПИ. Ф. 3646. Оп. 1. Д. 8. Л. 22-24; Ф. 6754. Оп. 1. Д. 70. Л. 85-86 об., Ф. 8774. Оп. 1. Д. 33. Л. 15-17.

⁴³ Крестьянка. 1981. № 10. С. 26-27.

⁴⁴ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48-49.

и всеми средствами боролась за их права, обращаясь к руководству, предлагая выселять злостных пьяниц и дебоширов, а торговые точки спиртным ликвидировать. Из Курской области в 1965 г. журнал «Работница» получил коллективное письмо от колхозниц. Они писали:

«Помогите остановить пьянство! Наши семьи кричат «караул». Мы требуем: 1.Выселять пьяниц, заставляя их работать и часть заработка отдавать семье. 2.Предоставлять право развода женам пьяниц бесплатно и без согласия мужей. 3.Если семья живет в собственном доме, лишать пьяниц права надела, оставлять дом жене, воспитывающей детей. 4.Из квартиры также выселять этих дебоширов и пьяниц, оставляя жилплощадь жене и детям или родителям»⁴⁵.

Социологические опросы показывали, что больше половины женщин (64%) видели выход в немедленном разводе с пьяницей и дебоширом, каждая седьмая даже считала, что его следует убить⁴⁶. Однако не все крестьянки были столь радикальны в отношении пьющего мужа, иные считали так::

«Некоторые женщины говорят про своих мужиков: “Он такой сякой, он пьет, буду с ним разводиться”. А я так рассуждаю – да, он пьет, да, в семье не ладится на этой почве. Ну и пусть! Ведь он – мужчина в доме. Ведь не всегда ж он пьет. Когда-то он ведь и трезвый ходит! Он иногда и зарплату приносит. Так что не надо мужиками разбрасываться, – в мужиках тоже польза есть»⁴⁷. Такое мнение в 2000 г. разделяли до 6% опрошенных женщин⁴⁸.

Проституция, распространившаяся в городе, особенно в 1990-е гг., оказалась родом из провинциальных городов и части деревень. Для сельской местности такое явление было новым. Но, познав его, деревня всеми средствами стала бороться за воспитание в детях большей ответственности за брак, семью, детей и начинала это со своей собственной семьи.

---

⁴⁵ Российский Государственный Архив Новейшей Истории (РГА-НИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 217. Л. 12.

⁴⁶ Аргументы и факты. 2000. № 37. С. 17.

⁴⁷ *Виноградский В., Виноградская О., Никулин А., Фадеева О.* История сельской женщины: семья, хозяйство, бюджет // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 235.

⁴⁸ Аргументы и факты. 2000. № 37. С. 17.

Для большинства сельских женщин главным смыслом жизни были семья и дети. Сельские мужчины были менее склонны прибегать к разводу при возникновении нового чувства. С их мнением были согласны и большинство замужних женщин, предпочитая личному счастью ответственность за детей в прежнем браке, несмотря на переживания и страдания⁴⁹.

«Встретились мы на поле, вроде пожилой человек, сошел с трактора, попросил попить воды, только и всего. А он влюбился. Стал ходить за мной по пятам. У нас же есть семьи. Разговоры пошли по всему поселку. Скрывать не стану, мужа я своего не люблю. Наверное, это не любовь была, а просто жалость, когда мы решили соединить наши жизни. А теперь мне деваться некуда, ради детей жить надо. Мне подруги советовали: поживешь, привыкнешь, полюбишь. Нет! Сердце болит и любит другого! Как быть, кто виноват? Неужели тот знойный июльский день и тот глоток воды?», – так романтично писала в журнал «Крестьянка» сельская жительница в 1982 г.⁵⁰

Способствовала сохранению брака и компактность сельского расселения, где жители хорошо знакомы, а общественное мнение было за сохранение семьи, за очень редким исключением при веских причинах. Любовь среди них не значилась.

Меры, принимаемые на государственном уровне, способствовали, особенно в 1970-80-е гг., повышению рождаемости. При этом нельзя не учесть, что здоровье селянок вследствие тяжелого сельскохозяйственного труда было подорвано. 40% тружениц сельского хозяйства оценили условия своего труда как неудовлетворительные⁵¹. Ухудшали здоровье плохие медицинские условия, а также аборт, часто сделанные не в условиях больницы. Продолжительность жизни крестьянки была ниже, чем у горожанки. Смертность трудоспособных женщин на селе была выше, чем у горожанок на 17%. У сельских женщин, умерших в трудоспособном возрасте, на первом месте среди причин оставались болезни системы кровообращения⁵². Тяжелый физический труд в сельскохозяйственном производстве оставался первопричиной серьезных недугов. Согласно

---

⁴⁹ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 72.

⁵⁰ Крестьянка. 1982. № 1. С. 29.

⁵¹ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53.

⁵² Там же. 1991. № 7. С. 25, 29; 1992. № 1. С. 13-14.

результатам опроса треть сельских женщин в возрасте от 40 до 60 лет имели заболевания, связанные с трудовой деятельностью⁵³. Одна из колхозниц рассказывала:

«Я 14 лет отработала дояркой в нашем колхозе. Условия работы были очень тяжелые, ручной труд. Я совсем потеряла здоровье, у меня нет больше сил доить, болят руки. Мне не дают работать там, где я еще могла бы трудиться, посылают опять дояркой. За прошлый год дали мне штраф 58 руб., не дали отпускных. Все эти кары я терплю за то, что по состоянию здоровья не могу работать дояркой. Мне уже 52 года, я ведь скоро должна идти на заслуженный отдых и отдоила бы эти три года, но не могу, у меня отказали руки. Скотный двор у нас весь дырявый, скот стоит почти что на улице»⁵⁴.

Время досуга, как правило, было отдано детям, отдыху в домашнем кругу, просмотру телепередач, чтению, посещению клуба. Культурный вакуум заполнялся традиционным посещением церкви и обращением к религии. Крестьянки были наиболее активны при открытии церкви, состояли в «двадцатках», держали оборону при закрытии храма, отстаивая конституционное право на свободу вероисповедания. В условиях деревенской изолированности общение в церковные праздники становилось неотъемлемой частью жизни. Однако главный смысл жизни крестьянка искала в своей семье, среди детей и родственников.

Деревня сохраняла свой статус до тех пор, пока в ней оставались крестьянки. Она жила и работала. Исчезновение российской деревни напрямую связано с оттоком сельских женщин. Возрождение деревни может начаться с притока в нее прежде всего женского населения. Об этом говорит советская история, на это указывает и современный опыт.

Постсоветские перемены вновь вернули проблемы равенства и занятости женщин, в том числе в аграрной сфере. Критикуемая в советский период сверхзанятость, в современном обществе ностальгически вспоминается, усиливая желание получить любую работу. Пришедшая вместе с реформированием экономики безработица в первую очередь коснулась женщин. Их оказалось свыше 60% среди официально зарегистрирован-

---

⁵³ Там же. 1991. № 2. С. 56.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 59. Л. 4-5.

ных безработных. Вполне оправдана оценка экономистами и юристами этого социального явления как безработицы с «женским лицом»⁵⁵. Итоги массовых опросов работающего населения на протяжении первой половины 1990-х гг. показали, что четыре пятых респондентов воспринимали безработицу как реальную угрозу: 80% женщин считали, что безработица коснется их в первую очередь⁵⁶.

В полосу реформ село почти повсеместно вошло с потребностями в дополнительной рабочей силе. В 1990-е гг. по сравнению с городом сельская безработица росла более быстрыми темпами. Если в начале 1990-х гг. ее среднероссийский уровень составлял не более 2,5%, то к 1998 г. в 90% субъектах Российской Федерации уровень сельской безработицы превысил критическую отметку, составляющую по данным ООН 10%. В 19 регионах России уровень безработицы на селе превысил критический более чем в 2 раза.

В сельской местности России общая безработица в 1999 г. достигла 19% против 11% в городе. На селе она приобрела устойчивый характер. Даже среди зарегистрированных безработных удельный вес не работавших свыше 8 месяцев достигал 45%. В составе сельских безработных преобладали женщины – 64%, из них 27% имели высшее и среднее специальное образование. На долю молодежи приходилось до трети сельских безработных⁵⁷. При переходе к рыночной экономике социальное положение женщин не улучшилось. Средний возраст безработной женщины во второй половине 1990-х гг. был 34-35 лет, часто с хорошим образованием, половина женщин имели несовершеннолетних детей. Свыше половины женщин потеряли

---

⁵⁵ Семья в Российской Федерации. Госкомстат РФ. М., 1994. С. 236; Рабочая сила на рынке труда в 1994 г.: Стат. бюллетень ФСЗР. Отдел статистики занятости. М., 1995. С. 35; Рынок труда в России в январе-июне 1994 года. ФСЗР. М., 1994. Т. 3. С. 5, 71, 102; *Груздева Е.Б.* Женская безработица в России (1991-1994 гг.) М., 1995. С. 6; *Карелова Г.Н.* Женщина обновляющейся России: Опыт реализации гендерного подхода. М., 1997. С. 67; *Денисова М.А.* Правовое регулирование труда женщин в Российской Федерации. М., 1998 С. 4.

⁵⁶ *Груздева Е.Б.* Указ. соч. С. 7-8, 26-27.

⁵⁷ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2000. С. 16-17.

работу по сокращению штата. В итоге 53% семей находились за гранью бедности⁵⁸.

Больше всего удручало безработных женщин ухудшение материального положения (71% опрошенных ВЦИОМ), 28% – резкая ломка привычного образа жизни, 26% – потеря чувства собственного достоинства, 17% – опасность потерять квалификацию, 7% – утрата престижа, уважения в глазах окружающих⁵⁹. Типичные высказывания безработных женщин: «Осталась за бортом, ненужным человеком... И больно, и горько, и обидно» и «Я осталась без работы. Состояние ужасное. У меня ощущение, что я вылетела из жизни»⁶⁰. Социологи констатировали: две трети женщин в 1995 г. отрицательно отнеслись к реформированию российской экономики, спокойное и уравновешенное отношение к реформам отмечала каждая третья (среди мужчин мнения разделились примерно поровну)⁶¹. Они вновь оказались в привилегированном положении: и при сокращении штата, и при назначении на новые должности интересы мужчин учитывались в первую очередь. Это было тем более актуально в условиях изолированности сельской жизни, стабильной безработицы и отсутствии государственной социальной защиты.

Более чем полувековой путь, пройденный крестьянством в рамках советской колхозно-совхозной системы, был поставлен под сомнение, сметен реформами, а сельские жители были сориентированы на новую жизнь. Вне зависимости от правильности избранного правительством реформирования деревни, она оказалась к ней не готова – материально и психологически. Многим реформы были и ненужны, и непонятны. Огромные просчеты государственной аграрной и социальной политики усугубили ситуацию в деревне, внесли трудности в ее жизнь, для многих непреодолимые. Объективно осознавая, что путь развития села лежит через радикальные реформы, субъек-

---

⁵⁸ Груздева Е.Б. Указ. соч. С. 29-30, 34.

⁵⁹ Там же. С. 56.

⁶⁰ Там же. С. 56, 61.

⁶¹ Тихонова В.И. Модель устойчивого развития и социально-экономическая роль (положение) женщин в России // Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию (опыт гендерного подхода). М., 1997. С. 55.

тивно не все сельские жители могли участвовать в этих новациях в силу возраста, здоровья, семейного положения. А социальных гарантий и стабильной зарплаты больше не было. И первыми пострадавшими – безработными, и первыми хорошими организаторами индивидуального хозяйства явились женщины. Женщина стала и реальной главой семьи, моральной и финансовой опорой и основной трудовой силой в личном подсобном хозяйстве. Именно оно обеспечивало тот невысокий прожиточный минимум и позволяло посредством торговли сельскохозяйственными продуктами пополнять денежную часть бюджета, которая, прежде всего, шла на лечение и образование детей.

Успех аграрных реформ в России зависит не столько от нового, демократического и понятного в деревне законодательства, сколько от принятия изменений селом. Селом, где по объективным и субъективным причинам главной трудящейся и общественной силой стала женщина. Женское население, как показывает Всероссийская перепись населения 2002 г., преобладает численно, что создает трудовые ресурсы, и в средних, и старших возрастных группах, что формирует общественное настроение в деревне.

Государство должно считаться с мнением сельского большинства, и только убедив крестьянок в целесообразности и благополучных перспективах для их деревни, их семьи, а не вообще сельского хозяйства и населения страны, можно рассчитывать на кардинальный сдвиг в реформировании. Ведь женщины в деревне по-прежнему остаются «большой силой» и свои властные полномочия – в труде, в обществе, в семье держат в своих руках!

М.Э. Курилов

О ритуально-обрядовом характере женской агонистики в классической Спарте

В основании древнегреческой культуры заложена важнейшая по значимости составляющая – агон (ἀγών). Не случайно культура эта с полным на то основанием именуется, благодаря проницательности Якоба Буркхарда, агонистической, или же состязательной¹. Действительно, принцип агона играл едва ли не определяющую роль в жизни античных греков, поскольку пронизывал буквально все сферы их деятельности: войну, политику, торговлю, искусство, религию и занятия спортом. Весьма ярко состязательность проявлялась в религиозных празднествах, на которых культовая обрядность органическим образом соединялась с поэзией, декламацией, музыкой и выступлениями атлетов. Далеко не последнюю роль играла состязательность атлетическая². Не случайно «агональный дух» эллинской цивилизации получил наиболее концентрированное и наглядное выражение в сфере мужской атлетики. Но замужние женщины не могли даже присутствовать на панэллинских атлетических агонах в качестве зрителей, к участию в них гречанки также не допускались³. Хотя следовало бы

---

¹ Об агональной теории «греческого чуда» в новейшей отечественной историографии: *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. / Под ред. Л.Я. Жмудя. СПб., 2000 (особ. гл. II-III); *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 186-195; *Шанин Ю.В.* Олимпия. История античного атлетизма. СПб., 2001.

² О различии «спорта» и «атлетики»: *Суриков И.Е.* Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI-V вв. до н.э. // *Античность: общество и идеи: Сб. статей.* Казань: КГУ, 2001. С. 257-258.

³ Так, о каких-то девушках (участницах Герей?), приглашаемых смотреть на состязания обнаженных бегунов, бегло упоминает только один небезызвестный перизгет (Paus. VI. 20, 9); исключение на празд-

иметь в виду, что, кроме общегреческих, практически в каждом отдельно взятом полисном государстве существовали и религиозные праздники сугубо локального значения, призванные выявить победителей в тех или иных видах атлетических состязаний. Но и на этот счет отсутствуют какие-либо конкретные данные о существовании и степени развития женской агонистики в древней Греции. Известны лишь три примера непосредственной вовлеченности молодых гречанок в атлетическую агонистику, а именно – Олимпия, аттический Браврон и Спарта.

Праздник Геры, отмечавшийся в окрестностях Олимпии, сопровождался состязаниями в беге на короткую дистанцию (32 м) между элейскими девушками, разделенными на возрастные группы. Реорганизация этого праздника после 580 г. была осуществлена, по-видимому, с учетом политического и культурного влияния Спарты⁴. На Гереях участницы ритуала бежали с распущенными волосами, в коротких, не доходящих до колен, платьицах (κίτωνοι) с открытым правым плечом (Paus. V. 16, 3)⁵. Победительницы забегов получали в награду венки из Зевсовой

нике Зевса было сделано для жрицы Деметры Почиющей в земле. Вместе с тем, в различных источниках можно обнаружить интригующие факты, свидетельствующие о том, что состоятельные женщины, преимущественно спартанки, умели добиться впечатляющих успехов на олимпийском ипподроме (к олимпионикам относят царскую дочь Киниску (в 396 и 392 гг. до н.э.), Эврилеониду (в 368 г. до н.э.) и «других женщин, особенно из Лакедемона»): Xen. Ages. 9, 6; Paus. III. 8, 1; 15, 1 (τό ἥρωιον); 17, 6 (εἰκόν); V.12, 5; VI.1, 6; Plut. Ages. 20; IG V.1, 235 et 1564 a (=ABSA 15 [1908-1909] 86-87). В известном смысле продолжает служить в качестве хрестоматийного примера проступок матери потомственного атлета (Каллипатеры или Ференики), которая будто бы, презрев суровый устав, под видом учителя гимнастики проникла на стадион, но на радостях перемахнула через барьер, отделявший ее от олимпийской арены, и... обнаружила при этом свою половую принадлежность (ср. Paus. V.6, 7: сталкивать с горы уличенных в том, что прибыли на Олимпийские игры или даже только, если «в неуказанные для них дни переправились через реку Алфей»).

⁴ Scanlon T.F. *Virgineum Gymnasium: Spartan Females and Early Greek Athletics // The archaeology of the Olympics: The Olympics and other festivals in antiquity.* Univ. of Wisconsin press, 1988. P. 186, 206 et passim.

⁵ Cf.: *Serwint N. The female Athletic Costume at the Heraia and Prenuptial Initiations Rites // American journal of archaeology.* 97. 1993. 403 ff.

оливы и жертвенные части коровы, посвященной Гере, а некоторым из них, кроме того, позволялось подписывать свои статуи. За организацию забегов отвечали шестнадцать элейских женщин; они также занимались изготовлением одежды (*πέπλος*), в которую каждые четыре года облачалась статуя богини в Олимпийском Герейоне.

10-14-летние афинские «медведицы» (*ἄρκτοι*), церемониальные служительницы культа Артемиды Бравронии, облачались в укороченные хитоны, очевидно, для церемониального бега, а некоторые из них бывали и вовсе обнажены, о чем наглядно свидетельствует аттическая иконография⁶.

Цель воспитания девушек в Спарте VI – V вв. до н.э. формировал пресловутый этактизм, устремлённость предельно политизированного социума получить (в итоге осуществления системы физической подготовки) красивых и крепких женщин, способных к деторождению, а свидетельства литературной традиции об их наготы на публичных выступлениях могут послужить важным ключом к пониманию культового значения и «евгенической цели» лаконского атлетизма. На службу государству, жившему в соответствии с заповедями обожествленного потомками Ликурга, были поставлены не только доблесть гомеев (*ἀρετή*), но и потенциальная красота (здоровая прелесть) молодого женского тела, предуготованного к естественному воспроизводству⁷.

⁶ Scanlon. Op. cit. P. 186, 196-197, not. 6-7, 58.

⁷ Ἀρετή – «единство атлетического, воинского превосходства и особого героического благородства, трактуемого обычно как своего рода целостный кодекс чести» (Никитюк Е.В. К развитию представлений об идеальном человеке в греческой литературе V-IV вв. до н.э.:

Т. Сканлону удалось показать, опираясь преимущественно на археологические данные⁸, что женская атлетика в Спарте являлась составной частью обряда предбрачной инициации, а ее появление следует датировать временем между 560 и 530 гг. до

н.э. Анализ античной литературной традиции позволяет сделать вывод о том, что в классической Спарте существовали следующие виды женской физической тренировки: бег, борьба (в том числе панкратий и кулачный бой), метание диска и копья, танцы, а также разнообразные специфические упражнения вроде игры в мяч, упражнений с обручем, верховой езды и, наконец, *бибáсиса* (βιβάσις). Как отметил упомянутый исследователь, все известные специалистам женские атлетиче-

понятие и образ *kalos kagathos* у Ксенофонта // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1. № 2. 1994. С. 114). Идея мужественной красоты в спартанском понимании была неразрывно связана с понятием воинской доблести (cf.: Xen. Lac. pol. 10 et Luc. Salt. 12). Что касается сугубо женских добродетелей, то это, прежде остального, скромность (Luc. Salt. 12), а также стыдливость и сдержанность (Xen. Lac. pol. 1, 5-6; Plut. Lys. 14, 7: αἰδοῦς μὲν παροῦσης, ἀκρασίας δ' ἀποῦσης), к тому же Павсаний прямо говорит, что видел статую «Стыдливости» в 30-ти стадиях от городских пределов Спарты (Paus. III. 20, 10: τὸ δὲ ἄγαλμα τῆς Αἰδοῦς). Об исконно патриархальном и моногамном характере семьи, о двух различных видах «мужского шовинизма» во взглядах на женщину, её социальном темпераменте и свободе (строптивости, необузданности нрава): Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44-62.

⁸ В статье были учтены в общей сложности 26 музейных артефакта, среди них как ручки от бронзовых наградных зеркал (танцовщицы, нагие либо в одних передниках-диадзомах), так и отдельные статуэтки бегуний (в хитонах), из которых восемь – собственно лаконского происхождения, два происходят из других местностей юга Греции, три – из районов, расположенных севернее Пелопоннеса, по два – из Ионии и Италии, а также девять – неизвестного происхождения.

⁹ Подпрыгивания в некоторых танцах молодежи обоих полов, сопровождавшиеся подсчетами хлопков от ударов ступней об ягодицы (Pollux. Onom. 4. 102, 1, p. 231 [Bethe]; Aristoph. Lys. 78-84, 1308-1313).

ские агоны архаической эпохи в истории Греции (на Гереях в Олимпии, в аттическом Бравроне и Спарте) с необходимостью сопровождались сакральным антуражем, а участие в них было ограничено незамужней молодежью, причем существование систематической физической подготовки девушек прослеживается исключительно на спартанском материале¹⁰.

Между тем, главнейшая женская добродетель в бытовом сознании человека античности определялась этической нормой следующего содержания: на людях быть как можно менее заметной¹¹. О неравноправном положении древнегреческой женщины принято судить хотя бы со слов одного знаменитого афинского политика, супруга бывшей гетеры, советовавшего женам своих сограждан жить незаметнее, – так, чтобы мужчины поменьше думали о них (Thuc. II. 45, 2). Девочек тогда почти что все греки старались содержать в строгом отдалении от окружающего мира, обучая их преимущественно рукоделию и другому домашнему труду¹².

Со слов одного «совершенного человека», ставшего супругом той «совсем молоденькой девочки», которой «не было ещё и 15-ти лет», его избранница «видела и слышала обо всем так мало, как только возможно», и жила до замужества «под строгим присмотром своих родителей, чтобы возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить... умела сделать плащ из шерсти, которую ей дадут, и видела, как раздают пряжу служанкам... она была уже превосходно приучена к умеренности (в еде)...» (Xen. Oec. 3, 13; 7, 5; пер. С.И. Соболевского).

«Духовный горизонт» при таких условиях был предельно сужен, потому обычные женщины и супруги считались мало-

---

¹⁰ Scanlon. Op. cit. P. 185-191; Hodkinson S. An agonistic culture? Athletic competition in archaic and classical Spartan society // Sparta: New Perspectives / Ed. by S. Hodkinson, A. Powell. L., 1999. P. 150-151.

¹¹ См.: Свенцицкая И.С. Греческая женщина античной эпохи: путь к независимости. Женщины в Афинах в V-IV вв. до н.э. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 74-102.

¹² Cf.: Xen. Lac. pol. 1, 3-4 et 9, 5. О зависимости между поведением женщины и расцветом полисного государства: Arist. Pol. 1269b, 17 et 22; 1270a, 5 sqq. (чем вольготнее социальное положение женщины, тем пагубнее это сказывается на конституционном устройстве).

привлекательными для мужчин, гораздо больше тяготевших к блестяще образованным гетерам. По убеждению античных авторов, только спартанкам была предоставлена «полная, поистине неженская свобода», поэтому их и прозвали «оголяющими бедра» (cf.: Plut. Lyc. et Num. synchr., 3 et Eur. Androm., 597-600).

Не слишком обремененная домашними заботами спартанская женщина «обладала достаточным досугом, что открывало перед ней возможности более или менее гармоничного развития ее личности, в других полисах считавшегося привилегией одних только мужчин»¹³. На примере древней Спарты обнаруживается отступление от общепринятых в эллинской среде принципов и норм патриархальной субординации, предполагавшей отношение к женщине как придатку семейного имущества. Конечный теоретический вывод, к которому приходит Ю.В. Андреев, однако, не выглядит столь же убедительным ввиду своей предельной категоричности. С точки зрения отечественного ученого, свобода женщины «представляет собой едва ли не самое парадоксальное порождение спартанского тоталитаризма и его милитаристской, предельно маскулинизированной культуры»¹⁴.

У беотийского поэта Пиндара, жившего в «эпоху расцвета», кажется, имелись все основания искренне восхищаться спартанскими «хороводными плясками, Музой и блистательной дев красою», а римские поэты Марк Валерий Марциал и Секст Проперций уже имели своеобразное представление об уровне развития и формах женской агонистики в Лакедемоне. Так, Марциал вспомнил «страстной Спарты дев бои в состязаньях в память Леды» (IV. 55, 6-7; пер. Н.И. Шатерникова), а Проперций в одной из своих элегий (III, 14) повел речь о спартанских гимназиях¹⁵, где посетительницы упражнялись с обру-

---

¹³ Андреев Ю.В. Эмансипация по-спартански // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 4 (здесь же содержится рассуждение о корнях данного «социального феномена»).

¹⁴ Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия. С. 62. (Резкость в суждениях, граничащая с субъективностью в оценках тех или иных явлений культурно-исторического ряда, проявляется в наклеивании ярлыков, заимствованных из политологических изысканий новейшего времени.)

¹⁵ Cf. Plat. Leg. 806a: о занятиях девушек гимнастикой и мусическим искусством.

чем, бросали диск, развлекались игрой в мяч, верховой ездой и псовой охотой в горах, не пренебрегали они также борьбой и панкратием. Отнюдь не хрупкая телом спартанка Лампито, введенная в число участниц комедии «Лисистрата», восхищает всех остальных греческих женщин своим внешним видом (прекрасной кожей, упругой грудью, развитой мускулатурой) и здоровым образом жизни далеко не случайно, ведь она находит время для занятий борьбой, прыжками и бегом (Aristoph. *Lys.*, 79-83). В этом перечне, как видно, совсем не осталось места для прядения шерсти, ткачества и других традиционно «женских занятий» (cf. Plat. *Leg.* 806a). Лампито, даже если судить только по факту ее участия в сексуальном бойкоте, была вполне зрелой и замужней женщиной. Современник Аристофана историк Ксенофонт охотно подтверждает: женский пол в Спарте «состязается в беге и крепости» с мужским полом (Xen. *Lac. pol.* 1, 4: δρόμου καὶ ἰσχυροῦ ἀγῶνας). Не меньшее значение, как оказывается, имеют слова и другого так называемого лаконофила Плутарха о спартанских девушках, активно занимающихся бегом, борьбой, метанием дисков и копий, принимающих участие в торжественных церемониях, вероятно, на июльском празднике, где они выступали нагими, танцевали и пели в присутствии молодых людей (Plut. *Lyc.* 14, 3-4). Обычай показываться во время торжественных процессий обнаженными объяснялся следующим образом:

«Чтобы девушки, следуя обычаям мужчин, нисколько не уступали им ни силой тела, ни здоровьем, ни твердостью души, ни честолюбием» (Plut. *Mor.* 227e,13; пер. М.Н. Ботвинника).

Атлетика, несомненно, являлась действенным средством воспитания социальных инстинктов, приобщала молодежь к участию в жизни гражданского коллектива; девушкам занятия гимнастикой и атлетикой прививали «чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, смелость и независимость»¹⁶.

Выступления девичьих хороводов происходили обычно на агоре, в той ее части, которая носила недвусмысленное наиме-

---

¹⁶ Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия. С. 51.

нование «Хор»¹⁷, причем юноши-эфебы посвящали тогда свои пляски Аполлону, а девушки предбрачного возраста – Латоне и Артемиде (Paus. III. 11, 9). Религиозные культы, по выражению Р. Паркера, служили своеобразным «фокусом национального единства», а исключительный объем вовлеченности молодежи в торжества, связанные с культами Артемиды и Аполлона, отражает пристальную общественную заботу о воспитании полноправных спартанских граждан¹⁸. На таких зрелищах присутствовало практически все городское население, сам же праздник «танцев молодежи в раздетом, или невооруженном, виде» считался в народе любимым. Спартанцы всерьез полагали, что подобные мероприятия были действенным «средством побуждения к браку», поэтому лишали всех неженатых мужчин права присутствовать на них. Считалось, что холостяки не повинуются действующим законам и подлежат наказанию в виде «атимии и других знаков бесчестия» (Plut. Lyc. 15, 1-2; Plut. Mor. 227, 14). Именно таким правом охотно пользовались многочисленные иноземцы и друзья Лакедемона (cf.: Hdt. VI. 57 et 67; IX. 73; Xen. Mem. I. 2, 61; Plut. Cim. 10, 5; Plut. Mor. 227e)¹⁹.

---

¹⁷ На особой оркестровой площадке, расположенной на северо-западном склоне акрополя, примыкавшем с севера к агоре (cf.: Plut. Ages. 29, 3; Xen. Hell. VI. 4, 16; Paus. III. 14,1 et *Karpodini-Dimitriadi E. The Peloponnese: A travelers guide to the sites, monuments and history.* Athens, 1981. P. 118). По мнению Андреева, *агора* не только могла служить местом для народных сходов и богослужений, но одновременно стадионом и оркестрой для игр и плясок молодежи, выполняя таким образом агональную функцию наряду с политической и религиозной (Андреев Ю.В. Раннегреческий полис // Античный мир и археология: Межвуз. сб. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 15).

¹⁸ Не случайно во всех трех главных торжествах (на Карнеях, Гимнопедиях и Гиакинфиях) именно молодежь играла ключевую роль (Parker R. *Spartan Religion // Classical Sparta: Techniques behind her success* / Ed. by A. Powell. L., 1989. P. 148-152).

¹⁹ Учтывая эстетическую значимость одного фрагмента из диалога Лукиана «О пляске», позволю себе привести его в переводе, заново отредактированном А.И. Зайцевым. «“Ожерелье” – это *совместная пляска* юношей и девушек, чередующихся в хороводе, который, действительно, напоминает ожерелье: ведет хоровод юноша, выполняющий сильные плясовые движения, – позднее они пригодятся ему на войне; за ним сле-

В XVIII идиллии Феокрита упомянуты культовые церемонии в честь Елены, сестры Диоскуров и Клитемнестры. Самое непосредственное участие в отправлении культа принимали девушки. Совершенно ясно, что «чаровница Елена» служила для них в качестве «ролевой модели»²⁰. Имеются основания говорить и о древнем, возможно, ахейском культе Елены Древесницы²¹. Ее ревностно почитали как архаическое божество растительности в виде священного платана, умащавшегося маслом и украшавшегося цветами, в местечке, что в пяти километрах к юго-востоку от спартанского акрополя (Theoc. Id. XVIII, 43). Здесь же, в Терапне, кроме роши, по соседству со святилищем Левкиппиды Фебы был расположен храм с ку-

---

дует девушка, поучающая женский пол вести хоровод благопристойно, и, таким образом, как бы сплетается цепь из скромности и доблести. Равным образом и празднество Гимнопедии в Спарте есть» наготы спартанских дев «не заключала в себе ничего дурного, ибо они сохраняли стыдливость и не знали распущенности» (Plut. Лус. 14, 7; пер. С.П. Маркиша). С точки зрения знатока лаконской культовой практики, танцы спартанцев были «благопристойными и страстными одновременно»; особой страстностью, по-видимому, отличались женские танцы, посвященные Артемиде и Дионису, который в Лакедемонне выступает, скорее, не как бог вина и мужского веселья, а как сугубо женское божество (Parker. Spartan Religion. P. 151: лакедемоняне не могли, подобно жителям Аттики, чтить Деметру, ввиду их известной отстраненности от ведения полевых работ).

²⁰ Scanlon. Op. cit. P. 187.

²¹ Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С. 74 (прим.), 222-223. Существовала известная близость, в определенном смысле слияние, некий синкретизм культов Елены, Селены (=Луны), Артемиды, Диоскуров и Левкиппид. Так, яйцо Леды, из которого появились на свет Гиндарида, сохранялось в храме Левкиппид (Paus. III. 16, 1). Павсаний (II. 22, 5) приводит имена сыновей Диоскуров и Левкиппид. Культ Елены обнаруживает известную близость к культу Артемиды, богини растительности и плодородия. Р. Грейвс назвал Елену «жрицей спартанской луны-богини», а Левкиппид – обладательницами лунных имен (одна из них, Гилайра – жрица Артемиды). Грейвс, обратив внимание на то, что братья Елены сопровождают лунную колесницу, с опорой на свидетельство Поллукса об Еленофориях (X. 191) сделал несколько поспешный вывод об оргиастическом характере спартанского культа Елены (Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992. С. 90, 163, 190, 202, 331).

миром Елены, общепризнанной патронессы женской красоты (Hdt. VI. 61, 3).

Священнодействия проводились в платановой роще под руководством двенадцати именитых дев (cf. Paus. IV. 16, 9; Plut. Lys. 18, 8). Эти предводительницы хоров, собиравшие вокруг себя многочисленных исполнительниц «девичьих песен»²², могли пользоваться помощью опытного кифареда (хородидаскала), ответственного за подготовку и проведение музыкальной части праздника. Комплектация хоровых групп производилась, главным образом, для «свершения священных обрядов», вместе с тем, молодые участницы культовой церемонии, по Феокриту (18. 22-25), проводили большую часть свободного времени на спортивной площадке, расположенной на речном берегу.

Один из праздников с участием спартанской молодежи был посвящен богине плодородия – Артемиде Орфии²³. Плутарх, кстати, упоминает о пляске Елены-девы на таком празднике (cf. Plut. Thes. 31 et Artox. 18), процедуру которого в полном объеме реконструировать пока не удастся. Из Ксенофонта и Плутарха также следует, что сакральная церемония включала своеобразный искупительный акт бичевания юношей, имевший целью умилоствление божества, «разгневанного похищением» вотивных сыров (cf. Xen. Lac. pol. 2, 9 et Plut. Arist. 17, 5). Затем появлялась процессия так называемых лидийцев, очевидно, идентичных уже прошедшим инициацию, – их окровавленные одежды обретали очистительную символику. Грозная богиня отныне воспринималась как исцелительница физических страданий для всех испытуемых, подвергшихся публи-

---

²² Численность хора определена поэтом в 240 участниц. В эту довольно значительную по величине исполнительскую группу, вероятно, входило около двадцати различных подразделений, находившихся под управлением запевал и представлявших собой отдельные музыкальные и гимнастические единицы, состоявшие в свою очередь из полухорий.

²³ О небольшой деревянной статуе богини, привезенной в Спарту из Крыма: Paus. III. 16, 7. Подробнее о «Восходящей», «Прямо стоящей» или «Направляющей к спасению» и ее храме в Лимнах: *Rose H.J. The cult of Artemis Orthia // The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta / Ed. by R.M. Dawkins. L., 1929. Ch. X.*

чной порке на алтаре (диамастигосис)²⁴. Заключительным ритуальным актом были торжественные хороводы девушек, приветствующих приход весны или осени и несущих изображения посвященных даров – лемехов и серпов – символических знаков природного роста и плодородия²⁵. Поэт Алкман, назвавший Орфию «восточной» богиней, упоминает о хороводной группе так называемых Пляяд, выступавших в пурпурных нарядах, «лидийских митрах» и со змеевидными золотыми браслетами на руках. Вполне вероятно, что чествование божества производилось дважды в год, поскольку заход созвездия Пляяд мог служить своеобразным указателем начала посевной страды, а их появление на небосводе знаменовало начало времени жатвы. Во времена Алкмана, назвавшего исполнителей парфениев «кузинами» (I, 53 Page), хороводные группы могли комплектоваться с учётом родовой принадлежности. А.И. Зайцев приводит мнения различных исследователей поэзии Алкмана относительно того, в какой именно форме проходили агоны на празднике Орфии. Так, с точки зрения Д.Л. Пейджа, девушки бежали друг с другом наперегонки; Б. Снелль и М. Уэст полагали, что ритуальных забегов могло и не быть, однако, проводился своеобразный конкурс естественной красоты участниц; М. Баура и Д. Кэмпбелл в свою очередь высказали мнение о публичной демонстрации девушками своего пения и пляски²⁶. Такие «священные обряды», сопровождавшиеся музыкальными и гимнастическими агонами, судя по всему, проводились в различных местах. Достоверно известно о ритуальных действиях в лаконских *Кариях*, посвященных Артемиде, Диоскурам и Елене (Luc. De Salt. 10; Paus. III. 10, 7; IV. 16, 9; Plut. *Artax.* 18, 3). Как отмечалось выше, обращает на себя внимание некая взаимосвязь только что перечисленных культов (cf. Paus.

---

²⁴ Cf.: Kennell N.M. The Gymnasium of Virtue: Education and Culture in Ancient Sparta. Chapel Hill & London. The Univ. of North Carolina Pr., 1995. App. 1 (“Testimonia on the Whipping Contest”).

²⁵ Χρήστου Χρ. Ἀθ. Ἀρχαῖα Σπάρτη. Σύντομος ὁδηγὸς γιὰ τὴν ἱστορία, τὰ μνημεῖα καὶ τὸ μουσεῖο τῆς Σπάρτης. Σπάρτη, 1960. Σ. 75-76. (Христу Х.А. Древняя Спарта: Краткий путеводитель по истории, памятникам и музею. На новогр. яз.)

²⁶ Зайцев. Культурный переворот. С. 189.

III. 20, 1). В пограничных с Мессенией Лимнах столь же регулярно отмечался праздник в честь местной Артемиды «Владычицы, или Девы, вод» (Strab. VI. 1, 6; VIII. 4, 9; Paus. III. 23, 10; IV. 4, 2). Состязания девушек проводились в платановой роще Терапны и возле капища Елены, Менелая, Фебы и Диоскуров (cf. Paus. III. 19, 9; 20, 1-2).

Что касается территории самой Спарты, то есть пространства «меж Бабиной и Кнакионом» (cf. Plut. Lys. 6, 3-4), здесь, как правило, каждая хороводная группа одновременно являлась ко-

командой агонистов, принимавших участие в отправлении того или иного религиозного культа, в том числе и всенародного значения (cf. Strab. VIII. 4, 9). Систематические женские агоны периодически проводились поблизости от храма Диониса Колонатского (Paus. III. 13, 7; 16, 7; Strab. VIII. 5, 1 et 3), кроме того — у храмов Артемиды Иссории и Левкиппид Гилаиры и Фебы, что в городских Лимнах (Strab.

VIII. 4, 9; 5, 1 et 3; Paus. III. 14, 2; 16, 1). Немногое известно об атлетических агонах так называемых Левкиппид и Дионисиад. Две жрицы Левкиппиды (по-видимому, замужние женщины) ткали одеяние (ὄ κτῶνος) для деревянной статуи Амиклейского бога и следили за обрядовыми забегами 11-ти Дионисиад, предписанными оракулом Аполлона и имевшими значение возрастной инициации. По мнению Т. Сканлона, десять девушек-бегуний (служительниц культа Диониса?) должны были преследовать одну, в соответствии с тем, как это было заведено на всенародном спартанском празднике Аполлона Карнейского²⁷.

²⁷ На главном празднике урожая, Карнеях, проводились музыкальные и атлетические агоны обычного типа, в частности, тут состязались неженатые мужчины, «бегуны виноградной лозы/грозди» (*стафилодромы* и *карнеаты*), пытавшиеся догнать одного юношу. Если пятеро преследователей из одной группы, или команды участников агона, ловили проворного беглеца, это считалось добрым предзнаменованием, если же нет, будущее членам спартанской общины представлялось мрачным и неопределенным.

Обращает на себя внимание широкое распространение женских агонов, которые проводились как в самом полисе, так и на территории его хоры. Многочисленные атлетические состязания молодых спартанок представляются реликтом древнейших обрядов половозрастной и предбрачной инициации.

Иллюстрации:

1. Бронзовая статуэтка бегущей девушки в дорийском хитоне. 550 – 500 гг. до н. э. Выс. 11 см. Афины. Национальный музей.

«Спартанок зовут “оголяющими бёдра”... И в самом деле, полы девичьего хитона не были сшиты снизу, а потому при ходьбе распахивались и обнажали всё бедро» (Plut. Lyc. et Num. Sync., 3). (Cf.: Plut. Lyc. 14, 3; Xen. Lac. pol. 1,4; Paus. III. 13, 7; Aristoph. Lys. 78-83; Eur. Andr. 595-602; Critias DK2 fr. 32; Plat. Rep. 458 d; Teocr. Id. 18; Philostr. Gymn. 27)

2. Танцующая спартанская девушка. Мраморный рельеф из храма Артемиды Орфии. Берлин, Staatliche Museen (из кн.: Suetonius. The Twelve Caesars. Trans. by R. Graves. An Illustrated Ed. Pinguin Books Ltd., Harmondsworth, Middlesex, England. 1984. P. 56, pl. 2.)

3. Статуэтка бегущей спартанской девушки, приподнимающей подол своего хитона левой рукой для облегчения движения. Британский музей (отдел «Бронзы», инв. № 208). Ок. 540 г. до н. э.

А.Г. Суприянович

Слезы Рыцаря: штрихи к представлениям о мужественности в средневековых рыцарских романах

Нет рыцаря и нет барона там,
Чтоб в грудь себя не бил и не рыдал.
Без чувств от горя многие лежат.

Песнь о Роланде

Не только профессиональный историк, но и любой читатель, хоть раз в жизни заглянувший в средневековое повествование о рыцарях, знает, что мужественный герой, украдкой смахивающий скучную слезу – не более чем плод современного воображения и нововременных представлений о рыцарстве. Образец доблести Роланд должен был немало времени потратить на орошение слезами ущелья Ронсенвальда, пока не помянул всех своих пэров; Карл Великий, стеноя, проливал реки слез и даже неоднократно падал в обморок (впрочем, как и его доблестная рать). Так и представляешь горы тел плакальщиков, распластавшихся на поле брани...¹

Легко возразить, что в отличие от реальной ситуации, это лишь литературные образы, более того, сами сюжеты предполагают пролитие потоков слез, поскольку описывают драматические переживания героев. Не забудем и о топосах для выражения печали. Но в то же время эти образы воплощают представления современников о том, как следовало вести себя настоящему рыцарю, и если не задают поведенческие образцы, то отражают существовавшие стереотипные представления о мужественности (даже если реально они и не выдерживались современниками).

Как ни странно с современной точки зрения это выглядит, но средневековые рыцари плакали, навзрыд, прилюдно и, если верить источникам, очень любили это делать. Оче-

---

¹ См. La Chanson de Roland // Bibliotheca Augustana: Internet site. Русскоязычный перевод далее цит. по: Песнь о Роланде / Пер. Ю.Корнеева // Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976.

видно, средневековые представления о мужественности значительно отличаются от того, что мы о них думаем. Как минимум тем, что предполагали открытое изъявление чувств и эмоций, более того, выставление их напоказ, при условии облечения в достойную форму.

Попытки объяснить этот примечательный факт повышенной эмоциональностью средневековых людей уже давно никого не убеждают². Адепты социальной истории наработали немалый материал о том, какие чувства выставлялись напоказ и почему, какие, наоборот, скрывались, чем это объяснялось, в какой форме и случаях они репрезентировались на публику. Нас интересует другой аспект проблемы – как соотносится с проявлениями слабости (в современном понимании), в частности со слезами, представление о мужественности в средневековой литературе, как и когда оно трансформируется.

Рассмотрим ситуации, в которых рыцари демонстрируют неприличную, в нашем понимании, слезливость.

Слезы – неизбежный атрибут влюбленного. Пожалуй, это один из наиболее распространенных в средневековой литературе видов мужского плача, и наиболее интересный, поскольку именно он меньше всего совпадает с нашими представлениями о мужественности. Плач от разлуки с любимой – общее место. Редкий рыцарский роман обходится без этого, а для некоторых он составляет основу сюжета. Рассказ строится вокруг разрешения ситуации, призванной, надо думать, вызвать слезы у читателя, и весь роман (например, «Окассен и Николетта») наполнен плачем и стенаниями от разлуки. Стоны и причитания при этом ничуть не мешают рыцарю проявлять необходимые признаки маскулинности и быть мужественным воином. Не только юный Окассен, но и закаленные в боях герои, такие как Ивейн, не прочь уронить слезу по поводу предмета обожания. На протяжении всего приключения со львом Ивейн «с трудом подавлял ры-

---

² В свое время подобное объяснение предложил такой авторитет, как Й.Хейзинга. См.: *Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах.* М., 1988. С. 12-13.

данья... и слезы сдерживал с трудом». Кретъен де Труа находит, видимо, что следующая характеристика героя не умаляет его мужественности: «Ивейна скорбь одолевает, наш рыцарь слезы проливает / Mesir Yvain plore et sospire, si fort s'a raines³» (v.2579-2580). Его слезы – признак душевной раны и поскольку сама она не видна, то демонстрируется с помощью свидетельства боли. Хотя слезы и разрешительны, лучше их сдерживать и репрезентировать горе иным образом:

Ивейн в тоске, Ивейн в печали,
Какая пустота в груди.
Отправилось в дорогу тело,
А сердце в путь не захотело⁴.

Окружающие с пониманием относятся к такому поведению героя, более того, одобряют его, хотя и не во всех случаях.

Примечательно, что юная Николетта ставит на вид своему воздыхателю, что слезы ему не приличествуют. Впрочем, это не мешает ему продолжать ими заливаться⁵. Эта немаловажная ремарка свидетельствует, что, в принципе, отношение к плачущему мужчине далеко не было однозначным. По-видимому, подруга расценила слезы Окассена как проявление слабости, ведь они проливались в тот момент, когда необходимо было что-то предпринять. Осуждаются не слезы как таковые, а недееспособность воздыхателя, и девушке приходится самой решиться на поступок.

Ни один средневековый «любовный роман» не обойдется без потоков слез. Игра в fin'amour предполагает разные формы для выражения печали: можно терзаться и вздыхать от любви, можно тосковать без меры, содрогаться и рыдать, и даже падать в обморок. «Ах, Изольда», – восклицает

---

³ *Chretien de Troyes. Le Chevalier au Lion* // Université d'Ottawa. Faculté des Artes: Internet-site. Русскоязычный перевод здесь и далее цит. по: *Кретъен де Труа. Ивейн, или рыцарь со львом* / Пев. В.Микушевича // *Средневековый роман и повесть*. М., 1974. С. 88. Цитаты на языке мы приводим лишь в тех местах, где речь идет именно о слезах и важно отметить, что они не возникли в результате перевода.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ *Кретъен де Труа. Окассен и Николетта* // Там же. С. 239.

Тристан и теряет сознание, – так сильно страдает он от разлуки и любви. Именно обморок становится для его спутника яснейшим доказательством чувства, в результате чего Тристан идет под венец, правда, с Изольдой Белорукой, а не Белокурой. Такое сильное средство как обморок не только указывает на силу любви Тристана. Любовь к жене короля и дяди героя чревата серьезными нарушениями социальных отношений. К тоске от разлуки примешивается сильнейшее чувство вины.

Интересно, что демонстрировать печаль от разлуки с любимой достойно, а с матерью – слабость. Так, один из первых уроков по рыцарской этике, который получает Парцифаль – держать память о матери глубоко в сердце и не выказывать ее наружно. Его постоянные отсылки на советы матери воспринимаются окружающими как неумение себя вести⁶. Не странно ли это? Обнаруживать слабость перед любимой и прятать чувства в отношении человека, который скорее их поймет. Видимо, дело не в том, чтобы скрывать тоску от разлуки, а в том – с кем. В чем разница между печалью от расставания с матерью и с любимой женщиной? Видимо, демонстрация привязанности к матери обнаруживает инфантильность, зависимость, несамостоятельность, слабость духа, которые еще простительны мальчику, но не пристали настоящему мужчине-герою. В отношении же дамы слезы, наоборот, иллюстрируют как переход во взрослое состояние через обретение объекта любви, так и такие социально значимые качества как верность, искренность, преданность и т.п.⁷.

Но не во всех случаях горе от расставания с любимой должно выражаться с помощью слез. Существенна причина расставания. Громогласное выражение горя сопровождается

---

⁶ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Там же. С. 344.

⁷ Показательный пример того, что современники именно так могли воспринимать данную ситуацию, дает, как нам кажется, знаменитый Андрей Капеллан. В приведенных им примерах решений суда любви рассматривается случай юноши, претендовавшего на любовь дамы. Свои надежды он обосновывал именно возможностью нравственного усовершенствования (*morum probitatem assumere*). См. *Andreae Capellani. De amore libri III.* // *Bibliotheca Augustana: Internet site. Lib. 2. Cap. 7. 6:16.*

лишь достойные деяния, о них следует говорить вслух и желательнее во весь голос. Позор же прячут, ему пристало молчание. Но молчание очень выразительное, в подобных случаях от языка слов герои переходят к языку жестов и тела. С одной стороны, необходимость скрыть бесчестье и стыд демонстрируется побегом, с другой – это тоже прилюдная форма выражения страдания – все детали побега известны, окружающие переживают мельчайшие подробности душевного состояния героя. Чаще всего заинтересованные стороны вместе с читателем узнают о них через случайные встречи. Немые свидетельства мучений не могут не вызвать сострадание в глазах общества и публики. Все знают о превратностях, все ищут страдальца. Он, в свою очередь, красноречиво молчит, ведь оправдываться ему нечем. Он виноват и должен понести добровольное наказание. Репрезентация горя в этом случае – уже не только и не столько переживание разлуки, это выражение чувства вины, моральные страдания преступника. Горе требует выхода чувств и эмоций, но оправдаться нечем, слова неподобающи. От невозможности излить (исправить) горе происходит потеря рассудка.

Не в силах горя превозмочь,
Бежал наш рыцарь без оглядки.

.....
В нем вихрь жестокий бушевал.

Одежду рыцарь в клочья рвал.

Ткань дорогую раздирает,

Рассудок на бегу теряет.

Бежит в безумии бегом⁸.

О силе переживаемого чувства говорят крайние формы проявления отчаяния, такие как «слепое бешенство». Казалось бы, сотворенное нельзя исправить и отсутствие надежды на искупление лишает героя слов. Его печаль выражается в форме агрессии, направленной на самого себя.

Самонаказание не исчерпывается добровольным изгнанием, но также состоит в лишении себя благ цивилизации. Наказание себя превращается в наказание своего тела. В частности, это и разрывание на себе одежды, нагота, как лишение тела одежды и, соответственно, предоставление его хо-

---

⁸ *Кретъен де Труа. Ивейн... С. 92.*

лоду, зною, царапинам и всяческим неудобствам, вплоть до сна на сырой земле. Это также и питание сырым мясом или вообще голод и т.п. Невыразимое горе приводит героя к одичанию. Потеря разума свидетельствует о крайней степени отчаяния. Таким образом, тело репрезентирует состояние души. «Мы все безумствуем в печали», – устами Ивейна философически замечает по этому поводу автор⁹. Причина столь ужасного горя – нарушение куртуазного кодекса, худший из грехов – предательство, пусть и невольное, объекта поклонения. И опять, как в ситуации с Тристаном, не только боль разлуки терзает героя, но и чувство вины из-за нарушения социальных норм.

Итак, взаимоотношения с дамой являются важной составляющей образа рыцаря. В куртуазную эпоху он немислим без дамы, недаром само слово рыцарь приобрело соответствующую коннотацию. Тем не менее, женщина в средневековом романе чаще всего персонаж пассивный, не столько играющий самостоятельную роль, сколько служащий для демонстрации соответствующих качеств ее поклонника: его любящего, верного сердца, благородства, решительности, храбрости и вообще мужественности¹⁰. Соответственно должны и интерпретироваться слезы, проливаемые по данному поводу.

Репрезентация горя от расставания с возлюбленной сводится в итоге к двум ситуациям, предполагающим и разные формы проявления печали – расставание, вынужденное обстоятельствами, и добровольное изгнание. В первом случае плач выражает горе от разлуки, во втором – еще и моральные страдания из-за собственного проступка (нарушения кодекса чести), касающегося уже не только взаимоотношений с возлюбленной, но – шире – существующих социальных отношений. Собственно, именно совершение проступка (преступления) и становится причиной расставания. Соответственно усиливается и мера проявления горя: от

---

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Вспомним в этой связи концепцию Ж. Дюби, полагавшего, что отношения с дамой калькируют феодальные отношения. См.: *Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. 1990. С. 90-96.*

простого декларирования печали, что встречается чаще всего, и «формальных» слез, точнее, соответствующей топики, до безумства от горя и самонаказания.

В первом случае печаль и слезы служат собственно для демонстрации любви. Герои действуют согласно заветам известных теоретиков своего времени, начиная с Андрея Капеллана отождествлявших любовную страсть и страдание¹¹. Каким еще способом можно засвидетельствовать в глазах объекта воздыханий и окружающих свое чувство?

Что касается второго случая, то тут слезы говорят еще о (само)осуждении преступления и его искуплении. Раскаянья героя и наложенной в связи с этим епитимьи достаточно для искупления проступка. Окружающие стараются сгладить конфликт с дамой. Мужественность не подвергается сомнению, ведь герой не только плачет, но и действует. Он активен, даже когда проливает слезы. Агрессивное выражение печали встречает понимание окружающих. Осуждается лишь бездействие и слезы, вызванные неспособностью к поступку.

Выставляемые напоказ слезы влюбленного – элемент исключительно куртуазной культуры. Они возникают вместе с соответствующим кодексом поведения и уходят вместе с ним. До эпохи fin'amoig слезам любви нет места в образе рыцаря, как, впрочем, и самой любви. Хорошо известный пример – героический Роланд и его команда. Казалось бы, слезы в сексуальной коннотации типичны для романов не только рыцарских. Сентиментальные романы XVIII столетия по количеству пролитых влюбленными мужчинами слез ни-

---

¹¹ «Amor est passio» (*Andreae Capellani*. Op. cit. Lib. 1. Cap. 1. 1-2). Что *passio* в данном случае обозначает именно страдание, а не просто страсть, показывают дальнейшие рассуждения, где говорится о напастях, подстерегающих влюбленного. Показательна в этой связи и предлагаемая его последователем Бонкомпаньо риторика любовного чувства, предназначенная для тоскующих в разлуке влюбленных. Используемый в его письмовнике оборот «Plorans ploravi nec plangere desistam» (*Boncompagni*. Rota Veneris. Los Angeles, 1998. 8: 3) должен был отослать читателя к «Плачу Иеремии» и продемонстрировать меру отчаяния отлученного «Plorans ploravit in nocte et lacrimae eius in maxillis eius non est qui consoletur eam ex omnibus caris eius.../ Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его...» (Lament. 1:2).

чуть не уступают. Более того, герои этих произведений, по замечанию исследователей, еще и умудряются получать удовольствие от слез. Но есть существенная разница. Если в XVIII веке это обязательный, демонстрируемый читателю, но скрываемый от общества прием репрезентации чувств¹², то в средневековых романах – демонстрируемый обществу. Незначительный нюанс в месте и времени плача существует с точки зрения понимания гендерных стереотипов.

Можно было бы приписать слезы исключительно размягченным сердцам влюбленных, но плачут не только они. Выражение отчаяния уместно при разлуке вообще любящих, не только влюбленных, но и друзей, родных и т.п. «Заплакал Сид и громко, и горько», покидая замок, «отец и дочери громко рыдают»¹³. Так же слезно провожает король Гамурета в «Парцифале», Людовик – Гильома Оранжского в «Коронавании Людовика» и т.п.

Иной вариант пролития слез при расставании – плач-оплакивание. Оплакивание павших в бою вассалов и родственников предполагает громкое прилюдное выражение горя с обмороками и – в промежутках между ними – припоминание заслуг и добродетелей погибших. По-видимому, именно эту форму выражения горя рассказчик Ронсенвальской трагедии и определил как «оплакивание по-рыцарски / E il les pluret cum chevaler gentill» (v. 1853). Очевидно, что в тот момент, когда Роланд «скорбит и льет слезы из очей / Tendrur en out, cumencet a plurer» (v. 2217), его вряд ли кто-либо мог услышать, кроме умирающего Турпена. (Впрочем, отсутствие рыцарей не означает полного отсутствия людей. Но раз их «нет» в действии, то и плач не для них.) Да и оплаканы не все сражавшиеся воины, не гибель войска оплакивает доблестный граф, хладнокровно допустивший этот разгром, а лишь избранных. Причем, последним строго отмеряется

---

¹² В сентиментальных романах XVIII в. о слезах влюбленного, как правило, знают лишь автор и читатель, в средневековых – они выставляются напоказ. Подробнее о слезах в культуре сентиментализма см. *Vincent-Buffault A. The History of Tears. Sensibility and Sentimentality in France. L., 1991.*

¹³ Песнь о Сиде / Пер. Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976.

выражаемое горе. Первыми Роланд нашел среди погибших и оплакал пэров. Но ни одного так, как Оливье: «Еще никто так не терзался скорбью! / *Jamais en tere n'ogrez plus dolent hume!*» (v. 2023), сообщается по этому поводу. Роланд даже упал в обморок от горя (лишь стремяна, в которые он предусмотрительно вддел ноги, удержали его в седле), замечает по этому поводу рассказчик (v. 2031-2034). Друзья и родственники, естественно, первые в списке на оплакивание, за ними следуют люди высшего статуса. Остальные не упомянуты. Так же и подоспевший Карл, как и его войско, «горюют о братьях и сынах, о родичах, сеньорах и друзьях». Персонального оплакивания Карла удостоиваются пэры. Но огромное горе, демонстрируемое окружающими, кажется, вызвано не столько размерами поражения и количеством павших, а персональной потерей «цвета рыцарства», их высоким социальным статусом. Это оплакивание также довольно агрессивное и носит воинственный характер. Обмороки перемежаются с воинственными кличками и угрозами отомстить.

Связь между силой проявления скорби и статусом оплакиваемых сквозит в топике и других литературных произведениях. Например, народ оплакивал Тристана и Изольду так, что «не слышно грома небесного»¹⁴. Как-никак жена и племянник правителя (хотя какое народу дело?)

Ряд литературных примеров может быть дополнен и историческими сочинениями¹⁵. Людовик Толстый в слезах со-

---

¹⁴ *Кретъен де Труа*. Роман о Тристане и Изольде // Средневековый роман... С. 224.

¹⁵ Мы не ставим здесь задачу подробного рассмотрения такого аспекта риторики скорби, как оплакивания господина его вассалами и близкими в исторических сочинениях, поскольку он уже достаточно подробно освещен в соответствующей литературе. См.: *Бессмертный Ю.Л.* Скорбь о близких в XII-XIII веках (по материалам англо-французской литературы) // *Человек в мире чувств*. Очерки по истории частной жизни в Европе и в некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 243-261; *Он же*. Риторика рыцарской скорби по данным англо-французской литературы XII-XIII вв. // *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы*. М., 2000. С. 64-83.

проводит похоронные дроги отца¹⁶, а если и нет, то аббат Сугерий считает необходимым, чтобы читатель думал именно так. Ведь достойный сын обязан проявить горе в подобной ситуации.

И в этом случае количество слез строго отмерено. Статус оплакиваемого играет определяющую роль. И дело отнюдь не в черствости или лицемерии. Исследователи уже давно заметили, что оплакивание, в отличие от печали – культурно опосредованный факт, репрезентируемый в конвенциональной форме¹⁷. Соответственно, значение оплакивания далеко не исчерпывается выражением горя. Это также и выражение групповой солидарности и многое другое.

Эта форма мужского плача в отличие от предыдущей не является изобретением куртуазной эпохи и имеет весьма далекие корни. Достаточно вспомнить рыдавших героев Гомера (и не только несчастного старика Анхиза, неспособного отомстить за смерть сына, но и могучего Ахилла). Конечно, мы не склонны думать, что плач греческих героев и средневековых рыцарей абсолютно тождественен – уж слишком разнятся культурные ситуации, в которых это действие происходит. Для проведения полноценного сравнения необходимо было бы провести анализ значительно более обширного материала.

Что касается исчезновения данной формы мужских слез, то оно вполне может быть связано со все более значительным внедрением христианского мировоззрения¹⁸. И здесь, с одной стороны, мы наблюдаем влияние христианства на формирование гендерных стереотипов, с другой – яркий пример живучести языческих представлений.

---

¹⁶ *Abbot Suger. Life of King Louis the Fat // Internet Medieval Sourcebook. Cap. XIII.*

¹⁷ *Rosenblatt P., Walsh P., Jackson D. Grief and Mourning in Cross-cultural Perspective. New Haven, 1976. P. 2.* Отметим и другую точку зрения. По мнению Ю.Л.Бессмертного, за стандартными формулами выражения скорби вполне различимы и индивидуальные особенности. См. *Бессмертный Ю.Л. Скорь о близких... С. 254 и др.*

¹⁸ Исследователями неоднократно отмечалась прочность языческих обрядов оплакивания, которые долгое время существовали, несмотря на их осуждение христианами теоретиками. См. например *Бессмертный Ю.Л. Скорь о близких... С. 255.*

Итак, ни одно расставание не обходится без слез. Конечно, «слезливая» топка призвана показать в первую очередь добродетели героя произведения, его настроение или состояние. Если литературный персонаж не продемонстрировал слезы принародно, значит, унес в своем сердце, ведь именно так полагается вести себя истинному рыцарю в ситуации расставания. Но дело не только в искреннем проявлении горя, но и в определенных требованиях общества к этому действию. Не пролить слез – значит не только продемонстрировать черствость и нелюбовь к человеку, с которым расстаешься, но и нарушить поведенческие нормы социальной группы.

С помощью слез также можно проявлять сострадание. Уместно и даже необходимо плакать от жалости. Вид несчастных пленников вызывает слезы у мужественного Гильома Оранжевого¹⁹, что и должно составить представление у читателя о добром сердце героя. «Слезы жалости (сострадания)» – один из наиболее распространенных топосов для выражения сочувствия или указания на него.

«Парцифаль» же вообще является романом о сострадании. Это один из важнейших уроков, вынесенных им из опасных приключений. Немалое по объему произведение Вольфрама фон Эшенбаха в конце концов учит плакать. Конечно, мы утрируем, но фактически именно это обозначает обещание «возмужать и поумнеть» и, в итоге, оказывается, что выражение чувства сострадания есть тот урок, который завершает стезю становления рыцаря.

Я сознаю, в чем я виновен:
Был непомерно хладнокровен.
Мне быть не может оправданья,
Поскольку выше состраданья
Законы вежества поставил!
И ради соблюденья правил
Молчал перед лицом несчастья,
Ничем не выразив участия²⁰.

Непомерное хладнокровие, которое нередко приписывается средневековым рыцарям, – как раз большой недоста-

---

¹⁹ Коронование Людовика // Песнь о Роланде... С. 180.

²⁰ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман... С. 425.

ток со средневековой точки зрения, о чем, собственно, прилюдно и заявляет главный персонаж романа. Итак, «возмужавший и поумневший» Парцифаль научился плакать в нужной ситуации. Если слезы оплакивания имеют древние, еще языческие традиции, то слезы сострадания, конечно, – свидетельство привития христианских ценностей (судя по историческим сочинениям, это скорее образ должного, чем действительного состояния вещей).

Особый вид демонстрируемой скорби связан с недостойным поведением самого героя или окружающих. Многочисленные топосы с упоминанием слез выражают неодобрение в отношении неблагоприятных поступков. В этом случае, как и в других, слезы вряд ли проливались в действительности, но по сценарию должны были. Недостойное поведение требовало зримого осуждения.

Мы уже рассмотрели случаи Ивейна и Тристана. «Слезы» неодобрения демонстрирует доблестный сеньор Уголин из-за трусливых вассалов и родных, покинувших госпожу в минуту опасности²¹. То же делают бароны Карла Великого («Коронование Людовика»), глядя на его сына, чье поведение не соответствует их ожиданиям²². (Опять же осуждению подлежит недееспособность наследника.) Конечно, это лишь обозначение их печали, трудно представить, чтобы они действительно плакали. Но сам факт использования такой топика лишней раз подчеркивает уместность действия.

Нередко она используется и в исторических произведениях. Рыцари в слезах, а иногда и причитая, жалуются на несправедливость, в частности захват их земель. «Простираются ниц в слезах» – типичный прием для описания подобной ситуации²³. Неважно, что на практике они этого могли и не делать, главное, что эти слезы выражают, а именно отношения: ущемленное состояние, слабость и зависимость просящих.

Рыдание от страданий, физических и моральных, также незасорно. Показателен «Бедный Генрих»: герой на протя-

---

²¹ Франческо да Барберино. Комментарий к «Предписаниям любви» // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 432.

²² Коронование Людовика // Песнь о Роланде... С. 150.

²³ См. *Abbot Suger*. Op. cit. и др.

жении всего произведения страдает от жестокой болезни и не стесняется это выразить²⁴.

Уместно плакать, стонать и даже кричать от ран в постели: «день и ночь кричит и стонет Тристан»²⁵.

Но на поле битвы плач недопустим: Оливье бледнеет, синееет, истекает кровью, но молчит. Так же поступают и другие рыцари. Собственные раны они замечают лишь после сражения. Тристан стонет и страдает от ран после боя, но во время битвы их «не замечает», а если и замечает, то не демонстрирует. Зато после боя подобные обсуждения являются вполне уместной темой разговора и с восхищением обсуждаются как окружающими, так и нередко самими участниками битв. Например, пытаясь уступить друг другу честь победы, спорят и делятся впечатлениями о том, как им досталось, Гавейн и Парсифаль, Гавейн и Ивейн. Но обсуждение носит характер похвалы ударам соперника, а не жалоб на боль. Весь изодранный Окассен (тридцать или сорок царапин кровоточили так, что на рыцаре не осталось «ни одного живого места», а по траве за ним протянулся весьма заметный кровавый след²⁶) не должен их замечать по сценарию, ведь он увлечен мыслями о любимой. Лишь автор как бы со стороны описывает вид пострадавших.

Более редкий в драматических историях, но все же встречающийся пример – слезы счастья. Такую реакцию вызывает у Парцифалья известие Кундри о том, что его страдания закончены.

Всех радость безмерная охватила.

А у счастливейшего сына земли

Слезы по щекам текли²⁷.

Увлажнены глаза закаленных в боях храмовников, когда Парцифаль со свитой подъезжают к замку Анфортаса и т.д. В отличие от выражения горя, слезы счастья куда более сдержанны, но и в данном случае приемлемы. Упоминание о них должно показать неординарность момента: невербаль-

---

²⁴ Гартман фон Ауэ. Бедный Генрих // Средневековый роман... С. 581-616.

²⁵ Кретьен де Труа. Роман о Тристане и Изольде // Там же. С. 215.

²⁶ Кретьен де Труа. Окассен и Николетта // Там же. С. 247.

²⁷ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Там же. С. 565.

ное выражение радости у скупых на слова воинов должно сильнее выразить их чувства.

Помимо примеров уместной демонстрации слез, литература дает и редкие случаи их не одобряемого окружающими проявления. Естественно, наиболее осуждаемый плач – от страха. Так, Гильом Оранжевый пеняет Людовику по этому поводу²⁸. Интересно, что герои немало говорят о том, как они натерпелись страху, и это ничуть не осуждается. Разница в том, что говорят об этом после того, как ситуация с честью пережита и страх преодолен. По-видимому, осуждается не испуг, как таковой, а неумение достойно его побороть (скрыть). Очевидно, потоки слез строго регламентированы.

Эти сценарии не исчерпывают все случаи плача, но приводят наиболее типичные. Конечно, между ними существует значительная разница. Одни – очевидные топоры, другие вполне могут быть соотнесены с реальными жизненными ситуациями. Но даже если все вместе взятые океаны слез – не более чем литературный прием, – это пример, поданный героями, то есть вполне вписывающийся в бытовавшие представления о мужественности. Слезы оказываются необходимой частью этого образа и способом его репрезентирования. Разные формы плача призваны определить величину переживаний и не только диктуются ситуацией, с которой они связаны, но, в свою очередь, определяют ее.

Подытожим. Если задуматься о назначении слез в рыцарских романах, то картина сложится следующая. Слезы влюбленного – лучшая иллюстрация взаимоотношений с дамой, свидетельство любви, а, главное, способности любить, то есть наличия соответствующих рыцарских качеств. В первую очередь слезы расставания – демонстрация групповой солидарности, обряд, имеющий конвенциональную основу, ну и, конечно, искреннее выражение тоски от потери близких (не будем приписывать рыцарям излишнюю черствость), впрочем, облеченное в четко регламентируемые формы. Те же требования групповой солидарности лежат в основе ситуаций осуждения недостойного поведения или выражения сострадания: таким образом фиксируются груп-

---

²⁸ Коронавание Людовика // Песнь о Роланде... С. 154.

повые поведенческие нормы. Слезы для выражения моральных и физических страданий – убедительное средство для передачи состояний, гораздо более красноречивое, чем любые слова. Многочисленные примеры пролития слез рыцарями свидетельствуют, что практически все случаи социально регламентированы и демонстрируют отнюдь не перепады настроения, а предписанное в той или иной ситуации поведение.

Так что же, остается признать все потоки слез не более чем средством невербальной коммуникации между действующими персонажами, служащими для характеристики социально значимых действий и качеств, а также передачи состо-

стояний и чувств? Одним словом – риторикой? Уже сам факт социальной регламентации слез говорит в их пользу. Более того, в ряде рассмотренных ситуаций просто неэтично было бы не плакать. И все же плач остается важной составляющей рыцарской этики и по другой причине.

Призвание слез во всех перечисленных случаях также и в том, чтобы продемонстрировать мужественность рыцаря, как это ни странно звучит. Рыцарь, собственно, – не рыцарь, если не плачет. Ведь назначение слез – репрезентировать социально значимые качества, а именно те, что подчеркивают рыцарское достоинство, и принадлежность к соответствующей социальной группе. Важнейшими, конечно, являются сердечная чистота и искренность, верность и благородство, доброта и т.п. (напомним, что мы говорим о литературном образе). А что лучше слез может обнаружить чистое сердце, помня о том, что слезы – еще и средство очищения, причем наиболее распространенное в рассматриваемую эпоху. «Слезливость» куртуазной культуры очевидно связана с новой концепцией благородства и мужественности. На смену жестокости и суровости должно было прийти умение любить, что в христианской доктрине тесно

связано с понятиями страдания и сострадания. Мужественный человек – имеющий любящее, нежное, чувствительное сердце. Именно слезы должны репрезентировать его. И именно слезы должны были демонстрировать силу духа, имеющую гораздо большее значение, чем сила физическая (достаточно вспомнить кульминационную битву того же Парцифалья с его пятнистым братом).

Вместе с тем, не всякие слезы позволительно показывать. В тех случаях, когда персонаж проявляет слабость, недееспособность, нерешительность, трусость, слезы подлежат осуждению. Особенно показательным в этом отношении, что нарастание горя выражается через сочетание слез с агрессией, направленной если не на других, то хотя бы на себя. Что лучше может продемонстрировать маскулинные качества плачущего?

Заметим также, что плач отнюдь не всегда является спонтанным проявлением эмоций. Как уже было отмечено, случаи и способы плача четко регламентированы. Таким образом, слезы не означают потери самоконтроля, даже если герой имитирует ее. Пример Парцифалья, осуждающего себя за непомерное хладнокровие, также подтверждает его умение держать себя в руках в весьма печальный для него момент. Но самообладание, кажется, еще не является абсолютной ценностью. В конце концов, выясняется, что не это главное.

Таким образом, мужской плач является весьма специфическим феноменом и заметно отличается, например, от плача женского²⁹, выражающего чаще всего слабость и необходимость защиты. По-видимому, даже плач-оплакивание может отличаться (не зря же упоминается «рыцарское оплакивание» Роланда)³⁰.

Вместе с тем, было бы ошибочно рассматривать рыцарские слезы как некий изолированный феномен или связывать их только с куртуазными идеалами. Рассматриваемой эпохе вообще свойственна специфическая культура слез, возвра-

---

²⁹ Впрочем, это давно замечено и описано исследователями. См., например, *Rosenblatt P., Walsh P., Jackson D.* Op. cit. P. 24-26.

³⁰ Не ставя задачу подробного сравнения мужского и женского плача, заметим, что существует значительная разница как в количестве проливаемых слез, так и в формах, и в функциях плача и т.п.

ная на христианской базе³¹. Слезный дар особенно существен для монастырской культуры или шире – церковной среды. Тем не менее, отголоски этой доктрины проявляли себя, естественно, и в духовной жизни других социальных страт, не столь тесно связанных с исполнением соответствующих обрядов, но существующих в рамках той же религиозной культуры. Слезы молитвы и покаяния, не будучи общественной обязанностью рыцарства, все же и им были знакомы.

Христианство формировало двойственное отношение к мужским слезам: с одной стороны, осуждая укоренившуюся риторику скорби, с другой – апеллируя к развитию сердечной чувствительности, в частности, увязывая слезы с любовью (в первую очередь к Богу, конечно).

Эпоха одухотворения мирской любви и наделения ее божественными чертами привносит слезы и в этику влюбленного. А поскольку, как уже было отмечено, каждый рыцарь обязан был быть хоть чуточку таковым, то, соответственно, – и плачущим. Ибо любовь немыслима без духовного становления, а последнее – без слез. (Опять не грех вспомнить Парцифала.) В таком контексте становится понятным появление образа плачущего влюбленного рыцаря именно к рубежу XII-XIII вв.

В этой связи может быть рассмотрено и исчезновение плачущего влюбленного вместе с куртуазной рыцарской культурой. И дело не в том, что поубавилось христиан или влюбленных. Изменилась концепция любви. Окончательное размежевание любви духовной и чувственной (с признанием права на существование последней) пришлось на эпоху исчезновения рыцарства.

Будучи идеальным влюбленным с конца XII до XV века, плачущий воздыхатель в XVI столетии уже вызывает насмешку³². Так, Бальдассаре Кастильоне от имени «идеально-

---

³¹ Исследователями наработана обширная литература, посвященная значению слез в христианской культуре. См., например, фундаментальную работу *Nagy P. Le don des larmes au Moyen Age. P., 2000.*

³² Мы не склонны абсолютизировать данную периодизацию. Конечно, насмешки над рыцарскими манерами существовали и ранее в литературе иных жанров. В то же время и в XVI в. по свидетельству специалистов рыцарский роман далеко не угас (см. *Андреев М.Л.*

го» героя начала XVI века Оттавиано Фрегосо высмеивает печальных влюбленных, чьи беспрерывные стенания и наслаждение страданиями от любви отвращают его от поиска дамы сердца³³. Страдающий от любви мужчина становится смешным, во всяком случае, если слезно это демонстрирует³⁴. И вообще, находиться в грустном, меланхоличном или мрачном настроении духа на людях (особенно в присутствии того, кому служишь) становится неприлично³⁵.

Интересно, что в целом наиболее чтимые качества кавалера остались почти теми же: доблесть, мужество, отвага, умение вести себя занимают важнейшее место в их характеристике. Но к этим требованиям прибавились и другие, такие как образованность, знания и пр. Любовь далеко не на первой позиции в списке добродетелей³⁶. Новое понимание любви ведет за собой и изменение способов ее демонстрации.

Из приключения любовь превращается в искусство. Оно требует исследования, а не эмоций, осмысления, а не слез. Бурное переживание любви заменяется размышлением о ней. С предыдущей эпохой сохраняется еще много общего.

Рыцарский роман в эпоху Возрождения // От мифа к литературе М., 1993. С. 312.) Надо учесть и то, что процесс исчезновения рыцарской культуры в разных странах протекал неодинаково.

³³ *Baldessar Castilio*. The courtier of count Baldessar Castilio divided into foure bookes: Internet version of the Unitersty of Oregon, 1997. The First Book. Cap. The L. Octavian Fregosos devise. Хотя Кастильоне является носителем гуманистической культуры Италии, его работа, как нам кажется, достаточно показательна, чтобы делать довольно широкие заключения: она была переведена на европейские языки уже вскоре после выхода и была довольно известна и популярна. Мы, в частности, опирались на версию, созданную на базе английского издания 1561 г.

³⁴ И в XVI столетии еще можно найти образцы куртуазных отношений или рыцарской любви в литературе. Так, их дают известный «Гептамерон», принадлежащий перу Маргариты Наваррской, или произведения Луизы Лабе. Но эти примеры, вышедшие из-под пера женщин, скорее отражают ностальгию по ушедшим временам и говорят о начале процесса мифологизации рыцарства.

³⁵ «Never to be sad, melancholie or solenn beefore hys Prince» (*Baldessar Castilio*. A breef rehearsall of the chiefe conditions and qualities in a Courtier // *Baldessar Castilio*. Op. cit.

³⁶ Причем буквально. В обширном реестре качеств придворного титулы, посвященные любви, находятся в самом конце. См. *Ibid*.

Даже форма рассуждений близка к «судам любви» ушедших столетий. Это также любовная игра, но правила ее иные. На первое место выходит исследование предмета. Появляется вопрос, что же привлекательно в даме, в чем истинная природа чувства. С внешности внимание влюбленного переносится на человеческие качества предмета любви³⁷.

Бальдассаре Кастильоне устами мессера Пьетро Бембо заявляет, что познание должно предшествовать любви³⁸. Безоговорочное и безрассудное чувство подвергается осуждению. Та любовь, что приносит слезы, печаль, тоску и ведет ко всяческому страданию и печали, то есть любовь чувственная, признается ложной и несовершенной. Она объявляется человеческой слабостью, относительно извинительной в молодости и непростительной в старости. Нельзя «подчинять здоровый разум слабому чувству», те же, кто делает это, подобны неразумным животным³⁹. Вот приговор средневековой системе ценностей. Любовь мыслится Б. Кастильоне как соединение душ, а не тел. Эти рассуждения приводят в итоге к отрицанию права на существование любви к конкретной персоне и утверждению необходимости постижения божественной любви⁴⁰.

За новой любовной этикой стоит, в том числе, и новый образ мужественности. Основной заботой идеального мужа эпохи Возрождения являются уже не авантюрные подвиги, а радение о благе государства. Последнее по необходимости прививает и стремление к знанию. Если средневековые рыцари посвящали свою жизнь приключению, в том числе лю-

---

³⁷ «Его [Придворного – А.С.] любовь к женщинам должна быть не чувственной или плотской, а искренней и благочестивой, и больше руководствоваться разумом, чем страстью: и лучше любить красоту ума, чем тела / His love towarde women, not to be sensuall or fleshlie, but honest and godly, and more ruled with reason, then appetyte: and to love better the beawtye of the minde, then of the bodie.» (*Пер. мой – А.С.*) (Ibid.)

³⁸ Ibid. The Fourth Book. Cap. Sense.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Это, конечно, размышления о возвышенной любви. В то же время переживает расцвет и любовь чувственная, о чем свидетельствует широкое распространение соответствующей литературы (Аретино, Брантом и т.п.) Но эта любовь и подавно не знает слез.

бовному, то идеал новой эпохи – государственный муж, занятый науками. Например, Никколо Никколини, не женившийся, чтобы не отвлекаться от ученых занятий⁴¹. Не будем утверждать, что образ идеального мужчины абсолютно лишается его важнейшего и обязательного атрибута в предыдущие столетия – женщины, но проливаемых на людях слез из-за нее – определенно⁴².

Вместе с тем «слезная топка» не исчезает бесследно: драматические произведения последующих столетий наводнены ею не менее рыцарских романов. Достаточно вспомнить безутешного шекспировского Клавдио («Много шума из ничего»). Более того, за слезами прочно закрепляется значение симптома любви, о чем свидетельствуют, например, книги эмблем⁴³. Вместе с тем, демонстрировать их на людях становится неприличным, особенно для мужчин.

Если слезы влюбленных исчезают, то слезы религиозно-горючего рвения – все еще добродетель и необходимость. «Стенания и плач прорывались из глубины души» Никколо, когда он принимал святое причастие, и все удалились со слезами на глазах⁴⁴. Надо думать, что слезы были вызваны именно его благочестием, а отнюдь не суетной печалью от расставания с земным миром. Но насколько это более сдержанное проявление печали по сравнению с предыдущей эпохой. Еще более хладнокровно реагируют окружающие. Не связана ли эта реакция с укреплением христианского мирозерцания и посте-

---

⁴¹ *Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописание прославленных людей XV века // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха возрождения: Быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 462.*

⁴² Это, конечно, не означает, что женщина абсолютно не важна для характеристики нового образа мужественности, или что влюбленность отвергалась в качестве его элемента. Наоборот, культура любви достаточно важна. Но она иная и, как выясняется, не столь существенна, как ранее, для демонстрации маскулинности рыцаря. Мужественность репрезентируют теперь иным образом.

⁴³ *Ayres Ph. Emblemata amatoria, Emblemes d'amour en quatre langue. Londe, [168-] // The English Emblem book Project / Libraries' Electronic Text Center of the Penn State University. Emb. 44.*

⁴⁴ *Веспасиано да Бистиччи. Указ. соч. С. 463.*

пенным вытеснением ритуального плача⁴⁵? Вместе с тем есть и другое объяснение. Еще один мыслитель из той же блестящей плеяды констатирует новые моральные добродетели, а именно необходимость на манер древних философов управлять чувствами и обуздывать страсти⁴⁶. Таким причудливым образом соединяются столь разновекторные составляющие, как реанимирование античного наследия и привитие христианских ценностей. Новый герой хладнокровно и расчетливо добивается своих целей. Умение держать себя в руках выходит у него на первый план. Но рыцарь ли это?

Поведенческие нормы, как и понятие мужественности определенно изменились. Рыцарский плач, унаследованный от различных культурных пластов, начал заметно вытесняться из уместных для мужчины форм поведения. Опять же подчеркнем, что речь идет об образе должного. В связи с этим складывается парадоксальная ситуация: в реальности рыцари исчезают, слезы остаются, в представлениях о должном – наоборот. Именно этот феномен, на наш взгляд, и приведет в конечном итоге к тому, что сформируется идеальный образ мужчины-рыцаря, неподвластного эмоциям.

Произошедшее связано с целым рядом различных по своей природе трансформаций как в социальной и политической, так и культурной сферах. Но разбор данного перелома не входит в наши намерения. Оставим этот вопрос специалистам⁴⁷.

Констатируем лишь, что на смену заплаканному средневековому рыцарю приходит хитроумный придворный.

---

⁴⁵ Интересно, что женщины продолжали традицию оплакивания, в то время как мужчины постепенно отказались от нее. Возможно, это следует объяснить тем, что мужчины в гораздо большей степени, нежели женщины, являлись носителями официальной культуры, в то время как женщины были хранительницами архаических родовых традиций. Возможны и иные объяснения. Возрождение античного наследия гораздо более коснулось мужчин, чем женщин. Да и древние не требовали от женщин выдержки и самообладания. Впрочем, эти объяснения вполне совместимы.

⁴⁶ *Марсилио Фичино*. О моральных добродетелях // Опыт тысячелетия. С. 437-438.

⁴⁷ Портреты эпохи красноречиво выведены авторами сборника «Человек XVI столетия» (М., 2000).

Снижение образа «печального рыцаря» завершается Сервантесом и плутовским романом.

Соблазнительно представить благородное рыцарство, в слезах уходящее с исторической сцены и уступающее место любезным интриганам. Но, поскольку мы имеем дело с литературной фикцией, утверждать этого не приходится. Разве только в отношении литературных персонажей. Зато налицо изменение отношения к тому, каким должен быть рыцарь. Но, конечно, это лишь начало процесса трансформации. Окончательно представление о несовместимости истинного носителя мужественности со слезами сформируется, когда историческое рыцарство полностью исчезнет и уступит место мифам о нем.

Свидетельства иностранцев XVI-XVII веков о москвичах-содомитах

Тема гомосексуализма неоднократно ставилась в дореволюционных и современных российских исследованиях, посвященных сексуальной этике русских в позднем средневековье. Картина нравов, в изложении этих немногочисленных исследователей, оказывается весьма безрадостной с точки зрения христианской морали. В скопище пороков, процветавших в русском обществе в позднее средневековье, не последнее место занимает гомосексуализм. Авторы конца XIX в., основываясь на сочинениях митрополитов Даниила и Макария, посланиях старца Филофея и Максима Грека, постановлениях Стоглавого собора и сказаниях¹ иностранцев о России, сокрушаются о невежестве и злонравии русского духовенства и народа в целом, погрязшего в пьянстве и разврате, в том числе и в содомском грехе, отождествляемом данными исследователями с гомосексуализмом². В современных постсоветских исследованиях, безусловно более аналитических и не сводящихся к пересказу источников, на том же материале делаются сходные выводы³.

---

¹ Термин употребляется в соответствии с традицией отечественной историографии, именующей сочинения иностранцев о России XV-XVII вв. «сказаниями», а XVIII-XIX вв. – «записками» (см. *Карацуба И.В.* Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России // *История СССР.* 1985. № 4.).

² *Жмакин В.* Русское общество XVI века. СПб., 1880; *Он же.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; *Преображенский И.* Нравственное состояние русского общества XVI века по Максиму Греку и современным ему памятникам. М., 1881.

³ Сергей Богатырев в работе, посвященной особенностям поведения Ивана Грозного, пишет, что гомосексуализм был широко распространен в русском обществе во многом благодаря «нездоровой атмосфере морального разврата и вседозволенности, царивших при дворе Ивана Грозного после смерти его первой жены» (*Богатырев С.* Поведение Ивана Грозного и моральные нормы русского об-

О распространенности гомосексуализма в русском обществе XVI-XVII вв. говорят на основании двух групп материалов: российской морально-дидактической литературы и церковного законодательства и сочинений иностранцев⁴. Обе группы нельзя считать абсолютно достоверными; содержащуюся в них информацию следует использовать с учетом специфики источника.

Рассмотрим упоминания о содомии в русском обществе, содержащиеся в разного рода морально-дидактических и законодательных источниках: в посланиях митрополитов Даниила, Макария и Сильвестра, Домострое, Соборном уложении 1551 г., а также в пенитенциариях. В основном они следующего рода:

– упоминания содомии в ряду других грехов как сексуального, так и несексуального характера: «кто же есть и пиет без воздержания, и во объядение и в пьянство, и не в подобно время, и законного жительство не хранит, недели, и среды, и пятка и празниковъ, и Великого поста, и Богоро-

---

щества XVI века // *Studia Slavica Finlandensia*. 1994. С. 12.) С. Богатырев также ссылается на свидетельства иностранцев о распространенности содомии во второй половине XVI в. и на их основании делает вывод, что моральные проповеди церковных иерархов так и не излечили общество от этого порока. И.С. Кон выделяет период XV-XVII вв. как выгодно отличающийся от предшествующих веков русской истории обилием информации о гомосексуализме, во многом благодаря сказаниям иностранцев: «почти все иностранные путешественники и дипломаты, побывавшие на Руси в XV-XVII вв. <...> отмечали широкое распространение гомосексуальности во всех слоях общества...» (*Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998. С. 283; См. тж. Он же. Клубничка на березке. История сексуальной культуры в России. М., 1997.*)

⁴ При этом исследователи демонстрируют почти полное доверие к источникам: В. Жмакин и И. Преображенский – возможно, потому, что жанр исследования-описания, сводящегося к пересказу источников, вписывался в их представление об историческом исследовании; авторы 1990-х гг. – возможно, по причине своего рода эйфории в связи с возможностью исследовать «новую», ранее запретную, тематику и желания собрать как можно больше материала, который бы доказывал, что «предмет исследования, то есть сексуальная этика русских, все же существует» (*Пушкарёва Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов (X-XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 44.*)

дичьна, без воздержания блудить и не в подобно время, и чрез естество и чрез законъ, или от жены блудять, или содомьский грехъ содевают, и всяко скаредие творять и всякие богомерзские дела: блудъ, нечистоту, сквернословие и срамословие, песни бесовские, ... волхвование, ... звездочетье, ... чернокнижье...»⁵);

– филиппики против женоподобных придворных юношей, бреющих бороду и пользующихся косметикой («...строимся женскою подобою, на прелесть блудником, главу и браду и усе бреем...»⁶);

– порицание и запрещение практики высокопоставленных монахов (игуменов, архимандритов и старцев) держать в услужении юношей (нельзя «однолично держать робят голоурых», а если старцу необходимо, то пусть это будет «человек мирской в совершенном возрасте, имущий браду»⁷);

– обличение содомского греха в конкретных ситуациях (например, в войске в Казанском походе) или конкретных людей (упреки в адрес царя Ивана Грозного, допускающие истолкование в подобном ключе⁸).

---

⁵ Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 98.

⁶ Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения общества истории и древностей российских. М., 1874. Ч. 1. С. 86.

⁷ *Емченко Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2002. С. 330.

⁸ Имеется в виду призыв Сильвестра в его «Послании к царю Ивану Васильевичу»: «аще сотвориши се, искорениши злое се беззаконие, прелюбодеяние, содомьский грех, и любовников отлучиши, без труда спасешися, и прежний свой грех оыстиши, и великий дар от бога получиши...» (Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения общества истории и древностей российских. М., 1874. Ч. 1. С. 82.). Такого рода материал предоставляет также переписка Ивана Грозного с князем Андреем Михайловичем Курбским. Курбский неоднократно обвиняет Грозного в плотских грехах, в том числе в «пятоградных гнусностях», то есть грехах пяти печально известных городов Иорданской долины, ассоциируемых с содомией. Наиболее известен в плане «гомосексуальной» трактовки пассаж Курбского о «Кроновых жрецах»: «согласным твоим бояром, губителем души твоей и телу, иже детьми своими паче Кроновых жрецов действуют» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. / Подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова. М., 1993. С. 8). В этих словах многие исследователи (Н.Г. Устрялов, Р.Г.Скрынников, Я.С. Лурье) видят на-

Не отрицая ценность сообщений вышеперечисленных источников, следует, тем не менее, воспринимать эту информацию с некоторыми поправками. Так, дидактические сочинения или пенитенциарии отнюдь не обязательно отражают реальную нравственную ситуацию в обществе. Обличение разнообразных пороков в проповедях и посланиях или включение их в вопросники к исповеди – это следование закону жанра, а в данном случае еще и иностранному – византийскому – канону. Если так же буквально толковать упоминания о других грехах (например, не менее редкие – о скотоложестве и колдовстве и гораздо более частые – о пьянстве), – чего исследователи почему-то не делают, – картина нравов русского общества перестанет быть доступной нашему воображению.

Второй, не менее важный комментарий, касается самого термина «содомия». Как неоднократно демонстрировали исследователи, в средние века и в Западной Европе⁹, и на Руси¹⁰ под «содомией» и «противоестественным грехом» во многих случаях понимался не только гомосексуализм («мужеложество»), а любые запрещенные сексуальные практики (мужеложество, скотоложство, (взаимная) мастурбация, анальная пенетрация с партнером любого пола и др.), т.е. все что не вело к репродукции. Наиболее ясно такое понимание термина «содомия» выразилось в пенитенциариях в известном Правиле «Аще двоженец»: «Аще кто содомьски блудит: жену пускает на ся, или скота доидет, или с ким в задний проход...»¹¹; также в наказных списках Стоглава под «содомской пагубой» понимается несколько прегрешений («и о тех о всех отреченных, и скверных, и заторных дел скарденных...»¹²). Итак, обличения в содомии, в которых это поня-

---

мек на приближенных царя – Алексея Басманова и его сына Федора, об интимных отношениях которого с царем сообщают и другие источники.

⁹ *Bullough V.L. Homosexuality: A History. N.-Y, 1979. P. 33.*

¹⁰ *Levin E. Sexual Vocabulary in Medieval Russia // Sexuality and the Body in Russian Culture. Stanford, 1993. P. 44.*

¹¹ *Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913. С. 66.*

¹² *Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 294.*

тие не раскрывается, не могут считаться свидетельством распространённости гомосексуализма в русском обществе.

Сказания иностранцев о России, весьма многочисленные для данного периода, традиционно привлекаются для реконструкции сексуальной культуры русского общества. Они действительно изобилуют сведениями о нравах и пороках русских; однако, применительно к нашему узкому вопросу, оптимистичные заявления, например, И.С. Кона, что «почти все» иностранцы отмечали распространение гомосексуализма «во всех слоях общества», не подтверждаются источниками. О гомосексуальности русских пишут многие (хотя не все) иностранцы; сообщения их зачастую очень расплывчаты и в абсолютном большинстве случаев не распространяются на все слои населения. Свидетельства иностранцев о данной сексуальной практике среди москвитов можно классифицировать следующим образом:

– об особенно одиозных видах разврата, иногда называемых содомскими грехами, под которыми допустимо, в том числе, понимать и гомосексуализм: «худший порок нации» в контексте описания сексуальной этики (Франческо да Колло), «содомские грехи» (Джером Горсей), «грязное невоздержание» (Джилль Флетчер), «содомиты» и «запятнанные скотскими страстями» (Жак Маржерет);

– о гомосексуализме в русском обществе: «по укоренившемуся у москов обычаю дозволено на манер греков любить юношей»; «мужики ... предпочитают мальчика в постели женщине» (Джордж Турбервилль); «...особливо большие бояре и дворяне делают ... содомские грехи, мужчины с мужчинами...» (Петр Петрей); «некоторые оскверняются ... содомией; при этом употребляют не только *pueros muliebria pati assuetos* (как говорит Курций), но и мужчин, и лошадей» (Адам Олеарий)¹³;

---

¹³ *Йовий П.* Описание прославленных мужей / Пер. О.И. Варьяш // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 355; *Турбервилль Дж.* Pamфлеты // *Горсей Дж.* Записки о России XVI – начала XVII вв. / Пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 259; *Петрей де Ерлезунд П.* История о великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1867. С. 413; *Олеарий А.* Описание путе-

– о гомосексуализме великих князей: Василий III «обременен гнусным пороком своего отца ... любить юношей» (Павел Йовий) и «ежегодно принимает к себе и содержит» юных детей боярских (Сигизмунд Герберштейн, Павел Йовий); Иван Грозный с Федором Басмановым «творил нечестное деяние», «кустраивал содом» (Альберт Шлихтинг, Александр Гваньини, Генрих Штаден)¹⁴; упоминаются «содомские грехи» Ивана Грозного (Иоганн Таубе и Элерт Крузе), под которыми, однако, можно понимать и разного рода разврат и насилие над женщинами.

Свидетельства иностранцев о нравах русского общества являются достоверным источником еще в меньшей степени, нежели обличительные послания русского духовенства. Далеко не все иностранцы, писавшие о Московии, фиксировали свои реальные наблюдения, так как не все побывали в России. Трактаты ряда иностранных авторов являются изложениями рассказов русских послов или компиляциями из сочинений других иностранцев, посетивших Россию: так, Павел Йовий, негативно характеризуя нравы Василия III и москвитов вообще, находился под влиянием записок Сигизмунда Герберштейна, а Александр Гваньини позаимствовал у Альберта Шлихтинга знаменитую историю о том, как князь Дмитрий Овчинин (Телепнев-Оболенский) упрекнул Федора Басманова в интимной связи с царем, Басманов пожаловался Грозному, и князь был убит.

В тех случаях, когда речь идет не о пороках великого князя или придворных, а о нравах русского общества вообще, достоверность еще понижается, так как здесь методом включенного наблюдения не могли похвастать и посетившие Россию иностранцы. Как неоднократно отмечали исследователи, иностранцы «за немногими исключениями ... писали наугад, по слухам», ибо послов «как правило селили на отгорожен-

---

шествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Пер. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 190.

¹⁴ *Йовий П.* Указ. соч.; *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988. С. 72-73; *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного / Пер. А.И. Малеина. Л., 1935. С. 51; *Гваньини А.* Описание Московии / Пер. Г.Г. Козловой. М., 1997. С. 96.

ных от внешнего мира подворьях и строго ограничивали всякие перемещения по столице», а купцам «внутренние правила компании предписывали никогда не отлучаться на ночь с Английского подворья»¹⁵. Свидетельства о нравах народа зачастую основываются не на непосредственных впечатлениях, а на рассказах, причем вероятно также иностранцев, склонных к опорочиванию русских. Так например, вполне в духе свойственной для сочинений иностранцев картины одиозных нравов московитов, Адам Олеарий рассказывает, как пьяные русские совокуплялись прямо на улице. Олеарий указывает свой источник информации, ссылаясь на рассказ великокняжеского переводчика, скорее всего тоже иностранца¹⁶.

Уже современники критиковали сочинения иностранцев о России как клеветнические: «...много сами издумуют и прибавляют, чего николиже несть было»¹⁷. Ненадежность свидетельств иностранцев в вопросе о нравах русского общества отмечали многие исследователи. В.О. Ключевский, одним из первых (после К. Мейнерса и Ф.П. Аделунга) в исторической науке предпринявший комплексное исследование сочинений иностранцев о России, предупреждал, что известиями иностранцев надо пользоваться «разборчиво и осторожно». Наименьшего доверия, по мнению В.О. Ключевского, заслуживают «известия о нравственном состоянии русского общества», которые «очень отрывочны и бедны положительными указаниями», зато изобилуют «личными, произвольными мнениями и взглядами самих писателей, часто бросающими ложный свет на описываемые явления»¹⁸. Современные исследователи винят в искажениях не столько дефи-

---

¹⁵ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 14; Дмитриева О.В. Затворницы или искусительницы (московитки глазами англичан XVI-XVII вв.) // *De mulieribus illustribus*. Судьбы и образы женщин средневековья. СПб., 2001. С. 195.

¹⁶ «Толмачи или переводчики – все иностранцы» (Рейтенфельс Я. О состоянии России при царе Алексее Михайловиче / Пер. А. Станкевича // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7).

¹⁷ Крижанич Ю.А. Русское государство в половине XVII века. Ч. I. М., 1859. С. 150.

¹⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 8.

цит информации и «личные, произвольные мнения», сколько «литературные и идеологические топосы»¹⁹, и не просто предохраняют от некритического использования известий иностранцев, а намечают путь к их правильному прочтению:

«дело в значительной мере сводится к тому, чтобы подходить к источникам этого типа как к текстам, нуждающимся в дешифровке, своеобразном раскодировании, которое должно предшествовать цитатному их использованию»²⁰.

Мы последуем совету Ю.М. Лотмана и, отнюдь не ставя целью доказать, что «на самом деле» русские были совершенно не знакомы с гомосексуализмом, но тем не менее рассматривая свидетельства иностранцев по этому вопросу не как результат непосредственных наблюдений, а скорее, как тоpos, постараемся выяснить, какими готовыми стереотипами, какими представлениями иностранцев о гомосексуализме, с одной стороны, и о русском народе, с другой, обусловлены подобные «наблюдения».

Начавшие появляться в 1970-х гг. многочисленные исследования по истории гомосексуальности в средневековом западном мире²¹ уделяют особое внимание эволюции отношения церкви, светских властей и общества к гомосексуалистам. Это отношение изменялось на протяжении всего средневековья. Так, ранняя церковь клеймила гомосексуализм, а особенно педофилию, однако, преследования почти

---

¹⁹ Дмитриева О.В. Там же; См. тж. Карацуба И.В. Указ. соч. Интересно, что Карацуба по вопросу о «стереотипах восприятия» и «этнических предубеждениях» ссылается на работу 1966 г. «Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений)», написанную И.С. Коном, который через 30 лет, перейдя к изучению сексуальной истории, практически пренебрег поправками на стереотипы и предубеждения.

²⁰ Лотман Ю.М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 125.

²¹ Goodich M. Sodomity in Ecclesiastical Law and Theory // Journal of Homosexuality. 1977. Vol. 2; *Idem*. The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period. Oxford, 1979; Bullough V.L. Op. cit.; Karlen A. Homosexuality in History // Homosexual Behavior. N.-Y., 1980; Boswell J. Christianity, Social Tolerance and Homosexuality: Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the 14th century. Chicago-London, 1980.

не практиковались. В раннем средневековье наблюдался рост церковного регулирования нравственности и идеализация аскетического образа жизни; для этого периода крайне мало свидетельств о распространенности гомосексуализма, и тем менее о его преследовании. Для высокого средневековья характерно широкое распространение гомосексуализма в разных слоях общества, появление людей, отличающихся подобными наклонностями, на самых ключевых постах (среди королей, придворных, высшего духовенства), создание особой гомосексуальной субкультуры со своей модой, литературой. При этом гомосексуальные отношения не скрывались, были предметом публичного дискурса и не вызывали не только гонений, но и открытого осуждения общества. Начиная с XIII века ситуация меняется: растет враждебность в народной литературе и теологических сочинениях, развивается законодательство против гомосексуализма и других сексуальных девиаций. Нетерпимое отношение, влекущее за собой репрессивную политику, бытовало на протяжении позднего средневековья и Возрождения, как в католическом, так и в протестантском обществе²².

Исследователи зачастую затрудняются объяснить причины таких изменений в отношении западного общества к гомосексуализму²³, однако приводят ряд интересных факторов, скорее не каузирующих, а так или иначе характеризующих дискриминацию гомосексуалистов.

Негативное отношение церкви и общества к гомосексуализму в XIII в. росло параллельно нетерпимости к разнообразным другим меньшинствам: еретикам, евреям, мусульманам и др. Согласно концепции «преследующего общества»²⁴, церковь и светские власти стремились повысить религиозную и гражданскую лояльность населения, для чего требовалось сплотить западный христианский мир перед лицом Чужого, Врага и, соответственно, предварительно создать

---

²² *Brundage J.A.* Law, Sex and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987.

²³ «Причины этой перемены нельзя удовлетворительно объяснить» (*Boswell J.* Op. cit. P. 334).

²⁴ *Moore R.I.* The Formation of a Persecuting Society: Power and Deviance in Western Europe, 950-1250. Oxford, 1987.

образ этого Врага. Взаимозаменяемыми составляющими этого образа и стали различные девианты, в том числе гомосексуалисты:

«гомосексуальные мужчины были с очевидной легкостью включены в стереотип общего врага наравне с евреями, еретиками и прокаженными, с которыми ... их быстро стали отождествлять в риторике и обвинениях»²⁵.

Ассоциирование мужеложества с ересью, а также с колдовством, подтверждается многими источниками; оно проявлялось как в теории (в трактатах многих католических богословов), так и на практике (например, в процессе тамплиеров, которых обвиняли в ереси/сатанизме и в мужеложестве); даже на этимологическом уровне: слово «bugger» («bulgar») использовалось сначала для обозначения еретиков (альбигойцев), а позже – мужеложцев²⁶. Взаимозаменяемость еретиков и гомосексуалистов видна также на примере инквизиционной практики. Так, в XVI в. в Севилье осталось совсем мало маранов, в связи с чем севильский инквизиционный трибунал испытывал дефицит в жертвах и активизировал преследования содомитов²⁷. В Португалии же маран-

---

²⁵ Ibid. P. 94.

²⁶ *Karlen A. Op. cit. P. 88-89; Bullough V.L. Sexual Variance in Society and History. Chicago-London, 1976.* Джон Босуэлл называет объективные причины этого отождествления: 1) гомосексуалисты действительно могли оказаться в еретической среде, будучи вытесненными католической церковью, все более враждебной к этому виду сексуальной девиантности; 2) ереси, осуждающие размножение как обречение новых душ на пребывание в темнице мира сего (например, катары), действительно могли поощрять гомосексуализм как сексуальную практику, не чреватую деторождением; могли быть убежденные гомосексуалисты, отстаивающие право на гомосексуализм (возможно, так как помнили прежнюю терпимость церкви), которые должны были осуждаться как еретики, так как не просто совершали плотский грех, но восставали против церковной доктрины (*Boswell J. Op. cit. P. 284*). В любом случае, даже если это отождествление и имело основание, со временем оно превратилось просто в топос.

²⁷ *Perry M.E. The «Nefarious Sin» in Early Modern Seville // The Pursuit of Sodomy: Male Homosexuality in Renaissance and Enlightenment Europe. / Ed. K.Gerard, G. Hekma. N.-Y. – L., 1989.*

нов было достаточно, и португальская инквизиция практиковала довольно мягкое отношение к гомосексуалистам²⁸.

Помимо отождествления с другими преступлениями против церкви и общества (ересь, проказа), гомосексуализм прочно ассоциировался с прочими как сексуальными, так и просто плотскими грехами, с неумеренностью в еде, пьянством и ленью. Одних и тех же людей часто обвиняли и в мужеложестве, и в скотоложестве, и в онанизме; о Невыделенности понятия гомосексуализма из группы запретных сексуальных практик свидетельствует употребление терминов «содомия», «противоприродный грех» для обозначения различных сексуальных перверсий. В ряде трактатов и других сочинений XII-XIV вв. (у Бернара де Морваля, Петра Кантора, Уильяма Лэнгленда) гомосексуализм рассматривается как частный случай гедонизма, царящего в современном обществе, производная от неумеренности в еде и питье и праздности²⁹.

Не реже, чем с еретиками, гомосексуализм ассоциировался с иноверцами или даже просто с иностранцами. Это связано с распространенной в разных культурах теорией «заражения», которая «возлагала вину за гомосексуальность, женоподобие и другие сексуальные девиации на иностранное влияние, особенно с порочного Востока»³⁰. В сочинениях о Крестовых походах (Гвиберта Ножанского, Жака де Витри) мусульманам неоднократно инкриминируется пристрастие к гомосексуализму, с которым их якобы познакомил сам пророк Мухаммед. Мусульмане также обвинялись в сексуальных насилиях над мужчинами-христианами, в том числе, что самое прискорбное, над клириками; в позднее средневековье в торговле христианскими мальчиками и насилии над ними обвиняли африканских мусульман и турок³¹.

---

²⁸ Mott L. *Love's Labors Lost: Five Letters from a 17th century Portuguese Sodomite* // Ibid.

²⁹ Peter Cantor. *De vitio sodomitico* (XII c.) // Boswell J. Op. cit. (Appendix). P. 375.

³⁰ Karlen A. Op. cit. P. 86.

³¹ Poirier G. *L'homosexualite dans l'imaginaire de la Renaissance*. P., 1996.

В христианском обществе Пиренейского полуострова, долгое время тем или иным образом соприкасавшемся с обществом арабским, гомосексуализм также традиционно ассоциировался с мусульманами и морисками. Так, в 1568 г. в Севилье активизировались преследования мужеложцев в связи с переселением туда четырех тысяч морисков после восстания морисков под Гранадой³². Содомский грех приписывали и другим Чужим в испанском христианском обществе – маранам. Позднесредневековые кансьонерос (поэтические сборники) полны нападок на придворных маранов, которых, в частности, обвиняли в гомосексуализме: «он на одну четверть маран, а на три – содомит»³³. В Испании XVI в. было принято также инкриминировать гомосексуальные пристрастия итальянцам³⁴.

Этот порок уверенно атрибуировали и вновь открытым народам, находящимся за границей как Своей западной цивилизации, так и Чужой, но знакомой, восточной, – «варварам», «дикарям». Путешественники в Новый Свет в XVI в. описывали извращенные нравы и сексуальные аномалии туземцев. Их записки полны портретами гермафродитов, амазонок, нудистов, антропофагов (извращенность дополнялась жестокостью) и гомосексуалистов³⁵. Эти девиации объяснялись – в духе современной медицины – особой «природой» туземцев: их физиологическими дефектами и специфическим тропическим климатом³⁶.

Возвращаясь к сказаниям иностранцев о России, отметим, что те же мотивы, те же топосы проявляются в их сообщениях о сексуальной распущенности русских, в частности

---

³² Perry M.E. Op. cit. P. 76.

³³ Цит. по *Arbos Cr. Los cancioneros castellanos del siglo XV como fuente para la historia de los judios espanoles // Jews and Conversos: Studies in Society and the Inquisition / Ed. Y.Kaplan. Jerusalem, 1985.*

³⁴ Perry M.E. Op. cit.

³⁵ Jean de Lery. *Histoire d'un voyage fait en terre de Bresil (1580)*, Andre Thevet. *La cosmographie universelle (1575)* и др. – См. *Poirier G. Op. cit.*

³⁶ Как показало сопоставление с позднейшими исследованиями этнологов, некоторые выводы касательно девиантных сексуальных практик были сделаны на основании игровых обрядов, принятых западными наблюдателями за реальные жизненные ситуации.

о гомосексуализме, и некоторые из этих топосов каузируют подобные «наблюдения». Гомосексуальные пристрастия русских всегда упоминаются не изолированно, а в комплексе с другими, прежде всего сексуальными, пороками: распутством женщин, которых легко «склонить к любовным утехам»³⁷, особенно с иностранцами; общей развратностью как народа, так и царя (Ивана Грозного), полностью погрязшего в разнообразных сексуальных грехах, включая мужеложество, вуайеризм, многочисленные прелюбодеяния с унижением и насилием над женщинами³⁸; скотоложством, обычно включаемым в понятие содомии, которое более других прегрешений возмущало некоторых авторов: «всего ужаснее, однако ж, дела их с разными неразумными тварями и скотами: они без всякого различия имеют с ними нечестивое соитие»³⁹.

Гомосексуализм, и разврат в целом, неразлучны с другими плотскими грехами: ленью, неумеренностью в еде и, более всего, в питье («неумеренное обжорство и пьянство, распутство и разврат», «...разврата и пьянства ... нет в мире подобного»⁴⁰), причем пьянство нередко рассматривается как корень всех бед, в частности, сексуальных пороков: «мужики ... предпочитают мальчика в постели женщине, такие грехи одолевают пьяную голову»⁴¹.

Сексуальную распущенность русских коррелируют и с гораздо более тяжким грехом – ересью или неверием. Те немногие иностранцы, кто доброжелательно относится к русским, положительно характеризуют как их веру, так и нравы, отмечая набожность и целомудрие народа:

---

³⁷ *Йовий П.* Указ. соч. С. 285; распутство и бесстыдство русских женщин отмечали также Ф. да Колло, А. Олеарий и др.

³⁸ Подобного рода развлечения Ивана Грозного подробно описывают А. Шлихтинг, Г. Штаден, А. Гваньини, И. Таубе и Э. Крузе.

³⁹ *Петрей де Ерлезунд П.* Там же.

⁴⁰ *Буссов К.* Московская хроника, 1584-1613 / Ред. пер. С.А. Акуляниц. М.-Л., 1961. С. 100; *Ченслор Р.* Новое плаванье и открытие царства Московии / Пер. Ю.В. Готье // Английские путешественники о Московском государстве в XVI века. Л., 1938. С. 65.

⁴¹ *Турбервилль Дж.* Там же.

«...они, как кажется, лучше нас следуют Евангелию Христа. ...прелюбодейство, разврат и распутство редко встречаются в их среде. Протвоекестественные пороки им совершенно неизвестны»⁴².

Напротив, большинство иностранных авторов негативно отзываются и о религии, и о морали москвитов, чьи заблуждения в вере, или даже безверие, – очевидные с точки зрения католика или протестанта, – плодят многочисленные пороки («народ лживый, без веры, ... содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и скотскими страстями»); следуют «греческой архисхизматической вере», «полуидолопоклонники», «лживые, жестокие, развратные»⁴³).

Восприятие иностранцами москвитов как Чужих и, соответственно, порочных, связано не только с конфессиональными различиями, но и с предполагаемым, обусловленным географическим положением Московии, сходством русской культуры с культурами мусульманскими, однозначно чуждыми и враждебными. В соответствии с вышеупомянутой теорией «заражения», многие, обычно негативные, явления жизни москвитов объясняются влиянием Чужих для западных авторов русских учителей – греков и соседей татар, а также турок, персов и мусульман вообще. Иногда это влияние отмечается в очень общем смысле и оценивается нейтрально (русские «вообще стараются подражать грекам»⁴⁴), но в большинстве случаев оно выражается в заимствовании однозначно отрицательно оцениваемых феноменов, как-то: турецкий «тиранический» и «варварский» образ правления⁴⁵; подозрительность к иностранцам и запрет пускать их в церкви, в чем «подражают магометанам, так же

---

⁴² Альберт Кампенский. О Московии / Пер. О.Ф. Кудрявцева и С.Г. Яковенко // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 107.

⁴³ Россия начала XVII века: Записки капитана Маржерета / Пер. Т.И. Шаскольской. М., 1982. С. 213; Записки де ла Невилля о Московии 1689 года / Пер. А.И. Браудо // Русская старина. 1891. Т. 71-72, С. 267-268.

⁴⁴ Олгарий А. Указ. соч. С. 173.

⁴⁵ Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. К.М. Оболенского. СПб., 1906. С. 34.

как и во многих других безрассудных действиях»⁴⁶. Теория «заражения» проявляется также в актуальной для нас этической тематике. Так, обычай Ивана Грозного выбирать жен из двух тысяч девиц, не подошедших – брать в любовницы, а потом выдавать замуж «за своих палачей» характеризуется как «варварская, языческая и турецкая привычка»⁴⁷. «Заражением» объясняется и распространенность среди русских гомосексуализма: «...ибо по укоренившемся у москов обычаю дозволено на манер греков любить юношей»⁴⁸.

Естественно, что связывая злонравие москвитов с влиянием их соседей, западные авторы соседним с русскими народам также приписывали разнообразные пороки, в том числе плотские грехи. Черкасы «грубы и преданы пьянству и ... колдовству», а поляки «преданы пьянству больше, нежели русские»⁴⁹. У черемисов и черкасов распространено многоженство и инцест (браки с сестрами), а их жены отличаются бесстыдством⁵⁰. Татары вообще «падки на извращенное любострастие». В Юго-Западной Руси «девочки ... редко сохраняют целомудрие после семилетнего возраста»⁵¹.

Интересно, что теория «заражения» была свойственна и самим русским, что видно как из отечественных источников, так и из известий иностранцев. Применялась она в том числе и к плотским грехам. Так, более «любострастный» поцелуй с использованием языка, русские называли «татарским»⁵².

В числе «трех главных зараз, коими Немцы ... и нас и иных околь себе народовъ наипаче заражаютъ», наравне с ересью (лютеранством) и «политическими ересями» (безвластием

---

⁴⁶ Коллинс С. Нынешнее состояние России / Пер. И. Киреевского. М., 1846. С. 31.

⁴⁷ Таубе И., Крузе Э. Послание к герцогу Курляндскому Готхарду Кеттлеру / Пер. М.Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Петроград, 1922. Кн. 8. С. 55.

⁴⁸ Йовий П. Указ. соч. С. 355.

⁴⁹ Коллинс С. Указ. соч. С. 12, 28.

⁵⁰ Олеарий А. Указ. соч.

⁵¹ Герберштейн С. Указ. соч. С. 167, 185.

⁵² Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов (X-XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 44.

и самоуправством) фигурирует изнеженность, привычка к долгому сну на перинах, неумеренность в еде⁵³. Несмотря на пресловутое традиционное пристрастие русских к пьянству, якобы была опасность путем «заражения» усугубить и этот порок: «четвертая часть города – Стрелецкая слобода – ... выстроена ... для иноземных солдат: поляков, литовцев и немцев – и названа, по попойкам, «Налейками», от слова «Налей!»). Это название появилось потому, что иноземцы более московитов занимались выпивками. ... чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских ..., то пьяной братии пришлось жить в одиночестве за рекой»⁵⁴.

Наиболее важным, однако, в восприятии иностранцами московитов представляется иной топос. Большинство иностранцев рассматривали московитов как дикарей, недалеко ушедших в развитии от животных, варваров: «...и зовут нас Барбарми, и паче в скотовском, неже въ человеческомъ числу нас поставляют»⁵⁵. Практически все авторы сочинений о России XVI-XVII вв. используют эту характеристику: «варварский народ»; «все туземцы – большие варвары»; «когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нрава и образа жизни, то их, без сомнения, нельзя не причислить к варварам»⁵⁶ и т.п. Понятие «варвар» включает в себя устойчивый набор негативных качеств, которые ряд авторов перечисляют сразу, в качестве развернутой дефиниции к слову «варвар» и, соответственно, «москвит»: «москвитяне ... сущие варвары, недоверчивые, лживые, жестокие, развратные, обжорливые, корыстолюбивые, нищие и трусы»⁵⁷. Стандартная характеристика «русских варваров» состоит из плотских грехов (пьянство, обжорство, развратность), дурных душевных качеств (жестокость, бранчивость, лживость, трусость), грубости поведения (нечистоплотность, невоспитанность, невежество). В объяснении некоторых этих качеств появляется биологический детерминизм. Иностранцы считают, что у мос-

---

⁵³ Крижанич Ю.А. Указ. соч. С. 238-239.

⁵⁴ Олгарий А. Указ. соч. С. 155.

⁵⁵ Крижанич Ю.А. Указ. соч. С. 144.

⁵⁶ Коллинс С. Указ. соч. С. 59; Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын Отечества. 1842. № 6-7. С. 5; Олгарий А. Указ. соч. С. 178.

⁵⁷ Записки де ла Невилля о Московии... С. 267.

ковитов в силу особенностей климата или питания существует своя «природа», отличная от «природы» западного человека:

«пьянство в их природе»; они «вялы и недеятельны, что ... происходит частью от климата и сонливости, возбуждаемой зимним холодом, частью же от пищи, которая состоит преимущественно из корней, лука, чеснока, капусты и подобных произрастений, производящих дурные соки»⁵⁸.

Иногда отмечается специфическая «природа» отдельных личностей: Иван Грозный каждый день пытается людей в застенке, «вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость»⁵⁹.

Важная составляющая варварского облика москвитов – это их неприемлемое, с точки зрения иностранцев, поведение, вызванное природной грубостью и незнакомством с нормами цивилизованного общества. Русские неопрятны и нечистоплотны, не моют руки и не пользуются столовыми приборами⁶⁰. Они не считают должным скрывать различные внешние проявления воспаления горла (кашель, отхаркивание) или процесса пищеварения – икоту, отрыжку, метеоризм: «они не стесняются во всеуслышанье и так, чтобы было заметно всем, проявлять действие пищи после еды и кверху и книзу»⁶¹.

Интересно, что пресловутая развратность русских, отмечаемая почти всеми иностранцами, заключается не столько в фактических сексуальных извращениях и излишествах, сколько в обычаях, в нормах поведения, чуждых и неприемлемых для западных наблюдателей и воспринимаемых ими как проявление развратности народа. Так, мужчины и женщины вместе моются в бане и после бани выходят голые на улицу охладиться⁶². У русских грубые и неприличные развлечения: «бродячие комедианты, танцуют, открывают зад»⁶³.

Несовпадение представлений иностранцев и русских о приличном и неприличном проявлялось также в речевом

---

⁵⁸ Турбервилль Дж. Указ. соч. С. 259; Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. К.М. Оболенского. СПб., 1905. С. 155.

⁵⁹ Таубе И., Крузе Э. Указ. соч. С. 39.

⁶⁰ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 206-207.

⁶¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 188; Петрей де Ерлезунд П. Указ. соч. С. 385.

⁶² Записки де ла Невилля... С. 267.

⁶³ Олеарий А. Указ. соч. С. 189.

этикете: московиты необразованы и невежественны; задача хорошего собеседника – говорить «грубые похабности и неприличности»; они «не считают грешным и срамным делом вести разговор об ужасных вещах»⁶⁴. Под «ужасными вещами» понимаются «безнравственные поступки» и «гнусные пороки», включая центральный для нашего исследования.

Чрезвычайно важно, что в большинстве случаев иностранцев возмущает не сам факт содомии, а ненаказуемость этого греха и открытое обсуждение его в обществе:

«... бояре и дворяне ... считают для себя честью делать это [мужеложество], не стесняясь и гласно»⁶⁵; «это обстоятельство [мужеложество и скотоложество] доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно. Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах...»⁶⁶.

Иностранцы сокрушаются не столько о том, что в Московии есть мужеложество, скотоложество и продажа женщин, сколько о том, что эти грехи не караются законом⁶⁷.

Свидетельства иностранцев о гомосексуализме русских, таким образом, связаны не с большей распространенностью этой сексуальной девиации на Руси, чем на Западе, а скорее, с несовпадением представлений о приличном/неприличном, этикетных норм, со словом, а не делом, с выражением, а не содержанием. Если, как уже отмечалось, иностранцы вряд ли имели возможность наблюдать нравы русских, особенно не из высшего общества, то изучить границы публичного дискурса, по крайней мере в определенных кругах, они могли вполне. Допустимость обсуждения содомского греха в русском обществе, и чуть ли не мода на это, шокировала представителей западного мира, где гомосексуализм не только карался законодательством, но само упоминание этого «не-

---

⁶⁴ *Петрей де Ерлезунд П.* Указ. соч. С. 385.

⁶⁵ Там же. С. 413.

⁶⁶ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 190.

⁶⁷ Русское законодательство по этому поводу критикуют С. Герберштейн, П. Петрей, А. Олеарий и другие. Именно такая расстановка акцентов подтверждается следующим примером: Франческо да Колло рассказывает, что в Москве легко купить женщин и члены посольства, включая его самого, это сделали. Да Колло, очевидным образом, осуждает не факт покупки, а ее легитимность.

произносимого порока»⁶⁸ было табуировано. Так, один иностранец прямо подчеркивает саму нецензурность описываемого греха: Иван Грозный с Федором Басмановым, «противно природе (грех вымолвить) устраивал содом»⁶⁹.

Остается только предполагать, что послужило причиной для такого «неприличного» увлечения придворных кругов темой содомии. Возможно, действительно существовала придворная гомосексуальная субкультура (как на Западе в высокое средневековье) с модой на женоподобных юношей, о чем писали как российские иерархи (митрополит Даниил), так и иностранцы: Сигизмунд Герберштейн и вслед за ним Павел Йовий в контексте «любви к юношам» упоминают «юных детей боярских», которых брал на содержание Василий III. Возможно, содомский грех просто был популярным предметом шуток («здесь же, на Руси, таким отвратительным преступлением просто шутят»⁷⁰), вполне допустимых – в отличие от Запада – в светской беседе и совсем не обязательно подкрепленных популярностью самого греха. Можно также предположить, что гомосексуализм был предметом отнюдь не хвастовства или шуток (как неправильно поняли иностранцы), а обсуждения грехов, покаяния или взаимных обвинений, бывших важной составляющей публичного дискурса в связи с напряженным ожиданием Конца Света⁷¹.

Отнюдь не отказывая москвитам XVI-XVII вв. в знакомстве с гомосексуализмом, мы видим, что популярный источник по этому вопросу – известия иностранцев, – инкриминируя русским широкое распространение содомии, грешат проецированием на вновь открытый народ ряда стереотипов, типичных для западноевропейского дискурса о гомосексуализме. Так, русские с большой вероятностью должны быть виновны в этом пороке, так как они придерживаются неистинной веры, тесно общаются с мусульманами, представите-

---

⁶⁸ Goodich M. The Unmentionable Vice...

⁶⁹ Гваньини А. Указ. соч. С. 96.

⁷⁰ Крижанич Ю.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 231.

⁷¹ Об эсхатологических настроениях на Руси в XVI в. см. Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный Суд // Отечественная история. 1997. № 3.

лями «порочного Востока», а также являются типичными варварами со всеми присущими им «скотскими страстями».

Единственная вероятная обусловленность подобных свидетельств иностранцев русской реальностью связана не с распространенностью гомосексуализма *de facto* во всем русском обществе, а с неприемлемой для западного человека XVI-XVII вв. легитимностью и, возможно, даже популярностью темы в публичном дискурсе высших слоев общества.

М.А. Буланакова

**Литературная биография леди Маргарет
Кавендиш, герцогини Ньюкасл:
особенности организации социального опыта
знатной женщины**

Обращение к биографическому жанру в контексте женской истории позволяет увидеть не только персональный опыт героинь исследований, но одновременно с этим выделить особенности организации женского социального опыта определенной эпохи. Биографический сюжет фиксирует действительно уникальный пласт исторической реальности – историю отдельной личности. Многие исследования по женской истории раннего нового времени имеют своим отправным моментом отдельно взятые женские биографии. Своеобразная мозаика биографических сюжетов позволяет очерчивать наиболее значимые контуры социально-культурного статуса женщин – героинь биографических описаний. Женские персоналии представляют материал для выявления социальной динамики в сфере гендерных отношений, характеристики эволюции семьи, брака и т.д.

Сара Мендельсон в работе, посвященной женщинам стюартовской эпохи, формулирует вопрос о том, «какую информацию о параметрах ментального мира женщин семнадцатого века дают нам индивидуальные биографии»¹. В ходе исследования этот вопрос освещается значительно шире и включает оценку классовый, гендерной, интеллектуальной репутации современниц стюартовской эпохи. Прочтение отдельных биографий позволило С. Мендельсон кристаллизовать идею о ригидности и патриархальности собственно женского мира, указать на то, что большинство представительниц женского пола времени Стюартов подпитывали своим поведением патриархальные принципы гендерной субординации.

Напротив, Барбра Левалски, рассматривая биографии англичанок, занимавшихся литературным сочинительством, указывает на то, что конфликты, в которые вступали ее героини со

---

¹ *Mendelson S. The Mental World of Stuart Women. Amherst, 1987. P. 185.*

своим окружением, определялись противоречивым женским статусом в обществе раннего нового времени. Женщины могли открыто противостоять той модели социальных отношений, которую были призваны воспроизводить и поддерживать².

В изложении Натали З. Дэвис каждая биография – это мощный культурный пласт, пересечение конфессиональных, образовательных, профессиональных и прочих конструкторов социального положения женщин. В монографии «Дамы на обочине» Дэвис раскрывает косность исследовательских стереотипов в толковании статуса женщин раннего нового времени. Она полагает, что его изменение было возможно за рамками доминирующей системы общественных отношений. Так, героини Дэвис не только не протестуют против отстраненности от структур власти или других традиционных привилегий, но, напротив, активно создают свой маргинальный мир³.

Разнородность исследовательских суждений об организации социального опыта женщин и характере женского общества раннего нового времени не исключает возможности определения общих критериев в оценке статуса женщины и способов изменения ее социальной позиции. С одной стороны, признается субординированность женщин в системе гендерных (и более широко – общественных) отношений, с другой – определяются различные пути динамики социального статуса женщины. Диапазон этого движения широк – от конфликта с традиционным патриархальным обществом, до формирования собственной культурной позиции в маргинальных сферах социальных отношений. Изучение особенностей организации социального опыта женщин раннего нового времени, таким образом, требует выяснения представлений женщин о собственном статусе.

Леди Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл (1623-1673) представляет особый интерес в этом отношении. Ее биография является богатым источником для изучения целого круга проблем, связанных с характеристикой социального статуса знатной англичанки эпохи Стюартов. С другой стороны – история

---

² Lewalski B. *The Writing Women in Jacobean England*. Harvard, 1993.

³ Дэвис Н.З. Дамы на обочине: три женских портрета XVII века. М., 1999. С. 237, 244.

жизни леди Маргарет является самостоятельным предметом исследования, позволяющим проследить преломление социально-культурных реалий в рамках индивидуального опыта.

Изучение биографии герцогини Ньюкасл связано с обращением к ее литературному наследию. Это разножанровые тексты – поэтические, драматургические, эпистолярные, философские. Сочинения герцогини содержат обширный пласт биографической информации и по большей части носят характер культурной рефлексии. Осмысление прошлого опыта выражается леди Маргарет в форме литературного творчества.

Отдельные эпизоды своей жизни леди Маргарет многократно включает в свои сочинения, создавая эффект взаимодополняющих впечатлений. Таким образом, основные факты, события жизни герцогини Ньюкасл, их эмоциональное звучание можно почерпнуть из ее собственных текстов.

Произведения Маргарет Кавендиш зачастую служат средством обобщения личного опыта. Для самой герцогини факты ее биографии не менее важны, чем политические метаморфозы современной ей эпохи. Описание персонального или частного опыта не менее значимо, чем широкомасштабные сюжеты национальной или всемирной истории. Частная история служит для описания действий и жизни отдельных персон, позволяет представить человека в его подлинном облике, защитив от возможных искажений, предвзятых мнений или ошибочных толкований жизни героя⁴.

Собственно автобиография леди Маргарет представляет небольшое по объему произведение, которое в сравнении с ее текстом «Жизнеописаний...» Уильяма Кавендиша, супруга леди Маргарет, выглядит крайне схематично. Впервые оно было опубликовано в 1656 году в сборнике ее текстов «Истинные зарисовки природы...» (*Natures pictures, drawn by Fancies Pencil to the Life*). Обращение к жанру автобиографии Маргарет Кавендиш объясняет стремлением отыскать истину, а отнюдь не тщеславными целями:

---

⁴ *The Lives of William Cavendish, Duke of Newcastle, and of his wife, Margaret Duchess of Newcastle. L., 1872. P. XXIX-XXX. (Далее – The Lives.)*

«я пишу исключительно для собственного удовольствия, а не для удовольствия других»⁵.

Исходя из того, что каждый благородный читатель мог бы спросить, – почему эта леди написала о своей жизни, – Маргарет Кавендиш рассматривает текст автобиографии как возможность социальной рефлексии и рассуждения об ошибках и личных успехах. Леди представляет подробное описание своей семьи и историю своего отца Томаса Лукаса, графа Колчестера; описывает коллизии собственной жизни и брак с Уильямом Кавендишем, маркизом Ньюкаслом; дает детальные характеристики современному ей обществу и описывает свой образ жизни. Эти и другие автобиографические зарисовки находят воплощение в различных литературных текстах. Используя прием дублирования собственного жизненного опыта в рамках вымышленного (фикционального) текста, леди Маргарет переосмысливает те конфликтные ситуации, которые остались неразрешенными в реальности или имели неблагоприятные последствия для семейств Лукасов и Кавендишей. В таких сюжетах как дуэль отца и упадок влияния семьи Лукасов; конфликт юной Маргарет Лукас и придворной среды; отступление Уильяма Кавендиша в сражении при Марстон Муре и дальнейшая эмиграция и других герцогиня Ньюкасл выстраивает апологию и дает положительную трактовку действий своих героев. Помещая реальные факты в вымышленное пространство, леди Маргарет получает возможность свободно излагать собственные суждения и оценки. Более того, в рамках художественного текста у нее появляется возможность домысливать реальные события и разрешать их в свою пользу. Поэтому литературный текст является для Маргарет Кавендиш наиболее продуктивным способом осмысления и критики прошлого опыта, как личного, так и социального.

Автобиография представляет собой источник сюжетов и моральных коллизий для литературного творчества герцогини, а автобиографический характер сюжетов обеспечивает оригинальное звучание большинства ее произведений.

---

⁵ Ibid. P. 309-310.

Сопоставление сочинений герцогини Ньюкасл позволяет выделить различные грани одного и того же биографического сюжета, определить эмоциональную значимость этих событий для самой герцогини. Важно, что во всех текстах автор осуществляет перенос жизненной ситуации в плоскость нравоучительного повествования, в соответствии со шкалой моральных ценностей и приоритетов аристократического круга дает самостоятельную оценку событиям и человеческим поступкам.

Скромная автобиография Маргарет Кавендиш включает не только описание ее собственных жизненных перипетий, но и содержит подробную информацию о семье. Леди Маргарет, урожденная Лукас, принадлежала к одной из знатных семей Эссекса⁶. Она была младшей дочерью Томаса Лукаса и Элизабет Лейтон. Важным эпизодом в жизни семьи Лукас был конфликт отца семейства с родственником лорда Кобема. В 1597 г. Томас Лукас убил на дуэли противника, после чего был вынужден выехать во Францию. Вскоре после коронации Якова I дуэлянт был амнистирован, вернулся в Англию и женился на Элизабет Лейтон (будущей матери Маргарет), которая к моменту брака уже родила первенца⁷.

Томас Лукас, граф Колчестер умер в 1625 г., когда его младшей дочери Маргарет было всего лишь два года. Леди Маргарет, почти не знавшая отца, была склонна говорить о нем в героической манере. В описаниях Кавендиш предстает образ благородного и справедливого человека, наделенного добродетелями, которых достоин не каждый представитель высшей знати. Образ отца, как и в дальнейшем, образ мужа, в сочинениях леди Маргарет кристаллизуется в самостоятельный характер или идеальный тип благородного человека, в сравнении с которым расцениваются поступки современников. Отец не принадлежал к аристократическим кругам, но был благородного происхождения. Его титул прошел испытание временем, а не зависел от сиюминутного расположения монарха⁸. Такие

---

⁶ См. работы, включающие подробные биографические описания жизни герцогини Ньюкасл: *Grant D. Margaret the First. Toronto, 1957; Mendelson S. Op. cit.*

⁷ *Mendelson S. Op. cit. P. 12.*

⁸ *A True Relation of My Birth, Breeding, and Life // The Lives... P. 226.*

пассажи в толковании благородства и дворянских титулов можно встретить на страницах «Писем общения»⁹.

Утверждение леди Маргарет о том, что более достойно обладать заслугами, превышающими титул, чем без заслуг принимать титул, особенно было понятно выходцам из кругов провинциальных джентри, нежели столичным аристократам. Проникавшие во властные структуры на местах и обладавшие значительным экономическим потенциалом для дальнейшего усиления политического влияния, джентри сталкивались с доминированием аристократии.

Семья Лукасов относилась к числу богатейших в Эссексе и имела доступ ко двору. Известная дуэль прервала активный рост влияния семьи Лукасов, потому это событие Маргарет Кавендиш трактует как роковое в жизни семьи в целом. С этого момента история семьи превратилась не более чем в хронику записей рентных выплат¹⁰. Леди Маргарет не осуждает отца за те потери, которые понесла семья, более того, не скрывает тот факт, что Томас Лукас дрался на дуэли и убил джентльмена. Для разъяснения морального содержания этого поступка леди Маргарет неоднократно поднимает тему дуэли и исследует причины и ритуал их проведения, оправданность столь варварского способа выяснения отношений. Но поступок отца не подвергается сомнению, поскольку Томас Лукас дрался на дуэли чести¹¹.

Несмотря на потерю королевского расположения, представители семьи Лукасов сохраняли лояльность к властям и королевским особам.

«Мы жили законопослушно, поскольку бунт разрушает чувство спокойствия и радости даже при королевском дворе и в покоях государей, тогда как в условиях мира даже в менее благополучном положении можно жить в большем достатке и с большим наслаждением нежели это делают правители...»¹².

---

⁹ CCXI Sociable Letters, Written by the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, the Lady Marchioness of Newcastle. L., 1664. P. 12-13. (afterwards Sociable Letters...). Перевод части писем см. далее.

¹⁰ Grant D. Margaret the First. Toronto, 1957. P. 34.

¹¹ Sociable Letters... P. 141-145.

¹² A True Relation of my Birth, Breeding, and Life // The Lives... P. 268.

Лояльность в понимании леди Маргарет – одна из важных черт аристократии и дворянства.

С началом военных действий в 1642 г. семья Лукасов перебирается в Оксфорд, где в это время располагался двор Генриетты Марии, и были сконцентрированы силы роялистов. В Оксфорде леди Маргарет объявила семье о желании поступить на придворную службу в качестве фрейлины королевы. Желание попасть ко двору было настолько сильным, что она пошла на разлад с семьей, но добилась своего¹³.

Однако молодая леди столкнулась с непреодолимыми для нее трудностями придворной жизни и уже в первые месяцы пребывания при дворе объявила о желании вернуться в семью. Впечатления от жизни двора леди Маргарет положила в основу значительной части своих литературных произведений.

В оценке леди Маргарет все заботы придворного круга сводятся лишь к собственной внешности – эффектности одежды, манер и куртуазности поведения, но вовсе не связаны со спасением души. У придворных слишком мало времени для обращения к Богу и для молитв, а «душа для них и вовсе не ясно, что собой представляет»¹⁴. Возможно, столкнувшись с придворным образом жизни, молодая леди Кавендиш пережила одно из самых глубоких разочарований в жизни.

«Они живут без совести и умирают без страха... Их храбрости хватает на то, чтобы скрываться от долгов; завоевывать любовниц, не боясь сифилиса; лстить, дурачить, лицемерить...»¹⁵

Столь категоричная оценка позволяет леди Маргарет дистанцироваться от той среды, в которую она настойчиво пыталась влиться. Раскрывая свой опыт в драматургических сценах, леди Маргарет освещает и реакцию светского общества на свое появление при дворе.

Одна из ее героинь Леди Скромность, попадая в круг внимания придворных кавалеров, теряется под напором их повышенного интереса, а лстивые комплименты в адрес ее красоты

---

¹³ Ibid. P. 277.

¹⁴ Сходные характеристики получают придворные аристократки на страницах «Писем общения». См. *Sociable Letters...* P. 15-16.

¹⁵ *The Presence. Act I, Scene II // Plays, Never Before Printed... L., 1668. P. 4-6.*

и молодости повисают в воздухе без куртуазного ответа. Оценка, которую в связи с этим получает из уст придворных Леди Скромность, несет негативный оттенок. Юная фрейлина предстает в качестве дикарки, неспособной даже поддержать светскую беседу.

«Выглядит она туповатой простушкой с меланхоличным взглядом, которая... способна быть такой же верной, как Пенелопа»¹⁶.

Придворные дамы не желают принять в свой круг Леди Скромность, а джентльмены опасаются той скуки, которую навеивает ее благочестие.

Попытка леди Маргарет покинуть двор столкнулась с категорической позицией матери, которая полагала, что такой поступок будет расценен обществом как вызывающий и повредит девушке¹⁷.

Одной из наиболее значительных причин своего отшельничества и критического отношения к современному ей обществу леди Маргарет называет бессмысленность времяпрепровождения и низкую образованность женщин аристократического круга. Среди наиболее нелепых сторон жизни аристократок леди Маргарет называет женскую болтовню и карточные игры.

В описаниях М. Кавендиш карточные игры – один из атрибутов светского образа жизни и один из любимых способов времяпрепровождения английских аристократок.

«Женщины играют не меньше мужчин, так же, как и они, ссорятся во время игры и чуть ли не дерутся на дуэлях, продолжая сражаться в речах. Представительницы нашего пола настолько увлечены карточными играми, что не стремятся найти удовольствия ни в поэзии, ни в философии...»¹⁸

Столь ожесточенная критика карточных игр для леди Маргарет Кавендиш имеет свои основания. Пытаясь объяснить причины женского приниженного положения в обществе, она указывает на тот факт, что женщины невежественны по природе, но, более того, они не желают расставаться со своей необразованностью и невежеством, поскольку ленивы от природы

---

¹⁶ The Presence. Act I, Scene V // Plays, Never Before Printed... P. 12-14.

¹⁷ Mendelson S. Op. cit. P. 17; A True Relation of my Birth... P. 279.

¹⁸ Sociable Letters... P. 38-39.

и бесполезно, в том числе на карточные игры, тратят время¹⁹. Критические суждения герцогини Ньюкасл отражают общее состояние женской образованности в стюартовской Англии, а жесткий тон возможно определяется тем, что герцогиня соотносит уровень мужского и женского образования.

Тем не менее, домашнее образование, которое, как правило, получали знатные женщины, соответствовало запросам общества – девушку готовили к замужеству и материнству, самостоятельной хозяйственной деятельности, светскому общению. «Женщина должна быть хранительницей семейного очага и матерью»²⁰. В аристократических семьях существовала практика приглашать для девушек наставников, с целью изучения языков, обучения чтению и письму. Молодая аристократка обязательно брала уроки музыки и танцев. Образование женщины регулировалось со стороны ее родителей, опекунов или мужа. По желанию матери леди Маргарет Кавендиш в молодости не утруждалась занятиями языками и философией, о чем неоднократно сожалела в дальнейшем²¹. Но в целом о своем воспитании леди Кавендиш отзывалась в положительных тонах:

«...моя мать заботилась более всего о том, чтобы мы были воспитаны добродетельными и скромными, по законам чести и благородства...»²²

Среди своих домашних занятий она перечисляет пение, танцы, игру на музыкальных инструментах, обучение чтению и письму. Упоминая братьев, леди Маргарет указывает на то, что их образование было предметом особой заботы матери, Элизабет Лукас более тщательно контролировала занятия мальчиков²³, нежели дочерей.

Об образованности женщин леди Маргарет отмечала:

«Женский пол ослеплен невежеством и пребывает в неграмотности, ...женщины настолько далеки от управления собственными

---

¹⁹ Sociable Letters... P. 38-40.

²⁰ Mendelson S.H., Crawford P. Women in Early Modern England... P. 83.

²¹ См., например: Philosophical Letters... L., 1664. P. 2.

²² A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendish, Duke of Newcastle and his Wife... L., 1871. P. 271.

²³ Ibid.

страстями и желаниями, что страсти и желания управляют всей их жизнью...»²⁴

Сама леди Маргарет интересовалась моральными основами жизни общества, проблемами литературного творчества, натур-философией. Однако эти вопросы лежали за пределами того круга знаний, который определялся для женщин стюартовским обществом. Следовательно и критика леди Маргарет в большей степени предполагала разоблачение ограниченности системы женского образования, а понятие «женское невежество» отражало тот уровень знаний, которым довольствовались значительное большинство представительниц аристократии. Критические замечания герцогини в адрес представительниц аристократии отражали ее личный опыт: Маргарет Кавендиш оставалась изгоем в аристократической среде, имея при дворе Генриетты Марии репутацию «дикарки», а в годы Реставрации – характеристику «чрезмерно экстравагантной и забавной леди»²⁵.

Одним из истоков ее противоречий с придворной средой стало понимание роли женщины, моральных основ ее поведения в обществе. Резкие суждения со стороны леди Маргарет в адрес представительниц знати вызваны ее расхождением с современными представлениями о природе женской красоты. По мнению леди Маргарет, привязанность к своему образу, боязнь старости, так присущая представительницам женского пола, свидетельствуют о том, что женщина воспринимает собственную красоту как факт, оторванный от нравственных качеств, что ведет не только к падению нравственности, но и превращает все волнения женщин по поводу собственной внешности в комический фарс.

«Не стоит умирать раньше своей красоты, поскольку печальные одежды старости предпочтительнее, чем белая вуаль смерти на лице.»²⁶

Распространенная в обществе раннего нового времени теория возрастов определяла для женщины необходимость соответствовать своему возрасту в речах, поступках, одежде²⁷,

---

²⁴ *Sociable Letters...* P. 38-40.

²⁵ *Grant D. Op. cit.* P. 20.

²⁶ *Sociable Letters...* P. 2-3.

²⁷ *Mendelson S.H., Crawford P. Op. cit.* P. 76.

каждые семь лет менять прежний гардероб на тот, что будет соответствовать возрасту, а также внимательно относиться к косметике и беречься от нелепостей омоложения²⁸. Герцогиня Ньюкасл полагает, что возраст женщины, когда она уже не может называться красивой, должен стать временем расцвета ее мудрости²⁹.

Увлечение собственной внешностью и гардеробом было одним из излюбленных занятий представительниц знати, тем более что эти занятия поощрялись обществом и определялись запросами аристократической среды. Леди Маргарет и среди своих слабостей называет увлечение модой и стремление создать неповторимый стиль в одежде³⁰.

Женский интерес к моде и нарядам определялся общими представлениями о женском воспитании, требованиями светского образа жизни. Модная одежда являлась наиболее значимым способом репрезентации человека и считалась важным условием для куртуазного общения. Леди Маргарет называет умение одеваться и следовать моде женской поэзией. Положительные героини пьес леди Маргарет непременно были красивы и умели модно одеваться. Но если красота женщины не подкрепляется ее добродетелями, считает герцогиня, то очевидны ее губительные качества, поскольку красота теряет свое назначение – улучшать природу женщины.

Красота способна приносить вред даже самим женщинам. С точки зрения леди Маргарет, все, кто порицает фривольных женщин, правы, поскольку куртизанки пользуются своей красотой для неблагоприятных целей.

В руках куртизанок – магическое искусство превращения разумных мужей семейств в расточительных глупцов, непристойных прелюбодеев, примитивных и недалеких ослов³¹. Куртизанки пользуются не только своей красотой, но и привлекают к себе самыми различными намеками, приятными речами... Они обладают искусством танца, музицирования, умением одевать-

---

²⁸ Advice to a Daughter...P. 114-115.

²⁹ Sociable Letters... P. 54.

³⁰ A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife...L., 1871. P. 302-304.

³¹ Sociable Letters... P. 116-118.

ся. Все это позволяет одержать им победы над многими сердцами и узурпировать права жен и надежды невест. Куртизанки более удачливы в браке, они разрушают семьи, владения, честь и достоинство благородных мужчин³². Ни одна историческая эпоха, ни один народ не имели противоядия против столь изощренного зла.

Единодушные мнений в женской среде крайне редко, однако в случаях с куртизанками даже леди Кавендиш сглаживает свой скепсис и неприятие женского общества и разоблачает самые опасные последствия мужских симпатий к куртизанкам.

В противовес женщинам, использующим красоту во вред другим, леди Маргарет представляет героинь, способных улучшить человеческий характер. Леди Феникс, одна из подобных героинь. Вокруг ее особы разворачиваются жаркие споры, сама леди Феникс ни разу не появляется по ходу действия пьесы («Соседство»), но ее красота, добродетель, хорошее воспитание, приятные манеры и богатство становятся центром внимания всех участников событий³³.

В 1644 г. в условиях гражданской войны двор Генриетты Марии перебрался в Париж. Годом позднее при дворе появился Уильям Кавендиш, маркиз Ньюкасл, будущий муж леди Маргарет³⁴. Сватовство Уильяма Кавендиша обещало ей не только высокий статус и безбедное существование, но и бегство из ненавистной среды. Период ухаживаний и сватовства длился всего лишь несколько месяцев, но за это время леди Маргарет сумела открыть в избраннике человека благородного и достойного высоких сравнений.

«Мой господин маркиз Ньюкасл был единственным мужчиной, в которого я была влюблена... Моя любовь была достойной и благородной и была обращена не к титулу, богатству, власти или его физическим качествам, а была почитанием заслуг, которые успешно сочетались с его достоинствами...»³⁵

---

³² Ibid. P. 75-77.

³³ The Presence // Plays, Never Before Printed... L., 1668.

³⁴ Титул герцога Уильям Кавендиш получит после Реставрации в честь заслуг перед династией Стюартов.

³⁵ A True Relation of My Birth, Breeding, and Life // The Lives of William Cavendish, Duke of Newcastle, and of His Wife, Margaret Duchess of Newcastle. L., 1872. P. 280.

Поддерживая романтические отношения, и Уильям Кавендиш, и леди Маргарет противостояли мнению двора и знакомых. Она считалась невыгодной партией: ее приданое составляло всего 2000 ф. ст. Этот факт вызывал особое недовольство со стороны друзей и детей маркиза от первого брака³⁶. Более того, скепсис по поводу выбора невесты подпитывался крайней непопулярностью Маргарет Лукас при дворе³⁷. Наиболее полно конфликтность ситуации отражена в автобиографических сценах из пьесы «Соседство» (*Presence*, 1668), в которых появляются хорошо узнаваемые персонажи – Леди Скромность и Лорд Верноподданность. Знакомство героев вызывает обостренный интерес со стороны придворных, злые слухи и интриги. Сцена, в которой Леди Скромность, нарушая придворный этикет, без сопровождения наставницы фрейлин беседует с Лордом Верноподданность, эмоционально отражает то напряжение, которое развивалось вокруг реальных романтических героев, леди Маргарет и Уильяма Кавендиша³⁸.

Маргарет Кавендиш придает серьезное значение браку, вопреки представлениям, распространенным в придворной среде.

«Женитьба есть благородный и мудрый шаг, поскольку если мужчина и женщина сожительствуют без брака, то они вступают на путь разрушения добродетельности, а там, где нет добродетели, – нет справедливости,³⁹ а без справедливости и государство может быть расстроено...»

Причины, по которым мужчины вступают в брак – женская красота, благородное происхождение избранницы, хорошее воспитание и т.д. На весах выбора эти качества, по мнению М. Кавендиш, должны перетянуть богатство и размеры приданого невесты. Подобного рода установки являются апологией собственного статуса, защитой от нападков недоброжелателей, одновременно эти взгляды содержат элементы косвенной критики в адрес придворных.

---

³⁶ *Grant D. Op. cit. P. 79.*

³⁷ *Mendelson S. Op. cit. P. 19-21.*

³⁸ *The Presence: a comedy. Act III, Scene II // Plays, Never Before Printed...*

³⁹ *Ibid. P. 56-57.*

Предметом критики являются фривольные нравы двора. Оттого, что фрейлины счастливо живут при дворе, они с ненавистью рассуждают о браке. Злая ирония звучит в заключениях Господина Метода (персонажа пьесы «Соседство») о причинах негативного отношения к браку фрейлин: они не могут выйти замуж, поскольку мужчины боятся таких жен, их будущих измен, неизбежных в атмосфере двора, а также огромных затрат, необходимых на содержание такой супруги⁴⁰. Персонаж комедии «Новобрачные» шут Мимик дополняет список тех угроз, что несет с собой плохая жена, – это рога для мужской головы, чума на мужскую жизнь и смерть мужского разума.

Стремление леди Маргарет к браку опирается на представление о том, что брак существенно улучшает женскую натуру. Одна из героинь «Новобрачных» Леди Добродетель полагает, что хороший муж является светом женской жизни, другом женской добродетели и венцом женской чести⁴¹.

Брак позволяет упрочить или даже улучшить социальный статус женщин, обрести самостоятельное домохозяйство, стать уважаемой матерью: «Когда существует взаимоприятный союз душ и тел в браке, тогда доблесть и благочестие являются двумя вершинами, на которых восседает брачная пара»⁴². Поэтому особое внимание следует уделить выбору мужа. Женоподобные красавцы не привлекательны, поскольку более всего они заботятся о своей внешности и о том, какой эффект производят на публику. Важнее выбрать человека, чьи действия определяются честью и достоинством, того, кто заботится не об объеме речи, а о ее содержании. Брак необходимо заключать с человеком мудрым, который избегает глупых ссор, руководствуясь разумными доводами⁴³. Брак с таким человеком гармоничен и достоин всякого уважения и защиты, даже при условии, что супруг не является знатным и не имеет титула. Представления о неравном браке (в случае более низкого происхождения супруга) ошибочны. Титулы, которые раздают короли и время,

---

⁴⁰ Ibid. P. 58.

⁴¹ The Bridals: a Comedy. Act V, Scene II // Plays, Never Before Printed... P. 68-69.

⁴² Sociable Letters... P. 123-124.

⁴³ Sociable Letters... P. 220-222.

менее значимы, чем титулы происхождения. Вместе с тем, вступая в брак с женщиной более высокого социального статуса, мужчина принимает ее титулы и все богатства, которыми она обладает, т.е. становится равным ей по достоинству.

Идеальные представления о матримониальных отношениях как союзе равных и достойных друг друга мужчины и женщины позволяют леди Маргарет более ясно представить несовершенство современного брака. Одновременно герцогиня описывает реальное состояние этого института в среде английской аристократии.

Общепринятые представления о матримониальных отношениях как источнике женского благополучия часто расходятся с реальностью, что отражается в текстах Маргарет Кавендиш. Женщина в браке может быть не менее несчастной, чем если бы она была не замужем. В комедии «Монастырь наслаждения» герцогиня устраивает действие вокруг идеи создания независимого женского мира, отделенного от мира мужчин стенами монастыря. Обосновывая решение уйти в подобный монастырь, героини описывают бедствия, которые приходится терпеть женщинам в браке. Женщины из бедных слоев общества вынуждены сносить пьянство, дебоширство мужей, ложь. Благородные леди терпят измены, разорение и т.п.⁴⁴

Однако страдающей стороной в браке может выступать и муж. Женщины, нарушая моральные основы матримонии, используют брак для одурачивания супруга. Хитроумные жены нередко играют на тщеславии собственных мужей, чтобы встречаться с куртуазной компанией, не подвергая себя опасности⁴⁵. Веселые празднества и представления, которые устраиваются по настоянию жены и используются женщиной для любовных интриг, унижают ее мужа вдвойне. Поскольку он не замечает ни того, что он рогоносец, ни того, что все похвалы ему со стороны супруги – лишь фальшивая лесть. В понимании леди Кавендиш ситуация обмана не приемлема в отношениях между супругами, поэтому герцогиня не признает подобного

---

⁴⁴ The Convent of Pleasure: a Comedy. Act III. Scenes II-VIII // Plays, never before Printed...

⁴⁵ Sociable Letters... P. 16-18.

брака и резко осуждает женщин за то, что они таким поведением разрушают основы добродетели.

В большинстве случаев несчастные браки – результат невежества женщин. Женщина от природы наделена чувствами и разумом, как и мужчина. То, что она окружает себя невежественными мужчинами, это, прежде всего, ее ошибка, равно как и то, что многие женщины в браках несчастны из-за собственного невежества⁴⁶. Самые показательные примеры – публичные скандалы. Женщины, которые публично нарушают принцип мужского доминирования в браке, устраивают скандалы или даже рукоприкладствуют, относятся к разряду преступниц и заслуживают тяжелого наказания⁴⁷.

Важной задачей каждой супруги в браке является улучшение характера и нравов мужа. И даже в случае его измены женщина должна направить все силы на укрепление брака. Примером могут послужить действия супруги сэра W.C.

Умная, но некрасивая женщина, узнав об адюльтере мужа, не разгневалась, а оставалась крайне терпимой и внимательной к нему. Ее супруг, будучи восхищен тактом и умом жены, нашел больше удовольствия в ее обществе, быстро пресытившись красотой любовницы. Таким образом, женщина сумела сохранить брак, улучшить нравы мужа и добиться большего внимания.

Подобные истории привлекают внимание Маргарет Кавендиш, поскольку позволяют формировать положительный образец женского поведения в браке, когда жена, соблюдая все установления патриархального брака, проявляет себя, как самостоятельная и активная личность, способная защитить не только собственное достоинство, но и укрепить семейные узы. А поскольку развод в глазах общества более позорен для женщины, чем для мужчины, то сохранять брак женщина не только обязана, но и вынуждена.

Развод значительно хуже, нежели смерть или пожизненная болезнь, «быть разведенной, значит жить в немилости и печали», поскольку после развода светское общество воспринимает женщину как бесчестную и опозорившую себя в браке⁴⁸. Несмотря на

---

⁴⁶ Ibid. P. 271-272.

⁴⁷ Ibid. P. 48-51.

⁴⁸ Ibid. P. 318-321.

все неприятности и тревоги супружеской жизни, женщины должны оставаться верными помощницами для своих достойных мужей, в чем есть особая честь и удовольствие для женщины⁴⁹. Хорошая жена должна не только поддерживать мужа и укреплять супружеские узы, но и заботиться о продолжении его дела и памяти о нем в его детях.

Точное следование авторитету мужа и всестороннее поддержание брака – одна из наиболее значимых обязанностей замужней женщины. Однако значительная часть замужних женщин сами искажают супружеские отношения. Бедствием брака является ревность⁵⁰. Наиболее явные причины ревности – утрата страсти со стороны мужа, появление соперницы и страхов, что любят не тебя, а другую женщину. Даже в подобной ситуации женщина не должна совершать бесчестные и неблагородные поступки, а должна проявить себя с наиболее добродетельной стороны.

Рассуждения о браке и морали занимают большую часть литературных сочинений леди Маргарет Кавендиш. Т. Гоббс, после их прочтения отметил:

«ее пьесы пронизаны идеей добродетели и чести более, чем любая книга по вопросам морали, которую он когда-либо читал...»⁵¹.

Пиетет по отношению к патриархальным нормам брака переносится герцогиней Кавендиш и на реальный жизненный опыт. Стремление соответствовать патриархальным представлениям о поведении женщины в браке для леди Маргарет стало одним из импульсов написания биографии мужа Уильяма Кавендиша.

Текст представляет собой апологию политических и военных заслуг, но и отражает патриархальное влияние герцога Ньюкасл. Леди Маргарет характеризует супруга как любезного мужа и заботливого отца⁵². На протяжении всей биографии леди Маргарет свидетельствует о том, что беспрекословно принимает и поддерживает все решения мужа.

Брак герцогини и герцога Ньюкасл подкреплялся единством духовных и интеллектуальных интересов. Значительное число произведений леди Маргарет сопровождается эпистола-

---

⁴⁹ Ibid. P. 427.

⁵⁰ Ibid. P. 248-253.

⁵¹ Цит. по: *Grant D. Op. cit. P. 221.*

⁵² *A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife... L., 1871. P. 188.*

ми Уильяма Кавендиша, который высказывает одобрение в адрес жены. Значительная часть поэтических сочинений герцога предназначалась его второй супруге леди Маргарет. Его небольшое стихотворение «Супружеская любовь» (*Love's matrimony*) идейно совпадает с пониманием брака в сочинениях леди Маргарет:

«...Мы подобны королю и королеве, –
Две фигуры на одной монете,
Только их единство без объятий...
Мы с тобою с глазу на глаз – двое...»⁵³

После церемонии бракосочетания в декабре 1645 года в Париже леди Маргарет покинула двор и переехала в апартаменты маркиза.

Трудности, с которыми столкнулись в эмиграции семья роялистов, не миновали и Кавендишей. Жизнь в долг и постоянные проблемы с кредиторами; безрезультатные попытки сохранить владения в Англии; разъезды по европейским городам и ограниченность круга общения – все это составляло повседневную жизнь семьи, равно как и большинства эмигрантов. В 1648 г. супруги Кавендиш переселяются в Антверпен, где располагаются в знаменитом доме Рубенса⁵⁴.

Леди Маргарет Кавендиш неоднократно указывала на то, что она и ее муж разделили судьбу многочисленных сторонников короля и переносили трудности ссылки наряду с членами королевской семьи. В годы ссылки У. Кавендиш поддерживал связи со своим воспитанником принцем Карлом, в жизнеописаниях супруга леди Маргарет упоминает о личных встречах с Карлом и приемах, которые Кавендиши оказывали представителям королевской семьи⁵⁵. История последней воспринимается как часть жизни представителей аристократического круга. В беседах со своей супругой У. Кавендиш неоднократно указывал, что более всех почитает и любит своего короля Карла II, а на замечание леди Маргарет о том, что отношение Карла к их семье далеко не родственное, Ньюкасл отвечал, что:

---

⁵³ Signet Classic Poets of the 17th Century. Vol. 2. P. 327.

⁵⁴ Grant D. Op. cit. P. 97.

⁵⁵ Grant D. Op. cit.

«родственное отношение со стороны короля вовсе не обязательно, поскольку само по себе чувство любви к королю порождает особое ощущение собственного достоинства»⁵⁶.

Необходимость монархического правления очевидна для леди Маргарет: цитируя супруга, она неоднократно повторяет мысль о законном характере власти династии Стюартов.

«Счастливые времена в Англии наступают тогда, когда народ прозревает и видит вопиющие последствия зла и несправедливости, которые вытекают из правления незаконного правительства., и тогда народ обращает свой разум к счастливым временам правления законных государей.»⁵⁷

Роялистские настроения и следование им в течение всей жизни со стороны леди Маргарет можно описывать как один из вариантов политической активности знатной женщины. Демонстрация политических убеждений, т.е. осознанное их восприятие и воплощение на практике представляется в качестве одного из признанных обществом вариантов активности женщин в сфере публичных отношений.

Годы ссылки или политической эмиграции имели особое значение для складывания круга общения семьи Кавендиш. Маркиз был известен как любитель поэзии и драматургии, интересовался музыкой, философией, математикой. Покровительственные манеры и аристократический образ жизни привлекали к семье Кавендиш многих именитых современников. Поддержку супругов Кавендиш получали влиятельные поэты, мыслители, представители искусства, среди них Бен Джонсон, Томас Шедвел, Джон Драйден, Генри Лоус, Рене Декарт, Томас Гоббс и др. Нередко в посвящениях поэтов и драматургов имена герцога и герцогини Ньюкасл упоминаются рядом. Этой чете не раз посвящались двойные панегирики. Джон Драйден посвятил комедию «Любовь на закате» герцогу Ньюкаслу, особо отмечая достоинства леди Маргарет.

«Вы обладаете редким даром судьбы в лице Вашей исключительной супруги, которая не только любит Вас, но и поддерживает ваше увлечение сочинительством... Это леди, которую наша эпо-

---

⁵⁶ The Lives of William Cavendish... P. 229 -230.

⁵⁷ Ibid.

ха может сравнить с гречанкой Сапфо или же Сульпицией у римлян... Кажется, она вдохновляется Вашим гением...»⁵⁸

Супруги Кавендиш были единомышленниками, всячески поддерживали друг друга в литературных начинаниях. Уильям Кавендиш нередко выступал патроном собственной супруги.

Леди Маргарет часто упоминает об интеллектуальных способностях и интересах супруга. Подчеркивая грани его дарования, леди Кавендиш украшает историю его жизни именами интеллектуалов, с которыми семья английских эмигрантов поддерживала дружеские отношения. По свидетельству леди Маргарет, встречи и беседы друзей были обоюдно полезны. Интересно указание на работу Т. Гоббса «Левифан» (1651). В 1667 г. в первом издании «Жизнеописания Уильяма Кавендиша...» леди Маргарет отмечала, что Гоббс использовал аргументы маркиза Ньюкасла для доказательства того факта, что человек не способен летать в воздухе.

В автобиографических рассуждениях о судьбе людей, проживающих в изгнании, леди Кавендиш упоминает и приятные моменты. Так, особое удовольствие ей доставляло знакомство с семьей Дуарте – господином Дуарте и его сестрами⁵⁹. Приятный досуг – музицирование и пение, чтение и обсуждение литературных текстов – все это смягчало положение изгнанников⁶⁰.

Филантропические интересы Уильяма Кавендиша, окружение семьи немало способствовали складыванию интеллектуальных и художественных предпочтений его супруги. Именно в годы ссылки она обратилась к литературному сочинительству и занятиям философией. Недостаток образованности она покрывала высокой творческой активностью и природной склонностью к интеллектуальным занятиям. Чтобы выглядеть достойно в глазах читателей ее фолиантов, леди Кавендиш сознательно занижала свою авторскую позицию, подчеркивая, что она не компетентна рассуждать по целому ряду вопросов. Нередко леди Маргарет указывала на то, что она не имеет об-

---

⁵⁸ Цит. по: *Grant D. Op. cit. P. 226.*

⁵⁹ *A True Relation of my Birth, Breeding, and Life // The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle, and of His Wife, Margaret Duchess of Newcastle. L., 1872. P. 110.*

⁶⁰ *Sociable Letters...P. 427-430.*

разования. Обращаясь к ученым умам, она умоляла сделать снисхождение в адрес ее пола и воспитания, что позволило бы полностью извинить ошибки, характерные для ее работ⁶¹. Недостатки образования, по ее представлениям, может восполнить живой природный ум, склонность к совершенствованию способностей и расширению знаний.

Среди литературных пристрастий леди Маргарет вырисовывается интерес к античным авторам: на страницах «Писем общения» леди Кавендиш не раз упоминает имена Овидия, Гомера, Плутарха. Если у Плутарха она заимствует сюжеты для морализаторских рассуждений на современные темы, то произведения Гомера и Овидия оценивает как литературный критик, ценитель языка. Однако постоянно делает поправки на то, что не обладает достаточными знаниями, чтобы судить о подобных предметах⁶².

Из близких ей по времени драматургов и поэтов она выделяет имена Марло, Шекспира, Джонсона, Донна. Являясь поклонницей драматургии Шекспира, Маргарет Кавендиш выступает с апологией его дарований, она считается одной из первых, кто обратился к исследованию его творчества⁶³. Как полагает леди Маргарет, все авторы, пишущие после Шекспира, всего лишь заимствуют его идеи. За сюжетами и образами великий английский драматург обращался к истории, но идеи, глубина мысли и художественный язык принадлежат исключительно ему⁶⁴. Эта ремарка особо значима для понимания авторской позиции самой Маргарет Кавендиш. Следуя своему кумиру, темы для творчества она заимствовала из истории и, прежде всего, истории собственной жизни.

Начало литературной деятельности леди Маргарет связывают с публикациями первой половины 1650-х годов. В этот период вышли «Поэмы и Фантазии» (*Poems and Fancies*, 1653), «Философские Фантазии» (*Philosophical Fancies*, 1653), «Философские и физические суждения» (*Philosophical and Physical*

---

⁶¹ Ibid. P. [5].

⁶² Ibid. P. 257-260.

⁶³ Grant D. Op. cit. P. 94.

⁶⁴ Sociable Letters... P. 244-248.

Opinions, 1655) и др. Наивысший пик творческой активности леди Маргарет пришелся на 1660-е годы, время, когда была опубликована и переиздана большая часть ее работ.

Находясь под влиянием выдающихся умов своего времени, леди Кавендиш значительное внимание уделяла натуралистическим изысканиям. Научные исследования в XVII в. еще не превратились в привилегию профессиональных ученых, и наука включала не только изыскания специалистов, но и многочисленные работы образованных людей и дилетантов⁶⁵. Научные интересы времени концентрировались на вопросах, связанных с изучением природных явлений, а также с необходимостью признания значимости научного эксперимента.

Так, натурфилософские сочинения леди Маргарет следует считать скорее проявлением общего духа эпохи, нежели оригинальными первоклассными текстами. В послании, предшествующем тексту «Философских писем...» (*Philosophical Letters: or, Modest Reflections upon some Opinions in Natural Philosophy, maintained by several Famous and Learned Authors of this Age, 1664*), леди Маргарет указывает на то, что в своей работе она использует общеизвестный путь размышлений и дискуссий. Но взгляды, которые она излагает, носят оригинальный характер, равно как принципы, структура и метод изложения философской позиции⁶⁶. Уже в первом письме указанного издания встречается заявление о том, что автор не знаком со многими работами в области натурфилософии, и что мнение автора может отличаться от мнения других мыслителей⁶⁷.

Дискутируя с философами, чьи работы она прочитала, леди Маргарет излагает свои взгляды об организации физического мира, происхождении и закономерностях природных явлений, соотношении природного и божественного. Основанием же своей философии она полагает представление о бесконечности материи. Используя разнообразные литературные формы: повест-

---

⁶⁵ *Mendelson S. Op. cit. P. 36-37.*

⁶⁶ *Philosophical Letters: or, Modest Reflections upon Some Opinions in Natural Philosophy, Maintained by Several Famous and Learned Authors of this Age. L., 1664. P. [12].*

⁶⁷ *Ibid. P.2-4.*

вание, эпистолярный, утопию, поэтический слог, Маргарет Кавендиш добивается внимания современников к собственным философским размышлениям.

Весной 1667 года герцогиня Ньюкасл была приглашена на заседание Королевского научного общества. Леди Маргарет присутствовала при проведении ряда опытов Роберта Бойля и Роберта Хука⁶⁸. Этот факт стал не только показателем признанного влияния и достоинств Уильяма Кавендиша, но и отразил то признание, которое получили в ученой среде ее сочинения и настойчивое стремление выражать свои знания опытно-теоретическим путем.

1653 год, когда впервые появились печатные работы леди Маргарет, ознаменовался ее возвращением из Лондона в Антверпен после почти полутора лет пребывания в Англии. Как и многие роялисты маркиз Ньюкасл был обвинен парламентом в государственной измене и объявлен вне закона (1650), а все его владения были конфискованы. Леди Маргарет прибыла в Лондон в ноябре 1651 года с братом супруга Чарльзом Кавендишем. Целью этой поездки была попытка вернуть земельные владения, разрешить накопившиеся финансовые проблемы.

Маргарет Ньюкасл впервые выступала в качестве петиционера, но все попытки вернуть хотя бы «вдовью долю» оказались безрезультатными⁶⁹. Она получила категорический отказ на том основании, что вышла замуж за Ньюкасла уже после его преступления, зная об его участии в военных действиях против сил парламента.

Значительные материальные потери, которые понесли семь роялистов в годы гражданских войн, стали предметом размышлений и основанием для агрессивных выпадов в сторону противников монархии, постоянным поводом для сетования на судьбу и сложности жизни в эмиграции.

Подсчеты потерь, которые осуществила леди Маргарет в «Жизнеописании Уильяма Кавендиша...», наглядно демонстрируют тот факт, что утрата владений в период гражданских смут позднее привела Кавендиша к потере его влияния при дво-

---

⁶⁸ Mendelson S. Op. cit. P. 46-47.

⁶⁹ A True Relation of My Birth... P. 288-289; Mendelson S. Op. cit. P. 28.

ре⁷⁰. Леди Маргарет о характере потерь могла судить лишь по описям владений, рассказам мужа и его непосредственной реакции на разрушения, с которыми супруги Кавендиш столкнулись по возвращению в Уолбек в Ноттингемшире.

Тема злосчастной судьбы проступает во многих текстах леди Маргарет. Участь супруга кажется ей исключительно несправедливой, поскольку «несмотря на то, что природа наделила Уильяма Кавендиша исключительными качествами, он часто претерпевал невзгоды судьбы...».⁷¹ Желание увидеть причины неудач и говорить о них публично приводят леди Маргарет к рассуждениям на языке аллегории и утопии. А для более полного описания современной действительности она вводит представление о несуществующем мире. Высвобождая историю поражений Уильяма Кавендиша от описания реальных обстоятельств, леди Маргарет представляет конкретные исторические события языком художественного вымысла.

В одном из фантастических описаний Душа герцогини, способная перемещаться в иные миры, попадает в Мерцающий Мир, где организует и участвует в судебном разбирательстве между Фортуной и герцогом Ньюкаслем. В своей речи Душа леди Маргарет сообщает, что ее супруг и господин известен как мудрый человек, благородный и галантный кавалер. Однако Фортуна отказывается покровительствовать ему в силу того, что он следует правилам чести и благородства, а не льстит и не угождает самой Фортуне. За это она «бросает его в ссылку, где оставляет в нищете, разрушает его владения и лишает его наиболее верных друзей»⁷².

Этот сюжет был вызван к жизни несбывшимися ожиданиями супругов Кавендиш. С момента Реставрации и возвращения из ссылки участие маркиза Ньюкасла в политической жизни было фактически сведено на нет. Карл II отклонил

---

⁷⁰ The Lives of William Cavendish... P. 114-137.

⁷¹ Ibid. P. 149-150.

⁷² The Description of a New World called the Blazing World. Written by the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess the Duchess of Newcastle // Margaret Cavendish Duchess of Newcastle. The Description of a New World Called the Blazing World and Other Writings / Ed. by K. Lilley . L., 1992. P. 197-200. (afterwards Blazing World).

просьбу Ньюкасла о назначении его на должность шталмейстера; «Совет», составленный маркизом для короля, также остался без внимания; большинство земель из прежних владений Кавендиша возвращены ему не были⁷³. И даже возведение в герцогский титул в 1665 г. не компенсировало тех потерь, которые понес Уильям Кавендиш за свою преданность династии в годы гражданских войн.

Неблагодарность Фортуны и неблагодарность королевской власти во многом пересекаются, а потеря фавора для Маргарет Кавендиш – одно из проявлений злосчастной судьбы. Несмотря на крушение политических амбиций, герцог Ньюкасл и его супруга на протяжении всей жизни сохраняли лояльность по отношению к короне.

Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл, умерла в 1673 г. в возрасте пятидесяти лет. Еще в 1671 г. Карл II даровал герцогу Ньюкаслу погребальное место в Вестминстерском аббатстве, где и похоронены оба супруга⁷⁴.

Биография Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл, как и многих аристократок времени Стюартов тесно связана с бурными политическими переменами, протекавшими в Англии XVII века. Борьба роялистов за монархическое правление и длительная эмиграция сторонников династии Стюартов определяют внешнюю канву биографического описания леди Маргарет. Осмысление происходящего позволило ей поднять вопросы, связанные с природой гражданских войн, организацией власти и критериями социального развития.

Во многих эпизодах «Мерцающего Мира» (*Blazing World*, 1666) толкование этих вопросов крайне категорично, что достигается введением формы художественной утопии. Описание несуществующего мира позволяет наиболее полно представить образ и реалии стюартовской эпохи через противопоставление двух миров – реального и утопического. Странствующая Душа герцогини представляет Императору и Императрице Мерцающего Мира то общество, из которого она перенеслась. Мир

---

⁷³ *Mendelson S.* Op. cit. P. 41.

⁷⁴ *Stanley A.* Historical Memorials of Westminster Abbey. L., 1869. P. 255-257; *Grant D.* Op. cit. P. 237.

этот несчастен, поскольку в нем «больше правителей, чем народов; претендентов на власть, чем возможностей правления. Религий больше, чем богов, а противоречий в этих религиях больше, чем истины; законов больше, чем прав; подкупа, чем справедливости; больше полицейских сил, чем необходимости в них; и больше страхов, нежели опасностей...».⁷⁵ Напротив, Мерцающий Мир устроен так, что в нем царят мир и согласие, гармония, которых не хватает реальности.

Наиболее опасным бедствием для общества леди Кавендиш полагает гражданские войны, которые разрушают не только единство общества, но и души людей. Для возникновения гражданских войн существует множество условий: это и беспорядки в гражданском правительстве, и продажность муниципальных властей, пренебрежение гражданскими законами, забвение обычаев и цивилизованного поведения⁷⁶. К гражданским войнам ведут различия в понимании закона и религии, когда партии не могут найти согласия. Сам факт складывания партий опасен для общества, партийные противоречия приводят к военным действиям. Войны не решают ничего, только ведут к кровопролитиям, смерти, к разрушению целого мира⁷⁷.

Война незаконна и не может быть оправдана никакими доводами, за исключением случая, когда государство ведет оборонительную войну, защищая свои законные права и суверенный статус.

Война является особой темой размышлений леди Маргарет. Как и в случае с литературным сочинительством, она признает мужское превосходство и исключительное право мужчин судить о войнах: поскольку война, как и писательская деятельность, есть мужская сфера социальной активности.

«Война не является надлежащим предметом женских разговоров, хотя от последствий войн мы страдаем наравне с мужчинами...»⁷⁸

Тема войны в творчестве Маргарет Кавендиш представляет собой своеобразный индикатор, отражающий ее понимание

---

⁷⁵ *Blazing World...* P. 201.

⁷⁶ *Sociable Letters...* P. 239-241.

⁷⁷ *Ibid.* P. 83-85.

⁷⁸ *Ibid.* P. 174.

социального статуса женщины. В силу особенностей своей природы женщины находятся вне войны, вне центра социальной активности. Однако сама герцогиня неоднократно пускается в рассуждения о характере войн, делает замечания об оружии, полководческих талантах того или иного лица. В «Мерцающем Мире» Душа леди Маргарет выступает главным военным советником Императрицы и разрабатывает план победоносной войны⁷⁹. Выступая в качестве автора – творца целого Философского мира, герцогиня описывает свое наслаждение и славу в превосходных степенях, полагая, что подобные ощущения не переживали даже Цезарь и Александр, завоевывая свои земные миры⁸⁰. Подобными сравнениями, равно как и примеркой мужских одежд, леди Маргарет размывает грани типичных патриархальных представлений о женщине.

Описывая современное ей общество, леди Маргарет нередко поднимает вопрос об участии знатных женщин в организации властных отношений. Она констатирует бесполезность современниц в вопросах управления, как в мирное время, так и в период военных действий,

«мы [женщины] не являемся гражданами государства, не владем государственными должностями, не представляем властного авторитета и не посягаем на основы единовластия...»⁸¹

Однако она подтверждает типичные патриархальные представления о возможности участия женщины в решении политических вопросов. Мужчины управляют миром, в то время как женщины управляют мужчинами⁸². Это – хорошо известная современникам стюартовской эпохи формула, позволяющая сглаживать очевидный дисбаланс в распределении социальных функций между полами и возможностей их публичной активности. Одновременно она отражает признание за женщинами возможности неофициальных путей проникновения в область принятия политических и административных решений.

---

⁷⁹ Blazing World... P. 205-209.

⁸⁰ Ibid. P. 224.

⁸¹ Sociable Letters ...P. 26-28.

⁸² Ibid. P. 12-13.

Признание того, что в современном мире женщина как носитель властных функций представляет исключение, заставляет леди Маргарет Кавендиш поместить свою героиню Императрицу в нереальный, вымышленный мир. Мерцающий Мир леди Маргарет играет двойную роль – с одной стороны, в тексте утопии наиболее полно демонстрируются представления о женщине как инициаторе и участнице властных отношений, с другой – отражены властные амбиции самой леди Маргарет. В обращении к читателю герцогиня указывает на то, что она объединяет реальный мир с миром фантазии, а весь текст сочинения подразделяет на три части: романтическую, философскую и, наконец, фантастическую, в которой «она желает представить себя плодотворным творцом, создателем целого мира»⁸³.

О себе леди Маргарет говорит лаконично, источником своих поступков она определяет не стремление быть самой красивой, самой знатной или самой богатой, но стремление быть исключительной.

«Я не завистлива, да и тщеславна лишь в той малой степени, которая присуща любой представительнице моего пола... И хотя я не смогу быть Генрихом V или Карлом II, я все-таки буду стремиться стать Маргарет I.»⁸⁴

Разрушая традиционные рамки женского образа, леди Маргарет не предполагает активного проникновения женщины в сферу властных отношений, напротив, она стремится показать женщинам выгоды их патриархального статуса и определяет понятие власти как явление интеллектуальной жизни. Она задает вопрос своей героине Императрице, в котором отчетливо прослеживается понимание властных возможностей женщины:

«Почему ты стремишься быть императрицей в материальном мире? Ты желаешь быть в постоянной тревоге за свое правительство?... Тогда как, создавая мир внутри себя, ты сможешь объединить и целое, и частное без какого-либо контроля или оппозиционных настроений со стороны подданных, ты сможешь создать свой мир, как ты того пожелаешь, и изменить его в любой момент...»⁸⁵

---

⁸³ Blazing World... P. 124.

⁸⁴ Ibid. P. 124.

⁸⁵ Ibid. P. 186.

Подобное понимание возможностей участия женщины в вопросах политического управления тесно переплетается с признанием патриархальной модели власти. Герцогиня Ньюкасл дает совет Императрице о том, как следует организовать порядок в государстве:

«должен быть один правитель, одна религия, один закон и один язык, так, чтобы весь мир был организован как единая семья... подобно Богу, благословенным святым и ангелам...»⁸⁶

Амбиции и устремления леди Маргарет воспринимались современниками далеко не адекватно, замечания и критика с ее стороны расценивались как исключительное высокомерие и неумение вести себя в соответствии с правилами этикета⁸⁷. Герцогиня воспринимает такое отношение своеобразно: она полагает, что зависть и злоба, направленные в ее адрес, во многом связаны с тем, что «одна женщина всегда готова унижить другую, поскольку женская природа в том и состоит, что женщина никогда не признает другую достойнее, разумнее, красивее и добродетельнее, чем она сама...»⁸⁸.

Вполне возможно, что многие особенности характера леди Маргарет были неприемлемы для большинства ее современниц. Поскольку, обладая высоким статусом, она избегала активного светского общения, предпочитая одиночество и тишину, более склоняясь к меланхолии, нежели веселью. Герцогиня Ньюкасл занималась сочинительством, чем и пыталась завоевать себе известность⁸⁹. Подобные «странности» в поведении

---

⁸⁶ Ibid. P. 201.

⁸⁷ К. Томас поддерживает подобную оценку личности герцогини Ньюкасл, называя ее «синим чулком». См. *Thomas K. Religion and Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth century England*. L., 1971. Среди современников были как поклонники, так и противники леди Маргарет. Д. Грант начинает исследование с вопроса о том, почему фигура леди Маргарет была столь привлекательна для ее современников. Автор подробно рассматривает дневниковые записи Д. Эвелина и С. Пипса, связанные с оценкой личности Маргарет Кавендиш. См. *Grant D. Op. cit.* P. 10-28.

⁸⁸ *Sociable Letters...* P. 211.

⁸⁹ *A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife...* L., 1871. P. 298, 301-304.

знатной женщины воспринимались аристократическим обществом вполне однозначно. Одно из определений, «безумная Мэг из Ньюкасла», закрепившееся за леди Маргарет еще при жизни и перешедшее во многие хрестоматии по английской литературе, в полной мере отражает отношения герцогини и значительного большинства представителей ее круга.

Неординарность поступков леди Маргарет, ее литературные и философские занятия, высокая критичность суждений по отношению к современному ей обществу, прежде всего – женскому, позволяет исследователям единодушно признавать герцогиню Ньюкасл одной из первых феминисток в Англии⁹⁰. Подобное понимание социального опыта леди Маргарет Кавендиш, однако, представляется неполным, поскольку при оценке ее критических размышлений о положении представительниц женского пола в стюартовском обществе важно выявить истоки подобных настроений, те мотивы, которыми была ведома сама леди Маргарет. В связи с этим, не менее интересны для понимания позиции герцогини ее патриархальные представления о матримониальных отношениях, ее требование улучшения женского образования с целью лучшего выполнения женщинами их патриархальной роли.

Реальный механизм, позволяющий Маргарет Кавендиш демонстрировать и защищать собственную позицию, складывается из нескольких компонентов. Во-первых, это потенциал социального статуса супруга, круг его влияния и интересов. Во-вторых, это те способы самовыражения, к которым неоднократно прибегала леди Маргарет, шокируя или интригуя аристократическую среду. Она была одной из первых англичанок, чьи работы стали публиковать в печати; она была единственной женщиной, посетившей заседание Королевского научного общества и серьезно занимавшейся натурфилософскими изысканиями; и даже в деталях своих нарядов она была исключительно экстравагантна. В-третьих, это прием тиражирования автобиографии в различных литературных текстах. Введение

---

⁹⁰ См., например: *Mendelson S.H., Crawford P.* Op. cit.; *Grant D.* Op. cit.; *Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001 и др.

в художественное пространство биографических фактов позволило автору представить собственный опыт в новом ракурсе, а именно, оценить его с точки зрения идеальных типов человеческого поведения.

Жизненный опыт леди Маргарет Кавендиш отражает возможность усиления социальной активности женщины на основе ее включения в сферы интеллектуальной и литературной деятельности. Дистанцированность леди Маргарет по отношению к современному ей обществу представляется как центральное условие для реализации нетрадиционных в патриархальной среде форм социальной активности аристократки. Важным в этой связи оказывается формирование самостоятельных оценок и представлений о собственном статусе и положении представительниц женского пола вообще, как и социальная рефлексия.

Маргарет Кавендиш

Письма общения⁹¹

Письмо VII

Мадам,

Я с искренним сожалением узнала о том, что сэра W.T. читают безумцем, и все из-за того, вероятно, что наши познания о Разуме ничтожно малы, но очевидно также и то, что сэр W.T. наделен более совершенным разумом, нежели окружающие его люди. Правда в том и состоит, что мудреца понимает мудрый, а глупцы говорят на языке глупцов. Мудрый и Глупец никогда не найдут согласия, никогда не поймут друг друга. Мудрец подобен орлу, который, обладая сильными крыльями, высоко парит над тщеславием Глупца, далеко за пределами его разума. Когда же Мудрец спускается с высоты, он подобно орлу, побивающему крыльями мелких птах, таких как ржанка или вальдшнеп, ударяет Глупца по голове.

Нет никаких сомнений в том, что мир никогда еще не подвергался столь сильному влиянию глупцов, как это происходит в наши дни, и никогда в мире не совершались столь великие ошибки и столь грандиозные глупости. Вот почему наша эпоха столь далеко отстоит от времен Августа Цезаря, времен, ведомых Мудростью, когда Разум торжествовал и был основанием всеобщего Процветания и Мира. Но в наши дни верх одержали непристойность и разврат, интересы придворных партий затмили здравый смысл; вероломство и предательство ведут за собой политику; пьяное геройство подменяет собой доблесть. Свет является сборищем нечестивцев глупцов, оттого в наши дни лишь те могут назвать себя счастливыми, кто сумел покинуть Свет, сумел отдалиться от происходящего.

Однако когда я говорю о Свете вообще, то прежде всего подразумеваю общество мужчин и по большей части их телесный мир, поскольку среди них, кажется, невозможно встретить

---

⁹¹ Перевод выполнен М.А. Буланаковой по тексту: CXXI Sociable Letters, Written by the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, the Lady Marchioness of Newcastle. L., 1664.

души, ведомые Разумом. Мужчины бездумны, их чувства и желания диктуются исключительно их телами и чувственными желаниями.

Мадам, Вы говорите, что каждый человек стремится дать объяснение происходящему, подобно тому, как это делаю я в настоящем письме, однако, все еще никто не сумел достигнуть этого. Позвольте мне уточнить, – понять и объяснить причины происходящего не дано никому: ни отдельному человеку, ни даже группе людей.

Однако важнейшие персоны, управляющие этим миром, обязаны объяснить происходящее или в противном случае мы погрузимся в Ад. Очевидно, что в определенные эпохи мир может быть разобщенным и разорванным в клочья, в другие же времена он предстает собранным в единое целое, склеенным по швам, но исключительно редко мир выступает в новом подобающем времени одеянии, чаще появляясь в плаще Глупца, нежели в благородных одеждах.

На этом прерываю письмо, остаюсь Вашей преданной слугой и подругой.

Письмо IX

Мадам,

Из Вашего последнего письма я узнала, что леди N. P. замешана в каких-то государственных прожектах, или, по крайней мере, следовало бы этого ожидать, поскольку представительницы женского пола, которых в наши дни почитают мудрыми женщинами, полны стремлений достигнуть придворных должностей. Однако если нам, представительницам женского пола, открыть возможность делать все, что позволяет наше положение в обществе, то мы выставим себя полными дурами, поскольку мудрость выступает врагом нашего пола или, точнее сказать, женский пол является врагом мудрости.

Правда в том и состоит, что мы, женщины, склонны к интригам и заговорам и в любой момент готовы присоединиться к противоборствующим сторонам. Но участие в заговорах, составлении тайных прожектов, борьбе группировок никоим образом не связано с мудростью, поскольку мудрость никогда

не сопровождает подобные дела, а, напротив, не приемлет того, что порождено вероломством и хитростью. Поскольку женщины превосходно владеют ремеслом обмана, многих из них можно было бы именовать политиками.

Женщины способны и нередко порождают конфликты, особенно гражданские войны, даже тогда, когда этому нет никаких причин. Подтверждением могут служить события последней Гражданской войны, в ходе которой женщины играли влиятельные, но далеко не положительные роли. И хотя представительницы женского пола сами не способны воевать с оружием в руках, они могут воспламенять разум мужчин, настраивая их против правителей и правительств. Да и сами мужчины, нередко даже без подстрекательств со стороны женщин стремятся добиться титулов, фортуны и власти путем низкого соперничества, посредством злодейств. Женщины же в наши дни ни в чем не уступают мужчинам.

Мне хотелось бы видеть представительниц женского пола благородными, не менее легко водворяющими мир, чем порождающими войну. Однако значительно проще вершить зло, нежели добро, поскольку каждый глупец способен произвести беспорядки и породить хаос, в то время как водворить утраченный мир способен лишь мудрец, да и то с огромными усилиями.

Женщины, управляя государственными делами, станут действовать так же, как и по отношению друг к другу. А они способны довести друг друга до болезни и чаще всего так и поступают, но после чего они уже не способны улучшить состояние своего здоровья вновь. Они могут разрушить государство точно так же, как они разрушают свою плоть, однако, они не способны восстановить мир в государстве, равно как не способны вернуть здоровье своему организму. Но их беспокойные умы и несоразмерные возможностям желания уже не раз приводили к разрухе в государстве, а их плоть к гибели. Умеренность и умиротворенность столь необычны для представительниц нашего пола.

На этом покидаю леди N. P. с ее наивными прожектками и жалкими заговорами. Я завершаю, Мадам, Ваша преданная подруга и слуга.

Письмо XIII

Мадам,

Большинство речей мисс L. A. связано с ее собственной персоной, и действительно в большинстве каждый из нас склонен говорить о себе так, будто бы он всецело поглощен только собой, что и придает нашим беседам существенный оттенок самолюбования. Однако лейтмотивом речей мисс L. A. являются рассуждения о том, сколь хорошей женой она будет, вступив в брак, хотя это станет известным лишь после того, как она выйдет замуж, т. е. в том случае, если ей удастся заполучить супруга. Я уверена, что она искренне стремится к замужеству, желает вступить в брак и потому так много говорит о будущем супруге и столь много ему обещает. Правда в том и состоит, что все фрейлины любят говорить о будущих мужьях, все вдовы – о поклонниках, а замужние женщины – о любовниках, и все это можно наблюдать в наши дни.

В то же время мужчины чаще всего вступают в брак с целью продолжения рода или по иным причинам, но не по любви. Поклонники нередко ухаживают, ведомые жаждой богатства, но отнюдь не любовной страстью. Подлинная же мольба влюбленного о благосклонности не содержит иного стремления, нежели оказаться рядом с избранницей.

И замужние женщины, прикрываясь своим матримониальным статусом, склонны уступать любовному пылу поклонника значительно чаще, нежели фрейлины или вдовы, защищаясь от стыда и позора именем своего мужа, именем отца своих детей. Жены в большей степени, чем фрейлины или вдовы, стремятся к любовному флирту, поскольку замужество делает их менее доступными, а это порождает таинственность и препятствия в отношениях влюбленных, что неизменно дорого каждой женщине.

Когда фрейлины, вдовы и замужние женщины рассуждают о мужьях, поклонниках и любовниках, они получают столь огромное наслаждение от беседы, что можно понять лишь взглянув на них: темп их речи меняется и становится более спешным, разум более острым, слова более воздушными; их взоры преоб-

ражаются: глаза становятся оживленными, выражение лица шутивным; их поведением становится игривым и более резвым, чем в любой другой беседе. Такое преобразование становится более явным, если речь идет об отдельных персонах, об их любовниках или же о тех, кого они прочат в свои ухажеры.

Однако, что касается мисс L. A., которая столь много говорит о будущем супруге, то я ей полностью доверяю, она действительно станет очень хорошей женой. И не потому, что она так много говорит о замужестве, а потому, что она живет строгой и уединенной жизнью, она здравомыслящий человек и следует своей природе. В ней нет склонности к экстравагантности, она не стремится проводить время в шумных компаниях. Она хозяйственна и бережлива, ей присущи скромность и покорность. Она не только восприимчива к добрым советам, но и стремится записать их и воплотить на деле. Все эти качества делают ее достойной хорошего супруга, чего я ей желаю от всего сердца. Но она должна поймать свою удачу: или все, или ничего – или плохо, или хорошо. Однако многие хорошие женихи превращаются в дурных мужей, а женихи-повесы способны стать хорошими мужьями.

Так и вдовам следует знать, что тот мужчина, который был примерным мужем в первом браке, может стать дурным супругом для своей второй, третьей, четвертой жены; в то же время тот, кто был несносным мужем для своей первой жены, может стать прекрасным и любящим супругом во втором браке. Все это следует понимать фрейлинам, замужним дамам и вдовам, так как никому не удавалось сделать успешный выбор наудачу. Счастливый случай должен определяться и ограничиваться мудрым расчетом. Нужно быть слепым невежественным глупцом, чтобы полагаться на случай, играя в брачную лотерею при выборе мужа или жены... Но оставим мисс L. A. с этой матримониальной лотерей, размышлениями и беседами о замужестве.

Прощаюсь, Мадам, Ваша верная подруга и слуга.

Е.А. Вишленкова

Норма и девиация в Казанском университете в первой половине XIX века

История дореволюционного университета редко рассматривается как история отношений преподавателей и студентов. И даже тогда, когда этот сюжет попадает в поле зрения исследователя, он словно бы забывает, что это отношения старших и младших мужчин. Между тем, я полагаю, что такой подход позволяет глубже понять суть и специфику отечественной университетской культуры, поскольку она складывалась как культура отношений мужского социума с характерными для него стратегиями властвования, поведенческими стереотипами и коммуникационными практиками. Но прежде чем обратиться к их драматургии, следует восстановить место и время действия. Я, конечно же, не случайно предлагаю читателям обратиться к Казани первой половины XIX века.

Казанский университет интересен как одна из старейших высших школ страны, как периферийная – и с точки зрения геополитического пространства империи, и с точки зрения европейской университетской культуры в целом. Кроме того, на специфике отношений внутри его корпорации сказалось то обстоятельство, что университет находился на пограничье христианской и мусульманской цивилизаций.

Как учебно-научное учреждение Казанский университет за интересующие нас полвека пережил разные периоды развития: трудное становление в условиях тоталитарного руководства директора И.Ф. Яковкина, «христианское обновление» под началом попечителя М.Л. Магницкого, научный и организационный расцвет при ректоре Н.И. Лобачевском, спад после перевода в Петербург восточного разряда и особенно в период «мрачного семилетия». В той или иной мере эти периоды определялись общими тенденциями в развитии отечественных университетов, обусловленными политическими причинами.

А вот обстоятельства формирования университетской корпорации в каждом университете были свои, несмотря на единство нормативных документов. Правительственные рас-

поряжения обещали отечественным университетам особое покровительство императора и предоставили автономное управление, подобное тому, которым пользовался, например, Берлинский университет. Но самое главное – университет получил привилегию выдавать дипломы и присуждать ученые звания, признаваемые на всей территории империи и приравненные к чинам «Табели о рангах». Введение университетского человека в бюрократическую иерархию закрепило за ним высокий социальный статус. В 1804 г. он был подкреплён ещё и хорошим размером жалования.

Созданный в Казани университет был образован из гимназических учителей, а также из присланных из Петербурга специалистов, в том числе немецкого происхождения. Долгое время лицо казанской преподавательской корпорации определяли немецкие ученые, прибывшие из университетов Пруссии, Австрии, германских княжеств. В николаевское правление политика власти была направлена на поддержку отечественных выпускников. Согласно уставу 1835 г. лучших воспитанников российских университетов посылали на двухгодичную стажировку за границу и по возвращении распределяли по университетам империи. К сожалению, в Казани таких специалистов было мало. Очевидно, негативно сказалась стратегия местного руководства, направленная на приоритетное развитие восточного разряда. В результате бюджетные средства направлялись, прежде всего, на пополнение коллекций восточных монет и рукописей, на экспедиции и стажировки ориенталистов. Делалось это в ущерб другим факультетам¹.

---

¹ Потому, когда в 1840-е гг. разряд в полном составе и со всеми коллекциями был переведен в Петербург, казанский попечитель печально констатировал: «Приобретение книг и монет восточных, приготовление преподавателей по Азиатским языкам, путешествия их, издание их сочинений, словом, издержки бывшего Восточного разряда, составлявшего один из характеристических элементов Казанского Университета, по большей части были причиной истощения денежных средств его, тем более прискорбного, что увеличение средств в Восточном факультете, ныне уже не существующем в Казани, совершалось на счет других факультетов». (См.: РГИА Ф. 733. Оп. 47. Д. 74 «Дела по ходатайству попечителя Казанского учебного округа о принятии мер к улучшению состояния

А то обстоятельство, что министерство С.С. Уварова ввело различную оплату службы преподавателей столичных и провинциальных университетов, способствовало оттоку молодых и способных ученых из Казани и Харькова в Москву и Петербург². Следствием этой «утечки мозгов» стало очевидное старение и ослабление преподавательского состава в Казани.

Что касается местного студенчества, то его культурные параметры определялись несколько иными обстоятельствами. В Казанский университет записывались или поступали юноши из учебных заведений, входивших в Казанский учебный округ. А он включал территорию от Среднего Поволжья до Камчатки, соответственно, Урал, Сибирь, Кавказ. Таким образом, каждое лето в Казань съезжались молодые люди из весьма удаленных от европейской России уголков страны. Плюс к этому правительственными «квотами» сюда посылали учиться детей мусульманских и ламаистских подданных империи (сыновей киргиз-кайсацких и кавказских владетелей, башкирских воинов, забайкальских чиновников). Все они в перспективе должны были составить основу местной администрации. Кроме того, в Казанский университет власти ссылали неблагонадежных студентов из Киевской и Виленской медико-хирургических академий и Дерптского университета. Здесь же учились дети иностранцев, состоящих на русской службе. Таким было полиэтничное и, соответственно, поликонфессиональное лицо казанского студенчества.

В социальном отношении оно было более однородным. Хотя дворяне всегда составляли значительную часть казанского студенчества, но, как правило, это были выходцы из малоимущих беспоместных семей³. Наиболее обеспеченные

Казанского университета в связи с отливом из него профессоров в столичные университеты» 1856-1858. Л. 12.)

² В 1856 г., видя разрушительные для университетской жизни последствия этого, Казанский попечитель буквально взывал к министру поднять оклады провинциальным университетам. Как Казань может удержать молодого профессора, «пропитывающегося низким окладом жалования и жаждущего удобств, которыми столицы избилуют?», — вопрошал он. (См.: Там же. Л. 2.)

³ В 1805 г. дворян было примерно 70 % от всего состава учащихся, а в 1806 г. — 100%. В последующем число выходцев из первого

юноши учились на камеральном разряде юридического факультета. Имея в виду легкость обучения там, остальные студенты называли юрфак «утешительным» факультетом.

За исследуемое время число студентов в Казани сильно возросло. В 1804 г. местный университет создавался как учебный пансион для 40 казеннокоштных воспитанников. Устав предполагал, что помимо этой, финансируемой казной квоты, в университете сможет обучаться неограниченное число своекоштных учеников. В отличие от казенных, они должны были платить за обучение и сами содержать себя в бытовом отношении, но зато своекоштные студенты не были обязаны после окончания служить шесть лет в учебных заведениях округа.

Реально же долгое время после открытия университета студенты были его уязвимым местом. В феврале 1805 года избранных из старших учеников местной гимназии и способных слушать лекции в университете оказалось только 33 человека. Вплоть до полного открытия университета число его воспитанников колебалось от 33 до 52 человек⁴. К тому же не все записанные в студенты юноши становились выпускниками. Родителей привлекало в университете казенное содержание, но отпугивала перспектива для сына шестилетней службы учителем. Поэтому, проучившись год или два, студенты отчислялись по здоровью или семейным обстоятельствам, а в 1807 г. в связи с началом войны России с Францией 24 человека, то есть почти 50% всего студенческого состава ушли из Казанского университета на военную службу.

В дальнейшем проблема набора учеников обострилась еще более. Казанская гимназия выпускала воспитанников меньше, чем требовалось университету. К тому же многие гимназисты сразу уходили на гражданскую службу или в кадетские корпуса, ускорявшие прохождение лестницы

сословия в среде казанских студентов сократилось до 35-45%. (Подсчеты сделаны по: Императорского Казанского университета список о студентах (1804-1839 гг.) / Изд. Ю.А. Лексина, Ю.В. Чугунова, Э.И. Амирханова. Казань, 2000.)

⁴ Цит. по: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819): Рассказы по архивным документам. 2-е изд. СПб, 1904. Ч. 1. С. 387-389.

воинских чинов. Отпрыски же тех дворянских семей, где ценилось образование, уезжали учиться за границу или в столичные учебные заведения. Материалы ревизии 1819 г. привели власти к неутешительному выводу, что 14 лет более 70 человек преподавателей и служащих университета занимались подготовкой к службе 42 выпускников⁵.

Проблема набора студентов была решена тогда, когда выросло количество гимназий в Казанском учебном округе, а их воспитанники получили право поступать в местный университет без экзаменов. С 1826 по 1840 гг. число студентов возросло со 109 до 250, в 1840-1850-е гг. оно составляло более 300, а в начале 1860-х гг. достигало 400 человек⁶. Увеличивая наборы студентов, Казанский университет превращался из среднего по размерам учебного пансиона в высшую школу в современном ее значении.

Теперь мы можем рассмотреть сценарий отношений внутри университетской корпорации. Понятно, что в основных своих чертах он определялся функциональной и возрастной дистанцией, лежащей между педагогами и их учениками. Дидактические цели ставили преподавателя в позицию оператора учебного процесса, давали ему право на власть и принуждение. Студент же, напротив, виделся не участником, а объектом и одновременно конечной продукцией деятельности университетской корпорации.

Возрастная дистанция закладывала некую дискриминационную по отношению к воспитанникам линию поведения педагога. Ведь с точки зрения взрослых мужчин молодость их учеников была сопряжена не только со здоровьем и радостью, но и с наличием в них определенной умственной и нравственной ущербности. В юношах 16-20 лет их учителя подозревали ограниченную дееспособность, и потому рег-

---

⁵ РГИА Ф. 733. Оп. 39. Д. 259 «Дела о ревизии Казанского университета М.Л. Магницким и проведенных им реакционных мероприятий, увольнении профессоров и назначении на их место новых, насаждении начал церковности и мракобесия. 1819-1822.»

⁶ Михайлова С.М. От Лобачевского до Бутлерова: 1827-1862 гг. // Очерки истории Казанского университета / Под. ред. И.П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 53.

ламентации и контролю подлежала не только сфера профессиональной, но и бытовой жизни студента.

В университетской драматургии мужчины-преподаватели играли роль агентов социального контроля над юношами-студентами. Старшие определяли пространство нормального и девиантного, соотношение проступка и наказания, уровень допустимого вмешательства в частную жизнь младших. Изменение форм и характера данного контроля могут быть рассмотрены не только как следствие политики центральной власти, но и как результаты эволюции мужских стратегий властвования в условиях смены феминистического типа культуры на маскулинный. Полагаю, что этот переход осуществился в пределах изучаемого нами периода. Он сопровождался, в том числе, диффузией сентиментально-романтического мироощущения современников Карамзина и разрушением семейственности социальных отношений и связей, столь характерных для начала Александровской эпохи.

До 1820-х гг. граница между нормой и девиацией для студентов не была задана правительственными документами. Император говорил лишь о желании видеть среди подданных гармонично развитых, по-европейски образованных личностей. Феминизированный же тип культуры тех лет способствовал установлению «мягких» отношений в мужском сообществе университета. Это была эпоха снятой агрессии, воспевания гармонии, культы чувств и внутреннего мира. Судя по высказываниям преподавателей на профессорском совете и в назидательных речах, студенты воспринимались ими как нечто среднее между младшими членами университетской семьи и «послушниками» в «храме наук».

Понятие «отеческая забота» неизменно звучало в торжественных речах, в заседаниях университетского совета, было прописано в университетском уставе. Порицая формализм в исполнении педагогических обязанностей, члены совета настаивали на том, чтобы «вменять преподавателям предотвращать худые поступки студентов отеческою попечительностью»⁷. По отношению к провинившимся воспитан-

---

⁷ От педагога требовалось внушить воспитанникам уважение к себе, поскольку «внутреннее в воспитанниках почтение к воспи-

никам в университетской семье широко практиковались задушевные беседы наедине⁸. При этом граница между дозволенным и запретным устанавливалась любовью и строгостью профессоров. Предполагалось, что «истинный» педагог определит, что можно и чего нельзя воспитаннику, исходя из здравого смысла, сердечной заботы и личного жизненного опыта.

Принудительный характер обучения в отечественных университетах смягчался общим патерналистским тоном политики правительства Александра I. Учиться юноши понуждались не столько угрозами, сколько методами «обычного права» («так надо», «ты обязан», «так хотят твои родители»). При этом заботой и властью, и педагогов были скорее мысли и внутренние побуждения молодых людей, чем их поступки. Проявлением явного приоритета воспитания перед научным образованием служила и принятая тогда система оценок воспитанников⁹.

таталям своим есть первое и необходимое условие успешного нравственного образования». (См.: НАРТ Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 322 «Документы о нарушении дисциплины студентами университета» 1817-1818. Л. 20 об -21.)

⁸ Первый директор университета И.Ф. Яковкин вызывал юношу в свой кабинет и вел с ним долгие нравоучительные беседы. (См.: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819). Рассказы по архивным документам. Ч. 1. Казань, 1887.) В трудных случаях университетская администрация обращалась к родителям воспитанников и совместным решением стремилась определить будущность студента, найти индивидуальный подход к нему. Дневник инспектора казеннокоштных студентов Ф.К. Броннера за 1814-1816 гг. наполнен описаниями внеаудиторных занятий воспитанников, содержит изложение бесед наставника со студентами, его рекомендации для их работы над собой. (См.: Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810-1817) // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка (1758-1850). Казань, 1902. С. 1-190.)

⁹ В первые годы существования университета учебные ведомости наполнялись психологическими характеристиками типа «отличен пред прочими», «благоденствен», «лучший из хороших», «очень хорош», «хорош», «гораздо лучше прежнего», «почти хорош», «не всегда хорош», «довольно худ», «неоднократно замечен в грубости и своевольстве». (См.: НАРТ Ф. 87. Оп. 1. Д. 8512 «Собрание рапортов помощника инспектора студентов Кондырева и других бумаг по части г. Директора» 1808. Л. 14.)

Пансионная форма обучения в университете побуждала преподавателей обращать значительное внимание на внеучебную жизнь студентов. Так случилось, что в 1814-1817 гг. инспектором казеннокоштных студентов в Казанском университете был воспитанник монахов-иезуитов профессор Ф.К. Броннер. Все эти годы он вел подробный дневник наблюдений, в котором фиксировал казусы и записывал размышления о повседневной жизни воспитанников. Благодаря этому у нас есть уникальный документ, в котором не только размечено пространство нормы и девиации, но и дано обоснование их границы, исходя из педагогических воззрений эпохи.

Прежде всего, профессора беспокоила нравственность проживающих в университете юношей. О ее состоянии Броннер судил по целомудренному и добродетельному поведению студента. Речь не идет о женщинах. Они фигурируют на страницах дневника либо в качестве жен преподавателей, либо в качестве прислуги. В тексте они безмолвны и страдательны, но не вызывают симпатии автора, так как служат источником вечного соблазна для университетских мужчин. Потому директор, ректор и попечитель следили за тем, с кем живут преподаватели, а инспектор лично отвечал за то, чтобы женщина никогда не появлялась в студенческих камерах. Ее нахождение там воспринималось как эксцесс, и он вызывал бурную, порой несдержанную реакцию¹⁰.

Как правило, на хозяйственные работы в университет старались принимать пожилых и некрасивых женщин. Принимая такое решение, профессора ссылались на заботу не только о студентах, но и о молодых особах, которым пришлось бы выносить нападки и агрессию несдержанных юношей¹¹. Женщины были маргинальным явлением в уни-

---

¹⁰ Так, поэтический и морализирующий профессор Ф.К. Броннер при виде молодой кухарки, сидящей на кровати студента, раздражается ругательствами и выталкивает женщину из комнаты пинками (См.: Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера... С. 137).

¹¹ В «Книге о поведении» не раз встречаются свидетельства студенческих притеснений по отношению к молодой служанке профессора Брейтенбаха: «Пьяные студенты Дмитрий Соловьев и Уфимцев грубо обошлись со служанкой проф. Брейтенбаха»; «В 2 часа пополудни прибежала ко мне служанка проф. Брейтенбаха

верситетской жизни и потому были вынуждены принять навязанные им мужские правила общежития.

Особую тему в университетском совете составляла проблема распространенности гомосексуальных отношений среди воспитанников. То, что «содомский грех», по терминологии того времени, имел широкое хождение среди студентов, свидетельствуют записи в «Книге о поведении студентов», письма профессоров, прошения воспитанников к ректору.

«К великому моему огорчению, – писал ставший свидетелем подобных отношений инспектор, – заметил я г. Чхейзе в объятиях его товарища Дероберти».

Характерно, что молодые люди не испугались преподавателя и не почувствовали угрызений совести.

«Завидя меня, – писал Броннер, – они отпрянули друг от друга, но когда я проходил мимо, то за спиной моей продолжали шутить и улыбаться»¹².

Традиционно гомосексуализм увязывается в историографии с дворянской культурой. Упомянутые же в университетской «Книге» содомиты – выходцы из разных сословий. Князь Петр Чхеидзе – сын комиссионера, видимо, грузинского происхождения, стал казанским студентом в 1813 г. Его возлюбленный дворянин Павел Дероберти поступил в университет в 1814 г. слушателем. Другие пары состояли из разночинцев – сына титулярного советника Ивана Базилева, приехавшего в Казань в 1815 г. из Пензенской гимназии, казанского разночинца Христофора Ардашева и попovichа Алексея Левитского, прибывшего в 1814 г. из Симбирской гимназии. Содомия, похоже, не отражалась на успеваемости или отношении студентов к учебе. Так, Дероберти и Чхеидзе учились лишь под угрозой наказаний и исключения. Ардашев был одним из лучших учеников физико-математического отделения. Впоследствии он был оставлен в университете кандидатом, но скоропостижная смерть в 1818 г. прервала его научную карьеру.

с жалобой на студента Базилева младшего, что он в отсутствие профессора вошел в его спальную и стал приставать к ней, но когда она отказала, он надавал ей пощечин». (См.: *Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера... С. 177, 187.*)

¹² Там же. С. 7-8.

«Весьма жаль, – писал по его поводу в 1815 г. профессор Броннер, – что такой даровитый человек погибает даром».

Предлагая отправить Ардашева учителем в удаленное уездное училище (!), инспектор оправдывал себя: «для сохранения от соблазна нравственности прочих, жертва необходима, а в его власти или образумиться, или погибнуть»¹³. Примечательно, что гибель юноши виделась педагогу не в его гомосексуальных наклонностях, а в предстоящей жизни в глухом училище.

Судя по всему, в первой четверти XIX века такие отношения между юношами не были делом чрезвычайным, а содомиты не вызвали удивления и возмущения. Явления гомосексуализма воспринимались современниками подобно проявлениям болезни. Они вызывали сожаление у преподавателей, отвращение у не вовлеченных в такие отношения сокурсников и страх у родителей. Выявленных «больных» надо было изолировать, дабы не заразить здоровых. Сама ситуация мужского общежития с довольно строгой изоляцией от мира, тенденции в отечественной культуре делали вариант гомосексуальных отношений возможным и распространенным явлением в учебных заведениях пансионного типа.

Государственный заказ на выпускников, как и характер властных отношений в университетах изменились к 1819 г.¹⁴ «Европеец» (как идеализированный образ) перестал быть воспитательным идеалом российской власти. Он проявил себя не с лучшей стороны в наполеоновских войнах и в охвативших посленаполеоновскую Европу революциях. А после карлсбадского совещания¹⁵ оказалось, что Россию вряд ли стоит доверять системе обучения и воспитания, применяемой в немецких университетах. В этом контексте российская власть предпочла бы получать из отечественных школ всех уровней благочестивых и верноподданных чиновников-специалистов. Правда, идеология семейственности сохрани-

---

¹³ Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера... С. 128.

¹⁴ См.: *Flynn J.T.* The University Reform of Tsar Alexander I. 1802-1835. Washington, 1988.

¹⁵ Совещание представителей немецких государств, Австрии и Пруссии 1818 г., принявших меры для борьбы со студенческими беспорядками в этих странах.

лась, но не в качестве содержания, а скорее как желаемая форма социальных отношений. Такая установка пронизывает правительственные документы не только конца царствования Александра I, но и всего николаевского правления.

Граница новой нормы в Казанском университете была прочерчена инструкциями М.Л. Магницкого. В «обновленном» университете установился новый порядок студенческой жизни, новая повседневность. Теперь студенты вставали в 5 часов утра и начинали день с молитвы. Затем, до завтрака, им предписывалось заниматься подготовкой к лекциям, писать сочинения, переводить латинские тексты и читать «полезные» книги¹⁶. В праздничные дни казенные и своекоштные студенты собирались вместе в университетской церкви на обедню и коллективное чтение Священного Писания. В начале 1820-х годов, по настоянию попечителя, Казанский университет и гимназия устраивали трапезы для нищих. Студенты и гимназисты, независимо от сословной принадлежности, должны были прислуживать обедающим¹⁷.

По распоряжению попечителя, в каждой студенческой камере был назначен «старшина» или старший студент. В его обязанности входило: следить за чистотой в спальнях, аудиториях, коридорах; «смотреть и замечать, чтобы в классах на стенах, столах, скамьях, на кафедре и черной доске не было писано, вырезываемо или рисовано чего-нибудь неприличного»¹⁸. Он же собирал у сокурсников грязное белье и сдавал его прачкам, в назначенное время тушил в камере свечи и закрывал заглушки в печи, раз в неделю водил проживающих в его комнате юношей в баню и там осматривал состояние их кожи. Обнаружив язвы и покраснения, ему следовало сообщить о том университетскому

---

¹⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 375 «Правила внутреннего распорядка по Казанскому университету и Казанской гимназии за 1819 г.» Л. 19.

¹⁷ *Лажечников И.И.* Как я знал М.Л. Магницкого // *Лажечников И.И.* Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 481.

¹⁸ НАРТ Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 375 «Правила внутреннего распорядка по Казанскому университету и Казанской гимназии за 1819 г.» Л. 8.

врачу. Согласно инструкции, «старшина» должен был пресекать использование в студенческой среде прозвищ, споры из-за денег, не допускать азартные игры.

Особенно строго попечитель боролся с пьянством и гомосексуализмом. Если раньше за это студентов журили, сажали в карцер, в особо тяжелых случаях исключали из университета, то теперь провинившихся в пристрастии к «зеленому змию» или содомии юношей отправляли в солдаты¹⁹.

И всё же, судя по материалам университетского совета, монахами студенты в пору попечительства Магницкого не стали. Без присмотра и контроля юношеская энергия и агрессия прорывались наружу. Опоздавший или пропустивший занятия преподаватель, обнаруживал в аудитории разбитые окна, сломанные столы, вырванные куски форменной одежды, табуированные слова на черной доске. А из анонимного доноса на казанского попечителя явствует, что в «1824 и 1825 гг. студенты в таковом смиренномудрии воспитанные давали в залах университета с разрешения своего начальства публичные маскарады и до утра танцевали с девицами и дамами»²⁰. По заверению доносителя, мероприятие, проведенное университетом, получило в городе большой резонанс, и в маскараде 1825 г. принимали участие около 500 человек.

Правление Николая I в истории России стало временем активного бюрократического творчества, жесткого регулирования отношений всех со всеми. Именно тогда был создан общеуниверситетский устав 1835 г., разработаны инструкции директору университета, его ректору, инспектору казен-

---

¹⁹ Министерское распоряжение по этому поводу было сделано еще в 1811 г., но до начала 1820-х гг. им не пользовались. Первыми пострадавшими стали студенты-медики Дмитриевский, Левенгов и студент словесного отделения Бовин. За ликер из кондитерской лавки юноши заплатились солдатской службой. Впрочем, после увольнения в 1826 г. Магницкого все трое были реабилитированы как «понесшие незаслуженно суровое наказание». (См.: РГИА Ф. 733. Оп. 40. Д. 119 «Дела об исключении из Университета и отдаче в солдаты за самовольные отлучки и другие нарушения дисциплины студентов Казанского университета Дмитриевского, Левенгова и Бовина» 1824-1832.)

²⁰ ОРРК ГПБ Ф. 1000 «Собр. отд. пост.» Оп. 2. Ед. хр. № 792 «Донос на М.Л. Магницкого не установленного лица» октябрь-ноябрь 1825 г. Л. 18 об.

нокоштных студентов, определены правила поведения воспитанников, выработаны учебные планы, утверждены конспекты лекций и прочая регламентирующая университетскую жизнь документация.

С введением этих положений в действие российский университет обрёл ярко выраженную национальную физиономию. И это сказалось не столько на кадрах и идеологии, сколько на системе отношений преподавателей и студентов. Их формализации еще более поспособствовало решение правительства ввести в университетскую корпорацию людей «извне» – кадровых военных. Именно из них набирались в университет инспектор студентов и его помощники.

Они отвечали за порядок в помещениях, посещали места пребывания студентов, водили их в баню и на концерты, следили за их частными квартирами, поддерживали связь с городской полицией, нанимали и увольняли университетскую прислугу, следили за чистотой студенческой формы и качеством еды в столовой, за посещением занятий. Уставные документы подчеркивали высокий статус данной должности в университете. По своему положению, чинам и жалованию инспектор был приравнен к ординарному профессору и введен в коллегиальные органы университетского самоуправления – профессорский совет и правление²¹.

Университетская инспекция обладала широкими карательными возможностями. Она могла «увещевать и делать выговоры», арестовывать, сажать в карцер на хлеб и воду, своекоштных воспитанников исключать из университета, казеннокоштных отдавать в военную службу, могла запретить переход студента на следующий курс, отменить его награду медалью, выдачу ему благотворительной стипендии, могла отказать в казенном содержании и многое другое.

---

²¹ Инспектор отвечал за нравственность воспитанников и должен был «требовать от учащихся безусловного повиновения властям, основанного не столько на присяге каждого верноподданного, но и на сознании той отеческой заботливости, тех щедрых благодеяний, коих они суть предметы». Так говорилось в его инструкции. (См.: РГИА Ф. 733. Оп. 41. Д. 199 «Дело об изменении порядка назначения инспекторов студентов университета и его помощников» 1835-1840. Л. 42.)

В результате усиления власти инспекции преподаватель и студент оказались «по разные стороны баррикады». И это отразилось, в том числе, на утвердившихся тогда университетских ритуалах: инспектор вводил студентов в аудиторию, они рассаживались на скамьях, преподаватель входил и садился напротив них на возвышение («на кафедру»), отгороженное от слушателей деревянной панелью. А на экзамене студент стоял перед столом, за которым судьями сидели лектор, ректор и попечитель.

Сама проверка студенческих знаний стала восприниматься в университетской среде как инквизиция, расплата за грехи. И если ранее естественной была ситуация, когда на экзамене педагог брался объяснять воспитаннику непонятую им тему, то ныне сессия превратилась в угрозу, в наказание за пропущенные лекции, за непочтительное отношение к преподавателю, за нарушение предписаний инспектора, за плохо составленные конспекты. Преподавателей же, которые относились к экзамену как к штатной процедуре, мало влияющей на развитие личности ученика, стали именовать «либералами», подозревали в равнодушии к службе.

Студенты все явственнее отеснялись в категорию «пасынков» университетской семьи. Отецеская строгость ушла, оставив вместо себя строгость полицейскую. В отличие от университетской традиции Европы, в России учебные планы (то есть набор изучаемых дисциплин, их распределение по годам обучения) были жестко фиксированными. За студентами не признавалось право выбора преподавателя, срока обучения, курсов лекций, формы занятий и т.д. Однажды записавшийся на тот или иной факультет юноша имел мало шансов изменить свое решение. Он не мог отказаться от неинтересных занятий, сменить слабого преподавателя и не был защищен от произвола педагога или университетской администрации. Посещение всех указанных в расписании занятий было обязательным, их пропуск карался тщательно разработанной системой наказаний. В результате университетское образование становилось не итогом добровольного выбора учебных курсов, а рассматривалось современниками как отработываемая повинность для получения бюрократического документа – аттестата. В этой ситуации многие

пришедшие в «храм науки» к «жрецам истины» «футурусы» переживали разочарование. И оно было тем сильнее, чем выше были ожидания.

В целом, в жизни университетской корпорации студенты играли роль «меньшинства», лишённого права свободного передвижения, мнения, слова, за которым не признавалось право на отстаивание собственного достоинства и частной жизни. Во всех казусах прав был старший, то есть преподаватель. Совместным творчеством правительственных и университетских чиновников в инструктивных текстах была прописана допустимая для студентов модель поведения в университете и вне его, исповедуемая ими система ценностей, очерчена сфера общения, описан стиль, качество и ритм их жизни.

В 1820-1850-е гг. девиантная сфера расширилась до чрезвычайности. К ней относились не только преступления, проступки и конфликты, но и ношение студентами «серых» (не форменных) брюк, зонтиков, тростей, бакенбардов, усов, обладание курительными трубками и самоварами²². И коль скоро область девиации была столь широка, то обширным и дифференцированным был список наказаний, а также сама возможность осуждения и «клеймения».

Политика властей по отношению к студентам, молчаливое согласие с ней преподавателей, а также спровоцированная ими общественная реакция приводили к распространению в студенческой среде девиантной субкультуры. И в период наиболее жесткого контроля и суровых наказаний произошёл всплеск питейных настроений, размах «кутежно-повеснической» жизни университетских юношей²³. Несмотря на табу и угрозы, студенты прорывались в трактиры, публичные и кофейные дома, устраивали застолья на квартирах

---

²² РГИА Ф. 733. Оп. 44. Д. 26 «Дело об утверждении проекта правил для студентов университета». 1845. Л. 10.

²³ Примечательно, что о временах строжайших правил и наказаний современники писали: «В сущности, инспекторский надзор с его “субами”, которых в грош не ставили, не проникал вглубь студенческой жизни. Домашнего соглядатайства не было, и под внешней подтянутостью держались довольно-таки дикие нравы – пьянство, буйство, половая распущенность». (См.: *Боборькин П. За полвека. Из воспоминаний.* М., 2002. С. 60-61.)

и «на природе». Ночные улицы университетских городов оглашались криками и песнями пьяных в студенческой форме. Разгул и «питейные» песни стали массовой формой сопротивления юношей дидактическому и административному насилию «старших мужчин». Это был своеобразный карнавал, пародирующий университетские отношения.

Административный контроль регулировал, главным образом, форму студенческой жизни, а не ее содержание. При всем желании инспектор не мог проникнуть в души и мысли подопечных, не ведал, что творится в их головах. Это могли сделать и делали немногие подвижники просветительства среди университетских педагогов. Большинство же преподавателей студентами не интересовались, отчитывая за кафедрой положенные часы. Таким образом, сняв с себя заботу о душах воспитанников, университетская корпорация оставила за собой право определения для них сферы девиации. К пространству поведения, подвергаемого пресечению и наказанию, относилась и интимная жизнь студентов.

Обстановка комнат, в которых в конце 1830-х гг. в Казанском университете проживало по 8-15 человек (а впоследствии и больше), создавала много неудобств. «Инструкция», разработанная в 1835 г. признавала, что «учащиеся в Университете большею частию в тех летах, когда воображение, страсти, и самые физические силы достигают высшего периода развития». Потому инспектору предписывалось строго следить «за пороком и развратом» среди воспитанников. И если в Александровскую эпоху профессора снисходительно относились к случаям интимных отношений среди юношей, смотрели на это сквозь пальцы (особенно если студент был одаренный и подавал надежды), то теперь ситуация изменилась. Попечитель предупреждал преподавательскую корпорацию, что власти не потерпят гомосексуализма среди студентов «даже при отличных их способностях и успехах».

Впрочем, спустя двадцать лет, его преемник вынужден был признать безуспешность предпринятой тогда борьбы.

«Настоящее положение казенных студентов, – писал он в 1856 г., – имеет следующие невыгоды: молодые люди по большей части разного образа мыслей и различных наклонностей, собранные (общим числом около 80 человек) в ограни-

ченном помещении, взаимно стесняют друг друга в своих занятиях»²⁴.

Жесткий контроль над их личной жизнью, ограничения в передвижении, общении, отсутствие автономии частной жизни сами по себе провоцировали девиантное поведение. И оно выплескивалось в форме драк, пьянства, краж и гомосексуализма. Добиваясь от министерства разрешения ликвидировать университетский пансион, попечитель доказывал, что «живя на частных квартирах, и будучи более причастны к семейной жизни, всегда благотворной для молодых людей их возраста, они отклонялись бы от вредных увлечений, происходящих от их изолированного положения»²⁵.

Тема интимной жизни почти полностью отсутствует в мемуарной литературе, созданной студентами. Их воспоминания представляют собой хронологию событий мужской жизни, описание ее правил, мужских форм взросления и самоутверждения. Зато эмоциональные и сексуальные отношения студентов с женщинами раскрывают их песни и стихи. Вино и женщины были главными персонажами студенческого стихотворчества. До некоторой степени они, вернее их наличие в жизни студента, являлись составляющими студенческой аутентичности. Популярная студенческая песенка гласила

Кто к рому и водке
Не индифферент,
Кто счастлив с красоткой,
Тот истый студент!²⁶ -

Героиня студенческой лирики – не эфемерная «прекрасная дама», а существо из плоти и крови. Она плачет, целует, шепчет, смеется. Любовь к ней студента основана, как правило, на физическом влечении. Соответственно, хорошенькое личико предпочтительнее душевной красоты. Осознавая себя школярами, бродягами, повесами, студенты предпочитали

---

²⁴ РГИА Ф. 733. Оп. 47. Д. 74 «Дела по ходатайству попечителя Казанского учебного округа о принятии мер к улучшению состояния Казанского университета в связи с отливом из него профессоров в столичные университеты» 1856-1858. Л. 14.

²⁵ Там же.

²⁶ *Аристов А.П.* Песни казанских студентов. 1840-1868. СПб., 1904. С. 70.

видеть рядом с собой девушек легкого поведения. И связывало их с ними не только единение тел, но и родство несчастных судеб, умение радоваться сегодняшнему дню и ощущение беспросветности будущего.

О чем грустишь ты, дочь порока,
О чем горечи слезы льешь,
Уже ль удары злого рока,
Впервые в жизни узнаешь?
Так точно было и со мною:
Не раз отчаянье, тоска
Владели всей моей душою...²⁷

То, что это не поэтический миф, свидетельствуют сохранившиеся воспоминания. Мемуаристы рассказывали, что в начале 1850-х гг. многие своекоштные воспитанники жили в «акчуринских квартирах с номерами, в которых студенческая братия проживала вперемешку с особами прекрасного пола и легкого поведения»²⁸. В XIX веке университетский юноша не был полноправным участником брачного рынка. Он еще не служил, не имел постоянных средств к существованию и не рассматривался городскими обывателями в качестве потенциального жениха для дочери. Потому в домах добропорядочных горожан «бедный студент» редко мог найти себе подругу. Его любовь к «домашним» барышням могла быть только запретным, сорванным в тайне плодом. Собираясь «гуртом» и подогрев себя вином, студенты затягивали:

В одной знакомой улице,
Я помню старый дом.
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном
Никто не знал, какая там
Красавица жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла.
Как не по-детски, пламенно
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
«Мой милый убежим!...»²⁹

---

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ Лебедев В.А. Учебные воспоминания // Русская старина. 1908. № 7. С. 33.

²⁹ Аристов А.П. Указ. соч. С. 69.

«Правила для учащихся университета» предписывали за «доказанное обольщение девицы беспорочного поведения» изгонять молодца из университета и предавать его уголовному суду. И коль такая статья наказания имелась, то имелись и подвергшиеся ему. Такова природа всех правил.

Мемуарные свидетельства подтверждают куртуазные настроения казанских студентов.

«В наше время, – вспоминал П.Д. Боборыкин о середине 1850-х гг., – дико было представить себе женатого студента; и в Казани, и еще более в Дерпте, кутили или зубрили, все одинаково далеко стояли от брачных мыслей, смотрели на себя как на учащихся, а не как на обывателей в треуголках с голубым околышем. И разговоров таких у нас никогда не заходило. Не скажу, чтобы и любовные увлечения играли большую роль в тогдашнем студенчестве, во время моего житья в Казани. Интриги имел кое-кто; а остальная братия держалась дешевых и довольно нечистоплотных отношений с женщинами»³⁰.

Во время застолий и празднеств студенты воспевали свободу, преданность Бахусу и Венере.

Нет, не в силах, красные
Вас я разлюбить
Не хочу красавиц всех
На одну сменить³¹.

И уж если выстраивать иерархию ценностей, то вино и студенческое братство ставилось выше любовных привязанностей.

«Вообще, сентиментального оттенка в чувствах к другому полу, – вспоминал П.Д. Боборыкин, – замечалось очень мало. О какой-нибудь роковой истории, вроде самоубийства одного или обоих возлюбленных, никогда и ни от кого я не слышал»³².

И, закрепляя друг в друге презрение к романтическим отношениям, студенты громко запевали:

Вина, вина, скорей сюда!
Пускай блаженство разольется,
Нам рюмок звонкий поцелуй
Милей и краше юной девы³³.

---

³⁰ Боборыкин П. Указ. соч. С. 81.

³¹ Аристов А.П. Указ. соч. С. 51.

³² Боборыкин П. Указ. соч. С. 81.

³³ Аристов А.П. Указ. соч. С. 63.

Университетские преподаватели расширяли пространство девиации, правительство усиливало наказания, а воспитанники употребляли огромную энергию и неординарную смекалку для того, чтобы выйти из-под педагогического давления.

История показывает, что политика «закручивания гаек» как стратегия властвования малоэффективна. Усиление административно-бюрократического принуждения в состоянии дать лишь один результат: в лучшем случае лишить студентов естественной мотивации учиться, в худшем – развить агрессию. В результате тому, кто пришел в университет с мечтой о науке и мудрости, контроль и принуждение только мешали (они раздражали и, в конце концов, порождали разочарование в сделанном выборе). Тем же, у кого изначально не было желания учиться, надзор не придавал стимулов, а порождал сопротивительные реакции. Формы студенческого сопротивления интеллектуальному насилию имеют столь же богатую историю, как и сама система воспитания и обучения³⁴.

Специфическим для мужской среды является такое проявление сопротивления, как стремление студентов «принизить» педагога, сбить его со статусного поведения. Жившие в стенах университета юноши, которые были хорошо осведомлены о слабостях воспитателей, были не прочь позлословить на счет их отношений, личной жизни, внешности, манеры общения, костюма и пр.³⁵ Они активно пользовались противоречиями в профессорской среде. Бывшие выпускники с удовольствием описывали их в своих мемуарах³⁶.

---

³⁴ «Мною заперт в карцер студент Филарет Базилев..., – сообщал совету инспектор, – за то, что обманул профессора Томаса, пришедшего читать лекции, сказав, что он опоздал (это, однако, была ложь, так как едва пробило 8 часов), и что все студенты уже разошлись (между тем, как на самом деле никто еще не приходил).» (См.: Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера... С. 182.) Студенческая уловка – древняя как мир.

³⁵ Это не всегда и не всем сходило с рук. Например, профессор Броннер, узнав о том, что вновь поступивший в университет гимназист распространяет слухи, что дал ему взятку в 2000 рублей, потребовал от лгуна публичного покаяния и извинений. (См.: Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера... С. 55.)

³⁶ Э.П. Янишевский вспоминал, как во время занятий в аудитории профессора Винтера слушатели разыграли следующую сцену.

Целый пласт студенческого фольклора направлен на смеховое снижение образа преподавателя³⁷. Потешные стишки с удовольствием распевались студентами на посиделках по случаю сдачи экзаменов и без случая. Они были продуктом коллективного творчества, причем зачастую не одного поколения студентов. Поскольку песни сохранялись посредством их исполнения, то каждый поющий был соавтором куплетов. От того мелодии многих из них повторялись, а тексты обыгрывали одни и те же полубившиеся и актуальные для студенческой среды сюжеты. Особенно жестко, в категориях сниженной лексики в песнях вышучивались властные преподаватели, те, кого в учебной повседневности студенты боялись и кому были вынуждены подчиняться. Фольклор реабилитировал этот страх³⁸. В многочисленных вариациях «Gaudeamus», в стилизованных под средневековых вагантов песнях студенты творили легенды и мифы университета, образы преподавателей и администраторов³⁹.

Зная о вражде лектора с профессором Фатером и о его вечном страхе за конспект лекций, один из студентов потянулся за заветной тетрадкой, а остальные закричали: «Это не наш! Это студент профессора Фатера!». В результате на глазах довольных зрителей разыгралась бурная сцена выяснения отношений двух педагогов. Цель была достигнута – занятие сорвано (См.: Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 41-42).

³⁷ Попов долговязый
Он – же и монгол
Подпирает разом
Потолок и пол.
А Попов короткий,
Дифференциал,
Слишком занят водкой,
Оттого и мал

(См.: Аристов А.П. Указ. соч. С. 37).

³⁸ Так, жесткий экзаменатор А.И. Иванов был персонажем куплетов типа:

Граф Толстой
Мужик простой
Выдал дочь свою Алину
За Иванова скотину

(См.: Аристов А.П. Указ. соч.)

³⁹ Ненавистному для казанских студентов инспектору Ланге посвящались строки:

Обстановка плотной опеки, вечных наказаний и их угрозы провоцировала защитную агрессию⁴⁰, которая не сдерживалась как в Александровскую эпоху, почитанием учителей, их моральным авторитетом, чувством благодарности к ним. К тому же, в отличие от европейских прародителей российские университеты слабо использовали символические формы принуждения, такие как праздники или корпоративный патриотизм.

Итак, преподавательская корпорация утверждала собственное достоинство, декларировала свойственную университету высокую культуру, поощряла состязательность, относясь при этом к воспитанникам как к «культурному меньшинству». Но попрание достоинства «младших» оказалось чревато негативными последствиями и для «старших». Оно разрушило семейность университетских отношений, сделало их агрессивными, что сказалось во второй половине столетия, когда студенчество стало впитывать оппозиционные политические учения и перешло к радикальным мерам борьбы, в том числе, со своими учителями.

Что ты ходишь за мной? Что ты ищешь меня?
Что нашел ты во мне, я понять не могу...
Мой застегнут сюртук; «серых» брюк не ношу,
Шапка сшита блином и обриты усы.
Всё пристало к тебе: орден, рожа, парик...
Но глаза-то, глаза обличают тебя.
Оловянны они и так страшно блестят,
Будто яда полны, словно красть все хотят!
Ну! отстань же, прошу, отойди от меня...

(См.: *Аристов А.П.* Указ. соч. С. 96).

⁴⁰ РГИА Ф. 733. Оп. 47. Д. 74 «Дела по ходатайству попечителя Казанского учебного округа о принятии мер к улучшению состояния Казанского университета в связи с отливом из него профессоров в столичные университеты» 1856-1858. Л. 14.

«Стариковское дело» и «бабья повинность»: уральские материалы XIX в. о снохачестве

Известны два основных конфликта многопоколенной семьи: «дурное» обращение свекрови (иногда всех «домашних») со снохой и снохачество. Оба они связаны с «невесткой». Первый породил целую литературу («о бабьих стонах») и стал широко известен. Вторым оставался в тени, хотя в отличие от первого обрел в народе свое собственное название. «Снохарь», «снохач» («сношенник») – пояснял В. Даль – «живущий незаконно со снохой»¹.

Именно высмеивание снохачества в качестве иллюстрации к «солнечной», «здоровой и естественной» сексуальности «целомудренной» северной деревни использовал А.И. Никифоров:

«А то слушайте еще, – заливается смехом Елизавета Васильевна (имя молодки), – свекор молодку зовет на повесть, а молодка-то дошла да и старухе-то и сказала: “Меня, матушка, говорит, свекор зовет-от на повесть. Ты, говорит, матушка, поди сама вместо меня-то, темно”. Ну, это старуха и пошла ко старику на повесть. Пошла, старик там ей и поймал. Старик говорит: “Молода, молодод и есть у молодки-то”. Вот молодке он и дал рупь. Зашел в избу. И старуха зашла. “Старуха, де была?” А она: “Де не была, а рупь нажила!” Последние слова рассказчицы покрывает гром смеха всей избой»².

В сатирической сказке «Свекр и молодуха» заключительная формула представлена более пространно:

«“Где я не была, а рубль денег добыла... Овес продаст и мне еще даст...” Старик ухмыльнулся, а потом по лбу себя трах – все понял!»³.

Порок получил заслуженное наказание. Сказка представляет отношения свекра с невесткой в виде межпоколенного конфликта (и молодка не хочет «старого», и снохач все время сравнивает: «Вот такое дело – молодое тело. А моя-то состарилась –

---

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 249.

² Никифоров А.И. Просто о Севере // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995. С. 525.

³ Русская сатирическая сказка. Л., 1979. С. 316-317.

старь осталась») ⁴, а разрешает его «гендерными» средствами – объединившись, женщины проучили стариковскую похоть. Заострено зло, направленное именно против женского пола: и молодухи, и старухи. Еще одно «заинтересованное» и также страдающее лицо – мужа молодки – фольклор «не видит».

Публицистика, жанр также «конфликтный», призванный обнажать социальные «язвы», не прошел мимо этого явления народной жизни. С. Пономарев определил его как «бабья повинность в патриархальной семье», откровенно заявляя: «Редкая семья без этого обходится» ⁵. Попало оно также на страницы научно-популярных изданий. Известный историк В.И. Семевский писал о снохачестве как «отвратительной черте семейных нравов» русского крестьянства второй половины XVIII в.: по его наблюдениям,

«молодые женщины очень часто не по собственному желанию вступали в близкие отношения с свекром, а лишь уступая нравственному, а иногда и физическому насилию» ⁶.

Причина широкого распространения подобной «дикости нравов», по его мнению, заключалась в женитьбе малолетних женихов на «возрастных» невестах. В качестве примера он приводит данные по Пермской губернии:

«Георгий во время своего путешествия... видел там двух мальчиков 11 и 12 лет, из которых один женился только что, а другой год тому назад; жене первого был 21 год, а второго 18 лет».

Англичанин Кокс, посетивший Россию в 1778 г., наблюдал сам и слышал от других, что свекры «впадают в кровосмешение» со снохами и нередко имеют от них детей. Спустя десять лет другой путешественник, Савва Текели, сообщал о курском ямщике, который «так просто передал ему об отношениях своего отца к снохе, о двух детях, записанных на его имя, о том, что и он дождетя своей очереди, когда женит своего парнишку».

---

⁴ Там же.

⁵ Пономарев С. Семейная община на Урале // Северный вестник. 1887. № 1. С. 173.

⁶ Семевский В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устои. 1882. N 2. С. 75, 86.

Правительственные указы о запрете неравных браков мало содействовали искоренению подобного «обыкновения». В начале XIX в. Левшин писал:

«К приобретению в семейство работника отцы стараются сыновей своих женить еще несовершеннолетних; молодые жены [таких мальчиков] не строго наблюдают седьмую заповедь, и нередко можно увидеть у отца 25-ти летнего – сына лет 15; но это, как уже сказано выше, не вменяется ни в бесчестье, ни в порок супруге»⁷.

В пореформенное время народ стал видеть «в снохачестве преступление, хотя и не особенно важное». Сыновья перестали дожидаться своей очереди и расправа с похотливыми старцами «нередко приводила к отцеубийству»⁸.

В.И. Семевский обратил также внимание на судебно-следственные материалы. Он приводит пример жалобы Соломаниды Ядровой из Тверской губернии, обвинившей своего свекра в изнасиловании. Тот признался, что «имел сношения со своей снохой», но с ее согласия. Заявительница представила двух свидетелей, подтвердивших ее точку зрения. Но «высокий» суд женщине не поверил:

«...Не уважая, что она показывала, якобы свекром своим была насилована, точию о первом падении свекрови и мужу не объявила и сим обличилась к грехопадению в согласии», – наказать батогами⁹.

Явно не все случаи снохачества становились известными, еще меньше их доходило до суда. Чаще о подобных отношениях свекра к невестке «ходили слухи». Снохачество не превратилось в судебный термин. Дело заводили по факту «незаконной» или «преступной» связи со снохой или «кровосмешения» с ней. (Именно в юридическом смысле, как одну из форм кровосмешения, определял это явление энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона: добровольная плотская связь между ближайшими родственниками и свойственниками, знающими, что они состоят в родстве¹⁰.) Снохачество могло также прохо-

---

⁷ Там же. С. 73-75.

⁸ Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. 1991. Т. 32. С. 801.

⁹ Семевский В.И. Указ. соч. С. 75-76.

¹⁰ Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Указ. соч. С. 801.

дить отдельным эпизодом при расследовании убийств, избивений, «сокрытия» незаконнорожденного ребенка.

Инициаторами выступали все фигуранты дела. Заявлять шла сама потерпевшая. Она совершала этот шаг с согласия мужа или вместе с ним, иногда он брал подобное малоприятное занятие на себя, иногда заявление делала свекровь. Разоблачить снохача решались даже окружающие. В 1830 г. подозрение о «связи» жителя Сысертского завода Андрея Карфидова с его снохой появилось у побывавших в его доме гостей¹¹. Могло проявить бдительность и духовенство. В 1845 г. органы дознания получили «доношение» священнослужителя Петропавловской церкви села Кисловского Маминской волости:

«...Дошло до сведения нашего, что крестьянина Потапа Никифорова Ялунина жена Ирина Матфеева занимается предосудительной прелюбодейной связью с свекором своим Никофором Ялуниным, от которой и принесла младенца женского полу, чрез что и соблазняет людей нашего прихода»¹².

Случай с крестьянкой Огневской волости Матреной Дорогиной для начала XIX в. беспрецедентен. Доведенная до отчаяния многолетними домогательствами свекра эта женщина подала письменное заявление.

«По выходе ее в замужество уже назад тому 23 года, – сообщала следствию Матрена, – продолжала она житье свое с мужем своим только первый год ни слышала она ни от кого противного браку ее смущения, но на другой год свекор неизвестно с какого намерения или по дьявольскому смущению, приступая к ней от домашних скрытным образом, и до сего даже времени, когда она дома бывает одна или в каком ни есть пустом месте, то всегда насильственно принуждает ее разрушить данные ею от Бога с сыном его закон и, склоняя ее сделать с ним блудодеяние. О чем она в то время по молодости своей в великих слезах неоднократно приносила жалобы своему мужу, но он, так как есть ему родитель, противоречия с ним никакого чинить не смел, она же по долговременному своему терпению в 1819 г. извещала сотника и священника Иоанна Базанова, но чрез то никакого к спокойствию своему облегчения не получила и, хотя всячески старалась, дабы не нарушить с мужем своим данный от Бога закон, но в ноябре 1820 г. по небытности в доме мужа, детей и свекрови, осталась для

---

¹¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 925. Л. 5.

¹² Там же. Д. 1336. Л. 2.

управления домашней экономии в избе одна, где и свекор ее остался с ею же и по выходе домашних и, немного помешкав, стал говорить склонные к прелюбодейству речи, уговаривая дабы согласилась учинить с ним естественное грехопадение, от какового, хотя она и старалась избегнуть, но свекор, схватя ее насильственно, повалив, и сотворил с нею блуд. О каковом до сего времени, опасаясь она внушить своему мужу, дабы от огорчения его в азарте не последовало какового ни есть вредного и опасного в жизни ее случая, но напоследок в январе, быв одна в состоящей во дворе их малой избе для мытья рубах, куда вдруг неизвестно ей откуда, с торопливостью прибегая к ней в избу ее свекор, и стал ее там же насильством приневаливать..., хватая ее за тайную влажницу, чему она пришла в великую нетерпеливость, стала с ним шумствовать необычайным голосом, что и, услышав по бытности в бане за трепанием льну свекровь, в тот же час прибегая к ним в малую избу, и от такового бедствия сноху свою освободила». «О каковых несчастных и порочных от свекра последствиях, — заключала истица, — не токмо живущему с ней в одном доме семейству, но и соседям их едва ли о том не известно»¹³.

Этот интересный документ в концентрированном виде содер­жит основные черты явления. Запретное «чувство» свекра проявлялось сразу после попадания женщины в его дом.

«С самого выхода замуж, — вспоминала в 1840 г. жена Якова Гладких из деревни Перщина Глинской волости, — свекор частократно приступал ко мне, требуя иметь с ним дело непотребное»¹⁴.

Михаил Красных из Невьянского завода имел со своей снохой Парасковьей прелюбодеяние «с самого вступления [той] в брак». Согласно рассказу молодой женщины, «он сам напился и ее напоил и, утащив ее на постелю, изнасиловал»¹⁵. Более подробно вероломство и «насилие» свекра выступает из показаний жительницы Михайловского завода Авдотьи Сунгиной (начала 1830-х гг.):

«По приказанию его принесла я в конюшню ведро воды... свекор, вылив в сено... воду, хватив меня в охапку и повалив, учинил со мной прелюбодеяние. Хотя я и намеревалась при первом его ко мне приступе кричать, но он, ... зажав мне рот рукой, чинить крик воспрепятствовал... После сего имела с ним... прелюбодейство еще два

---

¹³ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 895. Л. 2-3.

¹⁴ Там же. Д. 1230. Л. 53 об.

¹⁵ Там же. Д. 895. Л. 3, 5.

раза: первый минувшего лета в сенях, а последний в избе... и все сие чинимо было им без моего согласия, то есть принужденно»¹⁶.

В 1841 г. 19-летняя жительница Верхне-Сергинского завода Анна Ахманаева вышла замуж и в том же году стала объектом сексуального домогательства со стороны свекра.

«Схвативши меня, – объясняла потерпевшая, – положил на пол и не смотря на... сопротивление мое сделал со мной прелюбодейство»¹⁷.

К прямому насилию снохач прибегал не всегда. Сначала он «склонял» предмет страсти, «гонялся» за ним. Как показывает заявление Матрены Дорогиной, период уговоров мог длиться достаточно долго. Женщина «не изъявляла согласия», соблазнитель проявлял нетерпение.

«Свекор стал склонять к прелюбодеянию, – говорила на следствии в 1821 г. Марфа Кочнева из Каменского завода, – на что я, не быв согласна, с грубостью ему от сего греха отозвалась. Он, осердясь, три раза ударил меня по голове, окосматил, побежал за плетью и ножом». Не долго думая, Марфа выскочила в окно и ушла к своим родителям. Аналогично поступила уже упомянутая жена Якова Гладких. «Боясь Бога», и считая желания свекра «законопреступными», она три раза «отлучалась» из дома¹⁸.

Беглянки лишь усложняли свое положение. Более разумным было уже на стадии «склонения» предать делу огласку и тем самым остаться «порядочной» женщиной. В первую очередь следовало пожаловаться мужу. Законные супруги реагировали не однозначно. Когда Улита Кривошеина «в оправдание свое или во избежания взыскания» говорила своему мужу о намерениях свекра, он «вовсе не верил». Савин Дорогин из Огневской волости поверил, однако, «не хотя... быть в ненависти» к отцу «и иметь в семействе раздор», «убеждал жену перенести» намеки свекра «терпеливо»: «Сколько возможно старайся от того уклоняться и домашним никому не сказывай». А своему «батюшке» он говорить сначала «совестился, полагая сие шуточно», затем стал ему «выговаривать». 19-летний Иван Ахманаев с Верхне-Сергинского завода, узнав об изнасиловании «вотчимом» его молодой жены «не мог оставаться спокой-

---

¹⁶ Там же. Д. 924. Л. 8-8 об.

¹⁷ Там же. Д. 1256. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Д. 640. Л. 5 об.; Д. 1230. Л. 53 об.

ным и упрекнул» того в содеянном. Яков Гладких из Глинской волости сначала «не имел на отца злопамятства», однако «неоднократные жалобы жены» сыграли свою роль, и он стал «таить к отцу вражду», в конце концов так «безчеловечно» избил старика, что тот умер¹⁹.

Подозрение о существовании сексуальных отношений между отцом и его женой складывалось у сына, если тот вступался за сноху и даже «бивал» за нее.

«По женитьбе моей по молодости лет и грозному ево содержанию – рассказывал следствию о поведении отца Федор Серебряков с Верхне-Салдинского завода, – меня... от жены отлучал, а сам имел с ней причастность – как в прогулках, а нередко и при доме наедине пребывание, а меня всегда отрекал»²⁰.

Савелий Сунегин из Михайловского завода «прелюбодейную связь за своим отцом замечать стал со слов своих родных братьев... и сестры».

«Первые мне сказали, – сообщил он следствию, – что отец жену мою, бывшую возле печи, обнимал и целовал, а сестра... видела, что отец... полез на печь под видом якобы искать обуви, где лежала моя жена и, бывши на печи, раскрывал у ней рубаху, касался рукой у жены моей детородной части». Жену свою Авдотью обеспокоенный муж также «неоднократно спрашивал». Однако поведать законному спутнику жизни о «проделках» свекра решалась не каждая супруга. Авдотье Сунегиной свекор это прямо «воспретил». «Что буде кому-либо о сем открою, – рассказывала женщина, – то буду и с мужем моим несчастна». Парасковья Красных из Невьянского завода также «объявить» об этом «не смела», «опасаясь быть могущих от того худых последствий»²¹.

«Подкараулить» отца сыну было трудно, «по случаю contemporанной отлучки из дому» в связи с «нахождением кроме воскресных и праздничных дней в работе». Савелию Сунегину удалось самому «уличить» отца и жену, поскольку семейные находились вместе с ним «в куреню» (во время выжига угля). По рассказу Авдотьи,

«свекор, сидя между погасавшим уже огнем и ею, намеревался учинить блудодеяние, она, опасаясь своего мужа, встала с места

---

¹⁹ Там же. Д. 1406. Л. 26; Д. 895. Л. 7 об., 8 об.; Д. 1256. Л. 6 об.; Д. 1230.

²⁰ Там же. Д. 710. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 924. Л. 7-8; Д. 895. Л. 3 об.

и легла за мужа». Ловкий маневр снохи старика не остановил, и сын имел возможность «застать» его «на самом почти действии». Он «кинулся» к отцу со словами: «Что ты, плутской сын, делаешь? Без меня-де с женой моей дурачишься, да и при мне тоже делаешь?» И, «не вытерпев такой обиды», стал выяснять отношения с отцом: «В озартности ударил... деревянным клином и голову прошиб ему – по близости левого глазу косицу до крови, от чего под глазом сделался багровый знак»²².

Узнав о «противозаконных поступках» родного отца по отношению к своей жене, «законный» муж должен был «заявить» властям и попытаться разрешить ситуацию «мирным» путем. Яков Гладких «отошел» от отца, прожив полгода у брата и соседей. Федор Серебряков обратился с просьбой к главному Нижнетагильскому приказчику Григорию Матвееву, и ему было позволено от отца удалиться. Агафон Кривошеин

«с согласия свекра, деверя и в доме сельского старшины Жукова, избегая ссор, поступил в усыновление к крестьянину Боевской волости... Тимофею Родионову Мыльникову»²³.

Не каждый муж решался на публичное разглашение семейных неурядиц. Матрена Дорохина вынуждена была подтолкнуть своего супруга, «что буде он как муж ее от таких противных закону правил отца не удержит, то она сама в необходимости будет просить защиты себе у правительства». И после этого он не набрался смелости сделать заявление сам, а «послал ее объявить о том священнику» и попросил «равно сходить и к волостному голове»²⁴. «Неоднократно жаловалась сельскому начальству» также жена Якова Гладких из Глинской волости. Разбирательства «заканчивались примирением», свекор даже давал «подписку», и «всему обществу» становились «известны» обстоятельства дела²⁵. Привлечь «общественное мнение» можно было с помощью народной молвы и распространения слухов. Когда муж Улиты Кривошеиной отказался ей верить, она «при многих» смеялась «над глупостью свекра», и «сказывала... о даваемых, если согласится 7 копеек медью»²⁶.

---

²² Там же. Д. 924. Л. 5,9 об., 16.

²³ Там же. Д. 1230. Л. 36; Д. 710. Л. 5; Д. 1406. Л. 71.

²⁴ Там же. Д. 642. Л. 8.

²⁵ Там же. Д. 1230. Л. 35 об., 54.

²⁶ Там же. Д. 1406. Л. 17 об.

Снохачи не были вдовцами (что в какой-то мере могло бы их извинить). Как правило, они были женаты иногда вторым или третьим браком. Поэтому невестки нередко искали помощи у своих свекровей, сообщая тем об изменах мужей. Жена Матвея Дорогина рассказывала следователям, что от снохи она «жалобы слыхала», за мужем своим «и сама замечала, о чем ему и говаривала, за что он ее бивал». Аналогичная участь ожидала супругу Михаила Красных: «Сноха сказывала, да и она один раз ночью замечала, чрез что и жизнь ее с мужем расстроилась». Свекровь Авдотьи Сунегиной также отмечала, что «муж был до снохи ласков»²⁷. Однако среди свекровей встречались и более решительные натуры. Застав своего мужа Михайло Алексеева в сенях со снохой, его супруга в 1829 г. «словесно объявила» конторе Верхне-Уфалейского завода о «делаемом прелюбодеянии»²⁸.

Случалось, что «разоблаченные» снохачи вели себя как «домовладыки». Когда Иван Ахманаев «упрекнул» «вотчима» в изнасиловании своей молодой жены, тот «начал искать случая прибить» ее, а заодно избил и своего приемного сына. Улита Кривошеина за насмешки над свекром также расплатилась побоями, которые тот «причинил» ей «в доме своем без посторонних людей». Помимо этого снохач стал настраивать против нее своего сына, и тот, «из уважения к отцу», стал также «стеснять» Улиту. Якову Гладких отец советовал «оставить жену»²⁹.

Когда в дело вмешивались власти, обвиняемые пускались на различные ухищрения. Чаще всего ссылались на возраст. Как считал Агафон Кривошеин, «делать сего по преклонным летам отца моего совершенно нет вероятия»³⁰. Свекор Ирины Ялуниной также «совершенно отрекся» от предъявленного ему обвинения, «говоря, что он по старости лет своих давно уже в детородном уде не имеет даже никакого и действия» и заявил, что ему исполнилось 75 лет. Органы дознания не оставляли такой аргумент без внимания и «справлялись» о действи-

---

²⁷ Там же. Д. 642. Л. 9; Д. 895. Л. 4 об.; Д. 924. Л. 6 об.

²⁸ Там же. Д. 894. Л. 2.

²⁹ Там же. Д. 1256. Л. 5; Д. 1406. Л. 17 об., 19 об.; Д. 1230. Л. 36.

³⁰ Там же. Д. 1406. Л. 26.

тельном возрасте подозреваемого. Выяснилось, что Никифору Ялунину по ревизской сказке 1834 г. было 54 года, а во время следствия в 1845 г., соответственно, 65 лет. Оправдываясь, он ссылаясь на «слабую память», из-за которой «показал» количество прожитых им лет «гадательно»³¹. Андрею Карфидову, также заявившему, что «на совокупление уже с год как даже не имеет позыву», пришлось подвергнуться медицинскому освидетельствованию. «Заключение» штаб-лекаря Ивана Воронцова об «отозвавшемся неспособным к совокуплению с женским полом» старике не внесло окончательной ясности в дело:

«...Он, хотя и не может быть способным к оплодотворению матки, однако ж при возбуждающих предметах и помышлениях любоострастие, хотя слабое, может иметь совокупление с другим полом»³². Аналогичным образом оправдывался Степан Сунегин. «По летам моим недуманное», – заявил он на следствии, представляя случившееся как недоразумение, а реакцию сына спонтанной – «со сна». «Проснувшись, – рассказывал он, – увидел, что у снохи черного сукна кафтан, которым она была одета, сбился к разложенному в балагане огню, что я и видя, тотчас встал, оный кафтан от огня взял, на нее откинул; увидев сие, сын... неизвестно с чего кинулся на меня...»³³.

Иногда свекры признавались в прелюбодеянии, но утверждали, что женщина пошла на него «добровольно».

«Сноха моя, – рассказывал на следствии Михайло Алексеев, – будучи поведения насчет блудодеяния слабого, и по обоюдному с ней согласию секретным образом, в разных местах продолжал прелюбодейственную связь в течении четырех лет». «Сверх чего она обличена, – продолжал он усугублять прегрешения невестки, – в... прелюбодейной связи с крестьянином Василием Лапотышкиным на первой недели великого поста»³⁴. А молодая женщина оказывалась между двух огней: свекор «искал случая прибить» ее, а муж мог отказаться «иметь с ней законное супружество»³⁵.

Возможно, поэтому Ирина Ялунина из деревни Лукиной Маминской волости предпочла быть изнасилованной «неизвестным ей мужчиной, выскочившим из лесу» и отказалась от

---

³¹ Там же. Д. 1336. Л. 4, 62.

³² Там же. Д. 925. Л. 6.

³³ Там же. Д. 924. Л. 9 об., 30.

³⁴ Там же. Д. 895. Л. 4; Д. 894. Л. 6.

³⁵ Там же. Д. 924. Л. 22.

первоначальных показаний против свекра, объясняя, что давала их «должно быть в беспамятстве от болезни после родов»³⁶.

Последствием официальных преследований этого социального зла стало появление оговоров в снохачестве. Превратившись в орудие «слабых» против деспотизма домовладык, подобные дела с точки зрения зависимых членов семьи способствовали весьма эффективному решению внутрисемейных проблем. Уже в XVIII в. «поползновение стариков вступить в интимные отношения со своими снохами (невестками)» рассматривалось «как причина разделов». Дореформенные волостные суды также «признавали, что доказанная связь отца с женой сына дает последнему право требовать отдела от отца»³⁷. Крестьянин Ревдинского завода Никита Щекалев в 1831 г. подозревался в изнасиловании своей родной дочери и снохи, пока в ходе следствия жена его сына 18-летняя Матрена не призналась: «...Старшая сноха склоняла сказать на свекра, через что может быть от общежития с ним разделиться в особый дом»³⁸.

Женщины семьи Щекалевых действовали весьма осмотрительно, их показания выглядели правдоподобно и обвинение со свекра было снято только после признания «потерпевшей». В «прошении» 1871 г. унтер-офицера Евграфа Глазырина из деревни Ключи Логиновской волости судебные инстанции должно было насторожить само обилие «прелюбодейных связей» его престарелого «родителя».

«Отец мой, – писал Евграф, – начал склонять жену мою к прелюбодеянию с ним... Кроме того отец мой имел прелюбодейную связь с женой старшего моего брата Филипа Надеждой Ивановой, с которой я и брат мой Алексей застали на самом преступлении. Женивши сына, а моего брата Федора, недель через 20 также начал склонять жену его Марью Агафонову к прелюбодеянию и один раз пожелал удовлетворить страсть свою насильно... С женой брата Алексея Ориной Гавриловой... отец также имел прелюбодеяние, что лично видел брат мой». Братья и жена заявителя, на которых он сослался в качестве свидетелей и потерпевших, кстати, не подтвердили его измышления, дав главе семьи высокую нравственную

---

³⁶ Там же. Д. 1336. Л. 4.

³⁷ *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 72; *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Указ. соч. С. 801.

³⁸ ГАСО. Д. 967. Л. 29.

оценку: сыновья сказали, что «отец, покровительствуя всем им, женил их и, наделив нужным имуществом, устроил всем им отдельные домохозяйства», а супруга Евграфа добавила: «Никогда от свекра своего дурных слов не слыхала». В ходе разбирательства выяснился и «мотив» заявителя: оговорив отца, он надеялся прибрать к рукам все имущество семьи³⁹.

Обращение к материалам судебно-следственных дел обрисовывает контекст, в котором происходило превращение снохачества из «обыкновения» в социальное зло, осмеиваемое сказкой, бичуемой публицистикой.

Очевидна также связь этого явления из области человеческих (конкретнее – сексуальных) отношений с составом (структурой) семьи. В.И. Семевский связывал его распространение со стремлением использовать за счет ранних браков репродуктивный и трудовой потенциал женщины-невестки, а то, что шло на пользу семье, не могло выглядеть безнравственным в глазах крестьян. Однако выравнивание возраста супругов на протяжении XIX в. не привело к исчезновению снохачества. Современники видели выход в раздельном проживании, то есть в исчезновении самой сложной многопоколенной семьи.

Взгляд на снохачество сквозь призму истории семьи позволяет приблизиться к разгадке еще одного интересного феномена. Много веков состав семьи у жителей нашей страны определялся родством по «мужской линии», и всего нескольких послереволюционных десятилетий хватило для того, чтобы практически «забыть» эту давнюю традицию. Судьба самой сложной семьи оказалась иной – специалисты констатируют устойчивость ее бытования в современных условиях, однако, чаще всего совместно проживают родственники по «женской линии». Возможно, снохачество оказало влияние на столь быструю переориентацию. По сравнению с ним анекдоты «про тещу», получившие широкое распространение в качестве реакции на проживание молодых вместе с родителями невесты, выглядят намного безобиднее. Вышло «как в сказке»: объединившись, женщины решили межпоколенный конфликт гендерными средствами.

---

³⁹ Там же. Д. 1924. Л. 1-2, 3-3 об.

Н.С. Креленко

Личность в контексте эпохи: казус Марии Башкирцевой

Среди основных ценностных ориентиров европейского общества Нового времени было стремление к утверждению собственного «я», а идеалом стала личность, смыслом жизни которой являлась самореализация, стремление чего-то достичь и оставить память о себе. Однако эта личность представлялась исключительно как принадлежавшая к сильной половине человечества. Женщины, «другой пол», начали заявлять о себе, «становиться видимыми»¹ столетия на полтора позднее, чем мужчины, примерно с XVII века. Интересно, что «открытие себя» европейскими женщинами происходило в неблагоприятной общественной обстановке. По мере того, как европейское общество вступало в стадию индустриализации (вторая половина XVIII – XIX вв.), все более четко происходило размежевание общественной и частной сфер жизни. Местом самореализации женщины считалась семья, которая рассматривалась как «основание гражданского общества» (Ф.В. Гегель). В XIX веке ситуация еще более ухудшается. Как пишет Л.П. Репина, «происходит «второе закрепощение» женщины семейными структурами – создается культ семьи и домашнего очага, который как раз индивидуальной свободе женщины отнюдь не способствовал»².

Претензии, предъявляемые к личности в эпоху «положительных ценностей» (вторая половина XIX в.), были очень высоки, как, впрочем, и уверенность в их достижимости. Конечно же, это относилось в первую очередь к мужчинам. Женщины должны были поддерживать, вдохновлять, одним словом, соответствовать уровню своих повелителей. Сама по себе такая постановка невольно заставляла «прекрасную половину» включаться в борьбу за доблести и славу. Хотя круг, в котором

---

¹ «Становясь видимыми», так называется коллективная работа об изменении статуса женщин в европейской истории: *Becoming Visible: Women in European History* / Ed. by R. Bridenthal et al. Boston., 1987.

² Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002. С. 88.

можно было реализовать себя вне дома и семьи, был достаточно узким. Образование было ориентировано на то, чтобы придать девушке как можно больше привлекательности в светской жизни. «Музыка, изящные искусства... вот чем пристало заниматься женщинам, хотя бы в определенных пределах...», утверждает персонаж одного из романов середины XIX в., озвучивая широко распространенное мнение³.

Открытие женщинами своей личности проявилось в увлечении «дневниками», позволявшими сформулировать и проанализировать собственные мысли и чувства. Их ведение стало почти обязательным для каждой девушки XIX века, времени, когда стремление к всматриванию, анализу всего, включая собственную душу, ценилось весьма высоко.

Среди «женских» дневников конца XIX – начала XX вв. к числу наиболее известных принадлежит «Дневник» Марии Башкирцевой⁴. Его автор прожила короткую жизнь (по официальной версии – 23 года, а фактически – 25 лет⁵) и умерла в 1884 году. Через три года были опубликованы два тома выдержек из «Дневника»⁶. Первая полная публикация «Дневника» была осуществлена в Париже на французском языке. Ведь именно по-французски вела записи автор. Очень скоро появились переводы на немецкий и английский, а затем и на русский языки. К началу XX в. для многих имя и личность Марии Баш-

---

³ Элиот Дж. Мидлмарч. М., 1984. С. 86.

⁴ Нами использованы два издания «Дневника»: Дневник Марии Башкирцевой / Под ред. Л.Я. Гуревич. Спб.-М., 1902. (Далее – Дневник); Дневник Марии Башкирцевой. Избранные страницы. М., 1991. (Далее – Избранные страницы.)

⁵ Неувязки с возрастом связаны с тем, что в одной из статей о творчестве молодой художницы, появившихся еще при ее жизни, журналист приуменьшил возраст художницы, а после ее смерти родственники предпочли не разрушать уже сложившееся представление, так «игравшее» на трогательный драматизм образа.

⁶ В настоящее время установлено, что над текстом «Дневника» изрядно поработала мать художницы, убрав отсюда сведения, не слишком приятные для семьи Башкирцевых и лично для нее, Марии-старшей, а также позаботилась о том, чтобы данные возраста в «Дневнике» не противоречили уже сложившейся легенде. В результате возникли некоторые неувязки, но стиль «Дневника» при этом сохранился.

кирцевой обрели очарование легенды, хотя были и те, кто считал М. Башкирцеву настырной графоманкой, заиклившейся на жажде известности⁷.

Изучение «Дневника» М. Башкирцевой дает возможность познакомиться с обстоятельствами жизни маргиналки, «женщины на обочине», оказавшейся вне типичной для своего общественного круга социальной ниши; рассмотреть, как происходило «воспитание чувств» незаурядной молодой женщины, которая постоянно работала над собой; и еще – выявить начальный этап формирования творческой личности, начинающей художницы.

Для решения указанных задач мы также привлекли другие источники: журналистские отклики в русской и французской печати на появление «юного дарования»⁸ и статью известного английского политического деятеля У. Гладстона⁹, формально посвященную выставке живописных работ Башкирцевой, открывшейся в Лондоне в 1889 году, фактически же представляющую попытку понять феномен ее личности.

Многое могут рассказать о своей создательнице ее картины. Около 150 холстов М. Башкирцевой (портреты, жанровые сцены, пейзажи), привезенных родственниками из Франции на Украину, затерялись, возможно, погибли от бомбежек в начале Великой Отечественной войны. В настоящее время в музеях бывшего СССР (в Москве, Петербурге, Днепропетровске, Красноярске, Харькове, Саратове) хранится несколько ее работ. Основная часть созданного ею находится в музеях Парижа, Ниццы, Амстердама, Вены, Чикаго, Афин, Белграда.

---

⁷ Романтизированный вариант трактовки образа юной художницы был некогда дан немецким историком искусства Р. Мутером (См. *Мутер Р.* История живописи в XIX веке. Т. III. СПб., 1902. С. 18-20.) С позиции ее «дегероизации» написана работа А. Александрова. (См. *Александров А.* Мадемуазель Башкирцева. Подлинная жизнь. М., 2003.) Он сосредоточил внимание на разоблачении домашних неурядиц Башкирцевых, из-за которых семья оказалась не вхожа в те круги русского общества, к которым принадлежала по родственным связям.

⁸ Например, *Коппе Ф.* Предисловие к каталогу картин Марии Башкирцевой // *Дневник...*

⁹ *Гладстон У.* Дневник Марии Башкирцевой // Там же.

Мария Константиновна Башкирцева по одним данным родилась 11 ноября 1860 г., по другим – в январе 1858 г. в поместье Гавронцы на Полтавщине в богатой, но не благополучной семье. Отец и мать девочки «разъехались», как было принято тогда говорить, когда ей было два года. Первые годы жизни Муся воспитывалась в доме родителей матери Бабаниных в поместье Ахтырка. После смерти бабушки родственники увезли Мусю в Баден-Баден и Ниццу, к теплу и врачам. Конечно, «странствовали» по-барски: дедушка, мать, тетушка с мужем, Муся, ее брат Поль, двоюродная сестра Дина, фактический член семьи, домашний доктор Валицкий, да еще прислуга; со всеми мыслимыми удобствами: останавливались в самых дорогих отелях, снимали престижные виллы и квартиры, занимали девочке лучших гувернанток и учителей.

Семейное окружение было достаточно многочисленным, но семьи – в том понимании этого слова, которое предполагает наличие главы-патриарха, не было. Дедушка по характеру, а скорее из-за своеобразной материальной ситуации не мог (или не хотел) выполнять эту роль. Комфортное существование всей «команде» обеспечивал богатый и старый супруг тетушки Надин Фаддей Романов, который вскоре умер, чем очень осложнил всем жизнь. Его родственники возбудили против вдовы судебный процесс, длившийся бесконечно долго и поставивший семью Башкирцевых в двусмысленное положение. Еще больше усугубляло ситуацию наличие «паршивой овцы», дядюшки Жоржа, похождения которого держали семейство в постоянном напряжении. Поэтому, хотя богатое семейство проживало в местах, где было много русских (Баден-Баден, Ницца), оно практически не общалось с соотечественниками, «варилось в собственном котле», правда, весьма насыщенном эмоциями и страстями. Вздвинченность, нервозность, «выяснения отношений», – вот та атмосфера, в которой формировалась личность девочки Муси.

С ранних лет она стремилась (с одинаковой силой) к роскоши, способной украсить ее хорошенькую особу, и знаниям, позволяющим реализовать себя. Муся сама наметила, что она желает изучить (а желания у нее были многочисленные и разнообразные), и последовательно выполняла намеченную

программу. По ее мнению, «Женщина должна получать такое же образование, как и мужчина»¹⁰.

Конечно же, эта программа была выдержана в духе традиционного классического образования: языки древние и современные, штудирование античных авторов. Несколько позднее она начала жадно читать современную литературу – французскую, английскую и русскую. Отечественная литература стоит на третьем месте по степени ее доступности для этой читательницы. Обязательным в образовательной программе барышни считалось овладение приемами рисования. Первые уроки девочке давала одна из ее гувернанток, а позднее, уже в пору пребывания в Ницце, приглашался специальный учитель. Кроме того, Муся старательно и успешно училась музыке и со временем начала прекрасно играть на фортепьяно, арфе и мандолине. К тому же, у нее оказался красивый голос, на который она возлагала особые надежды.

Девочка была очень честолюбива: с юных лет ею владела жажда всемирной артистической славы. Она мечтала стать знаменитой оперной певицей и выдающейся светской красавицей. Незадолго до смерти она написала:

«Чем только я не перебивала в моем детском воображении!..

Сначала я была танцовщицей – знаменитой танцовщицей Петипа, обожаемой Петербургом... Потом я была первой певицей в мире. Я пела, аккомпанируя себе на арфе, и меня уносили стримфом... не знаю, кто и куда... Потом я электризовала массы силой своего слова... Император женился на мне, чтобы удержаться на троне...»¹¹.

Дневник она начала писать в возрасте, который некоторое время назад называли подростковым, а ныне именуют тинейджерским (было ей то ли 12, то ли 14 лет), а закончила за одиннадцать дней до смерти осенью 1884 г. Лейтмотивом в нем звучит желание добиться славы и страх упустить бесполезно отпущенные ей дни и годы жизни. В нем еще нет ничего трагического, это скорее задорный вызов подростка, самоуверенность юного существа, торопящегося заявить о себе: учиться, осваивать, впитывать, только не ждать, не бездействовать.

---

¹⁰ Цит. по: *Александров. А.* Указ. соч. С. 49.

¹¹ Избранные страницы. С. 311.

На первых страницах изданного «Дневника» двенадцатилетняя (пусть даже четырнадцатилетняя) Муся признается в пламенной любви к герцогу Г., которого она несколько раз видела на улицах Ниццы и которого она собирается покорить, став великой певицей. Объектом этих пламенных чувств был герцог Гамильтон и Брэндон, светский лев, лондонский денди, блестящий образчик аристократа, смысл жизни которого состоит в том, чтобы продемонстрировать собственную исключительность. Забегая вперед, стоит отметить, что несколько лет спустя Муся будет жестоко разочарована, не разглядев в изрядно растолстевшем бывшем кумире ничего значительного, кроме размера. Надо признать, что и позднее умная и проницательная девушка будет попадать под обаяние фатоватых молодых людей, имеющих звучные фамилии и умеющих быть на виду в обществе.

Первые части «Дневника» дают читателю возможность проследить этапы формирования личности, полной неукротимой жажды жизни, но жестко ограниченной в своих проявлениях двумя обстоятельствами. Прежде всего, – общественным положением женщины «из хорошей семьи», обязанной подчиняться многочисленным условностям. Мусю не стоит относить к феминисткам, боровшимся против общественных устоев. Хотя она и заглядывала в начале 80-х на заседания общества «Права женщин», эти визиты были простым проявлением любопытства. Она считала существующие устои нерушимыми и, если не справедливыми, то непреодолимыми.

Признавая существующее положение вещей, она старалась устроить судьбу, ориентируясь на ценности своего времени и общественного круга: а это предполагало удачное замужество.

«Замужество – единственная дорога для женщин; для мужчины есть тридцать шесть выходов, у женщины только один.»¹²

При этом она вкладывает в понятие «удачное» так много претензий, что начинает казаться, что ее больше занимает не цель сама по себе, а деятельность по ее осуществлению, которую она проводит более или менее энергично.

Главным оружием в этой области ее деятельности является миловидная внешность и умение подчеркнуть свои достоинства.

---

¹² Там же. С. 195.

Стараясь быть объективной, Мария самоотверженно признается, что она скорее хорошенькая, чем красивая, а затем так анализирует собственную внешность, что остается только признать, что она больше, чем красивая – она очаровательная. Сохранившиеся многочисленные фотографии подтверждают эту оценку.

Во время пребывания в Риме весной 1876 г. у нее завязался роман с молодым вертопрахом Пьетро Антонелли, племянником влиятельного кардинала. В заветной тетради Муся рассказывает о том, как она кокетничает с молодым человеком, известным в обществе своим легкомыслием и транжирством. Описания сцен поддразнивания чередуются рассуждениями религиозного характера. Ведь молодые люди не просто принадлежат к разным церквям (Мария – православная, а Пьетро – католик), семья Антонелли имеет в своих рядах дядюшку кардинала, претендующего на папскую тиару.

Для Муси влюбленный Пьетро не слишком интересен как личность, она прекрасно видит его заурядность, но ей забавно слушать его признания. Она очень ловко организовала ночное свидание в своем доме с молодым человеком и провела с ним наедине около двух часов. Потом долгое время она будет с ужасом вспоминать свой поступок и постепенно проникнется мыслью в том, что совершила нечто непозволительное, погубившее ее репутацию в глазах поклонника. Характерно, что У.Э. Гладстон, написавший предисловие к английскому изданию «Дневника» Башкирцевой, с истинно викторианской сдержанностью не рискнул прокомментировать этот эпизод.

Поскольку Мария не собиралась менять вероисповедание, а для Пьетро это было просто исключено, то любящие родственники позаботились изолировать молодых людей друг от друга. Пьетро отправили «развезься» в загородное поместье, а Мария поехала в гости к отцу в Россию.

Она с интересом описывает впечатления от Петербурга и Москвы, долгой дороги, встречи с родственниками и бытовой уклад родной, но не знакомой ей Полтавщины. Почти иностранка в своей стране, девушка с удивлением отмечает дружелюбие и приветливость встречающихся ей людей, а также то обстоятельство, что она в разговоре с местными крестьянами может из-

рядно объясняться по-малороссийски! Впечатления от архитектуры Петербурга (Казанский и Исаакиевский соборы) оцениваются ею через сравнение с более знакомой архитектурой Италии.

Изменилась обстановка, изменилось окружение, но сохраняется ситуация – Муся в центре внимания. Отец любителюется взрослой красавицей-дочерью, дядюшки и тетушки восхищаются «заморской» девицей, очарованные кузены дружно влюбляются во вновь приобретенную родственницу. Мило, забавно, но скучновато... Перемена окружения привычна для нее с детских лет:

«сколько раз менялись мои проводники, мои помещения! Перемена помещений, родных, знакомых не вызывает во мне удивления... Все эти равнодушные или покровительствующие люди, все эти предметы роскоши или пользы смешиваются...»¹³.

Именно здесь, в окружении любящей полтавской родни, Мария особенно остро начинает ощущать собственное неопределенное положение в жизни: девушка на выданье должна жить при родителях, которые озаботились бы вывозить ее в свет. Ощутимо портит семейную идиллию то, что тетушки со стороны отца проявляют неприязнь к Бабаниным, материнской родне. Муся задумывает помирить отца с матерью, но это ей не удастся.

Все семейные «выяснения отношений» протекали на фоне все ухудшающегося здоровья. Воспаление гортани, к которому она поначалу отнеслась не очень серьезно, начинает заметно ее беспокоить. Мать и тетушка, беззаветно ей преданные, обожающие ее, судя по всему, относились к той счастливой категории людей, которые предпочитают плыть по течению: в момент обострения приглашаются лучшие доктора, проводится усиленное лечение, а с улучшением состояния о лечении забывается.

Страшным потрясением для Муси стала потеря певческого голоса, ее красивого сопрано, которым она так гордилась и старательно развивала, с которым связывала будущее. В новых обстоятельствах проблематичным становится само будущее. Поездка в Россию стала своего рода переломным моментом в истории Марии Башкирцевой. Из Гавронец в Ниццу вернулась девушка, утратившая детскую беззаботность, убежденность в собственной неуязвимости.

---

¹³ Избранные страницы. С. 119.

К трудному времени последних месяцев 1876 г. относится серьезное обращение Марии к живописи. Первые строчки, посвященные этому искусству, появляются на страницах «Дневника» еще в 1874 г. На первых порах они напоминают лепет восторженной барышни. Вот, что она написала после посещения художественной галереи Флоренции.

«Я обожаю живопись, скульптуру, искусство, где бы оно не проявлялось... В palazzo Питти я не нахожу ни одного костюма для подражания, но какая красота, какая живопись!..»¹⁴

Восхищение красотой живописи непринужденно соседствуют в этой фразе с весьма прагматическим стремлением извлечь из созерцания работ старых мастеров идеи для своих нарядов... Однако вслед за тем следует дерзкое, почти крамольное высказывание:

«Признаться ли?.. Дело в том, что “Сидящая Богородица” Рафаэля мне не нравится. Только бы не узнал кто-нибудь, что я пишу! Меня приняли бы за дуру. Я не критикую Рафаэля, я не понимаю его...»¹⁵.

Теперь она принимает решение начать учиться живописи всерьез. До того времени ее художественное образование сводилось к нескольким урокам, полученным ее сначала в России, а потом во время пребывания в Ницце. Семнадцатилетняя девушка так формулирует свою программу:

«Не будем ничего ждать от людей, от них мы получаем только обманутые надежды и горести. Но будем твердо верить в Бога и в свои силы. И, право, раз мы честолюбивы, оправдаем же чем-нибудь наше честолюбие.»¹⁶

На первых порах перемена курса в сторону «служения искусству» воспринимается самой Марией Константиновной как вынужденное действие, потеря голоса закрывает для нее путь на сцену, значит, нужно прославиться в чем-то другом, почему бы не в живописи?

Наступившую зиму Мария вместе с матерью и тетей провела в Италии, осматривая достопримечательности Рима, Не-

---

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 43-44.

¹⁶ Там же. С. 152.

аполя, Флоренции. Самым запомнившимся эпизодом для Муси стало участие в церемонии, где ей довелось обменяться любезностями с королем Виктором Эммануилом, после чего она полусутоливо заявила, что теперь должна неделю не снимать перчатки, удостоенные высочайшего рукопожатия. Кроме того, она в это время отчаянно флиртует с несколькими поклонниками одновременно. Но гораздо интереснее для тех, кто пытается выявить картину духовной жизни Марии, то обстоятельство, что к этому периоду относятся первые многочисленные упоминания о произведениях искусства, увиденных в Италии. Из отрывочных рассуждений видно, что пристрастия Муси этой поры совершенно соответствовали вкусам среднепросвещенного в художественном отношении европейца ее времени.

Осенью 1877 г. по возвращении в Париж, бывший в ту пору Меккой художественной жизни, Муся поступает в частную академию Родольфа Жулиана. Это было одно из очень немногих художественных учебных заведений, куда принимали девушек. В Школу изящных искусств, высшее учебное заведение при Академии художеств, женщин не допускали. (В России в это время женщины обучались в Академии художеств, но Мария Башкирцева вряд ли об этом знала.)

На первых порах окружающих шокировало то, что новенькая являлась на занятия в сопровождении горничной и маленькой собачки: словно светская барышня случайно забрела в мастерскую во время прогулки. Мария вскоре поняла свою ошибку, стала одеваться проще (в скромном черном платье она изобразит себя позднее на одной из картин) и быстро втянулась в рабочий ритм: восемь часов ежедневной работы. Начало ее обучения было успешным, она быстро почувствовала себя лучшей среди начинающих. На страницах «Дневника» она подробно пересказывает, как и за что похвалил ее тот или иной преподаватель. Она с восторгом отмечает, что картины консультировавшего учениц Робера Флери хранятся в Люксембургском музее, что и он, и мэтр Жулиан выставляются в Салоне. Официальное признание кажется ей обязательной составляющей успешного творчества.

Забавным выглядит то нетерпение, которое проявляет Мария: через две недели после начала занятий она выказывает

недовольство, что не все у нее получается так, как хотелось бы. Вслед за быстрым освоением азов приходят муки творчества, происходит постепенное погружение в таинство ремесла. Теперь посещения модных и книжных магазинов дополнятся экскурсиями в лавочки Латинского квартала за различными гипсовыми слепками.

Отношения ее с коллегами по мастерской осложняют два обстоятельства: слишком быстрые успехи Башкирцевой и слишком заметное различие в материальном положении между ней и ее коллегами. Подруг у нее «не образовалось». Только с одной из соучениц, талантливой и упорной Луизой Бреслау¹⁷ возникает приятельство-соперничество.

Новый 1880 год Муся рассчитывает много и плодотворно работать, для чего уже первого января встает за мольберт. Но здоровье начинает давать заметные сбои. Пока она еще кокетливо отмечает, что надрывный кашель придал ей томный вид, и она совсем не подурнела. Работа, связанные с ней успехи и неудачи, лечение, дающее надежду или отнимающее ее, – эти темы постепенно вытесняют все остальные. Поклонники, флирт, брачные планы (когда-нибудь потом ведь придется выйти замуж), – отступают на второй план и рассматриваются в «Дневнике» мимоходом и с изрядной долей иронии. Хотя в это время Муся начинает интересоваться политикой и политиками, конечно же, блестящими и несколько скандальными, такими как Поль де Кассаньяк, бонапартист, «д’Арганьян пера».

К числу ее ранних работ относится полотно «В мастерской» (1881 г.). Оно представляет собой добротное выполненную жанровую сцену, дающую представление о том, как проходили занятия в ателье Жулиана. Художница изобразила себя и других учениц, занятых работой и обсуждением сделанного. Самое интересное в этой работе то, что можно увидеть, как выглядело помещение, как располагались художницы и натурщики. Перед нами любопытный документ эпохи. Эта картина, пожалуй, может служить примером того, от чего Башкирцева хочет отойти, а именно – от повествовательной живописи.

---

¹⁷ Л.К. Бреслау получила известность в конце XIX – начале XX вв. как художница академического направления.

Дневниковые записи позволяют проследить, как меняется понимание живописи, как на смену подходу просвещенного дилетанта приходит взгляд профессионала, причем профессионала, подход которого выходит за рамки привычной системы стереотипов. Эти перемены становятся заметны в записях, относящихся ко времени поездки с тетушкой Надин осенью 1881 г. в Испанию. В этой поездке она начинает ценить неклассическую красоту – сумрачную «неправильную» живописность Толедо, томное очарование Гранады, фантастическую беспредельность Севильского собора.

Но главное, что она нашла для себя во время этой поездки – это живопись испанских мастеров в Прадо.

«Господи Боже! Да вот они, настоящие натуралисты!.. Как волнуешься и чувствуешь себя несчастным при виде таких вещей! О, как хочется обладать гением!»¹⁸

На первый взгляд здесь повторяется привычный мотив – прославиться. Но это только на первый взгляд. Акцент сместился. Теперь не слава видится ей главной целью ее усилий, а результат ее деятельности.

Знала ли мадемуазель Башкирцева, какое впечатление произвели «старые испанцы» на живописные поиски Э. Мане десятью годами ранее? Или сама открыла для себя это столь не похожее на итало-французские каноны искусство? Скорее последнее. Ведь в «Дневнике» нет упоминаний о знакомстве Башкирцевой с искусством этих бунтарей, тогда уже давно работавших, но еще не получивших широкого признания. Официальное искусство и то, что преподавалось в академии Жулиана, подчинялось традициям академизма.

Для большинства зрителей в XIX в. (и не только тогда) в живописной работе был важнее всего сюжет, умение проиллюстрировать какую-то идею, мысль, а лучшим художником всех времен и народов считался Рафаэль Санти. Повзрослевшая Мария вынуждена признать, что искусство Рафаэля хорошо передает с помощью рисунка те мысли и чувства, которые мастер хотел вложить в свою работу, а потому «Афинская школа» мало проигрывает в копиях и гравюрах. Подлинник не

---

¹⁸ Избранные страницы. С. 247.

таит в себе ничего неповторимого, того, что невозможно пересказать словами и отразить в черно-белой репродукции.

Стоя перед полотнами Веласкеса в Прадо Башкирцева осознает – «чувство в живописи сводится к краскам, к поэзии исполнения, к очарованию кисти»¹⁹. Сюжет менее значим, менее важен. Глядя на «Кузницу Вулкана» кисти Веласкеса, зритель не столько вспоминает содержание мифа, сколько любит переливами чистых сияющих красок, наслаждается мастерством художника. А более изощренный глаз отмечает кажущуюся простоту композиционного построения и ловкое совмещение игры света, падающего из нескольких источников. По другому, но похожему случаю Башкирцева с гордостью отметила:

«Чувствовать, что это прекрасно, и понимать, почему это прекрасно, вот это большое счастье».²⁰

Она смотрит на живопись как профессионал, понимает, сколько труда стоит за этой внешней простотой, наслаждается тем, как положены краски, как организовано пространство холста. Возможно, она, музыкантша и певица, была особенно способна почувствовать самоценность произведения искусства. Ведь в песне важен не сюжет, почему же в картине ищут сюжет, иллюстрацию к чему-то?

Вряд ли она знала что-то об американском парижанине Д. Уистлере²¹ или художниках, собиравшихся в кафе Гербуа, убежденных, что живопись обладает своим художественным языком и не нуждается в пересказах и переводах произведений изобразительного искусства на язык сюжетов. Муся Башкирцева жила в другом Париже, Париже модных магазинов, светских визитов, театральных премьер, политических слухов. Она продолжает выезжать, флиртовать, увлекаться и увлекать. А еще много и упорно заниматься живописью. Ее учи-

---

¹⁹ Там же. С. 249.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ В 1878 г. Д. Уистлер написал следующее: «...Картина должна обладать своими собственными достоинствами, не зависящими от драматического, легендарного или местного интереса. Как музыка является поэзией слуха, так живопись – поэзия зрения, и сюжет никак не связан с гармонией звуков или красок». (*Уистлер Д.* Изящное искусство создавать себе врагов. М., 1970. С. 180.)

теля – художники, работающие в традиционной манере. Поэтому не удивительно, что Башкирцева лучше умеет видеть, чем воплощать увиденное. Среди художников своего века выше всего она ценила Жерико и Бастьен-Лепажа.

В последние три года жизни живопись становится смыслом существования Башкирцевой. На страницах «Дневника» за 1882-1884 годы звучит мольба:

«Неужели не достаточно того жгучего, безумного желания передать другим мое чувство?... Как может моя рука оказаться неспособной выполнить то, что хочет выразить душа?... О, Боже мой, на коленах умоляю... даже не помочь, а только позволять мне работать без особых препятствий»²².

Девушка строит грандиозные планы, она видит, что и, главное, как, хочет она написать, мучается от неумения передать задуманное. Внешние впечатления ее невелики. По преимуществу – это узкий круг домашних (родственники и прислуга), пейзажи парков и окрестностей Парижа, жизнь парижских улиц, по которым она проезжает или проходит. Большая часть ее работ – портреты и жанровые сценки на фоне урбанистических заборов, немного пейзажей, изображающих уголок сада или парка, то есть тоже «портреты» обжитой человеком природы.

Официальным критерием профессиональной состоятельности художника считалось участие в выставке парижского Салона, проводившейся в конце апреля-мае месяца каждого года. Попасть в число тех, кто выставляется в Салоне, уже считалось достижением для художника, признанием профессиональной пригодности, обратить на себя внимание – значило обеспечить себя заказами. Но что не менее важно, Салон создавал художнику имя.

Салон культивировал искусство, ориентированное на приличные идеалы, на профанные вкусы. Его многие ругали, прежде всего, те художники, которые пытались отойти от устоявшихся стереотипов, но попасть в Салон мечтали все. Не удивительно, что Муся Башкирцева жадно стремилась выставиться в Салоне, быть замеченной и получить награду.

---

²² Там же. С. 264.

«Жан и Жак», выставленные в парижском Салоне 1883 г., принесли художнице первую известность, привлекли к ней внимание прессы и публики. Эта картина может быть названа и парным портретом, и жанровой сценкой. Представлены на ней два мальчугана, вероятно братья, из той категории, которую принято именовать парижскими гаменами. Оба держатся по взрослому, солидно и независимо. Старший, небрежно зажав под рукой зонтик, держит братишку за руку и, слегка отвернувшись, жует травинку, на шее щегольски повязан платок. Младший, держа руку в кармане, в упор смотрит на зрителя с непередаваемой мудростью уличного котенка.

По поводу статьи, написанной о ней одним петербургским журналистом после того, как ее работа впервые была замечена на выставке в Салоне, Башкирцева жаловалась, что он дал неточные данные о ее возрасте, написав, что ей девятнадцать лет, а ведь ей уже исполнилось двадцать два. Художницу взволновало, что кто-то может подумать, что она нарочно преуменьшила свой возраст! Другим поводом для переживаний стало то, что достоинства ее работ почти обязательно связывали с чьим-то влиянием, с предполагаемой помощью кого-то из художников-мужчин.

Как было отмечено выше, воспитание и образование М. Башкирцевой проходило в русле классических традиций, стержнем его было изучение античности и Священного Писания. Поэтому наряду с портретно-жанровыми темами художница постоянно мечтала написать картины на «исторические» сюжеты. «Историческими» тогда принято было именовать картины, изображающие библейские или мифологические сцены. Реализацией одного из таких замыслов стали «Святые жены». Картина изображает «тот момент, когда Иосиф Аримафейский похоронил Христа и гроб завалил камнями; все ушли, наступает ночь; Мария Магдалина и другая Мария одни сидят у гроба».²³ В этой работе она хотела и, судя по эскизу, хранящемуся в Саратове, сумела передать человечность евангельского сюжета.

В середине 1880-х тенденция к максимально натуралистической передаче сосуществовала и соперничала с импрессиони-

---

²³ Избранные страницы. С. 262-263.

стическим стремлением наполнить холсты воздухом и солнечным светом, «дематериализовать» фигуры и предметы. Причем, господствующим казалось первое из названных направлений.

Молодая художница в последние полтора года жизни также обращается к более светлым краскам. Ее работы напоминают рисунки, подцветенные акварелью, хотя написаны они маслом. Фон становится светлым. Закутанная в черное рваное платье «Девочка под черным зонтиком» (1883 г.) смотрит прямо в глаза зрителя. Позади нее холодная грязно-белая плоскость стены. Прозрачная кожа маленькой горожанки порозовела от холода, во взгляде застыла печаль безнадежности. Легкий ореол растрепавшихся волос обрамляет нежное личико. Перед зрителем дурнушка того типа, которая, если выживет и вырастет, может превратиться в красавицу.

Совсем не похожими на подчеркнуто материальную живопись большинства портретов кажутся два пейзажа «Осень» и «Весна». Они такие легкие, тающие, ускользающие. Нежно-зеленоватая «Весна (Апрель)» (1884 г.) представляет собой «пейзаж с фигурой». Но это тот случай, когда человеческая фигура воспринимается как часть природы. На картине изображена крестьянка, сидящая возле тропинки в центре расцветающего сада. То ли уставшая, то ли разомлевшая от сладко-свежего ветерка, от дурманящего аромата разлитого вокруг. Прозрачное кружево ветвей и простоватый облик разомлевшей девушки создают непередаваемую словами гармонию поэзии обыденного.

Глядя на эти полотна, трудно согласиться с оценкой, данной Башкирцевой-художнице А. Александровым: «эпигонка третьестепенных художников»²⁴. Автор этих слов, очевидно, хотел показать незначительность Башкирцевой-художницы, учившейся у художников академической школы. Однако в живописи, как в большинстве других сфер человеческой деятельности, выдающийся мастер не всегда бывает учеником выдающихся учителей или имеет знаменитых учеников. П.П. Рубенс учился у ныне почти забытых художников, что не мешало ему стать одним из самых выдающихся живописцев. У великого Леонардо да Винчи было много учеников, и никто

---

²⁴ Александров А. Указ. соч. С. 6.

из них не прославился. А бунтари-импрессионисты все прошли обучение в академиях, подобных той, что руководил Жулиан.

Сомнительным представляется деление художников «по степени», для этого не существует достаточно четких критериев. Единственное, что недопустимо в искусстве – это фальшь. А в своем творчестве Мария Башкирцева не фальшивила.

«История искусства пошла другой дорогой. Не будем здесь решать, правильной или неправильной, во всяком случае, не той, которой пыталась идти Мария Башкирцева; ее дорога, как и дорога ее учителей, не получила достойного развития.»²⁵

Думается, во многом справедлива мысль, что искусство не развивается (то есть, не восходит от низшего к высшему), а изменяется. И последующие эпохи выбирают из сокровищницы прошлого то одно, то другое, в зависимости от собственных потребностей, и то, что недавно казалось «примитивом», превозносится как совершенство искренности, а обличаемые в течение столетий мастера академической школы превращаются в «пленников красоты»²⁶.

В начале 1882 г. Мария познакомилась с художником, которого почитала для себя образцом и кумиром. В те годы Жюль Бастьен-Лепаж считался одним из наиболее почитаемых французских живописцев. Он продолжил тематически традицию Франсуа Милле. Его большие и сумеречные полотна, населенные неуклюжими, простодушными деревенскими девушками и парнями, казались Марии Башкирцевой образцом, приблизиться к которому она стремилась.

В «Дневнике» она записала, что знаменитого художника трудно воспринимать в качестве наставника, слишком непосредственно и несолидно он себя держит. Очень скоро светское знакомство переросло в дружбу, которая продлилась до их почти одновременного ухода из жизни. Сначала Мария в сопровождении тетушки навестила заболевшего художника, потом, когда стало очевидно, что болезнь его носит необратимый характер, их встречи стали регулярными. Они происходили то

---

²⁵ Александров А. Указ. соч. С. 7.

²⁶ Под таким названием осенью 2004 г. состоялась в Москве выставка художников русского академизма.

у него на квартире, куда приезжала со «свитой» Башкирцева, иногда в парке, куда Жюля привозил брат. К осени 1884 г. Мусе стало все труднее покидать свою квартиру, и тогда уже его привозили к ней домой. Последняя запись в «Дневнике» Башкирцевой как раз посвящена посещению Бастьен-Лепажа.

Интересно проследить по страницам «Дневника», как постепенно из взбалмошной самовлюбленности прорастает умение сострадать, чувствовать чужую боль. Муся заметила это за собой, когда внезапно умер Валицкий, их домашний доктор. Тогда она, по ее словам, впервые плакала не о себе, не о своих огорчениях и недугах, а из сострадания к чужой боли. А потом долгая болезнь и смерть дедушки, внезапная смерть отца, к которому она не поехала, занятая своими делами, хворями и планами. Пробуждение человеческого сострадания происходило параллельно с умением видеть вокруг себя чье-то неблагополучие. Именно эту тему – неблагополучия и бесприютности – хотела она затронуть, начиная работу над картиной «Скамейка».

Последней эскападой в жизни Муси Башкирцевой стала переписка со знаменитым писателем и покорителем женских сердец Ги де Мопассаном, затеянная ею в начале 1884 г. Переписка была недлинной и состоит из двенадцати писем. Шесть ее, шесть – его. От лица «таинственной незнакомки» она написала прославленному писателю, дерзко предложив ему себя в качестве поверенной его душевных и творческих исканий.

Сначала он ответил со снисходительной ленцой, как отвечал на другие письма назойливых поклонниц, начал подтрунивать над рассуждениями своего корреспондента, демонстрирующего знание современной литературы. Шутки ради, писатель выразил подозрение, что письма написаны ученым-словесником, пожелтевшим как пергамен и скучным как урок латыни. Башкирцева азартно поддержала эту игру и следующее письмо написала от лица почтенного мэтра Жозефа, сумела дать понять между строк, как ошибается знаток человеческих душ.

Завязалась пикировка, в которой корреспондентка продемонстрировала редкое чувство стиля, заинтриговавшее Мопассана. В последнем, шестом по счету письме писатель предложил «таинственной незнакомке» встречу-знакомство на выгодных для нее условиях. Он указывает театр, день и ложу, в которой

будет находиться, а она, посмотрев на него, решит, стоит ли продолжать знакомство. На это письмо ответа не пришло.

Летом и осенью 1884 г. почти все свои записи Муся посвящает описанию встреч с Бастьен-Лепажем. В записях больше беспокойства о состоянии его здоровья, нежели о своем собственном. Она замечает (наконец-то!) беззаветность заботы близких, которая прежде казалась ей раздражающей попыткой пресечь ее самостоятельность, и продолжает понемногу работать. 20 октября была сделана последняя запись, а 31 октября 1884 г. Марии Башкирцевой не стало.

Весной 1884 г., уже не надеясь успеть стать великой художницей, Мария Башкирцева решила опубликовать свой «Дневник» и написала к нему краткое «Предисловие», начинающееся словами: «Да, несомненно, что мое желание, хотя и не надежда, остаться на земле во что бы то ни стало»²⁷. В этой фразе удивительно четко прозвучал голос ее эпохи, требовавшей, чтобы человек максимально полно реализовал свои возможности в жизни, все «выложил на стол».

Будучи женщиной, принадлежащей к привилегированной части общества, наиболее зависимой от различных условностей, она была очень ограничена в выборе сфер деятельности, где могла проявить себя. Общеустановленные «правила игры» допускали женщину только в узко ограниченные сферы. Искусство, в том числе живопись, предоставляли возможность для личностной и творческой самореализации. Мария Башкирцева воспользовалась ею, но последствия оказались неподвижными для молодой искательницы славы: творчество из средства достижения амбициозной цели превратилось в смысл существования, превратив светскую капризницу в творческую личность.

---

²⁷ Избранные страницы. С. 19.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА

О.В. Шнырова

Культурные репрезентации суфражизма

Суфражистские организации уделяли большое внимание тому, что мы сейчас называем культурными репрезентациями: созданию своей символики, образов, ритуалов, мифов¹. Особенно ярко это проявилось в начале XX века, когда суфражистская пропаганда начала ориентироваться на массы. Для того чтобы сделать суфражистское движение видимым, привлечь к нему внимание общества широко использовались такие зрелищные мероприятия как массовые шествия, марши, театральные постановки, ярмарки и т.п. Зрелищную пропаганду суфражистских идей обеспечивали специальные суфражистские организации: Лига художниц-суфражисток, Суфражистское ателье и др. Суфражистское движение имело свою прессу, литературу, драматургию. Рассмотрим, как репрезентировали себя и свое движение суфражистки, и как в ходе формирования этих репрезентаций происходило формирование суфражистской субкультуры.

Для суфражистского движения было очень важно формирование чувства корпоративности, демонстрация себе и окружающим принадлежности к общему Делу. Эта задача решалась в результате разработки суфражистской символики и эмблематики. Каждая суфражистская организация имела свои цвета, присутствовавшие в одежде их членов, либо в нарукавных повязках, лентах и значках, булавках, шляпных булавках, которые надевались во время различных суфражистских мероприятий. Впервые цвета для идентификации участниц своей организации были использованы НССО в начале 1906 г. Эта организация взяла для себя сочетание красного, белого и зеленого цветов. Это были цве-

---

¹ О культурных репрезентациях суфражизма см. также *Tickner B. The Spectacle of Women. L., 1989; Green B. Spectacular Confessions. Autobiography, Performative Activism, and the Sites of Suffrage 1905-1938. L., 1997.*

та знамени гарибальдийцев, и, таким образом, члены НССО одновременно подчеркивали свои исторические традиции и корни (то, что суфражистское движение вышло из радикальной среды, поддерживавшей борьбу за независимость Италии), и то, что они так же, как и сторонники Гарибальди и Мадзини, борются за справедливость и свободу. В мае 1908 г. Женский социально-политический союз (ЖСПС) на демонстрации в Гайд-парке впервые представил свои знамена с сочетанием пурпурного, белого и зеленого цветов. Белый означал чистоту, зеленый – надежду, пурпурный – достоинство. Их примеру последовали другие организации: цветами Женской лиги свободы были зеленый, белый и золотой, у Мужского союза за избирательные права женщин – черный и золотой, у Молодых суфражистов – красный, белый и зеленый и т.д. Эти цвета были опознавательными знаками организаций и присутствовали на их листовках, пригласительных билетах, знаменах. Если не было возможности цветной печати, на листовке обязательно обозначалось: цвета организации такие-то. Использование этих цветов в многотысячных суфражистских процессиях и на митингах придавало им дополнительную красочность и зрелищность. Вот как использовалось сочетание цветов в похоронной процессии Эмили Дэвидсон, организованной ЖСПС 14 июня 1913 г.:

«Секция А. Три ряда девушек в белом, несущих зеленые лавровые венки. Пурпурное знамя с надписью: «Сражайся и Бог пошлет тебе победу». Двенадцать рядов девушек, несущих лавровые венки. Оркестр.

Секция В. Члены Лондонского отделения, одетые в черное, каждая несет пурпурный ирис. Оркестр.

Секция С. Члены Лондонского отделения, одетые в пурпур, каждая несет пион. Оркестр»².

В данном случае такое сочетание цветов придавало печальную торжественность процессии и было данью активистке организации, пожертвовавшей своей жизнью ради Дела. Кроме того, спрос на платья определенных цветов со стороны большого числа женщин создавал определенный потребительский

---

² Official Programme. Timetable and Route of the Funeral Procession. Saturday, June 14th, 1913/John Johnson Collection. Bodleian Library.

рынок и формировал моду, распространявшуюся за пределы суфражистского движения. Так, мода на белые летние платья сезона 1908 г. была порождена суфражистскими процессиями весной-летом этого года:

«Суфражистская мода стала гвоздем сезона. Предложение носить белое встретило широкую поддержку. В витринах развешаны драпировки суфражистских цветов. В них преобладают платья белого цвета с широким выбором аксессуаров белого, пурпурного и зеленого»³.

Частью суфражистской символики были и знамена, которыми в начале XX века обзаводятся все суфражистские организации. Знамена, украшенные суфражистскими лозунгами и символикой, служили указателем места сбора для членов организации на демонстрациях, а также придавали им дополнительную декоративность и пышность, привлекая зрителей: «Особенной чертой великой Процессии является количество и красота знамен, каждое из которых имеет свое особое значение. Будет около 1000 знамен, изготовленных с большой любовью специально для этого случая»⁴. Барбара Тикнер полагает, что они олицетворяли также женские качества и умения суфражисток, так как обычно вышивались вручную самими женщинами⁵.

В символике и внешнем виде знамен многое восходит к тред-юнионистскому движению и чартизму. Большинство чартистских и первые тред-юнионистские знамена были изготовлены руками работниц, хотя в начале XX века уже существовали мастерские, специализировавшиеся на их изготовлении. Но несмотря на длительную традицию изготовления знамен женскими руками, знаменосцами всегда были мужчины, и суфражистки стали первыми женщинами в Англии, в буквальном смысле поднявшими знамя своей свободы. Поэтому суфражистские знамена были более легкими и меньше размером, чем тред-юнионистские, которые они во многом копировали. Большая коллекция знамен, хранящаяся в Женской библиотеке в Лондоне и в музее Лондона,

---

³ *Daily Chronicle*, June 19th, 1908.

⁴ The Women's Coronation Procession. Листовка с программой. / John Johnson Collection. Bodleian Library.

⁵ *Tickner B.* The Spectacle of Women... P. 62

представляет знамена нескольких основных категорий: знамена суфражистских организаций, их местных отделений, профессиональные знамена, знамена, изготовленные в ознаменование какой-либо исторической даты или в честь выдающейся женщины (Флоренс Найтингейл, Мари Кюри, Элизабет Фрай и т.д.).

Разработкой оформления знамен занимались профессиональные художники и художницы-суфражисты: Лоуренс и Клеменс Хаусманы, Мэй Моррис, Мэри Сарджент, Сильвия Панкхерст. Дизайн большинства знамен отдает дань моде на неоготику: растительный орнамент и готический шрифт придают им сходства со средневековыми знаменами и штандартами. Некоторые знамена украшались портретами лидеров движения (особенно это было характерно для ЖСПС). Знамена были важной частью суфражистской иконографии и пропаганды. Они были украшены лозунгами и девизами суфражистского движения: «Право голоса для женщин», «Без представительства нет уплаты налогов», «Избирательное право – ключ к нашей свободе», либо более поэтическими: «Восстание против тиранов – подчинение Господней воле», «Слава смелости и самоотверженности», «Наибольшей любви достоин тот, кто отдал жизнь за свободу» и т.п. Кроме использования знамен в массовых шествиях и на митингах, суфражистки периодически устраивали выставки знамен, иногда передвижные, ибо собранные вместе они были прекрасной иллюстрацией программных требований суфражистских организаций.

Массовые шествия и митинги на открытом воздухе в начале XX века также стали частью суфражистской пропаганды и являли собой яркую форму репрезентации суфражистского движения. Как известно, они были ответом на предложение премьер-министра Асквита доказать, что большинство женщин выступает за предоставление им избирательных прав. Успех первой процессии 9 февраля 1907 г. («Марш в ненастье») и внимание к нему прессы и общественности убедили суфражисток всех направлений в эффективности этого метода агитации, и суфражистские процессии стали устраиваться регулярно в период с 1907 по 1914 гг. В них участвовало до 250 тыс. женщин и ради них приходилось на несколько часов перекрывать движение на центральных лондонских улицах.

С другой стороны, подготовка такого массового мероприятия требовала огромной организационной работы. Так как в больших процессиях, как правило, принимали участие региональные отделения суфражистских обществ, то организаторы предпринимали шаги по их доставке в Лондон: организовывались специальные поезда с билетами с экскурсионной скидкой, на вокзале прибывших встречали стюарды, сопровождавшие их к месту сбора (как правило, это были лондонские офисы организаций, либо квартиры их членов), где можно было передохнуть, выпить чаю и получить инструктаж по поводу поведения во время демонстрации.

Женские процессии были новым и необычным явлением, как для публики, так и для самих участниц, и, как уже отмечалось, вызывали неоднозначную реакцию. Поэтому организаторы процессий уделяли большое внимание инструктажу участниц, объясняя им, как следует действовать во время этого мероприятия, чтобы колонна марширующих суфражисток сохраняла стройность и производила благоприятное впечатление на публику:

«1. Процессия начнется ровно в 5.30, поэтому все должны быть на своих местах в 4.30...Сообщите о себе организатору колонны и займите свое место. Заняв, не покидайте его.

2. Помните, что внешний марширующий слева отвечает за установку шага (маршировку). Начинайте маршировать с левой ноги и следите за тем, чтобы ваше плечо было на одной линии с плечом соседки. Держитесь прямо и не сбивайтесь с шага.

3. Не забывайте сохранять свободное пространство между вашей шеренгой и шеренгой впереди, и не бегите, чтобы догнать ее, если вы остановитесь, чтобы пропустить уличное движение. Кроме того, не забывайте сохранять свободное пространство впереди и сзади знамен: они очень важная часть процессии, и публика должна хорошо их рассмотреть.

4. Не машите носовыми платками и не оглядывайтесь, когда процессия тронется. Смотрите прямо перед собой. Вы здесь для того, чтобы увидели вас, а не для того, чтобы смотреть самим. От поведения каждого участника зависит общее впечатление от процессии.

5. По возможности все должны быть одеты в белые платья, если нет белых, то в зеленые или коричневые, что соответствует

цветам Лиги. Длина должна быть такой, чтобы было удобно идти и не мешать соседям. Повязки и розетки с эмблемой и цветами Лиги обязательны»⁶.

Пресса, как правило, отдавала должное высокому уровню организации суфражистских демонстраций и красочности и элегантности предлагаемого зрелища. Поскольку основной задачей процессий было убедить правительство, что женщины всех сословий, званий и профессий стремятся к получению избирательного права, то организаторы стремились наглядно продемонстрировать это зрителям. Национальный характер движения представляли региональные отделения, профессиональный – представительницы различных профессий, организованные в отдельные колонны. В шествиях, организуемых ЖСПС обязательно присутствовала колонна суфражисток, перенесших тюремное заключение во имя Дела. Демонстрируя единство и всеословность движения, в процессиях плечом к плечу маршировали дамы из высшего общества, женщины из среднего класса и простые работницы – обстоятельство, производившее большое впечатление на русских суфражисток⁷.

По мнению современников, самой яркой и зрелищной из всех массовых суфражистских процессий была Женская коронационная процессия 17 июня 1911 г., в которой приняло участие сорок тысяч суфражисток практически из всех суфражистских организаций⁸. Никогда больше, даже во время массового Шествия пилигримов, суфражистки не стремились превзойти великолепие Коронационной процессии. Эта процессия была ответом и альтернативой двум торжественным процессиям 22 и 23 июня, знаменующим величие Империи и приуроченным

---

⁶ Инструкция для членов Женской лиги свободы по поводу участия в Женской коронационной процессии // *The Vote*, Vol. IV, № 86. June 17. 1911. P. 97.

⁷ *Мирович Н.* Женский парламент в Лондоне // *Русская мысль*, 1909, № 7.

⁸ «Вчера в Лондоне состоялась наиболее впечатляющая и представительная из всех процессий в поддержку женского избирательного права, когда-либо виденных в этой стране. Это был триумф организации и демонстрация возможностей суфражистского движения» / *Sunday Times*, June 18th, 1911.

к коронации нового короля Георга V. Так как женщинам в них не нашлось места, было решено организовать свою собственную процессию, которая продемонстрировала бы вклад женщины не только в величие и могущество Британской империи, но и в мировую цивилизацию и историю человечества.

Работа по подготовке процессии началась в мае, причем каждое суфражистское общество старалось превзойти других в красочности и великолепии своей колонны. И вот солнечным июньским днем сорокатысячная колонна двинулась по набережной Темзы под звуки двадцати оркестров, игравших «Марш женщин». Во главе процессии на белой лошади ехала Джоан Брюс, племянница английского посла в Вашингтоне, в костюме Жанны д'Арк, ставшей к этому времени излюбленным символом суфражисток, особенно милитанток, и олицетворявшим одновременно и женский героизм, и женскую жертвенность.

Процессия объединяла в себе традиции средневековых мистерий, карнавалных шествий, рабочих демонстраций, военных парадов и государственных ритуалов. Кроме колонн, представляющих различные женские профессии (среди них была отдельная колонна женщин в мантиях выпускниц университетов), различные суфражистские общества и их местные отделения (причем жительницы различных местностей Великобритании были одеты в национальные костюмы), а также колонны из семисот заключенных в белых одеяниях, в процессии маршировали представительницы британских доминионов и колоний в ярких национальных одеждах (причем эту колонну возглавляли жительницы Новой Зеландии, уже получившие право голоса), гости из иностранных суфражистских организаций. Роль женщины в истории человечества наглядно иллюстрировала колонна суфражисток, одетых в костюмы королей, аббатис и других известных исторических персонажей. Эта колонна была ярким опровержением викторианского стереотипа несовместимости женщины и политической власти и напоминанием о том, что было время, когда женщины в Англии играли заметную роль в политической жизни: в колонне были представлены женщины-пэры, заседавшие в парламенте в правление Эдуарда III, женщины-шерифы графств, правительницы замков, женщины-главы ремесленных цехов.

В центре колонн возвышались богато украшенные колесницы, из которых самой пышной и привлекающей внимание была колесница Империи, отдающая дань поводу, по которому и была организована процессия. Колесница символизировала величие Империи и ее единство под властью короны, а фигуры в ярких одеяниях – британские колонии и доминионы, они группировались по частям света, которые олицетворяли женщины, одетые соответствующим образом. Кроме того, она должна была служить доказательством патриотизма суфражисток, равно как и их стремления отдать свои силы на службу обществу.

В процессии принимали участие также мужские лиги и общества в поддержку избирательных прав женщин, во главе колонны которых ехал верхом на лошади лидер Мужского политического союза Генри Нэвинсон, женские профсоюзы, Женская фабианская группа, женские религиозные общества. Таким образом, процессия ясно давала понять, что предоставление права голоса – это не только общенациональное, но и общеимперское требование, и является восстановлением исторической справедливости. Не случайно, оценивая процессию *Daily Chronicle* писала: «Уверенными и целенаправленными шагами движение за избирательные права женщин марширует к победе. Восхитительная процессия, состоявшаяся в субботу в Лондоне, является прелюдией к неизбежному триумфу»⁹. Как мы знаем, этот восторженный прогноз оказался преждевременным, однако процессия произвела сильное впечатление не только на англичан, но и на большое количество иностранных гостей, съехавшихся в Лондон по случаю коронации. По свидетельству прессы, она привлекла огромное количество зрителей, настроенных значительно более благожелательно к женщинам, марширующим по улице, чем ранее: зрители встречали аплодисментами проходившие мимо колонны суфражисток, крики, раздававшиеся из толпы, были не оскорбительными, а одобряющими.

Особенно отмечалось единство, продемонстрированное суфражистским движением; обстоятельство, которое расценивалось как крупный успех и залог победы: «различаясь по темпе-

---

⁹ *The Daily Chronicle*. June 19th, 1911.

раменту, в организации, в тактике, два течения в суфражизме теперь объединились на основе политики. Это дает им огромное преимущество, которое, воплощенное в действиях, должно более, чем что-либо еще, послужить близкой победе Общего Дела»¹⁰. Даже *Anti-Suffrage Review* отмечала, что процессия являла собой «очаровательный, хорошо поставленный спектакль»¹¹. Таким образом, можно констатировать, что к 1911 году суфражистки добились того, что их стали воспринимать в качестве публичных фигур, имеющих право на открытое выражение своих требований. Высокие оценки художественного оформления процессии (причем часто подчеркивалось, что процессия была оформлена с большим вкусом, чем демонстрации тред-юнионов, или праздничные шествия, организуемые лорд-мэром) означали признание умения женщин в организации массовых зрелищ и манифестаций. Кроме того, данная процессия, как предыдущие и последующие, была значительным вкладом суфражисток в формирование массовой культуры и наглядной пропаганды.

Большую роль в визуальных репрезентациях суфражизма играют плакаты, почтовые открытки, фотографии с изображением суфражистских мероприятий, самих суфражисток, иллюстрирующие доводы «за» и «против» предоставления женщинам избирательных прав. Эти образы, продуцируемые как суфражистскими, так и независимыми художниками и фотографами, либо антисуфражистами, доносят до нас яркий, хотя и противоречивый портрет движения. Открытки и постеры также были важной составляющей суфражистской пропаганды, представляя публике в привлекательной и понятной манере, основные требования движения, и принося определенную прибыль от их продажи. Первый шаг в использовании этой новой формы визуальной пропаганды сделал Женский социально-политический союз. Им была отпечатана и распространена первая из известных суфражистских открыток. На ней воспроизведена фотография из *Daily Mirror*, изображающая колонну членов ЖСПС, направляющуюся на митинг в Какстон-холле 19 февраля 1906 г. Распространение суфражистских открыток оказалось очень точным

---

¹⁰ *The Guardian*, June, 19th, 1911.

¹¹ *The Anti-Suffrage Review*, June, 1911, № 31.

стратегическим ходом, ибо в начале XX века почтовая открытка, позволяющая посылать краткое послание на красиво оформленной карточке, стала популярным средством коммуникации. Мода на открытки привела к моде на их коллекционирование, что побуждало издателей искать для них новые сюжеты, способные заинтересовать покупателя. Суфражистские сюжеты как раз относились к их числу. Уже начиная с апреля 1906 г. ЖСПС начинает выпускать открытки регулярно. Его примеру следует другая милитантская организация – Женская лига свободы. На открытках ЖСПС, вполне в соответствии с формирующимся в нем культом личностей, помещались в основном портреты его руководительниц: Эммелин и Кристabelle Панкхерст, Эммелин Петтик-Лоуренс, генерала Дрюмон и др. Более демократичный НССО предпочитал публиковать открытки с фотографиями различных мероприятий и событий.

Наряду с фотографическими карточками суфражистские организации заказывали и распространяли открытки и плакаты, выполненные художницами и художниками из Суфражистского ателье и Лиги художниц-суфражисток. Ими были созданы яркие образы, оказавшие серьезное воздействие на общественное мнение и ставшие классикой английской политической карикатуры. К ним относится плакат, созданный Эмили Хардинг Эндрюс и отпечатанный Лигой художниц-суфражисток в 1908 г. также и в виде открытки. На плакате изображены запертые в одной клетке свирепый уголовник в тюремной робе, слабоумный и женщина в мантии магистра, стремящаяся вырваться из клетки. Надпись на плакате гласит: «Преступники, сумасшедшие и женщины не имеют избирательного парламентского права». Такая коннотация являлась убедительной иллюстрацией несправедливости по отношению к женщинам.

В 1909 г. Лига от имени НССО объявила конкурс (с премией в пять фунтов) на лучший эскиз плаката, который можно было бы использовать для предвыборной агитации. Первый приз получил плакат молодого художника Дункана Гранта «Перегруженная». На нем изображена женщина в перегруженной лодке, гребущая из последних сил в бурном море, в то время как ее обгоняет мужчина, плывущий на паруснике. На парусе надпись: «Право голоса».

Милитантская политическая карикатура была более острой и имела ярко выраженную антиправительственную направленность. Так, на плакате и открытке, изданных ЖСПС в 1913 г. в ответ на закон о временном освобождении заключенных по состоянию здоровья, прозванный «кошки-мышки», был ярко воплощен образ суфражетки, как жертвы, страдающей от несправедливости властей. Либеральное правительство изображено на нем в виде толстого злого рыжего кота, держащего в зубах вместо мыши полумертвую маленькую женщину, перепоясанную шарфом с надписью «ЖСПС». На плакате надпись: «Сторонники либерального кота, голосуйте против него! Либералы – вон из правительства!».

Излюбленным образом милитантской политической карикатуры стал образ суфражистки, подвергающейся насильственному кормлению. Так к всеобщим выборам 1910 г. известным карикатуристом Альфредом Пирсом, сотрудничавшим с ЖСПС, был создан плакат «Современная инквизиция», растиражированный и как открытка. На плакате был изображен Асквит, вливающий через воронку питательный раствор в нос сопротивляющейся суфражистке, которую удерживают на стуле три дюжие медсестры и помощник врача. На рисунке надпись: «Современная инквизиция. Обращение нынешнего правительства с политическими заключенными», а ниже – призыв: «Избиратели! Положите конец этим пыткам, проголосовав против премьер-министра!». Определенным показателем успеха и влияния этого образа являются старательные попытки его развенчания со стороны антисуфражистов: ответом на плакат Пирса стало большое число антисуфражистских карикатур, изображающих сцену насильственного кормления в комической форме.

Эффектность зрительных образов, создаваемых суфражистским движением, и рост интереса к нему со стороны публики, привели к тому, что продуцируемые им сюжеты начинают привлекать внимание независимых художников и фотографов. Так, издательство «Rotary Photo Co.» в серию открыток «Лондонская жизнь» включило три фотографии с суфражистскими сюжетами: две открытки изображали продавщиц суфражистских газет и одна – арест милитантки. Шествие пилигримов также привлекло внимание фотографов и издателей, и ряд местных и лон-

донских издательств выпустили открытки с фотографиями различных эпизодов общенационального похода женщин на Лондон. Террористические действия милитанток по поджогам зданий также создавали драматические зрительные образы, привлекательные для фотографов. В архивах сохранилось достаточно много фотографий с изображениями церквей и поместий, сожженных суфражетками.

Если говорить о графике, то следует отметить, что в коммерческих издательствах в основном печатались открытки с карикатурами на суфражисток. Их большое количество отражает раздражение и даже страх английского обывателя (который и был основным покупателем открыток) перед нестандартным, «неженственным» поведением суфражисток, особенно милитанток. Немалый вклад в создание отрицательного имиджа суфражеток внесли и антисуфражисты, также уделявшие большое внимание политической карикатуре, но имевшей антисуфражистскую направленность. Все доводы против суфражизма, которые можно было встретить в газетах и парламентских отчетах, превращались карикатуристами в комические образы, запечатленные на открытках. Карикатуры на суфражисток стали появляться и в «Панче», хотя нужно отметить, что они были немногочисленными и значительно менее злыми, чем антисуфражистские карикатуры на открытках. Пародируя все эти образы, Лига художниц-суфражисток издала своеобразный суфражистский комикс со стихотворными подписями под рисунками Сесили Хэмилтон:

А вот и те, кто жаждет прав,
Какой у них суровый нрав!
Огромные ноги в синих чулках
Повергнут любого в трепет и страх.
Спасайтесь от этих фурий скорей!
Так пресса считает,
И мы верим ей¹².

Но в целом, как суфражистские, так и антисуфражистские образы формировали поле женского политического дискурса.

---

¹² Beware! A Warning – to.... Suffragists. History of Women. Microfilm. Reel 955 № 9547 Neilson library. Smith College, Mass.

Они также являются ярким свидетельством того, что накануне Первой мировой войны суфражистское движение действительно оказывается в центре общественного внимания, порождая восхищение и уважение, пробуждая надежды у одних, и неприятие, опасения и даже страх у других.

Еще одной популярной формой суфражистской пропаганды, породившей многочисленные отклики, была суфражистская драматургия. Эффективность этой формы пропагандистской деятельности была осознана суфражистками уже на ранних этапах движения. Еще в сентябре 1873 г. в *Women's Suffrage Journal* было опубликовано письмо, автор которого, подписавшаяся инициалами E.M.L., спрашивала: «Неужели среди друзей суфражизма нет драматургов? Сцена может быть одним из самых могучих инструментов просвещения публики. Женский вопрос может быть хорошим материалом для пьес»¹³. Однако до начала XX века, как правило, драматическая пропаганда ограничивалась художественным чтением монологов или стихов на суфражистских собраниях.

Регулярная пропаганда суфражистских идей со сцены стала возможна с созданием в 1908 г. Лиги актрис-суфражисток. Лига занимала нейтральную позицию, поддерживая и умеренное, и милитантское направления в суфражизме. Она принимала участие в больших суфражистских мероприятиях, таких как выставки или ярмарки, и устраивала собственные вечера, на которых представлялись одна-две одноактные пьесы, пропагандировавшие идеи женского равноправия. Такие одноактные пьесы, с небольшим числом актеров и несложные для постановки, ставились и на любительских вечерах, устраиваемых местными суфражистскими организациями. Репертуар для них поставлялся Лигой писательниц-суфражисток, основанной в 1908 г. Сесили Хэмилтон и Бесси Хаттон, а также писателями и драматургами, симпатизировавшими суфражизму.

Цикл суфражистских пьес был создан Лоренсом Хаусманом. Одной из самых популярных в этом цикле стала «Алиса в стране гусаков», пародия на знаменитую «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла, поставленная Лигой актрис в 1911 г. В пьесе

---

¹³ Цит. по: *Crowford E. The Women's Suffrage Movement. P. 554.*

Алиса оказывается суфражистской, а Мартовский заяц, Безумный шляпник и Соня олицетворяют политические партии (консерваторов, либералов и лейбористов), не желающие допустить ее к политическому пирогу¹⁴.

Милисент Фосетт вспоминала, что наибольшим успехом пользовались пьеса Сесили Хэмилтон и Кристофера Сент-Джона «Как было завоевано право голоса» и пьеса Б. Шоу «Газетные вырезки»¹⁵. Обе пьесы являются комедиями. Пьеса Хэмилтон и Сент-Джона написана в 1909 г. и, вероятно, ее сюжет навеян комедией «Лисистрата» Аристофана. Она предлагает остроумный способ обращения всех парламентариев в суфражистов: достаточно всем женщинам начать забастовку, с одной стороны отказавшись вести домашнее хозяйство, а с другой, согласно законодательству и традиции – потребовав содержания от ближайших родственников мужского пола. Пьеса была очень популярна у местных суфражистских обществ, которые неоднократно ставили ее своими силами; в марте 1914 г. она была также поставлена немецкими суфражистками в Берлине¹⁶.

Пьеса «Газетные вырезки» Джорджа Бернарда Шоу (ее полное название «Газетные вырезки: типичный репортаж, составленный из статей ежедневных газет») является острой политической сатирой как на политику правительства в отношении суфражисток, так и на представительниц антисуфражистского

---

¹⁴ *Housman L.* Alice in Ganderland. L., 1911. Sophia Smith Collection. Suffrage in Britain. Box 2.

¹⁵ *Fawcett M.* The Women's Victory – and After: Personal Reminiscences, 1911-1918. L., 1920.

¹⁶ Премьера пьесы состоялась 13 апреля 1909 г. в Royalty Theatre в Лондоне и получила высокую оценку прессы. *Pall Mall Gazette* писала: «Сюжет сам по себе забавен, а манера, в которой он преподнесен, еще более забавна... Он настолько остроумен и интересен, что зрители вскрикивали от восхищения и раздражались взрывами смеха. Давно мы уже не видели такой увлекательной одноактной пьесы, и мы будем очень удивлены, если какой-нибудь театральный менеджер не включит ее в репертуар своего театра». (*Opinions of the Press / Hamilton C. and St. John C.* How the Vote was Won. L., 1909. P. 31.

движения¹⁷. Написанная для Лондонского общества за избирательные права женщин в 1909 г., которому принадлежали и права на ее постановки, пьеса из-за язвительных насмешек над правительством (в одном из главных героев без труда угадывался премьер-министр Асквит) была запрещена цензурой. Из названия пьесы видно, что в ней высмеиваются все основные сюжеты британской прессы в отношении проблемы предоставления женщинам политических прав: дискуссии в правительстве и парламенте по поводу мер в отношении суфражеток, вопрос о пригодности женщин к политической деятельности, страх перед милитантскими выступлениями, а заодно отношение правительства к общественному мнению и демократии.

Позволим себе привести несколько цитат, ибо они являются прекрасной иллюстрацией сердитого юмора английского драматурга и в то же время в гротескной форме представляют срез общественного мнения по проблеме суфражизма. Разговор идет между премьер-министром Балквистом, которому пришлось переодеться суфражеткой, чтобы пробраться в военное министерство, так как все улицы контролируются милитантками и генералом Митченером:

«Балквист: до чего мы дошли: единственный способ премьер-министру Англии добраться с Даунинг-стрит до военного министерства – идти, переодевшись в женское платье, выкрикивая «Право голоса для женщин!». Они стояли на углу во всеоружии. Они приветствовали меня. Сама Беллакристина была там. Она пожала мне руку и посоветовала сказать, что я Вегетарианка, так как в тюрьме Хэллоуэй вегетарианцев кормят лучше.

Митченер: Почему Вы не позвонили?

Балквист: Они подслушивают телефоны. Все коммутаторы в Лондоне контролируются либо ими, либо их молодчиками»¹⁸.

Далее Митченер одобряет план стрелять в суфражеток, если они будут стараться проникнуть за зону оцепления вокруг Вестминстера: «Военные методы в конечном счете самые гуманные. Вы отправляете этих сбившихся с пути женщин в Хэл-

---

¹⁷ *Shaw B. Press Cuttings. N.Y., 1913. Sophia Smith Collection. Suffrage in Britain. Box 2.*

¹⁸ *Ibid. P. 5.*

лоуэй и медленно и негуманно убиваете их, разрушая их здоровье, но это не дает результатов, и они еще больше распоясываются. Застрелите несколько, быстро и гуманно, и это сразу положит конец всякому сопротивлению и всем страданиям, с этим сопротивлением связанным.

Балквист: Но общественное мнение...

Митченер: Нет никакого общественного мнения. Есть определенные личности, которые имеют определенные мнения. Что ж, застрелите их. Когда вы их застрелите, в живых не останется ни одного человека, имеющего это мнение, следовательно, не будет и общественного мнения, которого Вы так боитесь. Уясните этот факт, мой дорогой Балквист, и Вы постигнете секрет управления»¹⁹.

Однако в финале пьесы даже Митченер заявляет, что он готов предоставить женщинам хоть по шесть голосов. Причиной такого перерождения становится визит антисуфражисток. Обыгрывая их доводы, в частности о моральном превосходстве женщины над мужчиной, Шоу создает язвительную карикатуру на деятельницу Антисуфражистской лиги, которая впрочем, очень напоминает карикатурное изображение милитанток со стороны их противников. Воинственная антисуфражистка миссис Бангер, «мужеподобная женщина могучего телосложения с мощным голосом»²⁰, служившая кавалеристом в колониальных войсках (причем никто не смог заподозрить в ней женщину), произносит: «Какой смысл в праве голоса? У мужчин есть право голоса. И мужчины – рабы. Женщинам нужно право несения военной службы. Дайте мне женский кавалерийский полк с саблями против полка мужчин с правом голоса, и мы посмотрим, кто от кого побежит. Нет, с нас довольно этих мягкотелых неженков, занимающихся пустой говорильней, подвергающих министров перекрестному допросу в судах, идущих, как овцы в тюрьму, страдающих и жертвующих собой. Этот вопрос должен быть решен железом и кровью, как говорил Бисмарк, который, без сомнения, был переодетой женщиной... И прекратите Ваши детские истерики. Они бесполезны; ваши слезы и мольбы – последнее оружие мужчин, вам мало помогут»²¹.

---

¹⁹ Ibid. P. 7.

²⁰ Ibid. P. 27.

²¹ Ibid. P. 30.

После этих рассуждений, полагаем, зрителю становилось понятно, что «мягкотельные неженки» суфражетки значительно менее опасны, чем их противницы.

Кроме комедий, суфражистские авторы предлагали к постановке и драмы, в которых идеи равноправия полов и угнетенного положения женщин преподносились более патетически, как, например, «Коронация», написанная Кристофером Сент-Джоном и Чарльзом Сорсби, в которой молодой король, проникшийся рассказами героини о творимых несправедливостях в отношении женщин, решает даровать народу всеобщее избирательное право, включающее и женщин²².

Однако не все пьесы, написанные симпатизировавшими суфражисткам авторами, соответствовали идеологии равноправия полов и могли быть использованы в качестве суфражистской пропаганды. Так, критические оценки суфражистской прессы получила комическая пьеса Джерома Джерома «Хозяин миссис Чилверс», премьера которой состоялась в 1911 г. Джером также относился к сторонникам суфражизма и неоднократно выступал с суфражистских платформ. В пьесе изображается раскол семьи после получения женщинами избирательных прав. Героиня Энни Чилверс, почетный секретарь Женской лиги за парламентское избирательное право женщин, на дополнительных выборах оказывается политическим конкурентом своего мужа Джеффри, президента Мужской лиги в поддержку избирательных прав женщин, и побеждает. Однако ситуация разрешается сама собой: Энни обнаруживает, что ждет ребенка, и отказывается от своего места в парламенте в пользу мужа – занавес опускается над воссоединившейся счастливой парой. Таким образом, восстанавливается естественный порядок вещей: женщина выполняет свое природное предназначение, а мужчина восстанавливает свое господство. Неудивительно, поэтому, что пьеса получила критические оценки суфражистской прессы: «Хотя в пьесе проскальзывает симпатия к суфражизму, "Хозяин миссис Чилверс" является хорошим материалом для антисуфражистской пропаганды. Если она была задумана как суфражистская

---

²² *St. John C., Thursby Ch. The Coronation. L., 1911.*

пьеса, то это тот случай, когда следует воскликнуть «Спасите нас от наших друзей»²³.

Кроме этого на театральных подмостках и любительских сценах ставилось достаточно много пьес, высмеивающих суфражисток, представляя их, так же, как и карикатуристы, мужеподобными, громогласными, грубыми, сбивающими с пути истинного настоящих женщин. Как отмечает М. Иоанну, «преобладающей тенденцией большинства литературных произведений в период милитанства была дискредитация движения путем преувеличения личных недостатков его сторонников и превращения его в простое развлечение для публики»²⁴.

Столкновение суфражистского и антисуфражистского дискурсов в еще большей степени нашло свое отражение в художественной прозе. Как показывает приведенный в справочном издании Э. Кроуфорд список произведений, содержащих суфражистскую тематику, суфражистские сюжеты были очень популярными в английской литературе начала XX века²⁵. Как и в драматургии, суфражистский дискурс создавался в основном членами Лиги писательниц-суфражисток (в ней состояли такие известные в то время романистки как Олив Шрейнер и Сара Гранд) и симпатизировавшими движению авторами. Кроме того, сами участницы суфражистского движения иногда писали повести и рассказы, в художественной форме популяризовавшие идеи равноправия женщин²⁶. Эти произведения формировали круг чтения все увеличивающегося числа «новых женщин», выступавших за женское равноправие, способствовали формированию их идентичности. Наиболее популярными были «Суфражистка Салли» Гертруды Колмор, «Несломленная» Констанции Мод и «Обращенная» Элизабет Робинс²⁷.

---

²³ *Louisa Thomson-Price*. On the Library Table. An Improbable Comedy // *The Vote*. Vol. IV, № 97. September 2, 1911.

²⁴ *Joannou M.* Suffragette fiction and the Fictions Suffrage // *The Women's Suffrage Movement. New Feminist Perspectives*. Manchester-N.Y., 1998. P. 102.

²⁵ *Crowford E.* *The Women's Suffrage Movement...* P. 467.

²⁶ *Ada Nield Chew.* *Men, Women and the Vote*; *Charlotte Despard.* *Outlooked*; *Evelyn Sharp.* *Rebel, etc.*

²⁷ *Joannou M.* *Suffragette Fiction and the Fictions Suffrage*. P. 104.

Герои ряда суфражистских произведений являлись слегка завуалированными портретами суфражистских лидеров, в основном милитанток, причем чаще всего в этом качестве фигурирует семейство Панкхерст. Так, под упомянутой в пьесе Б. Шоу Беллакристиной подразумевается Кристabelle Панкхерст, она же выведена в роли харизматического лидера Кристины Армхерст в популярном романе Гертруды Колмор «Суфражистка Салли»²⁸. Миссис Ормистон, «мать знаменитых воительниц Брунгильды, Мелиссы и Гвендолен» из романа «Судья» Ребекки Уэст, явно списана с Эммелин Панкхерст²⁹. Сюжеты романов «Суфражистка Салли» и «Несломленная» Констанции Мод являются драматическим воспроизведением истории леди Констанции Литтон, которая, добываясь, чтобы с ней в тюрьме обращались так же, как и с простыми суфражистками, переделалась швеей и, оставшись неузнанной, была подвергнута насильственному кормлению. Ее история, символизирующая классовую солидарность суфражисток, широко пропагандировалась в суфражистской литературе и публицистике. Она была ответом на критику со стороны рабочего движения по поводу того, что суфражизм отражает интересы только представительниц среднего класса, и на утверждения, что работницы больше выиграют, если будут выступать за всеобщее избирательное право, а не за ограниченное право голоса для женщин.

Руководство суфражистских организаций всегда хорошо понимало идеологическое значение культурных репрезентаций. Суфражистские периодические издания регулярно публиковали обзоры новых книг и пьес, касавшихся суфражистской тематики или женского вопроса. Такие влиятельные лидеры суфражистского движения как Эммелин Панкхерст, Эммелин Петик-Лоуренс, Милисент Фосетт писали критические статьи и обзоры просуфражистских и антисуфражистских произведений.

Однако образы суфражисток часто появлялись и в произведениях писателей, не имеющих отношения к суфражистскому движению, и потому выражающих общепринятую точку зрения

---

²⁸ Colmore G. Suffragette Sally. L., 1911.

²⁹ West R. The Judge. L., 1922.

на его существование и деятельность. Хотя сам по себе тот факт, что такие известные писатели как Г. Уэллс и Генри Джеймс включили героинь-суфражисток в свои произведения, является показателем того, что суфражизм был неотъемлемой частью описываемой ими эпохи, а суфражистки – популярными и востребованными, пусть и противоречивыми, персонажами. Их произведения создают с различной степенью резкости утрированный образ суфражистки как лицемерной амбициозной старой девы, оказывающей нездоровое влияние на молодых девушек и женщин, которых они вовлекают в движение, мешая им устроить свою личную жизнь, любить и быть любимыми³⁰. Таким образом проблема женского равноправия преподносится как проблема антагонизма полов, и главной героине «Бостонцев» Генри Джеймса или Делии Бланшфлауэр из одноименного романа Мэри Августы Уорд, приходится выбирать между равноправием и любовью.

Левые авторы подвергали критике лицемерие и приверженность викторианской морали, действительно присущее некоторым суфражисткам. Так, в «Энн Веронике» Г. Уэллс высмеивает отвращение к физическим аспектам любви, провозглашаемое суфражисткой Нэтти Минивер: «Тела! Тела! Тела! Ненавижу! Мы – души. Любовь – это более высокое чувство. Мы не животные».³¹ В другом своем произведении, «Жена сэра Исаака Хармана», Г. Уэллс представляет суфражистское движение как замкнутое в себе, подчиненное единственной абстрактной цели и неспособное оказать поддержку конкретной личности: когда главная героиня, уйдя от мужа, обращается за помощью к суфражетке мисс Алимони, та советует ей вернуться домой и не устраивать скандала, ибо это может нанести ущерб движению³².

Таким образом, в культурных репрезентациях суфражизма следует выделять два направления: первое – саморепрезентации суфражизма, создающие образ движения «изнутри», направленные на развенчание гендерных стереотипов в обществе, рутин-

---

³⁰ См., например, «Бостонцы» Генри Джеймса, «Энн Вероника» Г. Уэллса, «Делия Бланшфлауэр» Х. Вард.

³¹ Wells H.G. Ann Veronica. L., 1909. P. 176.

³² Wells H.G. The Wife of Sir Isaak Harman. L., 1914. P. 7.

ных топосов, на подрыв социокультурного способа поддержания господствующей гендерной системы. Характерно, что эти репрезентации создавались как женщинами, так и мужчинами: художниками, писателями и драматургами. Второе – репрезентации суфражизма в господствующей культуре, имеющие в основном негативную окраску, базирующиеся на социокультурных представлениях о гендерной системе и распределении власти между полами. Устойчивая антипатия к милитанткам, в большей степени, чем к другим суфражисткам, нарушающим гендерный контракт, свидетельствует о правоте утверждений С. Кент о том, что и суфражистками и их противниками проблема политического равноправия женщин понималась значительно шире, чем просто проблема предоставления права голоса, и трактовалась как посягательство на устои, на освященные вековыми традициями распределение власти и функций между полами³³. Это вызывало как осознанные, так и неотрефлексированные опасения и страхи по поводу того, что суфражистское движение может в корне изменить привычный порядок вещей не только в достаточно дистанцированной от рядового обывателя политической сфере, но и в сфере обыденной жизни, касающейся каждого. Поэтому даже симпатизировавшие суфражизму авторы отражали в своих произведениях господствующие гендерные стереотипы, «симпатизируя в принципе, женскому движению, но не предполагая, что оно победит при их жизни»³⁴.

Все вышеизложенное позволяет определить суфражизм не только как социально-политическое движение, но и как субкультуру, то есть подсистему в господствующей культуре английского общества конца XIX – начала XX в., имеющую свой набор признаков: как знаковых (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира), так и поведенческих (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения). Все вместе эти признаки формировали целостный образ жизни, жизненные стили для определенной, достаточно репрезентативной группы английского общества, включавшей в себя представителей различных социальных слоев обоего пола. В оп-

---

³³ Kent S. *Sex and Suffrage in Britain 1860-1914*. L., 1987.

³⁴ Louisa Thomson-Price. *On the Library Table...*

ределенной степени это была инновационная субкультура, отрицающая ценности и образ жизни, воспроизводимые базовой культурой. Как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, но, нам кажется, что к суфражистской субкультуре следует отнести и антисуфражизм, который хотя и являлся оппонентом суфражизма, но был его порождением и многое заимствовал из символики, ритуалов и образов суфражизма.

Кроме того, и суфражизм, и антисуфражизм были составляющими общего гендерного дискурса начала XX века. Суфражистская субкультура была ответом на назревшую потребность в модернизации доминирующего образа жизни и гендерной системы. С течением времени она обретала все больше сторонников и внесла ощутимый вклад в развитие всей культуры Великобритании конца XIX – начала XX века.

И.А. Школьников

Мужской суфражизм в Великобритании: риторика и репрезентации

Настоящие мужчины не годятся в короли.

Б. Шоу. Тележка с яблоками

За свою полувековую историю суфражистское движение Великобритании сумело создать мощную пропагандистскую машину, начиная с организации широкой кампании в прессе и заканчивая демонстрациями, процессиями, маршами из города в город, каждый из которых подкреплялся визуальными, доступными для понимания широких избирателей, средствами, и т.д. Необходимость столь тщательно разработанной пропагандистской кампании отвечала одной из основных задач движения за избирательные права женщин – работе по изменению общественного сознания, и с этой точки зрения эффективность ее не вызывает сомнений.

При исследовании такого феномена как мужской суфражизм наибольший интерес представляет проблема его репрезентаций, того, каким образом мужчины-суфражисты позиционировали себя в самом движении, и как они воспринимались со стороны.

Вообще, вопрос о том, может ли мужчина являться феминистом или же, если брать данный конкретный случай – суфражистом¹, представляется до сих пор открытым. Так, например, многие современные феминистки полагают, что мужчина никогда не сможет стать феминистом, поскольку он –

---

¹ Действительно, в англоязычной литературе, как исследовательской, так и носящей характер источников, понятие «суфражист» не используется, вместо него употребляется выражение “male supporters of women’s suffrage” («мужчины-поборники права голоса для женщин»). Мы же, со своей стороны, полагаем, что суфражистом может называться тот мужчина, деятельность которого отвечает двум условиям (либо одному из них): *формальному* (принадлежность к какой-либо суфражистской организации, независимо от того, кем она была создана, мужчинами или женщинами) и / или *конкретно-практическому*, (речь идет о его *активной* жизненной позиции и деятельности в отношении данного вопроса).

либо «враг»), либо не обладает личным непосредственным женским опытом, и в лучшем случае может считаться лишь «сторонником феминизма»². Согласно другой точке зрения, связь мужчины с феминизмом носит характер определенной неизбежности. Женщины служат субъектами феминизма (его инициаторами, творцами и движущей силой), мужчины – объектами (предметом анализа, представителями той структуры, которую необходимо трансформировать, носителями патриархальной модели)³.

Вопрос об участии не только самих женщин, но и мужчин, в движении за равноправие полов тем более остро стоял в викторианском обществе, в центре жизни которого находилась семья. Именно в викторианской Англии получила свое оформление идея дома, как источника добродетели, которую нельзя было отыскать в окружающем дом мире, общественной сфере. Жесткие рамки концепции «раздельных сфер» (для мужчины – мир политики и бизнеса, для женщины – семейный очаг), культивировавшейся в викторианской литературе, табуировали саму мысль о том, что женщина может наравне с мужчиной принимать участие в общественных делах; подобное поведение характеризовалось не иначе как *неженственное*, а это был уже серьезный вызов гендерной идентичности. Точно так же мужчина, вставший на защиту идеи равноправия полов, рисковал утратить в глазах викторианского общества существенную часть своей гендерной идентичности – *мужественность*, превратившись в «бесполого теоретика», не желающего понять, что «сквозь всю историю взаимоотношений полов ясно прослеживается простая истина: для женщины естественно находиться в подчинении у своего хозяина, мужчины»⁴.

Поэтому, возникшее в этих условиях суфражистское движение, можно рассматривать в двух его значениях: во-первых, как общественно-политическое движение за предоставление женщинам избирательных прав; а, во-вторых, (в более общем плане) как одно из средств изменения устоявшейся гендерной системы, как способ преодоления тех социокультурных пред-

---

² Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 8.

³ Heath S. Male Feminism // Men in Feminism. L.–N.Y., 1987. P. 1.

⁴ Коллинз У. Муж и жена. М.: «Книга», 1993. С. 296.

ставлений о феминности и маскулинности, которые загоняли женщин в рамки концепции «раздельных сфер» и предопределяли их подчиненное положение как в частной, так и в общественной сферах⁵.

Следовательно, одной из задач суфражисток было продемонстрировать миру мужчин, что частная и публичная сферы имеют свои точки пересечения, и что женщины должны иметь такой же доступ в сферу публичного, как и мужчины⁶. Теоретическим фундаментом суфражистского движения стала либеральная идеология, которая – в основе своей – продолжала создаваться в рамках патриархата на протяжении XIX века, когда теоретическая база была дополнена конкретной маскулинной культурой и рядом идей о разделении полов в сфере труда и во взаимоотношениях между женщинами и общественной сферой.

Известно, что многие выдающиеся деятели либеральной партии викторианской эпохи (например, У. Гладстон, Д. Брайт и др.) твердо придерживались идеи о том, что семья находится вне пределов досягаемости политики, это частная сфера, хранительницей которой должна быть женщина⁷. С другой стороны, не менее твердо они разделяли идеальное представление об общественной сфере, проистекавшее из мужской культурной традиции.

Корни этой традиции, по мнению Барбары Кейн, следует искать в системе классического образования, которое давалось в мужских частных школах, где и создавался идеал общественной сферы, в качестве модели для которой служила афинская демократия. Данное образование, а также преклонение перед античным миром, дополнялось знанием греческого и латыни, языков, которые широко использовались в ходе политических дискуссий. Поэтому обращение к классической модели общественной жизни облегчило задачу тем, кто в викториан-

---

⁵ Подобного рода взгляд на суфражизм содержится, например, в работе Сьюзан Кент: *Kent S. Sex and Suffrage in Britain, 1860–1914.* Princeton, 1987.

⁶ *Bolt C. The Ideas of British Suffragism // Votes for Women / Ed. by J. Purvis, S.S. Holton. L.–N.Y., 2000. P. 37.*

⁷ См., например: *Female Suffrage. A Letter from the Right Hon. W.E. Gladstone, M.P. to Samuel Smith, M.P. L., 1892. P. 1–4.*

скую эпоху стремился исключить женщин из участия в публичной сфере и видел в этом следование истинной традиции Западной цивилизации⁸.

Между тем в движении за политическое равноправие полов принимали участие не только женщины, но и мужчины, хотя их число и было сравнительно невелико. Если вопрос о том, существовало ли мужское суфражистское движение как таковое, и если так, то до какой степени оно было независимым, представляется открытым, то существование мужского суфражизма как феномена (подобного которому не знала никакая другая страна), оказавшего немалое влияние на социокультурную жизнь Великобритании начала XX века и размывание гендерных границ, бесспорно. И если говорят о появлении на общественной сцене Англии Новой Женщины, то можно ли говорить и о появлении Нового Мужчины?

***

Как правило, мужчины не играли столь же активной роли в суфражистском движении, как сами женщины, которым принадлежало бесспорное лидерство, и в руках которых полностью находилось руководство всем движением. Тем не менее, характерным является то обстоятельство, что вовлеченными в борьбу за наделение женщин избирательными правами оказались все мужчины, которые так или иначе принимали участие в более широком движении за права женщин⁹.

Кем же были эти мужчины? Главным образом все они происходили из среднего класса, как и основная масса суфражисток. В политическом отношении мужчины-суфражисты в подавляющем числе были либералами (61%) и лишь 33% придерживались социалистических взглядов, в то время как 46% принимавших участие в суфражистском движении женщин исповедовали принципы социализма, а к либеральной партии тяготели лишь 16%. В профессиональном плане мужчины,

---

⁸ *Caine B. Victorian Feminists. Oxford, 1992. P. 39.*

⁹ Для сравнения: в движении за женское образование участвовали 50% мужчин, выступавших на стороне всего женского движения, в борьбе за отмену парламентских Актов о венерических заболеваниях – 22%, а в кампании по установлению контроля над рождаемостью – 17% (*Banks O. Becoming a Feminist. The Social Origins of «First Wave» Feminism. Athens, 1986. P. 115.*)

являвшиеся активными участниками суфражистского движения, были заняты преимущественно в трех сферах деятельности – журналистика, юриспруденция и политика (порядка 44% мужчин-суфражистов в свое время заседали в английском парламенте)¹⁰. Занятость в этих областях, безусловно, была серьезным фактором, в немалой степени облегчавшим борьбу суфражисток за свои права. В качестве журналистов, симпатизировавшие суфражизму мужчины на страницах газет предоставляли суфражисткам возможность прямо или косвенно быть услышанными обществом. Не вызывает сомнений и возможность наилучшим образом содействовать делу суфражисток в качестве политиков. Независимо от того, какой ранг в политической иерархии занимал тот или иной мужчина (будь он рядовым членом партии, или же находясь на руководящих постах), к его мнению прислушивались более внимательно.

Говоря в целом о деятельности мужчин в рамках суфражистского движения, следует отметить еще несколько путей, используя которые мужчины могли внести существенный вклад в развитие движения за политическое равноправие женщин. Во-первых, мужчины имели возможность оказывать определенное воздействие на восприятие обществом данной проблемы. Вместе с тем, по мнению Мартина Пью, ценность и польза объединения мужчин-суфражистов зависела от кредита доверия к этим мужчинам¹¹. В этом отношении они сталкивались с двумя проблемами. Прежде всего, с политической точки зрения их стали расценивать (по крайней мере, либералы) просто как еще одну антиправительственную группу давления. Кроме того, не менее дискредитирующим было обвинение в утрате мужественности, о чем говорилось выше. Сквозь всю антисуфражистскую агитацию красной нитью проходила мысль о том, что женщины становятся мужеподобными, мужчины – женоподобными, как результат – вырождение нации. Во-вторых, еще одним путем была роль посредников, как между самими суфражистками, так и между суфражистками и политиками (в этой роли, к примеру, выступал Г. Брейлсфорд, инициировавший создание Согласительного комитета в 1910 г.). В-третьих, мужчины способство-

---

¹⁰ Ibid. P. 107–110.

¹¹ Pugh M. *The March of the Women*. N.Y., 2000. P. 258.

вали видоизменению состава участников суфражистского движения путем вовлечения в него большого числа представителей духовенства, свидетельством чему стал быстрый рост числа суфражистских организаций, созданных этими представителями¹².

Какова же была мотивация мужчин, принимавших активное участие в суфражистском движении? Здесь характерно, что около 50% мужчин-суфражистов были женаты на суфражистках, либо состояли с ними в родстве¹³, что позволяет говорить о складывании суфражистских династий, действовавших на протяжении двух-трех поколений. Кроме того, многие суфражисты выступали в поддержку движения не только из чувства сочувствия или веры в справедливость¹⁴, но и из-за убеждения в том, что наделенные правом голоса женщины окажут самое благоприятное влияние на социальную и политическую жизнь. Немалую роль здесь сыграл и пресловутый викторианский идеал настоящего джентльмена, с его романтическим отношением к женщине¹⁵.

---

¹² Церковная суфражистская лига, Католическое суфражистское общество, Суфражистская лига шотландских церквей, Еврейская суфражистская лига, Суфражистская лига свободной церкви – лишь немногие из подобных организаций.

¹³ Banks O. Op. cit. 1986. P. 113.

¹⁴ «Я верю в чувство справедливости английских мужчин», – заявлял Герберт Джейкобс, ставший в 1907 г. председателем первой мужской организации в поддержку политических прав женщин (Мужской лиги избирательных прав женщин). Причем, достаточно любопытно то, каким образом он занял эту должность. В 1907 г. он посетил одно из мероприятий, которое было организовано милитантками в честь женщин-заключенных. Возглавившая эту встречу Эмелин Панкхерст предложила ему выступить с речью, в которой он высказался о необходимости создания мужской организации в поддержку суфражистского движения, «не рассчитывая сам заниматься этим делом. Однако миссис Деспард стала присылать ко мне желающих стать ее членами, тем самым, фактически *вынудив* [курсив мой – И.Ш.] меня стать ее руководителем...» (M.O. Kennedy. Mr. Herbert Jacobs. Chairman of the Executive Committee of the Men's League for Women's Suffrage // The Vote, Vol. II. № 41).

¹⁵ Говоря о викторианском идеале джентльмена, викторианском образе женщины, в целом о викторианстве как социальном и культурном явлении, следует отдавать себе отчет в, так сказать, сословной ограни-

Как, например, произошло обращение в суфражистскую веру известного журналиста Генри Невинсона? Находясь в 1906 г. в Москве, он узнал, что две суфражистки, Дж. Кобден-Сандерсон и Э. Петик-Лоуренс, были арестованы и приговорены к двухмесячному тюремному заключению за радикальную суфражистскую агитацию. Невинсон, «будучи в то время простым либералом», мало внимания уделял проблеме политических прав женщин, полагая, что вопрос, «который на протяжении 40 лет медленно двигался вперед, может и еще 40 лет также развиваться... Но, когда женщины, которых я знал, и которых все уважали..., стали нарушать общественный порядок и были заключены под стражу, то я задумался»¹⁶. Таким образом, его осознание справедливости требований суфражисток и необходимости предоставления женщинам избирательных прав, по сути, не было лишено протекционистского отношения, что было характерно едва ли не для всех мужчин-суфражистов. Многие из них расценивали себя как защитников женщин, которые могут быть слабее мужчин в физическом отношении, но превосходят их в нравственном. Последнее также являлось достаточно распространенным стереотипом викторианской эпохи¹⁷ (он достался по наследству Англии эдвардианской), на основании которого строилась как концепция «раздельных сфер», которой придерживались антисуфражисты, так и аргументы суфражистов о том, что наделенные правом голоса женщины будут способствовать моральному очищению общества и нравственному прогрессу.

Между тем, были и те, кто, подобно Лоуренсу Хаусману, полагали политическую недееспособность женщин симптомом более обширного заболевания, которое разрушает также

ценности этого термина рамками среднего и высшего слоев английского общества.

¹⁶ *Nevinson H. More Changes, More Chances. L., 1925. P. 305.*

¹⁷ Так, например, принадлежавший к первой, викторианской, волне суфражистского движения Генри Фосетт (1833–1884 гг.) занял активную просуфражистскую позицию, по свидетельству его биографа, из-за присущего ему обостренного чувства справедливости, хотя в душе он признавал, что, по большому счету, право голоса не принесет сколько-нибудь существенных перемен в жизнь женщин, делом которых все равно в основном будет дом и семья (*Stephen L. Life of Henry Fawcett. L., 1885. P. 176–177*).

и природу мужчин. Эти сторонники суфражизма стремились положить конец половым различиям, хотели заменить патриархат товарищескими, равноправными отношениями¹⁸. Для Л. Хаусмана, к тому же, было характерно и жгучее желание избавиться от «грубого бремени невежества, налагаемого викторианским кодексом». Еще будучи учеником школы, он получил свой первый антисуфражистский урок – в основе любого правления лежит физическая сила. И именно отказ подчиниться этому правилу, в совокупности с неприятием невежественного «викторианского кодекса», и превратило его в убежденного суфражиста¹⁹.

Для другого суфражиста, Израиля Зангвилля, его суфражистская деятельность была в своем роде службой иудаизму. По его мнению, милитантки, пытающиеся вырваться из навязанной им домашней сферы (гетто), разделяют опыт евреев. Зангвилль был убежден, что вовлечение женщин в политику исправит звериную природу мужчин, проявляющуюся в джингоизме, расизме и антисемитизме²⁰. Накануне Первой мировой войны характерной чертой риторики многих мужчин-суфражистов стал пацифизм. И Зангвилль, и Хаусман, будучи пацифистами, выступали на стороне тех, будь то женщины или этнические меньшинства, кто боролся за права человека, рассматривая войну как проявление агрессии, которая является частью исключительно мужской мистерии²¹.

Вместе с тем, вряд ли можно назвать хотя бы одного из активно действовавших суфражистов, который посвятил бы этому делу всю свою жизнь, и для которого не было бы вопросов более важных. Так, даже Джон Стюарт Милль, бывший, несомненно, главнейшим идеологом суфражизма и своего рода сим-

---

¹⁸ *Tosh J.* The Making of Masculinities. The Middle-Class in Late Nineteenth-Century Britain // *The Men's Share? Masculinities, Male Support and Women's Suffrage in Britain, 1890–1920* / Ed. by Angela V. John and Claire Eustance. L. – N.Y., 1997. P. 39.

¹⁹ *Housman L.* Articles of Faith in the Freedom of Women. L., 1910. P. 15. См. также: *Holton S.S.* Suffrage Days. Stories from the Women's Suffrage Movement. L., 1996. P. 139–140.

²⁰ *Strauss S.* "Traitors to the Masculine Cause": the Men's Campaign for Women's Rights. L., 1982. P. 220.

²¹ *Ibid.* P. 223.

волом мужчины-суфражиста, стал активным сторонником равноправия женщин лишь в конце своей жизни. В начале же 1830-х гг. он придерживался весьма романтического взгляда на женщин, полагая, что их роль в этой жизни «восхищать и украшать»²². Или тот же Г. Невинсон, который примкнул к суфражистскому движению в 1907 г. и оставался в нем вплоть до 1918 г. Однако в 1914-18 гг. он, являясь военным корреспондентом, был полностью поглощен работой, а в мирное время проводил много времени в разъездах, что непосредственно было связано с его журналистскими обязанностями²³.

Говоря же о тех суфражистах, которые заседали в Палате общин английского парламента, не стоит забывать о жесткой партийной дисциплине, обязывавшей парламентариев соотносить свои действия с общей партийной линией. Однако, были и такие, кто, подобно Джорджу Лансбери или Кейру Гарди, шел на конфликт со своей партией, но это скорее было исключением, нежели правилом. Так, например, Д. Лансбери в июне 1912 г. вызвал переполох в палате общин тем, что ударил премьер-министра Г. Асквита за то, что тот закрывает глаза на насильственное кормление милитанток²⁴. После этого он вступает в конфликт с руководством лейбористской партии, когда, по совету Кристабель и Эммелин Панкхерст, начинает голосовать против всех правительственных законопроектов, не содержащих в себе пункта о женских избирательных правах. Причем это не было тактикой, которой следовали два других «советника» ЖСПС – Г. Брейлсфорд и К. Гарди. Руководство партии потребовало от Лансбери соотносить свои действия с официальной партийной политикой²⁵. Вместо этого он едет в Париж к жившей в то время там Кристабель Панкхерст, которая предложила ему снять с себя парламентские полномочия и выставить свою кандидатуру на дополнительных выборах в качестве суфражистского кандидата. Так он и сделал, но выборы проиграл. Вскоре после этого Лансбери пришлось испытать то, через что проходили милитант-

---

²² *Banks O.* The Biographical Dictionary of British Feminists, 1800–1930. Brighton, 1985. P. 128.

²³ *Ibid.* P. 136.

²⁴ *Crawford E.* The Women's Suffrage Movement. L.– N.Y., 2000. P. 334.

²⁵ *Lansbury G.* Looking Backwards and Forwards. L., 1935. P. 97–98.

ки, на собственном опыте. В апреле 1913 г. он был арестован за участие в милитантском митинге и приговорен к трем месяцам тюремного заключения. В тюрьме он объявил голодовку, но был сразу же освобожден, так как правительство не желало быть замешанным в публичном скандале пусть с бывшим, но все же членом парламента²⁶.

Анализ того, каким образом сами мужчины-суфражисты воспринимали себя и оценивали свою роль в движении, затруднен недостаточностью фактического материала, относящегося к деятельности суфражистов первой волны (Дж.С. Милль, Г. Фосетт, Дж. Брайт). Репрезентировали ли они себя именно как *мужчины-суфражисты* (в отличие от женщин)? Вряд ли можно с полной уверенностью утверждать подобное. Так, например, в своей «Автобиографии» Дж.С. Милль, утверждая, что сам принцип равноправия полов был сформулирован им независимо, являясь результатом его обращения к политическим проблемам, тем не менее, постоянно возвращается к тому, что, только благодаря его жене (Гарриет Тейлор) сформулированный им абстрактный принцип превратился в его жизненную позицию²⁷. Более того, известная классическая работа Милля по женскому вопросу, «Подчинение женщин», была написана по настоянию его падчерицы, которая к тому же непосредственно принимала участие в ее написании²⁸.

Репрезентирование себя в качестве именно мужчин-суфражистов в большей степени, на наш взгляд, характерно для эдвардианского периода, когда стали создаваться специальные мужские организации в поддержку суфражистского движения. Именно сам факт их появления и повлек за собой необходимость осмысления своего собственного положения и своей собственной роли в данном движении. Этому способствовал и еще один фактор – появление радикального, воинственного крыла суфражистского движения, участницы которого порой достаточно жестко высказывались в адрес как мужчин в целом, так и тех из них, кто выступал за политическое равноправие полов. Говоря иными словами, именно в начале

---

²⁶ Crawford E. Op. cit. P. 335.

²⁷ Autobiography of John Stuart Mill. N.Y., 1960. P. 173.

²⁸ Ibid. P. 186.

XX века у мужчин-суфражистов возникла острая проблема поиска и определения своей идентичности.

Широко распространенным понятием в риторике суфражистов и суфражисток было понятие рыцарственности, рыцарского, благородного отношения к слабому полу, то есть в данном случае мужчины-суфражисты воспринимали себя в качестве защитников и покровителей женщин, находясь, таким образом, на позициях патернализма и протекционизма по отношению к женскому полу. Кроме того, занимавшие про-суфражистские позиции мужчины активно пытались репрезентировать себя в роли прогрессивных, передовых людей, тех, кто сумел оставить викторианское общество позади. «Мы отбросили вековые предрассудки и сделали все возможное, чтобы избавиться от присущего нам чувства мужского превосходства», – заявлял И. Зангвиль на одном из первых собраний Мужской лиги избирательных прав женщин²⁹. И далее, путем отождествления с милитантками, к которым Зангвиль относился как к поистине героическим личностям, конструируется образ мужчины-суфражиста, который не боится показаться смешным, который стоит выше безличной толпы в своем рыцарском стремлении помочь женщинам в их справедливой борьбе: «Как ряса не является частью монаха, так и юбка больше не равняется суфражетке, поскольку... мы – тоже суфражетки, суфражетки в брюках, и мы радушно примем все те яйца, которые вы бросаете в нас за отсутствием эпиграмм, фейерверки, которые вы запускаете, не имея каких-либо иных блестящих способностей, или же мышей, которых вы столь галантно подбрасываете под юбки»³⁰. Более того, призвание мужчины-суфражиста, по его мнению, состоит в том, чтобы показать миру, что борьба за избирательные права, которую ведут женщины, является отнюдь не войной полов, а дружеским сотрудничеством, «не дуэлью, а дуэтом».

Некоторые из участвовавших в суфражистском движении мужчин признавали существование опасности быть вовлеченными в войну полов, опасности, которая могла стать

---

²⁹ Report of Speeches Delivered at a Great Demonstration Held in the Queen's Hall, on Tuesday, December 17, 1907. L., 1907. P. 14

³⁰ Ibidem.

реальной угрозой по мере того, как риторика милитанток становилась все более ожесточенной по отношению к мужчинам. Между тем, по мнению известного суфражиста Ф. Петик-Лоуренса, именно участие мужчин в битве суфражисток за свои права способствует предотвращению войны между мужчинами и женщинами³¹. Весьма показательным является объяснение своей позиции, данное Петик-Лоуренсом суду: «Я мужчина, и как мужчина я не могу сам участвовать в женской агитации, но я намереваюсь, и всегда намеревался, помогать женщинам, сражающимся в этой битве... И когда я вижу других мужчин, выделяющихся на фоне этой борьбы, тогда я еще решительнее принимаю в ней участие...»³².

Вообще, самоудаление, дистанцированность, а порой и самоумаление, была характерным элементом риторики многих мужчин-суфражистов начала XX века. Так, например, один из лидеров радикальной мужской суфражистской организации (Мужской политический союз) Виктор Дюваль писал: «Безусловно, я понимаю, что та небольшая часть работы, которую ведут мои друзья, не может быть сопоставима с огромными жертвами, приносимыми Женским социально-политическим союзом и Женской лигой свободы...»³³. Причина подобного явления, на наш взгляд, коренится опять же в пресловутой концепции рыцарственности, присущей англичанам, а также в «их готовности всегда следовать правилу *“ladies first”*»³⁴. Согласно мнению суфражистов, настоящий мужчина, по своему определению, не может отрицать законность, целесообразность и справедливость женских требований наделить их правом голоса. Если сами женщины могут выступать против наделения их правом голоса, находя тому множество причин, то для мужчины отрицание права женщин принимать участие в полити-

---

³¹ Suffrage Speeches from the Dock. Made at the Conspiracy Trial, Old Bailey, May 15th–22nd, 1912. The Woman's Press, 1912. P. 55.

³² Ibid. P. 54.

³³ Duval V. Why I Went to Prison. An Address Delivered at Caxton Hall, Westminster on November 1st, 1910. L.: Men's Political Union, 1910. P. 7.

³⁴ Holford S.A. Criticism of the Woman Movement from the Psychological Standpoint. L., 1911. P. 1.

ческой жизни означает серьезнейшее нарушение рыцарского кодекса, а подобное нарушение, в свою очередь, сделало бы бессмысленными все усилия «друзей справедливости» и «сторонников честной игры» создать особую, мужскую организацию в поддержку суфражистского движения³⁵. Положительным моментом организации, состоящей исключительно из мужчин (каковой и стала Мужская лига избирательных прав женщин) может стать и то обстоятельство, что, поскольку, по мнению Г. Невинсона, мужчины-суфражисты, «не могут быть столь глубоко и лично вовлечены в борьбу» за право голоса для женщин, то они могут более спокойно и взвешенно оценить происходящее.

С другой стороны, будучи сторонником суфражистского движения, Бернард Шоу, тем не менее, заявил в ответ на просьбу выступить на суфражистском митинге, что мужчина на подобной рода платформе всегда «выглядит дураком»³⁶. Боязнь показаться смешным, а также простая лень, стояла на пути у относительно большого числа английских мужчин начала XX века, которые разделяли суфражистскую позицию, полагая, что женское дело – это дело мужчин, но слабо верили в то, что принцип политического равноправия мужчин и женщин восторжествует при их жизни³⁷.

Не менее важен и вопрос о том, каким образом мужчины-суфражисты воспринимались со стороны участниц самого движения; были ли они преданными друзьями или же врагами в войне полов? Данный вопрос представляет значительный интерес, прежде всего, в отношении конструирования гендерной идентичности мужчин-суфражистов, которая в условиях движения, где преобладали женщины, занимавшие руководящие посты, нередко принимала форму гендерного конфликта.

Отношение, если не как к врагам, то, по крайней мере, как к представителям другого лагеря, большинство из которого было настроено по отношению к суфражистскому дви-

---

³⁵ См., например: *The Men's League Handbook on Women's Suffrage*. L., 1912. P. 74.

³⁶ Цит. по: *Nevinson H. More Changes, More Chances*. L., 1925. P. 321.

³⁷ *Mathew A. Woman Suffrage*. L., 1907. P. 26.

жению либо равнодушно, либо враждебно, в большей степени было характерно для воинственно настроенных милитанток, чья риторика была направлена на формирование новой гендерной идентичности, на создание нового типа женственности, одновременно апеллируя к давно укоренившемуся идеалу рыцарской маскулинности³⁸. Пока мужчины-суфражисты ограничивались лишь конституционными методами борьбы, отношение к ним со стороны милитанток было доброжелательным. Но, как только некоторые из них стали также претендовать на образ «мучеников» (тюремные заключения, голодовки и т.д.), отношение резко изменилось, поскольку подобные действия вступили в конфликт с героической риторикой самих милитанток.

Милитантство, по существу, оперировало старыми понятиями о рыцарственности мужчин, видя их предназначение в том, чтобы защищать, охранять, быть поборником женских прав и т.д., но делать все это отдельно от женщин. Так, например, по мнению руководительниц милитантского Женского социально-политического союза, «залог успеха и силы Союза – в независимости от мужчин, те из них, кто хочет помогать женскому делу должны действовать отдельно, за пределами женских организаций; на женских платформах нет места мужчинам-политикам»³⁹. Единственной обязанностью желающих помочь делу суфражисток мужчин, с точки зрения милитанток, может быть лишь война с правительством, как с главным оплотом врагов всего суфражистского движения.

Причем, подобного отношения не избежали даже такие, казалось бы, верные и последовательные борцы за политическое равноправие женщин, как, например, Джордж Лансбери или Кейр Гарди. Известна карикатура на последнего, заказанная Кристabelle Панкхерст для милитантского журнала *Suffragette* (1913 г.) На ней К. Гарди изображен в виде раблепного, обезьяноподобного существа, курящего

---

³⁸ *Holton S.S.* Manliness and Militancy. The Political Protest of Male Suffragists and Gendering of the “Suffragette” Identity // *The Men’s Share...* P. 111.

³⁹ *The Women’s Social and Political Union. Eighth Annual Report. L., 1914.* P. 4.

го сигару с надписью «Liberalo Patrono» и льнущего к руке премьер-министра, одновременно приветствуя поднятой шляпой суфражетку, в ужасе от него отворачивающуюся⁴⁰. Подобный образ вполне объясним, как в свете вышеназванной позиции по отношению к мужчинам, так и в свете объявленной в 1912 г милитантками войны лейбористской партии.

Даже печатный орган умеренного крыла суфражистского движения, несмотря на свое название «Общее [курсив мой – И.Ш.] дело» (*The Common Cause*), вторит милитанткам: «мы полагаем, что для Мужской лиги было бы значительно лучше разработать свою собственную политику, поддерживая принцип наделения женщин избирательными правами своими собственными методами, а не теми, которым следуют совершенно отличные от Лиги организации, от управления которыми мужчины полностью отстранены»⁴¹. Совет следовать своей собственной политике исходит из желания конституционалисток видеть мужчин-суфражистов, выполняющими ту работу, которую сами суфражистки сделать не в состоянии. Такое отношение было характерно даже и для такой суфражистской организации как Федерация Восточного Лондона, во главе которой стояла одна из дочерей Эммелин Панкхерст – Сильвия. Возглавляемая ею организация, ориентированная на женщин-работниц, изначально работала в тесном сотрудничестве с партией лейбористов, в числе ее надежных помощников были Дж. Лансбери и К. Гарди, с которыми Сильвию связывали отношения, выходящие за рамки простой дружбы, что, в свою очередь, оказало огромное влияние на формирование Гарди как суфражиста⁴². Однако даже она писала в ноябре 1913 г. редактору *The Daily Herald*: «Причина, почему мы не вступили в альянс с какой бы то ни было мужской политической организацией, в том,

---

⁴⁰ Pankhurst S. *The Life of Emmeline Pankhurst. The Suffragette Struggle for Women's Citizenship.* Boston–N.Y., 1936. P. 125–126.

⁴¹ *The Common Cause.* April 29, 1909. Vol. 1. № 3. P. 33.

⁴² См., например: Romero P.W.E. *Sylvia Pankhurst: Portrait of a Radical.* L., 1987. P. 34–37; Morgan K.O. *Keir Hardie. Radical and Socialist.* L., 1975. P. 163–166.

что мы – женская организация... и мы считаем, что право голоса для женщин должно стать пунктом нашей собственной политической кампании»⁴³.

Как бы там ни было, но мужчины оказывались в весьма затруднительном положении. Они не могли выйти на авансцену в роли мучеников суфражистского движения, так как это было прерогативой милитанток. Не могли они и остаться в тени умеренного крыла, поскольку в этом случае под сомнение ставилась бы самостоятельность и, в целом, целесообразность их существования.

Выход был найден в возврате к традиционной рыцарственности, о которой говорили милитантки. Вооружившись подобного рода риторикой, члены мужских суфражистских организаций все чаще стали выступать в качестве защитников и охранников суфражисток от нападений антисуфражистов и репрессивных действий полиции и властей, которые характеризовались не иначе как «немужское, неджентльменское, неспортивное и нецивилизованное» поведение⁴⁴. Один из руководителей Мужской лиги за избирательные права женщин Чарльз Дрисдейл писал: «Веления справедливости и рыцарства требуют, чтобы мужчины выступили вперед и помогли женщинам добиться тех же прав и той же защиты, которую они сами для себя получили в борьбе. К счастью, к чести британских мужчин, существует большое число тех, кто осознал обязанность и привилегию [курсив мой – И.Ш.] участвовать в этой благородной битве. Количество мужчин, присоединившихся к Мужской лиге избирательных прав женщин и другим мужским организациям... свидетельствует о том, что истинное рыцарство не умерло, но пробуждается...»⁴⁵.

Как мы видим, самым распространенным понятием в риторике как суфражисток, так и суфражистов, было понятие рыцарственности. Свое мнение по этому вопросу существова-

---

⁴³ S. Pankhurst to the Editor of "The Daily Herald". November 19th, 1913 // The Papers of Sylvia Pankhurst, 1882–1960. Sophia Smith College Archive (Northampton, Mass.) Reel 23. Folder 181.

⁴⁴ Harrison D. Prudent Revolutionaries. Portraits of British Feminists between the Wars. Oxford, 1987. P. 226.

⁴⁵ Drysdale C. Why Men Should Work for Women's Suffrage. The Wages and Employment Question. Birmingham, 1914. P. 2.

ло и в среде антисуфражистов. С их точки зрения, истинное рыцарское отношение к женщине состоит в том, что мужчина заключает с женщиной сделку следующего рода: «Я буду относиться к тебе с уважением, буду защищать тебя и оказывать всяческую помощь, а ты, со своей стороны, будешь твердо придерживаться идеала доброты, утонченности, благопристойности, счастливого материнства...»⁴⁶. Таким образом, здесь мы видим классический, уже достаточно стереотипизированный викторианский идеал взаимоотношений полов; идеал (или табу⁴⁷), который был все еще широко распространен и в эдвардианской Англии среди высшего и среднего классов.

Для противников суфражистского движения все те мужчины, которые симпатизировали суфражизму, делились на несколько категорий. Во-первых, это те, кто подобно Джону Стюарту Миллю, воспринимают любую критику в адрес женщин как личное оскорбление. Самым распространенным изображением Милля и подобных ему был образ «дамского защитника», который подпал под влияние женщин и не может от этого уйти⁴⁸. Во-вторых, это «чудаки», которые, решив, что они нашли нравственное основание суфражизму, «сразу же вскакивают в седло и мчатся куда-то сломя голову»⁴⁹, пренебрегая всеми соображениями общественной пользы.

---

⁴⁶ *Wright A. The Unexpurgated Case Against Woman Suffrage. L., 1913. P. 19.*

⁴⁷ *Cecil R. Life in Edwardian England. L., 1969. P. 157.*

⁴⁸ «Вне всякого сомнения, взгляды Милля на женщин сформировались в целом из его наблюдений за особенным характером его жены..., которая обладала мужским умом» (*Maxse. Reasons for Opposing Woman Suffrage. L., 1884. P. 37*). Значительно жестче это выразил, кстати, отечественный путешественник и публицист К.А. Скальковский в 1886 г.: «Милль обабился и написал “Подчинение женщины”, ослабев умственными силами и попав в руки жень» (*Скальковский К.А. О женщинах. Мысли старые и новые. СПб., 1886. С. 3*). Статьи сказать, работа Милля вызвала достаточно ожесточенные споры в российском обществе в 1870–80-х годах. В качестве примера можно привести тот факт, что роман «Анна Каренина», в числе прочих причин задумывался Толстым и как противоудие к указанной книге Милля (*Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 42*).

⁴⁹ *Wright A. Op. cit. P. 2. См. также: Rover C. The “Punch” Book of Women’s Rights. L., 1967. P. 92.*

Третья категория – это романтически настроенные идеалисты, скрывающиеся за маской деловых людей и ведущие уединенный образ жизни, для которых память о какой-то женщине стала своего рода религией. И, наконец, в-четвертых, это так называемые «интеллектуалы», которые полагают, что наделение женщин правом голоса успокоит расшатанные нервы определенного числа достойных женщин⁵⁰.

Как уже отмечалось, широко распространенным образом был образ мужчины-суфражиста, попавшего под каблук женщины. «Нас охарактеризовали, – говорил И. Зангвилль, – как мягкотелых мужчин, соблазненных женщинами с твердым характером»⁵¹. Кстати, эти слова передала Зангвиллю одна милитантка, которая решила, что он должен публично выступить против этого, по ее мнению, оскорбления. Когда же Зангвилль сказал, что он в принципе не против, и что подобного рода вещей вполне можно ожидать в политике, то эта милитантка заявила ему, что в таком случае он не может называться настоящим джентльменом⁵². Таким образом, опять мы видим апелляцию к традиционному образу рыцаря-джентльмена, который попросту не имеет права смолчать.

В викторианскую эпоху, когда идеалом для мужчин, принадлежавших к среднему и высшему слою английского общества, была не столько сама власть, сколько мужественность (источник которой следует искать в среде английских крупных землевладельцев, с их преклонением перед культом игр и спорта, с их восхищением физической силой и удачью⁵³), те мужчины, которые выступали за равноправие полов, характеризовались со стороны общества как слабохарактерные, нуждающиеся в дополнительном «вливании крови». В ответ на появление книги Милля «Подчинение женщин» Лесли Стивен заявил, что «обыкновенному мужчине, который в своих суждениях исходит не из книг, а из реального жизненного опыта, подобные доктрины кажутся не только ошибочными, но свидетельствующи-

---

⁵⁰ *Wright A.* Op. cit. P. 2.

⁵¹ *Zangwill I.* Old Fogeys and Old Bogeys. Speech Delivered at Queen's Hall, June 7th, 1909. L., 1909. P. 2.

⁵² *Ibidem.*

⁵³ См., например: *Houghton W. E.* The Victorian Frame of Mind, 1830-1870. L., 1957. P. 202.

ми о безнадежной слабыхарактерности»⁵⁴. Миллю недостает, по его мнению, мужественности.

С другой стороны, идеал силы и мужественности использовался и для создания типичного героического образа мужчины-суфражиста, великодушного и благородного рыцаря, который готов пожертвовать даже своим собственным голосом ради стремящихся получить этот голос женщин. Мужчина, постигший истинную сущность рыцарственности, т.е. мужчина-суфражист, «встает на защиту дела женщин, не боясь насмешек и презрения. Он не только бросает вызов своим оппонентам, но и протягивает руку помощи женщине в ее борьбе за справедливость... Сильные и чувствующие эту силу мужчины, не боятся... женщин, которые могут набрать больше голосов... Они не трусы...»⁵⁵.

Конечно же, неоценимым источником при исследовании общественного мнения относительно того или иного вопроса является пресса. В отношении интересующего нас вопроса мы ограничимся лишь одним изданием, авторы которого живо откликнулись сатирическими заметками на все насущные проблемы. Речь идет о небезызвестном английском сатирическом журнале «Панч». Знаменитая речь Милля в парламенте 20 мая 1867 г. дала авторам журнала богатейшую почву для упражнений в остроумии. Обыгрывалось все: и сама фамилия Милля, и пресловутая рыцарственность⁵⁶, и внесенная им поправка⁵⁷. Так, в одном из номеров журнала было помещено письмо «Некоего “лица” господину Миллю», в котором женщина-ав-

---

⁵⁴ Цит. по: Ibid. P. 201.

⁵⁵ Mathew A. Op. cit. P. 25–26.

⁵⁶ См., например: «Сервантес высмеял испанское рыцарство, сделанное из мягкого металла, но на нашем рыцарстве, закаленном под мощным парламентским молотом, не так-то легко оставить вмятину... Дон Кихот, полагая, что видит перед собой чудовище, держащее взаперти страдающих девиц, напал на *Mill of the Commons*. Отныне *Mill of the Commons* – это галантный рыцарь, вооруженный до зубов [здесь обыгрывается сюжет битвы Дон Кихота с мельницами у Сервантеса и фамилия Милля (члена Палаты общин – House of Commons), которая в переводе также означает мельница – И.Ш.]» (Punch. June 20, 1868. Vol. 54. P. 273).

⁵⁷ Заменить выражение *male person* (лица мужского пола) словом *person* (лицо).

тор писала, что «вероятно, вы, предлагая наделить нас правом голоса, делали нам комплимент. Вы – несчастное создание из-за вашей логики»⁵⁸. Женщины были глубоко оскорблены тем, что Милль в своей речи назвал их “лицами”: «Чарли говорит, что господин Милль хочет назвать дам «лицами»... Но я несколько ему не верю, поскольку ни один *джентльмен* не может и *помыслить* себе, чтобы употреблять столь *вульгарный язык*, говоря о *женщине*! Скорее всего, это опечатка в какой-то глупой дешевой газете. Возможно, он имел в виду, что *пасторы*⁵⁹ должны иметь право голоса...»⁶⁰.

В первое десятилетие XX столетия на страницы «Панча» попали и те мужчины, которые положили начало организационно оформленному мужскому движению в поддержку требований суфражисток. Их образ был традиционен – это холостяки, которым нечем заняться, которые завидуют «веселой» жизни суфражисток, и решают, в свою очередь, тоже повеселиться, при этом совершенно не важно, какие лозунги провозглашать, какие цели преследовать. «Давайте и мы станем мучениками и будем выкрикивать боевой клич Свободы, – убеждал своих приятелей герой очерка “Право голоса для мужчин”. – Давайте привлечем внимание к нашим горестям со скамьи подсудимых. Давайте спланируем набег на парламент, захватим членов правительства в их берлоге... Почему веселиться должны только женщины?» На это предложение один из его друзей вполне резонно спросил, а что они должны будут выкрикивать. «Это не имеет совершенно никакого значения, – последовал ответ, – поскольку за это мы готовимся пойти в тюрьму»⁶¹. В результате трое друзей создают Холостяцкую лигу свободы, ассоциированную с Холостяцким [читай Женским] социально-политическим союзом.

---

⁵⁸ Punch. June 1, 1867. Vol. 52. P. 227.

⁵⁹ Игра слов *persons* (лица) и *parsons* (пасторы).

⁶⁰ Punch. May 4, 1867. Vol. 52. P. 179-180. Еще один пример: «Всем “лицам”, кого это касается. Ряд восторженных мамочек, в ознаменование недавней речи г-на Милля о женских избирательных правах, окрестили своих новорожденных дочерей Амелия, Эмили или Милисент, поскольку любое из этих имен легко может быть сокращенно до “Милли”» (Punch. June 1, 1867. Vol. 52. P. 227).

⁶¹ Punch. March 4, 1908. Vol. 134. P. 178.

«Панч» достаточно точно отражал господствовавшее в английском обществе отношение в целом к суфражистскому движению, а также к его участницам и участникам. И в том, что от образа истеричных женщин, которые ломятся в дверь парламента в 1870 г., он перешел в 1918 г. к образу Жанны д'Арк, была немалая заслуга не только самих суфражисток, но и тех мужчин, которые, ломая традиционные представления о маскулинности, о роли и предназначении мужчин и женщин, бросая вызов общепринятым нормам поведения, создав наряду с суфражистками свою субкультуру, внесли неоспоримо существенный вклад в окончательную победу движения за политическое равноправие английских женщин.

Рената и Черубина: гендерный аспект театрализованных ситуаций в российской культуре начала XX века

Российская культура конца XIX – начала XX в. стала в последнее десятилетие не только объектом тщательных исследований, но и своего рода пространством научного эксперимента. Представляется, что это связано как с завершением значительного культурно-исторического цикла¹, с желанием «посмотреть» в аналогичный период, как в зеркало, так и с внутренней организацией культуры этого периода, которая предрасполагает к подобному опыту, открыта для него так же, как она открыта в прошлое и в будущее. Одной из важных черт переходной культуры является широкая распространенность в ней игровых элементов, которым придается значение систе-

---

¹ Развитие российской (шире – европейской) социокультурной системы XX в. можно описать как инверсионное, представленное рядом сменяющих друг друга периодов, каждый из которых противоположен по своим качественным характеристикам последующему и предыдущему. Эти периоды можно разделить на два основных типа: переходные и относительно стабильные (*Кривцун О.А.* Эстетика. М., 1998. С. 273-281.), и на несколько видов (*Котылев А.Ю.* Метаморфозы игры в культуре переходного типа. Россия 1917-1933: Автореферат дисс. на соискание степени кандидата культурологии. СПб., 2000). Начало XX в., как и начало XXI, характеризуется переходным состоянием социокультурной системы со значением ее кризиса и необходимости радикальных преобразований. Причем в современной ситуации очень сильны тенденции возврата к идеям и произведениям начала прошлого века, которые часто воспринимаются как образцовые. Каждому типу и виду социокультурного периода присуще доминирование одной из составляющих универсальных оппозиций, организующих его систему. Гендерная история призвана исследовать развитие одной из таких оппозиций в ее соотношении с другими. Обобщающих гендерных исследований по российской истории пока немного. См.: *Пушкарёва Н.Л., Казьмина О.Е.* Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // *Этнографическое обозрение.* 2003. № 4. С. 67-89. *Котылев А.Ю.* Оппозиция мужское/женское в процессе развития российской социокультурной системы конца XIX – начала XX вв. (в печати)

мообразующих центров, определяющих специфику организации и облика всего культурного пространства. В зависимости от вида переходного периода в культуре преобладают либо театральные, либо агональные игровые образования, соответственно в социокультурной системе доминируют или игроки театрального вида, ориентированные на философствование и художественное творчество, или состязательного, чья деятельность чаще связана с политикой и сциентизмом².

Для начала XX в. доминирующей сферой культуры стало искусство, преодолевшее свои границы не только в панэстетическом проекте модерна, но и в акте придания художественного значения философским сочинениям, демонстрациям, террористическим актам, судебному красноречию и ряду других культурных образований, представленных как квазипроизведения искусства. Понятие театральности, которым здесь обозначается данное явление, выводится с опорой на двух авторов. Первый (Ю.М. Лотман) придает ему структурный статус, называя этим именем модель, в которой искусство создает образцы для жизни, а жизнь, воспринимая эти идеалы, уподобляется искусству³. Эта модель была востребована неклассической новоевропейской культурой и представлена в наиболее разработанном варианте неоромантической практикой жизнетворчества. Второй автор (О. Маннони) рассматривает спонтанную театральность как универсальное качество человеческой психики, проявляющееся во все периоды истории культуры⁴. В крайней форме оно выражается в виде гистрионизма – навязчивого стремления конкретного человека сыграть неопределенное множество социокультурных ролей. Представляется, что открытость поля переходной культуры, незакрепленность социальных статусов, неопределенность норм поведения и творческих правил, остро переживаемая потребность в открытии новых путей развития культуры приводят, с одной стороны, к задействованию театральной модели, а с дру-

---

² Котылев А.Ю. Театральность и агональность в переходные периоды культуры // Игровое пространство культуры: Материалы научного форума. СПб., 2002. С. 272-275.

³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 180-209.

⁴ Маннони О. Театр и безумие // Как всегда об авангарде. М., 1992. С. 204-208.

гой – к востребованности личностей с мощным гистрионическим комплексом⁵. В этих условиях они становятся кем-то вроде первопроходцев, принимая или создавая новые социокультурные личины, испытывая их эффективность на себе, представляя их обществу как объект рефлексии, центр притягательных или отталкивающих переживаний.

Таким образом, театральность предстает здесь как психо-социокультурный феномен, реализованный во множестве произведений, событий, поведенческих актов и других форм фиксации. Исследование театральности позволяет выразить сущность культуры конкретного периода, определить способы ее преобразования в соотношении с трансформациями внутреннего мира человека, путями развития личности. В переходной культуре театральность выступает как точка соприкосновения жизни, искусства и психики, демонстрируя особенности их взаимовлияния. Представители новоевропейской художественной культуры всегда демонстрировали пристрастие к игровым формам поведения, но в неклассические периоды это поведение становится образцовой моделью для значительной части общества, прежде всего – для социальной элиты. Новые социокультурные маски, примеряемые поэтами и художниками в начале XX в., были не просто экзотическими личинами богемы, но экспериментальными образцами облика нового человека, проблемой создания которого была озабочена вся общественная верхушка⁶. Особая роль в этом процессе отводилась женским образам, призванным зримо воплотить решение целого ряда социокультурных задач.

Во-первых, образ новой женщины должен был конкретизировать идею вечной Женственности, получившей развитие в философской концепции всеединства В.С. Соловьева и его последователей, в которой «женственное» наделялось универсальным значением «другого» и могло быть в этом качестве пред-

---

⁵ Об особой роли игры в развитии личности переходного периода культуры пишут некоторые современные исследователи, например: *Хренов Н.А.* Между игровым и серьезным (личность эпохи «социальной аномии» в ее посттоталитарных формах) // *Ориентиры культурной политики.* М., 2001. № 6. С. 19-48.

⁶ *Эткинд А.* Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 7-8, 249-262.

ставлено на самых различных уровнях бытия как вторая часть разномасштабных оппозиций: Бог-Вселенная, Христос-Церковь, Мужчина-Женщина⁷. Понятие «женственность» активно использовалось для решения различных задач, например, для выявления специфики облика стран, народов и культур. Так в произведениях М. Гершензона и В. Розанова одним из доминирующих является мотив женской сущности России, преобладания женского начала над мужским в характере русского народа⁸. Однако «женственность» в русской философии не только отвлеченное понятие: наиболее оспариваемое (и наиболее популярное) положение теории Владимира Соловьева требовало не просто соединения мужского и женского начал, но соединения конкретных мужчины и женщины как необходимого условия для возникновения абсолютной личности.

«Истинное соединение предполагает истинную раздельность соединяемых, т.е. такую, в силу которой они не исключают, а взаимно полагают друг друга, находя каждый в другом полноту собственной жизни. Как в любви индивидуальной два различные, но равноправные и равноценные существа служат один другому не отрицательной границей, а положительным восполнением, точно то же должно быть и во всех сферах жизни собирательной...»⁹.

Требование наличия пар полноправных индивидов для начала формирования сверхчеловечества влекло за собой два неизбежных следствия: активизацию процесса конституирования самостоятельной роли женщины в социокультурной жизни и выдвижения в центр космотворческого эксперимента отношений между мужчиной и женщиной.

Во-вторых, соответственно вышесказанному, образ новой женщины выражал процесс половой идентификации на новом уровне развития культуры. Для того, чтобы стать «новой Женщиной» недостаточно было просто родиться существом женского пола и получить соответственное ему воспитание, образование и место в обществе. Осознание образованными людьми высшего предназначения женщины вело к отказу от тради-

---

⁷ Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Избранное. М., 1990. С. 194-197, 188-190, 213.

⁸ Проскурина В. Течение Гольфстрима: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 92-93, 195-215.

⁹ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 211.

ционных стереотипов поведения, к признанию недействительными обычных рецептов женского успеха. Новая социокультурная программа требовала творческого подхода к жизни, поиска новых черт женского образа, в котором участвовали как сами женщины, так и их партнеры. Поиск образа человека будущего вызвал неизбежный интерес к прошлому, которое стало своего рода экспериментальной площадкой культуры Серебряного века, придавая его творческим опытам значимость и глубину.

В-третьих, образ новой женщины должен был принять вид женщины-творца: поскольку не было возможности принять готовый облик, его следовало создать. Жизнетворческое утверждение в культуре зачастую сливалось с утверждением в художественном творчестве. Женщина-себя-создающая становилась женщиной-поэтом или женщиной-художником, ее успех или неудача во втором виде творчества ощутимо влиял на развитие его первого вида. Именно женщина-творец воплощала востребованный эпохой идеал преображающего мир женского начала, соединяя отвлеченность идеи с конкретной судьбой человека или литературного персонажа. Литература становится в начале прошлого века основным средством кристаллизации идеального образа, речь идет об особой «ритуальной» литературе, авторы которой стремились одновременно и сделать ее сакральной сферой культуры, и разрушить границы отделяющие ее от жизни. Именно к такой литературе относятся сравниваемые в этой статье двойные женские образы-маски: Петровской/Ренаты и Дмитриевой/Черубины.

Любовные истории

Хорошо известно, что за основу описания взаимоотношений главных героев в романе «Огненный ангел» Валерий Брюсов взял свои реальные отношения с парой Андрей Белый – Нина Петровская. Этот факт был признан уже ими самими: так, Белый достаточно подробно раскрывает связь между жизнью и романом¹⁰. Петровская же вообще отождествляла себя с Ренатой, подписывая ее именем письма, и даже специально ездила в Кельн, желая полнее ощутить себя средневековой женщи-

---

¹⁰ *Белый А.* Начало века. Воспоминания: В 3-х кн. М., 1990. Кн. 2. С. 313-314.

ной¹¹. Начало всему драматическому действию, как представляется, положила попытка Белого найти себе помощницу – «гиерофантиду» для осуществления творческого ритуала:

«...я в то время ощущал в себе потенции к творчеству «ритуала», обряда; но мне нужен был помощник или, вернее говоря, помощница – sui generis гиерофантида; ее надо было найти; и соответственно подготовить; мне стало казаться, что такая родственная душа – есть: Нина Ивановна Петровская. Она с какой-то особою чуткостью относилась ко мне. Я часто к ней стал приходить; и – поучать ее»¹².

Попытка была предпринята в полном соответствии с теорией В.С. Соловьева, по которой в духовном созидательном союзе мужчине отводилась роль творца, проводника Божественной силы, а женщине – роль творческого материала, податливо воспринимающего заданную форму¹³. Нина Петровская казалась Белому идеальной партнершей для мистерии именно потому, что она легко и точно воспринимала и воспроизводила его мысли в его же стиле. Однако, как оказалось, столь же легко она вторила голосам Бальмонта, Брюсова и других: «она отражала... каждого», «она делалась кем угодно»¹⁴. Гистрионизм Петровской делал ее (при отсутствии большого поэтического таланта и впечатляющих внешних данных) очень привлекательной для поэтов-современников, которым казалось, что они смогут вложить в эту гибкую форму свое содержание. В наибольшей степени это удалось сделать Брюсову, как человеку наиболее готовому к игре и в жизни, и в литературе. Об этой способности Брюсова также вспоминает Андрей Белый, обвиняя его в неверии ни во что и в готовности играть во что угодно.

«...он выдумывал с озорством игрока различные подвохи и позитивисту, и идеалисту, и материалисту, и мистику; уличив каждого в не-

¹¹ Лавров А.В. Проза поэта // Брюсов В.Я. Избранная проза. М., 1989. С. 13.

¹² Белый А. Указ. соч. С. 634-635.

¹³ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 188-189.

¹⁴ Белый А. Указ. соч. С. 306-307.

последовательности, он проповедовал, что истина – только прихоть мгновения; отсюда вытекало его любовь к перемене идейных обликов, доходящая до каприза: играть во что угодно и как угодно...»¹⁵.

Став, как и Белый, confidentом Петровской, Брюсов, подчиняясь характерному для многих творческих людей духу соперничества и велению природы, решает обыграть его и в любви, и в творчестве. Пока Белый силится вырваться из переплетений идеального и чувственного, Брюсов переносит всю ситуацию в роман, в Германию, в XVI век. Роман «Огненный ангел» был издан в 1907 г., а в 1909 г. состоялась знаменитая мистификация с представлением в журнале «Аполлон» стихов поэтессы Черубины де Габриак, за маской которой скрывались ее «родители» – Е.И. Дмитриева и М.А. Волошин.

Они, несомненно, читали роман Брюсова и были знакомы с историей его появления на свет¹⁶, саму идею мистификации они также могли заимствовать у Брюсова, который опубликовал сборник стихотворений от имени вымышленной поэтессы¹⁷. Сходство двух любовных историй поэтического мира усиливается наличием в каждом случае классического треугольника «два мужчины – одна женщина» (союз Дмитриевой и Волошина был дополнен ее романом с Н. Гумилевым). В то же время представляется, что история Черубины – это не просто подражание «старшим современникам», но еще одна попытка осуществления творческого союза, способного преобразовать мир и породить нового человека. Облечение этого

¹⁵ Там же. С. 312.

¹⁶ На это в частности указывает одно из стихотворений Черубины, обращенное к некоей Нине, которая именуется «сестрой». См. *Черубина де Габриак. Исповедь*. М., 1999. С. 83-84 (Далее – *Исповедь*). М. Волошин высоко оценивал этот роман, называя его самым удачным произведением Брюсова. См. *Лавров А.В. Проза поэта*. С. 10.

¹⁷ *Лавров А.В. «Новые стихи Нелли» – литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М., 1987. С. 94.*

эксперимента в устойчивую форму свидетельствует о ее особой привлекательности для творческого человека начала XX века и заставляет исследовать сам процесс формообразования, его предпосылки и последствия.

Образы и прообразы

Два женских образа были созданы при участии нескольких поэтов, в число которых входили поэтессы – прототипы этих образов. Стремление придать им инобытие свидетельствует о желании создать новую женщину, а сам акт ее творения должен был стать прообразом ее отношений с новым мужчиной, возможным результатом которых было уже создание нового человека. Эта и без того непростая конструкция еще более усложнялась желанием участников действия быть не толькодемиургами, но и самими новыми людьми.

Обе героини (романа и мистификации) получают значимые сакрализованные имена. Имя «Рената» (от лат. *renascor, natus sum, nasci* – *возрождаться, воскресать, возобновляться*) можно перевести как «возрожденная, воскрешенная»¹⁸. Имя «Черубина», как указывали уже его авторы, произведено от испанского произношения слова «херувим»¹⁹, и может быть переведено как «ангельская». Принятие подобных имен прямо указывает на стремление

к преобразению, которое касалось и внутреннего, и внешнего облика женщин. Здесь проявляется различие в отношении авторов к своим персонажам. Брюсов старается сделать образ узнаваемым и в то же время идеализировать его, этот метод напоминает творчество художников итальянского Возрождения, которые умудрялись возвысить человека в его изображении, сохранив при этом индивидуальность черт. Не случайно писатель,

¹⁸ Сравните: «О, если бы я знал, что из всех “Эвридик невоскресших” наиневоскресшая – Н**». *Белый А.* Указ. соч. С. 311.

¹⁹ *Ланда М.* Указ. соч. С. 26.

описывая Ренату устами героя, говорит: «Судя по лицу, скорей почел бы я Ренату итальянкой...»²⁰. Дмитриева/Волошин ориентированы на сокрытие подлинного облика прототипа героини, стихи которой содержали достаточно указаний на совершенство ее облика, чтобы все читатели сочли ее несомненной красавицей²¹. Меньшая или большая облагороженность облика наблюдается в обоих случаях, что связано, как представляется, не столько с желанием приукрасить женщин, сколько со стремлением выразить, отчасти визуализировать то специфическое обаяние, которое ощущали мужчины – действующие лица этих историй. Не обладая впечатляющими внешними данными, Петровская и Дмитриева притягивали современников – людей незаурядных, обретали над ними значительную власть, становясь неотъемлемой частью их творческих биографий²². Мужчин поэтов привлекало все необычное в поведении женщин. Петровская обладала способностью сочетать в своем облике и манере поведения крайности, быстрый переход между которыми и постоянное психическое напряжение создавали ощущение многогранности и незаурядности²³. Дмитриева владела особой манерой говорения, которую она культивировала среди своих

---

²⁰ Брюсов В.Я. Огненный ангел // Брюсов В.Я. Избранная проза. М., 1989. С. 367.

²¹ Маковский С. Портреты современников. М., 2000. С. 213.

²² «Самый облик ее противоречивый и странный: худенькая, небольшого росточку, она производила впечатление угловатой; с узенькими плечами, она казалась тяжеловатой, с дефектом: какая-то квадратная и слишком для росточку большая, тяжелая голова, казавшаяся нелепо построенной; слишком длинная, слишком низкая талия; и слишком короткие для такой талии ноги; ...но огромные карие, грустные, удивительные ее глаза проникали в душу сочувственно; ...лицо с огромными кругами под глазами она припудривала; и от напудра оно казалось маской, теряя игру выражений, присущих ему; ...но огромные, чувственные вспученные губы, кровавые от перекара, кричали с лица неудачною кляксою; улыбнется, – и милое, детское что-то заставляло забыть эти губы; густые широкие ее брови точно грозили кому-то; и черная морщина, перерезавшая лоб, придавала лицу вид спешащей преступницы...» Бельй А. Указ. соч. С. 307-308. «Лиля Дмитриева. Некрасивое лицо и сияющие, ясные, неустанно спрашивающие глаза.» (Волошин М. История моей души // Исповедь. С. 277.)

²³ Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты // Ходасевич В.Ф. Некрополь. М., 1991. С. 12.

подруг. Именно произнесенная особым образом фраза «Не надо убивать крокодилов» покорила Гумилева²⁴.

Обе женщины были носительницами специфического эротизма, востребованного культурным сознанием этого периода, болезненной чувственностью, сочетавшей пренебрежение плотью с эстетизацией телесной утонченности и даже ущербности. Духовное, казалось, просвечивало сквозь хрупкую оболочку, придавая неземной привкус даже самым обычным отношениям. «Все у нее неправильно» – говорится в романе о внешности Ренаты, «горькой» называет свою красоту Черубина, так выражает себя экзотический вкус Серебряного века, требующий в то же время элегантной оболочки для прямой начинки.

Ореол изысканности создается тремя характеристиками героинь романа и мистификации: иностранностью, иноверием и знатностью. Эти три качества относительно Черубины отметила как значимые (наряду с богатством) уже Цветаева, имевшая возможность наблюдать культурную ситуацию «изнутри»²⁵. За ними скрываются своего рода «комплексы», которые имели большинство российских интеллигентов того времени: приоритет Европы, которая оставалась «учителем» России; интерес к католицизму, с которым связывались надежды на создание вселенской церкви; стремление к благородству, пусть даже с признаками вырождения. Все вместе это объединялось страстью к иновременности, желательно средневековой²⁶, но узнаваемой, близкой, то есть стилизованной по всем законам модер-

²⁴ Исповедь. С. 279-280, 273-274.

²⁵ Ланда М. Указ соч. С. 13.

²⁶ Строго говоря, хотя художники и мыслители неоромантизма больше приблизились к пониманию средневековой культуры по сравнению, например, с романтиками начала XIX века, их манило не само Средневековье, но начало его трансформации в социокультурную систему Нового времени, то есть начало Возрождения, хотя для Германии, где разворачивается действие романа Брюсова, этот термин не представляется удачным.

на. Если Рената представляла Средневековье как целостность, вместе с возможностью иллюзорного вживания в его культуру, то Черубина привносила элементы средневековья в современность, маня своих поклонников возможностью поистине романтического романа с дамой той еще эпохи. Внешние признаки инобытийности дополняются внутренними, которые выражаются в особой одаренности героинь, способных не только к обычным земным видам знания и творчества, но и к провидению будущего. Если пророческие способности Ренаты, поражающие воображение общающихся с нею мужчин, описаны Брюсовым в романе, то в своих подобных способностях («нечто от Сивиллы есть во мне») Дмитриева/Васильева признается сама, спустя много лет после того, как история Черубины закончилась²⁷. Подобные способности и знания подвергались сомнению задолго до эпохи сциентизма, равно как и их источники. Сверхъестественные способности прочно связаны с едва ли не основной характеристикой женских образов – с их многоуровневой раздвоенностью.

Двойничество в рассматриваемых историях порождается уже соотношением сотворенного образа и его прототипа, однако, этим дело не ограничивается. Образы произведений, как и образы женщин, на основе которых они были созданы, соотносятся с целым рядом иных женских образов, отождествляясь с ними или отличаясь от них. В первую очередь, это образы святых: Амалии Лотарингской (в романе эта святая олицетворяет идеал, к которому должна была стремиться Рената, и которого она никогда не достигла) и Терезы Авильской в мистификации. Последний идеал наиболее примечателен, поскольку святая Тереза сама была героиней неоднозначной, долгое время церковные власти сомневались, кем ее считать: святой или еретичкой²⁸. У Ренаты и Черубины раздвоенность между началами мира принимает форму открытого вызова, мотивированного двойственной структурой бытия. Ангелы и демоны, свет и тьма, Христос и Люцифер выступают как символы, оформ-

---

²⁷ Исповедь. С. 272.

²⁸ Ланда М. Указ. соч. С. 22-27; Зарецкий Ю.П. Св. Тереза Авильская и ее «Книга жизни» // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2001. № 2. С. 174-175.

ляющие то эзотерическое дуалистическое знание, обаянию которого поддались не только Петровская и Дмитриева, но и многие другие деятели культуры этого периода. Двойственное восприятие мира наложило отпечаток на отношение этих женщин с мужчинами, каждый из которых становился в их глазах персонификацией одного из начал, что соотносилось и с раздвоенностью внутреннего мира человека. В «Исповеди» Дмитриева/Васильева написала: «Во мне есть две души, и одна из них, верно, любила одного, а другая другого. О, зачем они пришли и ушли в одно время!»²⁹. Психическая раздвоенность приводила к частым сменам линии поведения и творчества, постоянным поискам своего истинного «я», блужданиям среди культурных отражений и примеркам на себя различных масок. Если Петровская была зеркалом, в которое смотрелись встречавшиеся с ней поэты, то Дмитриева вглядывается как в зеркало в различные культурные образы, многообразно воспроизводя мотив двойничества в стихотворениях Черубины³⁰, зачастую кощунственно сочетая при этом высокое и низкое. Наиболее контрастно в ряду образов, с которыми соотносят себя героини обеих историй, противостоят святая и ведьма. Конечно, в большей степени эта оппозиция разработана в романе, где Рената поочередно пытается стать то одним, то другим ее элементом³¹, но и Черубине игра в ведьму (колдунью, цыганку) не чужда. Этот романтический образ наиболее отвечал феминистским представлениям о сильной, независимой, самодостаточ-

---

²⁹ Исповедь. С. 275.

³⁰ Там же. С. 75, 83-87,

³¹ Прямое отождествление образа и прообраза было характерно для культуры начала XX века, для отношения участников рассматриваемых историй друг к другу, что тоже представляло собой вариант игры с отражениями: «Придешь к ней, бывало; в красной шелковой кофте, среди красных отблесков красного своего абажура из жарких теней, замотает нелепо серьгами, напоминая цыганку; придешь в другой раз: бледная, черноволосая, в черном во всем, она – монашенка; я бы назвал ее Настасьей Филипповной, если бы не было названия еще более подходящего к ней: тип средневековой истерички, болезнь которой суеверы XVI и XVII столетий называли одержанием, – болезнь, ставшая одно время в Европе повальной эпидемией, снесла ее; таких как она, называли “ведьмами”». *Белый А.* Указ. соч. С. 308.

ной женщине, олицетворении нового мира. Для неоромантической культуры начала XX века ведьма была символом иного типа знания, чем сциентизм. Ведь еще Ж. Мишле писал:

«Дух нового времени так победоносен, что забыл о старых битвах и едва снисходит до того, чтобы вспомнить о своей победе.

Было бесполезно напомнить ему его первые жалкие шаги, напомнить скромные и грубые, варварские, жестоко-комические формы, в которые он облакался во времена гонения, когда женщина, Ведьма, позволила ему впервые расправить свои крылья в науке. Более смелая, чем еретик, резонер, полухристианин, ученый, одною ногою стоявший в священном круге, она решительно ушла отсюда и на свободной почве земли пыталась построить себе алтарь из грубых и диких камней»³².

Намеченное здесь противостояние мужского и женского культурного опыта еще более усиливается в теориях неоромантиков, которые пытались ниспровергнуть тот самый «дух нового времени», который Мишле обвинял в забывчивости, и отчасти возродить древнюю оргиастическую культуру, интуитивную и иррациональную, которая представлялась им, в своей вакхической сути, как явление, несомненно, более женственное, чем новоевропейский рационализм³³. Не случайно, что распространение неоромантизма совпадает по времени с подъемом первой волны феминистского движения. Следует вспомнить и о том, что в системе эзотерического знания женщина получила возможность стать лидером целого направления, как, например, Т. Блаватская. В первое десятилетие двадцатого века Дмитриева/Васильева стала первой представительницей антропософского общества в России, а в конце второго – была арестована за эту деятельность и выслана в Ташкент³⁴. Нет оснований считать эзотерический компонент определяющим всю логику развития исследуемых историй, но не учитывать его воздействие, очевидно, тоже нельзя.

Центральным мужественным образом, взаимодействие с которым конституирует и характеризует образы Ренаты и Черубины, является огненный ангел. Его фигура в романе и стихах

---

³² Мишле Ж. Ведьма. Киев, 1992. С. 300-301.

³³ Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 58-67, 137-140, 254-258.

³⁴ Ланда М. Указ. соч. С. 39-41.

выглядит аморфной, а стиль поведения представляется противоречивым. Как показали современные исследования, образ ангела вобрал в себя элементы наследия различных культурных традиций³⁵ и не принадлежит полностью ни к одной из них. Носитель света и тьмы, прекрасный и ужасный, возвышающий и соблазняющий, спасающий и губящий, он выступает как универсальная художественная форма, которую творческая женщина может наполнить любым содержанием, в зависимости от состояния и видения внешнего мира на данный момент времени. Он же предстает как недостижимый идеал полового партнера, отождествляемый иногда с конкретными мужчинами, но никогда надолго. Следование за ним означает для женщины постоянную неудовлетворенность отношениями с мужчиной, какой бы характер они не имели. Их чувственность отвращает от них в сторону духовности, платоничность – отступает перед зовом плоти, а в двойственных отношениях никто из мужчин не может сравниться с Огненным ангелом. Петровская и Дмитриева, Рената и Черубина связывают свою судьбу сразу с двумя мужчинами, каждый из которых должен был сыграть свою роль и дать им нечто отличное от дара другого. Впрочем, эти тройственные союзы также оказались непрочными и распались сразу же, как только исчерпала себя породившая их культурная ситуация.

Мужские роли

Пары мужчин, ставших персонажами наших историй, вписаны в них по-разному. Если создание романа удвоило все три образа, построив литературный ряд параллельно историческому, то организация мистификации привела к удвоению только женской вершины треугольника, оставив мужчинам их подлинные имена и профессии, что, впрочем, не помешало им сыграть роли того же типа, что были и у мужчин первой «постановки».

Главная мужская роль, с утверждения которой начинается все действие, – это роль Учителя. На первый взгляд, именно она наиболее соответствует соловьевской концепции антропопорождающей любви: этот герой способен осуществить реальное посредничество между божественным и женским и повести

---

³⁵ Там же. С. 26-27.

партнершу по пути возвышенного слияния двух половинок искомого целого. В треугольнике Белый-Петровская-Брюсов роль учителя наделяется первый, хотя его собственное отношение к этому противоречиво. С одной стороны Белый признает, что, пытаясь подготовить себе помощницу для мистерии, он начинает «поучать» Петровскую, а с другой – обвиняет ее в навязывании ему «роли учителя жизни»³⁶. В романе его двойник – Генрих, получает ту же роль: он становится учителем («создателем») Ренаты и так же в страхе бежит от нее, как Белый от Петровской. Во втором треугольнике роль учителя, естественно, достается Волошину. И здесь определителем выступает женщина, которая вспоминает: «Мой близкий друг и даже учитель – Максимилиан Волошин. Я его очень люблю»³⁷. Отношения при этом складываются «правильно»: действительно, скорее ученик должен выбирать учителя, чем наоборот. Однако и в случае со вторым мужчиной в композиции инициатором установления отношений также выступает женщина: особенно хорошо это видно в романе, где Рената в момент первой встречи объявляет Рупрехту о том, что их связь предопределена, и фактически сразу навязывает ему определенную роль³⁸. Мотив предопределенности звучит и в рассказе Дмитриевой / Васильевой о своих отношениях с Гумилевым:

«...мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это “встреча”, и не нам ей противиться»³⁹.

Женщина, таким образом, не просто выбирает мужчин, но и пытается навязывать им тот или иной стиль поведения в соответствии со своими ожиданиями. С учителями это делать было сложнее, поскольку они сами должны были наставлять, давать пример, вести по жизни и женщину, и второго мужчину, который в этом случае играл роль ученика. В романе Брюсовым создано собственно несколько образов учителей. К одним из них Рупрехт обращается по настоянию Ренаты (Агриппа Неттесгеймский, многочисленные авторы книг и даже сам дья-

---

³⁶ Белый А. Указ. соч. С. 635, 306.

³⁷ Исповедь. С. 269.

³⁸ Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 351.

³⁹ Исповедь. С. 274.

вол), которая понуждает его изучать магию, с другими он встречается сам (Фауст, граф фон Веллен). Все они олицетворяют разные виды знания, которые должен освоить герой, чтобы выполнить свое предназначение. При столкновении представителей рационального и иррационального знания побеждает второй: так, Фауст сумел представить гостям графа призрак Елены, несмотря на весь их скептицизм⁴⁰.

Учитель может выступать как руководитель некоего тайного общества посвященных (Генрих) и как отшельник, почти отказавшийся от встреч с людьми (Агриппа). Волошин в своей жизни представлял оба эти образа, которые для него были еще разделены в пространстве: один для столиц, другой для Крыма. После революции образ отшельника становится доминирующим, что позволило поэту отстраниться от сумятицы политической борьбы и сохранить независимую позицию⁴¹. Учитель в наибольшей степени соответствовал возвышенному идеалу, к которому стремились ищущие женщины, он наиболее легко отождествлялся с ангелом, но это же делало его труднодоступным, отстраненным от земной чувственности, что заставляло искать и другого мужчину, с иными характерными чертами.

Брюсову-Рупрехту и Гумилеву достается роль рыцаря. Если для первого она была, очевидно, только частью игровой и литературной ситуации, то для второго эта роль становится жизненным кредо, определяющим его поступки и стиль существования и после того, как мистификация закончилась. В разные периоды жизни Гумилев проходит через все те позиции, на которые Брюсов ставит своего литературного персонажа-рыцаря. Поэт становится путешественником – покорителем диких экзотических земель, воином, чей героизм был отмечен наградами, трубадуром, воспевшим свои подвиги и своих прекрасных дам. Даже его трагическая смерть становится логическим завершением славного жизненного пути⁴². Имея в виду эту редкостную

---

⁴⁰ Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 343-344.

⁴¹ Купченко В., Давыдов З. Поэт-ответатель // Волошин М. «Средоточье всех путей...». М., 1989. С. 6-7.

⁴² Советская власть положила конец неоромантической эпохе индивидуального героизма, поэтому почти невозможно представить себе Гумилева в роли советского героя. Его смерть была своевременной, чего

выполненность жизненной сверхзадачи Дмитриева/Васильева вспоминала: «Он еще не был тогда тем рыцарем...»⁴³.

В отличие от «учителя», «рыцарь» является ровней женщине и вместе с ней играет роль ученика, который, следуя по пути просвещения, постоянно подвергает сомнению и сам этот путь, и метод обучения, и саму фигуру учителя, поскольку он ему не союзник, а соперник. Ставя перед собой цель – добиться заключения прочного союза с дамой, рыцарь стремится оторвать ее от учителя, а значит, пытается разрушить связывающие их возвышенные отношения и установить с ней отношения чувственные и плотские, «страсть небесную» он замещает «страстью земной». В этом смысле рыцарь олицетворяет падение героини, преобладание в ней темного начала и невозможность достижения возвышенного идеала. Это описание полностью соответствует отношениям, сложившимся в первом, «раннесимволическом» треугольнике, где Белый находился под покровительством Венеры Урании (этого не могло отменить даже его «падение»), а Брюсов – Венеры Пандемос⁴⁴. Во втором («позднесимволическом» или «предакмеистском») треугольнике подобных различий между видами любви уже, по всей видимости, не делали, и Дмитриева почти одновременно вступила в плотскую связь с обоими мужчинами⁴⁵. В то же время, несомненно, что ее отношения с Волошиным имели более одухотворенный характер, что и выразилось в создании Черубины.

Будучи носителем темной страсти, рыцарь персонифицирует угрозу, нависшую над героиней. Ревнуя ее к учителю и к неземному миру, куда она устремлена, рыцарь мучает ее, как, впрочем, и она его. В конце истории он выступает как участник суда над подругой, являясь, если не палачом, то свидетелем ее физической или духовной смерти. Так Рупрехт оказывается в составе суда инквизиции, разбиравшего дело ведьмы Ре-

---

нельзя сказать о Белом и Брюсове, которые пережили свой культурный период и не смогли толком вписаться в новый. Место Волошина (на границе культурного пространства) оказалось наиболее универсальным.

⁴³ Исповедь. С. 274.

⁴⁴ *Белый А.* Указ. соч. С. 309, 636.

⁴⁵ Исповедь. С. 274-275.

наты, и очевидцем ее гибели⁴⁶. Интересно, что Дмитриева / Васильева связывала свой творческий кризис не столько с разоблачением мистификации, сколько с разрывом отношений с Гумилевым: «моя жизнь была смята им – он увел от меня и стихи, и любовь...»⁴⁷. Ощущение прочной связи со своим рыцарем не мешало Черубине предлагать эту роль другим мужчинам, например, редактору журнала «Аполлон», где печатались ее стихи⁴⁸.

Основным видом отношений между мужскими персонажами драмы является соперничество, достигающее кульминации в столкновении, оформленном как поединок. Это противостояние осмыслялось как противоборство двух мировых начал: светлого и темного. Инициаторами подобного истолкования конфликта были, очевидно, Брюсов и Белый, сделавшие личные отношения продолжением интеллектуальных споров⁴⁹. Смысловая глубина этой оппозиции увеличивалась за счет отождествления ее сторон с сакральными персонажами мифологии, истории религии, литературы: Орфеем и Аидом, Бальдером и Локи, Генрихом и Рупрехтом, Христом и Люцифером, Аполлоном и Дионисом. Несмотря на укорененность этого конфликта в самой структуре мироздания, причиной конкретных поединков героев исследуемых историй были женщины. В романе Рената заставляет Рупрехта вызвать Генриха на бой, соблазняя своего рыцаря, предлагая себя как плату за жертву, делая из него орудие своей мести и своей муки⁵⁰. В 1905 г. (в период работы над романом) Брюсов вызывает на дуэль Белого. Поводом послужила ссора из-за несогласия в оценке Д.С. Мережковского. По мнению Белого, причиной вызова стали их отношения с Петровской и ее давление на Брюсова. Дуэли удалось избежать⁵¹. Весной 1907 г. (часть романа была уже опубликована в журнале «Весь») Петровская пришла на публичную лекцию Белого, где присутствовал и Брюсов, с револьвером и, намереваясь застрелить

⁴⁶ Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 601-603.

⁴⁷ Исповедь. С. 277.

⁴⁸ Маковский С. Указ. соч. С. 213, 217-218, 222.

⁴⁹ «Стиль нашего умственного поединка с Брюсовым носил один характер – я утверждаю: “свет победит тьму”. В.Я. отвечает: “мрак победит свет, а вы погибнете”». Белый А. Указ соч. С. 637.

⁵⁰ Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 459-461.

⁵¹ Белый А. Указ. соч. С. 513-514, 637-638.

первого, пыталась выстрелить во второго, но вышла осечка⁵². Инициатором поединка во второй мужской паре стал принципиальный противник всякого насилия Волошин, давший Гумилеву публичную пощечину в ответ на публичное же словесное оскорбление последним Дмитриевой. Постсимволисты представляли себе мир менее отвлеченно, чем их предшественники: пощечина была вполне тяжеловесна, пистолеты были настоящими, хотя надписи на них, место дуэли и весь ее порядок символизировали преемственность определенной культурной традиции. До пролития настоящей крови дело, правда, не дошло. Дмитриева в то время полностью одобрила действия Волошина, написав подруге: «Макс вел себя великолепно»⁵³. Эти прозвучавшие и не прозвучавшие выстрелы поставили точки в развитии описанных историй, обозначив распад треугольников и разрыв былых отношений между всеми составлявшими их людьми. Естественно, что участники событий, их очевидцы и исследователи не согласны между собой в оценке произошедшего. Остается только попытаться выстроить ряд возможных интерпретаций этих историй, согласуя их как с направленностью данной работы, так и с культурным контекстом начала XX века.

Интерпретации конфигурации

Отправным пунктом предложенных здесь истолкований историко-культурных событий стала устойчивая конфигурация социокультурной ситуации, предполагавшая возникновение на основе тройственных связей творческих союзов, в которых центральное место было отведено женщине; создание художественных произведений, которым приписывалась функция преобразования жизни; зарождение конфликтов, приводивших к распаду треугольников и разрыву как творческих, так и любовных связей между их членами.

Биопсихологическая интерпретация. С этой точки зрения рассматриваемые истории предстают как проявление универ-

---

⁵² Там же. С. 315. Сомнения по поводу того, в кого же она хотела выстрелить, нашли отражения в воспоминаниях Ходасевича, который утверждал, что жертвой покушения был все-таки Белый. Ошибся он и в датировке этого события. – Ходасевич В.Ф. Указ. соч. С. 15.

⁵³ Маковский С. Указ. соч. С. 215-216; Ланда М. Указ. соч. С. 34-35.

сальной борьбы самцов за самку, примеры которой можно найти у большинства видов живых существ. В человеческом сообществе она принимает вид игры, которую Э. Берн назвал «А ну-ка, подеритесь». В соответствии с ее правилами: «Женщина ловко stalkивает двух симпатизирующих ей мужчин, давая понять или даже пообещав, что будет принадлежать победителю»⁵⁴. В зависимости от варианта игры она выполняет обещание или не выполняет его, уходя с другим, или с третьим. В пользу подобного истолкования говорит поведение женщин в наших историях, которые подталкивают мужчин к обострению конфликта, последовательно доводя его до взрыва. Дуэль в этом случае является изначальной целью, к которой женщина стремится осознанно, а мужчины – подсознательно. Литературное творчество при этом выглядит как побочный продукт, результат компенсации несбывшихся ожиданий или сублимации подавленных желаний. Очевидно, что все герои (а особенно героини) наших историй – великолепные примеры для упражнений представительных любых психологических школ и направлений.

Социологическая (феминистская) интерпретация. Ее источником является прогрессистский взгляд на историю, как на процесс формирования системы социального равноправия, а, следовательно, обретения ущемленной стороной (в данном случае – женщиной) все более достойного места в обществе. Варианты подобного истолкования событий нам предлагают уже некоторые из участников и очевидцев. Так, Ходасевич возлагает ответственность за несчастную судьбу (а отчасти и за литературные неудачи) Петровской на увлекших, оскорбивших и бросивших ее мужчин⁵⁵. Волошин и Цветаева идут еще дальше, объясняя задним числом организацию мистификации тем, что издательства и журналы, которыми руководили, естественно, мужчины, отказывались публиковать стихотворения талантливой, но бедной и некрасивой, простой школьной учительницы Лили Дмитриевой. Правда, уже Ахматова, а вслед за ней и современные исследователи поставили эту трактовку событий и соз-

---

⁵⁴ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб., С. 104.

⁵⁵ Ходасевич В.Ф. Указ. соч. С. 14-15.

данный в связи с ней женский образ под сомнение⁵⁶. Тем не менее, борьба за обретение женщиной полноправного социального статуса действительно была актуальна в российском обществе начала прошлого века. Освобождение женщины от безусловного подчинения мужчине шло, помимо прочего, и через создание нетрадиционных половых союзов⁵⁷. Обретение свободы часто связывалось с наличием выбора, что требовало создания более или менее устойчивых связей не с одним, а с несколькими мужчинами. Компенсация ощущения половой социокультурной неполноценности, которая связывалась с многовековым порабощением женщин мужской цивилизацией, требовала не просто равного положения с представителями другого пола, но господства над ними, которое достигалось в том случае, если их удавалось столкнуть между собой.

Для женщины, существовавшей в богемной среде, привлекательными качествами полового партнера становились его талантливость и знаменитость, а обретение над ним власти требовало не выхода замуж, что могло противоречить представлениям о собственной независимости, но противопоставление ему еще одного мужчины, желательно обладателя таких же качеств. В рамках этой социальной группы важным показателем значимости социального статуса была способность к художественному творчеству, в том или ином его виде. Господствующее положение мужчин и их взглядов на мир приводило к тому, что женщины были вынуждены соответствовать их ожиданиям: или проявляя чрезмерную восприимчивость (Петровская), или создавая заведомо идеальный образ (Дмитриева/Черубина).

Игроведческая интерпретация. Игра, к которой многие постмодернистские мыслители приравнивают любую культурную деятельность⁵⁸, особо проявляется в культуре переходных периодов, восполняя недостачу более стабильных элементов социокультурной системы. Игра самодостаточна, она не требует иных обоснований, кроме самого факта своего наличия. Она равна тому времени, в котором происходит, и тому процессу,

---

⁵⁶ Ланда М. Указ соч. С. 12-15.

⁵⁷ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Указ соч. С. 66.

⁵⁸ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 464-466.

который обозначает. Игра требует организации по правилам и распределения ролей между участниками⁵⁹. В первой из наших историй организатором игры выступил Брюсов, который, по свидетельству современников, стремился любую ситуацию превратить в игровую, проявляя при этом склонность к расчету и навязыванию другим своих правил⁶⁰. Во второй истории функцию руководителя осуществлял Волошин, что более логично с точки зрения распределения ролей в игре: режиссер по своим характеристикам ближе учителю, чем рыцарю. Это тем более верно, что Волошин был не только практиком, но и теоретиком игры, хорошо осознавая ее специфику:

«Разница между действием игры и действием “жизни” в том, что игра это действие, совершаемое без всякой мысли о результатах, действии ради наслаждения процессом действия, между тем как “жизнь” взрослых это всегда действие целесообразное, которое сосредотачивает все внимание на его результате, на его последствиях. Взрослые не понимают смысла действия, не направленного к какой-нибудь цели, и считают действие ради действия “несомненными признаками сумасшествия” и органической преступности»⁶¹.

Организуя игровую ситуацию (при очевидном соавторстве женщин, которым доставалась главная роль), Брюсов и Волошин ощущали себя свободными от норм и предписаний «внешнего» мира. Они следовали, прежде всего, логике развития игры, будучи готовыми к тому, что она окажется жестокой и опасной, все более втягиваясь в нее, сами, становясь игрушками обстоятельств, за которыми им, возможно, виделся лик играющей судьбы. Представляется, что игра с данным набором персонажей является устойчивой архетипической моделью, о чем говорит ее использование в произведениях как традиционной, так и современной культуры, например, в романах А. Переса-Реверте⁶². Но исследуемые игровые ситуации вряд ли могут быть признаны аутентичными. Во-первых, не все их участники вступали в игру

---

⁵⁹ Сигов К.Б. Игра // Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 110-112.

⁶⁰ Белый А. Указ. соч. С. 312; Ходасевич В.Ф. Брюсов // Ходасевич В.Ф. Некрополь. С. 25, 30-32.

⁶¹ Волошин М. Откровения детских игр // Волошин М. «Средоточье всех путей...». С. 415.

⁶² Перес-Реверте А. Фламандская доска. СПб., 2001.

добровольно, следовательно, они не признавали свои действия игрой, нарушая ее замкнутость на саму себя. Во-вторых, организаторы игры проявили не только желание насладиться самим процессом, но и стремление использовать игру как средство для достижения своих творческих целей. В-третьих, женщины, принявшие участие в создании и проведении игры, также ожидали от нее вполне определенных жизненных результатов. Как видно, игра, послужив основой для возникновения данной конфигурации, сразу же вступает во взаимодействие с различными иными сферами культурной и социальной жизни, что лишает ее аутентичности, не позволяет осуществиться в «чистом виде». Она оформляет развитие, но ею оно не исчерпывается.

Литературоведческая интерпретация. С точки зрения данного подхода, основной целью, содержанием и результатом рассматриваемых историй становится создание литературных произведений, процесс возникновения которых представляется, конечно, как творческий, художественный. Подобная трактовка событий выглядит тем более вероятной, что они происходят в поэтической культурной среде, и все действующие лица являются литераторами. Творческий метод Брюсова совмещает в себе романтические и авангардные черты: литературное произведение становится для него идеальной моделью человеческих отношений, но также и способом демонстрации самого акта творения, прищипливающего живых людей к бумаге, заключающего их в клетки литературных образов⁶³. Во всем этом чувствуется подчеркнутая рассудочность, почти научность, не случайно Брюсов, поначалу пытавшийся описать свои отношения с Петровской и Белым в стихах, переходит к прозе; не случайно Белый уподобляет роман «Огненный ангел» диагнозу врача: «точно отчет о бредах Н**, точно диссертация на тему об ее нервном заболевании»⁶⁴. Если при написании романа идеи для него подавала Петровская, которая по-своему переосмысляла то, чему ее пытался научить Белый, а писал Брюсов (здесь распределение ролей скорее традиционное: женщина интуитивно про-

---

⁶³ В 1920-е годы этот метод был подробно описан в романе Константина Вагинова «Труды и дни Свистунова».

⁶⁴ Белый А. Указ. соч. С. 308.

зревает, мужчина творит), то в процессе сочинения стихотворений Черубины роли распределяются по-другому: мужчина (попризнанию самого Волошина⁶⁵) подавал идеи и задания, а женщина творила. Творческий союз во втором случае обрел более реальные черты, Черубина стала его плодом, воплотив идею об игровом сотворчестве, которую Волошин пытался осуществить и позднее, предлагая Цветаевой создать новую мистификацию⁶⁶. Очевидно, что обе истории отразили процесс активного поиска новых творческих методов, характерный для этого периода. Стилизация получила в каждой из наших историй специфическое выражение. При написании романа Брюсов не просто наряжает себя и своих современников в средневековые одежды, но выступает как исследователь, нашедший в прошлом период аналогичный своему и использовавший его для постижения сути своей культурной ситуации. Стилизованная маска Черубины совсем другого рода, здесь мы видим не столько наукообразный поиск подобий, сколько модный шлейф былых времен, в котором запутались ее виртуальные поклонники, принявшие героиню мистификации за оживший персонаж картин Борисова-Мусатова. Женщин-поэтов в обеих историях объединяет их литературная незначительность, которая уже сама по себе заставляет усомниться в том, что эти истории развивались исключительно как художественные. В еще большей степени против этого свидетельствует направленность культурного сознания того периода, когда литераторы разрушали границы литературы, а жизнь должна была стать искусством.

Мифотворческая интерпретация. Неоромантическая культура начала XX века отчасти реабилитировала миф, обозначив его постоянное и неустранимое присутствие в социокультурной системе и дав толчок развитию неомифологизма, как особого направления и характерной черты современной культуры⁶⁷. Если следовать одному из укорененных в нашем культурном сознании взглядов на миф как на обозначение неподлинности ситуации,

---

⁶⁵ Ланда М. Указ. соч. С. 38.

⁶⁶ Там же. С. 20.

⁶⁷ Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 269-272.

синоним вымысла (в крайнем проявлении – вранья)⁶⁸, то любое художественное произведение, представляющее что-то как нечто иное, может быть отнесено к сфере мифотворчества, и для этого вовсе не обязательно организовывать мистификацию.

Мифотворческий потенциал культуры, получивший одно из своих выражений в российском символизме, содержится не в мистификациях как таковых, но в наличествующих архетипических основах, найти путь к которым современное культурное сознание смогло в основном только через художественные или игровые формы. Роман и мистификация не создали новых мифов как таковых, но привели наличествующий в культуре миф в соответствие с требованиями современности, заново его структурировав. Содержание этого мифа: любовь, смерть, воскрешение – универсально. Однако попытки мифотворчества демонстрируют нам невозможность целостного воспроизведения Мифа в современной культурной ситуации. Столкнувшись с социокультурной реальностью, миф распадается на части, которые могут быть интерпретированы как части мифотворческого замысла, но по сути своей сопротивляются этому, предстая в тесной связи с определенными событиями и индивидами: миф о треугольнике, миф о женщине-истеричке, миф о дуэли, миф о школьной учительнице, миф о смерти и т.д. За всеми этими историями с привкусом инобытия проглядывает устойчивая схема ритуального действия, при помощи которого и пытались осуществить мифотворческий акт.

Теургическая интерпретация. С точки зрения некоторых мыслителей начала прошлого века теургия, как акт восстановления изначальной связи между Богом и человеком, есть деяние индивидуальное, предполагающее «творческое заново переплавление материалов и образов религиозной истории в нечто, имманентное мне, сквозь меня прорастающее»⁶⁹. Однако этот акт требовал, по представлениям тех же людей, проведения особого ритуала (мистерии), тайна прохождения которого была неизвестна современной церкви. Восстанавливая забытое знание, символисты обращаются к эзотерике, восточным куль-

---

⁶⁸ Ланда М. Указ. соч. С. 5-6.

⁶⁹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 423.

там, архаическим религиям Европы. Одним из необходимых условий прохождения подобного обряда становится участие в нем женщины. Это обуславливается не только учением Владимира Соловьева, но и представлениями о доминирующей роли женщины в древнейших культах, отнятой у нее мужчиной на заре европейской истории:

«Так порабощение женщины было связано с порабощением всех хаотических и оргийных энергий, и устройство мира во имя покорности богам – с угашением всякого человеческого дерзновения и свободного самоутверждения»⁷⁰.

Женское начало связывалось Вячеславом Ивановым с происхождением трагедии, диадическая структура которой изоморфна, по его мнению, женской сущности:

«Менада любит – и яростно защищается от любовного преследования; любит – и убивает. Из глубин пола, из темного, стародавнего прошлого борьбы полов возникает это зияние и раздвоение женской души, в котором женщина впервые обретает полноту и подлинную целостность своего женского сознания. Так родится трагедия из самоутверждения женского существа как диадь»⁷¹.

Таким образом вырисовывались контуры возрождающегося ритуала, главным действующим лицом которого должна была стать женщина – новая Жрица, вступившая в мистико-эротический союз с мужчинами, один из которых был ее Учителем, посвященным в высшие тайны, а второй – Жертвой, символизирующей конец прежней и начало новой жизни. В этом плане характерно требование Ренаты, которая запрещает Рупрехту убивать Генриха, тем самым, обрекая на смерть его самого⁷². Идеальный план нарушается, когда жрица соблазняет учителя, трансформируя отношения между ними из возвышенных в земные. В этой ситуации Белый бежит, чтобы заняться поиском более подходящей гиерофантиды:

«Вот почему роман с Ниной Ивановной я рассматриваю как падение; я видел, что у нее ко мне – глубокое чувство, у меня же братское отношение преобладало; к нему примешивалась чувственность; не сразу мне это стало ясно, поэтому не сразу все это

---

⁷⁰ Иванов В. Древний ужас // Иванов В. Дионис и прадионисийство. С. 334-335.

⁷¹ Иванов В. Существо трагедии // Там же. С. 302.

⁷² Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 474.

я мог поставить на вид Нине Ивановне; чувствовалось – недоумение, вопрос; и главным образом – чувствовался срыв: я ведь старался пояснить Нине Ивановне, что между нами – Христос; она – соглашалась; и – потом, вдруг – “такое”. Мои порывания к мистерии, к “теургии” потерпели поражение»⁷³.

Впрочем, изначальный сексуальный контакт с учителем тоже может быть интерпретирован в теургическом духе как представление грехопадения, также занимавшего умы религиозных философов⁷⁴. В частности, Дмитриева призналась Волошину, что якобы ею в тринадцать лет овладел учитель оккультизма, «похожий на Вячеслава»⁷⁵. С «теургической» точки зрения могут быть истолкованы и другие события. Например, факт создания Волошиным «мифа о школьной учительнице» может быть объяснен не только его стремлением скрыть подлинные обстоятельства мистификации⁷⁶, но и характерным постритуальным снижением его действующих лиц, путем их осмеяния, иронического переименования (так морской черт Габриак превращается в «Гаврюшу»)⁷⁷. В теории ритуальное действо способно синтезировать игровые, художественные и мифологические элементы, упорядочивая стихию жизненного процесса, придавая ему новую проекцию, но насколько жизнь конкретных людей может быть изменена подобным образованием?

Жизнетворческая интерпретация. Внешний поверхностный слой житнетворческой практики определяется стремлением человека эстетизировать свое существование, «превратить жизнь в произведение искусства». Именно с этой точки зрения Ходасевич оценивает судьбу Петровской:

«Литературный дар ее был невелик. Дар жить – неизмеримо больше.... Из жизни своей она воистину сделала бесконечный трепет, из творчества – ничего. Искуснее и решительнее других создала она “поэму из своей жизни”»⁷⁸.

---

⁷³ Бельый А. Указ. соч. С. 636.

⁷⁴ Иванов В. Дионис и прадионисийство. С. 184-187.

⁷⁵ Исповедь. С. 283.

⁷⁶ Ланда М. Указ. соч. С. 13-16.

⁷⁷ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 10, 36.

⁷⁸ Ходасевич В.Ф. Указ. соч. С. 8-9.

На основе этой поэмы Брюсов и создает свое произведение, вписывая текст жизни в текст романа, трансформируя роман в роман посредством творческой игры. Ее результатом стало самоотождествление Петровской с литературной героиней, жизнь с ее жизнью, смерть с ее смертью. Дальнейшее существование поэтессы представляется современникам как постоянное умирание с такими атрибутами, как карты, вино и наркотики, вплоть до самоубийства в 1928 г.⁷⁹ Мистериальный рецепт Белого, предполагавший, помимо прочего, спасение Петровской, имел несколько иную жизнетворческую направленность, поскольку в ходе ритуала личности его участников должны были преобразиться. Для Дмитриевой, судя по ее собственным утверждениям, создание Черубины и ее стихов стало творческой кульминацией жизни. Конец мистификации и разрыв отношений с Гумилевым и Волошиным она пережила как творческую смерть⁸⁰. Однако внешне обстоятельства ее постмистификационной жизни выглядят относительно благополучно: она вышла замуж, стала активным членом антропософского движения, вернулась к творчеству и создала несколько детских пьес и циклов стихов⁸¹.

Рассматривая жизненный неуспех двух женских судеб, их творческую недореализованность, проще всего было бы представить героинь наших историй жертвами мужских игр, в которые они были вовлечены случайно или по недомыслию. Не следует только забывать, что женщинам в них достались центральные и активные роли, которые они вели, планомерно пытаясь достигнуть намеченной цели. Неуспех, о котором идет речь, это не просто результат нескольких женских жизней, это итог развития женственной культуры Серебряного века, поставившей перед собой недостижимые цели. В исследованных историях хорошо видно различие мужского и женского отношения к творчеству, жизни, игре, ритуалу, миру в целом. Мужчина, как творческая личность, в большей степени склонен утверждаться в культурных явлениях, а женщина – в переживаниях. Театрализован-

---

⁷⁹ Там же. С. 16-18.

⁸⁰ Исповедь. С. 277.

⁸¹ Ланда М. Указ. соч. С. 39-42.

ные ситуации стали для мужчин только этапами жизненного пути, хотя возможно помогли обрести им новый творческий статус. Для женщин эти ситуации стали кульминацией их жизни, выражением ее смысла, сосредоточием всего ценного, что в ней было. Отсюда следует, что само жизнетворчество есть явление преимущественно женственное. Соответственно, культура тех периодов, когда оно получает широкое распространение, приобретает соответствующую гендерную окраску.

А.Ю. Котылев

**«Мальчишка, люби Революцию...»
Гендерный аспект развития российской
культуры 1917-1933 гг.**

Первую треть XX века можно охарактеризовать как глобальный переходный период¹, рубежи которого обозначены знаменитыми политическими событиями. Приход к власти в России наиболее радикальной группировки Европы означал не просто смену государственного строя, но начало целой серии смелых социокультурных экспериментов, приведших к трансформации всей системы. Проводившиеся под знаменем социальных преобразований, они затронули практически все сферы российской культуры, изменили ее характер на территории большинства регионов страны, сделав ее доминантой идеологию нововведений². Семиотическая революция изменила облик страны, существенно повлияв на естественные языки, письменность, систему летоисчисления, образный строй искусства, топонимику и т.п. Политические радикалы нашли союзников в лице художественных авангардистов, которые были готовы пожертвовать особым положением художественной культуры ради участия в грандиозном демиургическом процессе. Для его оформления они попытались создать принципиально новый художест-

---

¹ Классификация переходных периодов истории социокультурной системы России последнего столетия уже была предложена в ряде публикаций, как и общий взгляд на гендерный аспект этого развития (*Котылев А.Ю.* *Оппозиция мужское/женское в процессе развития российской социокультурной системы конца XIX – начала XXI вв. // Гендерная теория и историческое знание: Материалы научных семинаров. Сыктывкар, 2004. С. 57-91.*). Данная работа является продолжением цикла, охватывающего весь обозначенный период, первая статья была посвящена культуре Серебряного века (*Котылев А.Ю.* *Рената и Черубина: гендерный аспект театрализованных ситуаций в российской культуре начала XX века // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2003. № 6. С. 119-148.*).

² *Плаггенборг Шт.* *Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 7-11.*

венный язык³. Поставив перед собой утопическую, принципиально недостижимую цель создания нового мира и нового человека, авангардисты, тем не менее, достигли множества самых разных результатов во многих сферах культуры. Поэтому, несмотря на политические преследования и идеологическое давление, 20-е годы в целом являются творчески плодотворным периодом, оказавшим не меньшее воздействие, чем Серебряный век, на формирование культурного облика всего XX столетия.

Доминирующим типом личности в культуре эпохи является политический лиминал (революционер), степень отчуждения которого от старой социокультурной системы гораздо выше, чем у лиминала художественного. По наблюдениям некоторых ученых, деятели революционных эпох отличаются от лидеров других периодов даже по своей психической организации⁴. Кроме того, политические лиминалы склонны к образованию устойчивых антиобщественных группировок (революционных партий), обладающих более или менее разработанными идеологиями и программами, внутренней иерархией и дисциплиной, благодаря чему их деятельность гораздо более организована и целенаправленна, чем у других революционеров. Придя к власти в результате стихийных народных выступлений и собственных действий, революционеры оказываются вовлечены в противоречивый процесс, в ходе которого они с одной стороны стараются максимально разрушить прежние социальные и культурные отношения, но с другой – стремятся удержаться у власти, и, значит, должны эти отношения укреплять. Таким образом, срок революционных экспериментов оказывается неизбежно ограниченным необходимостью стабилизировать общество. В итоге к власти приходят сторонники жесткой системы управления страной, которые сворачивают эксперименты и объявляют все цели достигнутыми, одновременно усиливая государственный контроль над всеми сферами жизни, в результате чего устанавли-

---

³ Гломишток И. Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 15-36; Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 14-16; Котылев А.Ю. Системообразующие факторы языка искусства переходной эпохи (Россия 1917-1933) // Культурологические исследования. СПб., 1998. С. 262-268.

⁴ Руднев В. Указ. соч. С. 543-546.

ливается режим тоталитарного типа. Первый политический переходный период завершился в начале 30-х годов в связи с целым рядом процессов, которые, по представлениям марксистских ученых, знаменовали построение социализма.

Период становления советской культуры представляет взору современного исследователя сложное сочетание новационных претензий и архаических архетипических форм, в которые эти претензии отливаются. Позиция творца новой культуры характеризуется «тройным отказом» – он последовательно отвергает все культурные системы, сосуществующие в рамках новоевропейского культурного типа: традиционную, классическую и романтическую⁵. От двух последних советская культура унаследовала стремление создать «нового человека», которое становится частью космогонического проекта, основанного на социально-политических идеях. Это одновременно идеальная цель и способ самохарактеристики, позволяющий отмежеваться от всех тех, кто – не «мы». Вместе со «старым миром» в любых его вариантах новый человек отвергает и прежние отношения между людьми, объявляя этические нормы исторически и классово детерминированными, а, следовательно, относительными. Такая позиция, с одной стороны, развязывала руки и освобождала от ответственности за любые, в том числе преступные деяния, но при этом долгое время не позволяла упорядочить отношения среди самих новых людей, многие из которых были не прочь воспользоваться отсутствием общепризнанных этических норм в своих интересах. Это привело к созданию в большевистской партии специальной Контрольной комиссии и к проведению ряда дискуссий на темы новой эти-

---

⁵ Отношение к этим трем системам не было одинаковым. Наиболее радикально отвергалась традиционная культура, что проявилось в непримиримой борьбе с церковью и нетерпимом отношении к крестьянской культуре. Из классической и романтической систем заимствовались многие элементы, как осознано, так и бессознательно, но категорически не принимались в первой – иерархическая организация (ее воспримут в 30-е годы и утвердят как основу социокультурной системы), а во второй – доминирование личного начала, это в советской культуре не примут никогда.

ки⁶. Одна из центральных тем этих дискуссий касалась взаимоотношений мужчин и женщин и, следовательно, неизбежно выявляла представления нового человека о содержательном и формальном аспектах мужского и женского начал в современной ему и в грядущей (идеальной) социокультурных системах. В то же время, проблему существования и сосуществования полов ставил, в том или ином виде, каждый автор, изображавший «нового человека» или процесс его рождения. Одни из них воспринимали происходящее только в эсхатологическом духе, другие видели, прежде всего, «рождение нового светлого мира», для большинства же эти два мироотношения совмещались в различных пропорциях.

Двадцатые годы являются периодом небывалой свободы в половой сфере и с точки зрения поведения индивида, и с точки зрения возможностей культурного творчества⁷. Впрочем, последние не надо преувеличивать, так, поводом для высылки из страны П.А. Сорокина стало его исследование пореволюционной морали, вызвавшее недовольство Ленина⁸. Подобно всякой переходной культуре – наследнице «взрыва» – советская постреволюционная культура ориентированна на целый ряд возможностей развития, из которых осуществляются лишь немногие⁹.

---

⁶ Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Под ред. А.А. Гусейнова и др. М., 1989.

⁷ Богомолов Н.А. «Мы – два грозой зажженные ствола». Эротика в русской поэзии – от символистов до обэриутов // Литературное обозрение '91. № 11. С. 62; Эндерлайн Э. Эрос в русской утопии // Адам и Ева. 2001. № 2. С. 44-45.

⁸ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. № 3. С. 11-12.

⁹ «Момент взрыва – одновременно место резкого возрастания информативности всей системы. Кривая развития перескакивает здесь на совершенно новый, непредсказуемый и более сложный путь. Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой, даже принадлежащий другой системе, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку событий». (Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 28-29.).

Образы «старых» и «новых» людей

В основу послереволюционной организации российского общества был положен универсальный принцип разделения всех людей на «бывших» и «новых». Официально дифференциация производилась на основе классовой принадлежности. В реальности место человека определялось по множеству показателей: происхождению, профессии, партийности, религиозности, взглядам на происходящее, поведению и др. Новый принцип общественной организации был призван, в идеале, заменить все ранее существовавшие (в том числе и половой) до тех пор, пока все граждане мира не сольются окончательно в коммунистическом сообществе. В русле марксистско-ленинской диалектики классы объявлялись взаимоисключающими противоположностями, чья борьба имеет абсолютный характер, отличия между людьми по другим признакам представлялись случайными¹⁰. Однако снять половой вопрос с повестки дня не удалось, и деятелям новой культуры пришлось конструировать параллельно как мужские, так и женские образы.

Наиболее обобщенные типы людей создавались, наряду с философией, агитационной культурой, представленной в этот период множеством видов и жанров¹¹, своего рода квинтэссенцией которых был плакат. Для большинства плакатных образов характерно соединение обобщенных и конкретных черт, архетипичность, использование традиционной основы. Образу эпического героя (Рабочего, Красноармейца, Революционера, Вождя) здесь четко противостоит образ врага (Царя, Помещика, Буржуя, Кулака, Белогвардейца), отмеченного печатью телесного уродства, вырождения, принадлежности хтоническому миру¹². Фактически «бывшие» представлялись как уже похороненные объективным ходом исторического процесса, революцией и изо-

---

¹⁰ Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Большевик. 1925. № 5-6.

¹¹ Агитпропробота главполитпросвета. М., 1923; Агитационно-масовое искусство первых лет Октября. Материалы и исследования. М., 1971; Свердлов Б.Д. Советская пропаганда в 20-е годы. М., 1990.

¹² «Сердцем слушая революцию...». Искусство первых лет Октября. Л., 1985. № 18-22, 60-65. Конечно, в антибольшевистских произведениях оппозиции были перевернуты, и в виде звероподобного персонажа иного мира здесь выступал Комиссар.

бражались в момент смерти, агонии¹³. Женские образы в агитационных произведениях встречаются относительно редко, они менее разработаны и дифференцированы, играют, в большинстве случаев, второстепенные роли. Почти отсутствуют изображения женщин из враждебного лагеря, хотя его мужские представители иногда выведены в женском облике¹⁴. Доминируют женские образы только в произведениях, адресованных женской же аудитории¹⁵. Хотя плакатная образность оказала влияние на все виды художественной культуры 20-х годов прошлого века, проявив в себе многие черты авангардизма как такового, конечно, образная система того времени к ней не сводится.

За пределами агитационной культуры «бывшие» изображались во множестве вариаций, с самыми различными нюансами. Образы открытых врагов связаны, в основном, с произведениями о гражданской войне или о загранице, куда, после победы революции, переместился «старый мир». Характерной особенностью врага-мужчины является склонность к насилию над женщинами, причем даже своего круга. Именно так изображены белые в откровенно тенденциозных произведениях, как в романе В. Зазубрина «Два мира», или в более объективированных, как в повести Б. Лавренева «Ветер»¹⁶. В то же время, эти авторы, как и целый ряд других, не связывают данную склонность исключительно с образом врага. В более широком контексте, очевидно, что демонстрация сцен насилия есть способ изображения стихийной природы мужчины, освобожденной войной и революцией¹⁷. В пореволюционной культуре вы-

---

¹³ *Котылев А.Ю.* Репетиция Страшного суда (некоторые мысли о восприятии смерти в общественном сознании 20-х годов) // Семиотика культуры. III Всесоюзная летняя школа-семинар. 15-20 сентября 1991 г. Сыктывкар, 1991. С. 27-29.

¹⁴ На плакате В. Дени «Все в прошлом. (Современная переработка картины Максимова)» в женской одежде, в виде служанки буржуазии изображен Мартов, что удостоверено подписью. Очевидно, что здесь травестия призвана унизить политического оппонента.

¹⁵ «Сердцем слушая революцию...»... № 75, 82.

¹⁶ *Зазубрин В.Я.* Два мира. Горы: Романы. Иркутск, 1980. С. 12-18; *Лавренев Б.* Звездный цвет. М., 1987. С. 113-114.

¹⁷ *Веселый А.* Россия, кровью умытая: Роман. Фрагмент. М., 1990. С. 200, 232, 262, 297; *Бабель И.Э.* Пробуждение. Тбилиси, 1989. С. 138.

деляется целый тип «стихийного человека», с которым можно связать не только литературных героев, но и многих исторических персонажей¹⁸. Соответственно, поиск идеального образа «нового человека» зачастую шел по направлению преодоления стихийного начала максимальной упорядоченностью, дисциплиной. Не случайно для многих советских авторов образцом идеального мужчины становится главный борец с враждебным хаосом – чекист. В повести В. Зазубрина «Щепка» герой-чекист расстреливает коллегу вместе с подследственной, которую тот пытался изнасиловать, сопровождая свои действия рассуждениями о планомерности и организованности Революции, противоположной всякой стихии¹⁹. Авторы книги, описывающей грандиозный эксперимент по исправлению «старого» и созданию «нового» человека – строительство Беломоро-Балтийского канала, назвали представителей ГПУ «гвардией пролетариата», охарактеризовав их как творцов новых людей²⁰. А. Макаренко увидел в представителях органов безопасности вождьденный образец для своих воспитанников, который он искал восемь лет, описав заодно и антиидеал.

У чекистов очень высокий интеллект в соединении с образованием и культурой никогда не принимал ненавистного для меня выражения российского интеллигента. ... Теперь я видел другое: идеал не квартирант, а хороший администратор, он уважает соседский труд, он заботится о ремонте, об отоплении, у него всем удобно и приятно работать. ... У чекистов принцип – измерительный прибор, которым они пользуются так же спокойно, как часами, без волокиты, но и без поспешности угорелой кошки. ... Увидел я и много других особенностей: и всепроникающую бодрость, и немного-

---

¹⁸ Например, таких военачальников гражданской войны, как Чапаев, Котовский, Махно, Миронов, Сорокин, Кочубей и др. Образ жизни, который также может быть представлен как стихийный, вела значительная часть художественной богемы (круг Есенина и др.). Некоторые исследователи в расширительном смысле говорят об образе Человека-Зверя, характерном для искусства первых лет революции. (*Золотоносов М. Мастурбанизация. «Эрогенные зоны» советской культуры 1920-1930-х годов // Литературное обозрение '91. № 11. С. 93-94.*

¹⁹ *Зазубрин В.Я. Щепка. Повесть о Ней и о Ней // Зазубрин В.Я. Бледная правда: Художественная проза, публицистика. М., 1992. С. 45, 17.*

²⁰ *Беломоро-Балтийский Канал им. Сталина. История строительства. М., 1934. С. 14.*

словие, и отвращение к штампам, неспособность развалиться на диване или укладывать живот на стол, наконец, веселую, но безграничную работоспособность, без жертвенной мины и ханжества, без намека на отвратительную повадку «святой жертвы»²¹.

Параллельно в культуре 20-х годов выкристаллизовывался сходный, но несколько иной образ коммуниста, партийца. Его создание давалось с трудом не только художникам кисти и слова, но и партийным лидерам, непосредственно отвечавшим за облик члена партии. Образ, вырисовавшийся в ходе дискуссии о партэтике, получился скорее негативным, поскольку обсуждались почти исключительно недостатки партийцев. Из пяти «требований партэтики», обсуждавшихся на пленуме ЦКК РКП(б) в 1924 г., три начинались отрицающим рефреном: «Не коммунист тот ...», четвертое содержало полузапрет, и только пятое было вполне позитивным²². Если систематизировать эти качества партийца, то получится примерно следующее: человек, не преследующий в партии личных целей, не высокомерный с товарищами, не нарушающий дисциплину, не ставящий личное дело выше партийного, не знающий с классово чуждыми элементами, не имеющий лишнего, непьющий, не уделяющий много внимания половым связям, неверующий. Хотя принципиального различия между полами партийцев не делалось, речь в материалах дискуссии шла в основном о мужчинах и преимущественно с мужской позиции. Образ настоящего коммуниста в художественной культуре, воспроизводя эти качества, кроме того, неизбежно пролетаризировался и военизировался. К концу исследуемого периода он лишается не только львиной доли стихийности²³, но и рефлексивности, воплощаясь в фигуре Павки Корчагина: идеального исполнителя, совершенно равного своему действию, полностью принявшего тот взгляд на мир, который ему предложила Партия.

Было бы принципиально неверным свести образы «нового человека» исключительно к советским и партийным деятелям,

---

²¹ Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Сыктывкар, 1977. С. 618.

²² О партэтике // Партийная этика... С. 154.

²³ Характерным способом выявления правильности мужчины в литературном произведении становится «мужской разговор», в котором антигерой хвастается недолжными отношениями с женщиной, что вызывает негодование героя (произведения Б. Лавренева, Н. Островского и др.)

поскольку они начали формироваться задолго до советской эпохи и не исчезли с ее началом. Очень интересным по своим характеристикам является образ ученого-демиурга, создателя «нового мира». Данный тип появился на заре новоевропейской культуры, но именно в культуре XX века он получает законченное выражение. Соотнесенный с представлениями людей этого времени о сущности власти, он наиболее свободно и полно сформировался в фантастической литературной традиции²⁴, представленной произведениями А. Богданова, В. Брюсова, А. Толстого, М. Булгакова, А. Белыева. Наиболее сложным, инвариантным представляется образ профессора Преображенского из «Собачьего сердца» М. Булгакова. Будучи по поведению и образу жизни частью «старого мира», этот герой оказывается по результатам своих опытов гораздо более радикальным преобразователем, чем презируемые им большевики. Амбивалентным является также популярный образ авантюриста-мошенника, созданный в произведениях И. Эренбурга, К. Вагинова, И. Ильфа и Е. Петрова. Не принимающий участия в строительстве нового мира, стремящийся к собственной выгоде, этот персонаж неожиданно оказывается более близок по своим социокультурным характеристикам образу революционера, чем это можно было бы предположить по его отношению к советской власти²⁵. Для всех образов «нового человека»-мужчины характерно если не полное игнорирование взаимоотношений с другим полом, то отведение им незначительного места в жизни. До формы лозунга этот принцип доводят некоторые художники-авангардисты, противопоставившие культу женственности, характерному для предшествующего периода, идеал бесполого человека, наделенного, однако, несомненными мужскими качествами²⁶.

---

²⁴ Котылев А.Ю. План великих работ. Фантастические истоки советских природопокорительных проектов и сущность власти // История России сквозь призму борьбы за власть. СПб., 2004. С. 99-101.

²⁵ Он же. Игра об Остапе и Эдуарде // Арт. Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. 1998. № 4. С. 144-145.

²⁶ Горячева Т. «...Смотри, все стало мужским...» Мужское и женское начала в риторических жестах футуризма // Вопросы искусствознания. 1994. № 1. С. 214-219.

На фоне торжествующей мужественности образы «бывших» выделяются не столько приверженностью былому высокому идеалу, сколько его неуклонной трансформацией в нечто низкое и вульгарное. Постепенную деградацию таких носителей былой традиции показал в «Козлиной песни» К. Вагинов, прослеживая, как обытовление любви и жизни превращает человека в приспособленца, заставляя его отказываться от прежних устремлений. Возвышенная, достойная поклонения женственность могла сохраняться только в запредельном феерическом мире А. Грина. Каждый, приспособившийся к новым жизненным (социокультурным) условиям, воспринимал определенные черты «нового человека», специфически преломлявшиеся в масках спеца, нэпмана, интеллигента, мещанина. В то же время, для представителей революционизированного сообщества все они были носителями чуждой культуры и поэтому рассматривались как возможные источники «заразы», опасной для людей нового мира.

В еще более сложном положении оказались женщины. Не смотря на утверждение равенства, сообщества «новых людей» вовсе не были компромиссом между мужским и женским началами, напротив, в них обычно явно доминирует мужской тип поведения и мышления, заданный уже на уровне именований: «товарищ», «большевик», «член партии». Женщина, вступившая в такой «мужской союз», перенимала соответствующий тип поведения, часто одевалась по-мужски, часто стремилась к лидерству, пытаясь превзойти мужчин в мужественности. Признаки, по которым можно узнать новую женщину в большинстве своем не женские: кожанка, ремень, сапоги – это все элементы мужского образа, так же как курение самокруток и некоторые черты физического облика: короткая стрижка, отсутствие косметики, прокуренный, глухой голос. Эмансипированная женщина-товарищ выглядела мужеподобно, она хорошо вписывалась в военизированную культурную среду, но не в обычную жизнь. Трагедию подобной женщины, прошедшей через гражданскую войну, но не сумевшую приспособиться к мирной жизни, описывает в рассказе «Гадюка» А. Толстой²⁷.

---

²⁷ Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. М., 1983. С. 125-163.

Соединить мужской тип свободного поведения и женский эротизм было достаточно трудно. Это удастся сделать только в амбивалентном образе атаманши²⁸, характерном для советской литературы о гражданской войне. Атаманша является аналогом мужского типа стихийного революционера. Она не только часто командует мужчинами на войне, но и распоряжается ими в сексуальном плане, практикуя полиандрию. В отличие от «атаманш» идейные «партийки» были, как правило, лишены сексуальной привлекательности, которая мешала стать полноценным «товарищем».

Она была красива красотой здоровой тридцатидвухлетней женщины, несколько пышной и громоздкой, но все же привлекательной. Но сама она презирала эту красоту, как что-то стеснительное, мешающее ей жить по установленным для себя законам. И она нарочно носила простецкую замурзанную прическу, мешковатые бесформенные платья, подражала мужским манерам, и всякий намек на то, что она интересна как женщина, принимала за оскорбление. И в брачных отношениях она была равнодушно-холодна, относясь к ним, как к неизбежной, но не увлекающей ее обязанности²⁹.

«Новые женщины» часто платили за свое поведение и внешность отсутствием полнокровной личной жизни. Декларировавшие в идеале равенство, «партийцы» на деле предпочитали выстраивать интимные отношения с более женственными и, соответственно, менее равными им особами противоположного пола.

Секретарь местной ячейки тов. Зубова спросила: «Чем объяснить, что очень часто приходится слышать от наших партийцев: “Что комсомолка: грязное белье ... мужская шапка, да сапоги...” А какая-нибудь напудренная фитюлька в лодочках пользуется успехом...»³⁰.

С точки зрения некоторых авторов, женщина после революции освободилась вдвойне, так как дореволюционная поло-

---

²⁸ Этот образ имеет достаточно долгую романтическую предысторию. В переходные периоды Нового времени отдельные женщины получают возможность реализовать не столько эмансипационные, сколько матриархальные претензии, но только в рамках маргинальных сообществ, как пример асоциального поведения, чем и привлекают романтиков.

²⁹ Лавренев Б.А. Гравюра на дереве. Повести и рассказы. М., 1989. С. 158.

³⁰ На докладе тов. Залкинда «Половой вопрос с марксистской точки зрения» // Жизнь. 1926. № 1. С. 409.

вая жизнь простолюдинок была, по их мнению, сплошным сексуальным насилием, которое приравнивается к экономической эксплуатации. Соответственно, женщина должна была быстрее и полнее мужчин понимать суть происходящих изменений и активнее бороться за них³¹. Однако это требовало отказа и от половой жизни, и от женственности как таковой. Женственное начало устойчиво связывалось со старым миром, его носителями оказались почти исключительно «бывшие», умело использовавшие женские чары, как средство приспособления к новой социокультурной ситуации. Высмеивая в многочисленных карикатурах наряды «бывших», советские художники волей-неволей подчеркивают их изысканность, эстетизированность, женственность, противопоставленные бесформенности одежды своих женщин³². «Новая женщина» должна была или максимально уподобиться мужчине, или отказаться от активного участия в строительстве нового мира и своих эмансипационных претензий.

Ранняя советская культура недвусмысленно ориентирует «новых людей» на стирание различий между полами, которое осуществляется в разных сферах и на разных уровнях не одинаково. Наиболее радикальные авторы предполагали, что «новый человек» обретет единый физический облик, причем вовсе не обязательно атлетический, здоровый и красивый по классическим меркам.

Окончательный вид будущего человека через два миллиона лет будет приблизительно такой: большая куполовидная голова с малым почти безбородым лицом, с маленькими ушами и большими глазами. Все это находится на короткой грубой шее. Далее: очень широкие плечи и расширенные выступающие вперед груди, малые бедра и малые тонкие ноги, обязанностью которых будет переносить на небольшие расстояния вес большого мозга и большой груди с легкими ... руки в будущем станут тонкие и слабые³³.

---

³¹ Горький М. Рассказы о героях // Антология русского советского рассказа (30-е годы). М., 1986. С. 25-34.

³² Страницы советской сатирической графики. 1923-1930. М., 1991; Бродаты Л.Г. «Ее прозодежда» // Костин В.И. Среди художников. М., 1986. С. 89.

³³ І.Т. Якi будуть люде через два млн. років // Зоря. 1925. Ч. 1. С. 25.

Вне зависимости от конкретного источника подобного образа, очевидно, что он возник под влиянием как минимум трех идейных систем: с одной стороны несомненно воздействие наукообразных теорий эволюции, предполагавших продолжение трансформации человеческого тела, с другой – направление этого изменения задается техницистскими авангардными прагматическими идеями, рождавшими образ человека-машины (в данном случае человека как мозга машины), наконец, здесь чувствуется и влияние мистической философии начала XX века, рисовавшей образ идеального человека как андрогина (существа двуполого или бесполого, в любом случае преодолевшего половое различие)³⁴.

Однако более актуальными для культуры 20-х годов были попытки снять различие между полами в социально-политической области. Они относятся, прежде всего, к организации революционных и постреволюционных сообществ, вступая в которые, женщина автоматически уравнивалась в правах с мужчиной, поскольку в основе таких организаций лежал принцип равенства-братства. Очевидно, что этот принцип (как и ряд других: бедность, аскетизм, безстатусность) является архетипичным и воспроизводится всеми миллениаристскими сообществами³⁵. Доминирующим социокультурным типом личности в них является лиминал, объединяющий в ситуации данного периода все виды образов и ролей, ориентированных (целенаправленно или вынужденно) на поиск нового положения для себя и других, нового образа человека и мира. Конечно, количество людей внутренне сродненных с ситуацией перехода, было относительно невелико. Однако в отличие от Серебряного века они пришли на волне революции, потрясшей основания социокультурной системы, они имели дело с людьми, чье сознание в значительной степени было предуготовленно к переменам, они использовали наиболее эффективные политические, военные, террористические, пропагандистские способы

---

³⁴ Характерными являются взгляды на этот вопрос такого пограничного деятеля, как А. Блок. (*Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 67-81.*)

³⁵ *Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 179-184.*

воздействия на массы. Соответственно, роль революционных лиминалов в культуре оказалась иной, чем роль лиминалов художественных, что привело, помимо прочего, и к изменению половой ориентации культурного идеала.

Равенство неравных: особенности гендерных отношений

Женщине революция принесла формальное политическое равноправие (если она, конечно, происходила из трудящихся классов). Представительницы другого пола могли отныне не только избирать и быть избранными в органы власти, но и самостоятельно вступать в брак (и во внебрачные связи); выбирать фамилию, место жительства, гражданский статус; выходить в оплачиваемый отпуск по беременности и делать аборт. Впервые за многие века был отменен обязательный церковный брак. Правила расторжения брака были в революционной России самими либеральными в мире: достаточно было заявления со стороны одного из супругов, но многие представители революционной элиты вообще не считали нужным его оформлять³⁶. Разрушение прежней системы отношений полов сопровождалось резким возрастанием количества разводов и аборт, развитием проституции, общим падением нравственности, выразившимся в массовом несоблюдении традиционных норм поведения и правил светского этикета.

Некоторые современные социологи даже ввели для обозначения этого явления термин «дефамилизация», имея в виду кризис традиционной семьи³⁷. Многократные браки за короткий срок стали в 20-е годы нередки не только в городе, но и в деревне.

Были случаи в течение одного-двух годов революции, что некоторые женились по три, пять и более раз. Женщин меняли, как цыган – лошадей³⁸.

---

³⁶ *Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е.* Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // *Этнографическое обозрение.* 2003. № 4. С. 70-73.

³⁷ *Голод С.И.* Вопросы семьи и половой морали в дискуссиях 20-х годов // *Марксистская этическая мысль в СССР. Очерки.* М., 1989.

³⁸ *Зинин В.* Семейная жизнь деревни до и после революции // *Красная деревня.* 1924. С. 13.

В то же время, следует признать, что перемены касались в основном городского населения, подавляющее большинство крестьянок продолжало подчиняться в 1920-е годы не новым законам, но старым обычаям³⁹. Стремление к вступлению в неограниченное количество браков хорошо увязывается с установками «стихийного человека», воспринявшего революцию эсхатологически, рассматривавшего жизнь как сплошной праздник, остроту которому придавала близость смерти:

Свадьбы вихрем, сплошная гульба... Свадьба каждый час, каждую минуту... Невесты – за пучок пятачок... колец мы нарубили с пальцами у корниловских офицеров...⁴⁰.

Крушение прежней системы социальных отношений и распространение идеологии равенства всех и вся привели к возникновению множества союзов, направленных на преодоление социокультурных границ. При этом были популярны крайности: так в советскую культуру входит устойчивая пара «красноармеец-мусульманка»⁴¹. В одном из наиболее ранних представлений этого союза – рассказе Б. Лавренева «Звездный цвет» – красноармеец вступает в любовную связь с юной женой (третьей) старого бая, что сопровождается попранием целого ряда исламских законов и обычаев, многократно усиливая противостояние старого и нового миров инокультурностью партнеров⁴². В повести «Сорок первый» Б. Лавренев создает образцовый вариант другого неравного союза: красной и белого (революционизированной работницы и дворянина-офицера), человеческие чувства которых пробиваются наружу только в асоциальных условиях необитаемого острова. Завершиться такой союз мог только трагедией, связанной с гибелью одного или обоих партнеров.

После гражданской войны постепенно конституируется еще одна инокультурная среда, поставляющая половых парт-

---

³⁹ Люблинский П.И. Дискуссия о браке // Новая Россия. 1926. № 1. С. 23-30.

⁴⁰ Веселый А. Указ. соч. С. 200.

⁴¹ Конечно, это вариант архетипического романтического мотива, имевшего хождение и в российской культуре, наиболее популярным примером является, очевидно, союз Печорин-Бэлла.

⁴² Лавренев Б. Звездный цвет. М., 1987. С. 38-56.

неров, противопоставленных «новому человеку», – мещанство. Благодаря своей универсальности, обыденности и аморфности, оно не имело четких границ и явных показателей, противостояние ему опиралось на интуитивное неприятие определенного ряда вещей и поведенческих стереотипов⁴³. Не случайно влияние этой среды связывалось с представлением о незаметной медленной метаморфозе человека, что выражалось в понятиях «перерождение», «обрастание», «засасывание». Половой партнер-мещанин уподоблялся в этом случае хтоническому чудовищу, обольщающему героя и затягивающему его в жуткую трясику. В то же время, бытовизм мещанства и его несерьезные атрибуты устойчиво связывались с ироническим отношением к жизни, изображаясь, прежде всего, в комедийных, пародийных жанрах культуры. В произведениях М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова с мещанством связывалась чаще всего женщина, что системно оправдано, поскольку мещанство выросло на домашней, женской стороне мира. Создание семьи автоматически влекло за собой опасность бытового перерождения (и наоборот), как следует из знаменитого диалога с матрасом в «Двенадцати стульях»⁴⁴. Олицетворяя собой старый мир, мещанство демонстрировало его посмертную активность, проводником которой оказывался половой союз. В романе Вс. Иванова «У» в мещанскую среду вторгается психоаналитик, то есть человек, творящий «новых людей», демиург⁴⁵. Однако его попытка провести «психоанализ мещанства» и пере-

---

⁴³ Вещи в культуре переходного периода повышено семиотизированы, становясь выразителями определенного круга идей. Все они делятся на вещи старого и нового миров, подвергаются как переозначиванию, так и формальным трансформациям. Удачной представляется попытка рассмотреть эротические отношения 20-х в контексте семантического поля кровати. (Матич О. Суета вокруг кровати. Утопическая организация быта и русский авангард // Литературное обозрение' 91. № 11. С. 80-84.)

⁴⁴ Щеглов Ю.К. Комментарий // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1995. С. 227-228, 548-549.

⁴⁵ В 20-е годы психоанализ всерьез рассматривался как одно из возможных средств создания новой генерации людей. (Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 269-310.)

делать пленившую его женщину заканчивается крахом, выразившимся в череде комедийных побоев.

Официальный подход к проблеме половых отношений в 20-е годы характеризовался неоднозначностью, в нем прослеживаются несколько основных линий, иногда значительно расходящихся. Относительно едины идеологи и практики революционного преобразования мира были в отрицательном отношении к традиционной семье. Большевики, с их планами «реорганизации человека»⁴⁶, хорошо понимали необходимость разрушения традиционной культурной среды для достижения своих целей. Поскольку женщины наименее охотно участвовали в «строительстве новой жизни», им уделялось особое внимание. При органах партийной и советской власти в 20-е годы создаются специальные женские отделы, которые должны были организовывать работу исключительно среди женщин. Взамен прежнего феминистского движения создается новое политизированное и идеологизированное движение делегатов. Его участницы должны были регулярно сходиться на собрания, где с ними проводили занятия по политграмоте, разъясняли им политику партии и советского государства, призывали принять участие в очередных официальных кампаниях, которые в те годы проводились постоянно. Никаких властных полномочий делегатки не имели, по своей форме их собрания больше всего напоминали бы женские клубы, если бы не идеологический прессинг и откровенный антитрадиционализм, которыми сопровождалась их работа. Признавая в какой-то степени специфические условия жизни женщины, большевики принципиально отказывались признать особенности женской психики и культуры, поэтому деятельность делегатских собраний, имея цель повысить некий абстрактный уровень сознательности трудящихся, была стереотипной и непродуктивной, что хорошо видно по документам.

Заслушав доклад на тему «Религия и наука», делегатское собрание находит, что только наука несет освобождение человечеству в борьбе с природой, а религия является дурманом для ума и орудием угнетения трудящихся, а потому нужно бороться с ре-

---

⁴⁶ Плаггенборг Ш. Указ. соч. С. 68-73.

лигиозными предрассудками, являющимися наследием капиталистического строя⁴⁷.

Делегатские собрания почти не затрагивали специфически женских вопросов, которые если и ставились, то только в связи со стиранием половых различий в разных сферах жизни.

На женском делегационном собрании Домовской волости Мценского уезда крестьянским девушкам рекомендовалось: при выходе замуж не давать никакого приданного, так как это морально унижает женщину и создает раздоры при разделах⁴⁸.

По существу делегатки пытались подтянуть женщину до уровня сознательного мужчины, отказывая ей в праве на особый взгляд на мир и на специфический образ жизни. Проблема взаимоотношения полов была фактически вынесена за рамки «женработы», рассматриваясь в других сферах и на других уровнях официальной политики.

Придерживаясь принципа историчности морали⁴⁹, занимая последовательную антицерковную и антибуржуазную позицию, создатели нового мира должны были предложить принципиально новый подход к созданию полового союза, но сделать это было непросто. Творцы новой морали оказались в достаточно затруднительном положении. Они задолго до революции критиковали буржуазный брак как безнравственный и продажный; закономерно было предположить, что семья достаточно быстро исчезнет, уступив место новым коммунальным формам отношений. Семья подвергается атакам с различных мировоззренческих позиций. В повести В. Зазубрина «Общежитие» против нее выступают: врач, считающий, что она является причиной распространения венерических заболеваний и предлагающий внеполовой способ оплодотворения (иначе человечество погибнет); лектор партшколы, которому комму-

---

⁴⁷ Постановление делегатского женского собрания 1-го района г. Вологды по докладу о науке и религии. 28 июля 1924 г. // Культурное строительство на Севере. 1917-1941 гг.: Документы и материалы. Архангельск, 1986. С. 96.

⁴⁸ Не давать больше приданого // Крестьянка. 1923. № 1-2. С. 39.

⁴⁹ Ленин В.И. Задачи союза молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 308-309; Коллонтай А. Письма к трудовой молодежи // Молодая гвардия. 1922. № 1-2. С. 142.

низм представляется бессемейным обществом (семейная жизнь губит любовь); женщины и мужчины, на практике предпочитающие внесемейные связи (не говоря уже о практике взаимных измен, тоже семью не укрепляющих)⁵⁰.

Наиболее известной защитницей либеральных половых отношений была А. Коллонтай, создавшая в своих произведениях образ женщины, свободно меняющей половых партнеров и отстаивающей право коммуниста на любое количество связей⁵¹. Следует, однако, помнить, что подобное поведение не означало свободы от партийной дисциплины, оно выражало антибуржуазные взгляды автора и выступало как наиболее действенное средство разрушения традиционных норм поведения⁵².

Взгляд на семью как на отмирающий социальный институт разделяло большое количество революционеров, которые видели в ней, прежде всего, товарищеский союз, выступали за коллективное воспитание детей и против личной жизни как таковой⁵³. В вопросе о половых отношениях, как и во многих других, политические лиминалы старались быть прагматиками, как на уровне теоретическом, обосновывая необходимость поступать тем или иным образом, так и на уровне практическом. Конкретно-прагматический подход к сексу описан в рассказе П. Романова «Без черемухи», в котором юноша принципиально отвергает любые «добавки» к половому акту, будь то цветы, слова или поцелуи, не говоря уже о любви. Однако эта ситуация не удовлетворяет девушку, которая чувствует себя обделенной. Ей был навязан мужской стереотип поведения, половое равенство свелось к отказу считаться с ее запросами. Отличие мужской и женской позиции подчеркивает и героиня ро-

---

⁵⁰ Зазубрин В.Я. Общежитие // Зазубрин В.Я. Бледная правда... С. 69-87.

⁵¹ Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! Письмо к трудящейся молодежи // Молодая гвардия. 1923. № 3 (10); Она же. Любовь пчел трудовых: Из серии рассказов «Революция чувств и революция нравов». М.; Пг., 1923.

⁵² Э. Эндерлайн справедливо отмечает, что героини Коллонтай движимы не чувством или физиологическим влечением, а идеологическими убеждениями. (Эндерлайн Э. Указ. соч. С. 43.)

⁵³ Партийная этика... С. 167, 236-238, 262-264, 300-301, 311-315, 363-368.

мана Ф. Гладкова, требующая «взаимного влюбления», не желающая удовлетворяться плотским актом⁵⁴. Однако мужская точка зрения зачастую брала вверх, закрепляясь в виде общественного мнения. В рассказе П. Романова «Суд над пионером» организация предъявляет юноше обвинение в том, что он развращает романтическими отношениями пионерку, вместо того, чтобы удовлетвориться «физическим сношением»⁵⁵. Интересно, что любовь в этом произведении приравнивается юными большевиками к религии. То же отношение к этому чувству подметил у своих воспитанников Антон Макаренко: осуждая товарища, покончившего с собой из-за неразделенной любви, они утверждают, что девушка заменила ему Бога⁵⁶. На этих примерах хорошо видно, как прагматизм в представлениях «новых людей» легко оборачивается мистическим страхом перед всем, что не вписывалось в примитивные рациональные схемы, которым они пытались подчинить мир.

Неупорядоченные семейные отношения подрывали стабильность в стране и авторитет коммунистов, нарушали пресловутый принцип равенства, поскольку страдали от этой ситуации прежде всего женщины. С прагматических позиций, зачастую противоположных позициям идеальным, семью нужно было укреплять. Однако обосновать идеологически, почему нельзя иметь несколько жен или любовниц, почему коммунист должен отказываться от случайных связей с лицами противоположного пола, было непросто. Теоретики партэтики вынуждены делать это, опираясь на прагматические же доводы, звучащие достаточно наивно.

... эта область жизни слишком много у него отнимает времени и сил и голова его этой стороной жизни гораздо больше занята, чем интересами борьбы⁵⁷.

---

⁵⁴ Гладков Ф.В. Цемент. М.; Л., 1926. С. 9.

⁵⁵ Романов П.С. Избранные произведения. М., 1988. С. 185-194, 246-251.

⁵⁶ Макаренко А.С. Указ. соч. С. 375-376. Знаменитый педагог не видел принципиального различия в методах воспитания девушек и юношей, его «коллектив» был бесполом образованием.

⁵⁷ Сольц А.А. О партэтике // Партийная этика... С. 289.

В системе представлений политических лиминалов о семье, браке, половом союзе как бы сталкиваются два крайних стремления: к аскетизму и к максимально возможному отказу от прежних норм, соотносимым с представлением о свободе. В идеале новый человек должен был отдать всего себя, все силы делу коммунистического преобразования мира. С этой точки зрения, половые отношения должны были подвергнуться регламентации с тем, чтобы свестись к необходимому минимуму⁵⁸. Наиболее радикальный вариант упорядочивания половых отношений предложил видный ученый-экспериментатор 20-х годов, один из лидеров педологии А.Б. Залкинд, сочинивший половые заповеди пролетариата, в которых, вполне в духе того времени, не только утверждает классовый подход, но и пытается сделать из полового влечения средство выведения нового человека. Селекционные цели этого автора хорошо видны в тех выражениях, при помощи которых он описывает правила выбора партнера.

Половое влечение к классово-враждебному, морально-противоположному, бесчестному объекту является таким же извращением, как и половое влечение к крокодилу, орангутангу. ...

Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специального полового завоевания⁵⁹.

Классовая чуждость не является непременно следствием «эксплуататорского» происхождения, она подобна болезни, причем одновременно наследственной и заразной, и поэтому может проявиться почти у любого человека. Если насчет «мужественности» революционеров, большевиков, пролетариев сомнений вроде бы ни у кого не возникало, то носителями «женственности» они выступить никак не могли, — это качество почти безраздельно было присвоено представительницам иных социальных групп и иных культурных традиций.

Разве Давидсон не является истинной носительницей вечно женственного начала, воспетого поэтами доброго старого времени? Разве она не принесла с собой из седой старины в качестве

---

⁵⁸ *Он же.* О партийной этике // Там же. С. 263.

⁵⁹ *Залкинд А.Б.* Указ. соч. С. 36-37.

пережитков все то, что характеризовало женщину как представительницу слабого пола?⁶⁰

Это высказывание относится к женщине, покончившей с собой из-за семейных неурядиц. Отметим, эта женщина была комсомолкой, что не мешает автору представить ее носительницей старой культуры. Увлечение «новыми людьми» женщинами «старого мира» не могло не вызывать негативной реакции у идеологов «нового мира», которые вполне осознавали, насколько опасны эти привлекательные, но классово чуждые женщины.

Женщина буржуазного общества воспитана на том, что главная задача ее жизни – это «выгодная партия». Она достаточно умеет маневрировать своими «чарами», во всяком случае, достаточно, чтобы очаровать, победить и покорить иногда очень стойких и крепких революционеров⁶¹.

Соответственно множество статей и художественных произведений 20-х годов посвящено осуждению мужчин, которые вступают в связи с представительницами не своего класса. В частности особо порицаются разводы, при которых муж бросает жену-партийку, и оправдываются разводы с социально-чуждыми женами. Благодаря тому, что понятие «класс» имеет в культуре этого периода мистический оттенок, любая измена своему классу осмысливается как извращение сущности человека, нарушение истинного порядка вещей. На жизненном пути, особенно при отрыве от пролетарской среды человеку угрожает опасность «перерождения», многие виды которого (домашнее, мещанское, буржуазное) непосредственно связаны с женщиной. Вот характерный сюжет: рабочий поступает на рабфак, затем в институт, бросает жену и сходится с родственницей-купчихой, затем попадает «в чистку», исправляется, возвращается на завод и к прежней жене⁶².

Принципы организации новой семьи подсказывались не столько идеологическими соображениями, сколько отношениями революционеров в «партии нового типа», представляющей собой типичное милленаристское сообщество. В идеале семейные отношения «новому человеку» предлагалось вы-

---

⁶⁰ *Смидович С. О «давидсоновщине» // Партийная этика... С. 391.*

⁶¹ *Квиринг Э.И. Жены и быт // Там же. С. 364.*

⁶² *Ратнер Л. Не по пути // Рабочий журнал. 1925. № 4. С. 149-152.*

страивать по образцу отношений товарищеских, примером которых служил иногда брак Ленина с Крупской.

Это был настоящий союз двух товарищей, связанных общей работой, общими целями, союз, основанный на полном, безграничном уважении и настоящей любви друг к другу, прежде всего как людям и товарищам⁶³.

Товарищеский брак мыслился как союз неформальный⁶⁴, связанный, прежде всего, с моральными обязательствами, основой которых оставался принцип сотворения нового человека. Мужу предлагается воспитать жену, поднять ее до своего уровня, сделать из нее товарища, соратника.

Семья коммуниста должна стать прообразом маленькой коммунистической ячейки, она должна помогать осуществлять коммунизм⁶⁵.

Идеальным исполнителем этого плана стал классический герой советской эпохи Павел Корчагин, образ которого был создан на рубеже 20-30-х годов. Отвергнув классово чуждую первую любовь, пройдя через ряд увлечений женщинами-товарищами (в том числе своей партийной наставницей), этот персонаж женится на юной девушке с целью вырвать ее из мещанской среды. Строя совместную жизнь на «началах равенства», Павел помогает жене «вырасти в настоящего человека». Этапы этого роста естественно совпадают с карьерой: работница, активистка, член горсовета (работа в женотделе), член партии. Умирая, герой оставляет вместо себя вновь сотворенного человека: не ребенка, но женщину, «превратившуюся в большевика»⁶⁶.

Омужествление женщины в ходе ее превращения в «нового человека» могло привести и к перевороту социокультурных половых ролей, когда слабая женственная позиция доставалась мужчине. Традиционно такой переворот рассматривался в комедийном плане, что также имеет место в культуре 20-х годов (Б. Лавренев «Таласса», И. Ильф, Е. Петров «Золотой теле-

---

⁶³ Лядов М.Н. Вопросы быта // Партийная этика... С. 324.

⁶⁴ Кодекс о браке 1926 г. придал правовой статус фактическому браку, не нуждавшемуся в какой-либо официальной санкции. Он же отменил судебную процедуру расторжения брака. (Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Указ. соч. С. 73.)

⁶⁵ Сольц А.А. О партийной этике // Партийная этика... С. 263.

⁶⁶ Островский Н. Как закалялась сталь. Л., 1977. С. 294-305.

нок» – образы Лоханкина и его жены). Более интересной представляется ситуация, обрисованная в повести Б. Лавренева «Гравюра на дереве», в которой муж (революционер, большевик, красный директор) обвиняется женой-партработником в мещанстве, в перерождении, в измене (ей и идеалам революции одновременно) за склонность к чистоте и произведениям искусства⁶⁷. Мужеподобная женщина естественно оказывается более страстным защитником мужского политического идеала, чем сам мужчина. При его колебании, при малейшем отклонении от заданного пути она или подминает партнера под себя, лишая его всякой самостоятельности, или расстается с ним, отыскивая для себя новую пару соответственно своим представлениям о сверхмужчине.

Эксперименты в сфере половых отношений увлекали, прежде всего, молодое поколение, которое в значительной степени восприняло революцию как освобождение от гнета авторитета «отцов», как время великих творческих свершений. Основным способом реорганизации полового союза стал для молодых отказ от парного брака. В их системе представлений обязательность устойчивого союза двоих не находила убедительного обоснования, в то же время, она была дискредитирована традицией, а отказ от нее не только соотносился с освобождением от пут старого мира, но и сулил открытие новых форм человеческого общежития⁶⁸. Тесно связанная с идеями коммунальной, коллективистской жизни, форма группового полового союза в определенном ракурсе предстает как отмена брака вообще, как торжество своего рода промискуитета. Однако в реальном культурном контексте групповой брак неизбежно обретает некоторую организованность, подчиняясь вновь возникшим правилам, иные из которых представляются весьма архаичными. Наиболее распространенным в 20-е годы является вариант «одна женщина – несколько мужчин». В романе К. Вагинова «Козлиная песнь» изображена коммуна, в которой трое «безумных юношей» разных занятий имеют

---

⁶⁷ Лавренев Б.А. Гравюра на дереве... С. 166-213.

⁶⁸ Щекин М. Как жить по-новому: семья, любовь, брак, проституция. Кострома, 1923. С. 50.

общую жену студентку-педагогичку, ведущую их хозяйство⁶⁹. В этом случае, очевидно, воспроизводится архетипичная форма мужского союза или братства, характерной чертой которого является как раз дележ женщины. Современные исследования показывают, что именно в революционные эпохи Нового времени такие союзы получают широкое распространение⁷⁰. Другой прагматический вариант группового союза представлен в повести А. Мариенгофа «Циники», где героиня, руководствуясь различными соображениями, собирает вокруг себя несколько разношерстных любовников (доцента, комиссара, нэпмана), управляя ими и сталкивая между собой.

Несколько иной (более экспериментальной) формой представляется любовный треугольник, создание которого опиралось на философско-художественную традицию предшествующего периода и уже вследствие этого не могло быть случайным, неотрефлексированным событием⁷¹. Наиболее известным его вариантом стал «брак втроем», изображенный сценаристом Б. Шкловским и режиссером А. Роомом в кинофильме «Третья Мещанская» (название сценария «Любовь втроем»)⁷². Известно, что прообразом авторам послужил самый знаменитый треугольник в художественной авангардной среде того времени: Осип Брик – Лиля Брик – Владимир Маяковский. Это дало возможность исследователям увидеть в фильме поведенческий эталон для молодежи или пародию на известных людей⁷³. Культурная ситуация, возникшая в связи с созданием фильма, представляется более сложной, хотя она включала в себя и эти элементы. Любовный кино-треугольник был изображен в среде противоположной той, где существовал треугольник поэтический, соответственно это его перевернутый

---

⁶⁹ Вагинов К.К. Указ. соч. С. 94-99.

⁷⁰ Дарнтон Р. Братство: взгляд еретика // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 233-238.

⁷¹ Богомолов Н.А. Указ. соч. С. 60-61; Котылев А.Ю. Рената и Черубина... С. 137-147.

⁷² Кино. 1926, 14 сент. С. 1-2; Шкловский В.Б. За сорок лет. М., 1965. С. 107.

⁷³ Пушкиарева Н.Л., Казьмина О.Е. Указ. соч. С. 72; Матич О. Указ. соч. С. 84.

вариант. Авторам важно было показать, что возникновение этого треугольника происходит естественным путем, на бытовой основе, вне зависимости от какой-либо идеологии.

Действие начинается с встречи двух рабочих, в прошлом – боевых товарищей, один из которых приглашает другого разделить с ним жилье, а затем вынужден делить и женщину, хозяйку (и своего рода принадлежность) этой жилплощади. Именно женщина, вовсе не мужчины-пролетарии, является поначалу носительницей мещанства, тесно связанного с домашним мирком, в котором она существует, в который заманивает мужчин ради низменных плотских наслаждений. Возникший треугольник не вписывается в этот мир, предназначенный для парного брака, ломает его, ставя женщину перед необходимостью выбора. Здесь в фильме происходит переворот ролевых оппозиций: женщина поднимается над ограниченностью мужчин, именно она оказывается носительницей новой жизни, в прямом и переносном смысле. Отказавшись от аборта, она покидает мещанский мирок, унося в себе «пролетарское семя», которому суждено взойти уже в большом мире. Любовный треугольник служит здесь средством разрушения стереотипных отношений и старой культурной среды, но он же указывает на возможность возникновения новых отношений в иной среде, до которых мужчины в фильме подняться не смогли.

Интересно, что, как и в культуре Серебряного века, форма любовного треугольника сохраняет свою художественную и социальную значимость. Однако если в предшествующий период она при переходе из жизни в искусство возвышала свои прототипы до уровня идеальных образов, то теперь она их снижает: поэт, кумир молодежи и теоретик нового искусства преобразуются в простых рабочих, а покорительница богемных сердец – в домохозяйку. Для Шкловского и снижение персонажей, и само возникновение треугольника являются примерами использования «приема остранения», действенность которого распространялась, по его мнению, как на социальную жизнь, так и на художественные произведения⁷⁴. Логика развития революционной культуры перевернула социокультурные оппо-

---

⁷⁴ *Парамонов Б.М.* Конец стиля. М.; СПб., 1999. С. 32-33.

зиции, переориентировав лиминалов с устремления «вверх» на движение «вниз».

В то же время, они продолжают реализовывать план, намеченный предшественниками. Демистифицировав и приземлив человеческие отношения, лиминалы 1920-х добиваются получения конкретных результатов: союз Брики – Маяковский продержался дольше, чем аналогичные конфигурации начала века, возможно, благодаря обытовлению. Это не спасло его от кризиса, который особенно болезненно переживал Маяковский, попытавшийся к концу жизни перестроить треугольник, став его мужским центром, что, возможно, получило выражение в его предсмертной записке: «...моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская»⁷⁵.

Действительно одухотворенный любовный союз мог возникнуть в этот период только в виртуальном эпистолярном пространстве, где его члены были отделены друг от друга расстояниями и границами. Примером отношений такого рода может служить треугольник Борис Пастернак – Райнер Мария Рильке – Марина Цветаева. Характерно, что Пастернак и Цветаева встречались за несколько лет до заключения этого союза, но не произвели друг на друга никакого впечатления. Ощущение взаимосвязанности пришло к ним только благодаря знакомству с творчеством партнера⁷⁶. Полу здесь придается мистическое значение, как подарку судьбы.

Как удивительно, что ты – женщина. При твоём таланте это ведь такая случайность!⁷⁷

Несмотря на разделяющее их расстояние, отношения между партнерами были очень страстными, пройдя путь от «слияния душ» до охлаждения и разрыва. Рильке Пастернак считал своим учителем, приписывая ему определяющее влияние на формирование «основных черт характера» и «всего склада духовной жизни»⁷⁸. Вовлекая в тройственный союз Цве-

---

⁷⁵ Каверин В. Эпилог: Мемуары. М., 1997. С. 115.

⁷⁶ Азадовский К.М., Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Вступление // Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. М., 1990. С. 23-24.

⁷⁷ Там же. С. 56.

⁷⁸ Там же. С. 62.

таеву, Пастернак делает ее посредницей между мужчинами, отводя ей тем самым центральную роль, на которую Цветаева поначалу с восторгом соглашается, также полагая себя ученицей немецкого поэта, которого наделяет чертами, ценными в культуре прошедшего Серебряного века.

Вы – воплощенная поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение. Райнер Мария – это звучит по-церковному – по-детски – по-рыцарски. Ваше имя не рифмуется с современностью, – оно – из прошлого или будущего – издалека⁷⁹.

В дальнейшем поэтесса увлекается идеей союза двух миров, один из которых – Россию – она желает олицетворять полностью, с чем связана попытка «оттеснения» Пастернака⁸⁰. Полный развал союза происходит со смертью Рильке.

На этих примерах хорошо видно, что формирование гендерных отношений в социокультурной системе пореволюционной России происходило в сложном противоборстве разнонаправленных векторов развития. Продолжая наиболее радикальные эксперименты Серебряного века, политические лиминалы отвергали его как целостность. Идеи преобразования мира реализовывались в наиболее простой и грубой форме, утверждая приоритет мужского начала под видом бесполого равенства и партийного братства. Однако женское начало в культуре получало при этом определенные компенсации, как в сфере взаимоотношения полов, так и в сфере идей.

Трансформации Вечной Женственности

Женское начало, ниспровергнутое в ходе первой мировой и гражданской войн как культурная доминанта, архаически оценивалось в культуре 1920-х как опасное, влекущее человека к беде и смерти. Выше уже отмечалось, что женственное устойчиво соотносилось со старым миром, чуждым классом, выродившимся искусством, отжившей моралью, мещанством. Носителем опасности была и конкретная женщина, которая, если и не выступала прямо в роли палача своего возлюбленного, подобно Марютке в «Сорок первом» Б. Лавренева, то все

---

⁷⁹ Там же. С. 85.

⁸⁰ Там же. С. 196-198.

равно часто приводила его к гибельной, или, по меньшей мере, кризисной ситуации⁸¹. Женщину также часто обвиняют в эти годы в нежелании жить по-новому, в срыве различных миропреобразовательных мероприятий. Особенно характерно обвинение в разрушении проектов коммунальной жизни. Так, один из организаторов толстовских коммун утверждает:

Так кончилась наша коммуна. Большую роль в неудаче нашей коммуны сыграли женщины. Им чужды и непонятны были волновавшие нас вопросы о собственности, о коммуне, об общем труде, о воспитании детей и другие важнейшие коренные вопросы жизни. Они остались на прежнем уровне привычной обособленной крестьянской жизни⁸².

Идеал Вечной Женственности не только не являлся для «нового человека» приоритетным, но и всячески высмеивался. Однако есть основания полагать, что он был не просто вытеснен из сознания людей и системы культуры, но подвергся ряду последовательных трансформаций, обретя новый образ и новое место. Начало этому процессу положили сами символисты, посмеявшие увидеть в революции реализацию своих идей. Особо здесь следует выделить фигуру А. Блока, которого молодые современники считали «подлинным женихом» и «последним рыцарем» Прекрасной Дамы⁸³. Блок воспринял революцию как стихийный, музыкальный процесс формирования нового человека, проснувшегося от векового сна цивилизации, обосновал в своих поздних произведениях необходимость его бесполости, пришедшей на смену андрогинности Серебряного века⁸⁴. Проявив незаурядную интуицию, Блок, тем не менее, преувеличил степень готовности революционера к отказу от своего пола и сам оказался не готов к торжеству неприкрытой мужествен-

---

⁸¹ Подобный итог полового союза изображен в произведениях А. Веселого, А. Мариенгофа, К. Вагинова, А. Макаренко, И. Ильфа, Е. Петрова, А. Толстого, П. Романова, М. Шолохова и других авторов. Он слишком часто встречается в художественной литературе 20-х, чтобы считать его просто традиционным сюжетным ходом, широко распространен и в публицистике.

⁸² *Моргачев Д.Е. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. М., 1989. С. 266.*

⁸³ *Форш О.Д. Сумасшедший корабль: Роман. М., 1990. С. 65.*

⁸⁴ *Эткнд А. Содом и Психея... С. 61-81.*

ности в культуре. Возможно, с этим был отчасти связан душевный кризис последних лет его жизни. Обосновать изменившийся характер связи человека с женской сущностью мира должны были уже представители нового поколения, мыслящего иными категориями.

Новая культурная ситуация привела к изменению представлений о таких ключевых сущностях как «Искусство» и «Жизнь», что метко выразил в своей шутке Сергей Эйзенштейн.

Станиславский написал книгу «Моя жизнь в искусстве», а я назову свою систему «мое искусство в жизни»⁸⁵.

Жизнь отныне доминировала над искусством, навязывая ему свои правила и формы, но и сама она все чаще рассматривалась через призму социально-экономического закона, подчинявшего ее женственную стихийность своей мужской логике. Противоречивость эпохи ярко выразилась в судьбах многих выдающихся художников и писателей 20-х. Павел Филонов, посвятивший всю свою жизнь аскетическому служению Искусству, в программных заявлениях, насыщенных квазимарксистскими риторическими фигурами, утверждал подчинение искусства иным целям и сущностям, обозначая его инструментальный характер.

Искусство в целом и любое его произведение в отдельности есть производное из суммы внешних, действующих на интеллект, и внутренних интеллектуальных данных и условий, и действует как психологический, общебытовой, общесоциальный, классово-бытовой и классово-социальный фактор⁸⁶.

Характерно, что на протяжении 1920-х П. Филонов постепенно отказывается от идеи сочетания мужского и женского начал в своих космологических произведениях. Если в картинах «Мужчина и женщина» (1912-1913), «Святое семейство» (1914) эта идея доминирует, то в работах «Люди», «Одиннадцать голов» (начало 1930-х) подчеркнута мужественная однополость мира и человечества. Эта эволюция художника может быть связана

---

⁸⁵ Александров Г.В. Эпоха и кино. М., 1976. С. 59.

⁸⁶ Филонов П. Понятие внутренней значимости искусства как действующей силы (1923) // Мислер Н., Боулт Дж.Э. Филонов. Аналитическое искусство. М., 1984. С. 200.

и с его переходом от веры в Бога к атеизму⁸⁷. Отказ от «женской темы» был характерен для многих представителей художественной культуры этого периода, прежде всего, молодых.

Несколько хуже, что с темой женщины они расправились соответственно. Они запомнили женщину на фронтах, в безликости беженства, худосочии голода, добычи пайков, и женщина, полнокровная родоначальница и любовь, в наказание за небрежность трактовки, за невыделенность, недооценку ее темы, женщина сама ушла с их страниц...⁸⁸.

Устойчивую связь художественного и женского начал демонстрирует в повести «Гравюра на дереве» Б. Лавренев, озабоченный возможностью ее разрыва. Главный герой повести, заслуженный большевик и директор треста Кудрин неожиданно вспоминает свою парижскую художественную молодость, когда рядом с ним была не мощная жена-товарищ, а «худенькая большеватая девчужка». Поводами для этого воспоминания и последующего жизненного переворота послужили: спор со спецом о половом вопросе, ссора с женой из-за разных взглядов на быт и гравюра с иллюстрацией к «Белым ночам» Ф.М. Достоевского.

Чуждое искусство!.. Больше того – враждебное. ... Но какая сила в этой чуждой вещи! С каким трагичным пафосом художник умирающего общественного строя умеет выразить его обреченность, и как наши художники бессильны пока передать с такой же силой подъем на вершины жизни... Почему? В чем причина?.. Что так поражает меня в этой девушке? Эта изумительная выразительность внутренней катастрофы человека, безысходности страдания?⁸⁹

Узнав историю изображенной девушки, фактически доведенной до самоубийства полусумасшедшим отцом-художником, пережив душевный кризис и расставшись с женой, Кудрин решает оставить свой ответственный пост и вернуться к художественному творчеству, чтобы навести в его сфере марксистский порядок. Пытаясь копировать поразивший его образ, он с удивлением видит, как вместо чуждой отчаявшейся девушки из-под его карандаша выходит старый радостный рабочий-рацио-

---

⁸⁷ Ковтун Е. Филонов и его дневник // Филонов П. Дневник. СПб., 2000. С. 60-65.

⁸⁸ Фори О.Д. Указ. соч. С. 119-120.

⁸⁹ Лавренев Б.А. Гравюра на дереве... С. 146.

нализатор, создатель глиномешалки⁹⁰. Эта классово-половая метаморфоза должна выразить тот путь, который проходит художник, превращающийся из открывателя (создателя) иных миров в иллюстратора политических идей.

Стихийное преклонение революционера перед вечноженственным ярко изобразил А. Платонов в романе «Чевенгур». Герой этого произведения «сирота земного шара», «международный революционер», «полевой большевик» Копенкин путешествует по белу свету, ликвидируя несправедливость во имя своей «невесты» Розы Люксембург, на могиле которой он собирается принести в жертву всех ее палачей в виде мировой буржуазии, офицеров, бандитов, Англии и Германии⁹¹. Социализм Копенкин понимает как «пейзаж», в котором Роза сможет возродиться или воскреснуть⁹². Погибшая возлюбленная является персонификацией коммунизма, кроме того, она отождествляется героем одновременно и с революцией, и с матерью.

Копенкин любил мать и Розу одинаково, потому что мать и Роза было одно и то же первое существо для него, как прошлое и будущее живут в одной его жизни. Он не понимал, как это есть, но чувствовал, что Роза – продолжение его детства и матери, а не обида старушки⁹³.

Сведением женского начала к материнскому, производительному, плодородящему, отличаются произведения Н. Клюева, прозревавшего «русские корни революции» и отметававшего за ненадобностью всех дам, роз и дев как это было подмечено еще Ольгой Форш⁹⁴.

Наиболее откровенно мистическое отношение революционера к проблемам пола описал В. Заzubрин в произведении «Щепка. Повесть о Ней и о Ней». Главный герой, председатель чрезвычайной комиссии, терпит крах в личной жизни, поскольку

---

⁹⁰ Там же. С. 218-219.

⁹¹ Образ Копенкина соотносим с образами многих романтических революционеров, которые подобно герою светловской «Гренады» в идеале помолвлены с «красивым именем», а в действительности – со смертью.

⁹² Платонов А. Чевенгур: Роман // Дружба народов. 1988. № 3. С. 115, 123, 130-140; № 4. С. 59.

⁹³ Там же. № 3. С. 146.

⁹⁴ Форш О.Д. Указ. соч. С. 122.

ку его жена оказалась мещанкой, пытающейся использовать положение мужа в личных целях⁹⁵. Присутствуя по долгу службы на расстреле, чекист испытывает острое сексуальное влечение к приговоренной девушке, синеглазой блондинке, с волосами до колен (символической персонификации России?). Ощувив неуверенность расстрельной команды, проявившейся после просьбы девушки сохранить ей жизнь, он собственноручно убивает ее, после чего ее образ начинает преследовать его в кошмарах. Единственное существо женского рода, союз с которым герой считает нерушимым – это Революция. Отвергая образ революции в виде девы с идеальной фигурой, Зазубрин (Срубов) описывает ее как великую языческую богиню, кровожадную и безжалостную как к своим врагам, так и к своим слугам. Раблезианские мотивы сочетаются здесь с индустриальным космизмом.

Для меня – Она баба беременная, русская, широкозадая, в рваной, заплатах, грязной, вшивой холщовой рубашке. И я люблю Ее такую, какая Она есть, подлинную, живую, невыдуманную. Люблю за то, что в Ее кишках огромное урчание, как раскаты грома, что Ее желудок варит, как доменная печь, что биение Ее сердца, как подземные удары вулкана, что Она думает великую думу матери о зачатом, но еще не рожденном ребенке. И вот трясет она свою рубашку, соскребает с нее и с тела вшей, червей и других паразитов – много их присосалось – в подвалы, в подвалы⁹⁶.

Мистический брак с Революцией требует от человека невозможных усилий, абсолютной жертвенности и неизбежно ведет его к гибели. Смерть становится уделом не только жертв – контрреволюционеров, но и палачей – революционеров. Здесь напрашивается отождествление с архетипическим образом, фактически революция – это смерть, беременная будущей жизнью. Философия Срубова – это своего рода танатология эроса, перевернутый вариант философии жизни. Соединение с вечно-женственным здесь не возвышает человека до слияния с духов-

---

⁹⁵ Единственная женщина, с которой Срубов поддерживает хоть какие-то отношения, это его мать, живущая вместе с ним. Отца Срубова арестовывает и расстреливает его коллега-чекист, друг детства, который сам сообщает ему об этом событии.

⁹⁶ *Зазубрин В.Я. Щепка... С. 21.*

ным началом, но втаптывает его в грязь, превращая в почву, из которой вырастут новые поколения. Характерным является также представление в одном из кошмаров Срубова революции в виде машины.

Видит Срубов во сне огромную машину. Много людей на ней. Главные машинисты на командных местах, наверху, переводят рычаги, крутят колеса, не отрываясь смотрят вдаль. ...Нижние грузят топливо, качают воду, бегают с масленками. Все они черны от копоти и худы. И в самом низу, у колес, вертятся блестящие диски-ножи. Около них сослуживцы Срубова – чекисты. Вращаются диски в кровавой массе. Срубов приглядывается – черви ⁹⁷.

Союз человека с Машиной стал одним из главных компонентов европейской авангардной идеологии, получившей значительное распространение в России после революции. Выдвинувшись на доминирующие позиции в эпоху тотального овеществления культуры, машина быстро превращается в «первовещь», не только становясь главой в иерархии артефактов и важнейшим средством их создания, но и обретая сверхчеловеческие качества, позволяющие из слуги человека стать его идеалом и мерой ⁹⁸.

...но история настоятельно требует ставить не эти маленькие проблемы социальной охраны личности, а скорее смелого проектирования человеческой психологии в зависимости от такого решающего фактора как машинизм ⁹⁹.

Союз с Машиной, безличностной, бесполой, бездушной, динамичной и производящей в идеологии марксистов, футуристов, конструктивистов рассматривался в данный период как средство создания «нового человека». Эта мифологема проявилась в творчестве В. Ленина, В. Мейерхольда, А. Родченко, В. Маяковского, С. Эйзенштейна и десятков других авторов ¹⁰⁰.

---

⁹⁷ Там же. С. 36.

⁹⁸ *Мазаев А.И.* Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М., 1975. С. 48-67; *Котылев А.Ю.* Системообразующие факторы языка искусства... С. 264.

⁹⁹ *Гастев А.* Наши задачи. М., 1921. С. 10.

¹⁰⁰ В определенных культурных контекстах Машина могла выступать как носитель мужского начала, например, при противопоставлении женственной среде российского села мужественного натиска технической цивилизации. «Раздавит раскатистый трактор насмерть

Она закрепилась в советской культуре на все десятилетия ее существования, в новых формах она действенна по сей день.

Союз с высшим женским началом, с точки зрения «нового человека», не по силам обычному индивидууму, который непременно должен переплавить свое слабое «я» в могучее «мы», олицетворенное классом, отрядом, коллективом, организацией. Постепенно идея организации, как высшего упорядочивающего начала, оттесняет на второй план идеи торжества стихии и свободы, подменяя органичность и естественность – иерархичностью и управляемостью. На протяжении 20-х годов образ Революции постепенно оттесняется образом Партии, вступление в которую представляет собой вариант мистического брака (это одно из главных «таинств», доступных простому человеку в советской культуре), изгнание из которой (оформленное экзорцизмом «чистки») равносильно политической смерти. С первых послереволюционных лет в культуре начинает утверждаться сакральная пара «Партия – Вождь». Н. Тумаркин прослеживает, как происходит отождествление Ленина с партией, относя его возникновение к покушению на вождя в 1918 г. В образе Ленина выделяются две ипостаси: человека, аскетично и предано служащего Партии, и космического бессмертного Вождя, равного ей по своей демиургической мощи¹⁰¹. Знаменитое определение В. Маяковского «Партия и Ленин – близнецы-братья» указывает на половую однородность (бесполость, андрогинность) этого союза, в котором его персонифицированная часть была способна вызывать человеческие чувства. В любви к вождю могли признаваться как мужчины, так и женщины. Если первые выступают при этом коллективно, говоря «от имени» и «по поручению» класса, группы, предприятия, то вторые иногда вкладывают в признание более интимный смысл, как героини А. Коллонтай¹⁰². В частушке тех лет пели:

раскоряку соху» (*Герасимов М. Деревня все так же... // В политехническом. 1987. С. 230.*)

¹⁰¹ *Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 80-89, 123-124.*

¹⁰² *Коллонтай А.М. Любовь пчел трудовых... С. 50.*

Я теперча не твоя, я теперча Сенина,
Он вчерась водил меня слушать речи Ленина¹⁰³.

Мистический союз (близнечество) партии и вождя представлял собой новый революционный вариант целостного человека, центра универсальной структуры, вступив в которую каждый мог обрести свое место в новом мироздании, а вместе с ним и смысл жизни. Идея индивидуального союза творческого человека с Вечной Женственностью трансформировалась в идею фиксированного членства в квазирелигиозной организации. Постепенно разраставшаяся в культурном пространстве сакрализованная фигура Вождя узурпировала право на сверхчеловеческие качества, отчасти присвоив их себе, отчасти взяв под контроль процесс создания культурных героев. Стремление власти к полному контролю над людьми привело к попытке концентрации эротической энергии на идеологических целях¹⁰⁴, связанной с нивелированием личности, утверждением официального стандарта внешнего выражения положенной любви.

Исследование формирования социокультурных половых представлений в России первой трети XX века показывает, что он имел сложный, многомерный характер, не сводимый к какой-либо одной системе показателей. Предоставление большинству мужчин и женщин равных политических прав после революции 1917 г. не привело к возникновению ситуации действительного равенства не только в силу инерции и приверженности традициям, но и потому что сообщество преобразователей было ориентировано на определенную половую доминанту. Социокультурная система Серебряного века, несмотря на отсутствие в этот период формального равенства мужчин и женщин, создавала большие возможности для творческой реализации последних, чем послереволюционные годы, в которые эмансипированная женщина почти неизбежно попадала под влияние мужского идеала, мужских стереотипов мышления и поведения. Развитие массового женского движения в 20-е годы было жестко подчинено идеологическим установкам. Его организаторы слабо учитывали собственно женские

---

¹⁰³ Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 27.

¹⁰⁴ Эндерлайн Э. Указ. соч. С. 52.

интересы и практически никак не способствовали развитию женской культуры, существование которой даже не признавалось. Свобода половых отношений негативной стороной обернулась, прежде всего, к женщинам. Это проявилось как в отказе «нового мужчины» считаться с собственно женскими запросами, так и в правовой незащищенности женщины, часто превращавшейся в мать-одиночку¹⁰⁵. Увлечение половым вопросом сочеталось в культуре с аскетическим аэротизмом, со стремлением свести отношения полов к физиологическому акту. Общее преобладание мужского в культуре, проявлявшееся везде: начиная от этикетных образцов и заканчивая идеологическими постулатами, было связано как с социокультурными обстоятельствами, «востребовавшими мужчину», так и с ниспровержением ценностного культурного идеала, который был отчетливо связан с женским началом. Было бы неверно, однако, называть социокультурную систему 20-х «патриархальной», поскольку этот термин обозначает, прежде всего, традиционную отцовскую власть, против которой революционеры выступали еще более непримиримо, чем феминистки¹⁰⁶. Изменение превалирующего начала в культуре было связано и со сменой ее приоритетных сфер. Места искусства, философии, религии занимают политика, наука, идеология, что выразило переориентацию социокультурной системы в целом. Доминирующая мужественность, характеризующая следующий исторический период, отражала формирование тоталитаризма.

---

¹⁰⁵ При декларированных властью любви и вниманию к детям, отношение к ним в 20-е годы было достаточно прохладным. Обзаведение новыми детьми не поощрялось обществом не только в силу экономических трудностей, но и потому, что сами взрослые рассматривались как своего рода дети, нуждавшиеся в перевоспитании, а для выведения и воспитания «правильных» детей требовалось создание принципиально новых средств. Теории евгеники имели тогда достаточно широкое хождение, получая популяризацию в произведениях литературы. (*Третьяков С.М. Хочу ребенка // Современная драматургия. 1988. № 2. С. 221.*)

¹⁰⁶ Очевидно, в науке назрела необходимость создания гибкой гендерной типологии социокультурных образований на основании критериев, определяющих относительную мужественность или женственность.

С.Ю. Малышева

Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре

Согласно ставшему уже классическим определению Джон Скотт, одним из важнейших элементов гендера являются «культурно доступные символы, которые задействуют многочисленные (и часто противоречивые) репрезентации»¹. Комплекс культурных символов, являясь продуктом социальных отношений, в то же время играет немаловажную роль в процессах их конструирования, трансформации, а также в процессах легитимации власти. И его значение многократно возрастает в революционные эпохи, когда сотворение нового «символического универсума» во многом обуславливает социализацию индивида в новом обществе².

Революционные празднества и праздничная культура первого советского десятилетия представляли собой то поле, в пространстве которого осуществлялось сотворение советского символического универсума, и происходила трансляция комплекса культурных символов в широкую социально-культурную сферу. Мир праздничных символов эпохи революций и войн в полной мере подтверждает тезис Скотт о множественности и противоречивости восприятия образов в рамках одной и той же – в данном случае нарождавшейся советской – культурной традиции.

Первое, что бросается в глаза при анализе визуальной составляющей праздничного дискурса первого советского десятилетия, – это обилие женских образов или феминизированных символов. Причем, нередко речь идет о таких весьма значи-

---

¹ *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. Ч. 2. С. 422.

² *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М., 1995. С. 160, 167-168, 254-259.

мых, ключевых для нового символического универсума аллегорических понятиях, экзистенциалах³, как Свобода, Революция, Победа и т.д.

Подобные аллегорические персонажи были особенно широко представлены в петроградских «великих празднествах» периода «военного коммунизма». В петроградской инсценировке «К мировой Коммуне» у Фондовой биржи (1920 г.) аллегорические фигуры десяти «Дев Победы» появлялись то на парапетах, то на ростральных маяках, трубя в «золотые» трубы. В одной из финальных сцен эти «Девы Победы», проезжая на броневике (!), разбрасывали короны и «мешки с золотом»⁴. В ноябрьской демонстрации 1918 г. в Петрограде в шествии участвовала «колесница Свободы» – подобие римской колесницы богини Свободы, последняя выступала в белой тунике, с факелом в руке⁵.

Бытовали феминизированные образы-экзистенциалы и в праздниках российской провинции. Фигура Свободы (украшенная лентами с девизами, с красным венком на голове и цветами на груди) наряду с фигурой России (в сарафане) была центральным персонажем казанского праздника 7 сентября 1921 г. «Русская Свобода» по сценарию артистки З.М. Славяновой, постановщицы ряда казанских празднеств. Вокруг фигуры Свободы в апофеозе празднования водили хороводы участники праздника, причем Свобода, вознесенная на пьедестал, бросала из кубка, который она держала в руках, красные ленты; которые подхватывали «рабочие, крестьяне и солдаты»⁶. Такое изображение «Свободы» в казанском празднестве было связано с «деревом Свободы» периода Великой французской революции.

Казалось бы, обилие женских, вернее, феминизированных образов и их позиционирование в качестве наиболее значимых

---

³ Термин В.В. Глебкина. См.: *Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре*. М., 1998.

⁴ *Цехновицер О.* Демонстрация и карнавал. М., 1927. С. 49.

⁵ Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. Материалы и исследования. М., 1971. С. 13.

⁶ *Славянова З.М.* Рабоче-крестьянский театр. Казань, 1921. С. 19-20.

для новой, революционной культуры экзистенциалов должно было свидетельствовать о достаточно высоком статусе, предназначенном эмансипированной женщине в рамках новой культуры и нового общества. Однако этот «женский лик» раннесоветских празднеств был довольно обманчив.

Прежде всего, аллегорические женские образы чаще всего представляли не собственно российскую, а «чужую» европейскую традицию. И эти культурные образы, заимствованные из античной истории, истории Великой Французской революции, привносились в дискурс раннесоветских празднеств активно участвовавшей в их организации интеллигенцией и постепенно становились конвенциональными, узнаваемыми и «прочитаемыми» и широкими массами. На влияние символов Французской революции указывало, например, пожелание сценаристки и режиссера упомянутого казанского празднества З.М. Славяновой изображать фигуру Свободы «по картине Крэна». Кроме того, ею предлагались и другие праздники, чье родство с «общечеловеческими праздниками» Французской революции⁷ не оставляли сомнений – «Праздник в честь Матери» и «Праздник Свадьбы Города и Деревни». Еще более наглядно французское происхождение многих символов-экзистенциалов раскрывались в изображении фигуры дореволюционной России в праздничном убранстве петроградского ноябрьского празднества 1918 г. – в виде женщины в черном, рыдающей у подножия гильотины⁸. Античная и французская традиция коннотаций практически полностью затушевывали коннотации с христианской православной традицией изображения Богородицы, детали которой проглядывают в образах Свободы и Революции. К этим деталям можно отнести, например, цветы, как атрибут изображения Девы Марии. Нередка визуализация Свободы, оплакивающей павших борцов, в манере, характерной для изображения Богородицы, оплакивающей мертвого Христа. Впрочем, в последнем случае это и западная религиозная

---

⁷ Праздниками Юности, Старости, Супругов, Благодарения, Времен года, Труда, Детства и др. См.: *Тьерсо Ж.* Празднества и песни Французской революции. Пг., 1917. С. 228.

⁸ Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. С. 21.

(католическая) и общекультурная традиция, вдохновляемая в немалой степени такими шедеврами, как «Пьета» Микеланджело. Однако, вероятно, именно эта «невидимая» составляющая (прежняя культурная традиция изображения Богородицы) на подсознательном уровне во многом облегчала рецепцию «чуждых» феминизированных образов Свободы и Революции широкими народными массами.

Кстати, следует заметить почти полное «совпадение» в праздничном дискурсе первого десятилетия советской власти образов Свободы и Революции. Они практически неразличимы визуально. Да и, как показывает практика, они были довольно синонимичны в большевистском дискурсе тех лет: так, одна из главных площадей Казани, на которой разворачивались раннесоветские празднества, в начале 20-х годов неофициально именовалась в обиходе и документах обкома партии то площадью Свободы, то площадью Революции, пока в 1924 г. не было окончательно утверждено первое название⁹.

Весьма интересна с точки зрения анализа не только гендерных, но и патриотических/космополитических установок новой культуры презентация среди этих аллегорий образа России. Этот символ в раннесоветской праздничной культуре встречается нечасто и прописан весьма неясно. Например, в казанском празднестве 1921 г. обозначена лишь одна деталь внешнего вида «России» – сарафан. В дальнейшем действии она важной роли практически не играет, уступая пальму первенства «Свободе». И это неудивительно: аллегория Отечества или его более популярного в годы мировой войны феминизированного воплощения – Родины или России¹⁰, как образ на-

---

⁹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 126. Л. 5, 7об., 9; Д. 127. Л. 22, 31; Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 629. Л. 13, 15; и др.

¹⁰ В патриотических плакатах и лубках периода первой мировой войны три страны Антанты изображались в виде трех женских фигур, причем их союзу придавался и дополнительный, религиозный христианский смысл: Антанга символизировала и союз трех христианских держав – Россия представляла в образе Веры, Франция – Любви, а Великобритания – Надежды (см.: *Jahn H.T. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca, L., 1995. P. 24*).

ционального государства, был далеко не тем символом, который в те годы (с их интернационалистскими мечтами о мировой революции и о всеобщем братстве народов) чествовался на праздничных площадях.

Одним из ключевых аллегорических символов-экзистенциалов раннесоветского десятилетия (да и всей советской эпохи в целом) являлась парная фигура Рабочего и Крестьянина – символическое воплощение союза рабочего класса и крестьянства. Впрочем, в эти первые годы после революции маскулинность этого образа нередко усиливалась за счет дополнения его персоной Красноармейца, что должно было символизировать единство армии и трудового народа. Фигуры Рабочего и Крестьянина были широко представлены в раннесоветских празднествах – как непрменный элемент декорирования¹¹ либо как «действующее лицо»¹². Сам образ Рабочего / Крестьянина и его феминизированных соответствий – весьма интересный материал для анализа иерархизации (в том числе гендерной) внутри формировавшейся социальной структуры советского общества.

Пролетарий в революционной мифологии чаще всего был воплощением мужского начала, героем «металлургического мифа» – кузнецом, перековывающим этот мир¹³. Не случайно в пролеткультовской инсценировке сам «Красный Октябрь», означавший радикальное переустройство мира, выступал в образе

---

¹¹ Например, на одном из казанских плакатов, изготовленных ко второй годовщине революции в 1919 г., Пахарь и Рабочий, протягивавшие друг другу руки, символизировали свободный труд (НАРТ. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 128. Л. 48).

¹² В празднование годовщины Февральской революции в 1920 г. в Казани было решено «символизировать слияние рабочих, красноармейцев и крестьян путем обмена рукопожатиями их представителей» на площади (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 868. Оп. 1. Д. 498. Л. 3).

¹³ *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 178-180. О метафоре железа и ее связи с большевистским движением, а также об отличиях «железной героини» большевизма и Третьего Рейха см.: *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 746, 749.

Рабочего в синей блузе и с киркой в руке, пробивающего себе дорогу «железом и сталью, огнем и мечом»¹⁴. Освобожденный труд и его носитель – Рабочий непременно изображались в празднествах в полном великолепии солнечного блеска, представляя и героями нового солярного мифа¹⁵.

В этой паре Крестьянин, как правило, фигура не самодостаточная, дополняющая образ «старшего брата» – Рабочего. Появление Крестьянина в праздничной мифологии обуславливалось необходимостью продемонстрировать союз «гегемона» с сельским тружеником, лояльность которого как бы все же находилась под сомнением. В условиях же национальной республики, такой, как Татарстан, образ Рабочего – «старшего брата» Крестьянина «возводился в квадрат», поскольку это были нередко *татарский* крестьянин и *русский* рабочий¹⁶: таким образом подчеркивалась как ведущая роль в революции пролетариата, так и лидирующая роль русского для остальных народов бывшей Российской империи.

Намного реже, в основном во время празднования Международного женского дня 8 Марта, образы Рабочего и Крестьянина в праздничной мифологии заменялись их феминизированными соответствиями – образами Крестьянки и ее «старшей сестры» Работницы. Так, один из лозунгов, предлагавшихся Пролеткультом к Женскому дню 1926 г., гласил:

Работница, смычку с деревней устрой,
Будь крестьянке старшей сестрой!¹⁷.

Несколько позже этот «параллелизм» – одновременное существование маскулинного и феминизированного двуединого образа – был «снят» сотворением синтетического образа Рабоче-

---

¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1230. Оп. 1. Д. 556. Л. 40, 60.

¹⁵ В петроградской постановке 1920 г. – «Мистерии Освобожденного Труда» – в качестве центральной выступала «победоносная фигура, величавое воплощение Освобожденного Труда» (*Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 321).

¹⁶ Например, на проектах однодневных знаков к 5-й годовщине Татарской республики (НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 621. Л. 57, 59).

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

го и Крестьянки (Колхозницы). Он фигурировал уже в празднествах 1920-х гг., например, в пролеткультовской инсценировке 1925 г. – «девушка с серпом и снопом, юноша с молотом и книгами», осененные красным знаменем, как «эмблема свободы, равенства и культуры»¹⁸. Наконец, в 30-е гг. образ «Рабочего и Колхозницы» был воплощен в классической скульптурной композиции В. Мухиной, зафиксировав как социально-классовую, так и гендерную иерархию в советском обществе. Женщине в этом тандеме стабильно отводилась роль ведомой – к свету, социализму, культуре (недаром книги, аллегория Знания, как видим, выступали атрибутом мужчины). Действительно, фигурирование в каком-либо празднестве или произведении живописи или скульптуры образа «Работницы и Колхозника» представляется маловероятным. Причем, это общее место раннесоветской культуры воспроизводили и сами женщины – организаторы и участники празднеств.

Так, в упомянутом сценарии З. Славяновой «Свадьба Города и Деревни» невеста-Деревня выезжала «в деревенском алом сарафане, с венком на голове, хлебом-солью в руке (...) на телеге, убранной снопами и цветами», а жених-Город предстал в образе бравого «седого старика в красной рубахе и колпаке»¹⁹.

Разница в возрасте между «молодыми» в данном случае, видимо, должна была, опять-таки подчеркивать лидерство мужского образа – умудренность Города *versus* Пролетария, носителя классовой правды (хотя, как будет сказано ниже, старость в раннесоветской мифологии практически всегда являлась негативным качеством, приписываемым противнику).

Учитывая вышесказанное, стоит несколько уточнить справедливое наблюдение, существующее в литературе, о том, что образ женщины в мифологии первого советского десятилетия представлял собой «функциональный андрогинный идеал <...> сестры по классу, <...> шагающей бок о бок с героическими братьями в социалистическое будущее»²⁰. Равенство женских образов в раннесоветской революционной мифологии,

---

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 556. Л. 67.

¹⁹ Славянова З.М. Указ. соч. С. 24.

²⁰ Гюнтер Х. Указ. соч. С. 778.

вдохновляемой «идеалом эгалитарной братской героики»²¹, представляется несколько преувеличенным. Скорее следует согласиться с мнением о «доминирующей мужественности» в культуре – преобладании мужского идеала, мужских стереотипов мышления и поведения²², которым должен был соответствовать облик «сестры по классу».

Гендерная диспропорция просматривается не только в вышеуказанном доминировании двуединого аллегорического образа Рабочего / Крестьянина над образом Работницы / Крестьянки – как в отношении частоты употребления, так и в плане крайне ограниченного, ситуационного использования феминизированного варианта. Она видна и в манере презентации в праздничном дискурсе собирательных женских образов и мифологизированных реальных персонажей.

Представляется, что раннесоветская мифология, особенно в годы «военного коммунизма», в значительной степени унаследовала черты военной мифологии периода первой мировой войны, характерной для военного мужского сообщества с его агрессивной маскулинностью и замкнутыми, жестко очерченными иерархиями. И если влиться в реальное мужское сообщество периода войны женщина могла лишь путем отказа от пола (например, выдавая себя за мужчину), то и в рамках «эгалитарной братской героики» она должна была выступать не столько «сестрой по классу», сколько «братом». Чтобы соответствовать «андрогинному идеалу», она должна была копировать внешний облик и/или манеру поведения «братьев по классу»: размашистый шаг, мужские повадки, поведение, соответствующее мужским идеалам чести. Такие образцы были представлены, например, в ходе казанского праздника 1921 г. «Русская Свобода» в мифологизированных образах «народоволок» «Бардиной» и «Перовской»: героини инсценировки зачитывали, соответственно, речь

---

²¹ Там же. С. 743.

²² *Котылев А.Ю.* «Мальчишка, люби Революцию»: гендерный аспект развития российской культуры 1917-1933 гг. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. № 9. С. 249-250.

на суде С.И. Бардиной и письмо С.Л. Перовской, после чего мужественно всходили на виселицу²³.

Женские, женственные образы в мифологии мужского общества довольно редки, они были в значительной степени маргинальны, дистанцированы, оттеснены на периферию: либо максимально удалены от мужского сообщества и возвышены, либо максимально приближены и снижены. Первые воплощали эмоционально значимые для поддержки военного мужского сообщества извне качества – теплоту, заботу, понимание, верность, терпение. Речь идет о бытовавших в праздничном дискурсе аллегорических образах Родины и их «домашних» соответствиях – образах Матери, Жены, Невесты. Скажем, вполне соответствовали этим критериям представленные в казанском празднестве 1921 г. «Русская Свобода» мифологизированные персонажи «жен декабристов» – «княгиня Волконская» и «княгиня Трубецкая», вначале на коленях молившие власть предержавших о прощении мужей, а затем оставшиеся рядом с закованными в кандалы мужьями²⁴. Подобные «женственные» персонажи, как правило, фигуры страдательные, требующие защиты, причем, это нередко подчеркивается дополнительным образом ребенка: так, в праздничной инсценировке к 10-й годовщине Октября, поставленной в Карачеве, голодающее Поволжье символизировали фигуры женщины, ведущей за руку мальчика²⁵. Кстати, аллегорические образы Свободы и Революции в большевистском дискурсе также нередко фигурировали как объекты, нуждавшиеся в защите, в этом случае подчеркивалась женская, женственная составляющая этих символических образов. Женская сущность экзистенциалов в данном случае никоим образом не дискредитировала их – напротив, она призвана была подчеркнуть «мужественность», маскулинность их защитников.

Другие женские образы – сниженные, как правило, воплощали низменные качества и встречались чаще в презентации

---

²³ *Славянова З.М.* Указ. соч. С. 20-22. В действительности повешена была лишь С. Перовская, С. Бардина была сослана в Сибирь, откуда бежала, а позже покончила с собой в Женеве.

²⁴ Там же.

²⁵ *Цехновицер О.* Празднества Революции. Л., 1931. С. 61.

«вражеского лагеря». Так, в петроградском празднестве «Мистерия Освобожденного Труда», разыгранном 1 мая 1920 г. у Фондовой Биржи, фигурировали такие персонажи, как «матрона» и «проститутка», отплясывавшие «раболепный канкан» вокруг трона Капитала²⁶. Эти два крайних образа должны были символизировать весь спектр женских ролей в буржуазном обществе. Погруженность в лоно «буржуазной семьи» одной из них и привычка продаваться за деньги – другой обеспечивали их прочную привязанность и включенность в структуры «старого мира». Любопытно, что «доминирование мужского» в раннесоветской праздничной культуре выдерживалось даже при изображении противников, их иерархизации: так, в одной из пролеткультовских инсценировок «Суд над Красным Октябрем» Антанга изображалась в мужском облике, хотя и сниженном (в виде «трясущегося старичка во фраке и цилиндре»), а Малая Антанга – в женском («особа в польской конфедератке, в высоких сапожках, с хлыстом в руке»)²⁷.

Гендерное неравенство в мифологии раннесоветского праздника зафиксировала также дифференциация представляемых в инсценировках стандартов поведения «своих» и «чужих». «Свои» воспроизводили, как правило, поведенческие практики и стандарты, опознаваемые как «мужские» – непримиримость и бескомпромиссность, отвагу, верность военному братству, боевому товариществу, идее. Так, в казанской инсценировке 1924 г. «Гибель шестнадцати», приуроченной к годовщине Татарской республики, этими качествами наделялись «пленные красноармейцы», смело и вызывающе державшие себя в сцене допроса в штабе белых, а затем запевавшие «Интернационал» в сцене их расстрела²⁸. Напротив, стигматизируемые мужским военным сообществом поведенческие стереотипы (склонность к компромиссу, трусость, пугливость, хитрость и изворотливость) опознавались как «женские» и приписывались противнику. Феминизации образа противника служила, например, паро-

---

²⁶ *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. С. 319-320.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 556. Л. 40.

²⁸ Красная Татария. 1924. 18, 28 июня.

дийная сцена «бегства белых» в упомянутой казанской инсценировке, в которой помимо «белых офицеров» участвовали и «жены белых офицеров», визжавшие и метавшиеся с чемоданами²⁹, что подчеркивало и усугубляло «женскую» сущность врага.

Доминирование мужского в революционной культуре проявилось и в том, что в революционном пантеоне «богов» (вождей) и «героев» (борцов за свободу и мучеников революции), формировавшемся мифологией раннесоветских празднеств, женщины были представлены слабо и в основном лишь в образах «героев», вернее – героинь-мучениц (например, народоволки). На революционном же Олимпе, среди «вождей» они практически отсутствуют, если не считать К. Цеткин (редко) и Р. Люксембург³⁰, чьи образы визуализировались в ряде революционных празднеств. Однако примечательно, что обе пламенные революционерки, будучи иностранками, в сущности, российской революционной культуре не принадлежали. Их образы бытовали в ней в виде такого же заимствованного извне знака-символа, как упомянутый образ Родины-женщины, рыдающей у гильотины. К тому же Р. Люксембург в праздничной мифологии неизменно выступала в паре с К. Либкнехтом, воплощая, почти по аналогии с образом Рабочего/Крестьянки, двуединый (и, по мнению творцов этой мифологии, корректный в гендерном отношении) аллегорический образ Революционера и Революционерки. Подтверждением такого восприятия этих мифологизированных фигур и свидетельством широкого распространения трактовки образов этих немецких социалистов в качестве универсальных абстрактных образов Революционера и Революционерки может служить такой факт: в Дилижанском уезде Армении в 1922 г. к празднованию 5-й годовщины Октябрьской революции над братской могилой пав-

---

²⁹ Там же.

³⁰ Образ К. Цеткин, например, фигурировал в визуальном ряде Октябрьских празднеств 1923 г. в Казани (НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 258. Л. 34).

ших борцов был поставлен памятник Карлу Либкнехту и Розе Люксембург³¹!

Женский лик раннесоветского празднества был бы обрисован неполно, если не задаться вопросом: какие роли чаще всего отводились женщине «по ту сторону» сцены революционного празднества – его организатора, руководителя, активной/пассивной участницы, объекта воздействия праздничной мифологии?

Надо отметить, что случаев, когда женщина становилась организатором или инициатором советского городского празднества, было мало. В этом плане казанская артистка, режиссер, заведующая театральным отделом Наркомпроса Татарской Республики З.М. Славянова являла собой редкое исключение. Она не только инициировала и режиссировала, создавала сценарии первых советских празднеств в Казани, но и входила в состав некоторых губернских/республиканских праздничных комиссий, отвечая за праздничный театрально-концертный репертуар, устройство зрелищ и даже за план демонстрации³². В целом же женские имена в документах этих комиссий встречаются довольно редко, в основном это имена представительниц женотделов партийных комитетов. Серьезной роли в руководстве и организации празднеств им, как правило, не доверяли, предоставляя реализовывать решения праздничных комиссий среди женщин и детей, быть проводницами советской праздничной политики. На сохранившихся фотографиях мы не увидим женщин на праздничных трибунах, а в основном в колоннах демонстрантов, в толпе митингующих. И это было не только отражением реального статуса женщины в первые годы после революции, но и – в определенной степени, несмотря на все декларации об эмансипации женщин и усилия официальной советской идеологии, следствием неосознанного моделирования роли женщины революционной мифологией, находившейся под сильным влиянием мужских стереотипов.

---

³¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 300. Л. 34об.

³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 498. Л. 1, 1об., 3об., 7об.

Разумеется, составной частью «праздничного проекта» большевиков являлось создание образа «желаемых» зрительниц и участниц советских празднеств. И, как показано современными исследовательницами, взаимодействие между реальным и конструируемым образом женщины было теснее, чем представлялось ранее: конструкция «советская женщина», сотворенная официальной пропагандой, являя альтернативу удручающей реальности, весьма эффективно влияла на изменение и формирование облика и идентичности женщины в России тех лет³³. Праздник был прекрасным поводом «задать программу» на формирование новой, советской женской идентичности. Особенно явно это проявлялось в документах, направлявшихся ЦК Пролеткульта и другими организациями «на места» в рамках подготовки празднований Международного женского дня 8 Марта. Так, к празднованию 8 Марта 1925 и 1926 гг. Пролеткульт выдвинул следующие лозунги, предлагавшие «альтернативный» прежнему образ раскрепощенной, свободной от домашней рутины (включающей, кстати, и воспитание детей), образованной и нацеленной на социалистическое строительство и общественную жизнь женщины:

«Прошли буржуйские денечки,
Плоды побед достались нам.
Шагайте, красные платочки,
От старой жизни к светлым дням. (...)
Знают грамоту детишки –
Сядь, работница, за книжки!
Укрепляй завоеванное Октябрем
Не только демонстрациями, но и букварем! (...)
Рабства не надо, идем к жизни новой:
От кухонного чада к общественной столовой»³⁴.
«Чем жизнь прочадить над плитой нездоровой,
Обзаведись коммунальной столовой.
Чем силы изматывать стиркой горячейной,
Обзаведись общественной прачечной.

---

³³ *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 1, 205; *Chatterjee Ch.* Celebrating Women: Gender, Festival Culture and Bolshevik Ideology, 1910-1939. Pittsburgh, 2002. P. 6-7.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

Чем дома терпеть ребячий содом,
С матерями налаживай детский дом»³⁵.

И все же рядовые «красные платочки», шагавшие в праздничных демонстрациях и выступавшие в качестве «актрис» или зрительниц в театрализованных действиях, были преимущественно объектами воздействия праздничной политики большевиков. Их статус в этих торжествах – «сестер по классу», которых тянули к свету «братья», был весьма близок статусу «детей», которые в первые годы советской власти также выполняли в ходе празднеств «представительские», декоративные функции статистов.

Доминировавший в эти годы идеал мужественности сказался на презентации в праздничной мифологии и на роли в торжествах не только женщин, но и детей. Ребенок в мифологии раннесоветских празднеств, как и женщина, – существо страдающее, нуждающееся в защите.

Интересно, что символом будущего в те годы скорее выступали не дети, а юношество, не маленькие, а молодые, уже состоявшиеся и самостоятельные граждане Страны Советов. Одним из приемов изображения отрицательных персонажей в раннесоветской праздничной культуре было представление их в виде стариков, символизировавших прошлое.

Как указывалось в одной из рекомендаций по оформлению празднеств, «...сколько смешного и забавного можно придать ряду фигур и чучел, подчеркивая старческую зябкость или дрожь их от бодрящего осеннего ветра. Противопоставьте им веселую, краснощекую фигуру советского физкультурника и здесь-то и будет образное противопоставление двух миров»³⁶.

В упомянутой пролеткультовской инсценировке 1925 г. «Суд над Красным Октябрем» Антанта изображалась в виде трясущегося старичка, которого вели под руки II-й и II 1/2 Ин-

---

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 568. Л. 3.

³⁶ *Земенков Б.* Оформление советских карнавалов и демонстраций. Методическое пособие для изо-кружков города и деревни. М., 1930. С. 36.

тернационалы, зато один из положительных персонажей – Красноармеец – заявлял: «Я ведь – молодость сама!»³⁷.

Разумеется, в раннесоветской праздничной культуре можно встретить ситуационные случаи подчеркивания старости «своего» персонажа, как положительного качества. Например, в вышеупомянутом эпизоде свадьбы Города и Деревни. Или случай намеренного «состаривания» на одиннадцать лет персонажа другого казанского праздника З. Славяновой – «Памяти Парижской Коммуны», – Делеклюза: таким образом в инсценировке подчеркивался его статус как «патриарха» революции, служившего связи поколений революционеров («старый ветеран великой революции (...) Его знал весь Париж, деды, отцы и внуки»³⁸). Совершенно особый случай – представление в ходе революционного праздника, посвященного памяти Ленина (инсценировка, разосланная в 1926 г. Пролеткультом своим местным отделениям), вождя революции, с одной стороны, в виде «старика», «отца»:

«Нет, не умер, не умер Ленин, / С хитрым взглядом лучистым старик» и «Владимир Ленин умер, / Кончился старый Ильич»), а с другой стороны – в виде «юноши», «сына» («Боль такая бывает, / Когда умирает сын» и «Страшно прятать в последнюю клеть / Самого молодого / Из всех людей на Земле»).

Ленин фактически завуалированно представлен в образе Святой Троицы – в двух ипостасях «отца» и «сына» он сливался в неумирающий святой дух, символ Свободы:

«Он нам важен не как личность, / В нем слилась для нас свобода, / В нем слилось для нас стремленье, / В нем – веков борьбы гряды (...) / Он нам важен не как личность, / Он нам важен не как гений, / А как символ: / «Я не Ленин, но вот в Ленине и я». / И все будущее, весь грядущий радостный мир свободы воплотился в одном слове – Ленин»³⁹.

Однако ситуационное «реабилитирование» старости не снимало общего негативного отношения к ней в раннесовет-

---

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 556. Л. 40, 43, 55.

³⁸ *Славянова З.М.* Памяти Парижской Коммуны. Инсценировка исторических событий, лиц, речей парижских коммунаров 71 года / С предисл. проф. Сингалевича. Казань, 1922. С. 8, 22.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 132. Л. 34, 36, 41.

ской мифологии. Эту геронтофобию новой культуры, противопоставление юности и старости, вражду и презрение к старикам рассматривал на примере сталинского дискурса М. Вайскопф. Он, в частности, отметил, что «в XX веке агрессивный культ молодежи отличал общества, соединявшие авангардистский порыв с очень прочной и неизбывной аграрной традицией»⁴⁰. Х. Гюнтер подчеркивал связь культа молодости в тоталитарных культурах 30-х годов с героическим мифом, который использовался этими культурами для консервации политического инфантилизма масс⁴¹.

Однако агрессивный культ молодости в первое революционное десятилетие вытеснял на периферию революционной культуры не только уже нетрудоспособных стариков, но в значительной степени – и еще нетрудоспособных детей. Дети в те годы редко выступали в качестве символа будущего, а если и выступали – то будущего весьма абстрактного, отдаленного. Отношение к этому символу также было достаточно прагматичным, дистанцированным, лишенным демонстративного слащавого умиления более поздних советских десятилетий. В суровой раннесоветской праздничной культуре не было места миру детской. Дети воспринимались как «несовершенные взрослые», как материал, из которого следовало лепить новых людей. Как и взрослых, накануне праздника их охватывали системой праздничной политической агитации. Например, к 20-й годовщине революции 1905 г., в соответствии с требованием циркуляра ЦК ВКП(б), историю революции 1905-1907 гг. должно было изучать в партшколах и кружках практически все население – от членов партии и профсоюзов до учащихся школ⁴². Неохваченными кружковым изучением истории революции оставались не умеющие читать дети дошкольного возраста, но и им, правда, в других формах, эта история все же преподносилась. Дети школ и детских домов наряду со взрослыми шагали в праздничных колоннах (общих или отдельных) в прохладные майские и холодные ноябрьские дни, участвова-

---

⁴⁰ Вайскопф М. Указ. соч. С. 327-330, 335.

⁴¹ Гюнтер Х. Указ. соч. С. 749-750.

⁴² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1439. Л. 2-3об.

ли в ночных факельных шествиях. Так, в рамках Октябрьских празднеств 9 ноября 1918 г. в Казани была проведена «Детская манифестация»⁴³. Празднование 1 Мая 1922 г. в Татарской республике предусматривало участие в общей демонстрации учащихся начиная с восьми (!) лет⁴⁴. Единственным условием участия детей в демонстрации в первое десятилетие советской власти было наличие «хорошей погоды в день демонстрации» (то есть, отсутствие дождя, града и т.д.)⁴⁵.

Курьезно и цинично звучит одно из указаний председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкого по организации парада и демонстрации в ноябре 1922 г. на Красной площади. Заботясь о том впечатлении, которое советские праздники и внешний вид демонстрантов производят на зарубежных гостей, он требовал, «чтобы на праздничном шествии не было босоногих ребят, как в прошлые годы. Это производит удручающее впечатление, особенно при холодной погоде (...)»⁴⁶!

Только с конца 20-х – начала 30-х гг., когда стали уходить в прошлое радикальные идеи разрушения и «реконструирования» семьи и «обобществления быта», когда наметился поворот к «семейной модели» советского общества, и, соответственно, обозначились изменения в насаждавшемся пропагандой образе женщины (культ материнства), изменилось и отношение к детям. Начинается формирование «советской детской», и в нее с холодных праздничных площадей водворяются юные советские граждане. Уже согласно инструкции о праздновании 1 мая 1927 г. Ленинградского комитета ВКП(б), в демонстрации могли участвовать лишь дети с 12 лет, причем, должны были выделяться особые детские колонны. И, наконец, к Октябрю 1930 г. Накомпрос издал специальное распоряжение с категорическим воспрещением участия в празднествах детей моложе 14 лет⁴⁷.

---

⁴³ НАРТ. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 62. Л. 115.

⁴⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 485. Л. 69об.

⁴⁵ НАРТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 355. Л. 2, 6.

⁴⁶ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 163. Л. 55.

⁴⁷ *Цехновицер О.* Празднества Революции. С. 200.

Вероятно, доминирование мужского в раннесоветской праздничной культуре было связано не только с «социокультурными обстоятельствами, «востребовавшими мужчину», и с «ниспровержением ценностного культурного идеала, который был отчетливо связан с женским началом»⁴⁸. Указанный культурный идеал бытовал преимущественно в узкой городской среде интеллигенции. А основная масса городских жителей, равно как и масса крестьянского населения, одетая в солдатские шинели и оказавшаяся в первые послереволюционные годы в городах, тяготела к иному культурному идеалу, связанному с мужским, воинским началом. Последний легко сочетал религиозное поклонение христианскому феминизированному «экзистенциалу» – Богородице и пришедшим ей на смену революционным феминизированным экзистенциалам – с повседневно-бытовым принижением женщины, распространившимся и на праздничную повседневность и мифологию.

Налиествовавший «маскулинный» культурный идеал (во многом обязанный своим формированием мужскому военному сообществу периода первой мировой войны) в целом отвечал духу новой, революционной мифологии, востребовавшей образ Человека-Массы, совершенного коллективистского человека с унифицированными, «усредненными», оптимальными для строителя нового мира характеристиками – поло-возрастными, социально-психологическими и прочими. Недаром для раннесоветской праздничной культуры и ее действий столь характерны были «маски» как отрицательных, так и положительных персонажей, причем, последние представляли чаще всего именно усредненные единообразные типажи Рабочих, являющихся органичными неотъемлемыми элементами общей Массы, которая, в сущности, и была главным действующим лицом раннесоветских празднеств⁴⁹.

---

⁴⁸ Котылев А.Ю. Указ. соч. С. 250.

⁴⁹ Невыделение человека из массы, коллективизм, согласно В. Паперному, являлись одними из сущностных характеристик раннесоветской культуры – «культуры I» (см.: Паперный В. Культура «два». Ann Arbor, 1985).

Доминирование мужского в раннесоветской культуре в меньшей степени было связано с доминированием «массы» над «личностью», «коллективизма» над «индивидуальностью», узко понимаемой «нормы» над «аномалией». В рамках маскулинизированного коллективистского культурного идеала признаки, поведенческие характеристики и стандарты, характерные как для мужчины – члена военного сообщества, так и для самого этого сообщества, как самостоятельного организма⁵⁰, опознавались как «свои», «нормальные». Женщина (как, впрочем, и дети, и представители старшего поколения), оставшаяся за рамками этого сообщества, обладавшая реальными или приписываемыми ей характеристиками, опознаваемыми как «аномальные», «чужие», «несовершенные», осуждаемые «индивидуалистические», подсознательно воспринималась мифологией, построенной на маскулином начале, как вечный «чужой», как нестандартный объект, нуждающийся в «реорганизации» и перевоспитании, на который должны быть направлены культуртрегерские усилия сообщества.

---

⁵⁰ Еще Г. Лебоном, а вслед за ним и другими специалистами по психологии масс отмечены такие существенные признаки толпы/массы, как сознание своей силы и могущества, вера в вождя, способность под гипнотическим воздействием вождя (командира) к экстраординарным чувствам и поступкам (героизму или преступлению), отсутствие сомнений, колебаний и пр. (*Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1896. С. 162-193). Кстати, согласно апокрифическим свидетельствам, книга Лебона была одной из настольных книг В.И. Ленина.

Е.А. Шабатура

Образ советской женщины 1920-х годов в журналах «Коммунистка» и «Красная Сибирячка»

Какие ассоциации возникают у нас при словосочетании *советская женщина*? Как правило, вполне конкретные – работница, крестьянка, общественница. Замечу, что эти определения являются названиями самых массовых советских женских журналов, и укоренение их в нашем подсознании было обусловлено направленным идеологическим программированием. Визуальные ассоциации также задавались образами с агитационных полотен и других интерфейсов культуры. Идеология может служить предметом изучения при обращении к такому наиболее доступному и сохранившемуся типу исторических источников как массовая периодическая печать.

История советских женщин в первые послереволюционные годы всегда пользовалась повышенным вниманием со стороны как отечественных, так и зарубежных историков. В СССР было издано большое количество трудов, посвященных решению женского вопроса в первые годы советской власти¹. Выводы были предсказуемы и однозначны: в Советском Союзе достигнуто полное равенство полов, женщина в социалистическом обществе – равноправный строитель коммунизма. История женщин, таким образом, превращалась в историю партийных решений, связанных с женским вопросом. Зарубежных историков интересовала другая история – история частной жизни и моды, материнства и детства, изображения женщины в кино и конструирование новых гендерных моделей в обществе «победившего социализма»². С начала 1990-х годов

---

¹ *Большай В.Л.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; *Чирков А.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917-1937). М., 1978; *Климанская К.Е.* Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск, 1976; *Белова В.С.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1975; и др.

² *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. N.-Y., L., Toronto, 1989; *Waters E.* Child Care Posters And the Modernization of

и в российской науке появляется «полезная категория исторического анализа» – гендер. Потенциал гендерной методологии по отношению к советской эпохе оказался очень велик – были сформулированы новые проблемы, в том числе и проблема репрезентации женщин в истории. Значимым для изменения современной исследовательской ситуации оказался и новый *визуальный поворот*. Прежде рассматривавшийся как вспомогательный, иллюстративный ряд стал полноправным текстом культуры, доступным прочтению. В основном работы, которые и позволили говорить о возникновении визуального поворота, посвящены описанию образа женщины в современных СМИ³. Проблема визуальной репрезентации женщин в истории после-революционного периода стала объектом внимания в работах Т. Дашковой и А. Усмановой.

Период 1920-х годов характеризуется повышенным вниманием государственных и культурных деятелей к проецированию образа нового человека, в том числе и новой женщины, в общественное сознание, наделению этих образов характерными чертами и отождествлению их с действительностью. Социальная функция женского образа в 1920-е годы гиперболизирована, имеет декларационный характер. Новая женщина качественно отличалась от своих предшественниц – дореволюционных тружениц, образы которых также канонизировались, но в совершенно ином ключе.

Образ новой женщины в идеологическом контексте имеет две составляющие: вербальную и визуальную. Первая составляющая рассматривается на примере журнальной публицистики тех лет: статей, художественной прозы, писем и заметок читателей, опубликованных дискуссионных материалов. В качестве визуальной составляющей выступает иллюстративный материал журналов и плакаты 1920-х годов⁴. В совокупности эта

Motherhood in Post-Revolutionary Russia // "Sbornik": Study Group of the Russian Revolution. 1987. Vol. 13. P. 123-135; Swafford M. Sex differences in Soviet earnings // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. № 5. P. 45-61.

³ Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. М., 2000.

⁴ Женщины в русском плакате / Составители Л. Снопков, П. Снопков, А. Шклярчук. М., 2001.

выборка представляется вполне репрезентативной в плане отражения государственной идеологии в отношении женщин. Визуальная составляющая является важнейшей частью любой идеологии. Зрительный образ – более эффективное средство трансляции, нежели текст. Особенно актуальным данное положение было в рамках рассматриваемого периода. 1920-е годы – время низкой грамотности населения, особенно женщин, поэтому тексты с идеологической нагрузкой, публикуемые в периодике, имели не слишком большой коэффициент полезности для данной категории населения. Особое значение в деле агитации и пропаганды, которые объявлялись главными функциями для советской периодики, приобретал зрительный образ.

С учетом довольно скудного содержания текстов, зрительный материал, обладавший высокими информативными возможностями, становился главным носителем пропагандистских функций. В качестве исторического источника он приобретает статус полноценного текста культуры. Визуальный текст уподобляется вербальному, он читается в процессе разглядывания. Методология прочитывания визуального образа описана в работе Т. Дашковой⁵. Свой метод исследовательница назвала «рефлексией процесса разглядывания». Фотографии читаются двумя режимами восприятия – сначала происходит *культурная идентификация*, затем – *визуальное удивление* (отмечается то, что противоречит привычному и/или общеизвестному своей странностью, избыточностью, неполнотой или другими особенностями). Это необычное должно быть зафиксировано, описано и, где это возможно, проинтерпретировано.

Необходимость сочетания в историческом исследовании анализа визуального и вербального текстов подчеркивается и в работе А. Усмановой:

«С точки зрения гендерной истории визуальные источники иногда предоставляют больше информации для размышления историков, чем письменные документы, в которых лакун гораздо

---

⁵ Дашкова Т. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920-х – 1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационных революций XX века. Форум немецких и российских исследователей / Под ред. К. Аймермахера, Т. Бордюгова, И. Грабовского. С.103-128.

больше, по крайней мере, в том, что касается репрезентации женщин в истории»⁶.

В настоящей статье в качестве репрезентативных источников используются материалы журналов «Коммунистка» и «Красная Сибирячка», а также плакатные женские образы 1920-х гг.⁷ Периодическая печать при любой власти и любом политическом режиме является одним из основных средств идеологического воздействия и социального ориентирования. Репрезентация властных ожиданий в отношении женщин четко прослеживается при прочтении текста журнальных статей, при рассматривании и анализе иллюстративного ряда.

Журнал «Коммунистка», выходящий с 1920 по 1930 гг., представляет собой орган печати отдела ЦК по работе среди женщин и проводит официальный образ советской женщины – активной общественной деятельницы и участницы производственного процесса. Здесь печатались все распоряжения партии, касающиеся работы женотделов, статьи видных общественных деятелей, разъясняющие марксистское видение женского вопроса, материалы к дискуссиям, рецензии на выходящую литературу, некрологи и биографии видных коммунисток, передовые статьи, касающиеся важных событий в женском движении. По материалам «Коммунистки» хорошо прослеживается политика государства в отношении женщин, степень вовлеченности их в общественную и политическую жизнь, содержание женского вопроса в понимании партии, идеологическая составляющая образа новой женщины.

При своем возникновении журнал был рассчитан на две основные группы читательниц: на активную коммунистку, уже выросшую до умения организовывать массы рабочих и крестьян, и на обычную рядовую работницу, которую еще предстояло организовывать. Специальный отдел «Вопросы организации и агитации» все более расширялся и принимал характер инструктивно-руководящий, мало интересный и недоступный мас-

---

⁶ Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы. Сборник научных статей. Минск, 2002. С. 47.

⁷ Женщины в русском плакате...

совому читателю. В 1922 г. в журнале появляется даже официальный отдел со всякого рода инструкциями, положениями, отчетами и т.д. В это же время осознается необходимость издания массового журнала для женщин, более приближенного к обывательскому уровню. Таковым становится новый журнал «Крестьянка», начавший выходить в начале 1920-х годов и быстро завоевавший широкую популярность среди читателей, что укрепляет веру в успешность родственного ему по типу журнала для работниц.

Считаясь с тем, что «Коммунистка» в общем и целом знакома русским работницам, было решено именно ее реорганизовать в направлении приближения этого журнала к интересам и запросам работницы. Об этом свидетельствует №5 журнала за 1922 год⁸, по своему характеру довольно резко отличающийся от предыдущих номеров. В нем вводится литературно-художественный отдел (стихи, рассказы), усиливается отдел «переписка с читателями», оживляется отдел «среди книг», делаются попытки поставить «дискуссионный отдел». Сначала несколько неуверенно, без чрезмерной резкости, в последующих же номерах более определенно и четко прослеживается новый курс журнала. В другом номере за этот же год⁹ присутствует даже сатира с иллюстрациями, язык популярный, статьи короткие, шрифт четкий, компоновка материалов более живая.

Неожиданно происходит новый поворот.

«ЦК нашей партии приходит к мысли о необходимости создать совершенно новый журнал для работниц – “Работницу”, а “Коммунистку” оставить в качестве журнала руководяще-инструктивного»¹⁰.

Все вернулось к первоначальному состоянию – основным содержанием журнала вновь стала трактовка вопросов, связанных с работой партии среди женщин.

«Красная Сибирячка» выпускалась отделом работниц и крестьянок Сиббюро ЦК РКП(б) в Новониколаевске под заголовком «Художественно-литературный и научно-популярный журнал» с 1922 по 1939 годы. Он был ежемесячным,

---

⁸ Коммунистка. 1922. №5.

⁹ Коммунистка. 1922. №10-11.

¹⁰ Коммунистка. 1923. № 1. С. 3.

с 1929 года – двухнедельным. В нем также печатались статьи по женскому вопросу, написанные видными общественными деятелями, но здесь присутствовала местная специфика, выраженная в ориентации на провинциальную читательскую аудиторию, следовательно, в менее официозном языке статей и более популярном характере материалов. В качестве исторического источника журнал «Красная Сибирячка» представляется более репрезентативным, чем «Коммунистка». Журнал не был статичным – с течением времени он развивался, изменялись внешнее и внутреннее оформление, количественное соотношение различных материалов, переменялась также и целевая направленность на аудиторию. За всем этим стоит обновление идеологием на государственном уровне, и прослеживаются тенденции государственной политики в отношении женщин.

С самого начала существования «Красная Сибирячка» была массовым изданием, с широкой целевой читательской аудиторией. Ориентирован журнал был на работниц и крестьянок Сибири, являлся своего рода «ликбезом» для политически не просвещенных женщин, малограмотных, только начинавших втягиваться в нормальное русло жизни после революции и гражданской войны.

Характерной чертой первых номеров (1922-1923 гг.) является значительный удельный вес публикуемого литературно-художественного материала. Этот отдел занимал до 50% журнальной площади и состоял из многочисленных рассказов, стихотворений и документальных очерков. Тематика рассказов была не слишком разнообразна: зарисовки тяжелого женского дореволюционного быта, повести о героических буднях участниц гражданской войны и истории из жизни большевистского подполья. Примерно одинаковыми по объему были отделы агитационно-организационный и общественно-политический, призванные ликвидировать политическую отсталость. В них разъяснялось, какие новые права предоставила женщинам Советская власть, печатались статьи о видных партийных и революционных деятелях (в год смерти Ленина ему полностью был посвящен номер журнала)¹¹, публиковались решения партийных

---

¹¹ Красная Сибирячка. 1924. № 1.

съездов и конференций, статьи о Коминтерне и международном политическом положении. Об ориентации журнала на невысокий уровень политической грамотности читателей свидетельствует довольно примитивный язык изложения, наличие статей типа «Что такое С.С.С.Р.»¹², многочисленные лозунги, набранные жирным шрифтом и разбросанные по всему журналу. Лозунги выполняли двойную функцию: во-первых, акцентировали внимание на главной мысли статьи, во-вторых, служили ориентиром малограмотным читательницам, которые прочитывали в основном только заголовки и выделенный текст. Но уже само существование данного раздела в женском журнале достаточно красноречиво свидетельствует о тенденциях государственной политики в отношении женщин.

«Красная Сибирячка» на протяжении первых двух лет своего существования характеризуется довольно большим объемом (80-100 страниц – зачастую несколько номеров объединялись в один), а также почти полным отсутствием иллюстраций, что являлось следствием не только недостатка средств, но и общего курса на аскетизм.

В периодической печати того времени активно пропагандируются те социальные преимущества, которые дала женщине революция. Идея равенства, воплощенная в жизнь посредством нового законодательства, пропаганда преимуществ советского образа жизни находили отражение в многочисленных статьях и выступлениях различных общественных деятелей. Постоянно на первых страницах печаталась оперативная политическая информация – законы, постановления и распоряжения правительства, сообщения о государственно-важных событиях – съездах, юбилеях, празднованиях.

Фигура женщины, участвующей в построении нового общества, ставилась рядом с фигурой мужчины. Впрочем, необходимо отметить, что лозунги равенства полов в феминистском понимании этого слова (т.е. признании женщины равной мужчине по всем показателям, в чем-то даже превосходящей его) отсутствовали. Существовало особое, социалистическое понимание идеи равенства полов. Женщина – друг, товарищ и вер-

---

¹² Красная Сибирячка. 1923. № 11-12. С. 30-35.

ный помощник мужчины в деле строительства коммунизма. Подтверждением этому служат слова В. Ленина:

«В Советской республике для женщины открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским умением женщина помогала мужчине»¹³.

Еще одним отличием от феминистских текстов было отсутствие идеи о репродуктивной функции женщины как основе её закрепощения. Функция материнства в образе советской женщины изменяет свое отображение в тексте и визуальном ряду в соответствии с изменением государственно-идеологических стратегий. В первой половине 1920-х годов главным содержанием политики в отношении женщин было предоставление им всей полноты прав (в том числе и свободы репродуктивного поведения – законодательно был разрешен аборт в 1920 г.¹⁴) Кроме того, функция материнства представлялась в то время отмирающей – заботу о детях в социалистическом обществе, в соответствии с положениями марксизма, должно было взять на себя государство.

«Раз государство заинтересовано в том, чтобы каждый ребенок со временем стал ценным общественным работником, оно должно всю заботу о детях взять на себя»¹⁵.

Временно, ввиду экономической неспособности общества взять на себя воспитание всего подрастающего поколения, за женщиной оставалась ее функция матери и воспитательницы. Но проводниками социалистического воспитания (к тому же облегчающими заботу о детях) должны были стать ясли и очаги, создание которых провозглашалось одной из основных задач работы женотделов.

Во второй половине 1920-х годов появляется большое количество заметок о создании подобных детских учреждений на местах. В «Красной Сибирячке» появляются многочисленные фотографии образцовых яслей и очагов. (Например, в № 3 за

---

¹³ Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 204.

¹⁴ Об искусственном прерывании беременности // Постановления КПСС и советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 63-64.

¹⁵ Коммунистка. 1921. № 10-11. С. 26.

1927 год из 11 помещенных иллюстраций – 9 фотографий яслей и детских очагов.) *Нормализующие суждения* эволюционируют от признания за женщиной только функции воспроизведения потомства к признанию ее *естественной воспитательницей*, а роль общества в процессе воспитания ребенка – вспомогательной.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в периодической печати начинается антиабортная кампания. Публикуются статьи, в которых объясняется вред аборта, множество заметок о неудачных операциях, которые заканчивались смертельными исходами. Стали превозноситься радости материнства, печататься крупные планы детских фотографий, появляются статьи о воспитании детей¹⁶. Виднейшие деятели советского государства высказываются о необходимости ограничения или полного запрета абортов. Аргументировалось это «улучшением общих условий жизни и в особенности охраны материнства и детства, созданием сети общественного воспитания...» – так писала Н.К. Крупская в 1936 г.¹⁷ В 1920 г. в статье «Война и деторождение» она выступала за законодательное разрешение аборта, так как пока не создано сети общественного воспитания, и в условиях послевоенной разрухи вся тяжесть материнства ложится целиком на женщину¹⁸. Теперь же, к началу нового десятилетия, ситуация изменилась:

«Страна наша стала богатой, мощной и зажиточной. Выросли культурность и сознательность населения. Женщина в колхозе стала силой. Она стала общественницей... Партия и правительство окружают ребят общественной заботой, создают для них счастливое детство...»¹⁹

---

¹⁶ Можно ли наказывать ребенка? // Красная Сибирячка. 1928. № 5. С. 23; *Израилити И.* Почему ребенок играет? // Красная Сибирячка. 1928. № 1. С. 21-22.

¹⁷ *Крупская Н.К.* Крепкая советская семья // Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1980. Т. 6. С. 123-124.

¹⁸ *Крупская Н.К.* Война и деторождение // Коммунистка. 1920. № 1-2.

¹⁹ *Крупская Н.К.* Крепкая советская семья // Педагогические сочинения. Т. 6. С. 124.

В связи с общим курсом государства на увеличение народонаселения, женщина лишалась права свободного выбора, материнство становилось объектом государственной политики.

Чтобы взять под контроль эту сферу частной жизни граждан, государство прибегло к законодательному запрету. В 1936 г. появляется постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских садов и детских яслей и об усилении уголовного наказания за неплатежи алиментов»²⁰. По официальной точке зрения, постановление было направлено на охрану материнства и детства, на защиту интересов семьи и женщин и осуществлялось в соответствии с декларируемым курсом на укрепление семьи. Но оно носило репрессивный характер, заключающийся не только в запрещении абортов, но и в ужесточении уголовного наказания за неплатеж алиментов и введения новых санкций при разводе. Интересы самой семьи игнорировались: постановление было необходимо для удовлетворения потребностей тоталитарного государства.

Значительное место в журнальных публикациях на протяжении всего десятилетия занимает проблема освоения женщинами грамотности и вовлечение их в пункты ликбезов. Публикуется большое количество заметок, в основном от сельских корреспонденток, зачастую полуграмотно написанных и мало-содержательных. Цель – передать дух новой эпохи, документально подтвердить вовлечение женщин в культурное строительство. Движение за овладение грамотностью женщинами приняло широкий размах. С 1923 г. в него было вовлечено только 9% женщин, а в 1928 г. – уже 45%²¹. Новая женщина должна была быть грамотной. Пункты ликвидации неграмотности служили пропагандистским целям. Но помимо новых, для агитации использовались и традиционные формы досуга,

---

²⁰ Постановления КПСС и советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 264-272.

²¹ Шевцова О.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1926-29): Автореф. дисс... канд.ист.наук: 07.00.02 / Алтайский гос. университет. Кемерово, 1999. С.21.

переделанные на новый лад: красные посиделки, кружки рукоделия, кружки кройки и шитья. Эти традиционные женские собрания использовались женорганизаторами для бесед и чтения лекций, поскольку делегатские собрания в деревне имели еще меньшую эффективность, чем в городе. Избрание делегатской воспринималось как лишняя нагрузка:

«Когда меня выбрали делегаткой, я очень сильно обиделась на тех, кто выставил мою кандидатуру»²².

Собрания, как свидетельствуют письма селькорок, зачастую не проводились, а если и были, то делегатки на них не являлись. Кружки же домоводства в глазах деревенских и городских жительниц имели практическую пользу, посещались охотно.

Идеология находит новые пути воплощения. Радикализм революционных воззваний сменяется более опосредованными формами взаимодействия с действительностью, и это отражается на материалах журнала. Он меняет свой облик. В 1926 г. появляется цветная обложка и новые рубрики: «Что должна знать мать», «Советы врача», «Советы по хозяйству», «Страничка костюмов».

«Рукоделье – не пустая забава. Уметь вышить полотенце, вывести узоры на платье, сшить красивую одежду, это значит, проводить некоторую частицу культуры в свою семью»²³.

Идеология приобретает более «прикладную» форму: портрет Ленина в качестве узора для вышивания, пионерский уголок вместо икон старорежимной мамы, новые советские частушки и колыбельные песенки.

Начиная с 1926 года в журнале появляется множество фотографий. Сначала по большей части это групповые снимки проводившихся конференций и съездов общественниц, тружениц советов. Публикация их преследовала определенную цель – показать массу женщин, пробужденных к жизни советской властью. Вторая половина десятилетия приносит новые сюжеты на страницы журналов. В № 4 «Красной Сибирячки» за 1928 год была опубликована просьба редакции не присылать больше снимки групп, конференций и съездов.

---

²² Красная Сибирячка. 1927. № 2. С. 10.

²³ Красная Сибирячка. 1928. № 4. С. 22.

«Редакция нуждается в живых интересных снимках вроде тех, что помещены в данном номере журнала: “Беседа о займе”, “Работницы мылзавода за работой”, “На тракторе”, “Обсуждают план посевной работы”»²⁴.

Появляются фотографии отдельных делегатов и коммунисток – таким путем индивидуализируется образ героини журнала – крестьянки, работницы, общественницы.

Смена идеологических установок прослеживается и на материалах плакатов. Декларационный характер женского образа, преобладающий в первой половине 1920-х, во второй половине десятилетия сменяется демонстрационным, в плакате появляются «бытописательские» сюжеты, затрагивающие, как правило, трудовую деятельность женщины.

Фотографии в журналах начинают играть роль лозунгов – в краткой выразительной форме отражается объемное содержание. Особенно эта функция лозунга присуща журнальным обложкам. По своему значению они приближаются к плакатному искусству. Обложка журнала проецирует все предписываемые идеологией черты новой женщины и ее роли. Например, рисованная обложка журнала за 1928 год программирует сразу три образа советской женщины: 1) делегатка – просветительница – активистка; 2) труженица – крестьянка – работница (в одном лице, поскольку присутствуют атрибуты и крестьянки – сноп и серп, и работницы – фартук и «рабочая» косынка; 3) мать (самая маленькая фигура по сравнению с остальными, на заднем плане). Четко прописываются образы крестьянок, через улыбающееся широкое лицо передается ситуация трудовых будней. (Позже появляются фотографии на обложках, главными героями которых были не сами женщины, а их роли, поэтому стали необходимы подписи). В современных женских журналах *девушка с обложки* играет роль идеала, к которому нужно стремиться. В журналах 1920-х годов женский образ на обложке выражал правду жизни, проводя своеобразную рекламу нового типа советской женственности. Главную роль в идеологии в конце 1920-х гг. продолжала играть вербальная составляющая, текст.

---

²⁴ Красная Сибирячка. 1928. № 4. С. 24.

«Представлять нечто... означало «говорить об этом» т.е. словесно формулировать свои идеи – визуальные формы еще только начали формироваться»²⁵.

На основании журнальных текстов выводятся основные составляющие социального статуса женщины, насаждаемые сверху и вербально программируемые. По материалам статей четко прослеживаются два образа: положительный и отрицательный. Героиня социалистических будней – в первую очередь активная общественница, в городе – работница, в деревне беднячка или батрачка. Общественное благо для нее важнее собственного, своей семьи. Она много работает, домашним хозяйством ей заниматься некогда, поэтому оно у нее на последнем месте. Она окончательно порвала с условностями старого быта, прежде всего с религией. Она активно просвещается, посещает пункты ликбеза, организует кружки, постоянно имеет какую-нибудь общественную нагрузку (организация сбора пожертвований горнякам Англии, участие в кружке Осоавиахима, шитье одежды для беспризорников, распространение облигаций государственного займа, подготовка доклада на делегатском собрании и т.д.).

Антигероиня – образ более сложный. В городе это неактивная домохозяйка или дама непролетарского происхождения, не приспособившаяся к реалиям нового времени. В деревне это кулачка или середнячка. Если крестьянка бедняцкого происхождения, но выступает на собраниях против каких-либо нововведений советской власти, то это подкулачница. Женщина, не участвующая в общественной жизни, продолжающая ходить в церковь и придерживаться традиций – персонаж также отрицательный. Негативной характеристикой становилось и домоводство. Если хлопоты по хозяйству мешали общественной работе, то на второй план отойти должны были именно они.

Пропагандировавшееся в скором времени освобождение женщины от «оков домашнего рабства» проходило вовсе не так быстро, как это представлялось идеологам нового быта. Это приводило к конфликтам внутрисемейных и внесемейных ролей женщины.

---

²⁵ Дашкова Т. Указ. соч. С. 112.

Образец решения проблемы совмещения женских ролей приводится в заметке «В коммуне “Соха и Молот” – культурное хозяйство»²⁶:

«Женщина у нас, благодаря коллективной работе, освобождена от домашних забот. Работа по хозяйству распределена справедливо между всеми, смотря по знаниям и по способностям. Часть женщин наблюдает за коровами и свиньями, любят свое дело, ведут его культурным образом, по слову науки. Другая часть женщин занята на общей работе: стирка белья, дежурства на кухне так далее. Возиться с детьми коммунарам не приходится: ребятишки воспитываются у нас в детских яслях и ухаживают за ними женщины поочередно... Товарищи-крестьянки, вот где лежит наш путь к полному раскрепощению себя от домашних забот и работ! Этот путь – коллектив».

Даже если названный колхоз существовал на самом деле, вряд ли действительность была столь радужна. Это зарисовка проективного типа – реклама преимуществ, к которым ведет приобщение к коммунистическим идеалам. Рекламирование советской действительности в периодической печати – феномен, который заслуживает отдельного подробного описания. В рамках рассматриваемого вопроса этот сюжет играет значительную роль. По материалам опубликованных писем и заметок можно сформировать представление об одобряемой модели поведения. Письма дают описание конкретных примеров воплощения идеологической риторики в жизнь. Работа делегатов и общественниц по созданию клубов, яслей, кооперативных предприятий находит самое широкое отображение в публикуемом материале. Описанные эпизоды проектируются в качестве образцов для подражания – типичный для рекламы ход.

По журнальному материалу можно выделить и образцы женской карьеры. Неграмотная девушка-крестьянка беременеет от «инструктора», отец выгоняет ее из дома, она едет с парнем в город, рождает ребенка, поступает на рабфак и триумфально приезжает на каникулы в родную деревню²⁷. Сценарий счастливой женской судьбы дан в рассказе «Бабий сарафан»²⁸.

---

²⁶ Красная Сибирячка. 1928. № 1. С. 19.

²⁷ *Алтайская Е.* Настя-рабфаковка. Рассказ // Красная Сибирячка. 1927. № 6. С. 6-7.

²⁸ Бабий сарафан // Красная Сибирячка. 1928. № 9. С. 19-20.

Анисью выбрали председателем сельсовета, на домашние хлопоты времени совсем не оставалось, за хозяйством следил муж. Когда он напился и начал хулиганить, Анисья на 5 суток посадила его в тюрьму. Оттуда он вышел, осознав общественную значимость своей жены, да и она поняла, что хозяйство нуждается в ее участии. Они разделили хлопоты по хозяйству, и все у них наладилось.

Так пропагандируются социальные преимущества, которые дала женщине революция. Главные из них – превращение женщины в полноправного члена общества, равенство с мужчиной, не только политическое, но и семейное, бытовое. Происходит постепенная трансформация общественного сознания и бытия под влиянием идеологических установок. Повышение социально-экономического статуса женщины в обществе и семье сопровождалось функциональными изменениями. Значительно изменились отношения между мужем и женой. Казалось, гендерный барьер был сломан, благодаря облегченному социализмом вхождению новой женщины в мужской мир.

Преображение фигуры женщины достигалось приданием ей маскулинной внешности. Изображения советской женщины преобразовывали традиционные гендерные роли, чтобы создать ни на что не похожий образ новой женственности.

Репрезентация идеологии в отношении новой советской женщины в тексте и визуальном ряду – особый культурный феномен. Изучение его дает возможность определить и понять, какой хотели видеть женщину, и каким образом эти властные репрезентации насаждались в обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	5
Рубрика «Брак, семья, любовь»	
<i>Павлов А.А.</i> Брак: любовь или добродетель (античные этюды)	7
<i>Павлов А.А.</i> Физиология любви Лукреция	28
<i>Сванидзе А.А.</i> Супружество в мире исландской саги	61
<i>Крылова Ю.П.</i> Жоффруа де ла Тур Ландри: «и задумал я написать книгу...»	81
<i>Дюндик Н.В.</i> Семья и брак в жизненном пространстве французского аристократа первой половины XVIII века	106
<i>Солодянкина О.Ю.</i> Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги	123
<i>Шлюмбом Ю.</i> Детство в Германии: проблемы социализации и воспитания в 1700-1850 гг.	162
<i>Шемякина О.Д.</i> Символы культуры и женское счастье: история любви московской обывательницы	181
<i>Веремченко В.А.</i> Межконфессиональные браки в России во второй половине XIX – начале XX вв.	202
<i>Котлова Т.Б.</i> Замужество и развод в жизни горожанки на рубеже XIX-XX веков.	242
Рубрика «Гендерный ракурс социальной истории»	
<i>Смирнова О.П.</i> Култ Весты в римском обществе: зеркало и модель	261
<i>Чернова Л.Н.</i> Business-women средневекового города (на материале Лондона XIV-XVI вв.)	284

<i>Кириллова Е.Н.</i> История о не-гендерном конфликте: реймские колпачники в 1576-1581 гг.	305
<i>Крючкова Н.Д.</i> Светское общение как средство самореализации аристократок в средневикторианской Англии	318
<i>Еремеева С.А.</i> Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин	340
<i>Королева Т.В.</i> Феномен «социального феминизма» в истории французского женского движения начала XX века	367
<i>Денисова Л.Н.</i> Русская крестьянка в XX веке	382

Рубрика «Модели поведения: нормы и девиации»

<i>Курилов М.Э.</i> О ритуально-обрядовом характере женской агонистики в классической Спарте	405
<i>Суприянович А.Г.</i> Слезы рыцаря: штрихи к представлениям о мужественности в средневековых рыцарских романах	418
<i>Зеленина Г.С.</i> Свидетельства иностранцев XVI-XVII веков о москвичах-содомитах	440
<i>Буланакова М.А.</i> Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации социального опыта знатной женщины (с публикацией писем)	460
<i>Вишленкова Е.А.</i> Норма и девиация в Казанском университете в первой половине XIX века	496
<i>Голикова С.В.</i> «Стариковское дело» и «бабья повинность»: уральские материалы XIX века о снохачестве	518
<i>Креленко Н.С.</i> Личность в контексте эпохи: казус Марии Башкирцевой	530

Рубрика «Гендер и культура»

Шнырова О.В.

Культурные репрезентации суфражизма 549

Школьников И.А.

Мужской суфражизм в Великобритании:

риторика и репрезентации 571

Котылев А.Ю. Рената и Черубина:

гендерный аспект театрализованных ситуаций

в российской культуре начала XX века 592

Котылев А.Ю. «Мальчишка, люби Революцию...»:

гендерный аспект развития российской культуры 1917-1933 гг. 621

Мальшева С.Ю.

Раннесоветская праздничная культура в гендерной перспективе ...658

Шабатура Е.А.

Образ советской женщины 1920-х годов

в журналах «Коммунистка» и «Красная Сибирячка» 677

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *С. В. Брылев*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. Сайт: biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 504-47-95, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 26.05.2007. Формат 60×88^{1/16}.
Усл. печ. л. 43. Печать офсетная. Тираж 800 экз. Заказ № 4150

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

1. «Библио-Глобус», 101990, ул. Мясницкая, 6. Сайт: biblio-globus.ru
2. Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
3. Магазин «Православное слово». Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
4. «Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60
6. Магазин «Московский книжник», ул. М. Ульяновой, д. 17, корп. 2.
Тел. (495)131-11-38
7. «Паолине», ул. Б. Никитская, 26/2. Тел. (495) 291-50-05
8. Магазин РГГУ «Гуманитарная книга», Миусская пл., 6. Тел. (495) 973-43-01
9. Магазин «Гнозис». Тел. (495) 247-17-57
10. Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
11. Книжная лавка при Литинституте, Тверской бул., 25. Тел. (495) 202-86-08
12. Магазин «Музыкальный парк», Новочеркасский б-р, д. 41, корп. 1
13. Магазин «Гиляе». Тел. (495) 332-47-28
14. Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 504-47-95, 629-88-21
15. Сеть магазинов «Букбери». Тел. (495) 240-48-09, 240-48-67
16. Галерея книг «Нина», ул. Бахрушина, 28. Тел. (495) 959-21-03
17. Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
18. «Новое книжное агентство», ул. Покровка, 27. Тел. (495) 916-28-14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1. Магазин «Историческая книга», ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37
2. «Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ,
Университетская наб., 11. Тел. (812) 328-95-11
3. Магазин «Классное чтение», 6-я линия В. О., 15. Тел. (812) 328-61-13
4. Книжный салон РНБ «Дом Крылова», ул. Садовая, 18. Тел. (812) 310-44-87
5. «Дом книги», Невский пр., 62
6. Магазин «Слово», М. Конюшенная, 9. Тел. (812) 571-20-75
7. Магазин «Гуманитарная книга», 1-я линия В. О., 42. Тел. (812) 323-54-95
8. Магазин «Перемещенные ценности», 2-я линия В. О., 27
9. Магазин «Подписные издания», Литейный пр., 57
10. Магазин «Культпросвет», ул. Пушкинская, 10
11. Книжная лавка писателей, Невский пр., 66
12. Магазин «Золотой лотос», ул. Пушкинская, 9

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Дом книги», ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Дом книги», ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

<http://www.top-kniga.ru>. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

В сборнике представлены научные статьи, освещающие гендерную историю общества. На большом конкретно-историческом материале — от античности до современности рассматриваются модели распределения власти между полами, формы их фиксации и передачи, способы, условия и причины их трансформации, степень влияния в этом процессе личностных факторов.